Е. В. Вершинин

Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII вв.

ДЕМИДОВСКИЙ ИНСТИТУТ

Научно-производственное объединение
«СЕВЕРНАЯ АРХЕОЛОГИЯ–1»

Демидовский институт благодарит
Георгия Петровича Визгалова
за финансовую поддержку
выпуска в свет этой книги

Е. В. Вершинин

Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI – XVII вв.

Екатеринбург
2018

РЕДКОЛЛЕГИЯ:
ответственный редактор
доктор исторических наук
А. С. ЧЕРКАСОВА,
кандидат исторических наук
Н. Г. ПАВЛОВСКИЙ

РЕЦЕНЗЕНТЫ:
профессор, доктор исторических наук
Е. М. ГЛАВАЦКАЯ,
профессор, доктор исторических наук
В. В. ТРЕПАВЛОВ

Вершинин Е. В.

В 37 Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI — XVII вв. — Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. – 504 с.: ил.

ISBN 978-5-87858-023-6

В книге рассматривается многосторонний процесс ранней русской колонизации Северо-Западной Сибири, положивший начало включению в состав России и других регионов Сибири. В колонизационном движении закономерно выделена направляющая и контролирующая роль государственных органов власти, рассмотрение управленческой практики которых показывает бесперспективность противопоставления «правительственной» и «вольнонародной» линий колонизации.

В монографии исследованы историко-архитектурная сторона развития северных городов в XVII в., водные средства передвижения и численный состав первых русских колонистов. В значительной мере уточнена фактическая канва событий, связанных с сопротивлением коренных народов наступлению русской колонизации. Сделаны выводы о специфике колонизации Сибири по сравнению с синхронными колонизационными практиками европейских стран в Новом Свете.

Книга адресована историкам, преподавателям и учащимся школ и вузов, а также всем, интересующимся историей России.

© Вершинин Е. В., 2018
© Демидовский институт, 2018
© НПО «Северная археология–1», 2018

ISBN 978-5-87858-023-6

Памяти моих родителей —
Валентины Прокопьевны
и Владимира Федоровича

ВВЕДЕНИЕ

Современная территория Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов занимает площадь в общей сложности в 1 304 051 кв. км. В процентном отношении ко всей территории Сибири (без Дальнего Востока) это составит 9,5%, а от общей территории Российской Федерации — немного менее 8%. По данным переписи 2010 г., в ХМАО и ЯНАО проживало 2153 тыс. человек, из них русскими себя признали 1286 тыс. человек (всего русского населения в пределах Российской Федерации на 2010 г.— 111 млн человек). Это до сих пор малозаселенные районы тайги, лесотундры и тундры (основная часть населения проживает в городах). Наиболее многочисленными из коренных народов двух округов являются ханты (28,5 тыс. человек) и ненцы (чуть более 30 тыс. человек).

В историко-географическом аспекте территория нынешних двух округов известна как Северо-Западная Сибирь, ранней русской колонизации которой и посвящена данная работа. Если ориентироваться на административно-территориальное деление XVII столетия, то под Северо-Западной Сибирью автор понимает территории «беспашенных» уездов — Пелымского, Березовского, западную часть Мангазейского, Сургутского, Нарымского и Кетского.

Относительно задач исследования следует сказать, что они видятся в традиционном для многих историков позитивистском ключе: воссоздать и показать на фактическом материале многосторонний процесс первоначального проникновения и оседания на колонизуемой территории славяно-русского населения и процесс

адаптации догосударственных автохтонных обществ Северо-Западной Сибири к социальным и культурным порядкам, внедряемым властными структурами Русского централизованного государства и наглядными образцами практик жизнедеятельности колонистов. Все остальные вопросы, обозначенные в исследовании, являются конкретизацией этих двух основных задач.

Часто употребляемые в работе определения «ранняя» и «первоначальная» колонизация Сибири выступают в данном контексте как синонимы; автор подразумевает под ранней колонизацией временной отрезок с конца XVI по конец XVII вв. Не предлагая определений более поздних стадий колонизационного процесса, полагаем необходимым указать лишь на те черты ранней колонизации, которые отличают этот этап от последующих.

Ранняя колонизация характеризуется созданием «на пустом месте» поселений колонистов, копирующих поселения метрополии. Города и остроги, основанные в XVII в. как военно-административные центры и являвшиеся анклавами русских колонистов в аборигенном окружении, доказали (по большей части) в перспективе свое удачное географическое местоположение и возможности экономического роста. В политическом аспекте ранняя колонизация сопровождается разведочными походами и военными экспедициями, имевшими цель приведение в подданство России безгосударственных сообществ народов Сибири. Другое дело, что в зависимости от уровня развития конкретного сибирского социума, его близости к «первобытности» (и, значит, степени сопротивляемости любому «чужому») русский колонизационный процесс мог иметь кровавые тона, но после включения в состав Русского государства сибирским народам гарантировалась спокойная жизнь в привычном для них хозяйственно-культурном стиле. Географические пределы Сибири и Дальнего Востока по достижении их отрядами казаков и промышленников (выход к Тихому океану) ограничивают этап ранней колонизации рубежом XVII–XVIII в. Впрочем, в отношении Чукотского полуострова можно утверждать, что он продолжался до второй половины XVIII в., когда прекратились военные столкновения между русскими и чукчами[1]. Начальная колонизация создала сеть основных транспортных коммуникаций (прежде всего, водных), которые связывали русские анклавы в Сибири и колонистов в целом с Европейской Россией. В течение столетия русские крестьяне и служилые люди создали в Сибири земледельческие районы, переместив акцент с промыслового освоения на хлебопашество, что заложило основу будущей хозяйственной жизни края. Со второй половины XVII в. можно говорить о складывании в северной зоне Западной

Сибири русского старожильческого населения, генетически восходящего к переселенцам первой волны колонизации. Таким образом, ранняя колонизация — это присоединение новых территорий, сопровождаемое созданием анклавов колонистов в аборигенной среде и начальной деятельностью по освоению ресурсов этих территорий. Очевидно, что при сравнении первоначальной колонизации русскими Сибири, испанцами Южной Америки и англичанами и французами Северной Америки универсального понятия «ранняя колонизация», применимого к разным частям мира, создать невозможно; различий в колонизационных процессах, видимо, больше, чем схожестей[2].

Сам термин «колонизация» в отечественной историографии XIX–XX вв. претерпевало определенные содержательно-смысловые метаморфозы. Историки середины XIX — начала XX столетия отталкивались от первоначального смысла латинских слов *colere* (возделывать; населять) и *colonia* (аграрное хозяйство; город, основанный переселенцами). Подчеркивая значение колонизации в истории Руси–России, С. М. Соловьев и В. О. Ключевский имели в виду прежде всего переселенческо-хозяйственный смысл колонизации и сопутствующий ей рост государственной территории. Именно в смысле хозяйственного освоения и строительства городов употреблял термин «колонизация» П. Н. Буцинский: «Нетрудно было покорить Сибирь: достаточно было похода славного Ермака с горстью отважных казаков, чтобы разрушить Сибирское царство — эту первую и довольно серьезную преграду распространению за Уральским хребтом русского владычества, русской колонизации и русской культуры»[3]. Исключая из поля колонизации политический и культурный аспекты, П. Н. Буцинский видел содержание колонизации в переселении русского этноса на новые земли и хозяйственном освоении им сибирских природных ресурсов. Показательно и само название труда ученого, в котором присутствуют однокоренные слова «заселение» и «насельники» (последних мы сейчас назвали бы «колонистами»).

Немного ранее появился труд Н. М. Ядринцева «Сибирь как колония» (1882 г.). Что касается исторической части этого исследования, то она, за исключением, может быть, статистических материалов по XIX в., особой ценности не представляет. Трудам сибирских историков областнического направления (А. П. Щапова, Г. И. Потанина, С. С. Шашкова, Н. М. Ядринцева) верную оценку в одной из своих работ дала Н. А. Миненко: «Для... названных авторов фактический материал имел второстепенное значение: он призван был подкрепить сформулированные заранее концепции»[4]. Несмотря

на излишнюю риторику, в труде Н. М. Ядринцева привлекают размышления о статусе Сибири в составе Российской империи. В русле компаративного подхода Н. М. Ядринцев попытался определить характерные черты английской и испанской заморских колонизаций и русской континентальной колонизации Сибири. Проводя аналогии с иностранными «земледельческими колониями», ученый замечает: «В частности же, жизнь и история колоний до бесконечности различествует. Каждая нация создавала свой тип колоний и вела свою колониальную политику»[5]. 300-летнюю историю присутствия русских в Сибири Н. М. Ядринцев делил на несколько периодов: «Рассматривая периоды пережитой сибирской истории, мы видим период завоеваний, покорений, усмирений, бунтов, далее период колонизации, заселения, самоустройства и обзаведения, затем период искания богатств, увлечения ими, период эксплуатации даров и запасов природы, еще позднее наступает период культурного земледельческого развития и слагающейся гражданственности, но мы не видим еще пока периода духовной жизни народа»[6]. Таким образом, в схеме Н. М. Ядринцева колонизация означает только первоначальный процесс переселения и оседания выходцев из Европейской России на новых территориях, причем этот период, видимо, не выходит за рамки XVII в. Успехи в развитии русского землепашества в XVII в. Н. М. Ядринцев не заметил, хотя в целом относил Сибирь к «земледельческим» колониям.

К числу наиболее значимых дореволюционных работ по истории русской колонизации относится исследование Д. И. Багалея (1887 г.), посвященное освоению южных степных окраин Европейской России русскими и украинскими переселенцами в XVI–XVIII вв. Введя в научный оборот большой фактический материал, Д. И. Багалей кратко высказал свое понимание колонизационного процесса. В движущих силах колонизации ученый различал правительственную инициативу и народную колонизацию: «Моя история окраин является в сущности историей государственного начала в его историческом развитии... Но не всегда колонизация носила такой государственный характер; нередко правительство являлось только силою направляющею и регулирующею, а инициатива переселений принадлежала самой народной массе»[7]. Д. И. Багалей выделял военную и мирную стороны колонизации, но не считал, что они обязательно следуют в хронологической последовательности: «Кроме постройки городов, русская государственная колонизация выражалась здесь в еще основании селений, в организации сторожевой и станичной службы и в раздаче разным лицам земельных угодий неопределенной величины... Но одною военной колонизацией дело

не могло ограничиваться: рядом с нею должна была существовать мирная, преследующая сельскохозяйственные и промышленные интересы»[8].

Можно с уверенностью утверждать, что акторы русского колонизационного процесса, формы и методы колонизации были определены еще дореволюционной историографией и, при сохранении терминологии и смещении акцентов, перешли в историографию советского периода. Так, Д. И. Корсаков в работе «Об историческом значении поступательного движения великорусского племени на восток» (1889 г.) уже для XII–XV вв. выделял четыре вида колонизации — вольно-народную, промышленно-торговую, княжеско-военную и церковно-монастырскую. Все эти потоки колонизации с XVI в. подчиняются выросшей из княжеско-военной правительственной колонизации, при этом сохраняя свою специфику. Виды колонизации, таким образом, являлись проекцией тех социальных сил, которые инициировали то или иное колонизационное движение[9].

Связующим звеном между достижениями дореволюционной историографии и изучением ранней колонизации Сибири в советский период явилось творчество С. В. Бахрушина. В 1920–40-х годах термин «колония» в исторических трудах сохранился, но приобрел, ввиду резко осуждаемых марксизмом колониальных практик европейских стран, негативный смысл. К чести С. В. Бахрушина, ему удалось в своих работах данного периода в основном выдержать нейтральный тон в оценках колонизационного процесса, в то время, как идеология требовала оценивать многогранный процесс колонизации как однозначное проявление завоевательной и «колониальной» политики русского царизма[10]. «Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.», вышедшие в 1927 г. и названием отсылающие к исследованию Д. И. Багалея, как бы «проглотили» отрезок времени, решающий для общественной и экономической жизни страны. С. В. Бахрушина считают создателем концепции о ведущей роли торгово-промысловой колонизации на этапе раннего освоения Сибири, попутно критикуя за игнорирование массовой крестьянской колонизации. Концепция С. В. Бахрушина родилась, видимо, из осмысления теории историка-марксиста М. Н. Покровского о ведущей роли торгового капитала в экономическом развитии России, взглядов В. И. Ленина на значение процесса складывания всероссийского рынка и неоспоримых свидетельств источников по ранней колонизации Сибири. Аксиоматично, что колонизация Сибири русскими началась с ее северных частей, непригодных для создания земледелия; развитие крестьянского пашенного земледелия

в более южных зауральских уездах резко активизируется и приобретает массовый характер лишь с 1620-х гг. Для территорий «непашенных» уездов, являющихся объектом данного исследования, промысловая колонизация, разумеется, всегда доминировала над любой иной в течение всего XVII в. Мне вообще непонятен спор о приоритетах промысловой и земледельческой колонизации, поскольку деятельность их носителей протекала в районах с разными природными ресурсами и климатическими условиями. Со временем развитие собственного хлебопашества в Сибири стало условием дальнейшего продвижения промысловой колонизации на восток. В итоге промысловая колонизация — явление значительное, но относительно кратковременное, укладывающееся в рамки XVII в.; земледельческое освоение Сибири стало стержнем последующих колонизационно-переселенческих процессов.

Как видно, термины «колонизация» и «колонист» давно используются в специальной отечественной литературе. В настоящее время, по моим наблюдениям, эти слова уверенно вошли в лексикон историка-сибиреведа, а вот слово «колония» в отношении Сибири употребляется преимущественно принципиальными сторонниками существования на зауральских землях колониального режима. Применение этого слова поневоле «режет слух» большинства отечественных исследователей, вызывая, видимо, ассоциации с колонизационными процессами в обеих Америках и соответственно — с трактовкой колонии как сырьевого ресурса метрополии, которая проводит политику истребления и дискриминации коренных обитателей «новых земель». Поэтому в современной историографии Сибири пара «колония — метрополия» встречается нечасто; есть *метрополия и колонизуемые земли, колонизация и колонизационная* (но не колониальная) *политика* правительства. Наверное, будет правильным отметить, что часть исследователей-историков и в еще большей мере — общественных деятелей и политиков (особенно национальных элит) ставят знак равенства между понятиями «колонизация» и «колониальный режим»[11]. Между тем, содержание этих дефиниций совсем не идентично, в связи с чем всегда возникала необходимость в определении форм и методов колонизации Сибири.

Как известно, историки советской эпохи, отказываясь от господствовавшего в историографии 1920–1940-х гг. термина «завоевание» (неудобного для новых идеологем социализма), к 1960-м гг. остановились на слове «присоединение»[12]. В процессе подготовки многотомной «Истории Сибири» В. И. Шунков написал ряд проблемных статей, в которых обозначил и вопрос о характере вхождения сибирских территорий в состав России. Он писал: «...Следует,

очевидно, признать оправданным господство в нашей литературе термина «присоединение», который, по мнению историка, включает в себя «явления различного порядка (завоевание, мирное присоединение, добровольное вхождение)»[13]. Термина «колонизация» В. И. Шунков избегал, как и авторы соответствующих разделов 2-го тома «Истории Сибири». Показательна четкая фраза В. А. Александрова, отразившая и терминологию, и взгляды историков того времени: «...Присоединение различных районов Сибири находилось в прямой зависимости от интенсивности русской народной колонизации, заселения и хозяйственного освоения русскими переселенцами сибирской земли»[14]. Таким образом, «присоединение» сибирских территорий ставилось в зависимость от их заселения и хозяйственного освоения русскими, а «колонизация» подчеркивалась как «народная». Само русское население, пришедшее в Сибирь, обозначается исключительно словом «переселенцы». За всем этим осторожным подбором терминологии проглядывает, как мне представляется, очевидная тенденция — боязнь использования слов «колонизация» (в широком смысле) и «колонисты».

Содержание термина «присоединение» в указанном выше (широком) смысле оспорил в недавнее время А. С. Зуев. Он считает, что «„присоединение" — это политико-правовой акт включения „чужой" территории и народа в состав какого-либо государства... и в таком смысле его нельзя, как это делалось в советской историографии, смешивать с процессом хозяйственного освоения (или колонизации) территории, то есть процессом создания на ней определенной экономической системы»[15]. Таким образом, присоединение является более или менее кратковременной акцией, за которой следует оседание колонистов на новых землях и создание ими определенного типа хозяйствования (хотя А. С. Зуев делает оговорку, что экономическое освоение могло иногда опережать акт присоединения). Кроме того, А. С. Зуев выделяет еще одно понятие, отдельное от присоединения; это — процесс интеграции (видимо, присоединенных территорий и народов), который имеет разные аспекты (политико-административный, социально-экономический, культурный, религиозный). Соглашаясь во многом с рассуждениями А. С. Зуева, я не согласен с ограниченной трактовкой колонизации как процесса только хозяйственного «приручения» колонистами новых территорий. Более продуктивным является расширительное понимание и «присоединения», и «колонизации» Сибири. По поводу первой дефиниции представляются совершенно корректными соображения Н. И. Никитина: «Интересы науки никак не пострадают, если, скажем, историки будут рассматривать включение Сибири в состав

России в целом как «присоединение» и одновременно, излагая ход связанных с ним событий, определять их как «завоевание» или, допустим, «мирное вхождение» применительно к конкретным народам и регионам»[16]. С моей точки зрения, и «присоединение», как политический акт распространения суверенитета Русского государства на новые территории, и хозяйственное (аграрное, зверопромышленное и пр.) их использование одинаково входят в широкое поле понятия «колонизация».

Интересны размышления П. Ю. Черносвитова о колонизации северных территорий славяно-русским населением. Он предлагает четко разделять понятия «освоение» и «колонизация». Под освоением территории П. Ю. Черносвитов понимает «такой процесс, при котором приходящее на некую территорию новое население, даже если оно привносит на нее новый тип хозяйствования, само использует плоды своего труда, то есть строит... самодостаточную систему хозяйствования (систему энергоснабжения)». Напротив, колонизация территории — это такой процесс, при котором новое население использует энергоресурсы территории не столько для самоснабжения, сколько для снабжения ими территории своего исходного обитания, то есть метрополии[17]. Другими словами, при колонизации происходит перерасход ресурсов, имманентно присущих данной территории, что в конечном итоге трагично отзывается на культурном генофонде как аборигенного населения, так и колонистов.

Позиции П. Ю. Черносвитова нельзя принять безоговорочно. Например, русская колонизация Северо-Западной Сибири, безусловно, стимулировалась добычей пушного зверя. Когда к середине XVII в. пушнодобыча в данных районах пришла в упадок, основная масса русских промысловиков передвинулась в Восточную Сибирь. Но означало ли это, что истребление пушного зверя ценных пород подорвало энергоресурсы аборигенного населения? И в дорусский период, и в эпоху ранней колонизации пушнодобыча никогда не была основой экономики северных хантов и ненцев. Кочевые сибирские ненцы спокойно перенесли все коллизии русской колонизации и до сих пор являют пример «сибирского выживания», основанного на их собственном экономическом и культурном потенциале[18].

П. Ю. Черносвитов легко ставит знак равенства между «колонизацией» и «колониальной системой», под которой он понимает «перекачку ресурсов одной территории в пользу социума, базирующегося на другой территории»[19]. Подобная трактовка понятия «колониальной системы» кажется упрощенной. С моей точки зрения, колониальная система, помимо явной или скрытой перекачки ресурсов в метрополию, базируется на политико-правовой, этни-

ческой (расовой), культурной и конфессиональной дискриминации аборигенного населения. Некоторые слабые признаки такой дискриминации в эпоху ранней русской колонизации Сибири можно проследить, но хочется подчеркнуть — не на уровне государственной политики, а в частных межличностных отношениях между колонистами и аборигенами.

Поставив в названии книги слово «колонизация», я обязан пояснить свое понимание этого термина. Под колонизацией я понимаю процесс утверждения на некой территории нового населения, которое, как часть исходного этноса, транслирует вместе с собой государственность и привычные культурные типы. Колонизация как длительный и многогранный процесс включает в себя и присоединение (начальный военно-политический этап), и хозяйственное освоение, и постепенную интеграцию «старых» и «нового» социумов, находящую выражение в межэтнических контактах, культурном взаимообмене и религиозном симбиозе. Первоначальная колонизация может приводить к утверждению колониального режима, но не обязательно. Изучение и осмысление источников (эти строки написаны последними в книге) привели автора к осознанному отказу от таких дефиниций в отношении Сибири, как «колония» (по причине негативного смысла, приобретенного словом в советский период), «колонизатор» и «колониальная политика» (как определений, не соответствующих сибирским реалиям XVII в.)

Кратко следует остановиться на применимости знаменитой американской теории фронтира, выдвинутой в 1893 г. Ф. Дж. Тёрнером, к ранней колонизации Сибири. Как известно, с помощью теории «подвижной границы» (колонизация Запада Северной Америки) Тёрнер объяснял особенности развития Соединенных Штатов, включая такие институты и понятия, как демократия, создание среднего класса (прежде всего «крепких» фермеров), развитие частной собственности и индивидуализма. Другими словами, теория Тёрнера работала на объяснение того, каким образом колонизация западных территорий изменила экономику и социальную структуру «старых» восточных штатов и переплавила английское наследство в качественно новый американский путь развития[20].

Теория фронтира получила свое развитие и модификации во многих странах, участвовавших в колонизационных процессах в XVI–XIX вв. В середине XX в. У. П. Вебб выдвинул тезис о существовании «великой подвижной границы» (1600–1900 гг.), подразумевая экспансию «восточных» метрополий (стран Западной Европы) в обе Америки, Африку и т.д. С этим необъятным фронтиром Вебб связывает и складывание западно-европейской цивилизации, какой она

стала к началу XX в., и наступивший по исчезновении «подвижной границы» ее кризис[21].

С 1990-х гг. отечественные историки, преимущественно сибиреведы, были прямо очарованы термином «фронтир», открывавшим перспективу сравнительно-исторического изучения колонизации Сибири и Запада США. В. Н. Чернавская отмечает, что впервые по отношению к русскому колонизационному движению в Сибири термин «восточный фронтир» был применен Е. В. Алексеевой (1989 г.)[22]. Д. Я. Резун и М. В. Шиловский возглавили коллектив новосибирских ученых, которые использовали теорию фронтира при сравнении колонизаций в США и России[23]. Надо заметить, что поскольку теория «подвижной границы» Тёрнера была призвана объяснить факты исключительно американской истории, то отечественные сибиреведы не могли не признать значительной, порой принципиальной разницы в формах, методах и движущих силах колонизации в обеих странах. Не совсем понятно, зачем надо было проводить компаративный анализ с позиций «фронтирной» теории, когда это можно делать в обширном семантическом поле понятия «колонизация». Уместно заметить, что для самого Д. Я. Резуна, по его признанию, «сутью фронтира является колонизация», в процессе которой происходит «встреча двух цивилизаций разного уровня развития»[24]. Что касается работ Д. Я. Резуна, выполненных в ключе фронтирной истории, то они страдают, как мне кажется, поверхностными фактологическими сравнениями (в первую очередь — чисто временным совпадением событий в Северной Америке и Сибири), оперированием трудно верифицируемых категорий (например, менталитет русского пионера-колониста) и категоричными выводами, с которыми нельзя согласиться. Например, Д. Я. Резун утверждал, что «в результате сосуществования русских переселенцев с аборигенными народами Сибири сформировалась, хотя и в «областном масштабе», новая общность — сибиряки». В другой работе (в соавторстве с М. В. Шиловским) данный тезис уточняется: при встрече английской и испанской цивилизаций с индейскими в обеих Америках «в каждом случае формировалась новая этнокультурная общность, за исключением Сибири — здесь... проживают просто сибиряки, вне национальных рамок»[25]. Любой исследователь сибирских народов, в том числе и русского, вряд ли согласится с этим утверждением.

М. В. Шиловский, растягивая во времени «сибирский фронтир» на длительный исторический период, делит его на три вида: «Применительно к процессу освоения (колонизации) Сибири, на наш взгляд, необходимо говорить о трех видах фронтира: внешнего — по отношению к территориям и этносам, не вошедшим в «огораживa-

ющее поле» колонизации; внутреннего — по отношению к народам, оказавшимся внутри него; и внутрицивилизационного — между старожилами и переселенцами»[26]. Принимая, если можно так сказать, типологию сибирского фронтира М. В. Шиловского, А. С. Хромых вносит в нее уточнения: «Можно определить фронтир как некоторую зону особых социальных условий, возникающих в результате контактов разноуровневых цивилизаций, приводящих к формированию нового общества или сообщества». Три указанных М. В. Шиловским вида фронтира А. С. Хромых считает стадиями (видимо, хронологически сменяющими друг друга)[27].

Е. В. Алексеева рассматривает теорию фронтира как «частный случай теории колонизации, специфицирующей этот процесс на территории США». Теория фронтира применима к странам, для которых колонизационные процессы были неотъемлемой частью истории; по мнению исследователя, эта теория с большей степенью объективизма описывает «сложный и многосторонний процесс освоения новых территорий» (нежели односторонние концепции колонизации отечественной историографии советского периода). «В соответствии с этим концептуальным методом,— пишет Е. В. Алексеева,— ключевым фактором колонизационного процесса является рождение нового общества, образовавшегося в результате синтеза социальной практики колонистов, освоенной ими окружающей среды и аборигенного населения»[28].

Между тем понятие «колонизация» в отечественной историографии старее ее советского периода. Н. И. Никитин констатирует возвращение в словарь историков термина «колонизация» в его нейтральном значении, как заселения и хозяйственного освоения новых земель и специально оговаривает, что в его работе колонизация рассматривается именно в таком традиционном для русской историографии ключе[29]. Что касается складывания в Сибири нового общества, то, по-моему, еще никто не определил четко ни временные границы его формирования, ни, что главнее, его сущностные характеристики. Рассуждения об особом свободолюбии, предприимчивости и других чертах трудноуловимого менталитета русских «сибиряков» в целом еще не являются доказательством рождения на новых территориях нового общества. Исторически в Сибири в разное время сложились различные этнотерриториальные, сословные и конфессиональные группы русского населения, которые, за некоторыми исключениями, относящимися к северу Сибири, сохранили русский язык и культурную связь с Европейской Россией.

Попытку компаративного изучения американского и сибирского фронтиров предпринял А.Д. Агеев[30]. Его работа (к сожалению, в не-

завершенном виде) помещена в широкие хронологические рамки (от начала колонизации до XIX в.), автор апеллирует к историческим параллелям в осмыслении колонизационных процессов на двух разных континентах; немалое внимание уделено общественной мысли разных веков, рефлексировавшей по поводу колонизационного движения. Поскольку для меня понятия «фронтир» и «колонизация» не совпадают и не взаимозаменяемы, разбирать книгу А. Д. Агеева детально не имеет смысла (прежде чем спорить, необходимо примерно одинаково понимать значения терминов).

Я придаю термину «фронтир» исключительный смысл подвижной и размытой границы между двигающейся волной колонизации (какую бы форму она в конкретный момент не имела) русского этноса и аборигенными обществами в Сибири. С этой точки зрения употребление слова «фронтир» более оправдано в отношении ранней колонизации Сибири. Указанных выше авторов компаративных исследований как-то не смущает, что колонизация североамериканского континента в XVII–XVIII вв. проводилась переселенцами, зависевшими от своих метрополий — Англии и Франции. Покорение «свободных земель» Запада в XIX в. проводилось суверенным государством США в новых социальных и экономических условиях развития капитализма. Ранняя колонизация Сибири осуществлялась бедной и промышленно неразвитой страной, всего лишь стоящей на пороге Нового времени. Американская интенсивная колонизация Запада XIX в. и русская колонизация Сибири XVII в.— явления очевидно асинхронные, параметры которых сравнивать весьма рискованно. Следуя смыслу теории Тёрнера, можно задаться простым вопросом: внесло ли переселение в Сибирь в XVII в. довольно незначительной части исходного этноса какие-либо заметные изменения в экономику, социальную структуру, политические и культурные доминанты Европейской России? Кажется, нет[31]. Как в Испанской империи XVI — XVII вв. золото и серебро из Южной Америки не привело к социальным и техническим успехам на собственно Пиренейском полуострове, так и в России временный поток драгоценной пушнины не стал причиной каких-либо структурных изменений общества и экономики.

В существующей историографии особо следует отметить монографию Ю. Г. Акимова. Являясь специалистом по истории Северной Америки колониального периода, то есть XVII–XVIII вв., Ю. Г. Акимов взял на себя труд проработать специальную сибиреведческую литературу и провел глубокое по содержанию, насыщенное фактическим материалом «сравнительно-историческое исследование различных аспектов колонизационных процессов, происходив-

ших в Северной Азии и в Северной Америке в XVI–XVIII вв.»[32]. Ю. Г. Акимов справедливо указал на недостаток немногих имеющихся компаративных работ. Их авторы часто игнорируют определенное время и географические рамки, в которые помещены сравниваемые объекты. «В результате часто сравниваются феномены различного свойства — *историческая* территория Сибири и *политическая* территория США в границах, сформировавшаяся только к середине XIX в. ...Гораздо более продуктивен здесь географический подход, то есть сравнение территорий, оказавшихся в сфере колониальной активности той или иной страны и ее представителей в ту или иную эпоху». Ю. Г. Акимов констатирует, что «в большинстве работ игнорируется французский опыт освоения и колонизации Северной Америки», в то время, как «по многим показателям своего социально-экономического развития абсолютистская Франция, безусловно, была несколько ближе к самодержавной России, чем конституционно-монархическая Англия»[33].

Круг вопросов, рассматриваемых в монографии Ю. Г. Акимова, весьма широк. Сравнение ведется по таким параметрам, как темпы колонизационных процессов; выяснение их главной направляющей и организационной силы; климатические условия колонизуемых территорий; социально-экономический строй сообществ колонистов; сходства и различия в организации местного управления на новых землях; конфессиональная политика метрополий в колониях. Большой материал для компаративных размышлений предлагает глава «Европейцы и аборигены: теория и практика взаимоотношений». Приведу лишь один пример из оригинальных (и продуктивных) наблюдений Ю. Г. Акимова. Выясняя идейно-правовое обоснование русской экспансии в Сибири, автор пишет: «Если во второй половине XVI в. под Сибирью русские подразумевали прежде всего именно территорию «кучумова юрта», то затем Сибирью стали называть и другие земли Северной Азии... В этом «растягивании» понятия Сибирь заключался чрезвычайно важный политико-правовой смысл, поскольку русские считали, что они *имели право* на территорию с этим названием. Иначе говоря, русские считали, что они вели справедливую «законную» войну с Сибирским ханством Кучума... Соответственно, земли, расположенные «за» Сибирским ханством с населением, не имевшим своей государственности и не находившимся под властью других государственных образований, по сути приписывались к нему, объявлялись «Сибирью»... и именно на этом основании «законно» занимались («приискивались»), «приводились под государеву царскую высокую руку» и объясачивались русскими»[34]. Апелляция европейцев к факту «первого открытия» новых

земель не имела столь важного значения при колонизации Сибири в XVII в. В целом исследование Ю. Г. Акимова полезно для любого сибиреведа, не желающего ориентироваться на поверхностные аналогии и выборочный список литературы по колониальному периоду североамериканского континента; книга Ю. Г. Акимова к тому же сама является хорошим путеводителем по англо- и франкоязычной специальной литературе, относящейся к теме.

Со своей стороны, я не могу согласиться с трактовкой Ю. Г. Акимовым местной (воеводской) администрации в Сибири как русской разновидности «колониальной властной структуры»[35]. Здесь я считаю уместным уточнить свое высказанное выше понимание слов «колония» и «колониальный». В отношении первого мне близко мнение Н. И. Никитина, который пишет, что Сибирь на протяжении длительного периода «оставалась важнейшим источником ценного сырья для российской торговли, а с течением времени — и промышленности, что дает основания считать Сибирь колонией, но, правда, лишь в *экономическом* смысле слова, ибо ни в административном, ни в юридическом отношении она практически не отличалась от центральных областей Российского государства»[36]. Именно в таком контексте термин «колония» может употребляться автором настоящей работы. Что касается применимости слова «колониальный» к разным аспектам колонизационного процесса, то я предлагаю определять политику России по отношению к колонизуемым в XVII в. территориям Сибири как «государственно-колониальную» (имеется в виду использование природных ресурсов — пушных, рыбных — и освоение земельного фонда под пашню), а по отношению к аборигенному населению — как «государственно-патерналистскую»[37].

Зарубежная историография колонизации Сибири представлена по преимуществу англо- и германоязычной литературой. Ее можно разделить на работы, специально посвященные только Сибири, и те, в которых Сибирь рассматривается в контексте иных европейских колонизаций XVI–XVIII вв. Весьма подробный обзор истории научных школ русистики в Германии, Англии и США и основных концепций сибирской колонизации, предложенных представителями этих школ, сделан Д.А. Ананьевым[38]. Историографическими оценками англо-американской литературы насыщена монография Е. В. Алексеевой, которая знакомит читателя со взглядами американских ученых не только на проблему Русской Америки, но и в целом с осмыслением ими «русской восточной экспансии»[39]. Анализу англо-американской историографии освоения русскими Дальнего Востока и выхода первопроходцев к Тихому океану посвящена статья В.Н. Чернавской[40].

В фактологическом отношении работы зарубежных авторов для отечественных сибиреведов какой-либо новой информации не содержат, поскольку эти работы основываются на источниках, монографиях и статьях, опубликованных в России. Для англо-американской историографии (наиболее заинтересованной в изучении русской колонизации Сибири, особенно Дальнего Востока и Приамурья) характерны по крайней мере две константы, объясняющие колонизационный процесс в Сибири: изначально присущее Московскому государству стремление к территориальной экспансии и погоня за ценной пушниной, заставлявшие государство и частных лиц действовать рука об руку. Другое дело, как зарубежные авторы оценивают формы и методы, в которые выливалась колонизация Сибири в ту или иную эпоху.

Во время «холодной войны» некто А. Темко (США, 1962 г.) в публицистическом стиле писал: «В начале XVII в., в то время, когда английские колонисты основывали Вирджинию и Массачусетс, казаки — искатели приключений — в поисках соболя и других мехов пронеслись по Сибири со скоростью и жестокостью, которым нет параллелей в истории европейских завоеваний. К 1638 г., оставив за собой шлейф бессмысленного кровопролития, истязаний и жестокой эксплуатации аборигенов, они вышли к берегам Охотского моря»[41]. Излишне говорить, что опровергать подобные тенденциозные заявления — пустая трата времени. Однако и в наше время, анализируя западную научную литературу, Ю. Г. Акимов констатирует: «В западной русистике и сибиреведении XX в. достаточно прочно закрепилась точка зрения, согласно которой «территориальный рост Московии был не больше и не меньше, чем простой колониализм или империализм, похожий на тот, который Испания, Англия, Франция и другие европейские государства практиковали в это же время»[42].

Известный специалист по истории взаимоотношений России со степными и кавказскими народами М. Ходарковский (США) считает, что «политика Москвы и Петербурга в азиатской части империи, несомненно, являлась одним из вариантов колониальной политики европейских государств». По поводу разных моделей управления колониями, продемонстрированных европейскими метрополиями, М. Ходарковский пишет: «Развертывание колониальной модели в азиатской части Российской империи мало чем отличалось от вышеупомянутой группы империй (Испания, Португалия, Франция — *Е.В.*), предпочитавших прямое управление колониями»[43]. Основной вывод статьи звучит довольно неожиданно: «Развитие колониальных органов управления в Московском государстве, а после в Российской империи *опережало* становление колониальных

учреждений в большинстве западных держав, за исключением Испании»[44]. Доказательством «колониальности» центральных приказов, образованных в конце XVI — XVII вв. по территориальному принципу, служат лишь их названия — приказ Казанского дворца, Сибирский приказ, недолго существовавший Калмыцкий приказ. Между прочим, четвертные приказы (чети), появившиеся в конце XVI в., сочетали в себе территориальные и функциональные принципы управления населением внутренних районов России, что не дает, разумеется, никаких оснований относить их к колониальным органам власти.

Дж. Форсит, ссылаясь лишь на эмоциональные сентенции Н. М. Ядринцева, утверждает: «Русские завоеватели всех классов обращались с коренными народами Сибири как, с врагами, настолько отсталыми в образе жизни и военном потенциале по сравнению с ними самими, что ими (аборигенами) можно было бесцеремонно и бессердечно распоряжаться и эксплуатировать ради обогащения завоевателей. Для вооруженных отрядов русских было обычным делом убивать аборигенов, с которыми они сталкивались, и делить добычу; можно сказать, что на первых стадиях завоевания на аборигенов охотились, как на животных»[45]. Достается от Форсита и поселившимся в Сибири русским земледельцам, которым он находит аналогию в лице британских колонистов Северной Америки: «По мере того, как фронтир поселений, созданных с помощью топора и плуга, постепенно продвигался вперед за счет леса, животная и человеческая жизнь, его наполнявшая, уничтожалась, или изгонялась далеко на восток и север, так что человек, живущий в условиях фронтира (frontiersman), и в Сибири, и в Канаде являлся врагом пограничных лесов и их обитателей»[46].

Акцентируя внимание на военных столкновениях русских и тундровых ненцев, Форсит при изложении событий делает ряд ошибок и ничем не подкрепленных заявлений. Так, согласно Форситу, Мангазея осаждалась самоедами в 1604, в 1606 г. и по крайней мере четыре раза в 1640-х гг. Ничего подобного все известные источники не содержат (см. гл. IV.4). Масштабной войны самоедских родов против русских в 1662–1663 гг., якобы охватившей территорию от Пустозерска до низовьев Енисея, просто не было. В целом аннексия территорий Северо-Западной Сибири со стороны России носила насильственный и безжалостный характер, сравнимый с подобными действиями «любой колониальной империи»[47].

Думается, ничего нового в западные концепции колонизации Сибири не привносит М. Бассен, когда пишет: «Пушные богатства сделали Сибирь привлекательной для московских царей, и неудер-

жимый интерес к эксплуатации этих ресурсов лег в основу русской политики в Сибири вплоть до XIX в. С этой точки зрения Сибирь была для русских классической торговой колонией; она являлась действительно «такой же колонией для России, как Мексика и Перу для Испании, Индия для Англии»[48]. Полностью игнорируя земледельческую сторону колонизации, Бассен считает, что пришедшие на смену истощившимся пушным ресурсам горная промышленность и металлургия не могли играть такую же экономическую роль, как пушнина. С XVIII в. «былая привлекательность Сибири как богатого источника драгоценной колониальной добычи заменилась, по крайней мере в глазах правительства, образом холодного и пустынного края изгнания»[49]. Попутно замечу, что, создавая генерализирующие концепции, их авторам не следовало бы делать ошибок при изложении общеизвестных фактов. Так, первого (по времени, 1638 г.) воеводу Ленского разряда стольника П. П. Головина Бассен зачисляет в казаки. Более всего этому удивился бы сам Головин, принадлежавший к знатному роду, служившему московским князьям с XV в.

Известный американский историк Р. Пайпс под колонизацией понимает прежде всего массовые переселения и земледельческое освоение новых территорий. Имея в виду не только Сибирь, он пишет: «В этом колонизационном движении, когда (в смысле *иногда — Е. В.*) крестьянин шел впереди правительства, когда оно прокладывало ему дорогу, но рано или поздно им суждено было сойтись и соединиться. Одной из основных причин той цепкости, с которой русским всегда удавалось удерживать завоеванные территории, было то обстоятельство, что политическое освоение у них сопровождалось... колонизацией»[50].

Взвешенным подходом и добросовестным изложением фактического материала в англо-американской литературе до сих пор отличается исследование Дж. В. Ланцева о местном управлении в Сибири в XVII в. Безусловное влияние на взгляды ученого оказали труды русских дореволюционных историков. Учитывая достижения советской историографии (довоенного периода), Ланцев меньше всего воспринял ее обличительный пафос разоблачения «колониальной политики» царизма. Например, он делал вывод: «В управлении своей колонией Москва проявила примечательную заботу о благосостоянии аборигенов, так же, как и терпимость в отношении их особенностей. Такая политика была продиктована практическими соображениями пополнения государственной казны драгоценными мехами». Эффективному воплощению в практику этой «дальновидной политики» препятствовали недостаток контроля со стороны центра и злоупотребления местных чиновников[51]. Однако и Ланцев

допускал ошибки, вызванные непониманием контекста, в котором прозвучал тот или иной источник. Вот характерный пример. Ученый писал: «В некоторых случаях, когда аборигены знали, что они не могут бежать от своих притеснителей и, не имея других способов защитить себя, они прибегали к отчаянной мере. Сибирские документы сообщают о массовых самоубийствах. В 1627 г., например, сургутские остяки «прыгали со своих лодок и топились», предпочитая это страданиям под русским правлением»[52]. Речь здесь идет, безусловно, о тяжелой для обских хантов подводной повинности, когда они в качестве рабочей силы сопровождали русские суда (подробнее см. гл. IV.3). Остяки прыгали не со своих лодок, а с русских дощаников, пытаясь сбежать на берег. Удивительно здесь то, что, проживая по берегам Оби и ее притокам, остяки в основном не умели плавать.

Более объективно к оценке русской колонизации Сибири в XVII в. подошел Г. Р. Хаттенбах: «К середине XVII в., когда Московия могла объявить всю Сибирь своей, жизнь в сибирских поселениях, от Тобольска до Охотска, была по существу русской. Благодаря проводимой Московским государством колонизационной политике, завоевание Сибири было не только политическим и экономическим триумфом, но и культурной победой, и надо добавить, за исключением кровавых столкновений на левом побережье Амура, она была достигнута с минимумом подрыва и разрушения аборигенных культур (по сравнению с судьбами коренных народов Нового Света). Благодаря упорству своих первопроходцев и мудрости своей политики, Московия распространилась от Урала до Тихого океана в краткий период одного столетия»[53]. Говоря о разном социальном составе колонистов, не терявших связи с Европейской Россией, Хаттенбах несколько образно замечает: «Жизнь там могла бы быть горьким наказанием для обреченных на постоянное изгнание, но до введения жестокой ссылки и наказательной системы XVIII и XIX веков жизнь в Сибири отвечала ласковыми наградами, как свидетельствуют литературные и документальные источники первого века русской колонизации Сибири. «Московиты» в сердце и по сути, колонисты были сибиряками как личности. В то время, как Московия могла гордиться победой, Сибирь не ощущала себя побежденной»[54].

* * *

В обзоре отечественной историографии целесообразно указать лишь на те работы, которые или непосредственно относятся к территории Северо-Западной Сибири, или сибиреведческие исследования, полезные для компаративного анализа. Естественно, что любое

исследование по ранней колонизации Сибири начинается с изучения научного наследия Г. Ф. Миллера. Его знаменитый труд «История Сибири» был основан на огромном комплексе документов, которые ученый собрал и скопировал в местных архивах во время поездок по Сибири в 1733–1743 гг.[55] Исследователи советской эпохи часто упрекали Г. Ф. Миллера в том, что в его труде господствует концепция «военно-политического» присоединения Сибири к России, что якобы ведет к одностороннему освещению сложного процесса первоначальной колонизации сибирских территорий. Упреки эти малообоснователны. Г. Ф. Миллер был первый, кто дал хронологически связную, фактологически достоверную и критически выверенную картину процесса русской колонизации Сибири в первые десятилетия после похода Ермака, в которой военные факторы естественным образом выступают на первое место. Вследствие утраты в более позднее время большей части материалов местных архивов, сведения Г. Ф. Миллера (впрочем, как и его суждения) об обстоятельствах проникновения русских на север Западной Сибири и основания там первых городов имеют весьма ценный характер. Уже в наше время, благодаря проделанной А. Х. Элертом уникальной работе, были впервые опубликованы на русском языке путевые описания Г. Ф. Миллера, как и его труд по этнографии народов Сибири[56]. Историко-географические подробные описания содержат тщательно зафиксированные гидронимы и топонимы на ненецком, хантыйском и мансийском языках, что часто дает современным историкам ключ к расшифровке географических названий, отразившихся в русских источниках XVII в.

Появившиеся в XIX в. обобщающие работы по истории Сибири (П. А. Словцов, И. В. Щеглов) были основаны на уже опубликованных источниках (Полное собрание законов Российской империи, Акты исторические, Дополнения к актам историческим) и трудах Г. Ф. Миллера; ничего нового для воссоздания истории первоначальной колонизации они не внесли[57]. «Описание Березовского края» западносибирского краеведа Н. А. Абрамова представляет ценность с этнографической точки зрения, но сведения по XVII в., приводимые в данной работе, довольно беспомощны[58]. Некоторый интерес представляют небольшие очерки Н. А. Абрамова (1866 г.) о культе Василия Мангазейского и жизни игумена Тихона, основателя Туруханского Троицкого монастыря[59].

В 1890 и 1903 г. известный географ и этнограф Д. Н. Анучин опубликовал две статьи историко-географического характера. В них ученый развил мысль Г. Ф. Миллера о том, что географическая область «Молганзея» была известна русским людям задолго до

основания города на Тазе, который и воспринял старое автохтонное название. Для выяснения этого вопроса Д. Н. Анучин подробно разобрал такой источник, как «Сказание о человецах незнаемых в восточной стране» (конец XV в.), и впервые широко использовал картографический материал XVI в.[60] Анализ этого интереснейшего сочинения («Сказание о человецах...») уже в наше время вновь провел А. И. Плигузов, которому удалось сделать ряд существенных наблюдений источниковедческого и историко-географического характера[61].

В конце XIX в. к изучению вопросов первоначальной русской колонизации Сибири обратился профессор Харьковского университета П. Н. Буцинский. В своих работах он рассмотрел различные аспекты ранней колонизации Западной Сибири в первой половине XVII в.: состав русского и автохтонного населения, правительственную политику в отношении аборигенов и их повинности, конфессиональную сторону освоения Сибири[62]. Большой научной заслугой П. Н. Буцинского явилось то, что он обратился к архивным материалам, не зависимым от документов Г. Ф. Миллера. Дело в том, что последний работал с документами местных архивов, но с материалами центральных московских учреждений, управлявших в XVII в. Сибирью, возможности ознакомиться не имел. Именно обращение к делопроизводственной документации Сибирского приказа позволило П. Н. Буцинскому создать, в частности, первый научно значимый очерк о Мангазейском уезде. Он рассмотрел вопрос о проникновении славяно-русского населения на Север Западной Сибири до похода Ермака, подтвердив неоспоримое ныне положение, что промысловая колонизация таежных и тундровых территорий Сибири намного опережала земледельческую колонизацию ее средней и южной полосы. В вопросе о дате основания Мангазеи П. Н. Буцинский подробно проанализировал все известные ему источники и пришел к обоснованному выводу, что город был заложен в 1601 г. Ученый уделил внимание истории Мангазейского морского хода, рассмотрев его различные варианты. Немалое место в работе Буцинского занимает проблема складывания территории Мангазейского уезда, которая рассматривается через поэтапное объясачивание самодийских, эвенкийских и кетских родов и возникновение цепочки ясачных зимовий.

П. Н. Буцинский выступил против довольно распространенного в его время (особенно в сочинениях сибирских областников) тезиса об угнетении и истреблении сибирских инородцев в процессе русской колонизации, за что уже советской историографией был заклеймен как «откровенный колонизатор»[63]. Между тем П. Н. Буцинский

доказательно говорил о протекционистской политике московского правительства по отношению к ясачным народам и вместе с тем обозначил проблему сложных взаимоотношений частных промышленников и автохтонного населения, которые включали и вооруженные конфликты. Фактически ученый на материале Мангазейского уезда поставил, хотя четко и не сформулировал, проблему отношения государства к частному пушному промыслу в Сибири — одну из основных, на наш взгляд, при изучении процесса русского освоения Севера Сибири.

Огромный вклад в изучение проблем истории Сибири внес С. В. Бахрушин, чье многогранное научное творчество представляет целый этап в отечественном сибиреведении. Идя по пути, проложенному П. Н. Буцинским, С. В. Бахрушин поднял огромные пласты материалов Сибирского приказа и других фондов, в которых отложились документы по истории сибирских уездов, в том числе и Северо-Западной Сибири. Как известно, решающую роль в первоначальном освоении Сибири С. В. Бахрушин отводил торгово-промышленным людям и частному торговому капиталу, в чем сказалась общая тенденция для историков, сформировавшихся до революции.

В книге Бахрушина «Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.» (1927 г.) особую ценность представляет очерк о путях в Сибирь и в самой Сибири, проложенных первопроходцами, по которым вскоре двинулись основные колонизационные потоки[64]. В 1920-х гг. С. В. Бахрушин опубликовал три статьи, каждая из которых по-своему раскрывает историю Мангазеи. В статье «Андрей Федорович Палицын» подробно освещена воеводская «смута», которая потрясла город в 1630–1631 гг. Московское правительство вынуждено было расследовать это дело, в результате чего отложились объемные архивные материалы. Эти материалы впервые использовал С. В. Бахрушин, а вслед за ним и некоторые другие исследователи. В другой статье ученый рассмотрел складывание и функционирование мирской общины, состоявшей из прибывших в Мангазею торговцев и промышленников за пушным зверем. В стихийном складывании мирской общины, основанной на принципах самоуправления, проявилась мощная традиция социальной жизни Русского Севера. С. В. Бахрушин показал, что в годы расцвета Мангазеи община, объединявшая мангазейский и туруханский «миры», являлась действенной силой, с которой вынуждена была считаться воеводская власть. Данная работа насыщена множеством бытовых деталей жизни заполярного города. Наконец, С. В. Бахрушин не прошел мимо такого интересного сюжета, как зарождение и складывание народного культа Василия Мангазейского, посвятив этой

теме специальную статью. Анализ «жития» Василия Мангазейского ученый дополнил архивным актовым материалом, благодаря чему удалось показать некоторые черты массового религиозного сознания первых колонистов Сибири. В статье содержатся интересные сведения о повседневной жизни Мангазеи в период ее угасания[65]. С. В. Бахрушин неоднократно подчеркивал огромную роль Мангазеи в открытии и приведении в русское подданство новых земель к востоку от Енисея. Привлечение нового архивного материала позволило ему обоснованно утверждать, что «вплоть до основания Якутска Мангазея оставалась тем центром, откуда производились открытие и присоединение северо-восточной Сибири»[66]. Экспедиции «мангазейцев» в Восточную Сибирь подробно обрисованы С. В. Бахрушиным в книге по истории Якутии[67]. Оригинальной является подробная статья С. В. Бахрушина об обычном снаряжении промышленного человека, в которой перечисляются предметы охоты, передвижения, посуды, оружия, одежды и т.д.— все то, чем запасались промысловики, уходя на несколько лет в тайгу[68]. После смерти ученого впервые была опубликована его статья о зерни — распространенной в XVII веке азартной игре[69]. Приводимый в статье материал по Мангазее убедительно подтверждается многочисленными находками игральных костей при раскопках города.

Работы С. В. Бахрушина по истории сибирских народов, основанные на русских источниках ранней колонизации, давно являются отправной точкой в исследованиях этнологов по социальной истории ненцев, хантов и манси. В первую очередь это относится к его исследованию о дорусских автохтонных «княжествах» в Западной Сибири», в котором рассмотрен широкий круг вопросов: от социального, религиозного и хозяйственного облика аборигенных сообществ до политических практик их включения в состав Русского государства[70]. Небольшая статья о ненцах в XVII в. (1925 г.) впервые, может быть, наполнила размытую фольклорную историю «кочевников тундры» конкретными событиями и именами. Статья С. В. Бахрушина о видах и размерах ясака в XVII в., основанная на материалах всей Сибири, до сих пор имеет принципиальное значение для сибиреведов, занимающихся данным периодом[71].

После «бахрушинского» этапа в развитии отечественного сибиреведения наступил этап «шунковский». В. И. Шунков центральной фигурой в освоении Сибири сделал колониста-крестьянина. Две убедительные работы В. И. Шункова о развитии русского земледелия в Сибири отодвинули в тень служилого человека и промышленника[72]. Впрочем, если не брать колонизацию Сибири в целом, а рассматривать ее в региональном аспекте, то по поводу движущих

сил колонизации в северных «беспашенных» уездах суть дискуссии просто исчезает. Представляется, что противопоставление земледельческого и промыслового освоения Сибири в нашей историографии имело искусственный характер, поскольку разница между ними определяется географо-климатическими причинами, а более раннее освоение северных территорий от Урала до Якутии не вызывает сомнений.

Работы С. В. Бахрушина о русском промысловом населении Мангазейского уезда были продолжены В. А. Александровым и П. Н. Павловым. Если попытаться определить разницу между подходами С. В. Бахрушина и В. А. Александрова, то она видится в следующем. В истории севера Сибири С. В. Бахрушин находил и исследовал неординарные события, которые блестяще воссоздавались ученым через поступки и характеристики конкретных людей (историко-антропологический метод). В. А. Александров ставил перед собой задачу проследить поэтапно и систематически движение русского промышленного населения в Тазовско-Туруханском районе и низовьях Енисея, а также начало складывания здесь постоянного русского населения. Решению этих проблем в обширной монографии В. А. Александрова уделено две главы[73]. Ученый пришел к выводу, что сохранившиеся источники не могут представить репрезентативных сведений о постоянном населении Мангазеи до середины XVII в. В. А. Александров раскрыл начальный процесс формирования русского старожильческого населения на севере Енисейского края, придя к выводу, что оно сложилось на рубеже XVII — XVIII вв. В значительный части работа В. А. Александрова имеет историко-этнографический характер, и потому в ней рассмотрены такие вопросы, как места выхода колонистов Сибири, черты семейного строя, распространенные типы жилища. Ученый указал на причины угасания как северного «Мангазейского хода», так и самого города Мангазея, обосновав значение для дальнейшей колонизации Сибири пути на средний Енисей и развития там земледелия.

Закономерным было появление работ П. Н. Павлова о пушном промысле и промысловой колонизации Сибири в XVII в., которые уравновешивали исследования о крестьянском характере освоения Сибири. П. Н. Павлов рассмотрел такие малоизученные вопросы (во многом на материалах Мангазейского уезда), как отношение государства к частному пушному промыслу, использование охотничьих угодий аборигенным населением и частными промышленниками[74]. Продолжая исследования В. А. Александрова, П. Н. Павлов обратился к теме формирования (в более широких территориальных рамках) постоянного русского промыслового населения на Севере

Сибири и попытался выяснить участие разных социальных слоев в пушном промысле. Ученый пришел к выводу, что в 1670-е гг. в Западной Сибири насчитывалось не менее 500 постоянных охотников-промышленников (фактически — на территории Мангазейского уезда). П. Н. Павлову принадлежит интересная и редкая по тематике статья о русских старожилах Туруханского края в XIX в., ведущих свое происхождение от пионеров промыслового освоения Сибири[75].

Особая линия в изучении севера Западной Сибири связана с таким направлением историографии, как история географических открытий. Это направление стало активно развиваться с 1940-х гг., когда руководство страны во главе с И. В. Сталиным сменило идеологию абстрактного интернационализма на возвеличивание роли русского народа в мировой истории и культуре. Высказывания И. В. Сталина развязали в определенной мере ученым руки в изучении прошлого русского народа, хотя при жизни вождя многие научные сочинения страдали чрезмерно завышенными оценками достижений России в области культуры. В 1940–50–е гг. появились труды В. Ю. Визе и М. И. Белова, в которых плавания поморов в Западную Сибирь рассматривались в широком контексте исторического опыта русского мореплавания в Северном Ледовитом океане. Обладая широкой эрудицией и знанием иностранных источников, В. Ю. Визе создал интересные очерки о попытках европейцев найти в XVI–XVII вв. Северо-Восточный проход вдоль берегов Сибири и русских полярных плаваниях в это время[76].

Более подробно следует остановиться на характеристике трудов М. И. Белова, который, занимаясь историей географических открытий в широких хронологических и территориальных рамках, в течение всей творческой жизни неоднократно возвращался к «мангазейской» теме. Неоспоримой заслугой М. И. Белова являются его изыскания по истории русского полярного судостроения и мореходной культуры поморов, перенесенной в Сибирь. Ученый оспорил мнение С. В. Бахрушина о примитивности русского судостроения и навигационных знаний и доказал довольно высокий уровень мореходной культуры допетровского времени. Это представляется очень важным. Без развитого судостроения в условиях того времени русская колонизация севера Сибири была бы просто невозможной. В своем обширном труде об арктическом мореплавании Белов выделил специальную главу о плаваниях в Мангазею, дополнив материал предшественников новыми архивными документами[77]. На основе найденных им архивных источников Белов предложил первые графические модели коча, заложив основы реконструкции уникального судна, на котором в XVII в. была пройдена большая часть Северного морского пути и открыт Берингов пролив.

С 1968 г. начался этап масштабного археологического изучения Мангазеи, инициатором и руководителем которого выступил М. И. Белов. Будучи признанным историком русских географических открытий и полярного мореплавания, Белов много и плодотворно работал с архивными документами XVII века, однако вряд ли обладал необходимой подготовкой археолога. В качестве специалистов к раскопкам были привлечены О. В. Овсянников и В. Ф. Старков. В 1969 г. Белов выпустил научно-популярную книгу «Мангазея»[78]. Очевидно, что книга была написана еще до начала археологических раскопок, поэтому их результаты в ней не отразились. Эта книга относится к жанру беллетризированного повествования и не свободна от вольных интерпретаций и фактических ошибок, заметных глазу историка, занимающегося колонизацией Сибири. Включать эту работу Белова в круг строго научной литературы было бы рискованно.

В результате сотрудничества М. И. Белов и его коллеги-археологи опубликовали широко известную монографию о Мангазее[79]. Между окончанием раскопок (1973 г.) и выходом исследования в свет прошло семь лет. Публикация уникальных археологических находок в этом издании как-то отодвинула в тень тот факт, что М. И. Белов, со своей стороны, за это время проработал дополнительно архивный материал, относящийся к Мангазее. Издание солидного труда в двух томах по истории Мангазеи, снабженного графическим материалом и иллюстрациями артефактов, добытыми методами археологического исследования, вызвало во многом заслуженное доверие со стороны научной общественности. Однако следует отметить, что данное исследование в конечном итоге создало, вольно или невольно, не совсем корректную историографическую ситуацию. Не встретив необходимой конструктивной критики, авторы данного труда как бы поставили крест на дальнейшем изучении Мангазеи. Методы комплексного исследования, где археология вступает в тесный контакт с документальными источниками, безусловно, плодотворны, но и одновременно опасны. Завершенное комплексное исследование требует своего рода коллективной рецензии. По отдельности ни историки (за исключением статьи-рецензии О. Н. Вилкова и Ю. В. Курскова), ни археологи не стали высказывать свои суждения о книге, считая себя, видимо, недостаточно компетентными для оценки всего исследования.

К сожалению, при внимательном и непредвзятом чтении данного исследования в части ее текста, основанного на документальных источниках[80], все чаще выявляются неточности, неверные суждения, неправильная интерпретация документов. Более того — некоторые выводы носят явный налет поспешности и небрежности. Как ни

странно, для М. И. Белова многие реалии XVII в., не имеющие прямого отношения к землепроходческому движению в Сибири, остались неизвестны, что имело следствием ряд ошибочных суждений с его стороны. Уже в предварительной публикации об итогах раскопок в Мангазее некоторые утверждения Белова вызывают удивление: «Но всего сильнее, пожалуй, сохранилась слава о Мангазее как убежище от произвола помещика-крепостника. Беднейшие и средние слои крестьян Северной Руси, благодаря Мангазейскому морскому ходу... издавна имели свободный доступ в Обско-Енисейский район... Кроме того, в Сибири вообще существовало правило, согласно которому... те, кто бежал от помещика-крепостника, не выдавались ему назад»[81]. Между тем, ко времени написания этой статьи было давно известно, что на Русском Севере, за исключением его некоторых белозерско-вологодских районов, крестьяне являлись черносошными (государственными) и никогда не были прикреплены к частным землям. Частновладельческие крестьяне приезжали в Мангазею для пушных промыслов и с разрешения своих хозяев. Беглые же крестьяне, если они не были черносошными, даже из Сибири обычно возвращались владельцам.

В литературе уже отмечалось, что М. И. Белов «придает Мангазее черты большей феодальности, чем это было в действительности». О. Н. Вилков и Ю. В. Курсков делают справедливое замечание, что воеводский двор в Мангазее — это не «феодальная усадьба-вотчина», а временное место жительства должностного лица, которого, правда, сопровождали многочисленные холопы[82]. Вилков и Курсков возражают также и против упорного желания М. И. Белова представить Мангазею как «типичный феодальный русский город». Ведь совершенно очевидно, что Мангазея — это город своеобразный, рожденный и функционировавший в особых условиях русской колонизации Севера. Большие сомнения вызвал и тезис о том, что «Мангазея — город регулярной планировки», поскольку хорошо известно, что в XVII в. даже города центральной России не имели регулярной планировки. К тому же и «археологическая» часть книги, как представляется, не дает оснований для такого вывода[83].

Следует заметить, что высказанные критические замечания имеют целью не принизить значение проделанной М. И. Беловым и его коллегами работы, а указать на досадные и порой трудно объяснимые ошибки, которые в конечном итоге объективно снижают научный уровень монографии. В доказательство этого можно остановиться на некоторых моментах интерпретации М. И. Беловым письменных источников. Мало обоснована уверенность исследователя в том, что Мангазея возникла на месте уже существовавшего городка помор-

ских промышленников[84]. На настоящий момент мы не располагаем на этот счет ни одним достоверным письменным источником. Последние исследователи городища Мангазея, археологи Г. П. Визгалов и С. Г. Пархимович, делают вывод: «Утверждение М. И. Белова о том, что город Мангазея был основан на месте стоявшего в устье Мангазейки Тазовского поморского городка... нельзя принять из-за отсутствия доказательной базы»[85]. Общие рассуждения М. И. Белова о якобы аналогичных русских торговых городках XVI в.— Пантуевом на Оби и Надымском в низовьях реки Надым — в свете нынешних научных достижений оказываются бесполезны, поскольку данные городки аборигенного (остяцкого) происхождения. Вызывает недоумение следующее утверждение. В книге сказано, что в районе позднейшей церкви Макария Желтоводского «в 1601 г., в самом начале строительства города, появился двор тобольского архиепископа Макария»[86]. Данную фразу невозможно понять, зная, что сибирская епархия основана в 1621 г., а второй по времени архиепископ Сибирский Макарий занимал тобольскую кафедру в 1625–1635 гг.[87]

Совершенно неверно утверждение, что «к 40-м годам доходы Мангазеи достигли прежнего высокого уровня, и ее жители приступили к строительству новых зданий»[88]. Начало 1640-х гг.— самые голодные и тяжелые годы для жителей Мангазеи. Неверны, с нашей точки зрения, подсчеты количества пушнины частных промышленников, с которого в мангазейской таможне взималась десятая часть. Например, в 1630 г., согласно М. И. Белову, десятинная казна составила 1984 сороков соболей, то есть около 80 тыс. шкурок[89]. Значит, всего промысловики привезли в Мангазею около 800 тыс. шкурок. Нет необходимости говорить, что эта цифра относится к области фантастики. На самом деле правильные подсчеты сделал С. В. Бахрушин: в 1624 г. всего с промыслов было доставлено 68 120 соболей, в 1628 г.— 103 330, в 1630 г.— около 80 000 шкурок[90].

Существенным представляется вопрос об ошибочной концепции М. И. Белова, согласно которой основной причиной оставления Мангазеи явилось масштабное восстание самодийских племен, которые якобы осадили город (ч. 1, с. 89–91). В подтверждение столь ответственного вывода М. И. Белов не приводит никаких документальных свидетельств. По моему мнению, фундаментальный для данного построения документ процитирован в книге неточно и датирован неверно. В архивном подлиннике сказано: *«А во 187-м (1678/79) году те служилые люди из прежнего города Мангазеи от шатости юрацкой самояди выехали и город оставили пуст».* Речь здесь идет о 4–5 ясачных сборщиках, которые с 1672 г. по очереди

отправлялись из Туруханска в Мангазею[91]. Приходится констатировать, что гипотеза М. И. Белова о причинах оставления Мангазеи является шагом назад по сравнению с выводами С. В. Бахрушина и В. А. Александрова.

По моему убеждению, монография М. И. Белова и его соавторов не поставила точку в изучении Мангазеи (что подтверждают и новейшие археологические раскопки). Как достоинства, так и недостатки данной работы стимулируют дальнейшее комплексное исследование этого уникального для современной науки объекта.

В 1975 г. вышла в свет монография Н. А. Миненко, посвященная истории Сибири в более поздний период, но имеющая значение и для нашей темы[92]. Н. А. Миненко обосновала географические рамки своей работы, позволяющие выделить Северо-Западную Сибирь в отдельный объект исследования, подчеркнув значимость природно-климатических условий. Отсутствие русской крестьянской колонизации и исключительная роль служилого населения и для меня явились достаточным основанием считать Северо-Западную Сибирь (расширенной по тому же принципу на незначительные по количеству коренного и тем более русского населения до Нарымского и Кетского уездов) отдельным регионом. Н. А. Миненко рассмотрела широкий спектр вопросов, выделенных в три комплекса. В результате проведенного исследования была панорамно и в то же время предельно детализированно воссоздана жизнь русского и автохтонного населения Нижнего Приобья в рассматриваемый период. Н. А. Миненко не без основания пишет, что в первый комплекс вопросов «включено все, что имеет отношение к истории русского населения... динамика и размещение, хозяйство и материальная культура, сословный и социальный состав, семейный строй, духовная жизнь»[93]. Столь же подробно изучены вопросы (которые, разумеется, имеют свою специфику), относящиеся к жизни и быту хантов и ненцев. Еще одна обширная тема в монографии — правительственная политика по отношению к аборигенному населению края, сводимая в основном к коллизиям ясачной политики; состав местной администрации; социальные метаморфозы служилых людей городовых гарнизонов; попытки сопротивления со стороны кочевых ненцев русской власти.

Для историков, занимающихся проблемами Западной Сибири предшествующего столетия, наличие исследования Н. А. Миненко оказывает существенную помощь, поскольку предоставляет возможность проследить эволюцию различных сторон колонизационного процесса, начавшегося с конца XVI в. Данная работа ученого (как и более поздние[94]) весьма полезна для воссоздания генеалогий

русских старожилов Нижнего Приобья, тех, чье родословное древо восходит к колонистам XVII в.

Изучение жизнедеятельности русского населения Нижнего Приобья в XVIII–XIX вв. (с заметным расширением тематики) было продолжено Н. А. Миненко и в дальнейшем. Ей принадлежат содержательные очерки в коллективных монографиях по истории Сургута и Березова, по истории Ханты-Мансийского округа в целом. Соответствующие разделы в книгах по истории Сургута и Березова (современное название — Березово) являются значительным вкладом в сибирское городоведение, более того — по рассматриваемому кругу вопросов могут служить своего рода энциклопедией жизни северян (и русских, и аборигенов уезда) в XVIII–XIX вв. Было бы долго перечислять все темы, подробно освещенные в данных работах Н. А. Миненко: это и судьбы православия на Обском Севере, и политическая ссылка, и повседневная жизнь горожан с ее праздниками, семейными обрядами, поверьями и суевериями, и многие другие темы[95].

Наиболее близки к содержанию моей работы исследования безвременно ушедшего из жизни А. Т. Шашкова. В указанных выше и других коллективных монографиях разделы, относящиеся к военно-политическому проникновению Московского государства в Западную Сибирь в XV–XVI вв. и ее ранней колонизации в XVII в., принадлежат перу этого ученого[96]. Кроме того, А. Т. Шашков создал оригинальную хронологию похода Ермака, много работал над темой эволюции независимых угорских «княжеств» в ясачные волости Русского государства, сделал наиболее полный на данный момент обзор монастырей и церквей Западной Сибири, уточнил некоторые даты существования первых городков и острогов за Уралом. Работы А. Т. Шашкова отличает скрупулезность в анализе фактического «сырого» материала. Не увлекаясь историософскими схемами, ученый выдвинул ряд положений конкретно-исторического характера, которые, может быть, не всегда бесспорны, но в любом случае инициируют дальнейшую исследовательскую мысль[97].

Большой вклад в изучение роли служилых людей в колонизационном процессе Западной Сибири внес Н. И. Никитин. Он отстаивает мнение об особой, военно-служилой струе в первоначальной русской колонизации, вступая в дискуссию с теми исследователями, которые, апеллируя к крестьянскому происхождению большинства представителей городового казачества Сибири, оценивают военно-служилую колонизацию как разновидность крестьянской[98]. В действительности служилые люди по прибору (казаки и стрельцы) на этапе ранней колонизации играли доминирующую роль.

Колонизация начиналась с акта захвата новых территорий и приведения коренного населения в ясачное состояние, и продолжалась хозяйственным освоением территорий; при этом в беспашенных северных уездах и в условиях отсутствия русского посадского населения место служилых людей как колонистов становилось исключительным. Трудно оспорить, например, следующее суждение Н. И. Никитина: «В колонизации Сибири в XVII в. крестьяне выступают на первый план далеко не сразу и далеко не везде; на раннем этапе они часто играли или незаметную, или подчиненную роль, а служилое население края — ведущую»[99].

В указанной монографии Н. И. Никитин рассмотрел на большом архивном материале численность, организацию и принципы верстания в службу казаков и стрельцов в западносибирских гарнизонах (кроме Мангазеи). Ученый, в частности, пришел к выводу, что между казаками пешей службы и стрельцами разницы ни в вооружении, ни в окладах, ни в выполняемых обязанностях не было. Это представляется важным, так как до сих пор существуют авторы, которые серьезно рассуждают об отличиях казачьей и стрелецкой службы в Сибири XVII в. В монографии подробно изучены вопросы государственного обеспечения служилых людей, их сельскохозяйственные и торгово-промышленные занятия. Последние, разумеется, были единственными источниками дохода, помимо государева жалованья, для служилых людей северных городов. В отдельной статье этот же круг вопросов, но более подробно Н. И. Никитин осветил применительно к казакам Сургута[100].

Н. И. Никитину принадлежит монографический «обзор» (по оценке самого автора, краткий) истории русской колонизации, охватывающий все периоды русской истории до начала XX в.[101] Видимо, не случайно, что за написание обобщающего труда (автор рассматривает его как первый шаг к созданию коллективного современного исследования по этой стержневой теме русской истории) взялся специалист прежде всего по истории освоения Сибири в XVII в. По моему мнению (конечно, субъективному), присоединение к России территорий в 12 млн кв. км — явление, с точки зрения хотя бы геополитических перспектив, более важное, чем относящийся к тому же столетию церковный раскол[102]. Это не означает, что в своей монографии Н. И. Никитин делает «перекос» в сторону Сибири; колонизуемые территории представлены в ней вполне пропорционально. Посвятив отдельную главу проблеме влияния русской колонизации XVI–XVIII вв. на судьбы народов разноэтничных «окраин», Н. И. Никитин рискует вызвать гневную критику со стороны русофобски настроенной части интеллектуальной элиты на-

циональных республик (автономных округов) России. Знакомство с обширной литературой по теме и собственные архивные изыскания позволили ученому сделать выводы: «Русские в России не стали господствующей, «имперской» нацией. В колонизуемых районах налоги и повинности коренных жителей отличались от возложенного на русских «тягла» лишь формой да, как правило, меньшими размерами. Такие характерные для западноевропейской колонизации Америки или Австралии явления, как умышленное истребление аборигенов для «очистки» от них нужных переселенцам территорий, были на окраинах России немыслимыми»[103]. Надо отметить, что всесторонним осмыслением проблем первоначальной колонизации Сибири историк занимался и до публикации указанной выше монографии, и продолжает заниматься по сей день[104].

Самостоятельным, хотя и небольшим по количеству имеющихся публикаций, является еще одно направление в исследованиях первых русских городов и острогов в Сибири — историко-архитектурное. В XX в. выяснилось, что русское деревянное оборонное зодчество XVII в. в целом перспективно изучать на примерах сибирских острогов, от которых к настоящему времени сохранилось пять деревянных башен. Современное археологическое обследование Мангазеи, позволяющее реконструировать жилые постройки, дает дополнительный импульс историкам архитектуры[105].

Наиболее авторитетными специалистами историко-архитектурного направления являются В. И. Кочедамов и Н. П. Крадин, авторы широко известных реконструкций сибирских городов XVII в.[106] Автор данной работы надеется, что его чисто словесные описания укреплений северных городов обратят на себя внимание историков архитектуры и будут способствовать дальнейшей их графической и макетной реконструкции.

Итоги изучения русской колонизации части Северо-Западной Сибири отражены в новейшем обобщающем труде по истории Ямало-Ненецкого округа[107]. Новизной методологических подходов и введением в научный оборот новых архивных источников отличаются разделы о динамике русской колонизации в течение нескольких столетий (И. В. Побережников), об истории коренного населения региона и русских колонистов в XVII в. (Е. В. Вершинин, М. О. Акишин, А. В. Полетаев), истории собственно Мангазеи и попытках сопротивления местного населения наступлению русской колонизации (Е. В. Вершинин).

Необходимо назвать те монографические исследования по истории «русской» Сибири, которые в явном или латентном виде способствовали написанию данной работы. Это исследования и по другим

регионам Сибири, позволившие проводить сравнения и сопоставления, и работы, способствовавшие уяснению колонизационного процесса в масштабах всей Сибири. Особо ценными для автора были монографии М. И. Белова и Г. А. Леонтьевой. Первый на основе архивных источников рассмотрел восточносибирское мореплавание на кочах, доказав единство приемов судостроения, мореходных качеств и конструктивных особенностей этого судна и в Западной, и в Восточной Сибири[108]. Работа Г. А. Леонтьевой посвящена формированию категории служилых людей в Прибайкалье и Забайкалье во второй половине XVII в., которые стали основой русского старожильческого населения в данном регионе[109]. Ввиду ведущей роли служилых людей в обоих регионах, отчетливей проступают общие черты, характерные для служилой колонизации столь разных по природно-климатическим условиям территорий.

Представленная читателю работа была бы невозможной без широкого концептуального и фактологического контекста, созданного трудами В. А. Александрова, Н. Н. Покровского, З. Я. Бояршиновой, А. А. Преображенского, О. Н. Вилкова, Д. Я. Резуна, А. Н. Копылова, А. А. Люцидарской, Л.А Гольденберга, А. Х. Элерта, А. Р. Артемьева, И. Л. Маньковой, В. В. Трепавлова и некоторых других авторов[110].

Безусловно, изучение русской колонизации невозможно без изучения «обратной стороны медали» — без рассмотрения этноистории, в первую очередь, в XVII в., тех аборигенных народов, которые проживали на колонизуемых территориях. Так же, как и при обзоре литературы по истории «русской» стороны колонизации, отмечу лишь наиболее значимые исследования этнографов (этнологов) для изучаемой темы. Нет особой необходимости говорить об одном из краеугольных камней сибиреведения по изучению XVII столетия — капитальной монографии Б. О. Долгих о численности, родовом и племенном составе больших и малых народов Сибири, их территориальной локализации[111]. Основанные на несовершенных данных документов ясачного учета, подсчеты Б. О. Долгих могут немного отклоняться от абсолютной и недоступной историку истины, но других источников, как и подобного фундаментального исследования, не имеется.

В своих обширных по разнообразию изучаемых проблем трудах интересные экскурсы в этноисторию кочевых ненцев XVII–XVIII вв. делает А. В. Головнёв. Для нашей темы специальный интерес представляют выводы ученого о социальной структуре кочевых ненцев, как и суждения о самих причинах «внезапного» перехода сибирских самоедов, начиная с XVII в., к культуре крупностадного оленеводства. Для данного времени А. В. Головнёв полагает, что «ненецкий

род, обычно представляемый разлагающимся рудиментом первобытности, в действительности был боевым и здоровым организмом. Он формировался вокруг вождя и его родичей, представляя собой орду воинов и промысловиков. С развитием крупностадного оленеводства ненецкие роды оказались рассеянными по тундре, множась на ветви под началом новых поколений лидеров»[112]. Сама же кочевая оленеводческая культура ненцев сложилась тоже в XVII в. (ее появление А. В. Головнёв обозначает как «оленеводческую революцию») и являлась «ответом туземных культур на воздействие российской государственности». Фактически ученый указывает на решающую роль наступления русской колонизации в смене хозяйственных и социально-культурных парадигм сибирских ненцев. Он пишет: «Именно оленеводство обеспечивало тот уровень экономической и социальной автономии, который позволял коренным жителям не только обходиться без цивилизованной поддержки, но и пытаться противостоять ей... В ходе то явной, то скрытой борьбы против российского воздействия олень стал символом независимости для туземцев... Едва ли не главным фактором становления кочевничества в тундре явилось стремление туземцев к независимости от новой власти»[113].

Этнологи в подавляющем большинстве опираются на материалы «этнографической современности», опускаясь по временной шкале вниз максимум на 1–2 столетия. Работ, в которых рассматриваются те или иные народы Западной Сибири в эпоху ранней русской колонизации, немного. Оригинальностью и смелостью суждений отличается монография Г. И. Пелих о селькупах в XVII в.[114] Территорию исконного расселения селькупов она расширяет до района Сургута, а исторически известное хантыйское княжество Бардака определяет как селькупское. «Пегую орду», зафиксированную русскими источниками, Г. И. Пелих считает военно-потестарным объединением, военным союзом главных селькупских вождей (маргкоков) во главе с Воней. Весьма нестандартно звучит вывод Г. И. Пелих о том, что разгром Пегой орды русскими отрядами встретил одобрение со стороны рядовой массы селькупов, желавших сохранить формы родо-племенного быта, а последние «были поставлены на службу колониальным властям»[115].

Первому столетию существования сообществ обских угров (хантов и манси) в составе Русского государства посвящен очерк Е. Г. Федоровой[116]. С некоторыми утверждениями, высказанными в данной работе, трудно согласиться. Следуя мнению С. В. Бахрушина, Е. Г. Федорова пишет: «На протяжении XVII в. происходило много столкновений между остяками и северными самоедами.

В результате березовсие остяки подчинили себе кунную и карачейскую самоядь, кочевавшую по рекам Пуру и Тазу, а сургутские — самоядь асидскую и кунную, а также кузнецкую на Пур-Югане»[117]. Мнение С. В. Бахрушина, мягко говоря, устарело. В XVII в., наоборот, остяки стали жертвами набегов кочевых ненцев, а формальная приписка родов сибирских ненцев к Обдорской волости, во главе которой стоял потомственный остяцкий князец, вовсе не означала реального подчинения самоедов северным остякам, как и уплату первыми фиксированного ясака. Е. Г. Федорова поддерживает положение С. В. Бахрушина о том, что в угорском обществе дорусского периода складывались элементы феодализма, ликвидированные в XVII в.[118] О спорности этой концепции С. В. Бахрушина будет сказано ниже (см. гл. IV.2).

Традиционным религиозным верованиям хантов, бытовавшим в XVII — XX вв., посвящена монография Е.М. Главацкой[119]. Оценивая исследование Е. М. Главацкой как религиоведческое, нельзя не признать его новаторским с точки зрения применения новых методик фиксации религиозных изменений в среде хантов на длительном временном отрезке. Но, обращаясь к тем страницам данного труда, которые относятся к этапу ранней колонизации, хотелось бы уточнить некоторые формулировки и выводы автора. Е. М. Главацкая пишет как о состоявшемся восстании северных хантов в 1607 г. в Березовском уезде (с. 64). Неудивительно, что автор ничего не могла сказать о боевых действиях и подавлении восстания — хотя бы потому, что восстание существовало только в планах заговорщиков (см. гл. IV.4). Касаясь распространения православия среди аборигенов Западной Сибири, автор пишет: «Несмотря на то, что активной миссионерской деятельности на территории края не велось, к концу XVII в. все же сложился значительный слой новокрещенов» (с. 81). Состав гарнизонов городов Северо-Западной Сибири (а новокрещены в обязательном порядке верстались в службу) не дает оснований для такого вывода; категория служилых новокрещенов была ничтожно мала.

Панорамное исследование истории и культуры нижнеобских хантов в XVII — начале XX в. представила Е. В. Перевалова[120]. Она выяснила, что на складывание этой северной этнографической группы (проходившее уже в условиях русской колонизации) русская власть и переселенцы оказали меньшее культурное и хозяйственное влияние, чем на хантов восточной и южной групп. Ценным представляется обращение Е. В. Переваловой к архивным материалам ревизий конца XVIII — середины XIX вв., в которых зафиксирован фамильный и численный состав аборигенов фактически всех по-

селений Нижнего Приобья. Вместе с тем, работа Е. В. Переваловой не свободна от повторения историографических мифов: о масштабном восстании коренного населения в 1607 г. (с. 42), о постройке в Обдорском городке в 1602 г. церкви во имя Василия Кесарийского (с. 63–64). Последний факт Е. В. Перевалова заимствовала из дореволюционной работы (1909 г.) В. Н. Герасимова, как, видимо, и фразу: «Тобольскому епархиальному гражданскому начальству было предписано устроить в Обдорске храм», что и было сделано в 1602 г. Никакого епархиального, да еще гражданского, начальства в Тобольске в начале XVII в. быть не могло, поскольку, как говорилось выше, Сибирская и Тобольская епархия была основана в 1621 г. Достоверных сведений о церкви в Обдорске до середины XVIII в. просто не существует.

* * *

Источниковой базой данного исследования стали разнообразные по характеру делопроизводственные материалы воеводских (съезжих) изб городов Сибири и центральных учреждений, управлявших Сибирью — приказа Казанского дворца и унаследовавшего от него документацию Сибирского приказа (с 1637 г.). Следует сказать о запутанной и драматичной судьбе местных сибирских архивов XVII в. В мае 1626 г. в московском Кремле случился пожар, в огне которого погибла документация нескольких центральных приказов, в том числе и Сибирского стола Казанского дворца. Ввиду этого в Тобольск, которому подчинялись все существовавшие тогда сибирские города, было послано распоряжение о снятии копий со всей документации текущего делопроизводства и, кроме того, с воеводских наказов, указных грамот и документов фискального учета прошлых лет. Воеводы Тобольска разослали этот указ по всем городам разряда.

Очевидно, это распоряжение было выполнено. По крайней мере, о копировании документов в Сургуте в августе-сентябре 1626 г. хорошо известно; копии должны были быть отправлены в Тобольск не позднее 6 октября. Сургутские тетради были переправлены в Москву, где в конечном итоге составили отдельную копийную книгу (РГАДА. Ф. 214. Кн. 1). В нее вошли 11 самых ранних наказов сургутским воеводам (начиная с 1594 г.), 48 указных грамот, 8 воеводских отписок из Сургута, 2 ясачные книги по Сургутскому уезду за 1624–1625 гг. и книга окладного жалованья 1625/26 г. Сургутская копийная книга дает представление, какие документы сибирских изб в Москве считали наиболее важными. Из самого Тобольска

в Москву послали, среди прочего, копии переписки между Казанским приказом и тобольскими воеводами о запрещении Мангазейского морского хода[121]. К счастью для историков, тобольские воеводы успели отправить в Москву и присланные им с мест копии. К счастью — потому что 9 декабря 1628 г. сгорела тобольская съезжая изба со всеми старыми делами (пожар случился небрежением сторожа Богдана Иванова, топившего печь). Вследствие двух почти одновременных пожаров, московского и тобольского, русская колонизация Сибири в конце XVI — первой четверти XVII века весьма недостаточно освещена источниками. В Сибирском приказе документы местных изб до 1626 г. отложились в «избранном» виде; после этого года архив приказа приобрел характер исключительно центрального учреждения, в котором документы по «микроистории» того или иного сибирского уезда и не могли отложиться.

Судьба же местных сибирских архивов, хранивших ценнейшую информацию по ранней колонизации, была печальной. Что касается Сургута, то в 1712 г. «весь город, канцелярия и дела згорели»[122]. Прибывший в Сургут в 1740 г. Г. Ф. Миллер не обнаружил здесь документов XVII в., что явилось причиной очевидной слабости «сургутских» страниц в его «Истории Сибири». Местный Мангазейский архив вместе с воеводой и жителями переместился около 1672 г. в Туруханск. Летом 1739 г. в Туруханск прибыл Г. Ф. Миллер и провел там ровно месяц. Нам неизвестно, в каком виде он застал архив Мангазеи; Г. Ф. Миллер и его помощники сняли копии 146 документов. Мангазейский архив, многие столбцы которого уже в середине XVII в. находились в плохом состоянии, так и хранился, видимо, в Туруханске до начала XX в. После революции 1905–1907 гг. Туруханский край стал местом пребывания политических ссыльных. К 1908 г. относятся события так называемого «Туруханского бунта». Группа ссыльных анархического толка, решившись на побег, захватила Туруханск, где находилось полицейское управление с приставом. Спустя несколько лет, Я. М. Свердлов из расспросов местных жителей узнал: «Полицейское управление было сожжено. При этом сожгли находившийся там очень богатый и ценный в историческом отношении краевой архив. В последнем, по рассказам, сохранялись документы, касавшиеся самого заселения края, различные жалованные грамоты с самого возникновения города в 1607 году»[123]. Так, скорее всего, погибли документы и Старой Мангазеи.

Насчет состояния архива Березова к приезду в город Г. Ф. Миллера (июль 1740 г.) имеются противоречивые сведения. Н. А. Миненко пишет: «Когда в 1739 г. Березовской воеводской канцелярии пришлось составлять историческую справку о городе для Г. Ф. Мил-

лера, каких-либо документов о времени его основания найти не удалось — все они сгорели в 1719 г.»[124] Сам Г. Ф. Миллер после осмотра березовского архива писал, что «он имел счастие... открыть много старинных и полезных известий, которые все вместе велел списать для будущего пользования»[125]. С сохранившихся документов помощники Г. Ф. Миллера сняли 140 копий. Возможно, беспомощность служителей канцелярии в определении времени основания Березова была вызвана двумя обстоятельствами: 1) Наказ от декабря 1592 г. об основании Пелыма и Березова хранился в архиве Пелыма; 2) Нерадивостью самих канцеляристов, поскольку копии Г. Ф. Миллера открывает документ 1593/1594 г., находившийся в березовском архиве еще в 1740 г. Какова была судьба березовского архива в дальнейшем, после работы в нем Г. Ф. Миллера, неизвестно.

То же самое можно сказать и об архиве Пелыма. Г. Ф. Миллер работал в нем в феврале 1742 г.; сделанные его помощниками копии (105 единиц) особенно ценны тем, что все документы относятся к концу XVI — первой четверти XVII в. У меня нет сведений, что случилось с архивом в XVIII–XIX вв. Летом 1740 г. Г. Ф. Миллер посетил Нарым, куда был доставлен и архив из Кетского острога. Были скопированы 20 документов из нарымского архива и 76 — из кетского. Документы почему-то охватывают только первую треть XVII в., к тому же часть из них (грамоты из Москвы) посвящена изложению коллизий Смуты и потому бесполезна для изучения колонизации Сибири. Судьба архивов Нарыма и Кетска также неизвестна.

Копийные книги сибирских архивов в 1770 г. были высланы Г. Ф. Миллером (34 единицы) из Москвы в Санкт-Петербург, где и хранятся доныне в архиве Академии наук[126]. Публикацию этих документов начал сам Г. Ф. Миллер в качестве приложений к своей «Истории Сибири». Помимо этого, в XIX в. были опубликованы отдельные документы из этих книг в таких изданиях, как «Собрание государственных грамот и договоров», «Дополнения к Актам историческим», «Русская историческая библиотека» и др.

Автор данной работы полностью просмотрел и использовал еще не опубликованные документы копийных книг березовского и мангазейского архивов, находящихся в архиве Академии наук. И все же основной источниковой базой стали документы, сохранившиеся в Сибирском приказе после пожара 1626 г. (РГАДА, ф. 214). Это ясачные и окладные книги; наказы воеводам; переписка между приказом и воеводами; материалы сысков о злоупотреблениях сибирской администрации; челобитные русских колонистов и аборигенного населения. Если копии Г. Ф. Миллера хранятся в компактном виде,

то сведения о каком-либо конкретном уезде могут быть разбросаны по разным книгам и столбцам огромного фонда Сибирского приказа (при этом удовлетворительных современных описей не существует). Поэтому вызывает некоторое удивление утверждение М. И. Белова, что документы, например, о Мангазее содержатся в 225 столбцах Сибирского приказа, из которых ученый просмотрел 117[127]. Между тем, один столбец может содержать десятки документов, относящихся к совершенно разным городам и регионам Сибири. Среди сотен листов столбца «западносибирские» документы часто занимают всего лишь несколько листов. С одной стороны, такое положение дел сильно затрудняет архивный поиск, с другой — оставляет надежду на обнаружение новых документов.

Автор хорошо осознает один из очевидных недостатков своей работы с таким видом архивных источников, как «именные» книги окладного жалованья служилым людям, в которых указывались их «чины», хлебные и соляные оклады. Рассмотренные с определенными временными интервалами, эти книги могли бы указать на складывание старожильческих династий в служилой среде. По подсчетам Н. И. Никитина, в фонде Сибирского приказа за XVII в. сохранилось по Сургуту 75 именных книг, по Березову — 85, по Пелыму — 70[128]. Однако, имея возможность работать с материалами РГАДА, автор не имел в виду разработку темы русского старожильческого населения северных городов; она пришла позднее, почему данный вид источников использован в выборочном опубликованном варианте.

Следует указать на сборники документов, которые специально относятся к истории Северо-Западной Сибири в эпоху первоначальной колонизации. В 1951 г. появилась весьма ценная для исследователей публикация документов из фонда Сибирского приказа о плаваниях из Тобольска в Мангазею на кочах, их масштабах и эффективности для связи с этим заполярным городом[129]. Недавно была опубликована тематическая подборка документов по истории северных хантов и ненцев, истории Мангазейского морского хода и самого города. Сборник включает как ранее опубликованные документы, так и новые архивные материалы[130]. Первая значительная публикация документов по истории Сургутского уезда в XVII в. была осуществлена Е. В. Вершининым и А.Т. Шашковым[131]. Ее составили ранее не публиковавшиеся документы из фонда Сибирского приказа.

Е. К. Ромодановская опубликовала две наиболее ранние редакции «Жития Василия Мангазейского», которые были составлены во второй половине XVII в. и потому сохранили массу интересных деталей о быте и настроениях жителей тогда еще обитаемого города[132].

Несколько важных документов разнородного характера, в том числе об осаде Березова в 1595 г. и строительстве укреплений Новой Мангазеи в 1672 г., было опубликовано в новосибирской серии сборников «История Сибири. Первоисточники»[133].

В заключение хотелось бы выразить признательность своим коллегам-историкам, в том или ином виде оказавшим мне поддержку при создании книги,— Г. П. Визгалову, В. В. Трепавлову, Н. И. Никитину, Г. А. Леонтьевой, И. В. Побережникову.

Книга была закончена в августе 2015 г., поэтому в ней не учтены новейшие публикации, полезные для темы (например: Головнёв А. В. Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015).

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См.: *Зуев А. С.* Русские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII вв. Новосибирск, 2002; *Он же*. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII — XVIII век). Новосибирск, 2009.

2 Г. В. Ибнеева и И. А. Попов отмечают, что «современные зарубежные авторы, подчеркивая уникальность русской колонизации, все больше настаивают на использовании понятия русская колонизация как отдельного термина» (*Ибнеева Г. В., Попов И. А.* Понятие «колонизация» в трудах современных англо-американских исследователей истории России // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Т. 156, кн. 3. Казань, 2014. С. 270).

3 *Буцинский П. Н.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников // *Буцинский П. Н.* Соч. в двух томах: Т. 1. Тюмень, 1999. С. 14–15.

4 *Миненко Н. А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первой половины XIX в.). Новосибирск, 1979. С. 21.

5 *Ядринцев Н. М.* Сочинения: Т. 1. Сибирь как колония: Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее. Тюмень, 2000. С. 437.

Для авторов конца XIX в., в отличие от современных историков, знакомых с опытом глобальной «деколонизации» мира XX столетия, не являлось, очевидно, принципиальным различие между «колонизационной» и «колониальной» политикой, между «колонистом» и «колонизатором». В современном английском языке существуют, как и в русском, разные по смысловому значению слова colonist (колонист, переселенец) и colonizer (колонизатор). В испанском же языке такая дифференциация менее заметна: слово colonizador как прилагательное имеет одновременно значение и «колонизационный», и «колонизаторский», а как существительное — «колонизатор». О разной семантической нагрузке в английском и русском языках слов, производных от латинского colonia, см.: *Ибнеева Г. В., Попов И. А.* Указ соч. С. 267–276.

[6] *Ядринцев Н. М.* Указ. соч. С. 447.

[7] *Багалей Д. И.* Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887. С. XV–XVI.

[8] Там же. С. 569.

[9] *Зубков К. И.* Колонизация как фактор социально-экономического развития // Уральский исторический вестник. № 2 (23). Екатеринбург, 2009. С. 21.

[10] Впрочем, справедливости ради надо сказать, что и С. В. Бахрушин допускал гневно-обличительную риторику в адрес «колониальной» политики царизма, но воспринимать ее всерьез — значит совсем не учитывать особенности эпохи. Из конкретных работ ученого, где показаны жестокости покорения Сибири, даже марксистской науке не пришлась «ко двору» небольшая книга ученого о проникновении русских отрядов на Амур (*Бахрушин С. В.* Казаки на Амуре. Л., 1925). Книга с тех пор не переиздавалась, в наше время — по причине боязни очернить деяния отряда Е. П. Хабарова в отношении местных народов. А между тем она написана на основе архивных источников; другое дело, в какой контекст своих знаний поместит их тот или иной читатель.

[11] Например, когда этнограф Е. В. Перевалова пишет: «Системы ценностей у колонизаторов и колонизуемых народов далеко не одинаковы» (*Перевалова Е. В.* «Белый царь» в угорско-самодийской традиции // Народонаселение Сибири: стратегии и практики межкультурной коммуникации (XVII — начало XX века). Новосибирск, 2008. С. 155). Здесь у автора не понятно, кто скрывается за «колонизаторами» — просто переселенцы-колонисты, или правительственные агенты, устанавливающие режим дискриминации и эксплуатации коренного населения.

[12] Подробнее об этом см.: *Зуев А. С.* От завоевания к вхождению, или Как присоединяли Сибирь к России советские историки // Родина. 2000. № 5. С. 56–63; *Никитин Н. И.* О характере присоединения Сибири к России // Труды Института российской истории. Вып. 10. М., 2012. С. 53–70.

[13] *Шунков В. И.* Вопросы аграрной истории России. М., 1974. С. 211.

[14] История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 55.

[15] *Зуев А. С.* Русские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири... С. 167–168.

[16] *Никитин Н. И.* О характере присоединения Сибири к России... С. 62. Оригинальную (и неубедительную) точку зрения на факт вхождения сибирских земель в состав России высказал А. Д. Агеев. Отрицая применимость терминов «покорение», «завоевание», «присоединение» в отношении Сибири, он утверждал, что «присоединение (sic!) Сибири было не «завоеванием» и не «покорением», а продолжением старой политики «собирания земель» и формирования национального государства, или «нации-империи». Поэтому присоединение (Западной) Сибири было похоже на присоединение Поволжья и иных территорий» (*Агеев А. Д.* Сибирь и американский запад: движение фронтиров. М. 2005. С. 107). Утверждение настолько неожиданное, что любого критика может поставить в затруднительное положение.

17 *Черносвитов П. Ю.* Русская колонизация Севера: становление и разрушение «генофондов культуры» // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII — XIX вв. (историко-археологические исследования). Владивосток, 1992. Т. 1. С. 123–124.

18 *Головнёв А. В.* Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004. С. 6–7.

19 *Черносвитов П. Ю.* Указ. соч. С. 134.

20 *Тёрнер Ф. Дж.* Фронтир в американской истории. М., 2009; *Болховитинов Н. Н.* О роли «подвижной границы» в истории США // Вопросы истории.1962. № 9. С. 57–74; *Он же*. США: проблемы истории и современная историография. М., 1980. С. 301–338.

21 *Болховитинов Н. Н.* О роли «подвижной границы» в истории США. С. 60–61.

22 *Чернавская В. Н.* «Восточный фронтир» России XVII — начала XVIII века: Историко-историографические очерки. Владивосток, 2003. С. 6.

23 Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Вып. 1–3. Новосибирск, 2001, 2002, 2003; *Резун Д. Я.* Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2005; *Резун Д. Я., Шиловский М. В.* Сибирь, конец XVI — начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005.

24 *Резун Д. Я.* Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв. С. 4.

25 *Резун Д. Я., Шиловский М. В.* Сибирь, конец XVI — начало XX века. С. 16. Представители русского старожильческого населения стали со временем называть сами себя «сибиряками», а более поздних переселенцев в Сибирь — «российскими» людьми. Однако, «несмотря на все своеобразие, русские сибиряки сохранили много общего со своими предками из Европейской России. Подтверждением этого является вся материальная и духовная культура русских, сложившаяся в разных регионах Сибири» (Русские. М., 2005. С. 114–115).

26 *Шиловский М. В.* Фронтир и переселения (сибирский опыт) // Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Вып. 3. С. 10; *Резун Д. Я., Шиловский М. В.* Сибирь, конец XVI — начало XX века. С. 16. (процитировано издание 2005 г.) В таком случае термину «фронтир» можно придавать сколь угодно расширительное толкование. В литературе уже встречается выражение «конфессиональный фронтир». Анализируя гражданские войны, можно было бы говорить о «социальных фронтирах»; раскол в XVIII в. единой русской культуры на дворянскую и народно-фольклорную можно трактовать как «культурный фронтир».

27 *Хромых А. С.* К вопросу о применении понятий «колонизация и «фронтир» в изучении истории Сибири // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Новосибирск, 2009. С. 112–113.

28 *Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Зубков К. И., Побережников И. В.* Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века. М., 2004. С. 207–208.

[29] *Никитин Н. И.* Русская колонизация с древнейших времен до начала XX века (исторический обзор). М., 2010. С. 3–6.

[30] *Агеев А. Д.* Указ соч.

[31] Не акцентируя внимания на понятии фронтира, корректней сравнивать цели, механизмы, формы этнических контактов, политику христианизации и итоги ранней колонизации, проводимой такими странами, как Испания и Россия. Например, на весьма интересные размышления в компаративном аспекте наводит исследование: *Кеймен Г.* Испания: дорога к империи. М., 2008. С. 142–216.

[32] *Акимов Ю. Г.* Северная Америка и Сибирь в конце XVI — середине XVIII в.: Очерк сравнительной истории колонизаций. СПб., 2010. С. 4.

[33] Там же. С. 26–27.

[34] Там же. С. 253–254.

[35] Там же. С. 188–189.

[36] *Никитин Н. И.* Русская колонизация с древнейших времен до начала XX века. С. 75.

[37] Говоря о развивавшемся в Сибири земледелии в рамках феодальных отношений, господствовавших в метрополии, и особенностях его развития на колонизуемых землях, Ю. Г. Акимов предлагает определение «государственно-колониальный феодализм» (*Акимов Ю. Г.* Указ. соч. С. 119–120). Используя данное определение, я принимаю его только как экономическую характеристику колонизации.

[38] *Ананьев Д. А., Комлева Е. В., Раев Д. В., Резун Д. Я., Соколовский И. Р., Туманик И. Р.* «Новые земли» и освоение Сибири в XVI–XIX вв. Очерки истории и историографии. Новосибирск, 2006. С. 20–123.

[39] *Алексеева Е. В.* Русская Америка. Американская Россия? Екатеринбург, 1998. С. 88–202.

[40] *Чернавская В. Н.* Великие русские географические открытия на северо-востоке Азии в XVII–XVIII веках в освещении англо-американской историографии // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (историко-археологические исследования). Владивосток, 1992. С. 143–164.

[41] Цит. по: *Алексеева Е. В.* Русская Америка. Американская Россия? С. 163.

[42] *Акимов Ю. Г.* Указ. соч. С. 21. (Сам автор цитирует работу: Б. Дмитришин. A History of Russia, 1977).

[43] *Ходарковский М.* В чем Россия «опережала» Европу, или Россия как колониальная империя // Там, внутри. Практики внутренней колонизации России: Сб. статей. М., 2012. С. 110–111.

[44] Там же. С. 112.

[45] *Forsyth James*. A history of the peoples of Siberia. Russia's North Asian colony, 1581–1990. Cambridge, 1996. P. 34.

[46] Idem. P. 43.

[47] Idem. P. 45–46.

[48] *Bassin Mark*. Expansion and colonialism on the eastern frontier: views of Siberia and the Far East in pre-Petrine Russia // Journal of Historical Geography.

1988. 14 (1). P. 11. Здесь Бассен цитирует работу Р. Фишера «The Russian fur trade. 1550–1700» (Berkeley, 1943).

49 Idem. P. 16.

50 *Пайпс Р.* Россия при старом режиме. М., 1993. С. 29.

51 *Lantzeff Georg V.* Siberia in the seventeenth centure. A study of the Colonial Administration. Berkeley and Los Angeles. 1943. P. 104.

52 Idem. P. 110.

53 *Huttenbach Henry R.* Moscovy's Penetration of Siberia. Colonization Process, 1555–1689 // Russian colonial expansion to 1917. London and New York. 1988. P. 96.

54 Idem. P. 100.

55 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М., 1999, 2000, 2005. Т. I, II, III.

56 Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера / Пер. и подготовка текста, предисл., коммент. А. Х. Элерта.— Екатеринбург, 2006; *Миллер Г. Ф.* Описание сибирских народов / Изд. А. Х. Элерт, В. Хинтцше / Пер. с нем. А. Х. Элерт. М., 2009.

57 *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995; *Щеглов И. В.* Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032–1882 гг. Сургут, 1993.

58 *Абрамов Н. А.* Описание Березовского края // Записки РГО. Кн. XII. СПб., 1857. С. 329–448.

59 *Он же.* Город Тюмень: из истории Тобольской епархии. Тюмень, 1998. С. 517–527.

60 *Анучин Д. Н.* 1) К истории ознакомления с Сибирью до Ермака // Древности. Труды Московского Археологического об-ва. 1890. Т. XIV. С. 227–313; 2) Город Мангазея и Мунгазейская земля // *Анучин Д. Н.* Географические работы. М., 1954. С. 143–152.

61 *Плигузов А. И.* Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.– Ньютонвиль, 1993.

62 *Буцинский П. Н.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Тюмень, 1999; *Он же.* Соч. в двух томах: Т. 2. Мангазея, Сургут, Нарым и Кетск. Тюмень, 1999.

63 *Мирзоев В. Г.* Историография Сибири. М., 1970. С. 365–366.

64 *Бахрушин С. В.* Научные труды. М., 1955. Т. III. Ч. 1. С. 72–136.

65 Там же. С. 175–197, 297–330, 331–354.

66 Там же. С. 297.

67 Якутия в XVII веке. Якутск, 1953. С. 10–26.

68 *Бахрушин С. В.* Снаряжение русских промышленников в Сибири в XVII веке // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. Л.; М., 1951. С. 85–92.

69 *Он же.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. С. 118–140.

70 *Он же.* Научные труды. М., 1955. Т. III. Ч. 2. С. 86–152.

71 *Он же.* Научные труды. Т. III. Ч. 2. С. 5–12, 49–85.

72 1) Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII века // *Шунков В. И.* Вопросы аграрной истории... С. 25–192; 2) *Он же.* Очер-

ки по истории земледелия Сибири. М., 1956. Интересно отметить, что обе монографии ученого, посвященные одной теме (вторая книга просто географически намного шире), имеют несколько разные названия. Первая монография была издана в 1940 г., когда и С. В. Бахрушин, и В. И. Шунков могли смело употреблять слово «колонизация». Однако на рубеже 1940-х — 1950-х гг. термин «колонизация» стал приобретать негативный смысл, что требовало от научных трудов приемлемой замены.

73 *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. М., 1964. С. 11–32, 59–77.

74 *Павлов П. Н.* 1) Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972; 2) Промысловая колонизация Сибири в XVII в. Красноярск, 1974.

75 *Он же.* Потомки землепроходцев в Туруханском крае в первой половине XIX в. // Из истории крестьянства Восточной Сибири. Красноярск, 1966. С. 84–114.

76 *Визе В. Ю.* Моря советской Арктики: очерки по истории исследования. М.; Л., 1948. С. 17–58.

77 *Белов М. И.* Арктические плавания и устройство русских морских судов в XVII веке // Исторический памятник русского арктического мореплавания... С. 63–80; *Он же.* Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. М., 1956. С. 106–127, 188–215.

78 *Он же.* Мангазея. Л., 1969.

79 *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Мангазейский морской ход. Ч. 1. Л., 1980; Они же. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. Ч. 2. М., 1981.

80 Разделы книги, основанные на письменных источниках, принадлежат исключительно М. И. Белову.

81 *Белов М. И.* Раскопки русского заполярного города // Летопись Севера. М., 1972. С. 163.

82 *Вилков О. Н., Курсков Ю. В.* Исследование о русском западносибирском городе Мангазея // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI — первой половины XIX века. Новосибирск, 1987. С. 253–254.

83 Там же.

84 *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Мангазейский морской ход. Ч. 1. С. 30.

85 *Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.* Мангазея. Новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург–Нефтеюганск, 2008. С. 30.

86 *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Мангазейский морской ход. Ч. 1. С. 79.

87 *Буцинский П. Н.* Сибирские архиепископы: Макарий, Нектарий, Герасим (1625–1650 гг.) // *Буцинский П. Н.* Соч. в двух томах: Т. 2. Мангазея, Сургут, Нарым и Кетск. С. 252–276.

88 *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Мангазейский морской ход. Ч. 1. С. 80.

89 Там же.

90 *Бахрушин С. В.* Мангазейская мирская община в XVII в. // *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т III. Ч. 1. С. 299–300.

91 *Вершинин Е. В.* Коч и русское освоение Западной Сибири (конец XVI — XVII вв.) // Полярный архив. М., 2003. Т. 1. С. 97.

92 *Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975.

93 Там же. С. 5.

94 *Миненко Н. А.* Русские старожилы Югры // Русское старожильческое население Югры в конце XVI — середине XIX вв. С. 257–288.

95 Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 135–261; Березово (Очерки истории с древности до наших дней). Екатеринбург, 2008. С. 107–307; Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 209–292.

96 Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995. С. 72–175; Древний город на Оби: История Сургута. С. 87–100, 115–134; Березово. С. 63–103; Очерки истории Югры. С. 75–160.

97 *Шашков А. Т.* 1) Северный Урал и Нижнее Приобье в конце XV — XVI вв.(по русским и иностранным источникам) // Историческая наука на рубеже веков. Екатеринбург, 2000. С. 94–108; 2) Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 8–51; 3) Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири и их библиотеки // Книжные сокровища Югры. Екатеринбург, 2003. С. 5–62; 4) Самаровский ям и его жители в XVII в. // Западная Сибирь: Прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 65–89.

В изданный посмертно сборник трудов А. Т. Шашкова вошли и его ранее опубликованные исследования по истории Северо-Западной Сибири: *Шашков А. Т.* Избранные труды. Екатеринбург, 2013.

98 *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск, 1988. С. 14–15; *Он же.* Военные факторы колонизации Сибири XVII века как объект специального изучения // Российская история. 2014. № 3. С. 77–78.

99 *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII в. С. 14.

100 *Он же.* Казачество Сургута в XVII в. // Русское старожильческое население Югры в конце XVI — середине XIX вв.: Исследовательские материалы и документы. М., 2007. С. 147–155.

101 *Он же.* Русская колонизация с древнейших времен до начала XX века (исторический обзор). М., 2010.

102 Отнюдь не сравнивая исторические явления разного порядка, последствия которых имеют свое значение для определенных сторон эволюции общества и государства, автор этих строк сетует лишь на то, что в некоторых современных учебных пособиях освоение Сибири в XVII в. отражено абрисно, в то время, как события в Центральной России освещены весьма подробно. До сих пор вспоминаю курьезные речи 30-летней давности одной жительницы Москвы (историка по образованию): «Вот, еду на конференцию в Новосибирск. Очень хотелось бы на Байкал посмотреть».

103 *Никитин Н. И.* Русская колонизация с древнейших времен... С. 80.

104 *Никитин Н. И.* Сибирская эпопея XVII века (начало освоения Сибири русскими людьми). М., 1987; *Он же.* Соратники Ермака после «Сибирского взятья» // Русское старожильческое население Югры. С. 39–64; *Он же.* О характере присоединения Сибири к России // Труды Института российской истории РАН. М., 2012. № 10. С. 53–70; *Он же.* Военные факторы колонизации Сибири XVII века как объект специального изучения // Российская история. М., 2014. № 3. С. 72–90.

105 *Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.* Указ. соч. С. 34–60.

106 *Кочедамов В. И.* Первые русские города Сибири. М., 1978; *Крадин Н. П.* К вопросу о реконструкции города Мангазеи // Города Сибири: Эпоха феодализма и капитализма. Новосибирск, 1978. С. 212–235; *Он же.* Русское деревянное оборонное зодчество. М., 1988; Градостроительство Сибири. СПб., 2011. С. 103–216.

107 История Ямала: в 2-х томах. Т. I: Ямал традиционный. Кн. 2. Российская колонизация. Екатеринбург, 2010.

108 *Белов М. И.* Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века. М., 1956. С. 146–186.

109 *Леонтьева Г. А.* Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII вв. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М., 2012.

110 *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск., 1991; *Бояршинова З. Я.* Население Томского уезда в первой половине XVII века // Труды Томского государственного университета. Т. 112. Томск, 1950. С. 21–210; *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972; *Вилков О. Н.* Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI — начала XVIII в. Новосибирск, 1990; *Резун Д. Я.* Родословная сибирских фамилий. Новосибирск, 1993; *Копылов А. Н.* Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск, 1965; *Люцидарская А. А.* Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки. XVII — начало XVIII в. Новосибирск, 1992; *Гольденберг Л. А.* Семен Ульянович Ремезов. М., 1965; *Элерт А. Х.* Народы Сибири в трудах Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1999; *Артемьев А. Р.* Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток, 1999; *Курлаев Е. А., Манькова И. Л.* Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII в.: у истоков российской промышленной политики. М., 2005; *Трепавлов В. В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012.

111 *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960.

112 *Головнёв А. В.* Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004. С. 56.

113 *Он же.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, С. 195.

114 *Пелих Г. И.* Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории). Новосибирск, 1981.

115 Там же. С. 171.

116 *Федорова Е. Г.* Обские угры: вехи этнической истории // Народы Сибири в составе государства Российского (очерки этнической истории). СПб., 1999. С. 5–68.

117 Там же. С. 10.

118 Там же. С. 63.

119 *Главацкая Е. М.* Религиозные традиции хантов XVII–XX вв. Екатеринбург–Салехард, 2005.

120 *Перевалова Е. В.* Северные ханты: этническая история. Екатерибург, 2004.

121 Эта переписка была недавно вновь опубликована (после первой публикации 1875 г.) в кн.: Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сб. док. Составители, авторы предисловия и комментариев Е. В. Вершинин, Г. П. Визгалов. Екатеринбург, 2004. С. 75–89.

122 Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982. С. 175.

123 *Свердлов Я. М.* Избранные произведения. Т. 1. М., 1957. С. 37–45.

124 *Миненко Н. А.* От Петра до Павла: XVIII век в биографии города // Березово. С. 176.

125 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. Приложения. С. 490.

126 СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16 (Пелымский, Березовский, Нарымский и Кетский архивы); Д. 21 (Мангазейский архив).

Описи дел этих копийных книг, как и перечень опубликованных из них документов, содержится в: Актовые источники по истории России и Сибири XVI–XVIII веков в фондах Г. Ф. Миллера. Т. 1. Новосибирск, 1993. С. 67–71, 207–221; Т. 2. Новосибирск, 1995. С. 159–166.

127 *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Мангазейский морской ход. С. 30.

128 *Никитин Н. И.* Казачество Сургута в XVII в. С. 154.

129 Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века: Сб. док. М., 1951. С. 51–89.

130 Обдорский край и Мангазея в XVII веке.

131 *Вершинин Е. В., Шашков А. Т.* Документы XVII века по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Сб. науч. тр. Екатеринбург, 2002. С. 114–240.

132 *Ромодановская Е. К.* 1) Легенда о Василии Мангазейском // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 190–210; 2) Житие Василия Мангазейского // Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. Новосибирск, 2001. С. 345–352.

133 Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск, 1994; Первое столетие сибирских городов. XVII век. Новосибирск, 1996.

Глава I. Утверждение России на территории Северо-Западной Сибири

1. Присоединение Нижнего и Среднего Приобья к Русскому государству

Предыстория Наверное, нет такого исследования по истории русской колонизации Сибири, в котором бы в том или ином контексте не присутствовали ранние (новгородские) контакты славянского населения с народами Северного Приуралья и Нижнего Приобья. Предыстория политической экспансии Московского государства на восток и русского проникновения в Северо-Западную Сибирь состоит из известного набора лапидарных сведений, относящихся к XI–XV вв. Весьма ограниченный круг письменных источников заставляет исследователей снова и снова, в целях определения точки отсчета, обращаться к ним и надеяться на возможное расширение источниковой базы методами археологии.

Все началось, возможно, со Старой Ладоги, города, по данным современной археологии, более древнего, чем сам Новгород Великий[1]. Ладога возникла в середине VIII в. как поселение древних скандинавов и в течение последующих трех столетий не забывала о своем происхождении. В древнескандинавской литературе Альдейгьюборг (Ладога) известен как большой торговый город и упоминается едва ли не чаще, чем Хольмгард (Новгород). Рассыпанные сведения русских и скандинавских источников позволяют утверждать, что со Скандинавией Ладогу связывало множество нитей. Город служил перевалочным и отправным пунктом для военно-торговых экспедиций викингов, которые в IX–X вв. активно осваивали путь «из варяг в греки» к берегам Черного моря и Великий Волжский путь в восточные страны. Ипатьевская летопись (редакция 1118 г. «Пове-

сти временных лет» Нестора) утверждает, что знаменитый Рюрик, призванный на княжение новгородцами в середине IX в., сначала обосновался в Ладоге. В Новгородской первой летописи отложилась версия о смерти «вещего» князя Олега (скандинава по происхождению), которая, согласно реконструкции А. А. Шахматова, звучала так: «Иде Олег к Новугороду и оттуда в Ладогу и тамо умре, есть могыла его в Ладозе»[2].

В 1019 г. Ярослав Мудрый, одолевший не без помощи варяжских дружин Святополка Окаянного и занявший Киев, женился на княжне Ингигерде, дочери шведского конунга Олафа. Согласно скандинавскому источнику, Ингигерда заявила отцу: «Если я выйду замуж за конунга Ярицлейва, то хочу я в свадебный дар себе Альдейгьюборг (город Ладога.— *Е.В.*) и то ярлство, которое к нему относится». Послы Ярослава согласились с этим, а Ингигерда настояла на том, чтобы на Русь вместе с ней отправился ее родич Рёгнвальд Ульвсон, которому после свадьбы и было отдано ладожское «ярлство». В качестве ярла Альдейгьюборга Рёгнвальд платил дань Ярославу и обязан был «защищать государство конунга от язычников». Рёгнвальд дожил до старости и имел сыновей Ульва и Эйлива; последний после смерти отца стал ярлом Ладоги[3]. По обоснованному мнению А. Н. Насонова, только после смерти Эйлива (не ранее второй половины XI в.) Новгород распространил свою власть на Ладогу и стал назначать туда своих посадников[4]. Те ладожане, которые являлись потомками выходцев из Скандинавии, к концу XI в. ославянились[5].

Экскурс в историю Ладоги приведен здесь, чтобы сказать: первоначальные импульсы походов на северо-восток, в земли Заонежья и Беломорья, были заданы беспокойными викингами, сочетавшими с одинаковым успехом войну и торговлю. Краткое летописное известие под 1032 г. сообщает, что некто Улеб «иде на Железные врата из Новгорода и вспять мало их приде». Еще С. М. Соловьев предположил, что Улеба можно отождествить с Ульвом, сыном ладожского ярла Рёгнвальда[6]. Что касается географической локализации «Железных врат», то она спорна: их размещают то на Вычегде в землях коми-зырян, то в Баренцевом море (пролив Карские ворота). Несомненно одно: Ульв отправился в рейд на восток в земли таинственной Бьярмии.

Большинство историков согласны с тем, что скандинавская «Бьярмия» эпохи викингов и русская «Перемь» (Пермь) означают примерно одно и то же и происходят от прибалтийско-финского выражения pera-maa («задняя земля»). Саги рассказывают об опасных арктических походах викингов вокруг Скандинавского полуострова

к устью Северной Двины, где находился «Бьярмаланд»[7]. К берегам Белого моря можно было попасть и из Новгородской Руси, используя волоковые озерно-речные пути Заонежья и Заволочья. Впрочем, о восточных пределах Бьярмаланда викинги не могли рассказать ничего определенного. Русские же источники знают по крайней мере три географических области с одинаковым названием Пермь. Автор первой редакции «Повести временных лет» как соседей восточных славян перечисляет, среди прочих народов, *весь, чудь заволочскую, пермь, печеру, угру*. В договоре 1264 г. между Новгородом Великим и тверским князем среди «волостей новгородских» названы «Заволоцье, Колоперемь, Тре, Перемь, Югра, Печера»[8]. В этом списке присутствуют Пермь на Кольском полуострове и Пермь Вычегодская. Немного позднее, в XIV в., в круг географических знаний русских летописцев войдет и Пермь Великая (первое упоминание в летописи содержится под 1324 г.[9]).

Если Бьярмия скандинавских саг к исходу XI в. навеки застыла в образе легендарной и неизведанной до конца земли, то Пермь русских летописей, отодвигаясь на восток, стала приобретать вполне конкретные черты. Осевшие некогда на новгородском Севере скандинавы утратили свой этнический облик, но передали новгородским славянам мощный импульс колонизации двинского Заволочья и Беломорья. Вместе с колонизационным процессом в северо-восточном направлении начала свое путешествие и «земля за рубежом» — Пермь. Географическую разноликость «Перми» русских источников можно объяснить, если принять существующую версию о том, что выражение pera-maa было усвоено новгородскими славянами из языка вепсов (летописные племена *весь*). Последние в XI–XII вв. проживали на территории юго-восточного Приладожья, через которую стали проходить пути новгородской колонизации Беломорья. Видимо, для вепсов земли на севере, населенные саамами, и на востоке, где они встретились с предками коми-зырян, представлялись одинаково неведомой территорией — «землей за рубежом». Этнические различия обитателей Кольского полуострова и племен коми в данном случае не имели никакого значения. К XIV в. название «пермь» в русской книжности прочно закрепилось за коми-зырянами, хотя этимология и значение слова были, видимо, давно забыты.

Итак, в начале XII в. древнерусский книжник, мысленно следуя за первопроходцами Севера, мог уже в последовательности перечислить народы, населяющие его до Уральских гор: чудь заволочскую, пермь (вычегодскую), печеру, угру (югру). Кто были эти первопроходцы? В 1114 г. автор Ипатьевской редакции «Повести

временных лет» посетил Ладогу и услышал от ее жителей рассказ о том, что «еще мужи старии ходили за югру и за самоядь»[10]. Другой летописец сам слышал от новгородца Гюряты Роговича историю об организованной им около 1092 г. торговой экспедиции в Северное Приуралье: «Послах отрок свой в Печеру, люди, иже суть дань дающе Новугороду. И пришедше отроку моему к ним, и оттуду иде в Югру. Югра же людье есть язык нем, и соседят с самоядью на полунощных странах»[11]. Заметим, что сам Гюрята (возможно, от имени Юрий — Гюргий) имел очевидные скандинавские корни. В самом деле, что за странное отчество «Рогович»? Можно предположить, что отец Гюряты носил распространенное скандинавское имя Рёгнвальд, которое в новгородской славянской среде изменилось в Рогволода (вспомним полоцкого властителя Рогволода, к чьей дочери Рогнеде сватался князь Владимир Святославович). Отсюда и непривычное для славянского уха отчество Рогволодович («Рогович»).

В этом летописном пассаже мы впервые встречаемся с этнически разными племенами *печеры, югры и самояди*. Определить языковую принадлежность печеры невозможно, поскольку этот народ рано исчезает со страниц истории (может, вследствие ассимиляции с соседями). Само древнерусское слово *югра* заимствовано из древнепермского, что вполне логично: славянское продвижение на северо-восток не могло миновать сначала земли, занятые древними пермянами. По поводу языковой и этнической принадлежности *югры*, локализуемой в XI–XVI вв. в Северном Приуралье и Нижнем Приобье, ученые до сих пор ведут спор. По одной из гипотез, югра — это особый народ, отличный от обских угров (хантов и манси) и переставший существовать к XVII в. Другая гипотеза отождествляет югру с предками хантов и манси (или только северных хантов). Наконец, существует версия о принадлежности югры к древним пермянам, которые, как показывают археологические раскопки, уже в XII–XIII вв. активно проникали в Северное Зауралье. Более предпочтительным представляется мнение об этнической близости *югры* и обских угров.

Интересно обратить внимание на более поздние факты присутствия «Югорской земли» в русских источниках. Выражение «Югорская земля» встречается в грамоте царя Федора Ивановича от 1596 г. (сургутскому воеводе) и обозначает в широком смысле Березовский уезд (точнее, его автохтонное население, поднявшее антирусское восстание с осадой только что построенного Березова)[12]. Последнее известное мне упоминание «Югорской земли» содержится в челобитной 1610 г. ляпинских остяков Березовского уезда, которую лично в Москве подал их представитель князец Кушкул. В ней

они жаловались на тяжесть подводной повинности — сопровождение русских судов через перевалы Северного Урала, в то время как «Югорская земля им подмоги не дает». Это скупое известие заставляет задуматься. В челобитной Кушкула есть оговорка: он выступает от имени всех ляпинских остяков (120 человек), «опричь куноватских»[13]. Данная оговорка была сделана ввиду того, что еще недавно существовало Ляпинско-Куноватское территориальное объединение во главе с одним князем (в 1586 г. князь Лугуй добровольно принял русское подданство). В данном случае ляпинским остякам важно было отделить себя от Куновата. Что же в этом документе могло подразумеваться под «Югорской землей»? Географический контекст заставляет предполагать, что ляпинские остяки этнически принадлежали к манси, а под «Югорской землей» они имели в виду все остяцкие (хантыйские) волости Нижней Оби, кроме Кодских городков и Обдора. К этому времени, после начала активной колонизации Сибири, русские уяснили, что древняя *югра*, пришедшая из новгородской традиции, и остяки (ханты) Нижней Оби — одно и то же. Заимствованное Москвой из тюркских языков обозначение хантов *(уштяк)* вытеснило северно-новгородскую *югру*.

Летопись, как мы видели, различает *югру* и *самоядь*, которая обитала к северу от югорских племен. Самоедами в науке бесспорно считаются предки нынешних ненцев, энцев и нганасан. Народная этимология слова «самоеды», связывающая это название с обычаями каннибализма, очевидно несостоятельна. Наиболее убедительной является версия о происхождении слова «самоядь» от саамского *самэ-еднэ* (земля саамов, земля людей). В летописные времена саамы занимали значительную часть севера Европейской России. Название саамов было заимствовано славянскими колонистами и перенесено на предков ненцев (видимо, по сходству хозяйственно-культурного облика и северных мест обитания)[14].

Скупые сведения летописей о русских экспедициях в земли Югры не вызывали бы пристального внимания историков, если бы эти первые контакты пришельцев и аборигенов не вылились в последующем в грандиозную эпопею присоединения Сибири к России. Если в начале XII в. новгородцы посылали своих сборщиков дани не далее реки Печоры, то к концу этого столетия летопись констатирует наличие «югорских данников». Фактическая канва походов новгородских отрядов в Приуралье и за Урал историкам хорошо известна[15].

Как говорилось выше, в середине XIII в. Новгород считал своими «волостями» и Печеру, и Югру, хотя зависимость последней выражалась, очевидно, в нерегулярной уплате дани мехами и привозным

серебром. В XIV в. в борьбу с Новгородом за северо-восточные земли начала втягиваться Москва и зависевшие от нее княжества. Острием московского продвижения к Северному Уралу стал Устюг Великий, основанный в 1212 г. как форпост Владимиро-Суздальского княжества. В 1323 г. устюжане ограбили новгородских сборщиков дани, возвращавшихся из Югры. Через несколько лет устюжане убили новгородцев, которые еще только направлялись в югорские земли. Местные туземные князцы тоже оказывали сопротивление сборщикам дани Новгорода Великого. Так, в 1357 г. «на Югре» был убит некий Самсон Колыванов «с други». Новгородцы в ответ совершали воинственные рейды в Северное Зауралье. В 1364 г. отряд Александра Абакумовича и Степана Ляпы прошел через перевалы Северного Урала до Оби, где одна часть отряда «воевала» в низовьях Оби «до моря», а другая отправилась вверх по реке.

Последний из известных нам походов новгородцев в Югру состоялся в 1446 г., когда воеводы Василий Шенкурский и Михайло Яковль построили в земле югричей острог и стали совершать грабительские рейды по окрестностям, захватывая в плен «югорских людей много и жен, и детей». Во время отсутствия части новгородской рати югричи штурмом взяли острог, убив 80 «детей боярских и удалых людей». Василия Шенкурского спас подоспевший отряд Михайлы Яковля. Потерпев полную неудачу, новгородцы «приехаша во свою землю»[16].

Эстафету военно-политической экспансии в северо-восточные земли приняла Москва, окончательно поглотившая новгородские владения в 1478 г. Но еще до этого, в 1465 г., великий князь Иван Васильевич повелел «Югорскую землю воевати». Весенне-летний поход был организован из Устюга во главе с воеводой Василием Скрябой. Если верить летописи, то рать великого князя основательно разорила земли югричей за Уралом, захватив изрядное количество пленных, в том числе югорских князей Калбу и Течика. Иван III пленных князей «пожаловал югорским княжением и отпустил их в Югру, а на них дань возложил и на всю землю Югорскую, а Скрябу пожаловал»[17].

Надо заметить, что процесс политического подчинения Московскому княжеству северо-восточных земель, вплоть до Северного Приуралья, освещен русскими летописцами крайне слабо. В лучшем случае на страницы летописей попадали сообщения о миссионерских и военно-экспедиционных эпизодах проникновения Москвы на Север. Так, мы до сих пор не знаем подробностей процесса вхождения в состав растущего Московского государства Перми Вычегодской и Перми Великой и потому вынуждены довольствоваться

общей схемой. Подчинение коми-зырян (вычегодских пермян) Русью шло через Устюг Великий. Кто владел Устюгом, тот имел право собирать «пермские дани». При Дмитрии Донском Устюг перешел под контроль Москвы, что автоматически означало присоединение Перми Вычегодской к Московскому княжеству. С данной схемой можно согласиться и все же остаться в неведении относительно того, как целый народ оказался интегрированным в состав Великороссии. Миссионерская деятельность Стефана Пермского в конце XIV в. тоже мало что объясняет. То ли коми-зыряне к его появлению были настолько «придавлены» Москвой, что без особого сопротивления позволили ему в одиночку крушить языческих идолов. То ли проповедь нового апостола оказалась настолько проникновенной, что склонила лесные племена к безболезненному подчинению христианскому правителю[18]. В этом вкрадчивом и неспешном характере присоединения Перми Вычегодской далеко не все ясно.

В 1927 г. краевед П. Г. Доронин обнаружил в Усть-Выме, первой резиденции пермских епископов, рукописную книгу с краткой, но весьма ценной провинциальной летописью. Вычегодско-Вымская летопись и грамоты Ивана III, находившиеся в той же рукописи, в некоторой степени заполнили пробелы официальных летописей об истории двух пермских земель в XV в.[19] Если освободить Вычегодско-Вымскую летопись от явно ошибочных сведений и сопоставить ее с другими источниками, то мы получим следующую хронологию событий. Около 1452 г. перед великим князем Василием II, только что одолевшим в кровавой междоусобице своего противника Дмитрия Шемяку, предстал князек из далекой Перми Великой. О его настоящем имени нам ничего неизвестно, но в Москве он крестился и был наречен Ермолаем. Василий Темный назначил Ермолая и его сына Василия наместниками в земли Перми Вычегодской (коми-зырянские земли). Старший сын Ермолая, получивший в крещении имя Михаил, был отпущен обратно в Пермь Великую (коми-пермяцкие земли). Таким образом, в Перми Вычегодской появились наследственные наместники, получившие титул князей Вымских[20] («гибридная» форма местного управления, совершенно не типичная для наместнического управления). Известно, что князь Василий Ермолич «с вымичи и вычегжаны» участвовал в походе устюжский войск на Югру в 1465 г.

Князь Михаил и его потомки стали зваться князьями Великопермскими. С точки зрения Москвы, Михаил стал вассальным правителем всей Перми Великой, но на деле его зависимость от великого князя московского была шаткой, а власть в Перми Великой — весьма скромной. Он был вынужден лавировать между интересами Москвы

и возникшего в середине XV в. Казанского ханства, а с востока стало вдруг проявлять воинственность вогульское Пелымское княжество (хотя «княжеством» в русском значении слова протогосударственное объединение уральских манси называть не совсем верно). В 1455 г. пелымский князь Асыка совершил набег и убил епископа Питирима, который приехал из Усть-Выма крестить подданных Михаила Великопермского. После разгрома Новгорода в 1471 г. у Ивана III дошли руки и до Перми Великой, жители которой «казанцом норовили, гостям казанским почести воздавали, людям торговым князя великого грубили». В 1472 г. московская рать под командованием князя Ф. Д. Пестрого нагрянула на Пермь Великую. Отряды пермских сотников были разбиты, а князь Михаил попал в плен и был отправлен в Москву. Впрочем, ему удалось оправдаться, и вскоре он уже снова правил Пермью Великой. Он погиб в 1481 г. при очередном набеге пелымского князя Асыки[21].

Набег воинственных вогулов на Пермь Великую не остался без последствий. В апреле 1483 г. из Вологды выступила «рать на Асыку на вогульского князя да в Югру на Обь великую реку». Войском командовали московские воеводы Иван Салтык Травин и князь Федор Курбский Черный, а состояло оно, помимо москвичей, из отрядов вологжан, устюжан и пермян обеих пермских земель. Перевалив за Урал, русско-пермская рать разгромила Пелымское княжество, нанесло удар по татарам на Тоболе и Иртыше и, спустившись по Иртышу, двинулось вниз по Оби. В результате стремительного рейда были захвачены в плен несколько югорских князцов, в том числе «большой князь» Молдан. А к 1 октября 1483 г. войско Травина и Курбского уже вернулось в Устюг Великий[22].

В результате югорские князья зачастили в Москву — выручать своих пленных собратьев и с обещанием Ивану III «правитися во всем» и выплачивать дань мехами. Посредником между югорскими князьями и московским государем выступил пермский епископ Филофей, чья резиденция находилась в небольшом городке Усть-Выме. В конце декабря 1484 г. в Усть-Выме был заключен мир между югорскими князьями, с одной стороны, и представителями епископа и вычегодских пермян — с другой. Югричи по своему языческому обряду дали клятву в том, что «лиха не мыслите, ни силы не чинити никоторые над пермскими людьми, а государю великому князю правити во всем». Плененные во время похода 1483 г. князьки были отпущены на свободу. В тексте дошедшей до нас югорской шерти (клятвы) впервые упоминаются слова «Обдор» и «обдорцы». Из всех югорских князей только некий Ляб остался противником московского государя. В договоре был обговорен следующий пункт:

если помянутый Ляб «поедет Обдора воевати», то жители Кодского княжества должны были посылать обдорцам упреждающие вести[23].

Последний масштабный поход русских войск в зауральскую Югру состоялся зимой 1499/1500 г. под командованием воевод князей П. Ф. Ушатого, С. Ф. Курбского и В. И. Заболоцкого Бражника. Отряды воевод двигались разными маршрутами и соединились на Печоре. Считается, что именно тогда, осенью 1499 г., в низовьях Печоры был основан городок Пустозерск, ставший вскоре перевалочным пунктом для поморов, шедших на промыслы в Западную Сибирь[24]. Через перевалы Северного Урала воины (русские и зыряне) шли на лыжах. Согласно официальным сведениям разрядной книги, во время перехода через Уральские горы воеводы полностью уничтожили отряд из 50 самоедов и захватили 200 оленей. У городка Ляпина (Лопынг-уш) русскую рать встретили югорские князцы («с Обдора») с оленями и упряжными собаками. Очевидно, основной целью похода был разгром югорского Ляпинского княжества[25]. Разрядная книга утверждает, что во время похода было захвачено около 30 местных городков, а в плен попали 1009 «лутчих людей» и 50 князьков[26]. Последние цифры, которые невозможно подтвердить другими источниками, вызывают большое сомнение. Тем не менее после этого похода в титул московского государя вошли новые элементы — «князь Обдорский и Кондинский».

В это же время в Перми Вычегодской и Перми Великой прекратилось правление династий местных князьков. Князь Петр Вымский погиб во время похода 1499/1500 гг., а его брат Федор в 1502 г. был послан «правити на Пустеозере волостью Печорою», куда передвинулась размытая граница русской и коми-зырянской колонизации. В 1505 г. Иван III «свел» с Перми Великой князя Матвея Великопермского (наследника Михаила)[27]. Отныне этой областью управлял присылаемый на время великокняжеский наместник. Таким образом, к началу XVI в. реальные владения только что возникшего нового государства — России — вплотную подошли к Уральским горам.

Процесс русской крестьянской колонизации земель Верхнего Прикамья (Перми Великой) в первой половине XVI в. в сохранившихся источниках фактически не отражен. Но уже для начала этого столетия летописи разделяют население Перми Великой по этническому признаку на «пермяков» и «русаков»[28]. В XVI в. происходит постепенное формирование двух уездов, составивших географическую область «Пермь Великая»,— Чердынского и Соликамского. Чердынь появляется в письменных источниках с середины XV в., Усолье Камское, по преданию, было основано около 1430 г. воло-

годскими посадскими людьми Калиниковыми, которые начали добывать здесь соляной рассол. Если Чердынский уезд состоял из смешанного пермяцкого (коми-пермяки) и русского населения, то Соликамский уезд населяли преимущественно русские колонисты. Это отражено и в уставной грамоте наместничьего управления землями Перми Великой, выданной в 1553 г. «пермичам» и «усольцам»[29].

Чердынский уезд делился на станы, состоявшие из погостов и деревень, Соликамский уезд станов и погостов не имел. Писцовая книга И. Яхонтова 1579 г., наиболее ранний статистический источник для русского населения Перми Великой, зафиксировала в самой Чердыни 290 дворов «пашенных» и «непашенных» крестьян, в которых проживало 326 человек мужского пола. В городе имелись 21 лавка «лучших» торговых людей и 46 лавок — «молодших». В обширном Чердынском уезде в трех станах и так называемом Отхожем округе насчитывалось 11 погостов с «тянущими» к ним деревнями — всего 1218 крестьянских дворов, в которых проживало 1372 человека мужского пола. В Усолье Камском в это же время было 190 дворов и 201 человек мужского пола, а в уезде соответственно — 144 двора и 205 человек[30]. Перепись Яхонтова не зафиксировала аборигенное коми-пермяцкое население, которое проживало в основном на территории Отхожего округа (северная излучина Камы, бассейн Косы, Иньвы, Обвы)[31]. Не ясны и те повинности, которые пермяки должны были нести в пользу государства.

С 1558 г. в Приуралье появляются владения Строгановых. В этом году Г. А. Строганов выпросил у Ивана Грозного жалованную грамоту на владение землями по Каме южнее Перми Великой с обязательством строить городки, держать в них вооруженных людей, начать добычу соли и способствовать крестьянской колонизации края[32]. Содержание этой грамоты слишком хорошо известно, чтобы подробно ее пересказывать. Замечу только, что мне кажется верным наблюдение Р. Г. Скрынникова о первоначальном статусе земельных владений Строгановых в Приуралье: «Строгановы не были в XVI в. вотчинными владельцами Пермского края», а «царь Иван IV пожаловал им обширные земли на Каме и Чусовой в пользование, а не в вотчину»[33]. Именно потому, что в 1578 г. истек 20-летний льготный срок, на время которого владения Строгановых освобождались от всякого рода податей и повинностей, эти земли попали в писцовую книгу Яхонтова. В 1579 г. на землях Строгановых было 4 слободы (включая Орел-городок) и 39 крестьянских поселений. Всего в них насчитывалось 352 двора и 406 человек мужского пола[34].

В XVI в. шла колонизация Северного Приуралья, а именно — района Нижней и Средней Печоры. О судьбе князя Федора Вымского,

назначенного в 1502 г. «правити на Пустеозере волостью Печорою», ничего неизвестно, но уже к 1525 г. в Пустозерск назначались сменяемые княжеские «данщики» — агенты центральной власти по сбору налогов, которым, видимо, принадлежали и другие управленческие функции. В 1564 г. писцы Я. Романов и Н. Пятунин производили обмер и межевание пашенных земель в Перми Вычегодской. Они же «волостку Пустоозеро в оброки верстали и самоядские луки писали»[35]. В самом Пустозерске в это время насчитывалось 97 дворов и 230 человек мужского пола. Через 10 лет население Пустозерска увеличилось: по переписи 1574 г. В. Агалина в городе было дворов «тяглых, а не пашенных, русских и пермятцких 144 двора; а людей в них русаков и пермяков 282 человека» (из них 193 русских и 89 — «пермяков крещеных»)[36]. Со времен переписи Агалина началось формирование территории Пустозерского уезда, поскольку он отписал Усть-Цилемскую и Ижемскую слободки «от Вымского присуда» к Пустозерскому. В 1574 г. в Усть-Цилемской слободе насчитывалось 16 дворов и 23 человека[37].

Пустозерских самоедов, живших в 19 чумах, перепись 1574 г. насчитала 49 человек, которые платили дань в виде двух белых песцов с человека («лука»). Кроме того, новому данщику Третьяку Асеневу (назначен в Пустозерск на 1577–1578 гг.) указывалось собирать с «югорской самоеди» явочных соболей — по одному соболю с человека[38]. Под «югорской самоедью» следует понимать зауральских ненцев, и вот почему. Считается, что приведение родов обдорских самоедов в российское подданство началось с конца XVI в., когда, вслед за походом Ермака, московское правительство взяло дело колонизации Сибири под свой контроль. Это не совсем верно. Первое известие о «взятии под свою руку» московским государем нескольких самоедских родов относится к 1525 г. Соответствующая жалованная грамота является большой редкостью и сохранилась среди архивной документации благодаря следующей истории. 22 марта 1682 г. в Москве, в Посольском приказе, объявился «печерской и югорской самояди князец Хилта Балахонов». Князец прибыл в столицу как представитель пустозерских самоедов (то есть европейских ненцев) бить челом об их общих «нужах». Самоеды жаловались на притеснения со стороны воевод и русских людей Мезенского, Пустозерского и Березовского уездов, от которых «чинятся им помешки» в промыслах, а в ложных судебных исках «великая продажа и убытки». Явно приукрашивая прошлое, Балахонов заявил, что прежде воеводы трех названных уездов самоедов «посадцким и всяких чинов людем в обиду не давали» — по той причине, что еще «прадеды» их при великом князе Василии Ивановиче

«приняты в подданство и с того времяни и по се время они дань дают, и великие государи их от всяких людей оберегали и воевати их и налог чинить не велели». В доказательство своих слов Хилта Балахонов предъявил жалованную грамоту, датированную 1525 г. (таким образом, эта грамота хранилась в ненецких чумах 157 лет). Поскольку в московских архивах подобного документа не оказалось, то с грамоты сделали копию, подлинник же вернули Балахонову.

Титулатура Василия III и языковые особенности грамоты не оставляют сомнений в том, что она действительно относится ко времени правления этого государя. Грамота была выдана по просьбе некоего Нюдоры, приехавшего в Москву от имени пяти самоедских князцов. Адресат грамоты, составленный явно со слов Нюдоры, гласил: «В самоедь югорскую, что живут по реке по Оби князю Карачею Седу да князю Лехею да князю Томылу да князю Белоголову да князю Яркоме и всем земским людем самояди югорской, которые живут по Оби реке». В данном перечне присутствуют как имена личные (Сед, Томыл, Белоголов, Яркома), так и названия известных ненецких родов (Карачеи, Лохей). Историко-этнографические исследования показывают, что в XVII в. род Карачеи (Харючи) относился к сибирским самоедам, а род Лохей кочевал к западу от Урала[39]. Можно предположить, что в начале XVI в. процесс передвижения самоедов на запад, в тундры европейского Севера, был далеко не завершен, а род Лохей обитал еще в основном в низовьях Оби. Вероятно, грамота оказалась у князца этого рода, чьи представители в XVII в. уже прочно числились среди пустозерских самоедов.

Самоедские князцы изъявили готовность «служити и дань давати», а Василий III обещал за них «стояти и от сторон беречи». Одну из враждебных самоедам «сторон» Нюдора назвал тут же — югорского князя Кутыгея, воевавшего с ненцами. Московский князь, выполняя роль сюзерена, послал Кутыгею грамоту, в которой «впредь брани и лиха никоторого чинить не велел». Новым подданным было указано с данью и поминками приходить «в Печеру» (Пустозерск), где сидели данщики великого князя[40].

Обратим внимание на терминологию уже не раз цитируемой платежницы 1574 г. Если пустозерские самоеды давали в «казну великого князя дань», то с сибирских самоедов взималась явочная пошлина. Новый данщик Асенев был информирован, что до него с югорских самоедов собиралось ежегодно по 6 сороков соболей. Таким образом, несмотря на грамоту 1525 г., ни о какой регулярной и тем более точно фиксированной дани с обских самоедов речи быть не могло. Опричник Ивана Грозного Генрих Штаден, бывший в России в 1564–1576 гг., в своих записках отметил: «Имя теперешнего

сборщика дани с самоедской земли Петр Вислоухий. Он не может требовать с этих народов ничего сверх того, что они дадут ему [сами] по доброй воле». Можно предположить, что сибирские самоеды приезжали в Пустозерск не только в силу верноподданнических чувств. Их привлекали русские товары. Тот же Штаден сообщает, что в Пустозерске бывает торговый «съезд», где самоеды на меха выменивают сукно, котлы, сало, масло, панцири и толокно[41]. Вот тогда данщик вместе с выборными целовальниками и взимал «явочных соболей» с ненцев, приехавших торговать.

Создается впечатление, что после похода 1499/1500 г. и номинального включения «югорских самоедов» в состав Московского государства интерес последнего к зауральским землям пропал. К тому же и пермская епископская кафедра, рассадник книжной культуры и аккумулятор известий о неведомых зауральских землях, с 1564 г. из Усть-Выма переместилась в Вологду. Но не пропал интерес к богатствам Северо-Западной Сибири у поморов — наследников новгородцев и продолжателей их традиций колонизации Севера. Суровые промысловики, разведавшие пути в Обскую губу по рекам Северного Урала и тундрам среднего Ямала, к сожалению, не обладали тягой к перу. Их устные рассказы записывались любопытными русскими книжниками, воспитанными на шаблонах утопичной географии античности и Византии. На рубеже XV–XVI вв. был создан так называемый Югорский дорожник, который описывал пути от северного Беломорья до Печоры и далее, через Уральские горы, на Обь. В русском оригинале Югорский дорожник до нас не дошел, но он сохранился в латинском и немецком переводах, сделанных любознательным австрийским послом Сигизмундом Герберштейном (был в России в 1517 и 1526 г.). Географические сведения дорожника не раз подвергались тщательному анализу ученых, но разброс мнений о локализации сибирских топонимов и гидронимов дорожника до сих пор довольно широк. Так, Герберштейн поместил «Лукоморье» (термин, явно взятый из русских источников) ближе к истокам Оби, которая якобы берет начало из большого Китайского озера. Между тем под Лукоморьем русские издавна понимали морские заливы, подходящие к горам Северного Урала. В тексте Герберштейна разделены два фрагмента, которые по всей логике должны находиться рядом. В одном месте совершенно достоверно сказано: «За реками Печорой и Щугором у горы Каменный пояс, опять-таки у моря, на соседних островах и около крепости Пустозерска обитают разнообразные и бесчисленные народы, которые зовутся одним общим именем «самоядь». В другом месте переводного дорожника Герберштейн говорит: «Лукоморье — приморская лесистая мест-

ность; тамошние обитатели живут, не имея никаких домов»[42]. Здесь, безусловно, описаны кочевые самоеды, обитавшие по обе стороны Северного Урала.

Югорский дорожник Герберштейна носит явные следы заимствования из другого русского сочинения конца XV в.— Сказания «О человецех незнаемых в Восточной стране». В основу Сказания были положены устные рассказы поморов, ходивших в низовья Оби с промысловыми и торговыми целями. В этом сочинении достоверные сведения о самоедах удивительным образом переплелись с фантастикой европейской географии, издавна поражавшей читателей описанием «диковинных» народов и усвоенной русскими книжниками. Сам образ жизни кочевых самоедов, их одежда, пища, способы передвижения — все должно было удивлять православного читателя, никогда не бывавшего в землях Северного Лукоморья. Сказание начинается так: «На Восточней стране за Югорьскою землею над морем живут люди самоедь, зовомы молгонзеи». А вот другой пассаж, в котором больше реалий, чем фантастики: «В Восточней же стране есть иная самоедь — каменская. Облежит около Югорьские земли, а живут по горам высоким. А ездят на оленех и на собаках. А платье носят соболие и оление». В целом же Сказание представляет собой сплав запомнившихся русским промысловикам рассказов реальных свидетелей, средневековой утопической космографии и фрагментов угро-ненецкого фольклора[43].

Есть все основания утверждать, что задолго до конца XVI в. русские и коми-зыряне разведали «чрезкаменные» водно-волоковые пути за Урал. Пока войска великих князей московских воевали во второй половине XV — первой половине XVI в. с казанскими татарами на Волге, поморы освоили северные пути за «Камень». Несколько правых притоков Печоры близко подходят к Уральским горам, которые являются водоразделом между бассейнами этой реки и Оби. При движении из центра России «чрезкаменный» путь начинался от Устюга и шел вверх по реке Вычегде до впадения в нее реки Вымь. Далее поднимались по Выми и ее притокам, переходили «Вымским волоком» на Ухту — приток Ижмы, и спускались по Ижме до впадения ее в Печору. От устья Ижмы путь шел на восток вверх по Печоре. На Печору вела и более северная дорога, которая связывала районы русского Поморья с Нижним Приобьем. Поднимаясь вверх по реке Мезень, жители побережья Белого моря могли через разные волоковые пути попасть на реку Цильму, которая впадала в Печору. На Печоре пути из Поморья и из центральной России соединялись.

От устьев Цильмы и Ижмы «чрезкаменный» путь шел вверх по Печоре и далее по ее притоку реке Усе. Из Усы плыли по притоку

последней — реке Соби, а из нее — в реку Елец. Верховья Ельца близко подходили к верховьям другой Соби, которая впадала уже в Обь. Елец и Обская Собь разделялись «каменным волоком»; здесь речные суда приходилось переносить на руках или переправлять на катках. Кроме пути по Усе, в XVI–XVII вв. для перевала через Урал пользовались и другими притоками Печоры. По реке Щугор можно было подняться к ее верховьям, перевалить через Северный Урал и по рекам Сыгва (Ляпин) — Северная Сосьва попасть на Обь. Если судить по карте С. У. Ремезова, то в Сибирь попадали и по третьему большому притоку Печоры — реке Илыч[44].

Следует отметить, что промысловые походы поморов в страну «молгонзеев» в первой половине XVI в. окутаны плотным туманом догадок и предположений. Тем не менее у нас есть основания утверждать, что к середине XVI столетия поморы уже прочно освоили маршрут по «Студеному морю» в Обскую губу и далее на восток — на реки Пур и Таз. Ряд свидетельств об этом оставили историкам практичные англичане, которые, как известно, с 1553 г. нашли путь вокруг Скандинавского полуострова в устье Северной Двины. В Лондоне была создана торговая Московская компания, и ее агенты зачастили в Россию. В отличие от русских поморов, чуждых сочинительству, ренессансная Англия уже породила иной тип человека — авантюриста, купца, путешественника и писателя в одном лице. Более или менее образованные англичане, побывавшие в России во второй половине XVI в., спешили поразить своих соотечественников описанием диковинной Московии. Ряд записок принадлежит профессиональным морякам, пытавшихся отыскать морской путь в Китай (Северо-Восточный проход) и общавшихся с поморами[45].

Одним из первых плавание по Баренцеву морю совершил в 1555 г. английский капитан Стивен Бэрроу. Начиная от городка Колы, он постоянно встречал русские морские лодьи и общался с их капитанами. Из разговоров с ними «первооткрыватель» Бэрроу уяснил, что поморы хорошо знали дороги как к устью Печоры, так и в устье Оби. У острова Вайгач Бэрроу встретился с русским кормщиком Лошаком. Передаем слово английскому капитану: «Явившись к нам на борт, Лошак сказал мне, что, если Бог пошлет попутный ветер и хорошую погоду, он поедет с нами на Обь, так как у этих Вайгачских островов моржей мало, а если он не доедет до Оби, то он поедет к реке Нарамзе (загадочная река, впадающая в Байдарацкую губу — *Е.В.*), где народ не столь дик, как обские самоеды; о последних он сказал, что они всячески стараются застрелить всех людей, не говорящих на их языке»[46]. В эту навигацию англичанам так и не удалось продвинуться далее острова Вайгач.

Через несколько десятков лет английские географы и навигаторы довольно неплохо представляли (из русских источников) путь в Карское море через пролив Югорский шар. В 1580 г. лондонская Московская компания снарядила очередную экспедицию из двух небольших судов для плавания в северных морях. Капитаны А. Пет и Ч. Джекмен получили подробнейшую инструкцию, в которой конечной целью путешествия значился Китай. Английские корабли должны были достичь устья Оби и остановиться там на зимовку. В случае, если следование морским путем в Китай оказалось бы невозможным, им предписывалось плыть вверх по Оби (в европейской географической науке того времени было распространено мнение, что Обь вытекает из большого Китайского озера). Предписывая остановиться на зимовку на Оби или близких к ней местах, инструкция, в частности, гласила: «Найдя на этой зимовке людей, будь то самоеды, югра или малгомзеи, обходитесь с ними мягко, как это указано выше, и если узнаете, что у них есть государь или верховный правитель, то вручите ему одну из грамот ее величества (Елизаветы I — *Е.В.*)». Как видим, англичане к этому времени уже неплохо разбирались в этнографической карте народов Нижнего Приобья. Корабли Пета и Джекмена вышли в Карское море, но, столкнувшись с большим скоплением льдов, повернули обратно[47].

В 1583 г. в Москву прибыл посол Д. Боус, который просил Ивана IV о даровании английским купцам исключительного права на торговлю во всех северных русских портах. Англичане рассчитывали освоить пристани в устьях Мезени и Печоры и затем проникнуть далее на Обь, дабы торговать с народами Сибири. Страстное желание англичан завести фактории на Русском Севере и в Сибири вызвало резко отрицательное отношение правительства Ивана Грозного. В ответ на просьбу Боуса Боярская дума вынесла решение: «А о реке Оби, да об Изленде реке (Енисее — *Е.В.*), да о Печоре реке о тех урочищах им отказать»[48]. В 1584 г. один из находившихся в России английских торговых агентов, Антон (Энтони) Марш, пытался за спиной своей компании на свой страх и риск заняться торговлей в Сибири. Он установил деловые контакты с четырьмя промышленниками-поморами, знавшими пути в Печору и низовья Оби. В феврале 1584 г. промышленники в письменном виде сообщили Маршу, что готовы отправиться на Обь, для чего им необходимо снарядить два коча (two Cochimaes), на каждом из которых находилось бы по 10 человек. На кочах промышленники предполагали отправиться вверх по Печоре и далее «чрезкаменным» путем по реке Усе на Обь. Известно, что Маршу удалось послать с этими поморами своего русского слугу Богдана; что тот торговал в Сибири

с самоедами и привез в Москву мехов на 1000 руб., где они были конфискованы официальными властями[49]. Примечательно, что в письме поморов, переведенном на английский язык, впервые прозвучало название поморского судна — коча, с которым неразрывно связана русская колонизация Северо-Западной Сибири.

В конце XVI в. в борьбу за отыскание Северо-Восточного прохода вступили голландцы. В 1594 и 1595 гг. две экспедиции голландских судов под фактическим командованием Виллема Баренца обследовали часть Новой Земли. Во время первого плавания голландцы, по указанию русского кормщика, прошли через пролив Югорский шар в Карское море и достигли устья реки Кары. Вторая экспедиция, имевшая цель проникнуть «через Северное море в Китай и Японию», также достигла Карского моря, но из-за состояния льдов вынуждена была повернуть обратно. Наконец, в следующем плавании 1596 г. Баренц вышел к Новой Земле и принял смелое решение следовать вдоль ее западного берега на север. 19 августа 1596 г. судно Баренца обогнуло крайний северо-восточный мыс Новой Земли, названный голландцами мысом Желания. Затертый льдами корабль встал на зимовку в бухте Ледяная Гавань на восточном берегу Новой Земли. Тяжелая зимовка, гибель судна и самого Баренца, а также возвращение голландцев на шлюпках подробно описаны в известном дневнике участника экспедиции Г. де Фера. Последняя попытка голландцев отыскать Северо-Восточный проход была предпринята в 1625 г., когда корабль под командованием К. Босмана вышел в Карское море, но из-за неблагоприятной ледовой обстановки повернул обратно. В 1607–1609 гг. арктические плавания в восточном направлении совершил знаменитый англичанин Генри Гудзон, однако далее Новой Земли ему продвинуться не удалось[50]. Результаты всех этих экспедиций охладили стремление европейцев достичь Китая и Индии Северо-Восточным проходом.

Нет никаких достоверных сведений, что во второй половине XVI в. хотя бы одному европейскому судну удалось достичь западного побережья Ямала, не говоря уже об устье Оби. Известные по дневникам европейских мореплавателей экспедиции, очевидно, не были единственными. Мы наверняка не знаем о тех плаваниях, которые были снаряжены на частные средства и, ввиду конкуренции, сохранялись в тайне. Так, в 1610-х гг. мангазейскому воеводе С. Ф. Забелину промышленные люди сообщили, «что де их у Архангельского города немцы наимовали в вожи, чтоб их провесть в Мангазею, и они де без указа вести их не смели». Тобольскому воеводе князю И. С. Куракину некий колмогорец Еремка Савин сообщил, что около 1609 г. «видели они у Карской губы копаны ямы, а сказывали

им самоядь, что приходили де того году на Карскую губу из своих земель на кораблях немцы, не займуя Архангельского города, и имали землю в корабли; а для чего та земля надобна, того они не ведают»[51]. Но эти сообщения единичны. А вот поморские одномачтовые кочи для самоедов, кочевавших по берегам Обской губы, были явлением вполне обычным. В XVI в. именно на кочах совершались плавания из Поморья в Мангазейское море (Обскую губу) — с использованием волоков через горы Северного Урала и через среднюю часть полуострова Ямал.

Современный исследователь В. Ф. Старков уверен, что кочи могли огибать Ямал, попадая таким образом и в Обскую губу, и в устье Енисея[52]. Между тем никаких достоверных источников об этом варианте Мангазейского морского хода не имеется. В 1617 г. в самом городе Мангазея торговые и промышленные люди рассказывали воеводам: «ходят де они, торговые и промышленные люди, с Пинеги и с Мезени, и с Двины морем, которого лета льды пропустят, в Мангазею для промыслов своих лет по 20 и по 30 и больши на Пустоозеро и на Карскую губу, на волок, а в Енисейское устье морем не хаживали; и то де подлинно они, русские люди и самоядь, знают, что из Енисейского устья и из Обской губы в море проходу нет, никто никакими судами не бывали и немецких людей и кораблей на море и на Енисейском устье не видали»[53].

Поход Ермака В работе о ранней колонизации Северо-Западной Сибири необходимо затронуть сюжет об экспедиции Ермака — с целью определения позиций автора по спорным вопросам, особенно о мотивах и начальной хронологии похода. Разноречивые мнения исследователей порождаются состоянием источников — скудостью документальных (актовых и делопроизводственных) материалов и противоречивостью летописных сведений XVII в. Среди имеющихся в научной литературе версий хронологии похода Ермака более убедительна та, которую предложил Р. Г. Скрынников. Ключевыми для объяснения неожиданного «Сибирского взятья» являются два фактора: обстановка в Приуралье в начале 1580-х гг. и взаимоотношения вольных казаков Волги и Яика с Большой Ногайской Ордой, — рассматриваемые в контексте официальной политики Русского государства.

Я присоединяюсь к мнению Р. Г. Скрынникова, который датировал начало похода Ермака из приуральских земель 1582-м г. (но не обязательно 1 сентября). Аргументация Р. Г. Скрынникова опирается на документы, современные событиям, а они, безусловно,

достовернее, чем летописи (Есиповская, Строгановская, Погодинская, Ремезовская, Кунгурский летописец), ни одна из которых не содержит точной даты начала казачьего похода. Хронология похода Ермака, как и событий, предшествующих ему, представляется мне в следующем виде.

Во второй половине XVI в. на Волге, как и на Дону, шел процесс образования вольных казачьих общин. Во взаимоотношениях Русского государства и Большой Ногайской Орды вольное волжское казачество в течение нескольких десятилетий играло весьма заметную роль, служа средством угрозы и давления на ногайцев со стороны московского правительства[54]. Именно в контексте русско-ногайских отношений в исторических источниках впервые появляется имя Ермака. В начале июля 1581 г. в Москву поступила жалоба от ногайского князя Ураз-Мухаммеда, в которой говорилось: «Наперед сего Ермак отогнал с Волги шестьдесят лошадей моих, а летось отогнали с Волги тысячу лошадей»[55]. Вторая часть фразы не обязывает предполагать, что в угоне 1000 лошадей участвовал только отряд Ермака; Ураз-Мухаммед не указал, кто именно из казачьих атаманов принимал участие в нападении. Р. Г. Скрынников вполне логично предположил, что лошади нужны были волжским казакам ввиду призыва весной 1581 г. казаков на продолжавшуюся войну с Речью Посполитой. Станица атамана Ермака Тимофеева влилась в состав царских войск и в конце июня этого года находилась уже под Могилевом[56]. Будущие ближайшие соратники Ермака в сибирском походе атаманы Иван Кольцо, Никита Пан и Савва Болдыря остались на Волге. В январе 1582 г. с Речью Посполитой было заключено перемирие, но полк под командованием князя Д. И. Хворостинина, в котором находились ермаковские казаки под Могилевом, был переброшен на северо-запад для ведения боевых действий против шведов. Р. Г. Скрынников предположил, что в этих боях, закончившихся к марту 1582 г., должен был участвовать отряд Ермака.

На основе изложенных сведений об известных событях, я считаю совершенно неверным датировать начало сибирского похода Ермака 1-м сентября 1581 г. (наиболее распространенной датой в научной и учебной литературе). Этот вывод основан как на сохранившихся аутентичных источниках, так и на построении, как выражался Л. Н. Гумилев, «непротиворечивой версии».

Пока станицы Ермака воевали на западе, на Волге и за Волгой произошли любопытные события. Весной 1581 г. вольные казаки (точный их состав и имена предводителей неизвестны, но вполне обосновано предположение, что в большинстве своем это были волжские казаки) нанесли удар по столице Больших Ногаев Сарай-

чику. По словам правителя Орды бия Уруса, «приходили... государевы козаки сего лета и Сарачик воевали и сожгли. Не токмо что людей живых секли — и мертвых из земли выимали и гробы их разоряли». Война казаков с Большой Ногайской Ордой поощрялась московским правительством, хотя официально оно в этом не признавалось, надеясь на урегулирование отношений путем переговоров. В июне 1581 г. в Ногайскую Орду прибыл русский посланник В. И. Пелепелицын, сначала крайне нелюбезно принятый Урусом. Когда гнев последнего по поводу сожжения Сарайчика остыл, стороны начали договариваться. В начале августа Пелепелицын возвращался в Москву вместе с ногайским послом, которого сопровождали 300 всадников и купеческий караван. Нападение у переправы через Волгу казаков (под предводительством Ивана Кольца и Богдана Борбоши) на ногайское посольство известно в подробностях из документальных источников[57]. В живых остался Пелепелицын, ногайский посол и 25–30 человек из его сопровождения.

Вскоре после этого казаки разгромили опять же на переправе через Волгу ногайский отряд, который возвращался после набега на Темников и Алатырь. Чтобы показать двуличность князя Уруса, казаки отправили пленного ногайца в Москву. Но и Иван Грозный был не менее двуличен. Терпя поражения в Ливонской войне, он стремился к миру на восточных границах. Доставивший пленного в Москву казак И. Юрьев был казнен. Вольные казаки Волги и Дона, громившие ногайцев, были объявлены «ворами», правительство указало послать из Казани и Астрахани войска для розыска и казни «воровских» казаков и освобождать пленников-ногайцев. Удары казаков по Большой Ногайской Орде оказались столь действенны, что бий Урус стал проявлять больше лояльности по отношению к Русскому государству. Более того, в новой шертной записи, заготовленной в Москве для Уруса, содержались обязательства как с русской, так и с ногайской стороны «тех воров (волжских казаков — *Е.В.*), сыскивая, казнити»[58].

Таким образом, по крайней мере два атамана сибирского похода — сам Ермак и Иван Кольцо — летом 1581 г. находились в разных местах и никак не могли присутствовать в приуральских землях Строгановых, готовясь к походу на Кучума. Спасаясь от репрессий царских войск, вольные волжские казаки ушли в верховья Яика, тем самым положив основание будущему Яицкому казачьему войску. Видимо, там (как считает Р. Г. Скрынников) с ними и соединился где-то в конце весны 1582 г. отпущенный с театра военных действий отряд Ермака.

Вопрос о начале похода Ермака за Урал не является столь запутанным, как он представлен в специальной литературе. Около 1 сен-

тября 1581 г. (неясно, раньше или позже) на владения Строгановых совершил набег пелымский князь Аблегирим со своими «вогуличами», которые «деревни многие выжгли и крестьян в полон емлют». Семен Аникиевич и Максим Яковлевич Строгановы обратились к царю с просьбой прислать с Перми Великой (из Чердыни) ратных людей. Одновременно они пожаловались на Никиту Григорьевича Строганова, который владел укрепленным Орел-городком на Каме и не оказал им никакой помощи. Все это известно из ответной царской грамоты, которая была составлена в Москве 6 ноября. Примечательна фраза из челобитной Строгановых, что «и ныне деи (то есть в начале октября 1581 г.— *Е.В.*) пелымской князь с вогуличи стоит около Чюсовского острогу»[59]. Р.Г. Скрынников, возражая сторонникам более ранних дат прибытия казаков во владения Строгановых, резонно заметил, что если бы осенью 1581 г. казаки уже находились в Приуралье, то они бы не позволили грабить и жечь русские поселения на Чусовой. Не надеясь, видимо, на скорую присылку ратных людей (фактически — ополчения) из Чердыни, Строгановы просили у царя разрешения «прибрати охочих людей казаков». Такое разрешение было ими получено в грамоте от 20 декабря 1581 г.[60]

Подробностей того, как были наняты отряды Ермака и вольных казаков на службу к Строгановым, мы, видимо, никогда не узнаем. Летом 1582 г. казаки с Яика прибыли в Приуралье. Одновременно с этим на владения Строгановых снова совершил набег пелымский князь, но на этот раз в союзе с татарским войском, которое возглавлял сын Кучума Алей. Погодинский летописец (наиболее достоверный из летописных источников) говорит об этом так: «А как Кучюмов сын Алей пришел войною на Чусовую, и в тое ж пору прибежал с Волги атаман Ермак Тимофеев с товарыщи... и Чюсовой сибирским повоевать не дали... А за год до того времени, как Кучюмов сын дошол на Чюсовую, нехто был в Сибири ж пелымской князь Аплыгарым, воевал своими татары Пермь Великую»[61]. Получив отпор на Чусовой, Алей повернул на север, разорил Соликамск и 1 сентября пытался взять приступом Чердынь. Наместник Перми Великой, находившийся в Чердыни с декабря 1581 г., знакомый нам В.И. Пелепелицын, послал донесение в Москву, повторенное в известной «опальной» грамоте Максиму и Никите Строгановым от 16 ноября 1582 г. Им вменялось в вину то, что во время осады Чердыни они не прислали на помощь отряд Ермака, а наоборот, отправили его воевать «пелымские и сибирские места»[62].

Царь Иван Грозный (или подписавший грамоту дьяк Андрей Щелкалов) зря гневались на Строгановых. Погодинский летописец отмечает, что после столкновения с Алеем «учали оне, Ермак с това-

рыщи, мыслить и збираться, как бы им доитти до Сибирской земли до царя Кучюма»[63]. Кунгурская летопись, основанная во многом на устной передаче рассказов участников похода Ермака, зафиксировала колоритную сцену насильственного изъятия казаками продуктовых и военных запасов у Максима Строганова[64].

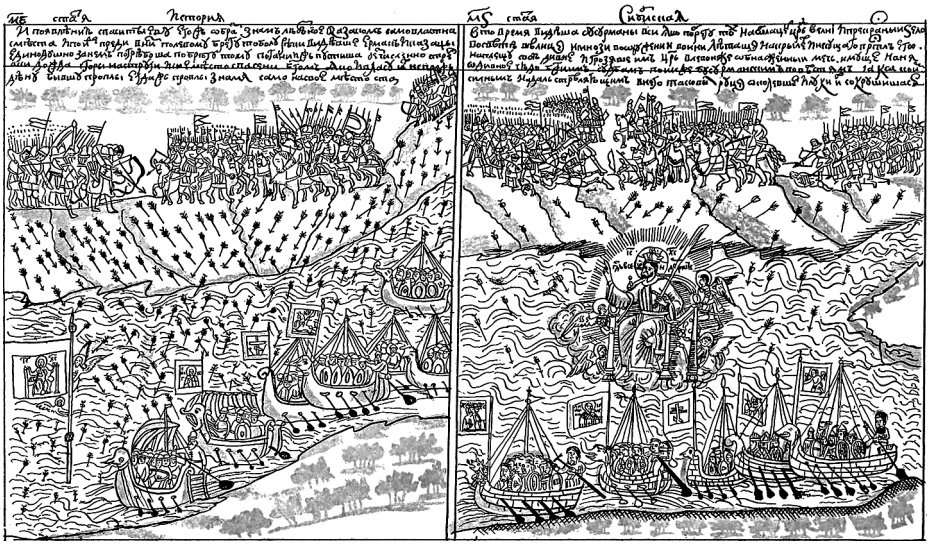
«Опальная» грамота называет датой начала похода за Урал 1 сентября 1582 г. Это число (но не год!), пожалуй, единственное место в грамоте, которое вызывает сомнения. Казаки не были столь неразумны, чтобы отправиться в длительный поход, когда до ледостава на сибирских реках оставалось около двух месяцев. О том, что Сибирское царство Кучума будет завоевано, они, разумеется, знать не могли. Остается, видимо, одно логичное объяснение: поход начался не 1 сентября, а значительно раньше. Между прочим, Кунгурская летопись два раза упоминает, что казаки отправились из Чусовского городка 12 или 13 июня. Почему они не стали преследовать войско Алея? Объяснений может быть несколько. Или Ермак потерял из вида татарское войско, или же, наоборот, решил в отсутствие значительных военных сил татар стремительным набегом разгромить столицу Кучума и успеть по рекам вернуться обратно. Ближайшая аналогия была еще свежа в памяти казаков — разрушение Сарайчика весной 1581 г.

Необходимо сказать об еще одной оригинальной версии начала похода Ермака, которую выдвинул А. Т. Шашков. Соглашаясь с тем, что в июне 1581 г. Ермак находился под Могилевом и что поход за Урал начался 1 сентября 1582 г., А. Т. Шашков настаивал на факте прихода казаков на Чусовую в конце августа — сентябре 1581 г. При этом мотивом их прибытия в Приуралье было отнюдь не приглашение Строгановых, а просто самовольный приход ввиду желания скрыться от репрессий царских войск (хотя казакам Ермака, только что воевавшим в составе этих войск, вроде бы нечего было опасаться). Согласно версии А. Т. Шашкова, зиму казаки провели в укрепленном лагере на притоке Чусовой реке Сылве, совершая набеги на поселения манси (об этой зимовке говорит только Кунгурская летопись). Только в начале 1582 г. Строгановы, знавшие о присутствии казаков в их владениях, воспользовались царским разрешением и наняли их для охраны своих слобод и деревень. Решение о походе за Урал казаки приняли самостоятельно, без всякого участия Строгановых и тем более государственных властей[65]. С последним тезисом можно, конечно, согласиться. Остальные звенья данного построения вызывают сомнения (быстрый переход отряда Ермака из-под Смоленска на Яик, а затем на Каму; зимовка на Сылве; лукавство Строгановых, просивших о разрешении нанять «охочих

казаков» и уже знавших, что ими будут преследуемые царской властью «воровские» казаки). Версия А. Т. Шашкова представляется мне несколько искусственной.

Среди современных интерпретаций хронологии экспедиции Ермака нельзя не сказать о схеме, предложенной Н. А. Миненко. Она, считая наиболее достоверной Строгановскую летопись, полагает, что Ермак с казаками прибыл во владения Строгановых в 1579 г. и в течение двух лет изучал «будущего противника и географию Зауралья». В поход дружина Ермака отправилась 1 сентября 1581 г., а решительный бой у Кашлыка произошел 26 октября 1582 г. (Н. А. Миненко, таким образом, допускает зимовку на пути к Иртышу). Стрельцы князя С. Д. Болховского, согласно схеме Н. А. Миненко, прибыли в Кашлык в ноябре 1584 г., когда еще был жив Ермак. После его смерти в августе 1585 г. голова И. Глухов и атаман М. Мещеряк ушли за Урал на судах северным «чрезкаменным» путем[66]. Поскольку версия Н. А. Миненко фактически во всем противоречит версии, изложенной выше и принимаемой мной, то мне кажется совершенно бесполезным вступать в спор по частным вопросам, которые и в одном, и в другом случае являются звеньями разных логических цепочек.

Приглашенные Строгановыми казачьи станицы Ермака двинулись летом 1582 г. в Сибирь по собственному почину, совершенно не предполагая исторический успех дерзкого рейда. Казаки действительно к 26 октября могли разбить войска Кучума и занять Искер



Воины Кучума обстреливают с берега струги казаков Ермака на реке Тобол. Рисунки из Кунгурской летописи С. У. Ремезова. Конец XVII в.

(Старая Сибирь, Кашлык), если поход начался хотя бы в середине лета. Между прочим, в Вычегодско-Вымской летописи (в которой есть изрядное количество неточностей, но есть и уникальные сведения) сказано: «Того же лета (автор называет, следуя строгановской летописной традиции, 1581 г.— *Е.В.*) снарядиша Максим да Григорей Строгановы казацких ватаманов, а с ними охотничие люди — Сибирскую землю воевати. И, шедшу, тое казаки за единолет всю Сибирскую землю повоевали, за князя великого привели»[67]. Последняя фраза подтверждает показания наиболее достоверных источников о стремительности похода Ермака.

Основание первых русских поселений в конце XVI – начале XVII вв.

Обстоятельства пребывания казаков Ермака в Сибири довольно подробно (но не одинаково) рассмотрены в работах Р.Г.Скрынникова и А.Т.Шашкова[68]. Столица Сибирского юрта Искер была занята ермаковцами 26 октября 1582 г. Летом 1583 г. в Москву прибыла небольшая станица (25 человек) от Ермака. Казаки привезли радостную весть о разгроме Сибирского ханства, были одарены Иваном Грозным и отпущены обратно, но не одни. Царь решил воспользоваться небывалой удачей казаков и послал в Сибирь отряд стрельцов (из Подмосковья, Казани, Свияжска, Вятки, Перми Великой — всего 300 человек). Командовал отрядом молодой князь С.Д.Болховской. Сначала предполагалось, что стрельцы Болховского перейдут через Урал зимним путем на лошадях, однако выяснилось, что «в Сибирь зимним путем на конех пройтить не мочно». В царской грамоте Строгановым от 7 января 1584 г. указывалось вместо 50 конных ратников подготовить к весне 15 стругов, на которых отправился бы в Сибирь отряд Болховского[69].

К наиболее ярким событиям пребывания казаков в Искере относятся: разгром татарского войска 5 декабря 1582 г. под Абалаком; зимний поход начала 1583 г. казаков (под предводительством атамана Никиты Пана) вниз по Иртышу с целью приведения к покорности местных остяков; гибель атамана Ивана Кольцо и еще 40 казаков, которые попали в ловушку; пленение лучшего полководца Кучума царевича Маметкула; неудачная осада со стороны карачи (ближайший советник у тюркских правителей) Искера весной 1584 г.; гибель Ермака 5 августа 1584 г. в ночном бою на реке Вагай. Как сообщает Погодинский летописец, «после того вскоре» в Искер пришел отряд князя Болховского, следовавший за Урал по пути Ермака. Преодолев волоковый путь, отряд на стругах вышел на реку Тагил и основал небольшое поселение — Верхтагильский городок. В Искере, как

хорошо известно, казаки и стрельцы пережили страшную голодную зиму 1584/1585 г.; в живых остались только голова из отряда Болховского Иван Глухов (сам князь умер) и 90 ермаковцев. Но еще до прихода Болховского, после гибели Ермака среди казаков произошел раскол: часть их во главе с атаманом Матвеем Мещеряком ушла обратно за Урал[70]. Последние ермаковцы и голова И. Глухов покинули Искер, видимо, в конце весны 1585 г. и спустились вниз по Иртышу и Оби, пройдя затем «чрезкаменным» путем к Пустозерску и далее «к Руси». Этим была поставлена точка в знаменитой эпопее отряда Ермака.

В то время, как ермаковцы покидали Сибирь, через Тагильский волок прошел отряд И.А. Мансурова[71], посланного для основания новых государевых городков. Добравшись летом 1585 г. до Искера, Мансуров обнаружил, что там обосновался Сеид-Ахмат, племянник Едигера (у которого в свое время отобрал Сибирское ханство Кучум). Не решившись высадиться у Искера, Мансуров проследовал вниз по Иртышу и с началом ледостава основал на правом берегу Оби, напротив устья Иртыша, городок (в литературе он известен как Обской, или Мансуровский)[72]. Этот городок просуществовал до лета 1594 г., но какие-либо факты из его недолгой истории нам неизвестны. Достоверны лишь сведения о его конце: в наказе первым сургутским воеводам (от 19 февраля 1594 г.) говорилось: «И пришед в тот Обской город, взяти из Обского города с усть Иртыша у Гневаша Лутохина ратных людей, литву и казаков, которые годуют в Обском городе (видимо, годовальщики из Тобольска — *Е.В.*) ...А Обской город велел розломать и зжечи, и впредь ему не быть»[73].

Возникновение Обского (Мансуровского) городка обеспокоило аборигенное население, жившее вниз по Оби. Летом 1586 г. в Москву лично приехал куноватско-ляпинский князь Лугуй с просьбой оградить его владения от возможных нападений служилых людей из Обского городка. В Москве благосклонно отнеслись к Лугую, поскольку он «приехал наперед всех бить челом», и разрешили ему самому привозить ежегодную дань в количестве 280 соболей к приказным людям на Вымь[74]. Немного ранее, еще при жизни Ермака, русской власти подчинился властитель городков Коды Алач, который приобрел статус служилого князя. После основания Тобольска служилые люди его гарнизона окончательно привели в подданство и обложили ясаком остяцкое население нижнего течения Иртыша.

Как хорошо известно, в 1586 г. был основан город Тюмень, а в следующем году — Тобольск. В 1589 г. Верхтагильский городок был заброшен, поскольку более удобным путем за Урал стал Вишеро-Лозьвинский. Новый городок (Лозьвинский) был основан у впа-

дения реки Ивдель в Лозьву. В течение девяти лет, до основания Верхотурья, Лозьвинский городок являлся «воротами» в Сибирь, через который проходили на восток отряды служилых людей и различного рода грузы. Именно здесь появилась первая за Уралом судоверфь[75].

Основание Тобольска в 1587 г. и строительство в нем двух церквей. Рисунок из Кунгурской летописи С. У. Ремезова. Конец XVII в.

В 1589 г. служилые люди из Тобольска начали собирать ясак с вогулов Большой Конды[76]. Однако подчинение пелымских и кондинских манси оказалось непрочным. Давний недруг России пелымский князь Аблегирим решил, видимо, поддержать хана Кучума, который в 1590 г. сделал набег под Тобольск. Сам Кучум летом 1591 г. потерпел поражение от тобольского воеводы князя В. В. Мосальского-Кольцова, но в Москве решили нанести окончательный удар по непокорным вогулам. Против них был задуман масштабный поход, в ходе которого возникли новые русские города — Пелым и Березов. Обстоятельства возникновения этих городов подробно рассматривались в работах А. Т. Шашкова. Однако в его сведения можно внести некоторые поправки[77]. Местом сбора войск стала Чердынь, в которой уже к июлю 1592 г. находился воевода Н. В. Траханиотов. В научной литературе, начиная с Г. Ф. Миллера, считается, что Траханиотов был чердынским воеводой, что не соответствует истине. Конец XVI в.— это время значительных изменений в системе местного управления в Русском государстве. На смену наместнической форме управления приходило воеводское управление и разрешенное рядом с ним земское самоуправление. Как убедительно показал А. П. Павлов, в 1580–90-е годы в города часто назначались «приказные люди», еще не имевшие названия воевод, но по существу (как гражданские правители города и уезда) являвшиеся таковыми[78]. Воевода Траханиотов носил это звание в военном («стратилатском») смысле, поскольку формировал отряд для броска за Урал. Но местным администратором в Чердыни в 1592 г. был приказной человек Салтан Чаплин. Известна царская грамота в Пермь Великую (август 1592 г.) на имя С. Чаплина, «или хто по тебе иные приказные люди вперед будут»[79].

Документы об этапах похода и основании Пелыма и Березова не сохранились, поэтому реконструкция этих событий допускает разные варианты. Как следует из царской грамоты (от 5 июля 1592 г.) Максиму и Никите Строгановым, немного ранее им было указано предоставить в распоряжение Траханиотова 100 человек «со всяким ратным боем». В данной грамоте, во изменение прежнего распоряжения, указывалось, чтобы Строгановы выставили сначала отряд в «50 человек пеших с пищальми в судех в лехких», которые должны были отправиться с Траханиотовым в Лозьвинский городок и далее в Сибирь. Из грамоты очевидно, что поход был запланирован на конец лета — осень 1592 г., поскольку из Лозьвинского городка ратные люди должны были пойти на судах. Всякие запасы ратные люди брали с собой с расчетом на осень, зиму и до весны (1593 г.). Другие 50 человек на лошадях должны были быть готовы «к первозимью в войну на Пелымского»[80].

Основной документ, в котором изложены планы похода (но не сами события) — это наказ (без начала и без даты) воеводе князю П. И. Горчакову, который должен был присоединиться к Траханиотову или в Чердыни, или (если тот успел перейти к зиме 1592/93 г. за Урал) в Лозьвинском городке. Наказ можно датировать осенью 1592 г.; очевидно, что именно с Горчаковым должны были идти ратники Строгановых «по первозимью»[81]. В конце 1636 г. березовский старожил казак Трофим Семенов при расспросе в Тобольске показал, что «в прошлых де годех... посланы были с Москвы в Сибирь Березова города ставить воеводы Микифор Траханиотов да князь Михайло Волконской, да голова Иван Змеев, а с ними послано было на житье на Березов город ратных людей триста человек, а прибраны те ратные люди на Москве да на Коломне да в Переславеле Резанском; да им же де велено взяти з земель даточных людей с Вятки, с Перми, с Выми, от Соли Вычеготцкой полтораста человек. И воеводы де Микифор Траханиотов да князь Михайло Волконской, да голова Иван Змеев с ратными и з даточными людьми пришли в Сибирь на Верхотурье через Лозву зимним путем, а Верхотурья... в ту пору не было. А весною де, пришед на то место, где ныне Березов, город и острог поставили одним летом, толко города покрыть не успели»[82].

Опираясь на фразу о «зимнем пути», А. Т. Шашков настаивал на том, что отряд Траханиотова проследовал зимой 1592/93 г. до Лозьвинского городка, затем, без остановки, шел по льду рек Туры, Тобола, Иртыша и Оби, пока не достиг устья Северной Сосьвы. Поднявшись по ней, Траханиотов весной-летом 1593 г. построил первые укрепления Березова[83]. Эта схема вызывает большие сомне-

ния. Мне представляется совершенно нереальным длительный путь отряда в 450 человек по льду сибирских рек. Если ратники могли идти на лыжах, то как быть с транспортировкой продуктов, артиллерии, военных припасов и т.д.? Оленьих упряжек на Лозьве взять было негде. Я считаю, что Траханиотов дошел до Лозьвинского городка действительно зимой. Местному воеводе И. Г. Нагому еще ранее был послан из Москвы указ подготовить к весне 1593 г. «большие суды и малые суды и струги гребные». В наказе Горчакову, который должен был догнать Траханиотова в Лозьвинском городке, говорилось о том, что в случае недостатка судов их следовало построить общими усилиями всех участников похода. Таким образом, дождавшись вскрытия рек, Траханиотов по рекам отправился в поход и к началу лета 1593 г. вполне мог достичь Северной Сосьвы (источники XVII в. свидетельствуют, что водный путь от Тобольска до Березова занимал около трех недель[84]).

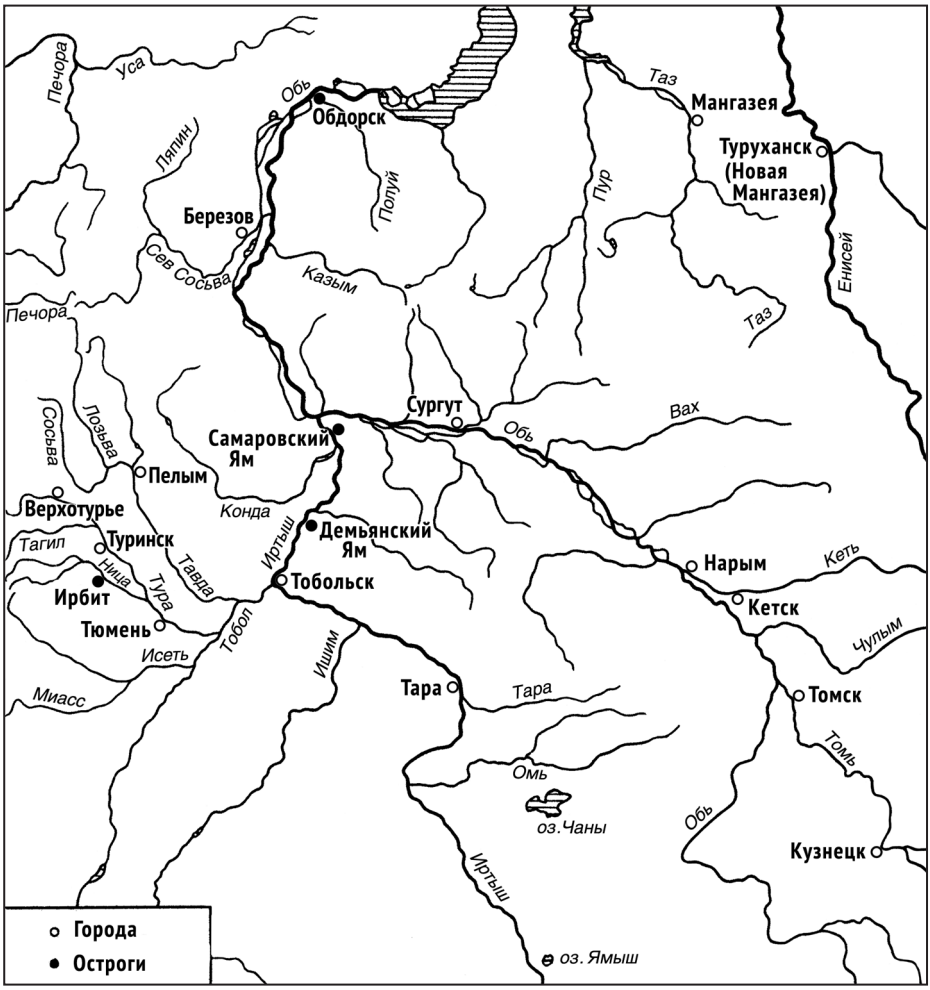
Большинство историков, в том числе и автор данной работы, придерживается мнения, что Березов был основан летом 1593 г. отрядом Н. В. Траханиотова. Есть, однако, версия о более раннем происхождении Березова, которую в 1940 г. выдвинул известный источниковед А. И. Андреев. Он пытался доказать, что известный нам князь П. И. Горчаков еще до похода 1593 г. был воеводой в Березове (!), а сам государев город был основан около 1587 г.[85] В обоснование своего мнения А. И. Андреев сослался на расспросные речи самого Горчакова (в 1619 г. в Приказе Казанского дворца выясняли пути через Уральские перевалы): «Был де он в Сибири в Березове городе... тому с двадцать с пять лет, а шел он в Сибирь на Березов город, не займуя Верхотурья и Тобольска, от Соли от Вычегодцкой на Еринский городок, а с Еринского на Вымь, с Выми на Турью, а с Турьи на Печеру, а с Печеры через Камень на Березов. А как де он был на Березове, и до него, и при нем торговые всякие люди со всякими товары зимним путем ходили на Березов с Выми через Камень на собаках»[86]. Надо заметить, что князь П. И. Горчаков стал первым воеводой Пелыма, но никогда не был воеводой Березова. В этот город он был послан из Москвы зимой 1595/96 г. с войском и артиллерией для подавления восстания остяков и самоедов Нижней Оби. Поэтому Горчаков имел право сказать, что и до него торговые люди ходили «чрезкаменным» путем на уже существующий Березов. Что касается обнаруженной А. И. Андреевым «Памяти» сысольским целовальникам о припасах, что пошли «в отпуск» Горчакова, то документ, несомненно, связан с упомянутым походом, маршрут которого проходил через земли коми-зырян. Н. А. Миненко присоединяется к мнению А. И. Андреева и вносит некоторые дополне-

ния. Исследователь считает, что Березов был основан осенью 1585 г. отрядом И. А. Мансурова, который спустился на судах до устья Северной Сосьвы, построил острог, а затем вернулся обратно к устью Иртыша[87]. Никакими документальными свидетельствами эта схема не подтверждается.

В наказе князю Горчакову от 1592 г. Березов упоминается дважды. В первом случае говорится о том, что «на Березов остров Микифору (Траханиотову — *Е.В.*) с товарищи взять с собою наряд». Во втором Горчакову указывалось на пути в Сибирь, в Вологде, закупить 200 прутов железа, из которых 50 предназначались для Березова[88]. Это означает лишь то, что в Москве уже твердо определились с названием нового города — Березов. Как считается, новый город был заложен недалеко от местного поселения (непонятно, вогульского или остяцкого). По-вогульски селение называлось Халь-уш, по-остяцки Сугмут-ваш, что одинаково означало «Березовый город». Насколько мне известно, исследователи не задавались вопросом, почему город получил название Березов, а, скажем, не Березовск (например, Тобол — Тобольск). Мне представляется, что первоначально место, утвержденное в Москве для строительства нового города, и носило название, зафиксированное в наказе,— Березов остров (быстро сокращенное до просто «Березов»).

Почему остров? Березов был построен там, где изгиб реки Вогулки близко подходит к Северной Сосьве. В двух верстах ниже Березова от Сосьвы отделялась Вогульская протока, впадавшая в реку Вогулку. Таким образом, расположенный между Вогулкой, Сосьвой и протокой между ними Березов мог производить впечатление острова[89]. В Москве об этом месте могли знать из отписок тобольских воевод, которые еще до основания Березова посылали служилых людей в низовья Оби. В 1621 г. березовские казаки объясняли в Москве, зачем был основан город Березов: «А поставлен тот город для того, что в том месте были многие остяки и самоедь, а нашего ясаку с себя не платили. И ис Тобольска де воеводы посылали к тем остяком и самояди... служилых людей для нашего ясаку. И те де остяки и самоядь тобольских служилых людей побивали, а ясаку де нам не платили»[90]. Город (кремль) и острог вместе с дворами служилых людей были построены за лето 1593 г.; весной следующего года даточные люди были отпущены обратно за Урал.

Летом же 1593 г. отрядом князя П. И. Горчакова у впадения реки Пелымки в Тавду был заложен город Пелым. Наказ Горчакову предписывал основать новый город в местности Таборы (ниже возникшего Пелыма по Тавде). Воевода так и планировал сделать, о чем свидетельствует поручная запись 10 стрельцов (от 21 февраля



Города и остроги Западной Сибири в XVII в.

1593 г.), которых набрали в Чердыни для службы «в новом городе в Тоборех»[91]. Однако наказ оставлял окончательный выбор места для построения города за Горчаковым: «А пришед в Тоборы, присмотрить под город место, где пригоже... или старой город занять, где лутче». В то же время наказ рекомендовал, в случае сопротивления пелымского князя Аблегирима, соединенной рати Горчакова и Траханиотова остановиться «против Пелымки на старом городище» и начать военные действия против вогулов.

Согласно наказу, воеводы должны были приложить все усилия, чтобы разгромить пелымского князя Аблегирима, захватить его самого и старшего сына в плен и казнить их вместе с 5–6 «пущими заводчиками». В то же время указывалось не применять репрессий

к рядовым вогулам: «А черных людей всех примолыти и обнадежить, чтоб жили по своим юртам и в город приходили»[92]. Известно, что старшего сына Аблегирима Тагая взял в плен сын боярский В. Ф. Тырков; он же отвез его в Москву[93]. О конце Аблегирима достоверных сведений нет: то ли он погиб в бою, то ли сдался и был казнен. Г. Ф. Миллер, опираясь на архивные источники, указывал, что младший сын Аблегирима Таутай и сын Тагая Учот в 1598 г. содержались в Москве под караулом. Учот принял христианство и впоследствии был известен под именем Александра[94]. Судя по этим скупым свидетельствам, Горчакову удалось выполнить статьи данного ему наказа, но город он основал не в Таборах, а у впадения Пелымки в Тавду, видимо, недалеко от старого вогульского городища.

Зимой 1593/94 г. казаки березовского гарнизона во главе с Иваном Змеевым[95] и 150 служилых остяков кодского князя Игичея Алачева окончательно сломили сопротивление вогулов Большой Конды. Как вспоминал в 1600 г. «лучший» человек Большой Конды мурза Курманак Танаев, объединенное войско русских и остяков «юрты де их разорили и животы и статки все поимали, а жены де их и дети, и род и племя поимали к себе князь Игичей Алачев»[96]. Сами кодские остяки в 1636 г. так рассказывали об этом погроме: «Кондинского князя Агая взяли и изменников вагулич многих побили, а иных переранили»[97]. Уже к августу 1594 г. кондинский князь Агай с сыном Азыпкой и братом Косякмой находился в Москве[98]. Интересные дополнения к этим событиям содержатся в поздней челобитной (датируется 1606–1608 гг.) Четыря Досаева, который оказался братом (возможно, просто принадлежал к той же княжеской династии) Агая. Еще до разгрома Большой Конды он «сошел» в Коду, где «служил государеву службу» и, по его словам, «брата своего Агая князца выдал государю». Он же сообщил, что в Москве Агай принял крещение[99].

Основание Березова болезненно подействовало на северных хантов и тундровых ненцев Нижней Оби. Весной 1595 г. Березов был осажден их совместным воинством, за исключением служилых остяков Коды, которые, наоборот, принимали участие в подавлении восстания (подробно эти события будут рассмотрены в гл. IV). Обдорский князец был взят в плен и отправлен в Москву, где его крестили под именем Василия и отпустили обратно. А на реке Полуй, недалеко от резиденции обдорских князей, возник небольшой русский Носовой (Обдорский) городок, предшественник нынешнего Салехарда. Произошло это не ранее весны–лета 1596 г. [100]

Следует отметить, что в научной и краеведческой литературе нет единого мнения о дате основания Обдорска (выбор колеблется между

1593, 1595 и 1596 годами). В книге Р. С. Васильевского и Д. Я. Резуна дана следующая характеристика Обдорского городка: «Государев» острог на Собском устье вновь появился (авторы придерживаются мнения, что первое русское поселение на этом месте возникло еще в 1500 г.— *Е.В.*) в 1595 г. и представлял из себя четырехугольник, огороженный стоячим тыном с двумя башнями. Высота острожных стен доходила до 3,5, высота башен — до 7,5 м. Городок не раз осаждался обскими ханты и перестраивался. В 1641 г. была расширена острожная стена, поставлено два амбара для торговых людей»[101]. Вопросы возникают сразу. Почему Обдорск оказался на устье реки Собь, а не на Полуе? На какие источники могут сослаться авторы, уверенно описывая острожные укрепления и башни? В какие годы городок выдерживал осады со стороны хантов? Была ли в 1641 г. расширена острожная стена, существование которой вообще не доказано? Любая фраза из приведенного пассажа не опирается ни на какие достоверные источники. Не менее фантастичны сведения о первоначальном виде Обдорска, приводимые в книге А. К. Омельчука: «Крепость представляла из себя небольшой четырехугольник, огороженный стоячим тыном. Две башни были смотровыми, две — проезжими. Крепость для надежности была обнесена вокруг рогатками. Над одноэтажными домами годовщиков (правильно «годовальщиков» — *Е.В.*) возвышалась деревянная маковка Васильевской церкви, срубленной в 1602 г.»[102].

Мнение А. Т. Шашкова о том, что русский Носовой (Обдорский) городок возник в ходе подавления восстания северных хантов и самоедов в 1596 г. представляется более убедительным. Отряд Горчакова добрался до Березова «чрезкаменным» путем зимой 1595/1596 г., а остяки Коды точно помнили, что поход «на Обдор на государевых изменников на остяков» возглавлял именно Горчаков. Таким образом, наиболее вероятное время разгрома Обдорского княжества и основания Носового городка — это весна-лето 1596 г.

До 1594 г. форпостом русского продвижения в Среднее Приобье являлся Обской городок. Служилые люди Обского городка продвигались вверх по Оби, подчиняя местных хантов и составляя первые ясачные книги, отсылаемые в Тобольск. По крайней мере, в Москве при составлении наказа об основании города Сургута в начале 1594 г. знали, что выше Обского городка существуют местности Сургут и Лумпеки, а за ними — Пегая орда (Нарымское Приобье) князя Вони. Более того, в Тобольске содержался сын Вони Урунк[103]. Когда и кем он был захвачен в плен? А. Т. Шашков на основании косвенных доказательств предположил, что еще в 1592 г. «воевать» Пегую орду были посланы кодские остяки князя Игичея Алачева.

Ученый опирался на следующие факты. В 1595 г. у крещеного остяка Степана Пуртиева сбежали «жонки полонянки купленные, одна Нерымского полону, а другая Тымского полону». А. Т. Шашков считал, что набег кодичей (по заданию из Тобольска) мог состояться не позднее 1592 г., так как в следующем году они участвовали в походе на Войкарский городок, зимой 1593/94 г. громили Большую Конду, а летом 1594 г. вместе с русскими служилыми людьми строили Сургут[104]. Во время этого набега и мог быть захвачен в плен Урунк. Перечисляя свои «службы» в 1636 г., кодские остяки припомнили: «Посылали их, остяков, на государеву службу со князь Игичеем же Алачовым з двесте человек без служилых руских людей в Сургуцкой уезд на государевых же изменников на остяков войною. И тех де они изменников остяков... [побили] многих»[105]. К сожалению, и эти сведения точно не датированы, поскольку в других случаях кодичи указывали фамилии русских военачальников, возглавлявших походы, что легко проверяется по другим источникам. В данном же случае кодичи отлично помнили, что они были «без служилых руских людей».

Сургут строился, согласно наказу первым воеводам князю Ф. П. Борятинскому и голове В. Аничкову, летом-осенью 1594 г. служилыми людьми из Тобольска, Березова, Пелыма, годовальщиками ликвидированного Обского городка и остяками (250 человек) князя Игичея Алачева[106]. Между прочим, кодичи в своей челобитной 1636 г. разделяют эти две службы: поход на остяков будущего Сургутского уезда и строительство самого Сургута вместе с русскими казаками[107]. Это свидетельствует в пользу мнения А. Т. Шашкова о том, что поход в Нарымское Приобье предшествовал основанию Сургута. В дополнение я бы обратил внимание на одну фразу из наказа первым воеводам Сургута. В случае отказа князя Вони явиться в Сургут и освободить сына Урунка, уплатив ясак за два года, воеводе Борятинскому рекомендовалось отправить отряд «воевать» Пегую орду. Сам отряд должен был состоять из «лутчих людей князя Игичея... и тутошних остяков»[108]. Не свидетельствует ли это о доверии русских властей к остякам Коды, которое они могли завоевать в предшествующем самостоятельном походе на Пегую орду?

Вследствие фрагментарности дошедших до нас письменных источников обстоятельства присоединения к России территории Нарымского Приобья известны далеко не достаточно. Они связаны с окончательным разгромом Пегой орды князя Вони[109]. Как уже говорилось, к моменту основания Сургута сын Вони Урунк находился в русском плену. А. Т. Шашков считал, что, согласно ожиданиям московского правительства, князь Воня поспешил в построенный

Сургут «с изрядным количеством «мягкой рухляди» и выкупил сына[110]. Никаких прямых свидетельств источников по этому поводу не имеется, однако из царской грамоты новому сургутскому воеводе О. Т. Плещееву (от 31 августа 1596 г.) известно, что ясак с Пегой орды полагалось собрать за два года (7103 и 7104 гг.), то есть с 1 сентября 1595 г. Отсюда можно заключить, что князь Воня все-таки внес ясак за 7101 и 7102 гг. Однако, как сообщал Плещеев в Москву летом 1596 г., посланных к нему ясачных сборщиков Воня в свои владения не пустил и отказался в целом платить ясак. Местный князь Бардак, в чьих владениях был основан Сургут, сообщил Плещееву, что Воня «ссылыетца» с подкочевавшим к Пегой орде Кучумом и договаривается с ним о совместном нападении на Сургут. В ответной грамоте Плещееву был подробно разработан план похода на Пегую орду[111].

Сводный отряд под началом сургутского головы И. И. Колемина должны были составить 50 служилых русских людей и 100 юртовских татар из Тобольска, 50 казаков из Березова, 100 остяков князя Игичея Алачева и 100 человек из гарнизона Сургута. Сам поход планировался на весну 1597 г. В грамоте предусматривалась возможность отсутствия березовских казаков и кодских остяков, так как в Москве еще не знали, «умирилась» ли уже «Югорская земля и на мере стала» (имеется в виду восстание нижнеобских аборигенов 1595–1596 гг.). В этом случае Плещееву надлежало заменить их остяками Сургутского уезда, которые «нам служат и прямят».

Вопрос о дате похода на Пегую орду, как и тесно связанный с ним вопрос об основании Нарымского острога, не имеет в научной литературе однозначного решения. Большинство историков приняло мнение П. Н. Буцинского, который писал: «неизвестно почему, но поход против Вони в 1597 г. не состоялся». Ученый решительно заявлял, что поход мог состояться только в 1598 г., и тогда же был построен русский острог Нарым[112]. В основе этого вывода лежит, очевидно, наказ новому сургутскому воеводе князю С. М. Лобанову-Ростовскому и голове И. Н. Ржевскому от 31 января 1597 г. Наказ исходил из того, что новые власти прибудут в Сургут к лету 1597 г. Среди прочего Лобанову-Ростовскому предписывалось в случае, если поход на Пегую орду еще не состоялся, до осени 1597 г. «повоевать» не подчинившиеся городки и волости, расположенные вверх по Оби, «опричь Пегой орды». Большой поход на Воню указывалось перенести на весну 1598 г.[113]

Поскольку документов, которые бы точно датировали уже совершившийся поход на Пегую орду, не сохранилось, исследователи были вправе выбирать между 1597 и 1598 годами. Ясность, как мне кажется, вносит уже упоминавшаяся челобитная кодских остяков

1636 г., в которой они вспоминали: «Их же остяков триста человек посылали на государеву службу вверх по Оби реке в Пегую орду под Нарымской городок с Иваном Каляминовым и со князь Петром и со князь Иваном Алачовыми и с русскими служилыми людьми войною, а... Пегую орду Нарымской городок взяли и на бою многих изменников остяков побили, а жон их и детей в полон поимали»[114]. Итак, почти через 40 лет кодские остяки хорошо помнили, что отрядом командовал Иван Каляминов (в котором легко угадывается голова Иван Колемин, которому и поручалось возглавлять поход грамотой от 31 августа 1596 г.). Между прочим, в наказе Лобанову-Ростовскому предписывалось прежнего воеводу Плещеева и Ивана Колемина «из Сургута отпустить». Вывод очевиден: Плещеев, согласно грамоте 1596 г., успел отправить объединенную рать Колемина до приезда воеводской смены, то есть весной 1597 г.

Как следует из свидетельства кодских остяков, их отряд возглавляли сыновья Игичея Алачева, князья Петр и Иван. Представляется, однако, что их отряд насчитывал не 300, а 100 человек, как планировалось в царской грамоте. Той же грамотой предполагалось участие в экспедиции двух атаманов и 50 казаков из Березова. Не позднее 5 февраля 1602 г. в Москву поступила челобитная от березовских атаманов Ивана Пешего, Истомы Аргунова и 70 казаков. Из нее следует, что они были «на нашей службе в Пегой орде и городок взяли, и наших непослушников под нашу царскую высокую руку привели», а захваченный ясырь привезли с собой на Березов[115]. Можно предполагать, что план похода был максимально выполнен, и в нем участвовали служилые татары из Тобольска, которых возглавлял соратник Ермака Черкас Александров (грамота рекомендовала Колемину советоваться в походе с князем Игичеем и Черкасом Александровым, «потому что им тамошние сибирские всякие дела и походы за обычей»). Между прочим, Черкас Александров в августе 1598 г. принимал участие в окончательном разгроме Кучума. Это лишний раз указывает, что большой поход на князя Воню, несостоявшегося союзника Кучума, имел место годом раньше[116].

В нашей совместной работе с А. Т. Шашковым высказано предположение, что тогда же, в 1597 г., был заложен и русский Нарымский острог[117]. В настоящее время я скорректировал свое мнение. План о походе Колемина, изложенный в царской грамоте, предполагал, что во время военных действий на территории Нарымского Приобья будет построен временный острог (как опорный пункт), который после приведения князя Вони к покорности следовало уничтожить[118]. Нам совершенно неизвестно, был ли заложен этот острожек, а если был — то продолжал ли он существовать, вопреки наказу, далее.

Я склонен думать, что Нарымский острог все-таки не был основан в 1597 г., и вот почему[119]. Служилые люди, излагая в челобитных свое участие в разных походах, обычно указывали на их ключевые моменты («изменников побили», «город поставили», «острог взяли»). В нашем распоряжении имеется три свидетельства участников похода 1597 г., в которых зафиксирован центральный эпизод. Кодские остяки помнили (как цитировалось выше), что «Пегую орду Нарымской городок взяли»; березовские казаки по свежим следам писали, что «городок взяли». Еще одно свидетельство восходит к березовскому атаману Савелию (Истоме) Аргунову. В 1663 г. его сын Лазарь подал в Сибирский приказ челобитную, в которой, добиваясь своих целей, перечислил службы отца. Дату похода на Пегую орду Лазарь, разумеется, не знал, но кратко отметил: «И Нарымской острог взяли»[120]. Таким образом, данные источники ничего не говорят о построении русского Нарымского острога во время разгрома Пегой орды.

Согласно «Книги Записной» (ранней редакции Сибирского летописного свода), Нарымский и Кетский остроги возникли в 1596 г., а первым приказным в них был сургутский атаман Тугарин Федоров[121]. Дата основания острогов неверна, но другая часть сообщения небезосновательна. В челобитной 1626 г. атаман Т. Федоров вспоминал: «Да меня ж, государь, холопа твоего посылал из Нарыму твой... воевода князь Семен Михайлович Лобанов в Томской город, и я... есашных людей привел под твою царскую руку и есак с них взял»[122]. Т. Федоров служил в Сургуте с самого основания города, а князь Лобанов-Ростовский был местным воеводой в 1597–1599 гг. Я склонен считать, что русский Нарым возник в 1598 г., откуда Федоров не позднее следующего года совершил поход в район будущего Томска. В 1601 г. стрельцы и казаки Сургута говорили о службе в двух острогах: Нерымском и Куняцком[123].

По поводу возникновения Кетского острога в научной литературе тоже существуют разные мнения. Г. Ф. Миллер не назвал никакой даты, П. Н. Буцинский считал, что Кетский острог был основан не позднее 1602 г., и связывал это с подавлением волнений аборигенов бывшей Пегой орды. Определенную путаницу в данный вопрос вносит факт существования на реке Кеть Кунгопского острога. В 1604 г. приказным человеком в Кетском остроге являлся письменный голова из Тобольска Постник Бельский. Из его отписки в только что возникший Томск следует, что в данном ему наказе фигурирует Кунгопский острог, ясачные функции которого распространялись на «чюлымские и киргисские и мелеские городки» (на которые стал претендовать Томск). Далее из контекста отписки Бельского ясно,

что Кетский острог унаследовал ясачные (как, видимо, и другие) функции Кунгопского острога[124]. Однако из данной отписки совершенно неясно: или Кунгопский острог был перенесен на другое место и получил название Кетского, или при неизменном положении острога к 1604 г. просто сменилось название.

Непротиворечивую версию попытался выстроить А. Т. Шашков (хотя она высказана в нашей совместной работе, но соответствующая часть текста принадлежит А. Т. Шашкову). Во-первых, он обратил внимание на фразу из челобитной Т. Федорова о том, что сургутские воеводы князь Ф. Т. Долгорукий и А. И. Голохвастов (они были на воеводстве в 1599–1601 гг.) посылали его из Сургута «на Енисею», где он обложил ясаком местные племена, а непокорных «воевал и многих побил», «князцов и лутчих людей в Сургут привел». Путь Федорова к Енисею именно по Кети определяется только предположительно. Во-вторых, в челобитной 1601 г. сургутских служилых людей после пассажа о Нерымском и Куняцком острогах сказано: «А ныне де их товарищев послано на Енисею острогу ставить 50 человек»[125]. А. Т. Шашков разделил эти два похода; экспедиция Федорова являлась своего рода разведкой, а отряд в 50 человек основал в верховьях Кети в 1601 г. Кунгопский острог. Замечу, что можно было бы отождествить эти два похода, но это вошло бы в противоречие с версией А. Т. Шашкова, поскольку Федоров в своей челобитной ничего не говорит об основании острога.

Итак, по мнению А. Т. Шашкова, в 1601 г. возник Кунгопский острог, расположенный в 416 верстах выше устья Кети. Этот вывод ученого основан на путевых описаниях Г. Ф. Миллера (заметим, что при описании реки Кеть Миллер опирался только на устные рассказы местных жителей). Миллер писал: «Старое городище, поостяцки Mendege-Kuotshe-gobt... где вначале стоял Кецкой острог, пока его не перенесли на нынешнее место. Остяцкое название дословно означает «место старого острога»[126]. При некотором желании аборигенное название (отбросив *mendege* — старый) можно переиначить в русский «Кунгоп». Однако против отождествления этого места с первым русским острогом на Кети возникает ряд возражений. Во-первых, зачем сургутским казакам было называть построенный острог на языке местного населения? Разве что в случае, если это название уже существовало применительно к аборигенному поселению. Во-вторых, несколько странно, что местное население сохраняло свыше 130 лет память о русском остроге, который, если и существовал, то всего около года. В-третьих, Кунгопский острог оказывался слишком далеко, чтобы контролировать ясачные волости, которые вскоре вошли в Томский уезд. В-четвертых, мож-

но учесть мнение кетского воеводы Г. Ф. Елизарова, высказанное им в 1611 г.: «А выше того Кецкого острогу и в прежние лета было поставить не уметь, что было запасу ис Сургута лодьею ходить невмесно выше нынешнего Кецкого острогу (речь идет о Кетском остроге, основанном в 1602 г. и расположенном в 200-х верстах от устья реки — *Е.В.*)[127].

Я солидарен с выводами П. Н. Буцинского и А. Т. Шашкова о том, что Кетский острог возник в 1602 г. В челобитной атамана Федорова есть такой эпизод из его долгой службы: «И как, государь, Пегая орда отложилася, и меня, холопа твоего, из Сургута посылал... воевода князь Яков Петрович Борятинской да Володимер Васильевич Пивов в Пегую орду. И я... Пегие орды всяких людей по твою царскую руку привел и город поставил, и есак с них взял»[128]. Таким образом, подтверждается известие Сибирского летописного свода о том, что первым приказным в Кетском остроге был Тугарин Федоров. В челобитной кодских остяков 1636 г. тоже содержится упоминание об основании Кетского острога, которое предположительно можно соотнести с событиями 1602 г. По словам остяков, их посылали вместе с русскими служилыми людьми «на государевых изменников на кетцких... войною; и они де на бою тех изменников кетцких остяков многих побили и переранили, и в Кетцком острог поставили»[129]. Почему-то остяки не запомнили имя того, кто командовал сводным отрядом и назвали Черкаса Рукина, под началом которого намного позднее (в 1618 г.) участвовали в походе на Енисей.

Сведений об «измене» аборигенов Пегой орды сохранилось немного. Достоверно то, что восстание имело место при сургутском воеводе князе Я. П. Борятинском (1601–1603 гг.). Кроме свидетельства атамана Федорова, сохранилась поздняя челобитная (1635 г.) новокрещена Нарымского острога Никиты Осипова, в которой он приписывал себе заслуги раскрытия заговора против русской власти. Год этого события он назвал неправильно (1598), зато точно помнил, что с предательской вестью «побежал в Сургут и известил воеводам князю Якову Борятинскому». Вследствие доноса «тех изменников Басаргу с товарыщи 10 человек повесили»[130]. Личность Басарги подтверждается другим документом. Летом 1603 г. новый сургутский воевода Ф. В. Головин допрашивал князька Басаргу, сына князя Вони Сегея и других «лучших» людей разных волостей Сургутского уезда о причинах восстания[131]. Из этого следует, что казнь «изменников» при воеводе Борятинском — ошибка памяти Никиты Осипова.

Ввиду слабой обоснованности существования какого-то Кунгопского острога, можно присоединиться к мнению, что первый рус-

ский острог (Кетский) был основан в 1602 г. (не ранее лета) в ходе подавления восстания селькупов «Сургуцкого уезда Пегие орды Нарымского острогу»; что первым приказным в остроге был атаман Федоров; что сначала острог по невыясненным пока причинам назывался Кунгопским. Однако очень скоро он принял название «Кетский», о чем свидетельствует царская грамота от 31 марта 1604 г. на Березов. Она была составлена в ответ на челобитную жителей «Вымской землицы», в которой коми-зыряне сообщали, что они ездят торговать на Березов и в Сургут, а оттуда воеводы посылают их вместе со служилыми людьми «вверх по Оби реки в Нерым в Пегу орду, и в Кетцкой, и в Чюлым, и в Чересы, и в Мелесцы, и в Порабилцы, и в Сым»[132]. Почти одновременно с этой грамотой (25 марта) был закончен наказ основателям Томска Г. И. Писемскому и В. Тыркову, в котором, в частности, указывалось ясак отсылать в Сургут и не допускать его сбора со стороны служилых людей из Нарымского и Кетского острогов[133].

После основания Березова и Обдорского городка центральное правительство наконец стало осознавать масштабы почти неконтролируемой промысловой колонизации районов, расположенных к востоку от Пура и Таза. Ее пионерами еще в XVI в. стали жители Русского Севера и коми-зыряне из вычегодско-вымских земель. Со временем активным торговым обменом с разными группами самодийцев Нижнего Приобья стали заниматься жители Пустозерска.

Промыслово-торговые экспедиции поморов конца XV — XVI вв. за Урал отразились в Сказании «О человецех незнаемых о Восточной стране», в «Югорском дорожнике» и записках английских мореплавателей. В 1617 г. промышленные и торговые люди утверждали, что из Поморья в Обскую губу они ходят по 30 и более лет. Автору Сказания «О человецех незнаемых» уже было известно о самоедах-молгонзеях, которых он поместил «на Восточной стране за Югорскою землею». Можно считать доказанным, что в начале XVI в. по среднему течению реки Таз проживали предки современных энцев, имевших самоназвание monkansi. Свою местность они называли «Monkansi ja», что, собственно, и означает «земля монканси». Отсюда произошло русское слово «Мангазея», под которым сначала подразумевали географическую местность, а затем выросший на правом берегу Таза легендарный город[134].

Инициатива и значение коми-зырян в промысловом освоении севера Сибири также не подлежит сомнению. Есть народы — кочевники степей, кочевники тундр. Коми-зырян эпохи средневековья можно назвать кочевниками лесов. «Зырянский след» в освоении Сибири невозможно не заметить: от выявленных археологами посе-

лений XII–XIII в. в Нижнем Приобье до свидетельств русских документов XVII в. В Северо-Западную Сибирь коми-зыряне проникли одновременно с новгородцами, хотя масштабы этого проникновения русским летописцам остались неведомы[135]. Но летопись — не единственный источник. В Нижнем Приобье русские в конце XVI в. зафиксировали немало остяцких поселений с характерным пермским окончанием «кар» (городок). Если взглянуть на карту южного побережья Обской губы, составленную С. У. Ремезовым, можно обнаружить составные гидронимы со словом «виска» (по-зырянски «протока»). На реке Таз к моменту основания в 1601 г. государева города Мангазея уже существовал Зырянский городок (выше Мангазеи)[136]. У остяков Средней Оби большая парусная лодка, которая, как считается, появилась вместе с русской колонизацией, носила название «зырянский каюк». Среди сибирских первопроходцев и казаков XVII в. документы называют немало людей с христианскими именами и отчествами, но с показательным прозвищем «Зырян». Освоение севера Сибири коми-зырянами в XV–XVI вв. носило промыслово-торговый характер, и в этом они были схожи с особой северорусской этнографической группой — поморами. Промысловая деятельность жителей Русского Севера и коми-зырян в Сибири шла намного впереди военно-политической экспансии Московского государства. Как и позднее в Восточной Сибири, при продвижении в новые «землицы» воеводы пользовались знаниями и навыками промышленных людей, присоединяя их к военным отрядам. В уже упоминавшейся челобитной коми-зырян 1604 г. говорится, что их вместе со служилыми людьми посылают не только из Сургута, но и из Мангазеи «вверх по Тазу реке в Ючеи и в Енисею, и в Велиткею (?), и в Тунгусы — для нашего ясаку и острогов ставить»[137].

После присоединения к России Нижнего Приобья центральное правительство задалось целью поставить под свой контроль деятельность частных промышленников в Тазовско-Туруханском районе и объясачить трудноуловимых тундровых ненцев. События, предшествующие возникновению на реке Таз государева острога, были таковы. Осенью 1597 г. в приуральский город Чердынь прибыли В. П. Головин и И. В. Воейков — первые воеводы еще не построенного города Верхотурья, который им и предстояло основать. В царской грамоте от 12 декабря 1597 г. им предписывалось, наряду с постройкой городовых укреплений Верхотурья, сделать весной следующего года 20–25 речных судов для перевозки в Сибирь хлебных запасов и людей. Помимо этого, из Москвы предписывали: «Да для Мунгазейского ходу велели б есте зделати судна с 4 или 5, роспрося тамошних людей, в каких судех мошно в Мунгазею и

в Енисею ходить» (напомним, что под «Мунгазеей» здесь понималась географическая область, а не город, который был основан несколько позднее). Видимо, данный указ составлялся в Москве не за один день. В конце его текста приказные дельцы снова вернулись к вопросу о посылке судов в Мангазею, причем значительно его конкретизировали: «А которым нашим ратным людем итти в Мунгазею, и под тех есте наших ратных людей велели зделать три кочи, распрося вымич ратных людей Васьки Тарабукина с товарищи, которым итти в Мунгазею, каковы кочи будет им надобе для морсково ходу»[138].

Нам неизвестно в точности, состоялся ли поход в Мангазею Васьки Тарабукина «с товарищи». Косвенным свидетельством его реальности является уникальное сообщение Сибирского летописного свода. Согласно ему, в 1597/98 г. в Сибирь был послан «Мангазейские земли проведать» и объясачить местных жителей дворянин Федор Дьяков. Летопись говорит об успешном завершении экспедиции и возвращении Дьякова в Москву в 1599/1600 г.[139] Возможно, Дьяков еще не прибыл в столицу к январю 1600 г., когда правительство Бориса Годунова выдало жалованную грамоту пинежанам и мезенцам, просившим разрешения на свободу плаваний «в Мунгазею морем и Обью рекою, на Таз и на Пур, и на Енисею» для соболиных промыслов и торговли с самоедами[140]. Однако в том же 1600 г. в Москве было принято решение об основании на реке Таз государева города Мангазеи.

Экспедиционный отряд, который состоял из 50 березовских и 50 тобольских казаков, возглавлял князь М. М. Шаховской, письменный голова из Тобольска. Летом 1600 г. тобольская часть отряда на одном коче и трех коломенках (вид речного судна) двинулась вниз по Иртышу и Оби и прибыла в Березов. Там в спешке местными казаками строились четыре морских коча. Опоздав со всеми сроками навигации, отряд Шаховского на 5-ти кочах и 5-ти коломенках отправился дальше. Историки, писавшие об основании знаменитой Мангазеи, ошибочно утверждали, что Шаховской вышел в Обскую губу. Между тем, из отписки самого Шаховского, которая была известна в Москве уже к 11 февраля 1601 г., следует, что у Пантуева городка три коча потерпели крушение, а «коломенки де у них прибило к берегу, и водою на коломенки налило, и запас деи у них муку и толокно подмочило, а крупы и соль потонула». Шаховской писал, что оставшиеся кочи «малы и не крепки, а в коломенках де морем не ходят»[141]. Князь Мирон Шаховской, стремясь выполнить данный ему наказ, нашел выход из трудной ситуации, но прежде зададимся вопросом: что это за Пантуев городок, о местоположении которо-

го гадали историки? Ответ на этот вопрос дают путевые описания Г. Ф. Миллера. Пантуев городок находился на правом берегу Каменной Оби, в 20 верстах от устья и примерно 80 верстах от Обдорска; на языке северных хантов он назывался Woksarit-wasch (Воксарский городок), а по-ненецки — Pandu-garden (Пантуев городок). Миллер заметил: «Прежде это была крепость, которая и сейчас (в 1740 г.— *Е.В.*) заселена остяками»[142].

Остановившись в Пантуевом городке, Шаховской писал «с казаки на Обдор к остяком и самоеди, чтоб их в Монгазею отвезли на оленях»[143]. И действительно, по словам участвовавших в экспедиции березовских казаков, «а как деи пришла самоедь, и они деи поднялись на оленях... а сами до Мангазеи шли на лыжах». Но какие самоеды оказали помощь отряду Шаховского? Весьма вероятно, что русский отряд сопровождали с оленьими упряжками кунные самоеды (лесные ненцы), которых перед русской администрацией представлял князец Ниля[144]. Если это так, то князь Василий Обдорский разыграл хитрую комбинацию. Он нанял (или уговорил) кунных самоедов сопровождать отряд Шаховского и в то же время вступил в сговор с тундровыми кочевыми ненцами. В 1607 г. он признался перед березовской администрацией: «Как де преж сего самоеды нам изменили, казну и наряд погромили, мангазейских воевод, князя Мирона Шаховского (помощником у Шаховского был Д. Хрипунов — *Е.В.*) и служивых людей побили, и он де, князь Василий, в той же изменой думе был», причем говорил ненцам, чтобы они не сообщали об этом «изменном деле» его сыну Мамруку, поскольку тот «прямит» русской власти и ему не подчиняется[145]. Впрочем, березовский воевода уже тогда, в 1601 г., подозревал, что князь Василий и остяки Обдорской волости «заодно с самоядью».

Нападение тундровых самоедов на отряд Шаховского произошло за рекой Пур; было убито около 30 казаков, но раненый князь Мирон Шаховской и 60 служилых людей спаслись, «падчи на оленев душей да телом». То, что русских казаков сопровождали лесные ненцы, тундровых ненцев нисколько не смущало, поскольку обе самодийские группы находились во враждебных отношениях (на это, видимо, и рассчитывал князь Василий Обдорский). Историки до сих пор иногда ставят под сомнение основание Мангазеи экспедицией Шаховского. Между тем, имеется подлинный документ 1663 г., свидетельствующий об успешном завершении похода. Это, уже упоминавшаяся челобитная якутского казака Лазаря Аргунова, в которой он, среди прочего, перечислил «службы» своего отца. А отец Лазаря, березовский атаман Савва Аргунов, находился в отряде Шаховского и, видимо, не раз вспоминал в семейном кругу, как «самоядь их на

тундре многих служилых людей побили и запасы их все отгромили, и после того оне до Монгазеи шли, голод и всякую нужу терпели и, пришед в Монгазею, самоядь в аманаты поймали и к шерти их привели и город поставили»[146]. Правда, город, вопреки наказу, был заложен не в устье Таза (заболоченной и безлесной местности), а на 200 верст выше по течению. Таким образом, тундровым ненцам не удалось помешать основанию государева острога, а осенью 1601 г. в Мангазею прибыли новые воеводы, князь В. М. Мосальский и Савлук Пушкин, с отрядом в 200 казаков.

Есть и еще одно свидетельство, что Мангазейский острог был возведен весной-летом 1601 г.: 21 ноября этого года в Москве была подписана грамота березовскому воеводе князю Борятинскому и голове Викентьеву, являвшаяся ответом на челобитную березовских казаков во главе с атаманом Яковом Чермным (а они участвовали в походе Шаховского). Казаки сказали (это указывает на то, что они лично били челом в приказе Казанского дворца): «Как де их погромила самоедь, и они деи у смерти обещалися к соловецким чудотворцам молитися». Значит, казаки успели вернуться в Березов, и, видимо, тут же были отправлены (возможно, с ясачной казной) в Москву, куда прибыли до 21 ноября 1601 г. В грамоте указывалось отпускать казаков в Соловецкий монастырь по 2–3 человека, причем «с крепкими поруки», что они возвратятся к месту службы[147].

В свое время М. И. Белов уверенно писал о том, что государев город Мангазея возник на месте уже существовавшего небольшого городка поморов — своего рода торговой фактории[148]. Ученый вообще был увлечен идеей о существовании на севере Западной Сибири еще до похода Ермака целой сети торговых городков русского происхождения (к ним он относил известные по письменным источникам Пантуев и Надымский городки). Сейчас хорошо известно, что и Пантуев городок (на Оби), и Надымский (в устье реки Надым) по происхождению и составу жителей были аборигенными (остяцкими). Что касается городка на реке Таз — предшественника Мангазеи, то никакими письменными источниками его возникновение и существование в XVI в. не подтверждается. М. И. Белов основывался только на данных дендрохронологического анализа древесины, добытой при археологических раскопках Мангазеи. Между тем последние исследователи городища Мангазея (Г. П. Визгалов и С. Г. Пархимович) подвергли критике методы обращения М. И. Белова с результатами дендрохронологического анализа и пришли к выводу, что гипотезу М. И. Белова о раннем поморском городке на месте будущей Мангазеи «нельзя принять из-за отсутствия доказательной базы»[149]. Пока что уверенно можно говорить о существо-

вании на реке Таз до 1601 г. так называемого Зырянского городка (от Мангазеи где-то выше по течению). Именно там уже осенью 1601 г. находились два русских сборщика ясака, присланных мангазейским воеводой князем В. М. Мосальским.

2. Центры русской колонизации: история северных городов в XVII в.

Огнестрельное оружие, парусные корабли и деревянные города-крепости — вот основные символы русской колонизации Северо-Западной Сибири, реальное значение которых хорошо понималось местными народами. Территории сибирских уездов складывались стихийно, по мере продвижения русской колонизации на восток и возникновения городов, становившихся уездными центрами. В северных «беспашенных» уездах русское население в XVII в. концентрировалось почти исключительно в городах. Выполняя военные, административные и торгово-распределительные функции, первые русские города являлись очагами-анклавами традиционной культуры колонистов, обеспечивая им привычные условия обитания и существования. Предложенные ниже описания архитектурного и застроечного облика первых северных городов в Сибири исходят не столько из задач истории градостроительства, сколько из необходимости уяснения места города в колонизационном процессе и его роли в трансляции традиционных типов культуры переселенцев на новые территории. Это, конечно, не исключает намерения автора оказаться полезным (при описании городских построек, эволюции оборонительных сооружений и т.д.) историкам русской архитектуры и археологам.

Березов Об основании Березова в 1593 г. уже говорилось выше. Описаний первоначального вида Березова в распоряжении историков не имеется[150]. Зато до нас дошло подробное описание городовых и острожных укреплений от 1636 г. («дозорная сметная роспись» Павла Хмелевского)[151]. Имеющиеся до этой росписи документы весьма фрагментарны, хотя и они предоставляют важную информацию. При анализе всех документов можно сделать вывод, что собственно город (крепость) к 1636 г. сохранял свои первоначальные размеры, в то время как острожные укрепления расширялись.

Прежде всего следует уточнить одно обстоятельство. В научной литературе обычно говорится, что Березов основан на левом возвышенном берегу Северной Сосьвы. Между тем в росписи 1636 г. указано, что под одной из городовых стен и острогом совсем близко протекала река Вогулка. Она подмывала высокий берег, отчего уже к 1636 г. возникла прямая опасность обвала городовой стены и острожных укреплений. В росписи 1636 г. эта река называется то «Вагулкой», то «Вагульской протокой». В «Чертежной книге Сибири» С. У. Ремезова как раз и показана против города-крепости река Вогулка[152]. Описания же Г. Ф. Миллера, посетившего Березов в 1740 г., таковы: «Березов, город на левом возвышенном берегу Сосьвы» По поводу реки Вогулки: «Немного ниже от города от Сосьвы отделяется протока средней величины, которая в двух верстах оттуда впадает в реку Вогулку, а Вогулка в 18 верстах ниже Березова впадает в Сосьву»[153]. Березов был построен там, где изгиб Вогулки близко подходит к Сосьве; городовая крепость своей восточной стороной близко подходила к Вогульской протоке, а к Сосьве тянулся посад («посад» здесь — термин условный, поскольку посадских людей в Березове не было). Расположенный между Вогулкой, Сосьвой и соединяющей их Вогульской протокой (она текла из Сосьвы в Вогулку, а не наоборот), Березов производил впечатление острова.

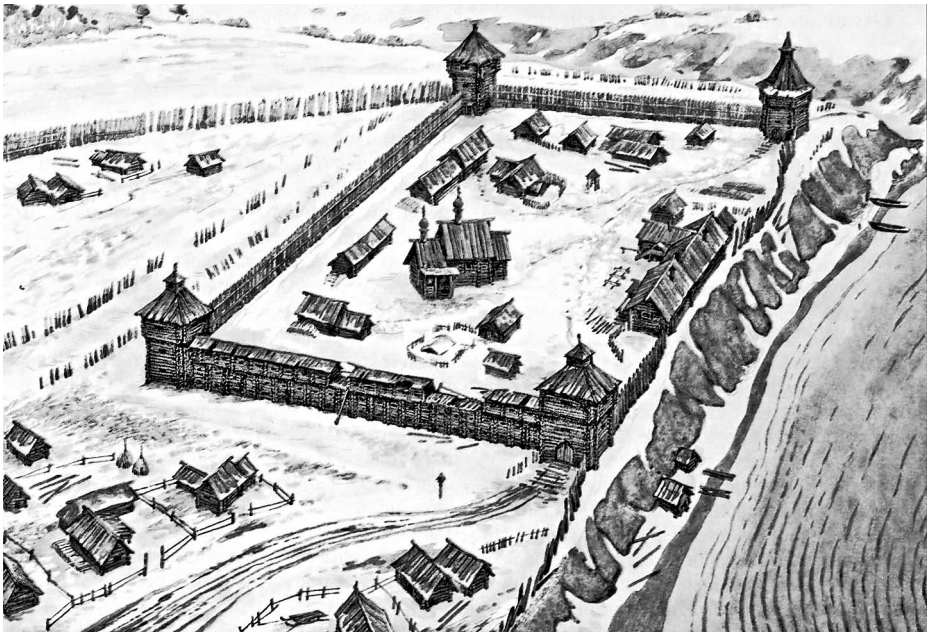
Обратимся к описанию собственно крепости (кремля), которая представляла почти правильный квадрат. Дальней от Сосьвы башней (и стоящей вблизи Вогульской протоки) являлась так называемая Круглая башня. В отличие от большинства башен Березова она в своем основании была шестигранной. Березовские старожилы сказали «дозорщику» П. Хмелевскому: эта башня была перенесена (год неизвестен) от берега, «потому что ис-под тое башни берег осыпался в Вагулку реку». Башня имела ворота, которые выходили, очевидно, к Вогулке. Параметры Круглой башни в росписи не указаны; лишь отмечено, что бревна и кровля башни находятся в крайне плохом состоянии и использовать их для нового строительства нельзя.

От Круглой башни до главной Спасской башни городовая стена «по край Вагульской протоки» составляла в длину 59 м. Следует отметить оригинальность этой стены: в нее был встроен воеводский двор, длина стен которого составляла 21,5 м. Такая обширность воеводского двора обусловливалась, видимо, тем, что до 1627 г. в Березов назначались по два воеводы, а они приезжали со своими семьями и челядью. Эту особенность стены можно объяснить соображениями экономии: годного для строительства леса вблизи Березова не было. Ко времени составления росписи стена из город-

ней-срубов «вся погнила и завалилась», возле стены и воеводского двора «берег осыпался в Вагулку реку». Вместо городовой стены до воеводского двора был поставлен стоячий острог, однако и тот «острог худ и пошатился под гору ж».

Спасская угловая четырехугольная башня была главной в березовской крепости. Она была «проезжей», то есть имела ворота, которые вели в острог. Равные стены башни составляли 8,46 м. Башня была сложена из «средних» бревен толщиной в 22,5 см. Высота Спасской башни вместе с обламами и режем достигала почти 15 м. По более поздним данным (XVIII в.) на стене башни (видимо, над воротами) помещались три иконы: Иисуса Христа, Богородицы и архистратига Михаила (по еще византийской традиции архангел Михаил считался покровителем воинства и защитником христиан от язычников). К 1636 г. главная башня тоже находилась в плохом состоянии. Она «от земли подгнила», ветхие стенные и мостовые бревна уже не годились для перестройки башни.

От Спасской башни перпендикулярно Вогульской протоке шла стена из городней-срубов к угловой глухой (без ворот) башне, которая называлась Пермской. Длина стены между Спасской и Пермской башнями достигала 57 м. В росписи Хмелевского указано, что городней в этой стене было 16; значит, каждый стенной сруб имел длину 3,5 м. Эта городовая стена была построена вполне тради-



Березов в начале XVII в. Рисунок-реконструкция Н.Павлова

ционным способом: она имела обламы (горизонтальные выступы) и затем еще на сажень продолжалась до кровли. Высота стены от земли до кровли достигала почти 5,5 м. Это единственное описание городовой стены Березова из срубов, но и то Хмелевский застал ее в «ветхом» состоянии и докладывал, что бревна стены ни в какое дело не годятся. Пермская башня по размерам была идентична Спасской, то есть четырехугольной, со стенами в 8,46 м и высотой в 15 м. Бревна башни тоже были гнилые и ветхие.

Здесь следует заметить, что сам «дозор» П. Хмелевского, тобольского сына боярского, был инициирован березовским воеводой А. М. Толочановым, который прибыл в город в июне 1635 г., осмотрел городовые и острожные укрепления и отправил в Москву отписку об их плачевном состоянии. Из столицы пришло указание в Тобольск отправить в Березов «дозорщика», каковым и стал Хмелевский.

От угловой Пермской башни шла третья стена до глухой Вымской башни. Когда-то она, как и положено, состояла из городней, но к 1636 г. их уже не было, «все сгнили». Хмелевский мог указать только расстояние между этими башнями — 55,5 м. Вместо городней-срубов был поставлен стоячий острог. Возле этой городовой стены на расстоянии почти трех метров Хмелевский обнаружил осыпавшийся ров, в котором с двух сторон обнаружились остатки острого стоячего тына (комментарии по этому поводу следуют ниже). Надо ли говорить, что сама Вымская башня находилась в «ветхом» состоянии. Ее размеры в росписи не указаны.

Наконец, четырехугольник крепости замыкала стена между Вымской и Круглой башнями. Стена из городней тоже не сохранилась, и в 1636 г. вместо нее стояли острожные бревна. Длина стены была меньше остальных стен (49,7 м), потому что, как говорилось выше, Круглая башня была перенесена подальше от берега протоки. За стеной тоже был выкопан ров с острым тыном, утративший к этому времени свой первоначальный вид. Недалеко от рва находился глубокий овраг, почему и нельзя было перенести обветшалую городовую стену за ров.

По поводу рвов, выкопанных рядом с двумя стенами кремля-крепости, можно высказать следующее соображение. Весной 1607 г. среди хантов Березовского уезда созревал масштабный антирусский заговор, инициаторами которого были «лучшие люди» волостей. В научной литературе существует устоявшееся мнение, что весной 1607 г. Березов выдержал двухмесячную осаду со стороны объединенного войска хантов и ненцев, численность которого достигала двух тысяч человек. Ниже будет сказано об ошибочности этого мне-

ния. Воеводе П. А. Черкасскому удалось вовремя захватить инициаторов планируемого восстания и допросить их. Грозная рать в две тысячи повстанцев существовала только в планах заговорщиков, которые надеялись собрать такое количество людей к концу июня 1607 г. и «к городу приступить». О каких-либо боевых действиях под Березовом в сохранившихся документах не говорится. Казаки Березова позднее писали, что они «сидели в осаде» и рыли ров с заостренным частоколом, заодно укрепляя городовые стены. Таким образом, с большой долей уверенности можно предположить, что отмеченные в 1636 г. рвы вдоль двух городовых стен (от Пермской до Вымской и от Вымской до Круглой башен) были выкопаны в 1607 г., когда ожидалось нападение на Березов со стороны аборигенов. Отсюда можно сделать вывод, что в 1607 г. указанные две городовые стены были внешними для всех укреплений Березова и не прикрывались острожными стенами. Стена между Круглой и Спасской башнями была защищена высоким берегом Вогульской протоки, а стена между Спасской и Пермской башнями — посадом с его острожными укреплениями. Если в 1636 г. Березов в целом (с кремлем и посадом) можно изобразить как трапецию, в 1607 г. он представлял собой прямоугольник — частокол посада продолжал по прямой линии городовые стены от Спасской и Пермской башен. В дальнейшем рвы около городовых стен оказались ненужными, почему и пришли в запущенное состояние.

Облик города при строительстве в 1593 г. нам неизвестен. Выше я предположил, что размеры кремля-крепости оставались неизменными. Первый достоверный источник относится к 1600 г. Это грамота с похвалой от царя Бориса Годунова березовскому воеводе И. Г. Волынскому и голове И. П. Биркину. Данные лица прибыли на воеводство в 1599 г., осмотрели Березов и отписали в Москву о его состоянии. Оказалось, что городовые стены в двух местах «поисшатались», во многих местах они были непокрыты; башни города тоже не имели кровли (видимо, шатровых верхов). Окна у башен были узкими и не подходили для пищалей, станки (лафеты) для пищалей оказались «перепорчены». Кроме того, «острог сгнил и розвалялся весь»[154]. Здесь надо вспомнить, что в 1595 г. Березов пережил единственную в своей истории осаду со стороны остяков и самоедов. Во время осады острог был выжжен, многие казаки погибли, а остальные сидели в осаде в городе больше полугода[155]. Значит, городовые стены через два года после возведения были достаточно крепки. Удивляет другое. Сгоревшие острожные стены были явно поставлены после снятия осады весной 1596 г., а через три года пришли в полную негодность.

Воевода Волынский и голова Биркин докладывали в Москву в 1600 г., что по их распоряжению «город и башни покрыли», поставили новый острог, в кремле сделали погреб «для остяцкого обиходу» и привели в нормальное состояние артиллерию: все 12 пищалей получили новые станки, окованные железом, а окна в башнях были расширены.

Однако уже в начале 1607 г. очередной воевода П. А. Черкасский отписывал в Москву, что «Березов город ветх: городовые стены и башни худы, и от речки Вагулки городовую стену подмыло водою». Порох и ядра для пушек хранились на башнях и в городовых стенах, а не в специальном «зелейном» погребе[156]. Как говорилось выше, служилые люди, готовясь к возможной осаде, произвели поспешный ремонт городовых стен. В той же отписке Черкасский докладывал, что в 1605 г. служилые люди по своей инициативе воздвигли храм во имя Воскресения Христова за пределами кремля. Возле церкви казаки поставили 15 дворов, поскольку территория острога, идущая в направлении к Северной Сосьве, была уже тесной. В Москве разрешили расширить острог, чтоб он включал новые постройки.

Следующие после Черкасского воеводы, С. И. Волынский и Ю. Я. Стромилов, доложили в Москву (1610 г.), что при Черкасском новый город не сделан. Взяв с собой для свидетельства березовских служилых, они осмотрели городовые стены и пришли к выводу, что те могут стоять лет 10 и больше. Здесь же излагалась просьба казаков о тесноте в остроге и разрешении его расширить (у некоторых казаков даже своих дворов не было). В приказе Казанского дворца указали новый город не делать, а острог разрешили расширить, но с условием, чтобы казаки возле новых острожных стен поставили надолбы и выкопали ров[157].

В 1625 г. новые воеводы, князь Л. М. Волконский и И. И. Зубов, так описали Березов: «Городовые стены згнили и завалились, никоторыми мерами поделати их не мочно, а башни стоят, исподние бревна погнили, а две городовые стены от поля да от реки от Вогулки отгорожены стоячим тыном»[158].

Перейдем к острожным укреплениям. Поскольку постоянное население Березова состояло исключительно (кроме церковнослужителей) из служилых людей, то расширение острога затянулось на годы. Летом казаки березовского гарнизона выполняли разные службы, были в дальних «посылках». За лесом же приходилось отправляться вверх по Сосьве; путь в оба конца вместе с заготовкой и сплавом леса мог занимать до двух месяцев. Достоверно известно, что при воеводах Зюзине и Нармацком в 1617 г. были поставлены

новый острог и в нем новая же Лесная башня; «а ставили острог и башню они, березовские служилые люди и ружники, всем Березовским городом». В это время казаков и ружников (весь церковный причт) числилось в Березове 330 человек. По раскладке на каждого человека пришлось по 60 копеек («потому что лес от Березова удалел»). Всего, таким образом, строительство новых острожных стен обошлось в 200 руб.; расходы на постройку новой Лесной башни в эту сумму не входили[159]. Можно высказать предположение, что форму трапеции Березов приобрел именно в 1617 г.

Среди архивных документов сохранился краткий городовой список Березова 1627 г. Согласно ему, «на Березове в городе в стенах 2 башни с воротами и 2 глухих». Острог имел 5 башен (из них одна глухая) и еще 2 ворот без башен. На башнях города стояли 8 медных и железных пищалей, на острожных башнях — всего 2 пищали. В казне хранилась испорченная железная пищаль. Служилых людей в это время насчитывалось 295 человек, кроме того: сторож съезжей избы, дворник гостиного двора, тюремный сторож, толмач и 2 воротников[160].

Этот облик города сохранялся и к 1636 г., когда Хмелевский составил свою дозорную роспись. Обратимся к описанию острога. В недавно опубликованной книге «Березово» допущена ошибка. Там сказано, что «первая острожная стена протянулась вдоль Северной Сосьвы на 28 саженей от городовой Спасской башни до острожной Спасской же башни»[161]. На самом деле эта стена, продолжаясь по прямой от городовой Спасской башни, шла «по край Вагульские протоки» и упиралась в восьмигранную башню с воротами, тоже называвшуюся Спасской. Эта острожная стена составляла 60,5 м и находилась в плохом состоянии, к тому же наклонилась под гору, поскольку «тот острог поставлен на самом берегу». Восьмигранная башня от земли «подгнила в сажень», бревна и доски башни уже не годились для новых строительных работ. Можно предположить, что эта восьмигранная Спасская башня возникла при основании Березова и когда-то была угловой острожной башней; с расширением острога она оказалась внутри острога, а ворота использовались, видимо, для спуска к Вогульской протоке.

От восьмигранной Спасской башни по прямой по берегу протоки шла следующая острожная стена, которая заканчивалась угловой четырехугольной башней, опять же носившей название Спасской. Ее название косвенно указывает, что она восприняла его от предыдущей башни. Угловые стены этой третьей Спасской башни составляли каждая по 4,5 м, ворота выходили на Вогульскую протоку. Стена между двумя острожными Спасскими башнями равнялась 82 м.

От последней Спасской башни под прямым углом шла стена (длина — 194 м) к глухой четвероугольной башне (в источнике она не имеет названия). Именно эта стена ограничивала острог в 1636 г. со стороны Северной Сосьвы. Опять же и стена, и башня находились в плохом состоянии.

От безымянной башни протянулась острожная стена длиной в 177 м. и упиралась в Лесную башню. Последняя, как говорилось, была построена в 1617 г. и потому оказалась «нова и добра, с мосты и кровлею, стоять ей мочно». Она была четвероугольной с воротами; длина стены составляла 6 м, высота всей башни — почти 9 м.

От Лесной башни по ровному месту «назад к городу» шла длинная стена к еще одной острожной башне с воротами (название ее неизвестно). Стена была самой длинной — 270 м. Безымянная башня находилась еще в хорошем состоянии, но острожный частокол «погнил». От нее шла «клином» к городовой Вымской башне последняя острожная стена длиной в 112 м. Как можно понять из источника, стена «клином» начиналась от Лесной башни (не зря в источнике она названа «угловой»).

Таким образом, периметр собственно городовых стен со стенами башен составлял 285,5 м. Длина всех острожных стен с башнями равнялась 936 м. Для более точного расчета площади собственно острога имеется еще один параметр. В источнике указана длина по прямой от Пермской башни до острожной стены — 44 м. В целом осмотр Хмелевского показал, что городовые и острожные укрепления Березова находились в плачевном состоянии.

Что известно из источников о постройках Березова к 1636 г.? Как правило, вместе с возведением стен в новом городе одновременно строилась и соборная церковь. Прямых указаний о построении церкви в 1593 г. у нас нет, но предположение о ее возведении вместе с основанием города высказал еще П.Н. Буцинский[162]. Он обратил внимание на следующий факт. Осенью 1599 г. березовский воевода получил распоряжение из Москвы оказать помощь при постройке Троицкого храма в резиденции кодских князей Алачевых. Воевода должен был нанять плотников для строительства церкви и выделить попа для отправления служб в новом храме[163]. Им стал черный поп Евстрат, который находился при Троицком храме в Коде уже в 1600 г. В этом году ему было указано сопровождать военный отряд князя Шаховского и Д. Хрипунова, отправленный для основания на реке Таз Мангазейского города. На место Евстрата в Коду был назначен из Тобольска поп Яков. В ноябре 1602 г. в Москве была составлена грамота березовским воеводам о возвращении Евстрата в Коду; поп Яков должен был отправиться в Березов[164]. Итак, в кон-

це XVI в. в Березове были священники, а, значит, должна была быть и церковь. Ее название прозвучало в царской грамоте 1607 г. о посылке в Березов церковных книг и утвари: «Да на Березов послати к Рождеству Пречистой Ахтай на 8 гласов, Минея общая печатная в полдесть»[165]. Видимо, первая церковь (на территории кремля) в Березове была освящена около 8 сентября (праздник Рождества Пречистой Богородицы), почему и получила название Рождественской. Это не противоречит сведениям о построении самого Березова летом-осенью 1593 г. В конце 1619 г. воевода В. С. Нармацкий писал в Москву, что церковь Рождества Богородицы и придел во имя Федора Стратилата «ветхи, развалились»; иконы потускнели, и книги «подрались». Воевода сообщал, что на том же месте заложил новый храм, с тем же названием. Он просил о присылке всякого «церковного строения», что и было сделано[166]. А. Т. Шашков утверждал, со ссылкой на тот же архивный источник, что придел Федора Стратилата возник именно при постройке новой церкви (якобы в честь мирского имени патриарха Филарета, до пострижения — Федора Романова)[167]. Однако из отписки Нармацкого следует, что и Рождественская церковь, и придел Федора Стратилата были к 1619 г. одинаково «ветхи». Значит, придел к соборной березовской церкви возник намного раньше.

В 1605 г. «березовские служилые люди воздвигнули храм во имя Воскресенья Христова за острогом (за пределами бывших городовых стен — *Е.В.*)» и поставили рядом с ним 15 дворов. Ввиду этого, как уже говорилось, они просили о расширении острожных стен[168]. Где мог находиться этот храм? Думается, за старой острожной стеной, которая шла параллельно той стене, которая тянулась вдоль Вогульской протоки (то есть церковь стояла со стороны леса, а не Сосьвы или протоки).

Третья по счету церковь возникла в связи с основанием в Березовском уезде первого монастыря и называлась тоже Воскресенской. А. Т. Шашков полагал, что монастырь возник около 1610 г., но источник этих сведений не указал. Достоверно лишь, что монастырь с Воскресенской церковью уже существовал к 1624 г. В ноябре этого года воевода Ф. А. Козловский устроил у себя на дому пир в честь праздника Введения во храм Пречистой Богородицы. На нем, в частности, присутствовали священник Рождественской церкви Тимофей, Воскресенский игумен Тарасий и поп Василий, который оскорбил игумена. А. Т. Шашков считал, что поп Василий был священником монастырской Воскресенской церкви, хотя в источнике об этом не говорится[169]. Имеются точные данные о священниках Березова, отраженные в «Книге имянной березовским

служилым людем и ружником и оброчником з денежными оклады» 1627/28 г. Книгу открывает Воскресенский игумен Тарасий (оклад 10 руб.). За ним написаны с окладом в 8 руб. Рождественский поп Тимофей Михайлов и Воскресенский поп Василий Иванов[170]. Если все-таки существовало одновременно две Воскресенских церкви, тогда отсутствие приходской Воскресенской церкви, построенной служилыми людьми, в именной книге вполне объяснимо. Соборная церковь и монастырь были «ружными», то есть содержались за счет казны, а Воскресенская — за счет прихожан, почему ее причт и не попадал под разряд «ружников».

По-видимому, А. Т. Шашков был прав, когда предполагал, что Воскресенский монастырь возник еще во времена Смуты. Приехавший в Тобольск первый сибирский архиепископ Киприан «послал на Березов в Воскресенской старой моныстырь игумена Тарасия»[171]. Слово «старый» имеет здесь значение «уже существующий», по сравнению с новообразованными при Киприане монастырями. Где был расположен Воскресенский монастырь, нам неизвестно, но очевидно, что вне острожных стен. В 1635 г. монастырь еще существовал и был закрыт, по мнению А. Т. Шашкова, через 20 лет.

В конце XVII в. Воскресенский монастырь был возобновлен. Известна отписка 1694 г. тобольского воеводы березовскому воеводе Л. И. Талызину, в которой излагается челобитье игумена Березовского Воскресенского мужского монастыря Филарета. В этом году из Тобольска с хлебными запасами были посланы семь судов: новые барка и дощаник и пять старых дощаников. Оказывается, Филарет был игуменом еще не построенного монастыря. Он сообщил между прочим, что старый монастырь в «давних годах погорел без остатка, а место стояло пусто». Филарет просил, ввиду отсутствия леса, отдать дощаники для монастырского строения. Воеводе Талызину указывалось новые суда отправить обратно в Тобольск, а старые дощаники отдать для строительства монастыря[172]. На карте 1701 г. С. У. Ремезова отмечен «Воскресенский монастырь новой». Он располагался за бывшей городовой стеной между бывшими Вымской и Круглой (шестиугольной) башнями, за оврагом, который отметила роспись Хмелевского. В 1723 г. монастырь был закрыт, а на его месте возник острог и специальное здание, в котором содержались во второй четверти XVIII в. знатные узники, проигравшие в придворной борьбе.

Второй церковью, расположенной на посаде, стала Одигитриевская. Березовское предание говорит, что в 1623 г. икона Смоленской Божьей Матери Одигитрии, которая находилась над воротами городовой Спасской башни, «просияла чудесами» и потому вскоре на

территории острога, недалеко от Спасской башни, была поставлена деревянная церковь в честь Богоматери Одигитрии. Икона с башни была перенесена в эту церковь[173]. Когда она была построена? В городовом списке 1627/28 г. священник этой церкви отсутствует. Зато до нас дошла отписка березовских таможенных голов Плесовского и Ружникова, которые прибыли в город в мае 1635 г. Сообщая о состоянии гостиного двора, они мимоходом упомянули: «Гостин двор ополен весь без ограды для того, что поставлена церковь Пречистые Богородицы Одигитрия подле гостин двор»[174]. Значит, Одигитриевская приходская церковь возникла между 1628 и 1635 гг.

Кроме Рождественской церкви, в кремле находились воеводский двор, встроенный, как говорилось, в городовую стену, съезжая изба, тюрьма и казенные амбары. В сибирских городах обычно городни-срубы использовались и как караульные помещения. Однако в кремле не было специальной аманатской избы и до середины XVII в. зелейного (порохового) погреба. В остроге, как сообщает роспись Хмелевского, казачьи дворы тесно располагались вблизи острожной стены, что стояла на берегу Вогульской протоки. В остроге же, вблизи Спасских городовых ворот находились гостиный двор и таможня. Упомянутые Плесовской и Ружников так описали гостиный двор в 1635 г.: «А на гостине дворе заехали 5 лавченок, покрыты бересты, бес потолков и бес дверей, а иные лавки згнили и розваляlись, а изб на гостином дворе на приезд торговым и ясачным людем нет». Раньше стояли 2 таких избы, но они опять же «сгнили и розвалялись». Таможенные головы застали в Березове только трех торговых людей. В конце отписки говорилось, что гостиному двору без ограды, без изб и без ремонта лавок «быть не уметь»[175].

Таким образом, в остроге на 1636 г. располагались казачьи дворы, гостиный двор, таможня и две приходские церкви — Воскресенская и Одигитриевская (она же, видимо, могла называться Спасской). Городовые и острожные укрепления находились в самом плачевном состоянии. Как писал в Москву в 1635 г. новый воевода А. М. Толочанов, «городовые все четыре стены все згнили и завалились и башни огнили ж. А поделать и укрепить тех городовых стен и башен никоторыми мерами не мочно, и на башнях наряду быти нелзе»[176].

В 1639 г. Толочанова на воеводстве сменил И. А. Францбеков. Он застал Березов в том же состоянии, о котором докладывали Толочанов и Хмелевский. Городовой стоячий острог со стороны Вогульской протоки «повалился под гору, потому что земля того берега осыпалась в реку, и воеводский двор худ, у хором уголье поотвалялось, жить в нем нелзе». Без разрешения Францбеков не осмеливался строить новый воеводский двор на казенные деньги. Кроме того,

он упоминал, что в прежних годах около города был выкопан ров, «и тот ров завалило со сторон землей, и во рву тын весь сгнил же». Как и Толочанов, он писал, что произвести капитальное обновление укреплений и построек некем, так как большинство служилых людей (в 1636 г. березовский гарнизон состоял из 243 человек) летом бывают в разных рассылках, «а жилецких и гулящих людей никаких на Березове нет»[177].

Очевидно, что никакие ремонтные работы не велись вплоть до страшного пожара 1642 г., при котором, как докладывал воевода Францбеков, сгорели и кремль, и посад[178]. Причина пожара неизвестна, но одно предположение высказать можно. Сразу после пожара в кремле была построена вместо сгоревшей соборной Рождественской церкви другая — церковь во имя Ильи Пророка. Зная народную интерпретацию Ильи Пророка как повелителя грозы и молний, можно предположить, что причиной пожара явилась молния.

В 1643 г. воевода М. К. Квашнин, сменивший Францбекова, так обрисовал состояние Березова после пожара. К его приезду кремль был наскоро обнесен острогом из «старых острожен», которые подсекли и оттащили «в пожарное время»; периметр острожных стен кремля составлял 160 сажен (345 м). Сохранилась одна башня с воротами, которую удалось отнять от огня. Помимо церкви Ильи Пророка, в кремле были построены съезжая изба, воеводский двор, тюрьма и казенные амбары. Квашнин указывал, что «острог поставлен мал и низок», и в нем «теснота большая». Из Москвы поступило распоряжение «поделать худые места в остроге» всякими служилыми и жилецкими людьми (последних в Березове просто не было), но так, чтобы им «не учинить тягости и напрасных убытков и налогов». Грамота датирована 17 марта 1644 г.[179]

При воеводе Квашнине никаких ремонтных работ не проводилось. В июне 1647 г. в Березов прибыл новый воевода М. С. Лодыженский. Он сообщил в Москву, что еще при Квашнине из столицы было прислано 11 икон для Деисуса к соборной Рождественской церкви, которую планировалась восстановить. Квашнин не осмелился тратить казенные деньги на строительство новой церкви. Лодыженскому указали из Сибирского приказа церковь «строить всякими березовскими тутошними людьми». Воевода собрал служилых людей к съезжей избе, где им зачитали царскую грамоту. Однако служилые люди подали челобитную, которую воевода отправил в Москву. В ней они писали, что когда-то Рождественская церковь была построена на государственные средства наемными людьми (очевидно, при основании Березова). Служилые люди жаловались на свою нищету после «пожарного разоренья» и просили построить

церковь наемными людьми за счет казны. Между прочим, казаки упомянули, что после пожара они из-за постоянных служебных посылок «дворишками своими еще не населились — лес, государь, от Березова удалел». В Сибирском приказе реакция на челобитную была отрицательной. В ответной грамоте говорилось, что казаки бьют челом «не делом», поскольку иконы посланы в Березов по их же просьбе. Воеводе указывалось по-прежнему строить церковь силами березовских жителей[180].

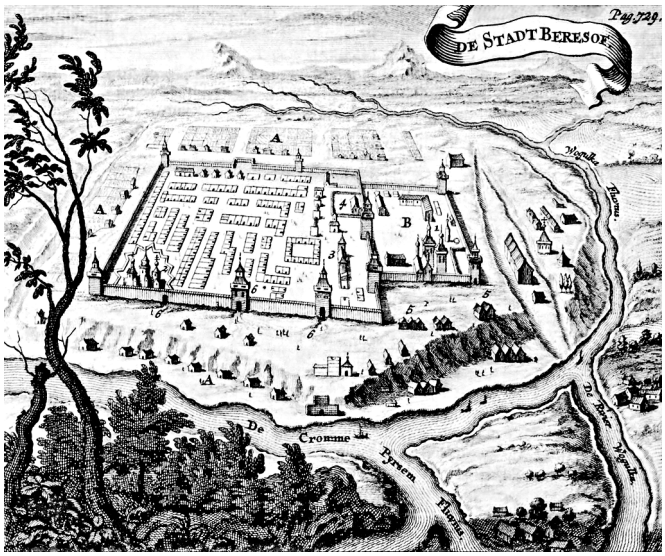
Видимо, Рождественская церковь так и не была возобновлена. В 1740 г. Березов посетил Г. Ф. Миллер, который при кратком описании города отметил, что «вне крепости имеется... рядом с воротами соборная церковь, посвященная Святой Деве Марии, с дополнительным именем Одигитрия»[181]. Раньше, как мы помним, эта церковь была не соборной, а приходской.

Воевода Лодыженский дважды отписывал в Москву о состоянии оборонительных сооружений Березова. После пожара 1642 г. ничего не изменилось. Кремль вместо городней–срубов окружал частокол из старых острожин, которые были вытащены из пожара. Сохранилась только одна проезжая башня, «а тот острог, что переставлен на городовое место, худ и гнил, валится весь, и починивать его не уметь. А теснота в том остроге большая». Жилая часть Березова вообще не имела острожных стен. Из Москвы опять указали восстанавливать стены и башни «березовскими всякими людьми не вдруг, не одним летом, как им мочно»[182].

Однако и при Лодыженском дело не сдвинулось с места. Новый воевода Я. Н. Лихарев докладывал в Москву, что «на Березове острогу и никаких крепостей и зелейного погреба нет, стоит только одна острожная башня, и та худа, а прежней де острог весь развалился, и зелейные запасы стоят в государеве в казенном в деревянном анбаре, где лежит государева ясачная казна». Из Сибирского приказа указали в срочном порядке сделать пороховой (зелейный) погреб. Через год зелейный погреб был готов, «а острогу де Березовские служилые и всякие люди за бедностью не ставили»[183].

При воеводе А. П. Давыдове, ввиду угрозы (правда, миновавшей) остяцкого восстания, в 1664 г. был построен новый острог вокруг посада. Острог имел четыре башни с проезжими воротами и одну глухую башню. Длина стен этого острога вместе с башнями составляла 439 саженей (947 м).

В 1668 г. наконец было завершено строительство острожных укреплений вокруг бывшего кремля. От традиционных для кремля рубленых срубов–городней пришлось отказаться. В описании нового облика острожных стен и башен кремля, приведенном в книге



Город Березов. Рисунок из книги Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария». Конец XVII в.

«Березово», разобраться не просто[184]. Там сказано, что старую башню, спасенную от огня в 1642 г., перенесли на 15 саженей (то есть на 32 м) к берегу Вогулки. Если это была проезжая Спасская башня, то она уже, как показано выше, и в 1636 г. стояла очень близко к Вогульской протоке, и вряд ли могла быть перенесена в ее сторону. Между тем, в «Ведомости сибирских городов» 1701 г., которая ориентировалась на городовой список Березова 1699 г., указано, что Березовский острог поставлен на прежнем городовом месте в 1668 г. Острог имел 3 башни: 1 четвероугольная большая с проезжими воротами и 2 башни угловые; длина стен башен составляла 5 и 6 м. Периметр острожных стен составлял 150 саженей, или 324 м. Высота острожных стен достигала 6,5 м[185].

Есть сведения о том, что в 1692 г. в острожную стену, которая выходила к Вогульской протоке, была встроена новая Богородице–Рождественская церковь. Она сгорела в большой пожар 1719 г.[186].

Как не раз отмечается в документах, посадского населения в XVII в. в Березове не было, поэтому жилые дома принадлежали, за исключением административных лиц и церковнослужителей, служилым людям местного гарнизона. Очевидно, что количество домов, при отсутствии точных данных, необходимо соотносить с количеством березовских казаков (хотя жесткой зависимости здесь, конечно, быть не могло). Н. А. Миненко приводит сведения, что в 1713 г. в березовском гарнизоне числилось 302 служилых человека, а домов в городе насчитывалось около 350[187]. После пожара 1719 г. город отстраивался с трудом. Посетивший Березов в 1740 г. Г. Ф. Миллер отметил здесь 175 жилых дворов[188].

Пелым Уже в наказе Горчакову и Траханиотову (1592 г.) указывалось, выбрав место для нового города, в спешном порядке поставить сначала острог и совместными усилиями заготовить лес для строительства собственно крепости. Поставив острог, Траханиотов должен был со своей частью ратных людей следовать далее (ему предстояло основать Березов). Первый воевода Пелыма князь П. И. Горчаков обязан был «город доделывать наспех»[189]. Однако и через два года пелымская крепость не была достроена. В 1595 г. воевода Б. И. Полев сообщал в Москву, что при нем был поставлен новый острог с семью угловыми и проезжими башнями. По поводу крепости он писал, что «дорубати и покрыти города некем, а служилые люди плотничать не умеют». Указом из Москвы строительство собственно городовых укреплений было отложено[190]. Еще через два года, в 1597 г., состояние пелымских городовых укреплений оставляло желать лучшего. Полностью были доделаны только три стены, а четвертая, со стороны реки Тавды, «по обламки врублена и не покрыта». Верхних покрытий не имели все четыре башни крепости. Ров окружал город только с двух сторон; со стороны реки Пелымки ров был недокопан и «засыпался» (сам ров, кстати, в ширину достигал 3 м, в глубину — 1 м). Острожные стены были косыми, построенными из березовых жердей; башни острога уже успели придти в негодность. Ворота в остроге закрывались деревянными запорами, а не железными замками, поскольку в Пелыме еще не было кузнеца[191]. В этом же году при ликвидации Лозьвинского городка пелымскому воеводе предлагалось использовать разобранные укрепления для строительных нужд Пелыма; однако неизвестно, были ли лозьвинские бревна доставлены в Пелым[192].

Сведений о постройках Пелыма до пожара 1621 г. сохранилось мало. В 1607 г. пелымские воеводы сообщали, что, во исполнение царской грамоты, «городовую стену от Тавды реки отставили и городовую башню переставили и острог поделали, в которых местех худ был, и надолбы... около города поставили от Тавды реки»[193]. Известно, что в 1612 г. воевода П. Д. Исленьев, ввиду полученных доносов о возможном нападении вогулов «на посаде половину посадских дворов велел сломати и острогу велел убавити», так как всех мужчин в городе насчитывалось не более 100 человек. Следующий воевода Ф. А. Годунов докладывал в Москву, что «город и острог худ, поделать и осадить некем»[194]. В дальнейшем пелымские укрепления продолжали разрушаться: по донесению воеводы И. Я. Вельяминова (1616–1620), «Пелымской город весь огнил и обвалился, и башни городовые погнили и завалилися»[195].

Трудно сказать, до какой степени «огнили» бы оборонительные сооружения Пелыма, если бы не грандиозный пожар, случившийся

8 июня 1621 г. Виновницей пожара стала стрелецкая жена Пелагея, которая спасалась от оводов, разведя во дворе дымный костер. В огне пожара погибли буквально все постройки: городовые рубленые и стоячие острожные стены с башнями, церковь, съезжая изба, воеводский двор, казенные амбары, жилые постройки вместе с домашним скотом. Женщины и дети спасались от огня, бросаясь в протекавшую неподалеку Тавду. Любопытная деталь: пороховой погреб, который находился внутри пелымского кремля, заливали водой некие «вогуличи»[196]. Надо думать, что это были аманаты, чье тюремное помещение оказалось рядом с погребом. Пожар произошел при воеводстве Петра Вельяминова, который и отправил в Тобольск сообщение о несчастье.

Между Пелымом, Тобольском и Москвой началась деловая переписка по поводу новой застройки города. Трудно представить, где и как зимовали жители Пелыма, но только 29 марта 1622 г. Петр Вельяминов получил указание из Тобольска подготовить и приплавить к Пелымскому городищу строевой лес. Тобольский воевода Матвей Годунов обещал, во исполнение царской грамоты, прислать для строительных работ 100 служилых людей из других западносибирских городов[197]. Гарнизон самого Пелыма насчитывал в это время около 80 человек, а вместе с ружниками и оброчниками в городе проживало 106 человек м.п.[198]

Петр Вельяминов оказался в трудном положении и поэтому был вынужден пуститься на хитрость. Дело в том, что строевой лес должны были заготовить вогулы Пелымского уезда, однако распоряжение воеводы выполнило ясачное население только ближайших к городу волостей. Не имея леса в достаточном количестве, Вельяминов не мог отправить просьбы в Тобольск, Туринск, Верхотурье и Тюмень о присылке обещанных служилых людей. Вместо этого он уже в начале июня 1622 г. доносил в Тобольск, что пелымчане своими силами поставили на месте прежнего рубленого города острог длиной в 115 саженей с одной башней. Внутри острога была отстроена теплая Рожденственская церковь, съезжая изба и некоторые казенные здания. В то же время на посаде за острогом жители Пелыма поставили свои дворы, но обнести их другой острожной стеной, за нехваткой людей, не могли. Тобольский воевода Годунов выразил недоумение по поводу содержания отписки пелымского коллеги. С одной стороны, тот сообщал, что лес заготовлен весь и просил выслать обещанную помощь; с другой стороны, Вельяминов одновременно переправил челобитную пелымских служилых людей, в которой они просили отложить постройку городовых укреплений. Годунов опросил гонцов Вельяминова и выяснил, что «на Пелыми

готового лесу нет ни одного бревна». Главный разрядный воевода распорядился отложить строительство городовых укреплений до весны 1623 г.[199]

Таким образом, при Петре Вельяминове в 1622 г. на месте прежних стен пелымского кремля были всего лишь наспех поставлены острожные стены с одной башней. Этот факт внес определенную путаницу в существующую литературу. Так, в одном издании сказано: «В 1621 г. Пелым весь сгорел. Заново отстроен на том же месте в 1623 г. острогом, окружностью в 220 саженей»[200]. На самом деле в 1623 г. городские укрепления Пелыма были отстроены самым добротным образом, но уже по инициативе нового воеводы, Ивана Матвеевича Вельяминова.

В отличие от своего предшественника, Иван Вельяминов был человеком деятельным. Получив назначение на воеводство, он ехал «в Сибирь днем и ночью без простойки, не мешкая нигде ни часу», и прибыл в Пелым 22 марта 1623 г. Острог, построенный в 1622 г., новый воевода оценил следующим образом: «И на Пелыми по нынешней по 131-й год город и острог не поставлены, а который острожишко по прежнему городовому месту поставлен, и тот острожишко худ и згнил и обвалялся и ворот нет»[201]. Следуя одному из главнейших пунктов воеводского наказа, Вельяминов после приезда разослал служилых людей в ясачные волости с призывом прибыть в город и выслушать традиционное обращение нового правителя к аборигенному населению — так называемое «жалованное слово», произносимое от имени монарха. Особенно воевода желал видеть мурз и «лучших людей» из труднодоступной Большой Конды. Однако вожди кондинских вогулов Ортюга Танаев «с товарыщи» на призыв воеводы не явились, а прислали вместо себя «худых людишек вагуличей» с любопытным заявлением: «На Пелыми города нет». Вторичное обращение Вельяминова к вогулам Большой Конды тоже не имело успеха. Возобновление города приобретало прямой военно-политический смысл.

Строительство пелымского кремля началось 21 мая и закончилось уже 4 июля 1623 г. Всего на строительстве было занято 102 человека, включая 25 служилых людей из Тюмени и Туринска; руководил работами пелымский стрелецкий десятник Пятой Федоров. Имеющееся в нашем распоряжении описание отстроенного Иваном Вельяминовым города и острога хорошо соотносится с изображением Пелыма из «Чертежной книги» Сибири С. У. Ремезова (конец XVII в.)[202].

Пелымская крепость (собственно «город») представляла собой почти квадрат. Крепость имела четыре башни, из них две — Рож-

дественская и Никольская, со стороны Тавды,— были проезжими. Две глухие башни в документе 1623 г. не имеют названий, но в «Ведомости сибирских городов» 1701 г. они именуются Пелымской и Тюменской. Все башни были квадратными со стороной в 4 сажени (8,6 м)[203]. Стены кремля состояли из городней-срубов и достигали в высоту около 5,5 м (толщину бревен источник указывает в 4 и 5 вершков, поэтому абсолютно точной высоты стен и башен выявить невозможно). Проезжая Рождественская башня была рублена «до обламов 30 рядов, сверх обламов до режу 11 рядов, а режу 7 рядов»[204]. Таким образом, высота этой башни составляла не менее 10 м. Над шатром Рождественской башни была устроена караульная вышка, с которой открывался обзор вокруг Пелыма на 6 верст.

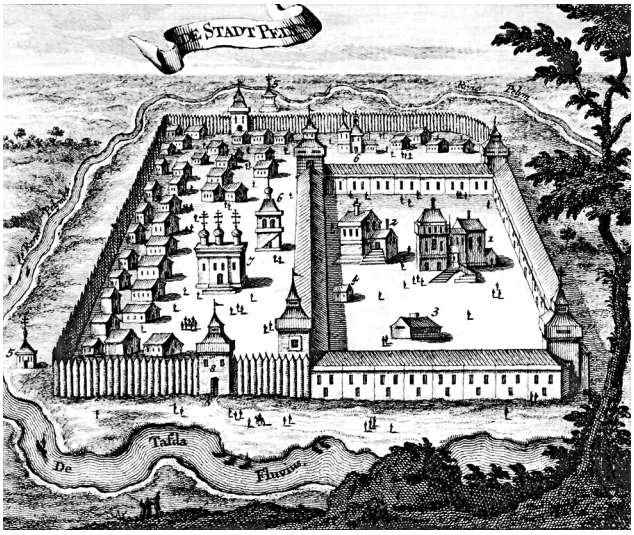
От Рождественской башни вдоль Тавды (вниз по течению) шла городовая стена (длиной) 72 м до Никольской башни, которая высотой не уступала Рождественской. Никольская башня имела «проезжие сторонние брусяные водяные ворота, куды из города ходить на Тавду реку к воде». От Рождественской башни, отделяя кремль от посада, перпендикулярно Тавде тянулась городовая стена длиной в 67 м и заканчивалась безымянной башней. От нее шла стена (66 м) к другой угловой башне; за стеной в поле находилась государева пашня. Последняя городовая стена была несколько меньше других (58,5 м). Высота всех четырех башен была почти одинаковой. Если задаться целью вычислить общую площадь Пелымской крепости, то можно отметить любопытную деталь. Сложив указанную в источнике длину всех четырех стен, мы получим цифру в 122 сажени. Между тем сами строители писали, что «по мере кругом около Пелымсково города и городовых башен 170 сажень». Очевидно, что башни выступали за городовые стены (что было функционально с точки зрения обороны). Если принять Пелымскую крепость за квадрат, то площадь ее свободного внутреннего пространства равнялась приблизительно 4300 кв. м.

Вслед за рубленой крепостью был немедленно возведен острог вокруг посада — «ни один двор никаких людей за острогом не остался». Острожные бревна уходили в землю на аршин. В высоту острог достигал почти 5 м. На чертеже Пелыма С. У. Ремезова две городовые стены находятся внутри острога. Как можно понять из документа 1623 г., посад тянулся в сторону Пелымки, а внутри острога оказалась только одна городовая стена (та, что шла от проезжей Рождественской башни). Острог имел и свою высокую башню — «такову ж, каковы городовые башни на Кондинской дороге». Здесь, скорее всего, имелись городовые башни Пелымской крепости, находившиеся на одной линии с некой дорогой, уводившей

в кондинские леса. Протяженность трех стен острога составляла 295 саженей. Таким образом, Пелым постройки 1623 г. можно представить в форме прямоугольника.

История Пелыма — одного из небольших городов Сибири — слабо отражена в научной литературе. Известно, что в 1668 г. Пелым снова испытал «пожарное разоренье»[205]. Крепость была отстроена в 1672 г. и по сравнению со своей предшественницей стала намного меньше: «Мерою кругом города по стенам и з башнями 116 сажен бес полусажени». Башен по-прежнему осталось 4, шириной по 3 сажени. Последний в XVII в. острог вокруг посада был возобновлен в 1692 г. Длина острожных стен составляла 282,5 сажени; острог имел две проезжие башни, обращенные одна — к Пелымке, другая — к Тавде. Кроме того, в острожной стене, недалеко от городовой Рождественской башни имелись ворота для спуска к Тавде[206].

Уже в наказе П. И. Горчакову предписывалось одновременно со строительством города «церковь поставить всею ратью» — Рождества Христова с приделом во имя чудотворца Николая. С Горчаковым были посланы иконы, книги и колокола для будущей церкви; в Ростове он должен был захватить с собой дьякона, а в Перми Великой — священника[207]. Нет сомнений, что Горчаков выполнил указ; в 1601 г. в Пелым был прислан колокол, в 1607 г.— служебные книги и церковное облачение[208]. После пожара Пелыма в 1621 г. церковь Рождества с приделом чудотворца Николая была вновь построена на прежнем месте. Г. Ф. Миллер упоминает, что в 1646 г. церковь Рождества снова была возобновлена, но уже с двумя приделами, во имя Алексея и Николая[209]. По сведениям А. Т. Шашкова, после 1625 г. возникла приходская Михаилоархангельская церковь (ввиду чудесного явления образа архистратига Михаила Архангела) с приделом во имя Ильи Пророка[210]. Это имеет подтверждение



Город Пелым. Рисунок из книги Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария». Конец XVII в.

в источниках. Так, в 1642 г. среди приглашенных на обед к воеводе князю П. Ф. Волконскому присутствовали два попа[211]. Как, видимо, правильно предположил А. Т. Шашков, в конце XVII в. приходская церковь разделилась на две. Известно, что в 1694 г. митрополит Сибирский и Тобольский Игнатий Римский-Корсаков во время своей поездки по зауральским уездам освятил в Пелыме две церкви — «великого архистратига Божия Михаила и святаго пророка Илии»[212].

Сургут Основанный в 1594 г. Сургут очень скоро перестал быть пограничным городом, и соответственно его укрепления потеряли свое военное значение. В специальной монографии по истории Сургута первоначальные строения нового города описаны так: «Деревянный рубленый город с двумя воротами, четырьмя глухими и одной проезжей башней. В городе разместились воеводский двор, пороховой погреб, тюрьма, государевы амбары, Троицкая церковь, а позднее — гостиный двор. Впоследствии это укрепление было обнесено еще и острогом с двумя глухими и одной проезжей башней»[213]. В другой книге тот же автор (А. Т. Шашков) говорит о первоначальном Сургуте, как о «деревянном рубленом городе с четырьмя башнями по углам»[214]. Дело в том, что в нашем распоряжении нет источников, в которых бы описывался градостроительный облик раннего Сургута. Исследователи вынуждены отталкиваться от ретроспективных сведений, содержащихся в «Городовом списке города Сургута» 1697 г. и «Ведомости сибирских городов» 1701 г. В последней упомянуто, что из существующих к концу XVII в. шести башен сургутского острога три угольные башни восходят к первоначальным башням рубленого города[215]. В «Городовом списке города Сургута» есть упоминание, что при постройке Сургута рубленый город имел четыре башни по углам; Спасская проезжая башня появилась в 1602 г.[216]

Поскольку в первые годы существования Сургута его гарнизон был довольно значительным (в 1601 г. он составлял 280 человек), то надо предполагать быстрый рост «посада» (на самом деле посадских людей в Сургуте не было), который потянулся в сторону Оби. В 1627 г. собственно город продолжал сохранять четыре глухих башни и одну проезжую; помимо этого крепость имела двое ворот. Острожные укрепления имели одну проезжую башню и двое ворот без башен[217]. Поскольку Сургут ни разу не подвергался осаде со стороны аборигенов, то особой надобности в возобновлении его укреплений не было. В 1656 г. новый воевода Кондырев писал в Москву, что «город, государи, и острог весь згнил и обвалился, починить нельзе и некем»[218]. Очевидно, к 1665 г. сургутский рубле-

ный город пришел в совершенную негодность. Видимо, по инициативе нового воеводы, стольника князя Г. С. Козловского, который в этом году прибыл в Сургут, сгнивший рубленый город был заменен острожными стенами, «без мостов и без лесниц»[219].

«Городовой список» 1697 г. содержит наиболее подробное описание сургутских укреплений. К этому времени острог, поставленный в 1665 г., вместо срубов-городней, имел уже шесть башен: проезжую Спасскую, Боровую, Казенную, Богородскую и две Набережных угольных. Известно, что Боровая башня была построена еще в 1622 г., в 1680 г. ее сломали и построили новую, с колокольней. Богородская проезжая башня была поставлена на месте прежних задних ворот в 1691 г. Периметр острога составлял 290 м; высота стен — около 5 м. Однако и этот острог уже пришел в ветхость: «ныне весь подгнил и во многих местах вывалился, а катки и обламы все огнили и обвалились». «Городовой список» содержит описание собственно острога, где находились дворы служилых людей. Острожные укрепления имели одну Васильевскую проезжую башню и пять ворот. Часть острожных стен заменяли дворы служилых людей. В общем длина острожных стен составляла 447 м. Описав подробно расстояния между воротами и ширину ворот проезжей башни, автор «Городового списка» делает озадачивающее исследователя замечание: «И того острогу и башни и ворот ныне ничего нет — все згнило без остатку»[220]. Таким образом, к концу XVII столетия укрепления Сургута находились в самом плачевном состоянии.

Вместе с основанием Сургута внутри собственно города была воздвигнута соборная церковь во имя Живоначальной Троицы. К 1613 г. она пришла в ветхость и была заново отстроена. К концу столетия церковь выглядела не лучше, чем острожные укрепления: «ветха и огнила, и в олтаре и трапезе потолок местами обвалился». В 1638/1639 г. по инициативе служилых людей возникла вторая церковь в Сургуте — во имя святителя Василия Кесарийского и преподобного Михаила Малеина. В отличие от соборной церкви, эта церковь была приходской, и потому церковный причт нанимался и содержался за счет самих жителей Сургута. В 1654 г. служилые люди подали на имя царя челобитную, в которой просили перевести приходскую церковь в разряд ружных и указывали на невозможность поддерживать функционирование церкви за свой счет: «Мы, холопи твои, в твоем государеве Сургуцком безпашенном городе оскудали, стали бедны и нужны и семьянисты». Видимо, эта просьба осталась без ответа, и приходская церковь перестала действовать[221].

В 1740 г. Сургут кратко описал Г. Ф. Миллер, который пробыл в городе две недели: «Сургут, маленький город на правом берегу реки Оби... В центре города близ берега находится маленькое

укрепление из палисада в виде четырехугольника со сторонами в 30–40 саженей, защищенное боевыми башнями на обоих углах стены со стороны суши и на нижнем углу стены с речной стороны». Миллер отметил наличие проезжей башни с воротами (безусловно, Спасскую). Таким образом, из шести башен сургутского острога конца XVII в. к 1740 г. сохранилось только четыре. Миллер сообщил, что двухэтажная соборная Троицкая церковь, вновь отстроенная в 1739 г., тут же сгорела дотла. За пределами острога находилась приходская церковь Рождества Богородицы, построенная, очевидно, уже в XVIII в. Всего в городе насчитывалось 165 частных дворов[222].

Обдорский городок

Как уже говорилось, наиболее убедительным представляется мнение А. Т. Шашкова об основании русского Носового (Обдорского) городка в ходе подавления восстания северных хантов и самоедов весной-летом 1596 г. Можно согласиться с А. Т. Шашковым в определении времени разгрома Обдорского княжества и основания Носового городка, но с одной поправкой: если русский городок действительно был основан как отдельное поселение. Дело в том, что никаких прямых сведений источников о строительстве русскими Обдорского острожка в конце XVI в. не существует.

В истории первых десятилетий существования Обдорского городка много неясного. Действительно ли русское поселение с самого основания, как считает А. Т. Шашков, представляло собой небольшой острожек? Или оно возникло рядом с остяцким городком и не имело никаких укреплений? Каков был состав русских жителей Обдорска? Откуда в литературе появились сведения об основании в Обдорске церкви в 1602 г.? Попробуем в поисках ответов на эти вопросы обратиться к документам XVII века.

В свое время Г. Ф. Миллер высказал мнение, что Обдорск «был старинным остяцким городком», в котором проживало небольшое количество березовских казаков (и то в зимнее время) для приема ясака с остяков и тундровых самоедов[223]. Исследователи как-то не акцентировали внимание на этом высказывании «отца сибирской историографии». Между тем, разгром остяцкого Обдорского княжества в 1596 г. был сокрушительным: много обдорцев погибло в бою, а их князь попал в плен. Вполне логично выдвинуть такую версию: князь Петр Горчаков не стал строить отдельный русский острожек, а занял Пулинг-авот-ваш — опустевший остяцкий городок. Он и стал резиденцией березовских сборщиков ясака. И, разумеется, в городке возникли русские жилые и хозяйственные постройки.

Еще в 1584 г. русские поморы, не раз посещавшие низовья Оби, упоминали в письме к английскому торговому агенту Энтони Маршу Носовой городок (Nosoro-Gorodock), расположенный, по их словам, на самом берегу Оби[224]. Речь тогда шла, конечно, о столице остяцкого княжества. После разгрома Обдорского княжества Носовой городок впервые (в сохранившихся до нашего времени документах) упоминается под 1602 г. В этом году «остяк Колок Порутиев Березовского уезда Обдорского Носового городка» подал иск на некоего остяка Чегея в присвоении последним драгоценных вещей на сумму в 8 рублей. Эти сведения можно понять в прямом смысле: Колок Порутиев назван остяком не Обдорской волости (как это обычно указывалось в более поздних документах), а именно жителем Обдорского городка. Стоит обратить внимание на тот факт, что разбирать иск было предписано березовскому воеводе князю И.М. Борятинскому[225]. Это говорит о том, что в Обдорском городке еще не было русского приказного человека, который имел право вершить судебные дела по имущественным искам на небольшие суммы. В 1607 г. в Носовом городке (именно городке, а не остроге или острожке) находились березовские казаки Иван Нестулцев «с товарищи», прибывшие для сбора ясака и десятинной пошлины с русских торговых и промышленных людей. В этом документе указывается, что в Носовом городке существовала застава (разумеется, таможенная, а не военная, как считал А. К. Омельчук)[226].

Источники не дают оснований говорить, что в XVII в. в Обдорском городке проживало постоянное русское население. Не было в нем и березовских годовальщиков, кроме, может быть, двух-трех человек. Так, в 1626 г. в Обдорске, по словам торговых людей, находились приказные, сын боярский Иван Мокринский и казак Василий Кокоулин[227]. Ритм жизни городка был своеобразным. К 1620-м годам в низовьях Оби уже существовали две таможенные заставы — Обдорская и Собская, объединенные общим управлением. Деятельность застав продолжалась только в летнее время, когда через Северный Урал в обоих направлениях двигались потоки промышленных и торговых людей. Зимой в Обдорский городок приезжали сборщики ясака из Березова, но в каком количестве — нам неизвестно.

Показательна история, которая произошла в Обдорском городке зимой 1661 г. Небольшой отряд сборщиков ясака возглавлял березовский сын боярский Семен Лоншак. К нему в избу явился сосвинский остяк Умба Панжиев с жалобой на другого сосвинского остяка. Здесь же оказался обдорский князь Ермак Мамруков, который ударил Умбу по щеке. Мотивация Ермака Мамрукова была серьезной,

а с точки зрения русских властей предосудительной. Обдорский князь считал, что все северные остяки — его холопы, и поэтому споры между ними должен разбирать только он. Обиженный Умба обвинил Ермака в том, что тот вместе с самоедами готовит восстание и собирается захватить Березов. Представитель русской власти Семен Лоншак в спор не вмешивался, а Умбе посоветовал: «поди де ты вон, и бей челом в городе, а здесь де меня и тебя убьют». При этом в избе находились еще несколько березовских казаков[228]. Этот частный случай говорит о том, что число сборщиков ясака в Обдорске было небольшим, а сам городок, видимо, не имел привычных для русских укреплений.

Показательно, что в русских документах XVII в. Обдорск именуется «заставой» или «городком», но не «острогом», или даже «острожком». В 1635 г. все города Сибири получили свои печати, словесное описание которых до нас дошло. Получила печать и «Обдорская застава» — с изображением лисицы, держащей стрелу[229]. В отличие от городов Сибири — уездных центров, Обдорск приобрел свою печать именно как важный пункт таможенного сбора. В царской грамоте 1632 г. Обдорский городок просто назван «Носовой на заставе»[230].

Хоть какое-то представление о постройках Обдорского городка середины XVII в. дает следующая история, отраженная в документах. Летом 1643 г. из Тобольска были посланы два дощаника с хлебными запасами для Мангазеи. Поскольку дощаники являлись речными судами и по Обской губе ходить не могли, то возглавлявшему отряд казаков сыну боярскому Дмитрию Черкасову было указано дойти «до Обдори», где перегрузить меха с мукой на коч. В Обдорске, однако, выяснилось, что находившийся там коч «изломало льдом». Черкасов отправился в Мангазею, а тобольские служилые люди вынуждены были зазимовать в Обдорском городке, охраняя казенный хлеб. Известно, что муку они выгрузили в амбар, а сами жили в избе. В начале апреля 1644 г. на казенный амбар с хлебом произошло нападение тундровых самоедов. По словам казаков, днем они находились в амбаре на карауле, а вечером вышли ужинать в избу. В это время ненцы «пришли к избе за щитами и у избы окна снегом заметали, и сени заперли, и у твоего де государева хлебного анбара двери высекли, и взяли... государева хлебного запасу мешков с пятнадцать и больши». Служилые люди «из избы выбились» и вышли на берег, где стояли казенные амбары. Им удалось отбить нападение самоедов, при этом четверо казаков были ранены. Получив известие об этом происшествии, березовский воевода выслал в Обдорск 20 казаков. В ходе дальнейшего расследования выяснилось, что са-

моеды прикочевали к городку еще накануне и вполне мирно торговали с казаками: последние выменяли у них на хлеб 10 оленьих постелей и «самоядскую девку» (девица, возможно, и послужила отвлекающим маневром, вследствие которого казаки оставили амбар с мукой без караула)[231].

В этом редком для истории Обдорска документе нас в данном случае привлекает следующий факт: в нем ни словом не говорится о каких-либо острожных укреплениях городка. И жилая изба, и амбары, выходящие к Полую, не имели никаких острожных стен. Немного ранее, в 1641 г., в Обдорском городке вынуждены были оставить свои товары частные торговцы; эти товары, в бочках и вьюках, заполнили два амбара[232]. Итак, Обдорский городок, если говорить о русских жилых и хозяйственных постройках, имел избу, где располагались ясачные сборщики из Березова; возможно, отдельную избу, где летом проживали таможенные головы; казенные и частные амбары. Постоянных русских жителей с семьями в Обдорском городке в середине XVII в. не было.

Единственный намек на то, что Обдорский городок в XVII в. имел какие-то оборонительные сооружения, дают события 1678 г. В ноябре этого года вожди из рода Большие Карачеи, Маулка и Игонка Посевы, привели под Обдорск не менее 400 воинов разных родов тундровых ненцев. Было время сдачи ясака, который самоеды привозили обычно «по первому зимнему пути», и в Обдорске находился небольшой отряд березовских казаков во главе с Иваном Шаховым. Карачейские князцы шесть дней осаждали Обдорск, забросав его стрелами. Местные остяки, не оказавшиеся в Обдорском городке, попали в незавидное положение. Воинственные пришельцы убили 23 остяка и 2-х самоедов, «а жен их грабили и нагих оставили, а детей имали к себе в полон». Из Березова на помощь Обдорску вышел отряд в двадцать казаков, «и тот де вор Маулка и Игонка с товарыщи, послыша посылку с Березова служилых людей, побежали на прежние свои жилища, откуд пришли — с Мангазейской стороны из Надыма»[233]. В этом тексте сказано, что ненцы «Обдорский городок осадили... и никого из Обдорского городка не выпущали». При интерпретации данного документа надо задаться вопросом: какой городок осаждали ненцы? Известно, что недалеко от русского Носового городка существовал аборигенный городок — резиденция обдорских князей. Судя по всему, этот остяцкий городок и подвергся нападению самоедов.

Нет оснований не доверять Г. Ф. Миллеру, который посетил Березов в 1740 г. и, по своему обычаю, тщательно опрашивал местных русских и аборигенных жителей о топонимике и гидронимике Бере-

зовского уезда. По поводу Обдорска Миллер записал: «На северном берегу этой реки (Полуй — *Е.В.*), в 9 верстах от устья, находится Обдорский острог, где имеется гарнизон из березовских казаков, чтобы удерживать самоедов от набегов и одновременно принимать ясак с тамошних остяков и самоедов... Острог был впервые основан в 1731 г. и охватывает пространство на 20 саженей в длину и 15 саженей в ширину, с 4 жилыми помещениями и 6 амбарами. В старые времена на этом месте была остяцкая крепость, которая еще до русского завоевания часто посещалась для торговли зырянами и называлась Обдорским городком»[234]. Очевидно, русские власти построили вокруг Обдорска острожную крепость ввиду возросшей военной активности карачейских самоедов, которые в 1730 г. разорили остяцкий Надымский городок. В июне 1734 г. у Обдорского острожка бросила якорь дубель-шлюпка лейтенанта Д. Л. Овцына, который в своем рапорте отметил, что в острожке находится только четыре караульных избы[235]. Сведения Овцына и Миллера здесь совпадают. Можно предположить, что только с 1730-х гг. в Обдорский острожек стали присылать сменные команды казаков в несколько десятков человек. Так, известно, что в 1761 г. в Обдорск был послан сын боярский Михаил Лихачев с 20 казаками на смену атамана Ивана Сверчкова. К этому времени Обдорский острог имел и свою артиллерию[236].

Довольно неясным остается вопрос о существовании в Обдорском городке XVII в. церкви. Как говорилось выше, бытующее в популярной литературе мнение об основании Васильевской церкви в 1602 г. не находит подтверждения в имеющихся достоверных источниках. Этому факту противоречат и косвенные доказательства. До начала массовой христианизации аборигенов Северо-Западной Сибири в начале XVIII в. в Обдорской волости просто не было христианской паствы из местных народов, для кого надо было бы строить церковь и содержать церковнослужителей (за казенный счет!). Если история церквей в Березове и Мангазее нам довольно неплохо известна, то о церкви в Обдорском городке нет абсолютно никаких упоминаний. Возможно, исследователей смущает изображение Обдорска на одном из чертежей тобольского картографа С. У. Ремезова (рубеж XVII–XVIII в.), где явственно нарисована двухглавая церковь. Что послужило источником сведений для Ремезова, который сам ни в Березове, ни в Обдорске не был, остается загадкой. Зато в нашем распоряжении есть абсолютно достоверные сведения архивных источников. В августе 1745 г. митрополит Сибирский и Тобольский Антоний распорядился «в Обдорской волости, где новопросвященной князец Василий Тайшин жительство

имеет», построить «казенным коштом» деревянную церковь во имя святого Василия Великого. Церковь была заложена в Обдорске 1 августа 1746 г., через два года ее строительство было почти завершено. Освящена церковь была березовским протопопом А. Васильевым 1 января 1751 г.[237] В 1781 г. в ведомости о составе приходов Тобольской губернии было отмечено: «Васильевская церковь, городок Обдорской, 9 дворов»[238]. По моему убеждению, существование в Обдорском городке церкви до 1748 г.— такой же миф, как и мнение об основании первого русского поселения на месте Обдорска в 1500 г.

Мангазея Об обстоятельствах основания Мангазеи в 1601 г. уже говорилось. В соответствии с традициями русского градостроительства Мангазея делилась на две части — кремль, расположенный на возвышенности, и посад, находившийся между кремлем и речкой Осетровкой, впадающей в Таз. Очевидно, что отряд князя Шаховского возвел на месте будущего кремля только острожные укрепления из частокола. В наказе 1603 г. новым мангазейским воеводам указывалось взять у прежних «острожные ключи и острог и на остроге наряд (артиллерия — *Е.В.*) и в казне зелье и свинец»[239]. В 1607 г. при воеводе Д. В. Жеребцове и голове Курдюке Давыдове острожные стены начали заменяться рублеными стенами-городнями. Представляется, что полностью рублеными стенами с башнями территория кремля при Жеребцове не была обнесена. Сам Жеребцов осенью 1607 г. докладывал в Тобольск, что он за свой счет «поставил города наших мерных три сажени»; столько же поставил и Давыдов. Таким образом, при этих воеводах рубленые стены кремля протянулись лишь на 13 м. Недаром Жеребцов писал, что «ставили де они по вестям в Мангазее городовую стену и острог крепили»[240]. На строительство укрепленного кремля Жеребцова подвигли тревожные «вести». Как известно, весной-летом 1607 г. среди ясачного населения соседнего Березовского уезда созревал масштабный план антирусского восстания. По приказу воеводы князя Черкасского казаки березовского гарнизона укрепляли стены и копали ров. Видимо, получив соответствующие известия о «шатости» аборигенов Березовского уезда, Жеребцов по своей инициативе начал заменять острожные стены кремля городнями, причем при явном сопротивлении головы Давыдова. Последний не желал тратить свои средства на строительство и «докучал» Жеребцову мыслью, что рубленую стену должны ставить торговые люди.

Строительство кремля было, очевидно, завершено сменившим

Жеребцова И. Ю. Нелединским. Так, в грамоте из Москвы от 2 марта 1613 г. Нелединскому указывалось ехать в столицу, а голове Степану Забелину «до указу быти в Мангазейском городе»[241]. В. И. Кочедамов утверждал, что этот рубленый кремль сгорел в 1619 г. и был вновь построен в 1625 г., но его сведения не подтверждаются никакими известными источниками[242]. Первые достоверные сведения о мангазейском кремле содержатся в кратком «Городовом списке Мангазеи» 1625 г. и подробном «Росписном списке» 1626/27 г.[243] Кремль имел проезжую Спасскую башню и четыре глухих по углам крепости — Успенскую, Ратиловскую, Давыдовскую и Зубцовскую. В плане кремль представлял неправильный четырехугольник, поскольку длина всех стен была неодинаковой (от 24 до 30 саженей). Длина периметра всей крепости по внешней стороне стен с башнями равнялась 131 печатной сажени (около 284 м). Однако необходимо учитывать — ширина городней-срубов достигала почти 3 м (сажень с аршином). Интересно выяснить площадь свободной территории внутри кремля. Это легче сделать, допустив, что кремль имел форму квадрата с длиной каждой стены в 71 м (284:4). Тогда длина стены с внутренней стороны уменьшается на 6 м, а площадь самой территории равняется приблизительно 4225 кв. м. Эти подсчеты важны для реального представления о том, много ли построек и людей могло разместиться внутри мангазейской крепости. Спасская башня, возвышавшаяся над единственными воротами, ведущими в кремль, достигала в высоту 11,5 м. На башнях стояли в общей сложности 9 затинных пищалей (пушек), к которым имелся запас в 685 железных и 160 свинцовых ядер.

На территории кремля с самого начала размещались дворы воеводы и головы (в дальнейшем — второго воеводы). Комплекс воеводских дворов занимал, очевидно, значительную площадь, поскольку воеводы приезжали к месту службы с семьей, дворовыми людьми и всякого рода запасами. Жеребцов жаловался на своего товарища Давыдова, что строительством рубленого кремля руководил он один, в то время, как Давыдов «лишь в те поры двор свой строил, ставил горницы»[244]. В мангазейском кремле было тесно. Рядом с постройками двора первого воеводы находилась съезжая изба — официальное присутственное место воевод. Так, изба, в которой жила властная жена воеводы Г. И. Кокорева, стояла «наряду с съезжею избою, окно в окно»[245]. Помимо этого, на территории кремля располагались Троицкий храм, тюрьма и пороховой погреб. Известно, что уже с первого года существования Мангазеи в ней находились аманаты (заложники) от местных самодийских родов, но где они содержались — в специальной аманатской избе или в тюрьме, неясно.

Старая Мангазея. Рисунок-реконструкция Н. Крадина

Троицкий храм строился, видимо, сразу вместе с острожными стенами, поскольку в 1603 г. новый воевода Ф. Ю. Булгаков должен был забрать из Березова в Мангазею попа Якова с женой и детьми.

Два воеводы вместе проживали на территории кремля до 1629 г. В этом году прибывшие в Мангазею и ненавидевшие друг друга Г. И. Кокорев и А. Ф. Палицын разделились; последний не пожелал разместиться в кремле и заставил «мирских людей» построить себе двор на посаде. Архивный документ сохранил описание этого двора. Основным зданием усадьбы была трехчастная связь: горница на подклете — сени — амбар. Над сенями был надстроен чердак, на котором, как известно из других документов, спал сам Андрей Палицын. Отдельными постройками во дворе были баня с сенями, амбар из кочевых досок, обсыпанный землею сруб (погреб), хлев для коров, поварня и сруб неясного назначения. Ограда двора, сделанная из кочевых досок, имела ворота. По обе стороны ворот находились две избы — большая и маленькая. После воеводства Палицына на этом дворе останавливались его преемники — воевода Д. Ф. Клокачев, дьяки В. Е. Атарский и Пятой Спиридонов. К 1637 г. дворовые постройки пришли в ветхость, и Спиридонов за свой счет построил себе на другом месте новый двор[246].

Мангазейский посад, расположенный южнее кремля, не имел никаких укреплений. Несмотря на археологическое изучение Мангазеи, до сих пор нет ясности в вопросе о количестве жилых домов на посаде. Связано это с тем, что постоянных жителей Мангазеи было намного меньше, чем торговых и промышленных людей, временно

зимовавших в городе. В 1644 г. последние вспоминали, что в годы расцвета Мангазеи «приходило... торговых и промышленных людей на кочах с Руси и из Сибири человек по штисот и по семисот и больши»[247]. Возможно, что приказчики состоятельных купцов имели свои дворы на посаде, но масса рядовых промысловиков зимовала, видимо, в домах постоянных жителей Мангазеи. Поскольку дома были небольшими (в основном двухчастными — сени-горница), то сейчас даже трудно представить, как в одном таком доме могло проживать по 5–7 человек. Исследователи, писавшие о Мангазее, определяют количество жилых домов в городе по-разному — от 60 до 200.

Одной из значительных построек на посаде был комплекс гостиного двора. В наказе 1603 г. Булгакову и Елчанинову предписывалось построить в Мангазее гостиный двор, который стал бы единственным местом для проведения торговых операций и уплаты десятой пошлины с товаров. Дельцы Казанского дворца были озабочены тем, что до основания Мангазеи торговые люди со всей России «торговали по всей Мангазее и Енисее, ездя по городком и по волостям, и по юртом, и по зимовьям, и по лесом, с мангазейскою и енисейскою самоядью... а исторговався ездили на Русь, а государевы десятинные пошлины с своих товаров не платили»[248]. Гостиный двор «строен был теми людьми, которые приходили с Руси и из Сибири с хлебными запасы и с товары на кочах и мангазейскими жилецкими людьми»[249]. Точная дата его постройки неизвестна, но, скорее всего, воевода Булгаков выполнил данные ему указания. Гостиный двор представлял собой ряд торговых лавок, амбаров и две избы, где, возможно, собирались и оформлялись пошлины.

В течение первых трех десятилетий существования Мангазеи в ней было построено три церкви. Как уже говорилось, самым ранним был Троицкий храм в кремле, имевший два придела — Николая Чудотворца и святых Бориса и Глеба. Троицкий храм был «холодным» (неотапливаемым), что в условиях заполярной Мангазеи создавало, видимо, большие неудобства для прихожан. В 1620-е гг., время бурной деятельности «зверобоев» в Мангазейском уезде, по инициативе и на деньги промышленных и торговых людей на посаде был возведен «новой теплой храм во имя Успенья Пречистые Богородицы да в приделе Усекновение честные главы Ивана Предитечя»[250]. Совершенно необоснованно мнение М. И. Белова о том, что данная церковь являлась возобновленной постройкой более раннего Успенского храма, который якобы возник еще в 1603–1606 гг. Аргументация М. И. Белова довольно уязвима. Ученый считал, что, поскольку церковь находилась недалеко от Успенской башни, а рубленый кремль с башнями был поставлен в 1607 г., то уже существо-

вавшая церковь дала название ближайшей к ней башне[251]. Между тем названия башен нам известны только из «Росписного списка города Мангазеи» 1626/27 гг. Мангазейский воевода Т. В. Боборыкин писал в 1628 г. в Москву, что «новой храм стоит неосвящен и бес пенья третей год»[252]; значит, его строительство было завершено в 1626 г. и именно как «нового» храма. Возможна обратная зависимость: угловая башня, ранее имевшая иное название, была переименована в честь построенного рядом с ней храма.

Если Троицкая церковь строилась за казенный счет, то Успенская — на деньги мангазейской мирской общины; даже в 1652 г. жители Мангазеи помнили, что ктитором церкви выступил торговый человек из Ярославля Аникей Скрипин, поддержанный другими состоятельными торговцами[253]. В июне 1628 г. архиепископ Сибирский и Тобольский Макарий послал в Мангазею на два года священника Стефана Борисова и дьякона Симеона Захарова. Успенская церковь была освящена ими 31 августа 1628 г. (на праздник Положения пояса Пресвятой Богородицы). Сообщая об этом Макарию, Стефан Борисов заодно упомянул, что и Троицкая церковь без пения «за стужею не стаивала ни единова дни». Возведение храма на деньги прихожан было вполне традиционным явлением для древнерусской религиозной жизни. Уже своим соседством с воеводской администрацией Троицкая церковь должна была казаться неудобной для пестрой массы промысловиков и торговцев. Успенская церковь стала религиозным и общественным центром посада, местом мирских сходок, где могли решаться вполне светские дела[254].

Вслед за Успенской церковью на посаде в конце 1620-х гг. появляется третий по счету храм — Макария Чудотворца Желтоводского. Мотивы его постройки не совсем ясны, но некоторые предположения сделать можно. В 1619 г. патриарх Филарет произвел церковное следствие о мощах и чудесах Макария Желтоводского (жил в XIV–XV вв.), в ходе которого были опрошены 74 исцеленных[255]. Видимо, почитание Макария относилось к числу стихийных народных культов, почему им и заинтересовалась официальная церковь. В лице патриарха церковь согласилась признать целительную силу мощей преподобного Макария. В суровых условиях заполярной Мангазеи торговцам и промысловикам помощь Макария Желтоводского казалась нелишней; а его «чудеса», благодаря акции патриарха Филарета, привлекли к себе внимание. Этим, кажется, можно объяснить возведение второй церкви на мангазейском посаде. Если Успенский храм объединял мангазейскую мирскую общину как религиозную и социальную организацию, то церковь Макария Желтоводского была более «интимной»; в нее приходили, видимо, за духовным

и физическим исцелением. Эта церковь (холодная) располагалась недалеко от проезжих Спасских ворот. В 1631 г. о ней писал воевода А. Ф. Палицын: «Новый храм, что за городом у ворот»[256]. Она упоминается как действующая в 1652 г.; бесспорно, что она существовала до конца самой Мангазеи. В самой ранней редакции «Жития Василия Мангазейского» есть такой эпизод. Сын боярский Никифор Смирной был послан священником Тихоном (дело было в апреле 1670 г.) за новым гробом для переложения мощей новоявленного чудотворца Василия: «И как он, Никифор, вышел из градных врат, и бысть он, Никифор, близ церкви Макария Желтоводскаго»[257].

Упадок торгово-промыслового и административного значения Мангазеи был столь же стремительным, как и взлет. Начиная с середины 1630-х гг., поток торговых (частных) кочей, приходивших в Мангазею по Иртышу и Оби, за несколько лет почти совершенно иссяк, с рубежа 1630–40-х гг. торговое судоходство по Обской губе фактически прекратилось. С этого же времени документы начинают фиксировать частые крушения казенных кочей в Обской губе. Два года подряд (1642 и 1643) караваны казенных кочей, доставлявших муку и соль из Тобольска в Мангазею, не могли дойти до конечного пункта. Жители Мангазеи оказались на грани голодной смерти.

Год 1642 для Мангазеи оказался вдвойне несчастливым. Помимо того, что ни один коч с мукой не добрался до города, в мангазейском кремле случился большой пожар. Как ни странно, документов о причине пожара и его последствиях не сохранилось. Известно, что пожар произошел (очевидно, летом), когда городом управлял один дьяк Богдан Обобуров (воевода князь Борятинский к этому времени умер). О пребывании Обобурова в Мангазее есть некоторые до сих пор не выясненные подробности. Дьяк прибыл туда 7 сентября 1639 г. и дождался приезда воеводы князя П. М. Ухтомского, коч которого потерпел крушение в Обской губе. Однако всякие дела съезжей избы, «что от пожару остались», дьяк не сдал Ухтомскому и «поехал из Мангазеи за море». Вероятно, Обобуров по челобитью мангазейских жителей был задержан в Тобольске и летом 1644 г. снова на коче отправлен в Мангазею. Не исключено, что сыщик А. Коковинский направлялся вместе с ним для расследования какого-то дела между дьяком и жителями Мангазеи. Известно, что промышленные люди были недовольны Обобуровым (он их «тяготил» всякими службами и вмешивался в мирские выборы). Известно также, что еще в 1651 г. в мангазейской тюрьме содержались 10 стрельцов, обвиняемых в грабеже дьяка Обобурова[258]. Можно высказать осторожное предположение (но не более!), что имел место поджог воеводского двора в кремле, где после смерти Борятинского расположился дьяк.

Тем не менее катастрофические размеры пожара известны из более поздних документов. В 1644 г. воеводе Ухтомскому пришла царская грамота, из которой ясно, что сгорела часть стен кремля (городни), казенные амбары, воеводский двор, съезжая изба, тюрьма и сторожня (очевидно, изба, где размещались сторожи). Сгорела и Троицкая церковь, которая еще в 1652 г. не была восстановлена. Ухтомскому указывалось отремонтировать сохранившиеся стены и башни, а вместо сгоревших городней поставить острог. Воеводский двор надлежало построить «небольшим строением, без чего быть не уметь». Ухтомский, который в это время находился в Туруханске, призвал к себе служилых, торговых, промышленных и жилецких людей (мангазейских и туруханских) и объявил им содержание царской грамоты. В ответ постоянные и временные жители двух поселений подали челобитные, в которых фактически отказывались выполнять требования воеводы, ссылаясь на свою малочисленность. Ухтомскому ничего не оставалось, как отправить эти челобитные в Москву[259].

Мангазея больше никогда не приобрела тот вид, какой имела до пожара 1642 г. Те же указания насчет восстановления кремля имелись и в царской грамоте 1647 г. воеводе Я. О. Тухачевскому, причем рекомендовалось проводить работы, «хотя не в один год и как мочно, смотря по тамошнему делу, чтоб... мангазейским служилым людем большого оскорбления не было». В 1649 г. аналогичная грамота была послана новому воеводе Ф. И. Байкову, из чего ясно, что за семь лет ремонт стен и постройка зданий кремля не сдвинулись с места[260]. В 1652 г. челобитную о состоянии церквей в Мангазее подали все постоянные жители города: 100 стрельцов, 3 подьячих съезжей избы и 3 жилецких людей. Они писали, что сгоревшая Троицкая церковь строилась когда-то на государственные средства, а им самим ее не восстановить, потому что «людишка бедные, торговых и промышленных и жилецких людей нет». Успенский же храм на посаде пришел в ветхость, «стены и потолки огнили и обло-

Старая Мангазея. Фрагмент карты из «Чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова. Конец XVII в.

мались и подперты многими подпоры... и потолок и мост колыблется и сверхе земля на престол и на жертвенник сыплется». Жители Мангазеи запрашивали, что делать с разрушающимся Успенским храмом[261]. Очевидно, что ответ из Москвы мог быть только одним: восстанавливать храм на мирские средства. Об этом говорит одновременное распоряжение Сибирского приказа воеводе И. С. Корсакову построить новую съезжую избу (старая оказалась «мала и ветха») «мирскими сборными деньгами»[262].

Мангазейский гостиный двор, сильно пострадавший во время боев между воеводами Кокоревым и Палицыным, так и не был отстроен вновь. В 1640 г. воевода князь Борятинский отписывал в Москву, что в Мангазее гостиного двора нет, «стоят только 3 амбаришка пусты и не покрыты, стены испросечены». Торговые и промышленные люди держали товары и торговали в своих амбарах. Из Москвы указали построить гостиный двор, как и прежде, приезжими торговыми и промышленными людьми. Однако и к 1644 г. это указание не было выполнено, о чем докладывали таможенные головы. Правда, в 1641 г. дьяк Обобуров распорядился выбрать мирским людям между собой 10 строителей и поставить 26 новых амбаров и 2 избы. Вместо этого мирские люди собрали на покупку бревен 31 руб. 68 коп. и отказались сами строить гостиный двор. В челобитной 1644 г. они перечислили крушения торговых кочей за последние годы, вследствие чего поток промышленных людей в Мангазейский уезд иссяк. Надо заметить, что челобитная была написана в Туруханске, поскольку в самой Мангазее «жилецких людей нет и строить того твоего государева двора некому»[263]. Надо думать, что и мангазейские воеводы понимали всю бессмысленность постройки большого гостиного двора в пустеющей Мангазее.

Хотя ежегодные плавания государевых кочей из Тобольска на Таз продолжались, однако несколько голодных лет в начале 1640-х годов были тяжелым ударом для Мангазеи и способствовали дальнейшему переселению ее жителей в Туруханск. Там же большую часть времени проводили и мангазейские воеводы. Случаи гибели государевых кочей в Обской губе, участившиеся с 1640-х гг., служили весомым аргументом в споре местных воевод с руководством Сибирского приказа, которое упорно не верило в закат Мангазеи. Конец походам казенных караванов в Мангазею положила энергичная деятельность тобольского воеводы Петра Ивановича Годунова (1667–1669 гг.), который с самого приезда начал выискивать способы к увеличению «государевой прибыли». В 1668 г. он запретил строить кочи в Тюмени и отменил посылку хлеба и соли через Обскую губу[264].

ГОРОДА СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
на картах «Чертежной книги» С. У. Ремезова. Конец XVII в.

Город Березов

Город Пелым

Город Сургут

Города (сверху вниз):
Новая Мангазея;
Нарым;
Кетск.

Очевидно, что не отмена казенных поставок хлеба привела к окончательному упадку Старой Мангазеи, а наоборот: рискованные и дорогостоящие плавания кочей стали совершенно неоправданными вследствие угасания заполярного города. Мангазея возникла как «государево око» на путях, разведанных и освоенных частными промышленниками за пушным зверем. С их уходом далеко на восток существование города как административного и таможенного центра теряло смысл, а относительно немногочисленное самодийское население Тазовско-Пуровского района не требовало содержания гарнизона в 100 человек. Причины оставления Мангазеи, связанные с открытием более удобных путей в Восточную Сибирь и развитием русского земледелия в более южных районах, подробно исследованы в работе В. А. Александрова, и к этому мало что можно добавить[265]. Следует только отметить, что М. И. Белов, не вступая в открытую полемику с В. А. Александровым, высказал оригинальную точку зрения (которая представляется неубедительной) на причину запустения Мангазеи. Оказывается, «оставление Мангазеи осуществлялось в условиях резкого обострения классовой борьбы и национального гнета со стороны представителей царской администрации во главе с воеводами» и происходило «в сложной обстановке, которая была чревата всеобщим восстанием самодийских племен»[266]. Автор данной концепции уверен, что в 1660-е годы «борьба на подступах к городу не прекращалась и что постепенно вокруг него сжималось кольцо восставших племен». По М. И. Белову, «восставшие подступают к стенам города», а Тобольск шлет в Мангазею все новые «казачьи части», которым, однако, не удается «подавить восстание». Воеводе и оставшимся жителям Мангазеи остается только покинуть осажденный самоедами город и переселиться в Туруханск. Каких-либо убедительных документов в подтверждение столь ответственных выводов М. И. Беловым не приведено. Зато признается труднообъяснимый для практики воеводского управления факт: «Поразительно то, что сами воеводы нигде ни разу не упоминают об угрожавшем городу нападении». Не упоминали, надо думать, потому, что никакой осады Мангазеи не было.

Фундаментальный для данного построения документ процитирован М. И. Беловым неточно и датирован неверно. В архивном подлиннике сказано: «А во 187-м (1678/1679) году те служилые люди из прежнего города Мангазеи от шатости юрацкой самояди выехали и город оставили пуст»[267]. Речь здесь идет о нескольких ясачных сборщиках, которые с 1672 г. по очереди отправлялись из Туруханска в Мангазею. Еще до отмены хлебных караванов Году-

новым мангазейский воевода Р. М. Павлов заручился челобитной служилых людей и в 1664 г. вновь поднял вопрос о переносе центра уезда в Туруханское зимовье. В Сибирском приказе решили рассмотреть предложение Павлова и привлекли в качестве консультантов прежних мангазейских воевод — И. С. Корсакова, С. В. Ларионова и И. М. Квашнина. Воеводы поддержали Павлова и добавили, что, по их мнению, новый центр уезда не должен находиться в Туруханске, как месте весьма неудобном. Они предлагали построить новый острог в устье Нижней Тунгуски (на правом берегу Енисея). В Мангазее они считали нужным оставить небольшое количество сменяемых служилых людей и для их снабжения сохранить путь через Обскую губу.

Сибирский приказ тянул с окончательным решением дела, и воевода Павлов с конца 1668 г. самовольно переехал в Туруханск и начал переводить туда «на вечное житье» служилых людей с семьями. Для охраны Мангазеи было оставлено 20 стрельцов. Последний мангазейский воевода Д. Т. Наумов приехал 18 июня 1670 г. енисейским путем прямо в Туруханск. Не зная, ехать ли ему в почти заброшенную Мангазею, Наумов обратился в Москву. В конце 1670 г. из Сибирского приказа уклончиво ответили Наумову поставить новый город «в добром и угожем месте», а 14 сентября 1671 г. воевода получил царскую грамоту, окончательно утверждавшую Туруханск как Новую Мангазею[268]. В следующем году Старую Мангазею покинули последние постоянные жители. Отныне туда посылались для сбора ясака лишь несколько служилых людей и толмач.

Туруханск (Новая Мангазея)

Туруханское зимовье, по мнению большинства исследователей, было основано в 1607 г., хотя русские и коми-зырянские промысловики проникали на Турухан и далее на Енисей намного ранее. Выше Мангазеи с реки Таз был проложен речной путь (с системой волоков) на реку Турухан, впадающую с левой стороны в Енисей. Недалеко от устья Турухана (около 6 км) и появилось зимовье, откуда открывались пути вверх и вниз по Енисею, а также к востоку от великой реки. До нас дошла грамота царя Бориса Годунова от 1604 г., которая явилась ответом на челобитную зырян «Вымской землицы». Они жаловались, что ходят они торговать на Березов и в Сургут; их же посылают вместе со служилыми людьми в новые земли, в том числе: в Мангазею, а оттуда вверх по Тазу реке в «Ючеи и в Енисею и в Тунгусы» — для сбора ясака и остроги ставить[269]. Если бы Туруханское зимовье уже существовало к этому времени, то оно, наверное, должно было быть упомянуто в этой челобитной. К сожалению, неизвестно, по чьей

инициативе возникло Туруханское зимовье — воеводской власти, или торговых и промышленных людей. Вернее всего последнее, поскольку с основанием Мангазеи промышленники стали уходить далее на восток. Туруханское зимовье стало отправным пунктом для дальних экспедиций не только промысловых, но и военных. Мангазейские воеводы быстро осознали его значение, «прибрали к рукам» и стали назначать туда приказного человека из служилых людей. Надо заметить, что если все остальные зимовья Мангазейского уезда считались ясачными (за исключением частных зимовий промысловиков), то Туруханское зимовье имело особый статус: в нем временно и постоянно проживали русские.

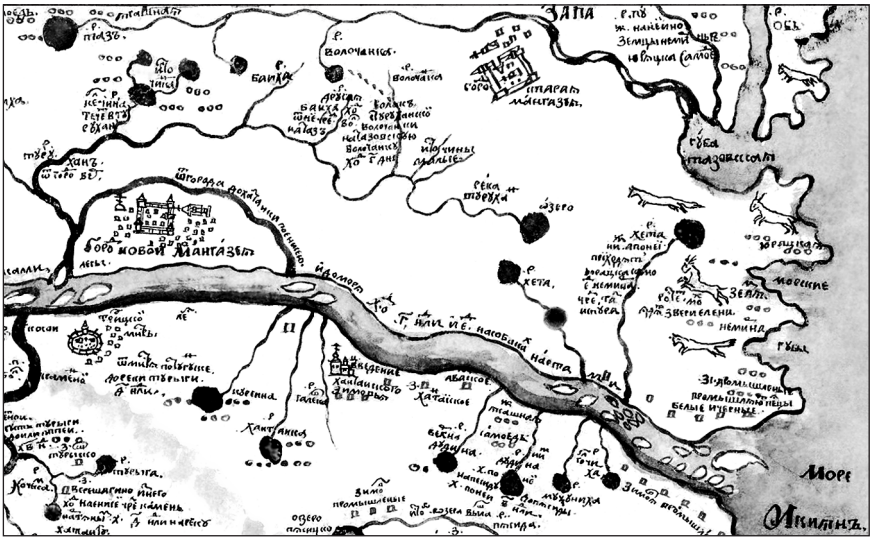
О жизни Туруханска в первые десятилетия его существования трудно что-либо сказать вследствие отсутствия документов. Зимовье, видимо, не имело никаких укреплений. Г. Ф. Миллер высказал правильное предположение, что вскоре после его возникновения была построена церковь во имя Николая Чудотворца — самая первая. Она стала символом этого поселения, и в документах десятилетиями звучала фраза, заменяющая название зимовья, — «у Николы на Турухане».

Как известно, первые три десятилетия XVII в. явились временем расцвета мангазейских промыслов. Значение Туруханского зимовья все более возрастало, как и количество промышленников, двигающихся в обоих направлениях. В 1621 г. в Тобольск прибыл первый архиепископ Киприан, который инициировал строительство церквей и монастырей в существующих сибирских городах. Интересно, что строительство монастыря было задумано и в Туруханском зимовье — настолько большую известность оно получило. К 1621–1622 гг. относится грамота Киприана мангазейским воеводам, в которой говорилось: «послан к вам в Мангазею, в Туруханской острожек, строитель и игумен Тимофей во общий монастырь Преображенья Христова и великого Чюдотворца Николы». В другой аналогичной грамоте было дополнение: Тимофею указывалось воздвигнуть новый Преображенский храм, а «старой храм починивать»[270]. Судя по имеющимся документам, Преображенская церковь была построена, а вот монастырь так и не возник. Г. Ф. Миллер ошибался, когда утверждал, что церковь Преображения была первой в Туруханске, а церковь во имя Николы была лишь часовней[271]. Это тем более странно, что Миллер располагал на этот счет совершенно определенными документами.

Церковь Преображения была построена в 1620-е гг. Уже в 1630 г. трапеза этой церкви служила местом собрания «мирских» людей; здесь же хранился мирской архив. С. В. Бахрушин несколько противоречит себе, когда в одной статье утверждает, что церковь

Преображения имела придел Николая Чудотворца; в другом месте он говорит, что существовала Никольская церковь, в которой хранилась мирская казна[272]. Помимо двух церквей, в Туруханске в 1630 г. была съезжая изба, где находился приказной человек, присланный из Мангазеи, и подьячие. Так, например, в 1648 г. мангазейский служилый человек Мороз Марков подал в Москве челобитную, в которой указал, что в 1635 г. он был послан «на Турухан для твоего государева ясашного сбору, для судных дел и мирских росправ». Просьба Маркова заключалась в том, чтобы его снова назначили приказным человеком в Туруханское зимовье («у твоего государева дела у отпусков быти без съезду»)[273]. К сожалению, точно неизвестно, когда в Туруханске появилась таможня, но к 1630 г. она была. Кроме того, из казенных зданий в зимовье находился еще аманатский двор. Уже в 1630-е гг. дела всякого рода как бы само собой перемещаются из Мангазеи в Туруханск. В 1640 г. мангазейский воевода князь Борятинский отписывал в Москву по поводу целесообразности строительства нового гостиного двора в городе. Он сообщал, что большой торг бывает в Туруханске, там же собираются пошлины и поголовные деньги с торговых людей. Ввиду этого таможенные головы ездили из Мангазеи в Туруханск. Известно, что в 1634–1635 гг. мангазейские власти в лице воеводы Орлова и дьяка Атарского вообще переместились в Туруханск. Туда же переехал в 1644 г. воевода Ухтомский во время голодных лет для самой Мангазеи[274].

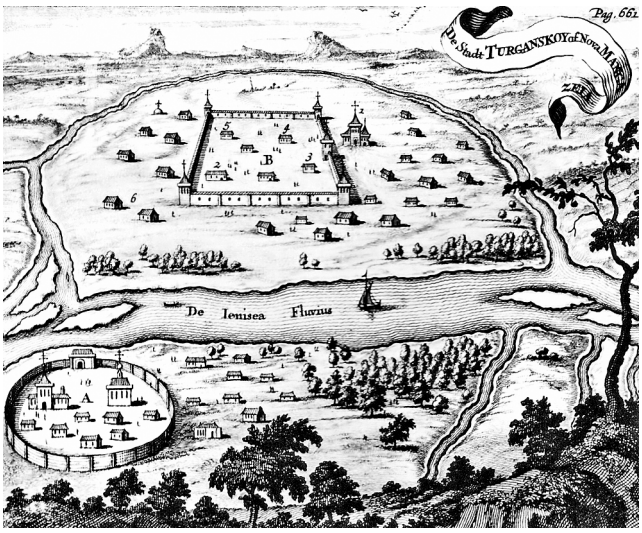
В последующем мангазейские воеводы не раз поднимали вопрос о переносе административного центра уезда из Мангазеи



Новая Мангазея и Старая Мангазея. Фрагмент карты из «Хорографической чертежной книги Сибири» С.У. Ремезова. Конец XVII в.

в Туруханск, о чем уже говорилось выше. Как писал в свое время В. А. Александров, вопрос о месте расположения Новой Мангазеи был решен далеко не лучшим образом. Еще предыдущие воеводы Мангазеи советовали заложить город на основном русле Енисея, на правой стороне, где в середине XVII в. возник Туруханский Троицкий монастырь. Воевода Д. Т. Наумов решил посоветоваться с туруханскими жителями о расположении будущего центра уезда. Последние заявили: «доведетца городу быть и вновь город построить Мангазею на Турухане в старом месте, где построена церковь божия и гостин двор, и где живут из давных лет посацкие и всякие жилецкие люди, и где ныне поселились мангазейские служилые люди дворами. И городу в том же месте быть угодно, и от неприятельских приходов сберегательно, и скотинными выпуски, и сенными покосы, и всякими угодьи довольно, и судовая пристань блиско»[275]. Жители Туруханска уверяли, что на Енисее удобного места для строительства города нет. Очевидно, что они просто решили избежать материальных затрат при переезде на другое место.

Наумов заложил новый город 12 июня 1672 г. «против прежнего Мангазейского старого города на 4 угла». Крепость имела четыре четырехугольных башни по углам и одну шестиугольную проезжую башню в стене. Стены состояли из городней, в которых были устроены амбары для хранения муки и соли. Высота стен достигала двух саженей, а периметр 146,5 печатных саженей (316 метров). Общая длина стен Новой Мангазеи на 30 м превосходила длину стен кремля Старой Мангазеи. К сожалению, названия башен построенной в Туруханске крепости и расстояния между ними неизвестны. Крепость была готова к июню 1673 г., причем небольшое количество леса вместе с работными людьми было прислано из Енисейска[276].



Новая Мангазея. Рисунок из книги Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария». Конец XVII в.

Очевидно, что в крепости, как и в других сибирских городах, находились съезжая изба, воеводский

двор, зелейный погреб и аманатская тюрьма. Однако насчет последней полной уверенности нет; возможно, она располагалась за пределами крепости, поскольку число аманатов было довольно велико (в 1676 г. в Туруханске содержались 45 аманатов из самоедских и тунгусских родов). С переездом в Туруханск мангазейских стрельцов количество дворов в городе значительно увеличилось. О количестве дворов косвенно можно судить по количеству постоянных жителей. На 1676 г. такую возможность предоставляет нам крестоприводная запись, когда в Туруханск прибыл письменный голова И. Н. Тютчев для привода жителей к присяге на верность новому царю Федору Алексеевичу. Присягу приняли 125 служилых людей, 8 толмачей с разных языков местных народов, 2 подьячих приказной избы и местные посадские люди (71 человек). Надо думать, что это и были постоянные жители Туруханска, имевшие свои дворы.

В «Ведомости сибирских городов» 1701 г. Туруханск назван «городом Мангазейским». По воеводской росписи 1697 г. «город Мангазейской деревянной рубленной, крыт тесом, в стенах 5 башен. А что городу мера и башням ширина и вышина, того в росписном списке не написано». На стенах крепости стояли 4 пищали медных, 4 пищали затинных железных, 4 мушкета в ложах; имелось 11 бердышей. Население состояло из 168 служилых людей и церковного причта. Посадских людей насчитывалось 65 человек[277].

В 1739 г. Туруханск посетил Г. Ф. Миллер и дал его описание: «Город Мангазея, называемый иначе Туруханском, на правом берегу туруханской протоки Никольской шар, немного ниже Никольской виски... Расположен на возвышенном месте, вокруг которого со всех сторон везде и всюду нет больше ничего, кроме низменных болотистых местностей. В нем имеется, в первую очередь, четырехугольная деревянная крепость со сторонами в 40 саженей с четырьмя угловыми башнями и одной башней над воротами, ведущими в крепость с нижней, или западной стороны. Находящиеся в крепости публичные здания: слева от входа в одном ряду караулка, канцелярия и дом с относящимися к нему пристройками, предназначенный для жилья воеводам. Напротив, справа, старая часовня, которая сейчас служит амбаром, наряду с погребом, а недалеко от крепостной стены, находящейся напротив ворот, раньше стояло старое большое здание, где прежде жили бывшие воеводы. Оно, однако, развалилось во время нашего пребывания. Амбары, в которых хранятся ясачная казна и весь казенный инструментарий, врублены в верхний этаж крепостной стены справа от ворот. Вне крепости недалеко от ворот находятся 2 стоящие рядом церкви с общей колокольней. Одна из них посвящена Преображению Господню с приделом 3 святых, Петра, Алексея и Ионы, и предназначена для службы

зимой, а другая, в которой проводят службу летом, носит имя Успения Богородицы. Впрочем, здесь имеются еще из публичных зданий ратуша, таможня, гостиный двор, хлебный магазин, винный погреб, 2 кабака, пивоварня и часовня. А частных жилищ в нашу бытность насчитывалось 102 двора, из которых 5 стояли пустыми»[278].

Описание крепости совпадает с ее обликом XVII в. и с «Чертежом земли Туруханского города» С. У. Ремезова. Возникает только вопрос: куда исчезла Никольская церковь? Можно, однако, вспомнить, что в 1672 г. при опросе жителей Туруханска воеводой Наумовым они упомянули церковь в единственном числе. Возможно, к этому времени оставалась только Преображенская церковь, а Никольская разрушилась и не была восстановлена. Туруханский кремль, построенный Наумовым, простоял около столетия. В «Описании Тобольского наместничества» конца 1780-х гг. насчет крепости сказано: «Городское укрепление было прежде деревянное с 5 башнями, которое пришло в совершенную ветхость, ис коих большая изрядным искусством построена была»[279].

Ясачные зимовья Мангазейского уезда

Территория Мангазейского уезда складывалась постепенно, по мере объясачивания аборигенных родов и племен, чьи места обитания в конечном итоге и составили в совокупности огромный уезд, распространившийся далеко на восток от самого города. Мангазейский уезд, как он оформился к середине XVII в., включал в себя бассейны Таза, Енисея (от впадения реки Дубчес до Ледовитого океана); бассейны притоков Енисея Нижней и Подкаменной Тунгусок; бассейны рек Пясины, Таймыры и Хатанги; низовья реки Анабар; верховья Вилюя. Ввиду обширности уезда, в целях сбора ясака, в течение первой трети XVII в. возникли ясачные зимовья, которые по большей части просуществовали до конца столетия. Наиболее полный подсчет этих зимовий был сделан Б.О. Долгих[280]; в то же время в источниках содержатся названия зимовий, которые существовали совсем недолго.

Основная масса известных впоследствии ясачных зимовий была основана в 1620-е годы. При этом надо учесть, что за дату основания того или иного зимовья берется дата первого упоминания этого зимовья в ясачных книгах (оно могло возникнуть и раньше). В бассейне Таза существовали *Худосейское* зимовье (1627–1645 гг., на правом притоке Таза реке Худосее) и *Леденкин шар* (1627–1645 гг.) в низовьях Таза. Шар по-зырянски — протока; среди стрельцов мангазейского гарнизона в 1630-х годах известен Ледешка Кириллов, сам зырянин и знаток самоедского языка[281]. Возможно, он и был

основателем зимовья. *Верхотазское* зимовье находилось на Тазу, ниже устья Худосеи (впервые упоминается в 1626 г.). Б. О. Долгих считает, что оно существовало и после запустения Старой Мангазеи, примерно до 1692 г.

С 1620 г. упоминается *Хантайское* зимовье, которое находилось на Енисее ниже устья реки Хантайки. После ликвидации Леденкина шара плативших в него ясак самоеды были приписаны к Хантайскому зимовью. Зимой 1679 г. Хантайское зимовье было осаждено тундровыми самоедами. Служилые люди, потеряв двух человек, с трудом отстояли зимовье с помощью огнестрельного оружия. Тогда самоеды двинулись вниз по Енисею, разоряя зимовья русских промышленников. Интересны сведения о том, что у промышленных людей в зимовьях находились их жены и дети, которых самоеды заморозили на льду[282].

Пясидское зимовье находилось на реке Хете, притоке Хатанги. Оно впервые упоминается 1625 г., а в 1666 г. было уже на реке Аваме (при впадении ее в реку Дудыпту), почему и называлось иногда Авамским. *Инбатское* зимовье, которое упоминается с 1607 г., находилось на правом берегу Енисея, в устье реки Инбак. На Енисее же располагалось *Закаменное* зимовье (с 1626 г.), выше гор («камня») и, значит, выше устья Подкаменной (Средней) Тунгуски. Б. О. Долгих предполагал, что Закаменное зимовье находилось близ устья реки Дубчес. Ясак в Инбатское и Закаменное зимовья платили предки кетов. *Есейское* зимовье (примерно с 1634 г.) стояло на озере Ессей в бассейне реки Котуй, которая впадала с левой стороны в Хатангу.

Следующие семь ясачных зимовий находились на Нижней Тунгуске. Это *Летнее* зимовье (1625 г.), которое получило свое название от старого русского названия реки Учами — Летняя. От устья Нижней Тунгуски до Летнего зимовья надо было идти водным путем три недели. *Илимпейское* зимовье (с 1627 г.) стояло далеко вверх по Нижней Тунгуске, в устье ее левого притока реки Илимпеи. *Курейское* зимовье находилось в верховьях Нижней Тунгуски, выше устья реки Ерёма, которая впадала в Тунгуску с левой стороны. Известно как место сбора ясака с 1634 г. *Усть-Тетейское* зимовье располагалось ниже Курейского, при впадении реки Тетеи в Тунгуску с левой стороны. Оно известно с 1632 г. и исчезает из ясачных книг с 1683 г. *Турыжское* зимовье (с 1625 г.) было расположено при впадении реки Туры в реку Кочечум, а последняя впадала с правой стороны в Нижнюю Тунгуску. Не совсем понятно, почему Б. О. Долгих считал Турыжское зимовье «другой половиной» Усть-Тетейского. Оба зимовья находятся далеко друг от друга, причем Турыжское располагалось даже не на самой Нижней Тунгуске. *Усть-Непское* зимовье (р. Непа — левый приток Нижней Тунгуски) было известно

с 1624 г. В течение XVII в. количество плательщиков ясака в это зимовье уменьшалось, и в 1698 г. оно было официально ликвидировано. С 1647 г. известно *Кондогирское* зимовье, как «другая половина» Усть-Непского зимовья. Название его происходит от эвенкийского рода Кондогир, поэтому определить место расположения зимовья трудно. Б. О. Долгих на основании данных XVIII в. локализовал это зимовье между устьем Нижней Кочёмы (левый приток Нижней Тунгуски) и современным поселком Наканно.

Два зимовья Мангазейского уезда были расположены на Подкаменной Тунгуске. Это *Чунское* (с 1629 г., река Чуня — правый приток Подкаменной Тунгуски) и *Тетерское* (с 1628 г., река Тэтэрэ — тоже правый приток Тунгуски, выше устья Чуни).

Как видно, активное продвижение служилых людей за Енисей и основание ясачных зимовий в бассейне Нижней Тунгуски выпадает на 1620-е годы. Еще ранее и наряду со служилыми на промыслы вверх по Нижней и Подкаменной Тунгускам проникали промышленные люди. Количество промышленных зимовий даже приблизительно учесть невозможно. Известно, что в начале 1630-х годов из Туруханска за Енисей на промыслы уходило по 150–200 каюков. В 1630 г. на Таймыр вниз по Енисею поплыли 105 промышленных и торговых людей. Их путь проходил до реки Дудинки, а затем через волоки и Пясинское озеро[283]. В 1627 г. мангазейские торговые и промышленные люди подали на имя царя челобитную, в которой заявляли, что «около Мангазейского города и Туруханского зимовья и вверх по Енисею реки и снизу Тунгуски реки соболи и бобры опромышлялись, и они де учали ходить для соболиных промыслов вверх по Тунгуске реке далече» На промыслах охотники разбивались на небольшие группы по 2–5 человек. Между тем, как жаловались промышленники, тунгусы ходят «скопом» по 60–100 человек «и их де на соболиных промыслех по лесом побивают и грабят, и к зимовьям их приступают, и многие де зимовья пожигают, и многих де промышленных людей по зимовьям обсадили и на промыслы не пустили». В челобитной содержалась просьба послать на Нижнюю Тунгуску человек 100 ратных людей для усмирения тунгусов и защиты промышленников[284].

По ясачным зимовьям рассылалось всего лишь по несколько мангазейских стрельцов (в середине XVII в. весь гарнизон Мангазеи состоял из 100 человек). Служилые люди сидели в зимовьях, охраняя аманатов, и ждали, когда сами аборигены принесут ясак. Как жаловались промышленные люди в той же челобитной 1627 г., тунгусы грабили русских зверобоев и с той целью, чтобы сдать шкурки в ясачные зимовья. Защитить промышленников служилые люди ясачных зимовий не могли.

В перечне зимовий, приведенных Б. О. Долгих, отсутствует зимовье на реке Анабар. В 1643 г. мангазейский воевода князь П. М. Ухтомский отпустил «для прииску новой землицы на Анабару реку» служилых людей Ваську Сычева с товарищами (10 человек). Эта экспедиция состоялась по просьбе самих казаков. Воевода выдал им денежное и хлебное жалование на 1,5 года и деньги на приобретение лодок и судовых «припасов»; всего казна затратила 832 рубля[285]. Ухтомский отписал об отправленном отряде в Москву и получил в ответ выговор: в Сибирском приказе были недовольны тем, что служилых людей не сопровождали промышленные люди, и опасались, что «в такой дальной земле с иноземцы управиться» будет некем[286]. Далее в истории Анабарского зимовья, поставленного Сычевым, есть неясности. В 1651 г. мангазейский воевода И. С. Корсаков утверждал, что отряд Сычева захватил 6 аманатов и собрал с местных тунгусов 148 соболей. Однако в 1645 г. анабарские тунгусы изменили и, «придя к зимовью за щитами», освободили аманатов, и убили одного казака. После этого служилые люди сидели в осаде всю зиму; еще один казак умер от цинги. На смену Сычеву из Мангазеи были посланы 10 человек во главе с Иваном Липой. Соединившись, казаки пытались отыскать «изменников» тунгусов, но потерпели неудачу. С тех пор, утверждал Корсаков, ясака с Анабара не поступало, а служилых людей больше не посылалось[287].

Межу тем, рассказывая о походе В. Сычева на Анабар, М. И. Белов подробно повествует (опираясь на документы портфелей Г. Ф. Миллера) о посылке в 1647 г. на Анабар девяти казаков во главе с Яковом Семеновым. Через реку Пясину казаки перебрались на Хету и оттуда по Хатангскому заливу и морю Лаптевых добрались до устья Анабара, где встретились с Сычевым[288]. Это противоречие в показаниях источников можно снять предположением, что речь идет об одном и том же походе. Возможно, что сначала отряд возглавлял Я. Семенов, затем его по каким-то причинам сменил Иван Липа.

Корсаков расспросил служилых и промышленных людей, которые «по многие годы» жили на Ессее озере. Они заявили, что Сычев и Липа ходили на Анабар «окольным дальним путем морем», не зная сухопутного пути с Ессея озера. По рассказам тунгусов, Анабара можно достичь от Ессея озера на лыжах за четыре недели. Ясачные тунгусы просили усмирить неясачных анабарских тунгусов, которые совершают на них набеги, и предлагали содержать их аманатов в Есейском зимовье[289]. В 1652 г. Корсаков послал на Анабар для «умиренья изменников» десятника Ивана Сорокина и девять рядовых казаков. Дальнейшая история Анабарского зимовья пока неизвестна.

С запада Мангазейский уезд граничил с Березовским; несколько условная граница проходила по реке Пур. В связи с эти интересен не отмеченный в научной литературе факт. В 1692 г. Туруханск пытался распространить свою власть над пуровскими самоедами. На Пур на шести лодках явились 20 мангазейских служилых людей, поставили на левой стороне реки городок, «на самой проезжей дороге», и насильно взяли ясак. После жалобы самоедов в Березов, которая дошла до Москвы, мангазейскому воеводе было указано ясак с пуровских самоедов не взимать[290].

В северных районах зимовья и острожки являлись единственным способом освоения нового пространства, а значит — специфичным видом колонизации промыслового Севера. Зимовья делились на ясачные и промышленные, с острожной оградой или без нее. Простейшее — «зимовье по-промышленному» — представляло собой «курную» (с печью без трубы) «избу с сенцы» без всякого «острожного заводу», с плоской крышей и маленькими окнами. Однако более распространенными являлись зимовья усложненной конструкции — с «нагороднями», когда продолженный выше перекрытия сруб поднимался над плоской крышей на 1–1,2 м. Он образовывал на ней подобие стен, в результате чего зимовье приобретало вид одиноко стоящей крепостной башни. Вход в зимовье мог быть сделан и в кровле, являясь также дымовым отверстием. Часто зимовья обносили тыновой оградой, и тогда зимовье превращалось в острожек. Стена острога могла быть прямой («стоячей») и «косой», с наклоном внутрь укрепления. Стены «косых острожков» ставились прямо на грунт и опирались на специальные помосты («козлы»). Такие острожки ставились в районах вечной мерзлоты. Если тыновая стена была высокой, то помосты использовались для стрельбы из бойниц. Высота стен у разных острожков варьировалась от 2 до 6 м[291].

Поскольку для Мангазейского уезда описаний зимовий фактически нет, то целесообразно привлечь сохранившийся материал по другим районам Сибири, в частности, Якутии. Надо думать, строительный облик сибирских северных зимовий в XVII в. был типовым. Сведений с описанием зимовий в документах XVII в. вообще довольно мало. Одна из причин этого — нерадивость приказчиков, которым при приеме зимовья или острожка указывалось описать постройки и наличие стен. Однако новые приказчики редко это делали, ограничиваясь фразой «принял зимовье», после чего переходили к перечислению казенного имущества, количества аманатов по родам и особенно подробно — наличной ясачной казны. Возможно также, что немудреные постройки зимовья или острожка казались

служилым людям настолько обычными, что они не утруждали себя их описанием.

Тем не менее встречались и исключения. В нашем распоряжении имеется раннее описание Олекминского острога, который, конечно, не относится к северным поселениям, но интересен в качестве сравнительного материала. В устье реки Олекмы (правый приток Лены, намного ниже Якутска) в 1633 г. возник небольшой опорный пункт на пути в Якутию. В 1636 г. енисейский стрелецкий сотник П. И. Бекетов обнес его острожными стенами. До нас дошла отписка приказчика Олекминского острога первым якутским воеводам о его приеме. Им оказался березовский казачий десятник Василий Сорьев (вместе с первыми воеводами на Лену прибыл сборный отряд служилых людей, в том числе и из Березова). В июле 1641 г. Сорьев принял Олекминский острог у сына боярского Воина Богданова, «а в остроге две избы с нагороднями: на одной избе в нагородне анбар, да в остроге ж 2 анбара, 2 чюлана, да за острогом под горою 2 анбара покрыты». В остроге содержались 3 тунгусских аманата: на одном были «железа веретенные с замком», на другом цепь с замком, на третьем — деревянная колодка. Среди казенного имущества находились (очевидно, для обмена с «иноземцами») 37 блюд и 13 «тарелей» оловянных (весом в 3 пуда без четверти); 27 котлов и 11 тазов зеленой меди (весом почти в 4 пуда)[292].

Через 30 лет, в 1673 г., Олекминский острог представлял собой следующее. В этом году якутские казаки Василий Плотник и Петр Дураковых приняли Олекминский острожек у сына боярского М. И. Ярыгина. В острожке находилась «изба с нагороднями и с анбарами, а в избе жерновишко, что куплен у Нифанка Габышева для молотья аманатских кормов. Да в острожной стене 2 анбара с перерубью». За острожком стоял казенный амбар «большой». Далее в отписке новых приказных указывалось наличие двух мушкетов с замками и ложами, пороха, свинца, посуды, кос и т.д. Казаками была принята и бумажная «канцелярия»: наказные памяти из Якутска, ясачные книги, документы местного делопроизводства[293]. Обращает внимание выражение «изба с нагороднями». Возможно, над одной избой были сделаны две надстройки; таким образом, в острожке стояло строение, которое выполняло функцию караульной башни, тем более, что башни в острожных стенах не упоминаются. По крайней мере одна стена острожка была построена городнями. В данном случае пространство внутри городней использовалось под амбары, которые разделялись стенкой (перерубьем).

Зашиверское зимовье на Индигирке возникло около 1653 г., а в середине 1660-х годов приобрело острожные стены. В феврале

1667 г. на Зашиверский острожек напали ламуты (эвены), о чем сообщал приказчик сын боярский Кузьма Лошаков[294]. Ламуты «приступали ночью к острожку и учали острожные стены, и ясачное зимовье, и острожные ворота рубить топорами, а иные люди приставили лестницы к стенам через амбары. И мы, Коземка с служилыми и промышленными людьми, бой с ними поставили»; ламуты «убоялись и пометали топоры и оружье — луки и стрелы и копья и рогатины — и от острожку побегли». Видимо, изба (или избы) ясачного зимовья были встроены в острожную стену. Где были расположены амбары, можно толковать двояко: или амбары тоже составляли часть стен, или же были расположены снаружи вблизи острожка.

Осенью 1674 г. сын боярский Ю. И. Крыжановский принял Зашиверский острожек у казачьего пятидесятника П. Аксеньева: «А в острожке 2 избы ясачные, а в одной избе казенка аманацкая. А у острожных ворот замок висячий с пробой»; у казенки замок висячий с пробой, над острожными воротами великого государя амбар казенный (замок висячий с пробой). Против ясачной избы стоял «амбар летний о трех жирах». В острожке содержалось 16 аманатов[295]. Слово «жиры» разъясняется, возможно, из словаря В. И. Даля: *жиро* — часть сетчатого чехла или мешка от одной кателi (обруча) до другой; или же часть мережки, то есть сетчатой рыболовной снасти[296]. Можно предположить, что амбар представлял собой трехчастное строение.

В 1660 г. первый официальный приказчик на Анадыре Курбат Иванов, сменивший Семена Дежнева, отписывал в Якутск, что поставил он острог, «а в остроге аманатскую избу и с нагороднею и со всякими крепостьми. И зимовье построил, и в остроге государев анбар служилыми и охочими промышленными людьми», чтоб жить было бесстрашно от иноземцев, которых вблизи было весьма много[297]. В феврале 1683 г. казачий десятник Иван Солдат принял у прежнего приказчика Нижнее-Янское зимовье: «Две избы под одною кровлею, с переднюю и с позаднюю сторону, и около аманатской казенки козелчатой острог»[298]. Таким образом, само зимовье не имело острожных стен, частоколом была окружена изба, где сидели аманаты. Как говорилось, зимовья, расположенные в районах вечной мерзлоты, окружались, «козельчатым» косым острогом.

Если для районов, пригодных к земледелию, основными социальными типами колонистов являлись служилые люди и крестьяне, то для северных частей Сибири — служилые люди и промысловики, действовавшие часто в силу необходимости рука об руку. В конкретных условиях Севера первые русские сибиряки не задумывались,

какую линию колонизации они представляли — правительственную или народную. Очевидно лишь то обстоятельство, что огромные пространства сибирского Севера были освоены (в географическом отношении) большими усилиями малых партий переселенцев.

Нарым и Кетск

Город Нарым никогда не имел рубленой крепости, состоящей из срубов-городен; с самого начала его укрепления ограничивались острожными стенами в виде стоячих бревен. По более поздним сведениям, Нарымский острог имел традиционные проезжие и глухие башни. П. Н. Буцинский попытался разобраться в вопросе, где первоначально находился Нарымский острог, и сколько раз он переносился на другие места. Река Кеть впадает в Обь тремя устьями: нижним, средним и верхним, или Тогурским. Сопоставив данные источников, П. Н. Буцинский пришел к выводу, что первый Нарымский острог находился на Оби между нижним и средним устьями Кети[299]. За первое десятилетие XVII в. сведений о функционировании Нарымского острога не сохранилось. Предположительно с 1608 г. Нарымом управлял письменный голова из Тобольска М. Т. Хлопов. Известно, что еще до свержения царя Василия Шуйского (17 июля 1610 г.) в Нарым пришла грамота о построении церкви Покрова Пречистые Богородицы с приделом во имя Василия Кесарийского. Хлопов ответил, что «в остроге порожего места нет и с сажень, и вперед тут острогу быть непрочно, и место непогожее, отмывает острогу водою сажени по 4 и по 5, а от берегу подвинутца негде: пришел мох и болота». В 1611 г. из Москвы предложили перенести Нарымский острог на место, которое указали сургутский атаман Т. Федоров с казаками. Они заявили, что Нарымский и Кетский остроги надо оставить и построить один острог «на Кецком устье на Роздоре, на Оби, на левой стороне Оби и Кецкого устья». Выясняется, что рекомендуемое место находилось возле Тогурского (верхнего) устья Кети. Против этого предложения выступил кетский воевода Г. Ф. Елизаров, указав, что собирать ясак с кетских волостей, расположенных вверх по реке, будет весьма затруднительно[300].

Видимо, первый Нарымский острог находился там, где он был основан, до 1619 г. В этом году острог «згорел, и дворы и животишка все погорели ж, и Иван Хомяков-Языков поставил острог не на угожем месте, на водопоймине и не у крепости, от реки Оби было сажен с 70, и тот берег и до острогу сметало, и острожное место вешнею большою водою снимает, и стоит вода многое время, и быстредью... острог сломало и башни искосило». Воевода Хомяков-Языков

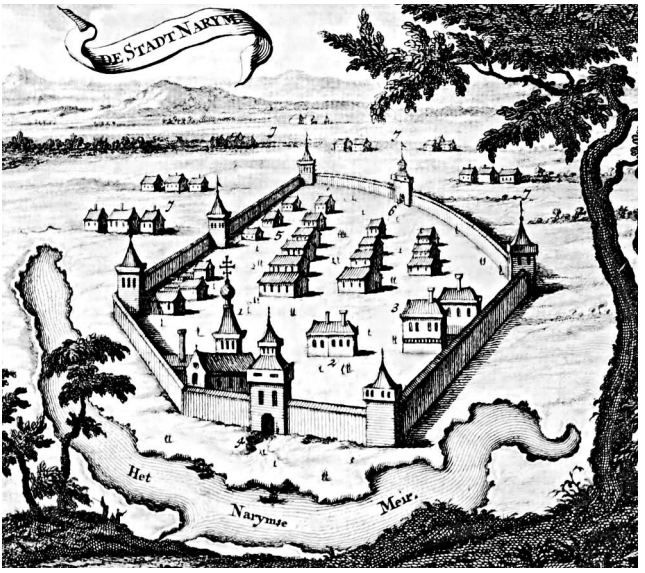
перенес в 1619 г. Нарымский острог за нижнее устье Кети; он расположился в 150 м от берега Оби. За 10 лет река подступила под самые стены острога, а в мае 1630 г. Нарымский острог затопило. Вода сломала часть стен и башни и доходила людям по грудь. Служилые люди лишились своих домов, находившихся за острогом, и несли караульную службу, передвигаясь на лодках; домашнюю скотину держали на избах. Сам воевода А. В. Усов со своими людьми перебрался жить на судно[301]. Воевода писал в Томск о необходимости переноса острога на новое место. Получив на это разрешение, Усов вместе со служилыми людьми выбрал такое место. Если второй Нарымский острог располагался на самой Оби, то сейчас он был перенесен на протоку, которая соединяла Обь с озером, один берег которого близко подходил к нижнему устью Кети. Третий по счету Нарымский острог располагался, таким образом, на северном берегу озера, в 500 м от течения нижнего устья Кети и в 1,425 км от берега Оби (именно так он изображен С. У. Ремезовым, на чертеже которого протока носит название «Нарымской», а само озеро — «Нарым»). К июню 1632 г. переезд в основном состоялся, хотя часть служилых людей еще не имели своих домов в новом остроге[302].

П. Н. Буцинский процитировал любопытный документ — «Роспись с чертежа, где быть Нарымскому острогу», которую ученый датировал временем после 1630 г. П. Н. Буцинский считал, что речь в росписи идет о втором Нарымском остроге (построенном при Хомякове-Языкове), который собирались перенести на новое место. Внимательный анализ документа убеждает, что перед нами проект перенесения Нарымского острога уже в третий раз: «Нижнее кетское устье впало в реку Обь повыше Нарымского острога версты на две, где стоит ныне Нарымский, а от того новаго острога будет то кетское нижнее устье верст с 30... Нынешний Нарымский острог стоит ниже кетского устья версты на две на протоке, от реки 660 сажень, а тою протокою ходят из Оби большие суда под острог в сухую воду до госпожина дня (15 августа по ст. стилю — *Е. В.*)[303]. Очевидно, что «нынешний острог» в данном документе — это Нарым, построенный в 1631–1632 гг. Когда и по чьей инициативе возник план перенесения Нарыма на 30 верст от нижнего кетского устья, неизвестно, но этот проект не осуществился.

В сентябре 1638 г. в Нарыме произошел пожар: загорелся двор казачьего головы Ю. Данилова, вследствие чего сгорели две острожные стены и 19 дворов казаков. К 1642 г. острожные укрепления были восстановлены. В этом году из Енисейского острога возвращался тобольский сын боярский Назар Чирков, сопровождавший годом ранее хлебные запасы. В Нарыме с ним случилась весьма неприятная история: он пошел засвидетельствовать свое почтение воеводе

И. Л. Скобельцыну, но был избит и ограблен по приказу последнего. Вечером Чирков снова явился в острог, чтобы присутствовать в церкви у вечерни. Воевода приказал запереть острожные ворота, а после службы Чирков снова был избит. Спасенный казаками, сын боярский был унесен на свое судно. Мстительный Скобельцын открыл огонь по судну Чиркова с острожных башен из пушек и пищалей[304]. Значит, действительно, дощаники могли подходить протокой почти к острожной стене. Д. Я. Резун и Р. С. Васильевский утверждают, что в 1644 г. Нарым был отстроен «городом», но источника этих сведений мне найти не удалось[305]. Н. Спафарий, посетивший Нарым в 1675 г., писал: «А стоит город на высоком месте, и острог построен деревянный, в котором сидит воевода»[306].

На рисунке С. У. Ремезова из «Чертежной книги Сибири» 1701 г. Нарымский острог изображен в виде стоячего тына с семью башнями, две из которых являлись проезжими. На рисунке середины XVIII в. острог показан с теми же постройками, но имеет прямоугольную форму[307]. Г. Ф. Миллер, посетивший Нарым в 1740 г., так его описал: «В середине город защищен крепостью из палисада в виде четырехугольника со сторонами от 50 до 60 саженей, а на 4 углах этой крепости имеются боевые башни, помимо еще двух башен над воротами... Внутри крепости имеется прежде всего церковь Спаса Всемилостиваго и Покрова Пресвятыя Богородицы. Но поскольку она очень старая и прогнила, то сейчас вместо нее строится новая церковь из двух этажей». Таким образом, площадь Нарымского острога составляла около 3900 кв. м. За острогом Миллер насчитал не более 72 дворов постоянных жителей Нарыма[308].



Нарым. Рисунок из книги Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария». Конец XVII в.

Имеются сведения о том, из каких построек состоял воеводский двор (1642 г.), расположенный в остроге: «а хором на нем горница с комнатою болшая на жилых подклетах да

повалуша с тремя жиры, межу повалуши и горницы сени болшие да задние сени, да мылня, да поварня болшая, да погреб, да ледник на погреби, да изба поваренная болшая, да конюшня с сараями... Да он же, Иван (воевода Скобельцын — *Е.В.*) в Нарымском остроге для брата своево на воеводцком дворе не по государеву указу в прибавку поставил светлицу ис красново леса»[309].

Основание Кетского острога в 1602 г (на левом берегу реки Кеть, в 200 верстах от Нарымского острога) было логичным продолжением продвижения русской колонизации в бассейн Енисея. Г. Ф. Миллер и П. Н. Буцинский считали, что первоначальный Кетский острог стоял в 400 с лишним верстах от нижнего устья Кети и что между 1606 и 1610 гг. (Буцинский) или в 1612–1613 гг. (Миллер) он был перенесен на 200 верст вниз по течению[310]. Решающим для меня аргументом в споре о том, где с самого основания находился Кетский острог, являются слова кетского воеводы Г. Ф. Елизарова (1611 г.). Он указал, во-первых, что выше Кетского острога, которым он управлял, какой-либо острог «и в прежние лета поставить было не уметь» ввиду трудности доставки разного рода припасов по мелководной Кети. Во-вторых, он назвал расстояние от устья Кети до острога: «вверх грести обласом ден 7»[311]. При вполне допустимой скорости обласа (лодка-однодеревка) в 25–30 км в день мы и получим расстояние в 200 км. Кетский острог, по моему мнению, действительно переносился в течение XVII в., но недалеко от месторасположения первого острога.

В 1612 г. (не ранее конца весны) воевода Елизаров отписывал руководителям Второго ополчения, что в предыдущем году «в Кецком остроге вешнею водою по самый острог берег отмыло» и что он со служилыми людьми и зырянами (явно промышленные люди) перенес «хоромы» (видимо, воеводский двор) на другое место. В этом году, докладывал Елизаров, вода продолжала наступать и дошла до самых ворот острога. Воевода предлагал перенести острог «тут же блиско вверх по Кете к озеру»[312]. Ввиду сложившейся катастрофической ситуации есть все основания предполагать, что этот перенос острога состоялся. В июле 1627 г. при воеводе И. П. Кологривове Кетский острог «сгорел весь без остатка». Очередной воевода Д. И. Полтев привлек служилых и проезжих людей к постройке (на том же месте) нового острога: высота острожных стен достигала 6 м. Острог представлял собой прямоугольник длиной в 32 м и шириной 19, 5 м. В своей отписке Полтев ничего не говорит ни о церкви, которая обычно находилась внутри крепости, ни о башнях. Он доложил только, что в новом остроге поставлены амбары для хранения пороха, хлеба и денег; на двух углах острога вместо башен были поставлены избы[313].

Когда в Кетском остроге была построена единственная Троицкая церковь, неизвестно; она находилась за пределами острога. В 1641 г. она была отстроена вновь и названа тоже во имя Троицы[314]. В 1659 г. воевода С. А. Лутовинов отписывал в Москву, что в июне этого года «Кецкой острог и воевоцкие хоромы все водою сметало и разнесло». Вода подступила к Троицкой церкви; сам воевода был вынужден жить на казачьем дворе. Лутовинов сетовал, что в остроге имеется только 20 казаков, из которых большая часть находится в разного рода посылках, и присоединил к своей отписке челобитную служилых людей с просьбой привлечь к перенесению острога и церкви на новое место «всяких проезжих людей». В Сибирском приказе приняли иное решение: послать в Кетск 20 плотников из Томска, а «проезжих людей к делу не имать». В 1661 г. плотники из Томска действительно прибыли и вместе с казаками Кетска острог, башни и воеводские «хоромы» перенесли на другое место; Троицкая церковь осталась, однако, на прежнем месте. Кетские казаки и ружники просили разрешения не переносить старую церковь, а построить новую — во имя Шествия Святого духа с пределами Николая чудотворца и Алексея человека божия[315]. В 1675 г. Н. Спафарий, проезжая Кетск, отметил наличие Троицкой церкви с приделом Николая чудотворца[316]. Видимо, церковь была все-таки перенесена подальше от воды, но оставила прежнее название.

На рисунке С. У. Ремезова Кетский острог изображен весьма схематично, в виде прямоугольника из частокола и без башен. На рисунке середины XVIII в. острог имеет пять стен и две башни: проезжую и глухую. Рядом с проезжей башней изображена Троицкая церковь[317]. Последний рисунок соответствует краткому описанию Кетска Г. Ф. Миллером (1740 г.)[318].

* * *

Прошло 100 лет со времени похода московских войск в 1483 г. за Урал до основания воеводой И. А. Мансуровым в 1585 г. первого городка на Оби. Это столетие можно обозначить как разведочно-ознакомительный этап русского продвижения в Сибирь. Этап, в который уложились и самовольные полуморские походы поморов на Обь северным широтным путем, и дипломатические переговоры Москвы с правителями Сибирского юрта, и военный разгром Сибирского ханства отрядом Ермака. С постройкой государевыми воеводами первых городов за Уралом и правительственным переводом крестьян для постоянного проживания началась подлинная колонизация Сибири. Хочется подчеркнуть, что без присоединения к России в середине XVI в. Среднего Поволжья тема «Россия и Сибирь»

имела бы к настоящему времени совершенно иные контуры и содержание.

Походы торговцев и звероловов XVI в. в Северо-Западную Сибирь никак не были связаны ни с государственной политикой, ни с передовыми географическими представлениями того времени. Подобно тому, как бретонские моряки XV в. могли бы многое рассказать об особенностях ловли сельди вблизи Ньюфаундленда, не подозревая, что они открывают неизвестный в Европе континент, так и русские поморы добывали соболей в землях «Мунгазеи», не принадлежавших ни московскому царю, ни сибирскому хану. Промысловые экспедиции Мангазейским морским ходом в Сибирь задач колонизации перед собой не ставили. А вот с военной активностью «вольных» казаков на южных и восточных границах государства московское правительство не могло не считаться, стараясь использовать складывающееся казачество в своих интересах. Стремительный и успешный рейд Ермака получил поддержку государства, которое, используя свои ресурсы, инициировало и организовало колонизационный процесс.

Возникшие в конце XVI в. в Северо-Западной Сибири первые русские города явились зримым проявлением движения русской колонизации, каков бы не был социальный состав ее носителей. Для русского колониста город означал безопасное место, возможности поставить судно у пристани, посетить церковь, проводить торговые операции, получить информацию с «Руси» или о новых «землицах» на востоке, сходить в баню, может, подыскать невесту. Для аборигенного населения русский город представлял новый порядок властвования, место, от которого исходит военная угроза, но и защита при межэтнических и родовых кофликтах. Колонизации без создания ее опорных пунктов на новых территориях не бывает. История русских городов севера Западной Сибири в эпоху первоначальной колонизации показывает, что, сколь бы не были слабы городские укрепления и малочисленен состав гарнизонов, именно постоянного существования городов с их военно-административными функциями оказалось достаточным для включения данной территории в состав Русского государства.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Кирпичников А. Р.* Ладога VIII–X вв. и ее международные связи // Славяно-русские древности. Вып. 2. СПб., 1995. С. 37–41; *Кузьмин С.*, *Волковицкий А.* Петергоф для Рюрика // Родина. 2003. № 8. С. 26–29; *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 203–217. Значение

Старой Ладоги в контексте масштабных передвижений норманнов-викингов на восточнославянских и финно-угорских пространствах в VIII–X вв. рассмотрено в: *Головнёв А. В.* Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург, 2009. С. 284–295.

[2] *Рыдзевская Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. (материалы и исследования). М., 1978. С. 185.

[3] *Рыдзевская Е. А.* Указ. соч. С. 67; *Джаксон Т. Н.* Четыре норвежских конунга на Руси. М., 2000. С. 63–69.

[4] *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства // *Насонов А. Н.* «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. Монголы и Русь. СПб., 2002. С. 68.

[5] Г. С. Лебедев пишет: «Славяно-скандинавский синтез в Новгороде, еще в большей степени, чем в Ладожье и Приладожье проходил при постоянном преобладании местного, славянского компонента» (*Лебедев Г. С.* Указ. соч. С. 221–222). Здесь уместно обратить внимание на одну из древнейших новгородских берестяных грамот, относящуюся к 80-м годам XI в. Это перечень должников какого-то новгородского ростовщика, в котором содержатся имена 12 человек; 11 из них имели славянские имена и проживали вне города, а один носил скандинавское имя (Асгут) и жил, видимо, в Новгороде (*Арциховский А. В., Янин В. Л.* Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1962–1976 гг. М., 1978. № 526. С. 124–127).

[6] *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. I. История России с древнейших времен. Тт. 1–2. М., 1988. С. 206.

[7] *Головнёв А. В.* Бьярмия: неоконченная сага о крайней земле // Уральский исторический вестник. № 8. 2002. С. 5–35.

[8] Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л. 1949. С. 9.

[9] История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 144.

[10] *Насонов А. Н.* Указ. соч. С. 73.

[11] Повесть временных лет. М.; Л., 1951. С. 367–368.

[12] РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 11 об.—13.

[13] СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 142–142 об.

[14] *Головнёв А. В.* Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004. С. 23.

[15] См., например: История Урала с древнейших времен... С. 139–147; *Шашков А. Т.* К богатствам «стран полунощных» // Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 77–79.

[16] *Шашков А. Т.* К богатствам «стран полунощных». С. 79–80.

[17] ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982. С. 91.

[18] См. современное научное издание Жития Стефана Пермского, осуществленное Г. М. Прохоровым: Святитель Стефан Пермский. СПб., 1995.

[19] Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись (далее — ВВЛ) // Родники Пармы. Сыктывкар, 1989. С. 23–32; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1964. Т. III. С. 307–315.

[20] Более подробно нерусское происхождение князей Вымских и Великопермских, их оригинальный статус как наследственных наместников

и отношения с органами местного общинного самоуправления рассмотрены в статье: *Вершинин Е. В.* И еще раз о князьях Вымских и Великопермских // Проблемы истории России. Вып. 3. Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С. 285–305.

21 Иоасафовская летопись. М., 1957. С. 79–80; ВВЛ. С. 26–27.

22 Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. М.; Л., 1959. С. 276; *Каргалов В. В.* Полководцы X–XVI вв. М., 1989. С. 172–190.

23 Полный текст договора приведен в: *Бахрушин С. В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // *Бахрушин С. В.* Научные труды. М., 1955. Т. III. Ч. 2. С. 152. Он совпадает с кратким сообщением летописи: Вологодско-Пермская летопись. С. 277.

24 Недавно мнение о том, что Пустозерск возник во время похода названных воевод, было оспорено. Авторы монографии считают, что город был основан не ранее 1502 г. См.: Березово. С. 49.

25 О цели похода недвусмысленно сказано в Вологодско-Пермской летописи: воеводы шли в «Ноугородскую землю, в Коду и на вогуличи» (Вологодско-Пермская летопись. С. 291).

26 Выписка из разрядной книги о походе 1499–1500 г. опубликована в: История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до конца XX века. Хрестоматия. Екатеринбург, 1999. С. 40.

27 ВВЛ. С. 28; Если род князей Вымских, судя по всему, угас, то наследники князей Великопермских превратились в обычных российских дворян. Так, за 1587–1589 гг. в документах промелькнул тульский помещик кн. С. И. Великопермский. В 1641–1645 гг. в Верхотурье находился в ссылке кн. Матвей Великопермский (См.: *Вершинин Е.* Пермь Великая: как Москва пришла на Урал // Родина. 2001. № 11. С. 37–40).

28 ВВЛ. С. 28.

29 Грамота опубликована в изданиях: *Дмитриев А. А.* Пермская старина. Пермь, 1889. Вып. 1. С. 187–195; *Семенов О. В.* Великопермская уставная наместничья грамота 1553 г. // Проблемы истории России. Вып. 7: Источник и его интерпретации. Екатеринбург, 2008. С. 304–311.

30 *Дмитриев А. А.* Пермская старина. Вып. 1. С 76–82. Данные писцовой книги Яхонтова, опубликованной А. А. Дмитриевым, почему-то расходятся с цифрами Г. Н. Чагина, тоже использовавшего этот источник. См.: *Чагин Г. Н.* Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI — первой половине XIX века. Пермь, 1995. С. 27–28, 34.

31 В. А. Оборин считал, что в конце XV в. численность предков коми-пермяков составляла около 4500 человек (*Оборин В. А.* Заселение и освоение Урала в конце XI — в начале XVII в. Иркутск, 1990. С. 46.). Для начала XVIII в. Г. Н. Чагин насчитывает 3026 коми-пермяков (обоего пола), проживавших в Чердынском уезде, и 4763 человека — в вотчинах Строгановых (*Чагин Г. Н.* Этнокультурная история Среднего Урала... С. 31, 39–40).

32 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М., 1999. Т. I. Приложения. С. 325–327 (№ 2).

33 *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986. С. 270.

[34] *Чагин Г. Н.* Этнокультурная история Среднего Урала... С. 37.

[35] ВВЛ. С. 29.

[36] *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. Документы. С. 463–467. Я считаю, что «крещеные пермяки» — это коми-зыряне, а не коми-пермяки.

[37] ВВЛ. С. 29; *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 481.

[38] *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. С. 479–480.

[39] *Хомич Л. В.* Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976. С. 96–97.

[40] РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 2338. Л. 2–8.

[41] *Штаден Г.* О Москве Ивана Грозного. Л., 1925. С. 117–118.

[42] *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 157, 161.

[43] *Анучин Д. Н.* Из истории ознакомления с Сибирью до Ермака // *Бычков А. А.* «Исконно русская» земля Сибирь. М., 2006. С. 6–117; *Плигузов А. И.* Текст–кентавр о сибирских самоедах. М.–Ньютонвиль, 1993.

[44] *Бахрушин С. В.* Научные труды. М., 1955. Т. III. Ч. 1. С. 152.

[45] В это же время англичане предприняли штурм другой части Арктики, пытаясь отыскать морской путь (Северо-Западный проход) в Тихий океан вокруг Северной Америки.

[46] Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. М., 1936. С. 109.

[47] Там же С. 129–133.

[48] *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. С. 108–109.

[49] *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Т. 1. Иркутск, 1932. С. 186–188.

[50] Об этих и других попытках европейских мореплавателей пройти Северо-Восточным проходом см.: *Визе В. Ю.* Моря советской Арктики. М.; Л., 1948. С. 17–35.

[51] Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сб. док. Составители, авторы предисловия и комментариев Е. В. Вершинин, Г. П. Визгалов. Екатеринбург, 2004. С. 76, 79.

[52] *Старков В. Ф.* Очерки истории освоения Арктики. Т. II. Россия и Северо-Восточный проход. М., 2001. С. 40–45.

[53] Обдорский край и Мангазея в XVII веке. С. 94.

[54] *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. С. 135–149; *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. М., 2001. С. 338–347.

[55] Цит. по: *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. С. 165.

[56] Я присоединяюсь к мнению тех историков, которые считают, что упомянутый в письме коменданта Могилева Стравинского (королю Стефану Баторию) «атаман казацкий» Ермак Тимофеевич и «покоритель Сибири» — одно и то же лицо. Очевидно, что атаман Ермак к началу 1580-х годов обладал как большим военным опытом, так и значительным авторитетом среди волжского казачества. Вспомним слова его соратников по сибирскому походу, Гаврилы Ильина и Гаврилы Иванова, о том, что они до этого 20 лет казаковали «в поле» с Ермаком (*Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. С. 177–178).

57 *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. С. 140–142.

58 *Трепавлов В. В.* История Ногайской Орды. С. 341.

59 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. Приложения (№ 6). С. 335.

60 *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. С. 157.

61 ПСРЛ. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. М., 1987. С. 130.

62 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. Приложения. С. 335–336 (№ 7).

63 ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 130.

64 ПЛДР. XVII век. Кн. вторая. М., 1989. С. 576–577.

65 *Шашков А. Т.* Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4. Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 27–33.

66 *Миненко Н.* Хождение за «Камень» // Родина. 2000. № 5. С. 64–71.

67 ВВЛ. С. 29.

68 *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. С. 207–263; *Шашков А. Т.* Начало присоединения Сибири. С. 33–38.

69 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. Приложения. С. 336–337 (№ 8).

70 В вопросе о дальнейшей судьбе М. Мещеряка Р. Г. Скрынников и А. Т. Шашков расходятся. Первый, следуя строгановской летописной традиции, считает, что М. Мещеряк и голова И. Глухов с остатками ермаковцев в 1585 г. ушли из Сибири через перевалы Северного Урала. Казаки достигли Москвы, после чего были снова посланы в Сибирь в составе отряда воевод В. И. Сукина и И. Н. Мясного. Погиб Мещеряк якобы у стен только что основанного Тобольска в бою с татарами Сеид-хана в 1587 г. (*Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. С. 262–266). Мне представляется верной версия, отстаиваемая А. Т. Шашковым и опирающаяся на иные источники. Согласно ей, Мещеряк со своими казаками благополучно к лету 1585 г. достиг Волги, где снова принял участие в набеге на ногайцев. В следующем году он вместе с атаманом Богданом Борбошей построил при впадении реки Илек в Яик казацкий городок. Согласившись на предложение царского воеводы кн. Г. О. Засекина перейти на официальную службу, он явился в октябре 1586 г. в только что основанную Самару, где был схвачен и казнен в присутствии ногайских послов (*Шашков А. Т.* Начало присоединения Сибири. С. 50; История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. Екатеринбург, 2000. С. 131–132).

71 Иван Алексеевич Мансуров упоминается в Боярском списке 1577 г. как выборный дворянин по Мещевску (*Станиславский А. Л.* Труды по истории Государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 198).

72 ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 135.

73 РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 24–26.

74 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. Приложения. С. 337–338 (№ 9).

75 *Станиславский А. Л.* Труды по истории Государева двора в России... С. 329; *Шашков А. Т.* К истории возникновения в конце XVI в. первых русских городов и острогов на восточных склонах Урала // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1997. С. 176–178.

76 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. Приложения. С. 364–365 (№ 23).

77 *Шашков А. Т.* К истории основания Березова и Пелыма // Культурное наследие российской провинции: История и современность. К 400-ле-

тию г. Верхотурья. Екатеринбург, 1998. С. 250–253; Он же. Взятие Сибири // Очерки истории Югры. С. 123–127.

78 *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. С. 242.

79 *Дмитриев А. А.* Пермская старина. Пермь, 1890. Вып. 2. С. 239.

80 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. Приложения. С. 338 (№ 10).

81 Там же. С. 339–346 (№ 11).

82 Первое столетие сибирских городов... XVII век. Новосибирск, 1996. С. 74.

83 *Шашков А. Т.* Взятие Сибири... С. 124.

84 Книга Большому Чертежу. М.— Л., 1950. С. 187–188.

85 *Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975. С. 34.

86 РИБ СПб., 1875. Т. 2. Стб. 1068.

87 *Миненко Н.* Хождение за «Камень». С. 71.

88 *Миллер Г. Ф.* Т. 1. Приложения. С. 339, 343 (№ 11).

89 В этой связи весьма интересны первые впечатления княгини Н. Б. Долгорукой (столичной дамы, не имевшей понятия о географии Сибири и сосланной вместе с мужем в 1730 г. в Березов): «С таким трудом довезли нас в маленькой городок, которой сидит на острову; кругом вода... леса непроходимые да болоты» (Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов». 1720-е — 1760-е годы. Л., 1991. С. 278).

90 Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск, 1994. С. 183.

91 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. Приложения. С. 346 (№ 12).

92 *Там же*. С. 339–342 (№ 11).

93 *Шашков А. Т.* Взятие Сибири. С. 136.

94 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. С. 272.

95 Голова Иван Змеев находился вместе с Траханиотовым при построении Березова. Возможно, что это Иван Матвеевич Змеев, отмеченный в Боярском списке 1577 г. «головой у стрельцов» (*Станиславский А. Л.* Труды по истории Государева двора в России... С. 198).

96 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. Приложения. С. 377–378 (№ 34).

97 РГАДА. Ф. 214. Стб. 203. Л. 46.

98 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. Приложения. С. 354 (№ 16).

99 Кондинский край XVI — начала XX в. в документах, описаниях, записках путешественников, воспоминаниях / авт.— сост. В. И. Байдин и др. Екатеринбург, 2006. С. 58–59.

100 Об обстоятельствах основания Обдорского городка см.: *Шашков А. Т.* К истории основания Обдорского острога // Проблемы истории местного управления Сибири XVI–XX веков. Новосибирск, 1998. С. 10–16; *Вершинин Е. В.* Обдорский городок в XVII — первой половине XVIII века // Ямал между прошлым и будущим: приоритеты развития. Екатеринбург-Салехард, 2005. С. 67–77.

101 *Васильевский Р. С., Резун Д. Я.* Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989. С. 220–221.

102 *Омельчук А. К.* Салехард. Свердловск, 1978. С. 8.

103 РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 28–31.

104 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. Приложения. С. 386–387 (№ 44); *Шашков А. Т.* Взятие Сибири... С. 128–129.

105 РГАДА. Ф. 214. Стб. 203. Л. 46.

106 Об основании Сургута см.: *Буцинский П. Н.* Сочинения в двух томах: Т. 2. Мангазея. Сургут, Нарым и Кетск. Тюмень, 1999. С. 80–82; Древний город на Оби: история Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 87–100.

107 РГАДА. Ф. 214. Стб. 203. Л. 46.

108 РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 31–32.

109 Представляется убедительной предложенная С. Г. Пархимовичем этимология названия военно-политического объединения нарымских селькупов — Пегая орда. В русский язык это словосочетание могло попасть из языка хантов Средней Оби, с которыми русские столкнулись раньше, чем с селькупами. В хантыйском языке еще в середине XIX в. слова «пег» и «пегаи» означали соответственно «чужой» и «левый». Слово «орда» могло быть искаженным хантыйским «урдем» — «делить». Таким образом, ханты обозначали территорию свих восточных соседей как «чужая сторона», «другой народ» (*Буцинский П. Н.* Мангазея. Сургут, Нарым и Кетск. С. 315–316). Аналогичным образом, видимо, в русском языке было адаптировано название поселений у нижнеобских хантов (слово kurt преобразовалось в юрты, которым стали обозначать аборигенные поселения на широком пространстве Северо-Западной Сибири).

110 *Шашков А. Т.* От княжества к ясачной волости // Очерки истории Югры. С. 146.

111 РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 7 об.—23 об.

112 *Буцинский П. Н.* Мангазея. Сургут, Нарым и Кетск. С. 88–89.

113 РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 41–44.

114 РГАДА. Ф. 214. Стб. 203. Л. 46–47.

115 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. Приложения. С. 400–401 (№ 50).

116 Датировка похода на Пегую орду обоснована мной ранее в работах: *Вершинин Е. В.* Об обстоятельствах покорения селькупской Пегой орды // Северный археологический конгресс: Тез. докл. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002. С. 312–314; *Вершинин Е. В., Шашков А. Т.* Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI — первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 16–18.

117 Там же. С. 19.

118 РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 21–22.

119 Мнения об основании Нарымского острога ранее 1597 г. я не рассматриваю, так как очевидно, что этот факт не мог предшествовать войне с Пегой ордой.

120 РГАДА. Ф. 214. Стб. 762. Л. 24. Согласно «Книге Большому Чертежу», на территории Пегой орды в конце XVI в. находились два автохтонных городка — «Нижней Нарым» и «Вышней Нарым». Городок «Нарым, по нашему Пегая орда» и являлся Нижним Нарымом, по которому был нанесен удар в 1597 г. (Книга Большому Чертежу. С. 169.).

[121] ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 140.

[122] РГАДА. Ф. 214. Стб. 8. Л. 134.

[123] Там же. Кн. 1. Л. 111. Если с «Нерымским» острогом все ясно, то насчет Куняцкого есть предположение, что это был недолго существовавший острог в верховьях реки Пур (*Вершинин Е. В., Шашков А. Т.* Участие служилых остяков Кодского княжества... С. 20–21).

[124] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. Приложения. С. 404–405 (№ 57).

[125] РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 111.

[126] Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 190.

[127] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. Приложения. С. 430 (№ 80).

[128] РГАДА. Ф. 214. Стб. 8. Л. 134–136.

[129] Там же. Стб. 203. Л. 47.

[130] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. Приложения. С. 449 (№ 102).

[131] РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 130 об.— 131.

[132] СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 135–136.

[133] РГАДА. Ф. 214. Кн. 11. Л. 486 об.

[134] *Вербов Г. Д.* О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племен до XVII в. // Известия Всесоюзного географического общества. Т. LXXV. Вып. 5. М.; Л. 1943. С. 16–23.

[135] О значении коми-зырянского потока в общем русле колонизации Северо-Западной Сибири см.: *Головнёв А. В.* Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск, 1993. С. 137–142.

[136] РГАДА. Ф.214. Кн. 1. Л. 113–115.

[137] СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 135–136.

[138] Там же. Д. 2. Л. 15, 17.

[139] ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 140.

[140] АИ. СПб., 1841. Т. 2. С. 27–28.

[141] Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов в XVII веке. Сб. док. М., 1951. С. 51–52; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. Приложения. С. 386 (№ 43).

[142] Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. С. 259.

[143] Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов... С. 52.

[144] *Вершинин Е. В.* Русская власть и сибирские самоеды в XVI–XVII вв. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 2. Вып. 2: История / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2003. С. 8. О кунных (казымских) самоедах см.: *Перевалова Е. В.* Беглецы: к истории родов лесных ненцев // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 декабря 2001 г., Тобольск). Тобольск–Омск, 2001. С. 143–147.

[145] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М., 2000. Т. II. Приложения. С. 238 (№ 70).

[146] РГАДА. Ф. 214. Стб. 762. Л. 24.

[147] СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 130 об.

[148] *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Мангазейский морской ход. М., 1980. С. 33–35.

149 *Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.* Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург — Нефтеюганск, 2008. С. 22–23, 30.

В статье энциклопедического характера (автор О. П. Еланцева) содержатся такие сведения: «В 1597 г. Афанасий Кузьмин с сыном совершил морское плавание от Двины в Тазовскую губу и Тазовский городок, но на обратном пути его побило море» (Ямал: энциклопедия Ямала в 3-х томах. Т. 2. Салехард; Тюмень, 2004. С. 135). Данный факт взят из книги М. И. Белова (Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. М., 1956. С. 110), который извлек его из актов Антониева-Сийского монастыря. Но М. И. Белов (а значит, и источник) ничего не говорит о существовании Тазовского городка.

150 Имеющиеся в научной литературе описания укреплений и построек Березова в XVII в. представляются мне не совсем удовлетворительными или по причине их краткости, или из-за содержащихся в них ошибочных суждений. См.: *Кочедамов В. И.* Первые русские города Сибири. М., 1978. С. 105–107; Березово. С. 66–73; Градостроительство Сибири. СПб., 2011. С. 126–127.

151 Роспись Хмелевского, по которой делается описание города и острога, опубликована в: Первое столетие сибирских городов... С. 75–76.

152 Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. М., 2003. Т. 1. Лист 8.

153 Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. Екатеринбург, 2006. С. 91–92.

154 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. Приложения. С. 379 (№ 36).

155 Тобольский архиерейский дом в XVII веке. С. 183.

156 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 230 (№ 61).

157 Там же. С. 255 (№ 93).

158 Там же. С. 684.

159 Первое столетие сибирских городов... С. 75.

160 РГАДА. Ф. 214. Стб. 25. Л. 30–32.

161 Березово. Очерки истории с древности до наших дней. Екатеринбург, 2008. С. 67.

162 *Буцинский П. Н.* Соч. в двух томах: Т. 1. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Тюмень, 1999. С. 170–171.

163 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 181 (№ 9).

164 СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4 Д. 16. Л. 133.

165 Березово... С. 90.

166 СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4 Д. 16. Л. 158 об.

167 *Шашков А. Т.* Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири и их библиотеки // Русское старожильческое население Югры в конце XVI — середине XIX вв.: Исследовательские материалы и документы. М. 2007. С. 95.

168 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 230 (№ 61).

169 *Шашков А. Т.* Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири... С. 96.

170 Березово... С. 84.

[171] Тобольский архиерейский дом в XVII веке. С. 177.
[172] СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4 Д. 16. Л. 231 об.— 232 об.
[173] *Абрамов Н. А.* Город Тюмень: Из истории Тобольской епархии. Тюмень, 1998. С. 501.
[174] РГАДА. Ф. 214. Стб. 60. Л. 331.
[175] Там же. Л. 330–336.
[176] Первое столетие сибирских городов... С. 72.
[177] РГАДА. Ф. 214. Стб. 94. Л. 551–552.
[178] СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4 Д. 16. Л. 166.
[179] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 572 (№ 414).
[180] РГАДА. Ф. 214. Стб. 289. Л. 29–32.
[181] Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. С. 233.
[182] РГАДА. Ф. 214. Стб. 289. Л. 33–35; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 611–612 (№ 456).
[183] Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII — начала XVIII в. / Автор вступительной статьи и комментариев, составитель М. О. Акишин. Новосибирск, 2000. С. 234–235.
[184] Березово... С. 72–73.
[185] Первое столетие сибирских городов... С. 158.
[186] Березово... С. 33, 115.
[187] Там же. С. 116.
[188] Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. С. 234.
[189] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. Приложения. С. 340 (№ 11).
[190] Там же. Приложения. С. 364 (№ 22).
[191] РИБ. Т. 2. Стб. 137–140.
[192] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. Приложения. С. 369 (№ 27).
[193] Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г., 19 мая — 17 июля 1610 г.). Собрал и редактировал А. М. Гневушев. М., 1914. С. 69–70.
[194] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 263 (№ 103), 266 (№ 109).
[195] Там же. С. 289–290 (№ 139).
[196] Там же. С. 311 (№ 167), 356 (№ 207).
[197] Там же. С. 330–331 (№ 181).
[198] *Буцинский П. Н.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников. С. 165; *Никитин Н. И.* Служилые люди Западной Сибири XVII века. Новосибирск, 1988. С. 29.
[199] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 331–333 (№ 183, 184).
[200] *Васильевский Р. С., Резун Д. Я.* Летопись сибирских городов. С. 226.
[201] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 353 (№ 202).
[202] РГАДА. Ф. 214. Стб. 1673. Л. 1–9; Изображение Пелыма С. У. Ремезовым см.: *Кочедамов В. И.* Первые русские города Сибири. С. 58.
[203] Я предполагаю, что уже в это время в Сибири использовалась трехаршинная казенная (печатная) сажень в 216 см. Так, например, в грамоте 1624 г. о постройке верхотурских укреплений речь шла именно о печатной сажени. См.: РИБ. Т. 2. Стб. 427–428.

204 Обламы — бревна второго яруса башни, выступавшие над бревнами первого яруса; реж — ряд верхних бревен, на который опиралось шатровое покрытие башни. В башне имелось 3 поперечных настила («моста»): в основании башни и 2 перекрытия облама.

205 *Васильевский Р. С., Резун Д. Я.* Летопись сибирских городов. С. 226.

206 Первое столетие сибирских городов... С. 155.

207 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. Приложения. С. 342 (№ 11).

208 *Шашков А. Т.* Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири... С. 97.

209 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. С. 79.

210 *Шашков А. Т.* Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири... С. 97.

211 РГАДА. Ф. 214. Стб. 123. Л. 475.

212 Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. Новосибирск, 2001. С. 203.

213 Древний город на Оби: история Сургута. С. 95–96.

214 *Шашков А. Т.* Взятие Сибири. С. 127.

215 Первое столетие сибирских городов... С. 156.

216 *Вершинин Е. В., Шашков А. Т.* Документы XVII века по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. С. 230.

217 РГАДА. Ф. 214. Стб. 25. Л. 28.

218 Там же. Стб. 503. Ч. 1. Л. 171.

219 *Вершинин Е. В., Шашков А. Т.* Документы XVII века по истории Сургутского уезда. С. 229.

220 Там же. С. 229–230.

221 *Манькова И. Л.* К истории первых церквей Сургута // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. С. 111–112; *Вершинин Е. В., Шашков А. Т.* Документы XVII века по истории Сургутского уезда. С. 230; *Шашков А. Т.* Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири... С. 97.

222 Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. С. 49.

223 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. С. 26.

224 *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Т. 1. С. 187.

225 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 201 (№ 28).

226 Там же. С. 234–235 (№ 69).

227 Первое столетие сибирских городов... С. 51.

228 Обдорский край и Мангазея в XVII веке. С. 55.

229 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М., 2005. Т. III. С. 89.

230 Там же. Приложения. С. 191 (№ 27).

231 РГАДА. Ф. 214. Стб. 134. Л. 175–182.

232 СПбФ АРАН. Оп. 4. Ф. 21. Д. 21. Л. 203–206.

233 Обдорский край и Мангазея в XVII веке. С. 69–71.

234 Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. С. 258.

235 РГАДА. Ф. 248. Д. 669. Л. 14 об.

236 *Герасимов В. Н.* Обдорск. Тюмень, 1909. С. 22.

[237] ТФ ГАТюмО. Ф. 156. Оп. 1. Д. 234. Л. 1–3 об.; Письменные источники конца XVI — середины XIX вв. // Русское старожильческое население Югры в конце XVI — середине XIX вв. С. 508–509, 511.

[238] *Зольникова Н. Д.* Ведомость 1781 г. о составе приходов Тобольской губернии // Христианство и церковь в России феодального периода. Новосибирск, 1989. С. 310.

[239] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 204 (№ 31).

[240] *Эскин Ю. М.* Документы о Мангазее в Смутное время // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 50.

[241] Там же. С. 54.

[242] *Кочедамов В. И.* Первые русские города Сибири. С. 111, 113.

[243] Обдорский край и Мангазея в XVII веке. С. 136–139.

[244] *Эскин Ю. М.* Документы о Мангазее в Смутное время. С. 51.

[245] *Бахрушин С. В.* Андрей Федорович Палицын // *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. III. Ч. 1. С. 196.

[246] РГАДА. Ф. 214. Стб. 88. Л. 380–389; *Вершинин Е. В.* О соотнесении данных письменных источников и археологии при раскопках Мангазеи // Русские. Материалы VII-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2004 г., Тобольск). Тобольск, 2004. С. 14–18.

[247] Обдорский край и Мангазея в XVII веке. С. 147.

[248] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 207 (№ 31).

[249] Обдорский край и Мангазея в XVII веке. С. 147.

[250] Первое столетие сибирских городов... С. 62.

[251] *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Мангазейский морской ход. С. 77.

[252] Первое столетие сибирских городов... С. 62.

[253] РГАДА. Ф. 214. Стб. 408. Л. 481–482.

[254] *Бахрушин С. В.* Андрей Федорович Палицын. С. 182.

[255] *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 2003. С. 267. Преподобный Макарий, согласно его «Житию», родился в 1349 г. и прожил 95 лет. В 1439 г. он основал Макарьев-Унженский монастырь, расположенный в 180 км к востоку от Костромы.

[256] *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Мангазейский морской ход. С. 77.

[257] Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. С. 349.

[258] *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Мангазейский морской ход. С. 83; РГАДА. Ф. 214. Стб. 408. Л. 394. Совершенно озадачивает пассаж, содержащийся в научно-популярной книге М. И. Белова. Автор цитирует (без ссылки на источник) отписку некоего Матвея Бахтиярова в Москву о пожаре в Мангазее: «Волею Божею, государь, половина города выгорела дотла, а из остальной половины ползут тараканы в поле» (*Белов М. И.* Мангазея. Л., 1969. С. 94). Ни воеводы, ни дьяка Бахтиярова в Мангазее за все время ее существования не было. В истории Сибири известен только Еналей Бахтеяров, который в 1640-х гг. был письменным головой при якутских воеводах.

259 РГАДА. Ф. 214. Стб. 139. Л. 157–160.

260 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 616–617 (№ 464).

261 РГАДА. Ф. 214. Стб. 408. Л. 481–482.

262 Там же. Л. 376, 377.

263 Там же. Стб. 88. Л. 326–327; Стб. 139. Л. 59–67.

264 Там же. Ф. 214. Кн. 367. Л. 744.

265 *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. М., 1964. С. 24–32.

266 *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Мангазейский морской ход. С. 31–32, 89–91.

267 РГАДА. Ф. 214. Стб. 731. Л. 167.

268 *Александров В. А.* Русское население Сибири... С. 30–31; РГАДА. Ф. 214. Стб. 635. Л. 38, 78, 81.

269 СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 135–136.

270 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II Приложения. С. 308–310 (№№ 164, 165).

271 Там же. С. 84.

272 *Бахрушин С. В.* Мангазейская мирская община в XVII в. // *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. III. Ч. 1. С. 306, 311.

273 РГАДА. Ф. 214. Стб. 289. Л. 78–80.

274 *Александров В. А.* Русское население Сибири... С. 29.

275 Первое столетие сибирских городов... С. 121–122.

276 Там же. С. 121–123; *Александров В. А.* Русское население Сибири... С. 32.

277 Первое столетие сибирских городов... С. 157–158.

278 Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. С. 119.

279 Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982. С. 229.

280 *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960. с. 119–124.

281 РГАДА. Ф. 214 Стб. 178. Л. 135–140.

282 ДАИ. СПб., 1851. Т. 5. С. 161.

283 РГАДА. Ф. 214. Стб. 462 Л. 141; *Белов М. И.* Открытие и первоначальное освоение русскими Таймырского полуострова // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. М.; Л., 1951. С. 46.

284 РИБ. Т. 2. Стб. 849–851.

285 РГАДА. Ф. 214. Стб. 123. Л. 340–340 об.

286 *Белов М. И.* Открытие и первоначальное освоение русскими Таймырского полуострова. С. 48.

287 РГАДА. Ф. 214. Стб. 408. Л. 469–470.

288 *Белов М. И.* Открытие и первоначальное освоение русскими Таймырского полуострова. С. 48.

289 РГАДА. Ф. 214. Стб. 408. Л. 467–468.

290 СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 228.

291 *Баландин С. Н.* Оборонная архитектура Сибири в XVII в. // Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974. С. 10–16.

292 РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. 1. Д. 259. Л. 1.

[293] РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. 3. Д. 1845. Л. 64.

[294] Сообщение Лошакова излагается по: *Вилков О. Н.* Источники и литература об условиях возникновения г. Зашиверска и об архитектурных особенностях Спасо-Зашиверской церкви // Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI — первой половины XIX века. Новосибирск, 1987. С. 13.

[295] РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. 3. Д. 1987. Л. 46. Окончания документа нет.

[296] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. А–З. М., 2008. С. 542.

[297] РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. 2. Д. 1359. Л. 68.

[298] РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. 4. Д. 2293.

[299] *Буцинский П. Н.* Мангазея. Сургут, Нарым и Кетск. С. 97–98.

[300] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. Приложения. С. 427–431 (№№ 79, 80,81, 82).

[301] Там же. Т. II. Приложения. С. 438–439 (№ 285), 431–432 (№ 279).

[302] Там же. Приложения. С. 431–433 (№№ 279, 280), 457–458 (№№ 300, 301); *Кочедамов В. И.* Первые русские города Сибири. С. 99.

[303] *Буцинский П. Н.* Мангазея. Сургут, Нарым и Кетск. С. 99.

[304] РГАДА. Ф. 214. Стб. 139. Л. 213–215. О причине ненависти воеводы к Чиркову будет сказано далее.

[305] *Васильевский Р. С., Резун Д. Я.* Летопись сибирских городов. С 209.

[306] *Спафарий-Милеску Н.* Сибирь и Китай. Кишинев, 1960. С. 60.

[307] *Кочедамов В. И.* Первые русские города Сибири. С. 99, 101.

[308] Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. С. 185.

[309] *Зольникова Н. Д.* «Нарымское дело» 1642–1647 гг. // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 226–227. Слово «жиро» возможно объяснить из словаря В. И. Даля, где оно означает часть мережи или мешка, скрепленного несколькими обручами. В данном случае повалуша (летняя, холодная спальня) состояла из трех частей.

[310] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. С. 297; *Буцинский П. Н.* Мангазея. Сургут, Нарым и Кетск. С. 106–107.

[311] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. Приложения. С. 430 (№ 80).

[312] Там же. С. 431–432 (№ 83).

[313] *Буцинский П. Н.* Мангазея. Сургут, Нарым и Кетск. С. 108.

[314] Там же. С. 108–109.

[315] Первое столетие сибирских городов... С. 107–110.

[316] *Спафарий-Милеску Н.* Сибирь и Китай. С. 66.

[317] *Васильевский Р. С., Резун Д. Я.* Летопись сибирских городов. С. 179; *Кочедамов В. И.* Первые русские города Сибири. С. 102.

[318] Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. С. 188–189.

Глава II Судостроение и судоходство в Западной Сибири как условие колонизации

1. Типы речных судов, центры судостроения, водные пути

Россию средних веков и раннего нового времени с полным правом можно назвать речной цивилизацией, в которой водные коммуникации и соответствующие средства передвижения играли незаменимую роль[1]. Как писал А. В. Арциховский применительно к истории России XIII–XV вв., «голубая сеть рек по-прежнему являлась основной сетью путей... водные пути соединялись по сухим местам такими же волоками; сухопутные пути по-прежнему были в зачатке»[2].

История речного судостроения у восточных славян уходит в догосударственную древность, но только с появлением письменности исследователь получает возможность ознакомиться с конкретными названиями судов и их некоторых конструктивных деталей. Общеродовыми названиями являлись «лодья», «корабль» (со времен Киевской Руси) и «судно» (с XV в.). На протяжении нескольких столетий источники зафиксировали десятки названий речных и несколько — морских судов[3]. К концу XVI в., когда началась интенсивная колонизация Сибири, флот России мог развиваться лишь на реках и побережьях европейского Севера страны. Номенклатура названий речных судов в XVI в. заметно возросла. Разного рода письменные источники называют лодьи, учаны, барки, насады, струги, дощаники, ботники, карбасы, каюки, паузки, обласы, коломенки, устюжны, ржевки, белозерки и т.д. Впрочем, за разными названиями, особенно «географическими», мог скрываться один и тот же тип судна. С другой стороны, старые названия переходили на суда с уже иным

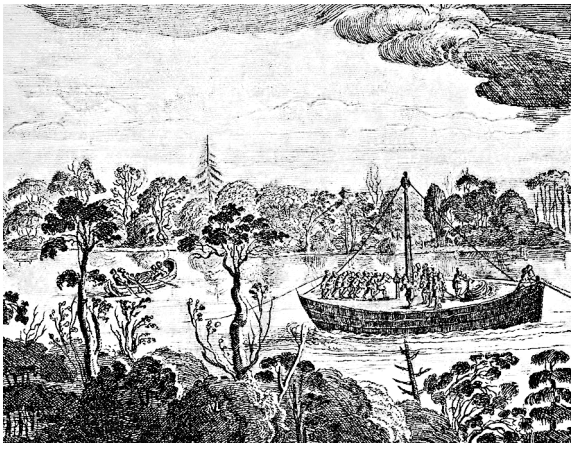
предназначением и своими конструктивными особенностями. Например, боевые насады XII или XV в.— это не те насады Волжско-Камского бассейна XVII–XVIII вв., перевозившие большие грузы.

В XVI в. грузовые насады, наряду с дощаниками, получили широкое распространение в Сухоно-Двинском бассейне. Англичанин А. Дженкинсон так описал речные суда, которые он видел во время путешествия из Холмогор в Москву в 1557 г.: «Выехав из Устюга по реке Сухоне, мы прибыли в город, называемый Тотьмой. Здесь река очень мелка и дно каменисто; это место очень опасно для прохода здешних судов и лодок, которые они (русские) называют насадами (nassades) и дощаниками (dosneckes)... Суда, называемые насадами, очень длинны и широки, крыты сверху и плоскодонны; они сидят в воде не более, как на 4 фута и поднимают 200 тонн; на них нет никаких железных частей, но все сделано из дерева; при попутном ветре они могут плыть под парусами. В противном случае из многочисленных имеющихся на насадах людей иные тянут их, обвязав вокруг шеи длинные тонкие веревки, прикрепленные к насаду, иные же отталкиваются длинными шестами»[4]. Современные исследования, кстати, не подтверждают мнения Дженкинсона об отсутствии в сухоно-двинских насадах металлических частей. Уже в XVI в. они крепились железными скобами и гвоздями, а к началу XVIII в. вес металлических креплений такого судна в 16–17 саженей составлял 9 пудов[5]. Распространенным пассажирско-грузовым судном в центре России была коломенка, которая строилась, видимо, сначала в с. Дединово под Коломной.

Можно без особого преувеличения сказать, что первоначальное проникновение русского народа в Сибирь и ее дальнейшая колонизация в XVII в. проходили под знаком весла и паруса. Использование водных речных путей и прибрежного мореплавания придали освоению Сибири столь стремительный характер, что он до сих пор вызывает удивление. Известный современный историк Н. И. Никитин пишет: «С самого начала «покорения Сибири» русские прибегли к весьма выигрышному для них способу ведения боевых действий — «судовой войне». Поскольку развитого речного флота за Уралом не было ни у степных кочевников, ни у таежных охотников, казаки в своих «плавающих крепостях» были вездесущи и непобедимы»[6]. Но в еще большей мере, чем для военных походов, суда использовались для транспортировки людей и грузов. Полуморские экспедиции на кочах, речные плавания на стругах, дощаниках и каюках были тем нервом, благодаря которому оказалось возможным проникновение частных промышленников и государевых казаков в самые глухие уголки западносибирской тайги и приполярной тун-

дры. Знаменательно, что у истоков освоения зауральских земель стояли ушкуи новгородцев, казацкие струги Ермака и морские кочи жителей Русского Севера.

Струг Можно предположить, что если бы мы точно знали размеры, оснастку и судоходные возможности стругов Ермака, то обстоятельства этого знаменитого похода вызывали бы, вероятно, меньше разногласий среди историков. Наиболее достоверные, хотя и далекие от полноты, данные о судах отряда Ермака можно извлечь из царской грамоты Строгановым от 7 января 1584 г. К этому времени казачья станица, посланная от Ермака с известием о «сибирском взятии», была уже в Москве, и в тексте грамоты отразились сведения, полученные от казаков. Грамота отменяла прежний указ, по которому Строгановы должны были выделить царскому воеводе князю С. Д. Болховскому 50 конных ратных людей (Болховской находился в Чердыни, где формировал отряд в 300 человек для похода за Урал по следам Ермака). Очевидно, со слов ермаковцев в Москве узнали, что «в Сибирь зимним путем на конех пройтить немочно» и изменили инструкции Болховскому. Ему было велено дожидаться весеннего вскрытия рек, а Строгановым — «изготовить под нашу рать и под запас 15 стругов добрых со всем судовым запасом, которые б подняли по 20-ти человек с запасом»[7]. Эти суда относились к беспалубным набойным стругам, в основе которых лежала «однодеревая» колода. Для увеличения осадки и грузоподъемности будущего струга борта колоды наращивали, то есть «набивали» с каждой стороны по несколько рядов досок. Здесь можно вспомнить рассказ Кунгурской летописи (считается, что она отразила устную традицию, восходящую к самим участникам похода) о том, как казаки Ермака весьма бесцеремонно забрали у Максима Строганова продовольствие для похода. Однако «стру-



Стуг на Волге. Рисунок из книги А. Олеария «Описание путешествия в Московию». Середина XVII в.

Казаки Ермака перетаскивают струги по волоку из Чусовой в реку Тагил. Рисунок из Кунгурской летописи С. У. Ремезова. Конец XVII в.

ги их грузу знимать не стали и под берегом тонути; они же приправили набои, излегчичи приимать запасов помене по стругом»[8]. Р. Г. Скрынников писал, что по самому приблизительному подсчету струги Ермака имели водоизмещение не более 6–8 т[9]. Точно вычислить водоизмещение струга по имеющимся источникам невозможно. Ясно только, что вес незагруженного струга не мог быть слишком большим, поскольку его приходилось переправлять через волоки.

Струги Ермака, как известно, пришлось перетаскивать через 25-верстный Тагильский волок от Серебрянки до Баранчи. Погодинский летописец сообщает, что казаки «суды на себе волочили». Скорее всего, казаки тянули струги, под которые подкладывались катки. Говоря о походе Ермака, исследователи обычно в качестве сравнительного материала привлекают факты из истории южного казачества (донского и запорожского). Между тем вполне корректно использовать и сибирский материал XVII в. Ведь за два–три поколения, отсчитывая от времен Ермака, способы судостроения существенным образом не могли измениться.

В 1628 г. туринский воевода В. Л. Корсаков указывал таможенному целовальнику Чубаровской слободы: «А хто, зделав на Чюбарове городище судна, да продаст лодью или струг или дощанику или однодеревый стружек, и с плотников имать з денег, что возьмут найму от судна с рубля по алтыну, а с лодки и з ботника рублевую пошлину по расчету»[10]. Таким образом, воевода различал струг и «однодеревый стружек»; как представляется, первый был стругом с набоями и имел мачту с парусом, а второй являлся гребной лодкой с низкими бортами. В пользу такой интерпретации говорят и некоторые источники данного времени. В 1627 г. готовилась большая экспедиция во главе с Я. И. Хрипуновым для поисков месторождений серебра на Ангаре. В Москве Хрипунов подал роспись судам, которые должны были быть построены в Енисейске для его отряда: 10 кочей и 10 «струшков однодеревых гребных»[11]. К слову сказать, отряд Хри-

пунова, насчитывавший 150 человек, отправился в поход на 10 дощаниках и 10 стружках. Если на каждом дощанике должно было размещаться как минимум 10 человек, то на однодеревый стружек приходилось тогда по пять служилых людей. В таком случае стружек, видимо, имел всего четыре гребных весла и одно рулевое.

В 1652 г. в Туруханском зимовье таможенный целовальник заплатил 3 рубля пинежанину Степану Кузьмину «от дела, что он струг новой разведенной, к анабарскому ходу, которой куплен у Мороза Маркова, набои и донницу и упруги вшивал, и вар топил, и лучни ставил». Одновременно была куплена «у Окулины Андреевы жены Колмогорца осина недораспареная, в Пясиду и на Есей озеро». Ясно, что основой такого струга была большая колода, в которой вынималась (выжигалась) середина и распирались до нужных размеров борта. Из тех же записей таможенной расходной книги известно, что «новый добрый» набойный струг стоил 10 рублей. Слова «лодка» и «струг» были взаимозаменяемы: в книге отмечено, что куплена новая «лодка набойная: струг о шести упругах»[12]. Упруги — это шпангоуты; на «донницу» (дно) к стругам шла «большая доска»; «лучни» (в другом варианте «лости») — тонкие дранки, которыми прижималась конопать в пазах бортовых досок.

В 1646 г. Нехорошко Колобов, участник похода Ивана Москвитина к Тихому океану, делился в Якутске приобретенным опытом. Он заявил, что для будущих экспедиций к Охотскому морю потребуются струги «с набои однодеревые добрые, которые с реки Маи на реку Улью «мочно за тот волок на катках на себе перетащить». Так что выражение «на себе волочить» вовсе не исключает использования катков. В связи с сохранившимся описанием похода Москвитина интересно отметить, что казаки, сообразуясь с проходимостью рек и речек, на ходу изменяли тип своих судов. Москвитин отправился в поход в 1639 г. из Бутальского острожка на Алдане на одном струге с отрядом в 31 человек. По Алдану струг шел по течению, затем поднялся по притоку Алдана реке Мае до безымянной «малой речки». По ней казаки плыли уже в стружках, «до прямого волоку». Преодолев его за день, они добрались до реки Ульи, по которой спускались уже на струге. Для выхода в море москвитинцы сделали лодью[13]. Очевидно, что при постройке разнотипных судов казаки разбирали предыдущее судно и использовали его материал. В 1628 г. в Енисейске для экспедиции А. Дубенского, которой предстояло основать Красноярский острог, было построено, помимо грузовых дощаников, 3 больших ертаульных (передовых) струга, чтоб «подняли те струги по 30 человек и больше»[14]. Струг выступает здесь как быстрое маневренное судно, пригодное для разведки и вооруженных столкновений.

Таким образом, струги Ермака, вмещавшие по 20 человек, не были самыми большими. Источники не говорят прямо о наличии паруса на струге и количестве весел. Но мачта с одним парусом на стругах была (вспомним слова грамоты 1584 г. об их постройке «со всем судовым запасом»). На многочисленных рисунках в «Истории сибирской» С. У. Ремезова ермаковы суда изображены с 4–8 парами весел, кормовым веслом и мачтой с «ногами» (вантами). На некоторых миниатюрах струги идут под парусами. При перетаскивании через волок суда максимально облегчались, весла и мачта снимались[15].

Любопытно, что фольклорный источник дает иные сведения о судах Ермака, нежели письменные источники. Согласно ему, казаки плыли на «лодках-коломенках», которые у Тагильского волока пришлось бросить. Далее говорится:

И в то время увидели Баранчу-реку, обрадовались.
Поделали боты сосновыя и лодки-набойницы;
Поплыли по той Баранче-реке
И скоро они выплыли на Тагиль-реку;
У того Медведя-камня у Магницкой горы становилися,
А на другой стороне было у них плотбище;
Делали большия коломенки,
Чтоб можно им со всем убратися[16].

Почему историческая песня упорно «приписывает» казакам Ермака вместительные, но неповоротливые коломенки? Последние как тип речного грузового судна бытовали в России в XVI–XVII вв., но в Сибири это название использовалось редко. А вот с начала XVIII в. по Чусовой стали ходить большие караваны коломенок, перевозившие продукцию казенных и демидовских заводов в центральную Россию. Думается, историческая песня о Ермаке вобрала в себя уральские реалии первой половины XVIII в., когда по Чусовой (путь Ермака!) перед глазами исполнителей песни ходили суда, называемые коломенками. На самом деле, как об этом говорят ранние источники, ермаковцы совершили бросок за Урал на более легких стругах.

Дощаник Историческая песня, может, и не зря упоминает плотбище (судоверфь) напротив Медведь-камня. Только плотбище это могло быть связано не с казаками Ермака, а с основанным в 1584 г. на левом тагильском берегу, напротив горы Медведь-камень, Верхтагильским городком. Городок этот существовал до 1589 г., и именно через него в первые годы после «сибирского

взятия» шли отряды царских служилых людей на Иртыш и Обь. Для их перевозки и могли строиться суда на Тагиле[17].

Преемником Верхтагильского стал Лозьвинский городок (был расположен у впадения реки Ивдель в Лозьву), про который точно известно, что он имел свое плотбище. В 1598 г. Лозьвинский городок по указу из Москвы был ликвидирован, а его функции перешли к построенному в этом году Верхотурью. Еще сам город не был заложен, а его будущие воеводы, находившиеся зимой 1597/98 г. в Чердыни, получили указ наряду с возведением острога строить на Туре суда к летней навигации: «А под наши под сибирские под хлебные запасы бы есте суды делати всеми плотники тем же обрасцом, каковы суды делали преж тово на Лозьве в 104 и 105 году». Всего предписывалось сделать 20–25 речных судов грузоподъемностью от 6,4 до 32 т и 3 морских коча для похода в земли Мангазеи[18]. О кочах будет сказано далее, а пока зададимся вопросом: о каких речных судах здесь говорилось? Надо отметить, что московские приказные дельцы рубежа XVI–XVII в. в документах распорядительного характера предусмотрительно не называли конкретный вид судна, ограничиваясь общеродовым названием «суда» (ведь названия речных судов, ходивших в то время по рекам России, исчислялись десятками).

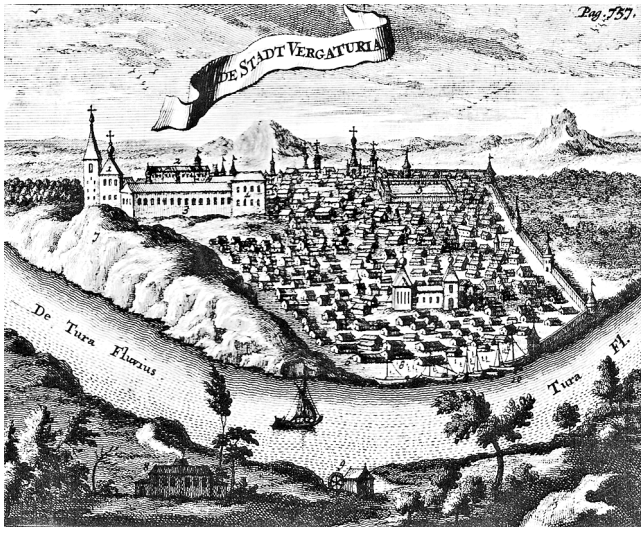
Иногда все же конкретные названия судов, строившихся на Верхотурье в первые годы его существования, в документах содержатся. Это — коломенки и дощаники. Выявить конструктивные отличия этих судов для данной эпохи довольно сложно, хотя, может быть, они и имелись. Более существенным представляется их сходство: и коломенка, и дощаник были наборными палубными плоскодонными речными судами, предназначенными для пассажирско-грузовых перевозок. Если коломенки родились в центральной России, то дощаники в XVI в. ходили по рекам Поморского Севера. В первые десятилетия освоения Сибири эти два термина — коломенка и дощаник — «столкнулись» за Уралом. Весьма быстро дощаник вытеснил коломенку, что имеет довольно простое объяснение: судовые мастера, работавшие на плотбищах Сибири, присылались (или приходили) из районов Поморья.

Мне известен только один случай, когда коломенки ходили по Иртышу и Оби. Речь идет об экспедиции князя М. М. Шаховского, который спускался по Оби на пяти кочах и пяти коломенках (см. гл. I). В дальнейшем на реках всей Сибири безраздельно господствовал дощаник. Следующий пример хорошо иллюстрирует «разделение территорий» между коломенками и дощаниками. В 1638 г. из Москвы в свой далекий путь отправились первые воеводы, назначенные

в Якутск. В декабре они сообщали из Елабуги в Казань, что в Москве им были даны «суды, 6 коломенок с полубами, и мы в тех судах дошли Камою рекою до казанского села Алабуги, и те суды с полубами без чердаков с казанскою поделкою с щоглами и с бечевами и с тесом отдали на Алабуге»[19].

Дощаники в западносибирских уездах строились в большом количестве. Основные центры судостроения находились в Верхотурском уезде; меньше плотбищ было в Туринском и Тюменском уездах. На протяжении XVII в. количество верфей в Верхотурском уезде росло. Судостроение было самым тесным образом связано с процессом заселения Зауралья русскими крестьянами. Именно на них возлагалась заготовка судового леса, и они же в основном работали рядовыми плотниками на плотбищах. Надо заметить, что строительство крестьянских слобод и деревень в Верхотурском, Туринском и Тюменском уездах приобрело интенсивный характер только с 1620-х гг.[20]. С этого времени западносибирское судостроение могло испытывать недостаток лишь в опытных судовых уставщиках (корабельных мастерах), но не в рядовых плотниках.

В первые годы существования Верхотурья для выполнения казенных заказов требовалась ежегодная присылка десятков плотников из Европейской России. Так, в царской грамоте от 9 января 1603 г. отмечалось, что в прежние годы «для судового дела» в Верхотурье присылалось не менее 80 плотников, и это требовало от городов, обязанных данной повинностью, весьма значительных ежегодных расходов. Грамота указывала верхотурским воеводам устроить на постоянное жительство «для судового дела жилецких плотников». Место их поселения было выбрано на реке Туре, ниже Ямашева юрта, в 80 верстах (сухопутной дорогой) от Верхотурья. Для начала указывалось поселить на этом месте 50 плотни-



Верхотурье. Рисунок из книги Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария». Конец XVII в.

ков, которые, помимо судового дела, занимались бы еще земледелием[21]. Видимо, этот замысел так и не удалось реализовать. Самым большим в первой половине XVII в. было верхотурское «подгородное плотбище». В то же время значительная верфь находилась в селе Меркушино, расположенном по Туре ниже Верхотурья. Со временем «дощаничное дело» стало нелегкой государственной повинностью для крестьян Невьянской, Тагильской и Ирбитской слобод, а количество плотбищ возросло.

Как сообщалось в докладе Сибирского приказа царю об итогах развития землепашества в новом крае (1643 г.), дощаники, построенные в зауральских уездах, различались по размерам: были дощаники «меньшие» и «большие». Малый дощаник поднимал до 300 четей ржи (если взять четь в 4 пуда, то 19,2 т[22]); большие дощаники могли перевозить значительный груз: «А подымают кочи и большие дощаники хлеба ржи и муки ржаной против меньшово дощаника надвое» (то есть до 40 т). Известно, что осадка груженого дощаника «большей статьи» составляла 2 аршина (1,44 м), а малого дощаника — около 0,9 м. В докладе говорилось, что «судов и лодей делают на Верхотурье и в Туринском и на Тюмени и в слободах» от 70 до 100 в год, «да в Мангазейской ход по 2 коча, а в воеводцкую перемену по 4 коча». На момент составления доклада казна выделяла на строительство малого дощаника и лодьи по 17–18 рублей (лодья имела грузоподъемность до 32 т). Большой дощаник обходился в 25–30 рублей, а коч — в 40. Указывалось, что больших дощаников более 5-ти в год не делают. Малых дощаников строилось намного больше, чем лодей, и вот почему. Оказывается, западносибирские речные лодьи могли ходить только вниз по течению больших рек (а это маршрут Тобольск–Березов): «А вверх воды в лодьях хлеба не отпускают, что они деланы своим обрасцом, не так, каковы дощаники деланы; к водяному ходу тяжелы при дощаниках — дна в них гладкие, а носы у них малые, а деланы бочкою»[23]. Это одно из немногих указаний источника на конструктивные отличия лодьи от дощаника. Дощаник, видимо, имел более высокий форштевень (нос) и не имел такой округлой формы, как лодья (последняя поэтому плохо держалась на сильной волне). Таким образом, по средним расчетам на 1643 г., казна ежегодно тратила на постройку судов в зауральских уездах около двух тысяч рублей.

Иллюстрацией малой пригодности речных лодей к плаваниям по большим сибирским рекам служит следующий случай. В 1635 г. березовские служилые люди везли на лодье из Тобольска в Березов свое хлебное жалованье — 100 четвертей ржи и 300 четвертей ячменя (21 760 кг, поскольку 240 четей ржи в источнике приравнены

к 300 четям ячменя). Лодья потерпела крушение: «И пловучи ис Тобольска на усть Иртиша ниже Самаровых гор тое лодью с хлебными запасы погодою налило и розбило и хлебные запасы из лодьи водою вымыло без остатку». Служилые люди просили в своей челобитной возместить им погибшее хлебное жалованье[24].

Дощаники, построенные в Верхотурском, Туринском и Тюменском уездах, в конечном итоге предназначались для плаваний по Иртышу и Оби. Вниз по Оби суда шли до Березова, вверх — до Сургута и Томска. Кроме того, хлебные запасы посылались в Енисейск, по притоку Оби реке Кети до Маковского волока: «А в енисейский отпуск с хлебными запасы выбирают дощаники все малые и неглубокие для Кети реки, что в ней вода бывает мелка; с мелей пещаных вытягивают воротами, 15 и 20 один дощаник всеми служилыми людьми, и в том бывает служилым людям многая мешкота, что идут вверх реки... А судов ис Тобольска с хлебными запасы отпущают в Томский город и в Енисейской острог дощаников по 30 и по 40, а ныне с ленскими прибылыми запасы отпущают прежнего и больши»[25].

Крупным узлом местных водных путей являлся Тобольск. Основными путями сообщений служили Иртыш и Тобол, расходившиеся тремя радиусами на север, юго-запад и юго-восток. Из местных речных дорог можно выделить две, которые вели к Пелыму и Верхотурью. Путь из Тобольска в Пелым шел по Тоболу и Тавде; по воде это расстояние проходили за три недели. Путь от Тобольска до Верхотурья, который шел по Тоболу и Туре и составлял примерно 540 верст, делился на три самостоятельных участка: Тобольско-Тюменский, Тюменско-Туринский и Туринско-Верхотурский. От Тобольска до Тюмени водным путем в дощаниках требовалось 10, а обратно — 7 дней. От Тюмени до Туринска дощаники плыли 9 дней, а обратно — всего 4. Еще 9 дней занимало плавание от Туринска до Верхотурья. Таким образом, при благоприятных условиях от Тобольска до Верхотурья добирались за 28, а обратно — за 16–17 дней.

Северный речной путь шел от Тобольска вниз по Иртышу и Оби — к Березову и Обдорскому острожку. Расстояние от Тобольска до Березова груженые дощаники проходили за 20 дней. Этим же путем ходили в Обскую губу и далее в Мангазею казенные и частные кочи. Более оживленной была речная дорога, идущая от устья Иртыша вверх по Оби. Расстояние от Тобольска до Сургута дощаники проходили за 6 недель, от Сургута до Нарыма за 3,5 недели, от Нарыма до Кетска — за 8 дней, от Кетска поднимались вверх по реке до Маковского острога 6 недель. Отсюда Кеть становилась уже не-

судоходной, и здесь начинался Маковский волок на Енисей[26]. В зависимости от погодных условий путь от Тобольска до Маковского острога занимал от 10 до 16 недель. Следуя этим путем в 1675 г., Н. Спафарий записал: «Маковский острог стоит на красном месте, на Кети реке на яру, левой стороне. А в остроге церковь, а дворов с 20; и тут дощаников и каюков зело множество разбитых и целых, потому что здесь пристанище великое государевым людям». Волок шел от Кети до речки Томы; на его прохождение требовалось два дня. Выйдя на Тому, делали струги или каюки, затем полдня плыли до речки Кеми, а по Кеми доходили до Енисейска за один день. Сам волок оставлял у тех, кто впервые шел по нему, неприятные впечатления. Тот же Спафарий отметил: «А тот волок держит верст с 5 летней порой, а зимним путем, сказывают, с 50 верст. А по всему волоку зело грязно, и для того везде по нем великие мосты построены ради множества грязей и болот и речек»[27]. Недалеко от Маковского острога находилась слобода торговых людей, с амбарами и постоялыми дворами[28]. Здесь же располагалась и судоверфь. Она была нужна потому, что через волок ни дощаники, ни каюки не переправлялись, и те, кто шли с Енисея, приобретали суда возле Маковского острога. О трудностях плавания вверх по Кети (1627 г.) поведали служилые люди отряда Андрея Дубенского, которым предстояло основать Красноярский острог. Ввиду многочисленных мелей они были вынуждены тянуть дощаники воротами: «И мы, государь, бродили на многих мелях, и идучи по Кети реке по вся дни беспрестанно, и от водного... брожения в осень от замороза и озноба повсядневного мы, холопи твои, перепухли и перецынжали»[29].

Уже в начале 1640-х гг. путь в Восточную Сибирь через Маковский волок был весьма оживленным. В челобитной на нарымского воеводу И. Л. Скобельцына упоминалось: «Да мимо Нарымской же острог ходят по вся годы в Енисейской и на Лену и в ыные городы многие торговые люди, дощаников по 50 и больши». В той же челобитной содержится неизвестное мне название речного судна. Воеводу, в частности, обвиняли в том, что он «изломал государевых два судна палаумы новые» (на постройку жилого дома для своего брата), которые владельцам частных судов обходились в 50–60 рублей[30]. Скорее всего, за словом «палаум» скрывается тот же дощаник[31].

Документы о постройке в Сибири частных («торговых») судов мне не встречались, хотя, разумеется, именно частные суда осуществляли экономические связи в Обь-Иртышском бассейне (например, в том же докладе 1643 г. упоминается, что «от таких же дощаников, которые ходят с хлебными запасы в Енисейский острог, торговые люди дают от дела по 40 и по 50 рублев»[32]). Зато в нашем

распоряжении имеется довольно обильный материал относительно казенного судостроения, о масштабах которого дают представление следующие цифры. В 1640 г. воевода В. Л. Корсаков докладывал в Москву, что весной этого года «зделано на верхотурском подгородном плотбище 66 дощаников да 3 лодьи.; Верхотурского уезду на Тагиле 2 дощаника да лодья; на Невье 8 дощаников, в новой Ницынской слободе 2 дощаника, в новой ж в Ырбицкой слободе дощаник. И всего на Верхотурье и Верхотурского уезду в селех зделано 79 дощаников да 4 лодьи». Из этого количества судов 72 дощаника и 4 лодьи ушли в Тобольск и далее с хлебными запасами; остальные дощаники были предоставлены воеводам, следовавшим в сибирские города к месту назначения[33].

Тем не менее и этого количества судов не хватало. Из синхронной отписки тобольского воеводы П. И. Пронского в Москву узнаем, что, по расчетам Корсакова, для отправки в Сибирь всех хлебных запасов, скопившихся на Верхотурье, необходимо было построить еще 89 дощаников. Пронский писал, что каждый дощаник этого года поднимал 300 казенных четей и что команда дощаника состояла из шести гребцов и кормщика (таким образом, для отправки 75 дощаников с лодьями требовалось 525 человек, в то время, как гарнизон Верхотурья насчитывал всего 98 стрельцов). Пронский распорядился прислать на Верхотурье служилых людей из других западносибирских городов. Он же указал на дефицит опытных судовых мастеров и поставил перед Москвой вопрос о переводе и поселении на постоянное житье в Сибири судовых плотников из «русских городов»[34].

В 1642 г. в Верхотурском уезде было построено 77 дощаников (17 на подгородном плотбище, 23 в Меркушино и 37 в слободах уезда). Сорок дощаников строили мастера, присланные из Устюга, Соли Вычегодской, Вятки, Яренска и Перми Великой, причем прибыли они со всей «плотничьей снастью». В 1682 г. в Верхотурском уезде было построено 54 дощаника. Эти суда, выдержавшие свое первое плавание и не разобранные по тем или иным причинам на дрова, концентрировались в Тобольске. В 1666 г. там к очередной навигации были готовы 6 кочей, 112 дощаников новых и старых, 13 каюков, 8 павозков, 8 лодок набойных, 48 лодок малых и 4 струга. В 1690 г. из Тобольска ушло в общей сложности 36 старых дощаников и 100 новых, причем до этого весенним ледоходом на Иртыше «изломало льдом» 26 новых дощаников. В 1699 г. тобольские воеводы имели в своем распоряжении 50 старых дощаников и 66 новых[35].

В Тобольск дощаники возвращались редко, почему и приходилось делать их десятками каждый год. Причин недолговечности службы дощаников было несколько. В середине XVII в. из Тоболь-

ска в Томск и к Маковскому волоку ежегодно отправлялось до 30–40 казенных дощаников, а обратно возвращались 1–2. Возле Маковского острога дощаники при зимовке ломало льдом. Кроме того, они специально разбирались, а из судовых досок строились амбары для хлебных запасов. Интересно, что такая судьба ожидала не только казенные, но и частные дощаники, хотя они строились более тщательно и обходились их владельцам дороже. Сибирские воеводы, кстати, указывали, что казенные дощаники делаются наспех, а сами судостроители не заинтересованы в государственных заказах (по причине явно малой стоимости одного дощаника). Построенные из-под палки казенные дощаники не могли выдержать даже нескольких навигаций. Другой причиной недолговечности дощаников являлось то обстоятельство, что они строились из сырого леса. В докладе 1643 г. отмечалось: «А которые суды и лодьи ис Тобольска с хлебом не отпустятца в сибирские дальные городы, и как те суды и лодьи в Тобольске перезимуют — и ставятца утлы и худы, для того что накидывают те суды и лодьи делат на Верхотурье и в Туринском на посадцких и на служилых и на гулящих людей и на ямских охотниках и в слободах на пашенных крестьян поневоле сильно, что охочих людей на то судовое дело нет..»[36]

Как строились дощаники и каковы были их конструктивные особенности? Каждую осень тобольский воевода посылал распоряжение о строительстве судов в Верхотурье, Туринск и Тюмень. Иногда указывалось точное количество необходимых дощаников, иногда же местным воеводам рекомендовалось «примериться» к прежним годам. По заданию верхотурского воеводы (наш материал опирается на документы хорошо сохранившегося фонда Верхотурской приказной избы) и под контролем слободских приказчиков крестьянские миры выбирали судовых мастеров (уставщиков) и давали по ним поручные записи. Мастер с поручной записью лично являлся в город и получал от воеводы деньги на строительство дощаника (обычно один мастер брался за изготовление одного судна). Задачей приказчиков слобод было проследить за тем, чтобы подведомственные ему крестьяне осенью, до снега, заготовили лес и привезли его на плотбища. Далее за строительство отвечал уже уставщик. Строительство дощаников происходило весной; один дощаник делали уставщик и четыре наемных работных людей (ярыжных). Казна обеспечивала мастеров железными скобами и гвоздями. Иногда воеводы насильно привлекали к судостроительным работам гулящих людей, хотя многие из них ранее «нигде судов не делывали». Яркие факты о тяжести судовой повинности для податного населения Сибири в первой половине XVII в. приводит П. Н. Буцинский; так, из отписки одного туринского воеводы (год не указан) следует, что некоторые плотники

«давились и резались от того судового дела»[37]. В 1640-е годы между служилыми и посадскими людьми Тюмени разгорелся спор из-за судового дела. Посадские люди выпросили в Москве освобождение от обязанности ухода за речными судами; царская грамота возложила ее на служилых людей. Те были вынуждены нанимать вместо себя плотников, так как воевода И. Г. Бобрищев-Пушкин (1644–1646 гг.), выполняя указ, ставил их на правеж. В 1647 г. в Сибирский приказ с челобитной обратился уже служилый мир, прося освободить его от судовой повинности; служилые люди ссылались на то, что они и так сверх меры «отягощены всякими службами». Сибирский приказ пересмотрел свое решение и вновь обязал судовой повинностью тюменских посадских, ямщиков и крестьян[38].

Крестьянские поручные записи и переписка воевод дают возможность представить, как выглядел дощаник. Например, в феврале 1677 г. верхотурские подгородные крестьяне поручились за судовых плотников Лариона Жужгина, Родиона Рагозина и Михаила Кормчекина. Вот описание тех судов, которые они должны были сделать: «Три дощаника на торговую стать из своего из доброго лесу из матерого, а лес бы был доброй, без ветрениц и не щеловат. Мерою те дощаники в длину от лапы до лапы по денной матице по десяти сажень печатных, матицы не ставные, в толщину матицы в 4 вершка; по бети в ольялех в ширину по шти аршин с четью. И кокоры денные положить добрые толстые, меж кокоры по пяти вершков, а верхние кокоры положить добрые ж, промеж кокор по аршину с четью, и косые привесть добрые, толщиною в два вершка. В полубах из денных кокор до верхней матицы в вышину три аршина. Подтоварины в дощаниках наслать из доброго тесу в черту, и в ольялех и в носах и в кормех забрать тесом по обе стороны, и порубни привести добрые, толстые, не колотые. А в вышину от денных матиц до порубней по аршину с четью, по сторонам у тех дощаников прибить досками в черту. И конопатить им, плотникам, те дощаники скобами накрепко и подскалины класти под скобели. И покрыти им те дощаники берестами двойными... А лыка на конопать и причалки и смола к тем дощаникам класти им, плотникам, наше ж крестьянское, а скобы и гвоздье имать из государевой казны. И высмолить им... те дощаники, как смолят торговые люди свои дощаники. И щоглы и райны и сопешные крюки и кормовые весла и поносные и греби и шесты и сходни доспеть к тем дощаником все наготово ж к нынешнему вешнему отпуску»[39].

В XVIII в., став по желанию Петра Первого морской державой, Россия восприняла европейскую морскую терминологию, и судовые термины допетровской эпохи к XX в. оказались в основном забыты.

В настоящее время большинство этих терминов «расшифрованы», значение же некоторых неизвестно пока даже специалистам. Так каковы же конструктивные особенности дощаника в переводе на современный язык?

В основе корпуса дощаника лежала килевая колода (денная матица), по которой определяли длину судна. В нашем случае длина киля составляла 21,6 м; под лапами следует понимать продолжение киля — форштевень и ахтерштевень. Верхняя матица представляла балку (тоже цельную), к которой крепились верхние кокоры (бимсы), на которые уже настилалась палуба. Бетью называлась перекладина для крепления мачты, и находилась она в районе мидельшпангоута. Другими словами, ширина судна «по бети» — максимальная ширина в средней его части. У нашего дощаника она равнялась 4,5 м. Кокорами в древней Руси называли шпангоуты, которые связывали корпус судна и придавали ему прочность. Кокора изготовлялась из прикорневой части дерева с основным корнем, так как она уже имела необходимую изогнутую форму. Денные кокоры крепились к килю и служили ребрами для обшивки судна досками. О верхних кокорах уже говорилось. Шпангоуты клались чаще, чем бимсы (расстояние между ними соответственно равнялось 22,5 см и 1 м). «Косые» (доски) входили, скорее всего, в конструкцию носовой части судна, которая сужалась. Высота дощаника (большого) от киля до палубы составляла два с небольшим метра; осадка его вряд ли могла быть больше одного метра. Порубнями специалисты считают толстые доски, которые шли по бортам судна в районе ватерлинии (в нашем случае как раз указан 1 м, считая от киля). Подтоварины — настил из досок в трюме. Бортовая обшивка производилась вгладь (в отличие от другого способа — внакрой). Щели между бортовыми досками конопатились и смолились. Что означает выражение: «...и конопатить те дощаники скобами накрепко»? Речь здесь идет о том, что на внешних продольных краях стыкующихся бортовых досок делали срезы (растески). В образовавшийся на стыке двух досок паз закладывали конопать из лыка. Конопать прижимали клиновидными деревянными планками (лостами), поверх которых и прибивались П-образные железные скобы, стягивающие соседние доски. На один дощаник казна выделяла в 1649 г. 1350 скоб и 50 гвоздей четвертных, а в 1697 г.— 1200 скоб и 25 гвоздей. Железными гвоздями скреплялись наиболее ответственные части корпуса; наряду с ними применялись деревянные гвозди — нагели.

В нашем распоряжении имеется несколько описаний конструкции сибирского дощаника, и в основном они схожи. И все же почти каждый такой документ содержит какую-то новую деталь, которая

уточняет наши сведения. Рискуя перегрузить текст судовой терминологией XVII в., приведу еще некоторые документальные фрагменты о дощаниках.

Сибирский дощаник как грузовое судно имел любопытную особенность, которая, ввиду отсутствия его достоверных изображений, далеко не очевидна. Как, например, понять фразу из цитированного выше источника: «И покрыти им те дощаники берестами двойными и тесом добрым в черту, чтоб верхней и денной и со сторон капели не было»? Еще более подробно об этой особенности конструкции дощаника говорится в отписке верхотурского воеводы (1697 г.): «И покрыть тот дощаник в два теса: нижней тес продольной и под скобель, и наверх тесу покрыть берестами добрыми, скалами двойными (*скала* в древнерусском языке имела и значение *береста — Е.В.*); а наверх тесу покрыть другим тесом поперешным и продорожить... И в ольяло дверцы и в носу и в корме забрать по обе стороны в кружало наплотно и под скобель». В словаре В. И. Даля по поводу льяла (ольяла) говорится: «Самый испод посередине судна, по бокам киля, где скопляется и откуда выкачивается вода. Льялом же называется проруб в барке, отколе выплескивается вода плицею; в крытых лодках это же льяло служит входом, дверьми, а на Байкале через него же принимается и груз». Все это указывает на то, что палуба дощаника была крытой. Наши источники ни разу не указывают, что двумя рядами досок с берестой между ними покрывалась именно палуба. В Центральной России встречается выражение «поднять полубы на бабки» (в целях увеличения площади подпалубного пространства для размещения людей и грузов)[40], которое, как кажется, разъясняет всю эту операцию с двойным тесом и берестой. Поднять палубу на бабки (*бабка* — столбик, стояк) — это продолжить шпангоуты вверх и создать, благодаря им, что-то вроде второй палубы. Мотивы такой конструкции очевидны: увеличивалась площадь для размещения мешков с мукой и солью, которые перевозили казенные сибирские дощаники. Крыша покрытия (кровля) становилась, таким образом, верхней открытой палубой (видимо, с невысоким фальшбортом). Представляется, что в XVII в. просто не знали выражения «двухпалубное судно». На гравюре середины XVIII в. с видом Иркутска изображен именно такой дощаник. На нем отчетливо видны дверца в борту судна и румпель руля на верхней палубе. Судя по этому изображению, дощаник имел наклонный форштевень и прямой ахтерштевень с навесным рулем[41].

Судовой мастер и нанятая им артель плотников строили дощаник за 3–4 недели, стараясь успеть к началу весеннего половодья. Готовый дощаник должен был иметь щеглу (мачту), райну (рей), сопцо-

вые крюки (на них крепился сопец — рулевое перо), весла кормовое и поносное (то есть на носу судна), 4–6–8 гребей (боковые весла), 4 или больше шестов, сходни и «малую лодку набойницу». Оснащение дощаника парусом, веревками такелажа и якорем происходило уже после сдачи его казенному целовальнику. Дощаник мог передвигаться при помощи весел, его могли тянуть бечевой вдоль берега, но главным движителем дощаника был парус. Иногда мы плохо представляем себе размеры тех или иных величин, которые не переведены в современную метрическую систему. Например, что значит, если источник указывает размер паруса в 400 аршин холста? Это означает, что его площадь равнялась 155 кв. м, а высота и ширина соответственно 13 и 11 м (о способе определения размеров парусов на русских судах XVII в. будет сказано ниже). Мачта такого судна была приблизительно равна его длине. Очень важно было надежно укрепить мачту, что осуществлялось с помощью веревочных «ног» (ванты). В 1656 г. воевода Афанасий Пашков, готовясь к экспедиции в Забайкалье, отписывал из Енисейска в Москву: «А даетца, государи, в Енисейском к дощаникам верховых снастей по осьми ног, а не по шти, из добрыя пряжи, а не из отрепья. А шестьма, государи, ногами, на парусной погодье никакими мерами итить не мочно, и паруснова... дерева (мачты — *Е.В.*) держать нечим»[42].

В 1646 г. проезжавший через Верхотурье очередной тобольский воевода И. И. Салтыков остался недоволен конструкцией увиденных им дощаников. Он заставил корабельных мастеров сделать в дощаниках «казенки з дверьми и выходы и на полубах перила». Речь идет о каютах (казенки), выходах (люках?) из крытой досками палубы и леерах (перилах) на открытой палубе. Конечно, на основании только словесных описаний представить достоверную конструкцию дощаника невозможно. Однако смысл распоряжений боярина Салтыкова ясен: дощаники являлись не только грузовыми, но и пассажирскими судами, которые перевозили воевод с семьями и дворней, служилых и ссыльных людей[43].

На протяжении XVII в. размеры западносибирских казенных дощаников изменялись в сторону их увеличения. В 1642 г. их указывалось делать «против прежнего от лапы до лапы по 9 сажень печатных, а поперек в ольяле в ширину по 6 аршин», то есть по 19,5 м в длину и 4,3 м в ширину. К 1649 г. их длина увеличилась до 10 саженей, а ширина осталась той же. Такие размеры оставались стабильными вплоть до конца XVII в., когда в 1697 г. в Западную Сибирь пришел царский указ с новым стандартом, определявшим длину в 12 саженей (26 м), а ширину — в 7 аршин без четверти (4,86 м). Дощаники становились больше и, одновременно, для казны

дешевле; указ 1697 г. определял стоимость строительства дощаника в 10 рублей. Остается только подивиться наивности московских приказных дельцов, не устававших повторять, чтобы казенные дощаники строились по образцу торговых «самым добрым мастерством, крепки и удельны, чтоб к водному пути были те дощаники прочны не на один год»[44]. В 1667 г., когда постройка казенного дощаника оценивалась в 18 руб., это судно с парусом и оснасткой стоило в Тобольске 25 руб. Если на рынке продавался дощаник всего в несколько рублей, то мы вправе подозревать, что это было старое судно, практически не годное к «водному пути»[45]. О причинах недолговечности дощаников уже говорилось. Не обеспеченные должными условиями зимовки, суда могли «подгнить» или быть раздавленными весенним ледоходом. Задним числом экономя государеву копейку, воеводские власти старались сохранить даже «ветхие» дощаники. В 1670 г. возле Невьянского острога зимовал старый дощаник «ирбитского дела», причем лежал он прямо в грязи, «без подклади». Весной приказчик острога распорядился, чтобы крестьяне судно починили. После ремонта его спустили на воду; дощаник дал течь во многих местах. Целый день крестьяне откачивали из него воду, а ночью дощаник благополучно затонул[46]. Непригодные для плаваний суда казна пускала в продажу или находила более оригинальные способы избавиться от них. В 1690 г. служилым людям тобольского гарнизона вместо денежного жалованья было отдано 26 старых дощаников («которые в ход не годятся»), днище без кровли, 3018 аршин парусного холста, 107 пудов пеньки и 28 пудов смолы[47].

По грузоподъемности речной дощаник в Сибири уступал только большому кочу. Как уже говорилось, весовая четверть в XVII в. не имела единого стандарта. Даже в Сибири она была разной; для взвешивания хлебных запасов в Тобольске применялись, например, «мангазейская» четь в 5 пудов и «енисейская» в 4 пуда. В 1643 г. на два дощаника, идущих в Обдорск, было погружено 447 пятипудовых четей с осьминою (ржаной муки)[48]. Таким образом, на один дощаник приходилось 17,9 т груза, или 200 мешков весом каждого в 89 кг. В 1697 г. грузоподъемность казенных дощаников определялась в 240 четей ржи или 380 четей овса[49]. Если мы возьмем даже минимальную четь в 4 пуда, такой дощаник мог поднять свыше 24 т.

В Мангазейском уезде судостроение существовало в Туруханском зимовье. Уже говорилось о строительстве там набойных лодок и стругов. В 1652 г. Трифон Козлов с Волока Пинежского нанялся делать новый дощаник «в добром лесу сосновом к тунгусскому ходу». Длина дощаника составляла 8 саженей печатных, ширина — 4 аршина с четвертью, глубина подпалубного простран-

ства — 2 аршина. Трифон должен был сдать дощаник с мачтой, реем и навесным рулем, за что получил 23 руб. Казна обеспечивала мастера железными скобами, гвоздями, конопатью и смолой[50]. Торговые люди и промышленники, отправлявшиеся из Туруханска, предпочитали строить каюки.

Что произошло с сибирским дощаником во время петровских преобразований? Грозные указы Петра Первого относительно запрета на строительство «староманерных» речных судов касались только европейской части России. Сибирь оставалась заповедником старины. Описание дощаника (длиной 28 м), построенного в Тюмени в 1727 г., совпадает с аналогичными описаниями XVII в., включая традиционную судовую терминологию[51]. Казенные дощаники строились в Тюмени и во второй половине XVIII в. В 1753 г. там было построено два дощаника, длиной 34,5 м, шириной почти 8 м и высотой подпалубного пространства в сажень. Такой дощаник имел две мачты из ели (19,5 м). Но несколько странно, что в росписи необходимых снастей парус указан только один. Может, одна мачта была запасной? Сам парус был огромен: 17 на 16 м. Дощаники имели по 20 шестов и гребные весла. Но самое главное — они были построены на «старый манер», то есть с железными скобами (5 тыс. скоб на одно судно). Эти дощаники предназначались для доставки чугунных и железных припасов к Барнаульскому заводу на Алтае[52]. В 1764 г. под Тюменью строились шесть двухмачтовых дощаников «для сплава провианта» (длиной 33,5, шириной — 8,5 м)[53]. Недаром на гербе г. Тюмени, утвержденном в 1785 г., в нижней части щита был изображен дощаник (с одной мачтой): «в знак того, что от сего города начинается плавание по рекам всей Сибири»[54].

Таким образом, запретительные указы Петра Первого относительно староманерного судостроения имели лишь частичный успех в европейской части России и никакого — в Сибири. Как традиционная русская культура после петровских преобразований ушла в глубинку (в социальном смысле) и сохранялась как народно-фольклорная, так и традиции судостроения упорно сопротивлялись нововведениям, особенно на периферии.

Каюк Каюки имели весьма широкое распространение на больших и малых реках Обь-Иртышского бассейна. Сибирский каюк представлял собой парусно-гребную крытую лодку. Каюк имел 1–2 пары весел, кормовое весло и мачту с парусом. Большой торговый каюк мог достигать 7 саженей в длину (15 м) и поднимать до 300 пудов хлеба. Стоил каюк на рынке в среднем 5–6 руб.

Наиболее часто каюки использовали торговые и промышленные люди. С одной стороны, каюк позволял перевозить товары и всякого рода запасы на большие расстояния, а с другой — его можно было перетаскивать через волоки. В 1630-е гг. из Туруханска на Нижнюю и Подкаменную Тунгуску уходило ежегодно по 150–200 каюков[55]. Активно каюки использовались при движении «чрезкаменным» путем при переходе из бассейна Печоры в бассейн Оби. Интересный эпизод, характеризующий порой небезопасные условия плавания по рекам Западной Сибири в XVII в., произошел в 1634 г. В начале лета из Тобольска в Обдорск отплыл на одном дощанике письменный голова Петр Айгустов. 9 июня «на реке на Иртыше ниже Самаровских гор из протоки наехали его, Петра, воровские люди, человек сорок, и его де и служилых людей... перегробили... и судовые снасти поимали и побежали вниз Обью рекою». Как позднее выяснилось, это были беглые служилые люди из Томска. Им благополучно удалось миновать заставы березовских казаков, и они с одним стругом преодолели перевалы Северного Урала. На реке Усе (правый приток Печоры) они натолкнулись на встречный караван торговых людей, который состоял из 47 каюков. Караван направлялся в Мангазею, а среди торговцев и промышленников оказался мангазейский стрелецкий сотник Алексей Шафран. Разбойники неожиданно напали на торговцев и отбили четыре каюка. Однако сотник организовал оборону и поставил острожек, в котором промышленники отсиживались три дня. Разбойники заявили, что отпустят всех только в том случае, если им отдадут «животы» (деньги и товары). Сотник Шафран со своим воинством сделал неожиданную вылазку; видимо, схватка была нешуточной, поскольку из всей разбойничьей ватаги в лес ушли только семь человек[56].

Краткие сведения о размерах каюков можно извлечь из сибирских таможенных книг. С судов проезжих торговых людей взималась так называемая посаженная пошлина, которая напрямую зависела от величины судна. Например, в таможенной книге Сургута за 1674/75 г. неоднократно зафиксированы каюки, с которых бралась эта пошлина:

«Да у Гаврилка Романова с судна с каюка крытого, мерою четырех сажен, посаженные пошлины взято по гривне с сажени...

Спиридонко Лукьянов, устюжанин торговой человек Никифорко Иванов Игумнов — шесть человек... Да у них же с судна с каюка крытого, мерою трех сажен... пошлины взято по гривне с сажени...

Устюжанин торговой человек Афонька Кирилов Дьяков... всех тритцать два человека. Головщины взято по осмь денег с человека — рубль, девять алтын, две деньги. Да у них же с судна с каюка крытого, мерою с полпяти сажен, посаженные пошлины взято по гривне с сажени»[57].

Таким образом, длина каюков значительно варьировалась — от 3 до 7 саженей. Как мы видели, каюк Афанасия Дьякова длиной в 4,5 сажени (9,5 м) мог вместить 32 человека. К сожалению, детальных описаний постройки каюков архивные документы не содержат. Однако в нашем распоряжении есть документ, который указывает, как нельзя было строить каюк. В 1685 г. тобольский воевода боярин П. С. Прозоровский решил блеснуть своими познаниями в области судостроения и послал в Верхотурье указ об изготовлении «для всяких тобольских скорых отпусков» 4-х каюков «с кормовыми и с гребными веслы, мерою: в длину по 6 и 5 сажен, поперек по 5 и 6 аршин». Помимо них требовалось еще три лодки набойных, длиной по 4 сажени и шириной в 2,5 аршина. Верхотурский воевода М. А. Толстой без труда нанял за 15 руб. мастеров для постройки лодок. Однако с каюками вышла заминка. Возможно, и сам не до конца понимая тонкостей судового дела, Толстой важно сообщал в Тобольск: «А каюков, господине, в ту меру подрядить немочно, потому что верхотурские всяких чинов люди, судовые плотники, в ту меру каюков делать не смеют, что де длина тем каюкам по шти и по пяти сажен, а поперег по пяти и шти аршин. И на такой де длине и по-дощаничному не делают, потому что де от нижней матицы косые доски приводить нельзя. И о тех каюках, в какову меру делать — шитики ль или по-дощаничному, что ты, господине, укажешь?»[58] Делать «по-дощаничному» означало обшивать судно бортовыми досками вгладь (доски стыкуются друг с другом); «шитики» обшивались досками внакрой (иначе — клинкерный способ), так, например, строили кочи. Таким образом, в данном случае при обшивке вгладь каюк нельзя было построить по причине несоответствия его длины и ширины (3,5: 1 или 2,5: 1). Имеются сведения и о размерах паруса на каюках. В 1654 г. сургутский воевода отправил собранный ясак на трех каюках и выдал при этом три паруса: «в длину парус по пяти аршин с полуаршином, а в ширину по осми полотнищ, да 3 бечевы по 40 сажень»[59]. Парус такого каюка в длину составлял 4 м, в ширину — 4,3 м (ширина одного полотнища равнялась 0,54 см).

По моим наблюдениям, за столетия внешний вид каюков почти не изменился. На известном рисунке из книги Н. Витсена «Северная и Восточная Татария», где будто бы изображены сибирские коч, дощаник и каюк безусловной идентификации поддается только каюк. Он вполне сопоставим с фотографиями западносибирских каюков (крытая дощатая лодка хантов Средней Оби) конца XIX в.[60] Это подтверждает, что использование более поздних рисунков и фотографий для реконструкции каюков XVII в. вполне корректно.

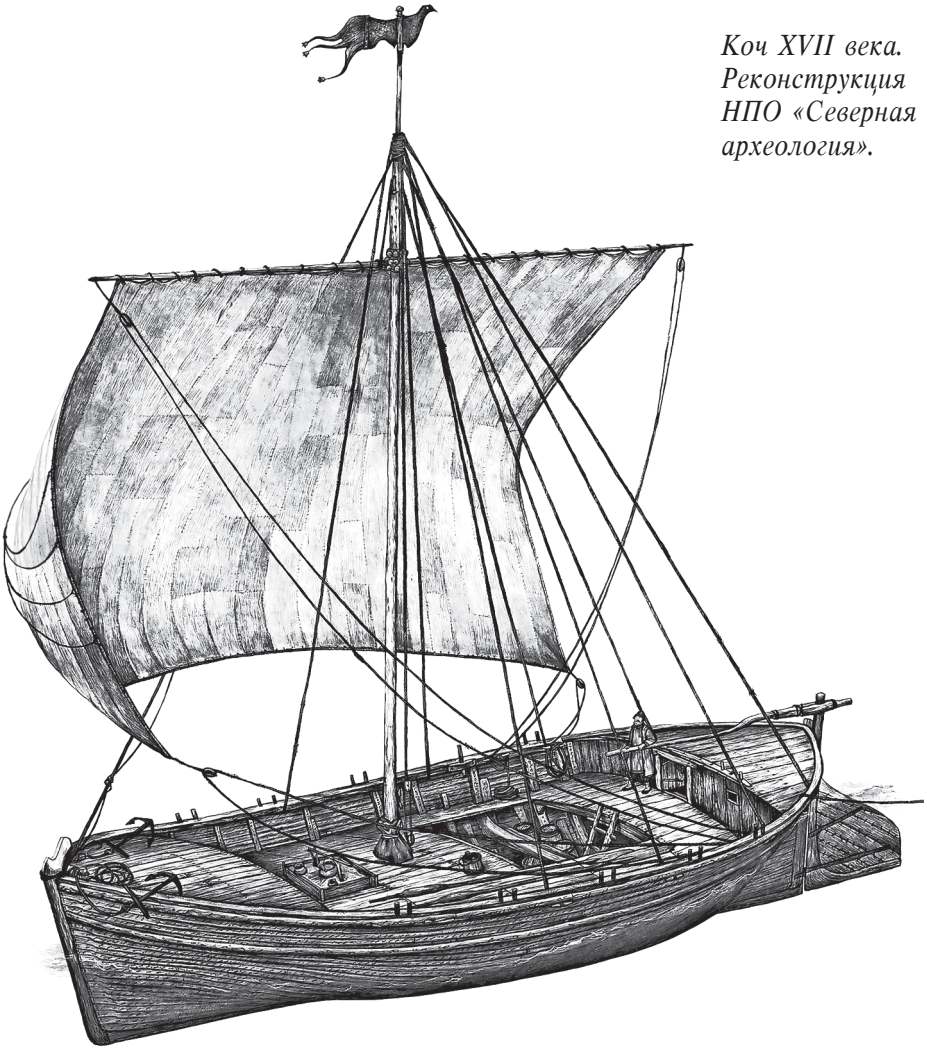
2. Коч и русское освоение Северо-Западной Сибири

Коч, начиная с этимологии самого слова,— одно из самых загадочных судов допетровской эпохи. Это судно использовалось для морского прибрежного плавания в северных морях с заходом в реки. Ареал маршрутов плаваний на кочах для XVII в. весьма широк: Белое, Баренцево и Карское моря, в Сибири — Иртыш, Обь, Обская губа, Енисей, побережье и реки севера Якутии, Охотское море. Письменные источники XVII в. однозначно свидетельствуют, что коч — это одномачтовое судно с одним прямым парусом, на котором в добавление к парусу могли ставиться весла.

М. И. Белов, первый серьезный исследователь коча, указывал на две конструктивные особенности этого судна. Первая отмеченная им особенность привела ученого к убеждению, что ему удалось установить этимологию самого названия судна. В Архангельском областном архиве М. И. Белову удалось обнаружить документ — челобитную холмогорского промышленника Пантелея Орлова, ходившего в конце XVII в. для промыслов на Новую Землю. Орлов жаловался, что во время зимовки на Новой Земле на его становище напала соседняя артель промышленников, которая явившись ночью, «изрубила коцу, то ж — шубу льдяну», вследствие чего Пантелей и его товарищи опасались на обратном пути потерять судно[61]. На основании этого документа М. И. Белов сделал вывод: «Следовательно, название поморского корабля — коча — генетически связано с его важнейшим конструктивным приспособлением — «шубой льдяной», то есть второй ледовой обшивкой, расположенной в районе ватерлинии»[62]. Авторитет М. И. Белова был таков, что долгое время те немногие исследователи, кто занимался данной темой, безоговорочно принимали это положение[63]. Однако, если само содержание документа невозможно оспорить, то его интерпретация М. И. Беловым вызывает сомнения. Ученый уверенно заявил (без ссылок на работы лингвистов), что слово «коч» произошло от слова «коца», «которое закрепилось в Новгородской земле за любой ледовой защитой, в том числе саней, лыж и судов»[64]. Указав на отсутствие ссылки, попутно заметим, что совсем непонятно, зачем нужна какая-то ледовая защита для саней и лыж, предназначенных для передвижения по снегу.

Лишь недавно О. В. Овсянников подверг сомнениям выводы М. И. Белова по поводу «коцы». Он правильно подметил, что во всех других документах о кочах никакой «коцы — шубы льдяной»

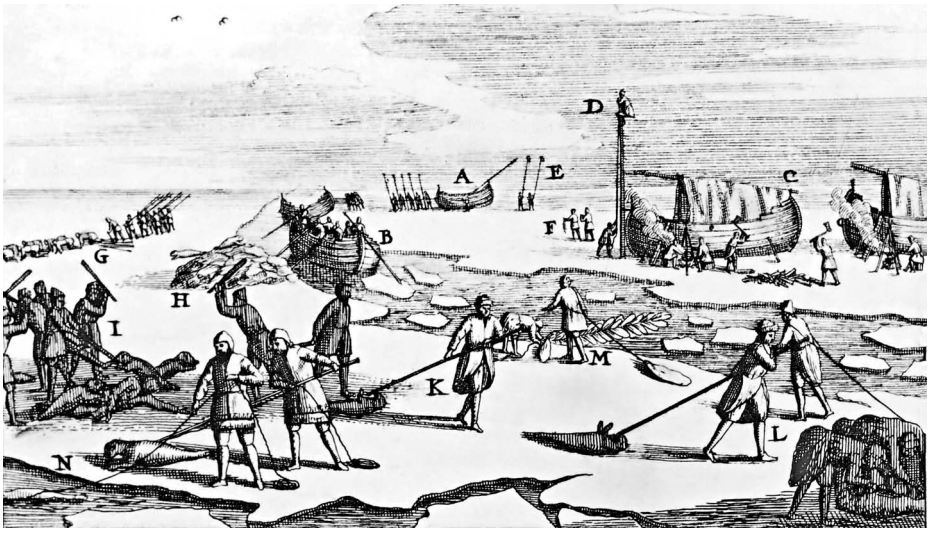
не упоминается. Таким образом, это известие уникально, а другими словами — окказионально (связано только с конкретным случаем). Критик М. И. Белова, отвергнув положение о второй бортовой обшивке, сам пошел по ложному пути. Вот что пишет О. В. Овсянников: «По всей вероятности, судно, имея повреждения, добралось до берега благодаря тому, что обледенело, а когда своеобразный ледяной «пластырь» растаял, то выйти в море, конечно, уже было невозможно»[65]. Охарактеризовав идею М. И. Белова о «шубе льдяной» — второй бортовой обшивке — как недоразумение, О. В. Овсянников тут же создал другое недоразумение. Очевидно, что ученый взял сведения об истории с Пантелеем Орловым только из



Коч XVII века. Реконструкция НПО «Северная археология».

их совместной с М. И. Беловым книги «Мангазея» (1980). А в ней последний почему-то умолчал об обстоятельствах разрушения пресловутой коцы. О. В. Овсянников же проигнорировал книгу М. И. Белова «Подвиг Семена Дежнева» (1973), где челобитная Орлова изложена более подробно. Так что наличие на коче «ледяного пластыря» — тоже недоразумение.

Я предлагаю свою интерпретацию челобитной Пантелея Орлова, исходя при этом из того, что нашим предкам не было чуждо образное выражение мыслей. Обратимся к словарю В. И. Даля, в котором сказано: «кочь и коць, старинная верхняя одежда, род плаща, епанчи»[66]. Пантелей со своими товарищами зимовали на Новой Земле, и коч, естественно, был вытащен на берег. Можно уверенно предположить, что он был укрыт (со снятой мачтой) каким-то плотным материалом (полотном), как раз в целях сохранения от обледенения, занесения снегом и т.п.* Вот эту «накидку» (коцу) и «изрубили» (очевидно, что она обледенела) промышленники-конкуренты. Я согласен с О. В. Овсянниковым, что никакой второй бортовой обшивки



Охота на тюленей. Рисунок из книги Н.Витсена «Северная и Восточная Тартария». Конец XVII в.

* Скандинавы эпохи викингов, будучи дома, зимой хранили свои корабли в специальных сараях, а в походах на зимовке в северных широтах вытаскивали суда на берег и покрывали шкурами животных (вероятно, оленьими). В книге Н.Витсена «Северная и Восточная Татария» (Амстердам, 1692) есть гравюра «Охота на тюленей зимой», где ясно видны два судна, вытащенные на лед и укрытые материалом таким образом, что палуба судна и покрытие образовывали своего рода палатку.

на кочах не могло быть. Таким образом, одной особенности конструкции коча, выведенной М. И. Беловым, просто не существовало.

Другой особенностью коча М. И. Белов считал яйцеобразную форму его корпуса, которая позволяла судну при сжатии льдинами «выжиматься» на лед. И далее в тексте М. И. Белова следует неожиданный пассаж: «За эту особенность голландский географ и этнограф Николай Витсен назвал мангазейские кочи «круглыми судами»[67]. Между тем в русских письменных источниках ничего не говорится об округлой форме коча; «яйцеобразность» корпуса коча М. И. Белов как раз и вывел из характеристики Витсена. На чем же основывал свое мнение сам голландский ученый? В 1664–1665 гг. Витсен посетил Москву в составе посольства, однако ни на Белом море, ни тем более в Сибири он не был. Есть все основания считать, что Витсен, создавая свой труд о северных частях России, позаимствовал характеристику коча у известного славянского ученого Юрия Крижанича, который в 1661–1676 гг. находился в ссылке в Тобольске. В 1680 г., уже за пределами России, Крижанич закончил свое сочинение о Сибири на латинском языке. Этот труд вызвал интерес в Европе, и дотошный Витсен не мог не ознакомиться с ним. Именно в сочинении Крижанича кочи названы «круглыми кораблями»[68], а он имел возможность неоднократно видеть их в Тобольске.

Почему же Крижанич назвал кочи «круглыми кораблями»? Мы можем предложить две версии ответа, которые нисколько не противоречат друг другу. Если заглянуть в специальные работы по истории европейского судостроения, то можно обнаружить такой факт: со времен античности военные корабли назывались «длинными», а торговые и грузовые — «круглыми»; эта терминологическая традиция прошла через все средневековье[69]. Крижанич, как известно, был человеком весьма образованным, много путешествовал и одно время учился в Италии.

Второе соображение выводит нас опять на загадочную этимологию слова «коч». Если не считать «коцы» и «кочана», то из древнерусского языка «коч» не этимологизируется. Зато в морях Северной Европы несколько столетий одним из самых распространенных судов был когг. В письменных источниках когг впервые упоминается в середине X в. (Фрисландия). Этимология этого слова довольно прозрачна. При некоторой разнице в произношении оно существовало во фризском (cocke), голландском (kog, kogge), древне- и средненемецких языках (kuggon, kocke); означало это слово одно и то же — «кривой, изогнутый». А. Б. Снисаренко делает вывод, что «когг получил свое имя за сходство корпуса с формой выпуклого сосуда»[70].

Я допускаю, что беломорский «коч» может восходить к североевропейскому коггу, в пользу чего свидетельствует полная типологическая схожесть судов. Одномачтовый когг с одним парусом был наиболее распространен в Северной Европе в XIII–XV вв.[71] Он являлся основным судном союза немецких городов — Ганзы, которая вела активную торговлю с Новгородом Великим. Основные черты типологической схожести когга и коча заключаются в следующем: и тот, и другой — палубное одномачтовое судно с выпуклыми бортами; оба предназначены как для морских, так и для речных плаваний. Имелись, конечно, и различия. Например, знаменитый бременский когг (его останки нашли в 1962 г. на берегу реки Вессер недалеко от Бремена, датирован примерно 1380 г.) имел размерения: длина 23,5 м, ширина от 6 до 7 м, высота бортов 3,5 м; грузоподъемность судна — около 115 тонн. В дальнейшем тоннаж и размеры коггов увеличивались. Сибирский коч, построенный в Тюмени в 1640-х гг., имел размерения: длина 21,5 м; ширина не указана (она обычно соотносилась с длиной в пропорции 1: 3). Парус мог быть очень большим — до 16 м в высоту, почти квадратный. Грузоподъемность коча тюменской постройки достигала 40 тонн.

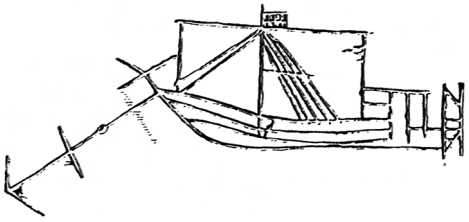
Пути и механизмы культурных диффузий в эпоху средневековья порой непроницаемы для взгляда историка и ставят его перед дилеммой: прямое заимствование или простое совпадение? В ряду наших сопоставлений надо отметить интересный факт. В XIII–XIV вв. в Англии строили раундшип («круглое судно»), которое было предназначено для прибрежных и речных плаваний. Именно на раундшипе был впервые применен навесной руль с пером. Как и на коче, выходить в открытое море на этом судне было рискованно[72]. Суда одного типа на северных морях могли порождаться схожестью географических условий и задач мореплавания, но, как кажется в случае с кочем, необходимо пристально изучать факты технического и терминологического заимствований.

Когда коч возник как особый тип судна? К сожалению, даже приблизительного ответа на этот вопрос дать невозможно. М. И. Белов ограничивается соображением, что коч появился в XVI в. в Поморье, «население которого промышляло на Шпицбергене и Новой Земле и было крайне заинтересовано в быстроходном судне»[73]. Ввиду этого представляется интересным задаться более скромным вопросом: когда впервые слово «коч» упоминается в сохранившихся известных источниках? Наши поиски привели к тому же источнику, что и в свое время В.В. Мавродина[74]. Из известных документов это слово впервые звучит в переводе на английский язык русского письма четырех поморов к Энтони Маршу (о чем уже говорилось в гл. I).

Напомним, что письмо относится к 1584 г. Но следует обратить внимание на то, что в английском тексте суда названы «cochimaes», то есть «кочмы», а не «кочи». В русских документах кочи впервые появляются в царской грамоте 1597 г. верхотурским воеводам, где речь идет о подготовке похода в земли «Мунгазеи»[75].

Наши знания о кочах были бы вообще крайне скудными, если бы не Сибирь, в освоении которой выходцы из Поморья сыграли огромную роль. Может показаться странным, что именно с конца XVI в. коч, явно существовавший ранее, буквально врывается на страницы официальных документов, причем документов, связанных с Сибирью. Однако внезапное «появление» коча в языке деловой переписки данного времени вполне объяснимо. Дело в том, что обильное и преемственное делопроизводство в инстанциях местного управления как раз и возникает на рубеже XVI–XVII вв., вместе с введением воеводского управления. Предыдущие формы местного управления XVI в. почти не оставили нам документов, поскольку не предусматривали делопроизводственной «бюрократии». С другой стороны, рыбные и моржовые промыслы жителей побережья далекого Белого моря до поры до времени просто не интересовали московские власти. Судостроение на Белом море было в полном смысле слова делом народным. Иное дело — освоение Сибири, «государевой заочной вотчины», которое правительство сразу после похода Ермака взяло под свой контроль. И здесь официальные власти в лице воевод столкнулись с потоком слабо контролируемой народной колонизации и транспортными средствами, при помощи которых осуществлялась эта колонизация. В переписке сибирских воевод с Москвой замелькало слово «коч».

Ниже в хронологическом порядке представлена история плаваний на кочах в Северо-Западной Сибири. Осенью 1601 г. в Пустозерске вынужден был зазимовать караван промышленных людей, которые шли на четырех кочах из Холмогор в Сибирь. В конце июня 1602 г. кочи отправились дальше — через Ямальский волок в Тазовскую губу и Мангазею. Обстоятельно рассказал об этом плавании его участник, Леонтий Шубин по прозвищу Плехан, расспрошенный в 1623 г. тобольскими воеводами[76]. Леонтий Плехан и его товарищи шли на «малых кочах». На каждом судне находилось по 10 человек и 6,5 тонн груза. К сожалению, точные размерения и оснастка этих ко-



Малый коч. Изображение на доске, найденной при раскопках Мангазеи.

чей остаются неизвестными; тобольские воеводы не посчитали нужным расспрашивать об этом. Из рассказа Плехана ясно, что малые кочи являлись парусно-гребными судами. Без весел было трудно обходить льды в море и подниматься по рекам против течения. В данном походе промышленникам повезло. От устья Таза до г. Мангазея они «бежали парусным погодьем» всего двое суток, в то время, как «своею силою» надо было идти не менее 10 дней. Тем не менее путь от Пустозерска до Мангазеи занял у них три месяца. Вместе с Леонтием Плеханом в Тобольске вспоминал свои походы промышленный человек Фома Борисов с Пинеги. Караван, участником которого он был, состоял из 16 кочей и 160 промышленников. В 1613 или 1614 г. они вышли из устья реки Кулой и за одну навигацию дошли до Мангазеи через тот же волоковый путь на Ямале.

С основанием Мангазеи строительство казенных кочей в Сибири стало регулярным, хотя частных кочей по Оби и Обской губе ходило, безусловно, больше. Однако заказы частных лиц на строительство судов в официальной документации не зафиксировались. Расходы же на постройку казенных кочей и деловая переписка по этому поводу хоть в какой-то мере отразились в материалах местных воеводских изб и Сибирского приказа.

Для новой смены воевод, отправлявшейся из Москвы в Мангазею в 1603 г., на Верхотурье должны были построить 15 «судов морянок» — очевидно, тех же кочей[77]. Немного озадачивает такое большое количество казенных кочей, предназначенных для мангазейской «посылки». Абсолютно точно известно, что в Мангазею на годовую службу посылалось 100 служилых людей из Тобольска и Березова. Даже если учесть, что двум воеводам с их семьями и дворовыми людьми выделялось по кочу, то 15 судов в данном случае все равно являлись непонятной роскошью. Или правительство страховалось таким образом от возможных крушений, или кочи начала XVII в. строились по образцу «малых кочей», о которых говорилось выше.

В грамоте из Москвы в Верхотурье от 27 декабря 1606 г. кратко указывалось сделать под мангазейские хлебные запасы и годовальщиков «кочи или морянки против прошлого 114-го году», но точное их число не названо[78]. В январе 1610 г. воевода в Архангельске получил грамоту из Москвы, в которой предписывалось выслать на Верхотурье «кочевого мастера уставщика». Любопытно, что инициировала эту грамоту челобитная тобольского стрельца Тараса Нефедьева, что можно легко объяснить. «Сухопутным» верхотурским воеводам в целом было мало дела до качества построенных по их распоряжениям кочей. Но служилым людям, переправлявшимся через Обскую губу, мореходные качества судов были далеко не безраз-

личны. Построить крепкий коч могли только опытные корабельные мастера из Поморья. Выполняя распоряжение, двинский воевода отправил в Верхотурье уставщика из пинежан Селивана Мелентьева[79].

В 1610-е годы заказы на казенные кочи, строившиеся на Верхотурье, уменьшились. В 1614 г. воеводе С. С. Годунову указывалось «зделать для мангазейского ходу 10 кочей, а зделав те кочи, велено слать в Тобольск с хлебными запасы вместе, чтоб те кочи к мангазейскому ходу поспели»[80]. В январе 1615 г. березовские воеводы писали в Москву, что в Мангазею годовальщики отправляются на 10 кочах, сделанных на Верхотурье; в самом же Березове кочи не строят. Москва заверила воевод, что нужное количество судов в этом году, как и прежде, будет построено[81]. Однако в следующем, 1616 г., годовальщики ушли на службу только на четырех кочах. Возможно, что о сокращении числа казенных кочей (а соответственно — и расходов) распорядился новый тобольский воевода князь И. С. Куракин (1616–1620 гг.), который вообще проявлял немалый интерес к плаваниям в Мангазею.

Судя по всему, кровавые события Смуты в центре государства не мешали интенсивным плаваниям поморов в Нижнее Приобье. Можно предположить даже обратную ситуацию: ослабление центральной власти создавало больше возможностей для незаконной торговли с сибирскими аборигенами и укрывательства пушнины от таможенных сборов. В 1617 г. 170 промышленных и торговых людей заявили перед мангазейскими воеводами: «Ходят де они... с Пинеги и с Мезени и с Двины морем, которого лета льды пропустят, в Монгазею для промыслов своих лет по двадцати и по тридцати и болши, на Пустоозеро и на Карскую губу на волок», причем в «легких судех»[82].

В начале XVII в. о пути из устья Печоры в Мангазею через Ямал писали англичане. Английскому торговому агенту Ричарду Финчу, жившему в России с 1605 г., было известно, что «от Печоры до Мутной реки (в средней части полуострова Ямал — *Е. В.*) и до Мангазеи плывут семь недель на лодках, называемых кочи (coaches)». Далее Финч описывает волоковый путь в Обскую губу, который совпадает с рассказом Леонтия Плехана. Несколько особняком в отношении названий русских судов, ходивших в Мангазею, стоит известие англичанина Вильяма Персглоу, который зиму 1611/12 года провел в Пустозерске и собирал сведения о Сибири от местных жителей. Он писал: «От Меденского заворота до острова Вайгача два дня пути морем на русской лодье (lodia)... Поднимаясь по реке Таз, русские построили крепость Мангазею, куда приходят все звероловы и приносят с собой меха. Сюда приходят также соймы (soymas) или

боты русских и пустозерских жителей со своею мукою и другими товарами». Описывая волок через Ямальский полуостров, Персглоу продолжает избегать слова «коч»: «Когда русские плывут в Мангазею в своих соймах, то они идут... узкой рекой, названной Мутная река... а из нее они тянут свои боты волоком по небольшой косе в реку Зеленую»[83].

Сообщения Леонтия Плехана, Ричарда Финча и другие источники XVII в. говорят о том, что в Пустозерске на пути в Сибирь останавливались именно кочи. Почему же Персглоу называет соймы и боты? Боты как тип крупного наборного судна русским источникам XVII в. неизвестны (в документах встречаются лишь ботники — небольшие долбленые лодки). Возможно, что современный переводчик текста Персглоу использовал просто кальку с английского *boat*. Что касается употребления Персглоу слова «сойма», то мне кажется, что дело заключается в конкретном информаторе любопытного англичанина. Соймы как тип новгородско-двинского судна встречаются еще в XIV в. Есть даже мнение, что соймы существовали с XI в. и строились сначала на Ладожском озере, а в XII–XIII вв. стали первым типом судна, на котором новгородские колонисты Поморья стали выходить в море[84]. Судя по источникам, соймы были как речными, так и морскими судами; известно, что в 1710 г. из Архангельска на морские промыслы вышло семь сойм. Возможно, что пустозерский информатор Персглоу происходил из того района Поморья, где исторически наиболее употребительным для обозначения морского судна было слово «сойма».

Мангазейский морской ход из Поморья в Обскую губу был запрещен по инициативе тобольского воеводы князя И. С. Куракина[85]. Промышленники, поддержанные мангазейскими воеводами, пробовали отстоять этот путь, но безуспешно. Проявив упорство, Куракин за три года сумел убедить московское правительство, что старинная поморская дорога в Северо-Западную Сибирь в любой момент может оказаться в руках предприимчивых европейцев[86]. Царский указ от 29 ноября 1619 г. запрещал ходить в Мангазею «большим морем» и устанавливал для торговых людей и звероловов только два пути в Сибирь: на Березов «через Камень» и на Тобольск (через Верхотурье)[87]. После этого значение южного (только сибирского) варианта водного пути в Мангазею — по Туре, Тоболу, Иртышу, Оби и Обской губе — намного возросло.

М. И. Белов, видимо, был уверен, что строительство кочей в Верхотурском уезде продолжалось вплоть до конца существования самой Мангазеи. Не имея данных о частном судостроении, скажем, что строительство государевых кочей определенно прекратилось

в Верхотурском уезде между 1616 и 1624 годами. Оно было переведено в Тюмень. Возможно, что инициатива переноса «кочевого дела» в Тюмень принадлежала тобольскому воеводе князю Ю. Я. Сулешеву (1623–1625 гг.), который прославился своими реформами по управлению Сибирью. В июне 1624 г. он отправил на двух кочах 50 годовальщиков в Мангазею. Мангазейским воеводам Сулешев указал выслать в Тобольск имевшиеся судовые снасти, накопившиеся с 1620 г. В этом же 1624 г. он распорядился сделать на будущий год для перевозки хлебных запасов 10 лодей и 10 дощаников в Верхотурском уезде и столько же судов в Туринском уезде; на Тюмени же было указано сделать «для мангазейского ходу» четыре коча[88].

После запрещения морского прибрежного пути в Мангазею он стал быстро забываться. Уже в 1627 г. тобольские воеводы писали в Москву, что «в Тобольску знатцов, кто б водяной путь старой дороги из Мангазеи рекою Тазом на Зеленую и на Мутную реку да на Карскую губу и большим морем к Арханьилскому городу и на Пустоозеро подлинно знал, нет, роспросить некого»[89]. Но, разумеется, Тобольск не был тем местом, где бы оседали знатоки «Студеного моря». В Поморье и Сибири еще живы были многие промышленники, не раз ходившие старой дорогой в Мангазею. Можно предположить, что только с середины XVII в. Мангазейский морской ход стал окутываться туманом легенды.

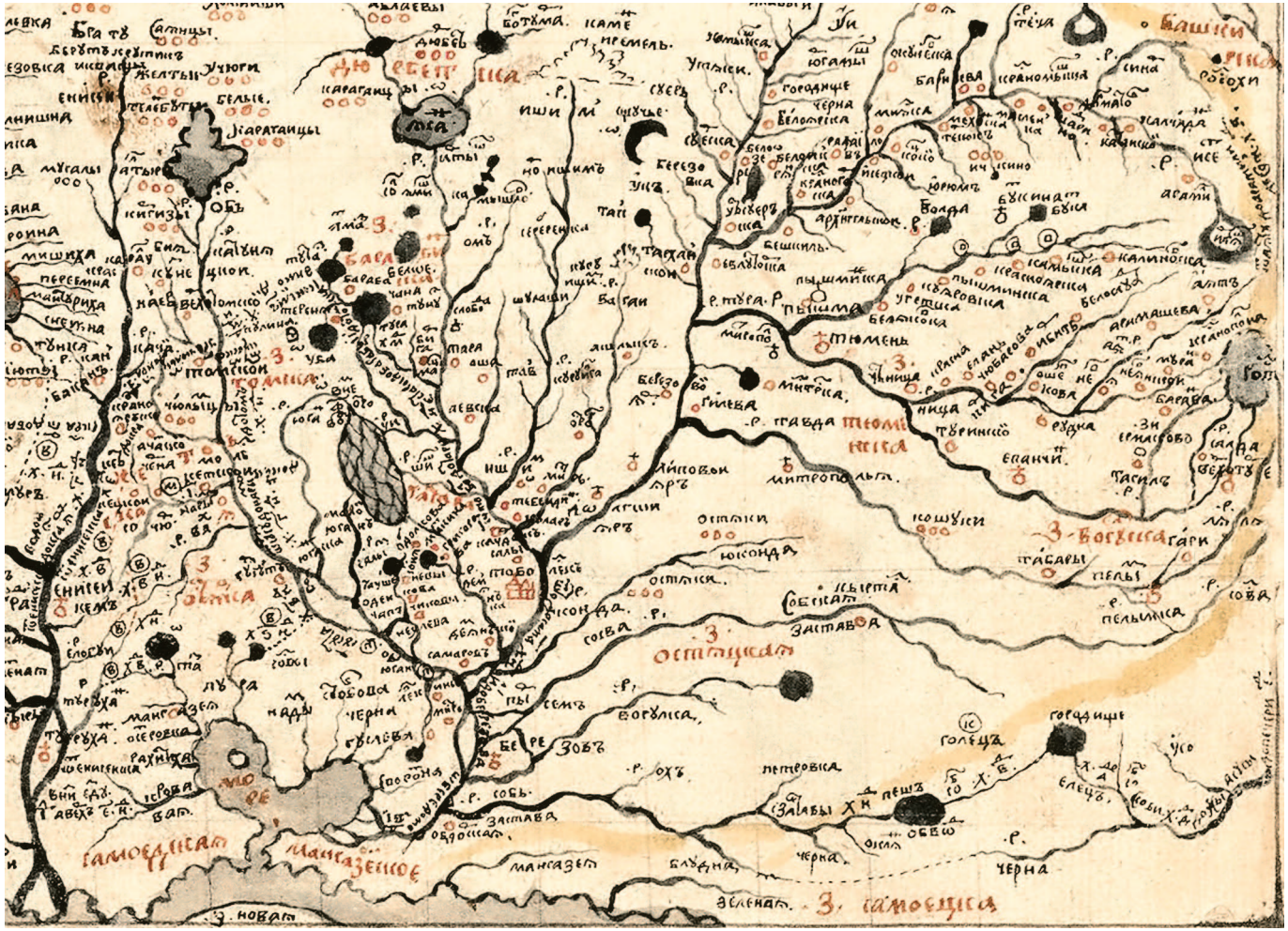
Не имея представлений о природно-климатических условиях Ямала, московское правительство после запрещения морского хода упрямо требовало от тобольских воевод организации на ямальских волоках сезонной заставы служилых людей. В 1620-е годы из Тобольска несколько раз пробовали устроить такую заставу, но из этой затеи в целом ничего не вышло. Например, летом 1626 г. из Березова на Ямал на одном коче отправились 45 служилых людей во главе с атаманом Иваном Бобарыкиным. До островов в устье Оби они три недели шли на веслах, «потому что ветры де им были встрешные». К сожалению, источники, не раз упоминая о том, что кочи могли ходить «гребью», не говорят о количестве весел. Далее Бобарыкин шел вдоль восточного побережья Ямала до Русского заворота. Надо заметить, что поморы были не слишком изобретательны на оригинальные названия приметных береговых мест. В частности, по Мангазейскому морскому ходу существовало несколько мысов, носивших название Русский заворот. В данном случае Бобарыкину не удалось обогнуть современный мыс Каменный. Здесь коч был встречен бурей и сильно пострадал: «парус на коче изодрало и сапец у коча выломало и павозок разбило и коч с якорей сбило и прибило за кошку». Простояв в ожидании благоприятной погоды шесть недель, Бобарыкин повернул обратно[90].

Тем не менее, и после запрещения северного варианта Мангазейского хода, в 1620–30-е годы число промышленников, приходивших в Мангазею на кочах, было значительным. Этот факт хорошо известен, а М. И. Беловым составлена даже хронологическая таблица плаваний в Мангазею на кочах[91]. Не учтенный им архивный источник позволяет уточнить сведения о количестве и путях следования кочей в Мангазею в это время. Речь идет о мангазейской книге сбора поголовной пошлины 1629/30 г.[92] В ней зафиксированы суда и количество прибывших на них промышленных и гулящих людей, с которых была взята пошлина в размере 60 копеек с человека. Данные книги относятся к судам, бросившим якорь у Мангазеи в конце августа — осенью 1629 г. Книга перечисляет 32 казенных и частных коча, в то время, как в таблице М. И. Белова, под этим годом указано лишь 18 судов. Владельцем одного из кочей являлся Леонтий Иванов Плехан (тот самый, который еще в 1602 г. ходил в Мангазею через Ямал). Видимо, к этому времени Плехан стал состоятельным человеком и потому не сопровождал коч; на его судне пришли в Мангазею 26 человек. Но самое интересное заключается в следующем. Некий Семен Юрьев Коткин оказался владельцем двух кочей: один из них назван «сибирским», другой — «черезкаменным». Последняя помета стоит и против имен владельцев еще двух кочей, Демида Григорьева Устюжанина и Якова Тармашина. Это означает, что три коча вышли из бассейна Печоры в Обскую губу старинным водно-волоковым путем через перевалы Северного Урала.

С. В. Бахрушин в своем обстоятельном очерке о путях в Сибирь был уверен, что чрезкаменным путем ходили лишь в «малых суднех». Говоря о трудностях этого пути, С. В. Бахрушин писал, что по нему ходили либо «в лодках черезкаменных набойных» с парусом, либо в однодеревках. Ученый сделал вывод: «На таких «худых лодчёнках» невозможно было везти большую поклажу, и это служило значительным препятствием к пользованию этим путем»[93]. Наш источник однозначно свидетельствует, что «каменным волоком» ходили и на кочах — иначе не было смысла разделять кочи на «сибирские» и «черезкаменные». Трудности пути компенсировались количеством людей, которые тянули кочи через волоки. На трех кочах, прибывших в Мангазею в 1629 г. этим путем, находилось не менее 65 человек. Разумеется, «черезкаменных» кочей было намного меньше, чем «сибирских», и они относились, видимо, к типу «малых» кочей. «Сибирские» же торговые кочи, зафиксированные в мангазейской книге,— это те, что строились по частным заказам на плотбищах Западной Сибири и ходили по Иртышу и Оби.

Упадок торгово-промыслового и административного значения Мангазеи был столь же стремительным, как и взлет. Начиная

Море Мангазейское с урочищи. Карта из «Чертежной книги Сибири» С.У.Ремезова. Конец XVII в.



Северо-Западная Сибирь. Фрагмент карты из «Чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова. Конец XVII в.

с 1630-х гг., поток торговых кочей почти полностью за несколько лет иссяк. Своеобразной исторической справкой к упадку торгового судоходства по наиболее оживленному пути в Мангазею является отписка мангазейского таможенного головы Ивана Саблина в Москву (1655 г.). Саблина обратиться к документам мангазейского архива заставило прибытие в 1653 г. из Тобольска следственной комиссии в составе сына боярского Петра Грузинца и подьячего Дмитрия Бессонова. Комиссия должна была выяснить причины хронического недобора в мангазейской таможне десятой пошлины за 20 лет, с 1632 по 1652 г. Недобор же этот, по расчетам тобольских властей, составил в целом более 100 тыс. рублей.

Ориентируясь на время пребывания в должности своих предшественников, Саблин писал, что при таможенных головах до И. Кокорина и П. Брагина (до 1636 г.) «приходили из Сибири в Мангазею морем многие торговые кочи с хлебными запасы и с русскими товары, в год кочей по 50 и больше». В это благословенное для казны время в Мангазее зимовало не менее 1000 человек, а на промыслы на Нижнюю и Подкаменную Тунгуски отправлялось более 200 каюков. При Кокорине и Брагине на Таз приходило по 30–40 кочей, а на Енисей уходило по 150–200 каюков. При И. Толстоухове и С. Осолихине (конец 1630-х годов) тоже приходили «многие кочи», каюков же промышленных людей насчитывалось не менее 100. Ввиду такого количества промышленников, пишет Саблин, в Мангазее «притон был большой и пожитки немалые», а соответственно — и большие таможенные сборы. По мнению Саблина, торговые и промышленные люди перестали ходить в Мангазею кочами с тех пор, как «Енисейский острог распространился и Лена объявилась». При таможенных головах М. Шемякине и Д. Кубасове (вторая половина 1640-х годов), которых сменил Саблин, в Мангазею еще приходили торговые люди с «русскими товары», но уже на казенных кочах. Нарисовав печальную картину упадка «златокипящей государевой вотчины», Саблин писал: «А при мне, государь, холопе твоем, во всех трех годех в приходе в Мангазею на Таз с Руси и из Сибири морем торговых людей» было только четыре человека. Саблин повторяет то, о чем давно уже информировали Сибирский приказ мангазейские воеводы: фактическим центром уезда («самым притонным местом») стало Туруханское зимовье[94].

Таким образом, с рубежа 1630–1640-х годов торговое судоходство по Обской губе прекратилось. В 1639 г. мангазейские служилые люди писали в коллективной челобитной, что «по многие годы» в Обскую губу «приходят встрешные бури великие и кочи валом наливает и для кочевые льготы, чтоб кочи валом не налило, запасы

мечют в воду, и прибивает те выметные запасы муки к кошкам. И как погодье утишитца, и те моклые запасы муки по кошкам збирают и привозят в Мангазейской город, сколько сыщут». В следующем году стрельцы повторили свою челобитную с просьбой присылать из Тобольска хлеб в виде муки, а не рожью (в зернах), поскольку мокрая рожь прорастает и гниет[95].

С этого же времени документы начинают фиксировать частые крушения кочей в Обской губе. Помимо ухудшения погодных условий, можно предположить другие причины частой гибели кочей. Во-первых, казенные кочи строились хуже, чем «на торговую руку». Во-вторых, уже не сопровождаемые частными судами, казенные кочи остались без кормщиков — «знатцов» морского хода вдоль южного побережья Обской губы. В сентябре 1641 г. в Мангазею из Тобольска шел коч во главе с пятидесятником Л. Семеновым. Коч перевозил 25,7 т муки, 140 пудов соли, а также служилых и промышленных людей. Позднее Семенов рассказывал: «... И шли они с Обдора 2 недели, и как де они будут в голомени против сопок, и в том де месте учал им быть противной ветр, и стояли на том месте 2 дни. И у коча де их шейма и якорь переломились, и коч бросило на кошку и заморозило». Оказавшиеся поблизости самоеды разграбили запасы с коча, а само судно «иссекли»; служилым людям удалось добраться до Обдорска[96].

В августе 1642 г. по Обской губе в Мангазею направлялись семь кочей (2 государевых, 4 торговых и коч с новым воеводой князем П. М. Ухтомским). Как отписывал в Москву Ухтомский, 18 августа «на море под Черными горами» все кочи «погодою разбило, в результате чего хлебные запасы и «торговых людей товары потонули». Воевода и служилые люди добрались до Мангазеи сухопутной дорогой на нартах. Торговые люди и промышленники зазимовали на Пуре и отправились к месту крушения кочей, чтобы поискать разбросанные по берегу мешки с хлебом и свои товары. Этот поход закончился печально — около 70 человек погибли «от стужи». Еще несколько человек, оставшиеся в зимовье на Пуре, были убиты самоедами или умерли от цынги[97].

Не удовлетворившись сообщением воеводы, в Сибирском приказе в 1643 г. расспросили очевидца — мангазейского стрельца Василия Петрова, сопровождавшего казенный коч. Последний уверенно заявил, что кочи потерпели крушение «потому, что на твоих де государевых кочах кормщиков и знатцов, служилых людей, в морском ходу не было. А они де, служилые люди, того морского ходу нихто не знали, а как бы де кормщики, которые море знали, были — и твои де государевы кочи мочно было уберечь, и розбой бы морской не

был для того: где те кочи розбило, и ниже того была река Столбовая. И в тое де было реку, только б кто знал, уйти от погоды было мочно». Тот же стрелец Петров указал еще на несколько причин неудачных плаваний: «Потому де, государь, те твои государевы хлебные запасы в кочах и пропадают, и на море их розбивает, что их из Тобольска позно отпущают. А задержка и мешкота тем хлебным запасам учала быть потому, что на Тюмени де кочи учали делать позно». Далее оказалось, что в Тобольске мука выгружалась из кочей, на берегу ее взвешивали и грузили обратно; вся эта бюрократическая операция занимала три недели. Стрелец указывал на трудности в управлении судном, так как «кочи перед старыми кочами учали делать больши двема саженми, а людей живет на кочах не помногу, человек по 10 и 15, а больши того не живет, а гулящих людей для грузу приимать не велят». Петров смело доложил в Сибирском приказе, что он и его товарищи просили тобольского воеводу князя П. И. Пронского дать им на кочи «знатцов и кормщиков, чтоб хто знал море: в погоду розбойные места, кошки и каменье обходить или где от погоды в реку уходить». Тобольские власти близоруко отказали в этой просьбе, так как кормщиков еще надо было найти и нанять за плату. Петров сообщил, имея в виду казенное судостроение, что «делают на Тюмени по вся годы только коча по два, и те ис сырово лесу, а в иной год и по три, а больше де того не делывали». Далее стрелец выразил просьбу своих товарищей назначать их, мангазейских служилых людей, при строительстве кочей к плотникам в приставы, дабы они следили, чтобы «кочи и утуги и седелки и всякие крепости» делались должным образом.

В Сибирском приказе посчитали целесообразным воспроизвести речи стрельца Васьки Петрова в грамоте новому тобольскому воеводе князю Г. С. Куракину. Последний был вынужден озаботиться состоянием «кочевого дела» и послать соответствующие распоряжения в Тюмень. Тюменский воевода Семичев в своих отписках поставил Куракина перед новой проблемой. Он сообщал, что до 1642 г. кочи в Тюмени делали по 8 саженей в длину, а в 1642 и 1643 годах их начали строить по 10 саженей. Ранее казна платила кочевым плотникам (уставщикам) по 38 руб. за коч; теперь постройка коча оценивалась в 43 руб. Плата за коч новых размеров была недостаточной. На эти деньги мастера должны были нанимать крестьян для заготовки леса, платить рядовым плотникам, закупать смолу и лыко на конопать. За два предыдущих года тюменские кочевщики «обдолжали и обнищали», так как строили государевы кочи, беря недостающие суммы в долг. Наученные горьким опытом корабельные мастера осенью 1643 г. устроили забастовку. Призванные воеводой в съезжую

избу, они отказались брать по 43 руб. за строительство кочей к очередной навигации. Мастеров, очевидно, было четверо, так как весной 1644 г. планировалось сделать четыре коча. Изобретательный воевода Семичев указал «доправить» на кочевых плотниках поручные записи (принцип круговой ответственности), но и этот в целом весьма распространенный прием не имел успеха. Не имея поручных записей, кочевщики оказались в тюрьме: «И кочевые де плотники Микифорко Мануйлов с товарищи стоят на правеже, а с правежу сажает их в тюрьму потому, что поруки де по них нет, и денег на то кочевое дело не емлют потому, что де им... в ту цену кочей не зделать». Тобольский воевода Куракин, не ломая голову, переправил все эти проблемы в Москву. Решения Сибирского приказа (от 8 марта 1644 г.) дошли до нас в черновом варианте и сводились к следующему: 1) если с 1642 г. кочи в Тюмени делают по 10 саженей, то так делать и впредь; 2) плату кочевым мастерам увеличить до 45 руб. за судно; 3) увеличить количество служилых людей на кочах, идущих в Мангазею; 4) давать на кочи «добрых кормщиков», которые знали бы морской ход; 5) не жалеть при необходимости судовых снастей[98].

В то время, как велась эта переписка, еще не было известно, какая катастрофа постигла караван кочей, вышедший из Тобольска 13 июля 1643 г. Караван состоял из двух казенных кочей с хлебными запасами, коча торговых людей и судна, на котором направлялся на службу в Мангазею дьяк Г.Г. Теряев[99]. К слову сказать, среди служилых людей, сопровождавших государевы кочи, снова находился мангазейский стрелец Васька Петров. 15 августа кочи вышли в Обскую губу, а еще через четыре дня, примерно на полпути до устья Таза, три коча потерпели крушение («на отстое разступились»). Люди с тонувших судов «плыли и брели на берег на веслах и на досках и на карбасах»; жертв с разбитых судов, видимо, не было. Целым остался коч дьяка Теряева, который выбросило на песчаную косу. Однако с мели его удалось снять только через две недели («коч замыло на кошке песком»). Богдашко Кочевщик и еще около 15 промышленных людей остались зимовать возле своих выброшенных на берег товаров. Семь человек были отправлены Теряевым на карбасе обратно с сообщением о случившемся (их судьба неизвестна). Остальные 70 человек разместились на коче дьяка и отправились в дальнейшее плавание, которое продолжалось всего день. «Против Черных гор Столбовой реки» коч был встречен северным ветром и вновь выброшен на берег. На этот раз судно с мели снять не удалось.

Положение потерпевших крушение осложнилось тем, что на них напали самоеды, которые осаждали временный лагерь восемь недель. Осажденные решились на вынужденный шаг: в начале ноября

«пошли нартным ходом берегом в Мангазею». Самоеды не прекращали нападения, в результате чего отбили у русских людей «8 нарт з запасы и с товары и с оружьем». Можно сказать без преувеличения — с боями участники неудачного плавания дошли до устья реки Пур и снова «дрались» с самоедами «многое время». Путь от Черных гор до устья Таза занял тоже восемь недель; «и взял де их голод, потому что им самядь ходу не дала и запасы отгромили, и стали служилые и промышленные люди з голоду помирать, и померло человек с 50», в том числе и дьяк Теряев. Уже поднимаясь вверх по Тазу, выжившие участники экспедиции дали знать о своем бедственном положении в Мангазею. Помощь пришла, и к середине января 1644 г. «всех в Мангазейской город служилых и промышленных людей пришло и приволокли человек з дватцать». Среди выживших оказался и везучий стрелец Васька Петров[100].

С. В. Бахрушин утверждал, что в 1644 г. в Мангазею отправились два казенных коча во главе с сыном боярским Меньшим Ремезовым; один коч разбился, другой вернулся в Тобольск[101]. Для ученого, который был знаком с соответствующими документами Сибирского приказа, подобная небрежность удивительна. По документам можно восстановить перипетии этого похода, которые, вследствие их информативной насыщенности, достойны особого внимания. Два документа из трех основаны на показаниях самого Меньшого Ремезова (даны в Обдорске перед березовским атаманом Иваном Аргуновым и в Тобольске перед воеводой князем Г. С. Куракиным), что, ввиду замалчивания Ремезовым невыгодных для него фактов, потребовало определенных усилий для правильной реконструкции событий[102].

В конце июня 1644 г. из Тобольска отправились четыре государевых коча с хлебными запасами для Мангазеи. Во главе каравана стоял тобольский сын боярский Меньшой Ремезов, но на одном из кочей находился сыщик письменный голова Алексей Коковинский, что автоматически выводило судно из-под командования Ремезова. Сыщик, как говорилось выше (гл. I), направлялся в Мангазею для расследования взаимных жалоб местных стрельцов и дьяка Богдана Обобурова. Сам дьяк тоже снова ехал в Мангазею: во-первых, он самовольно покинул город, не сдав дела воеводе князю П. М. Ухтомскому; во-вторых, расследование требовало, видимо, его присутствия. В качестве наказания дьяк не был взят на казенные суда, а являлся пассажиром на коче торговых людей, который шел отдельно от каравана. Из-за встречных ветров казенные кочи продвигались медленно. У Обдорского городка они шесть дней дожидались кочей торговых людей (хотя за ними шел только один коч с дьяком

Обобуровым). Наконец караван вышел в Надымскую Обь, где в «островах» снова пришлось задержаться и сниматься с мелей. Кочи направлялись вдоль восточного побережья полуострова Ямал до реки Подсопошной, откуда должны были повернуть к Русскому завороту у Надымской губы. У Подсопошной суда дожидались попутного ветра 12 дней, пока не продолжили путь, видимо, при сильном «пособном» ветре. Через полдня плавания сломался рей на коче, где находился А. Коковинский. Немного позднее на коче, которым командовал пятидесятник Пятой Арбенев, «щогла сломилась по прибоины» (то есть мачта сломалась почти у палубы). Ремезов с двумя кочами продолжал путь, однако ветер переменился, и в конце концов где-то восточнее устья реки Надым (у «Крикова разбоя») «государевы кочи розбило и... хлебные запасы рознесло водою, а иные засыпало песком». Как следует из дальнейших событий, оставшийся без мачты коч Арбенева выбросило на берег в том же месте (таким образом, у «Крикова разбоя» на берегу оказались уже три казенных коча).

Крушения двух кочей Ремезова у «Крикова разбоя» произошли 18 августа. Почти три недели Ремезов и служилые люди находились у поврежденных кочей. В какой-то из дней мимо «пробежали парусы» коч с Коковинским и коч торговых людей (с дьяком Обобуровым). Здесь историк вынужден заполнить пробел, который содержится в объяснениях Ремезова. Сам Меньшой Ремезов решил возвращаться обратно и начал строить из разбитых кочей два карбаса. К нему присоединился пятидесятник Арбенев, 34 служилых и 3 опальных (ссыльных) человека. Еще 15 служилых людей построили «особный павозок», который на обратном пути к устью Оби потерялся в тумане (источники позволяют допустить, что этот павозок и был вторым карбасом). Ремезов отправился в обратный путь 7 сентября, и в тот же день его карбас пронесло мимо выброшенного на берег коча торговых людей. Сын боярский разглядел даже стоящего возле коча дьяка Обобурова. Через Обдорск, Березов и далее зимним путем Меньшой Ремезов 15 декабря прибыл в Тобольск, где и рассказал о судьбе каравана. Но о чем-то весьма существенном Ремезов при объяснении в Тобольске умолчал.

В расспросных речах сын боярский ни разу не упомянул имени пятидесятника Ивана Ярославца. Между тем, уже в марте 1645 г. тобольскому воеводе стало известно, что до Мангазеи все-таки добрались три коча: с сыщиком Коковинским, торговый коч с Обобуровым и коч пятидесятника Ивана Федорова Ярославца. Самым благополучным в этом плавании оказался коч Коковинского: на нем заменили только рей, хотя часть запасов муки пришлось выбросить в воду. Торговым людям удалось отремонтировать свой коч, выброшенный

на берег. Пятидесятник Иван Ярославец, безусловно, возглавлял тот коч, который потерпел крушение вместе с кочем Ремезова у Крикова разбоя. Не менее очевидно, что здесь мнения командиров разошлись. Сын боярский, поддержанный пятидесятником Арбеневым, строил карбасы для обратного пути, а Ярославец со своими людьми попытался отремонтировать коч для дальнейшего плавания. Ему удалось даже привести судно в Мангазею с каким-то количеством муки. Таким образом, возглавлявший караван Меньшой Ремезов не выполнил до конца порученной ему «службы», в то время как Иван Ярославец проявил себя с наилучшей стороны[103].

Неудачное плавание Меньшого Ремезова позволяет, как мне кажется, прояснить одну картографическую загадку, которой необходимо уделить специальное внимание. В 1958 г. достоянием научной общественности стала «Хорографическая чертежная книга» (конец XVII в.) С. У. Ремезова, которая в годы Гражданской войны была вывезена за границу известным историком картографии Лео Багровым (и опубликована им только в указанном году). Историков первого века русской колонизации Северо-Западной Сибири не мог не привлечь один из чертежей этой книги — «Море Мангазейско с урочищи», где изображено восточное побережье Обской губы от устья Оби до устья Таза. Внимательное рассмотрение данной карты показывает, что ее составителя наиболее интересовал именно этот участок Обской губы; восточное побережье полуострова Ямал и часть западного берега Гыданского полуострова изображены менее подробно[104].

Чертеж представляет собой сеть рек, впадающих в Обскую губу (карта ориентирована на юг). Оригинальные названия рек сопровождаются топографическими и иными пояснительными пометами. Последние ясно показывают, что карта составлялась при участии очевидца (или очевидцев) определенных событий, которые происходили в местах, изображенных на карте. Это надписи типа «снасть лежит», «розбило кочи», «седе в осаде от самоеди», «стреча воеводам». Чертеж «Море Мангазейско с урочищи» мог быть создан, по моему мнению, только в период самого существования города Мангазеи и плаваний туда казенных кочей из Тобольска. А это время с 1620 по 1668 г.

Ключ к расшифровке надписей на карте (а значит, и возможность уточнения времени ее составления) дают документы XVII в., связанные с походами караванов кочей из Тобольска в Мангазею. Эту связь нащупал М. И. Белов, который первый (и до сих пор, кажется, единственный), кто попытался прокомментировать сведения чертежа. Попытку эту следует признать неудачной. М. И. Белов априори

стал считать, что карта связана с перипетиями похода (1600–1601 г.) первых мангазейских воевод князя Шаховского и Хрипунова, которые и основали на реке Таз знаменитый город. Надписи на карте-чертеже М. И. Белов крайне искусственно связал с событиями похода князя М. М. Шаховского.

Приведем примеры неудовлетворительных комментариев М. И. Белова к надписям. Перед выдающейся в море Черной косой (роковой для многих судов, направлявшихся в Мангазею) есть надпись: «Розбило кочи». М. И. Белов уверенно привязал эту надпись к крушению кочей отряда Шаховского в 1600 г. Как было показано выше (гл. I), суда Шаховского даже не успели войти в Обскую губу. На правом берегу устья реки Пур на чертеже надпись: «стреча воеводам». М. И. Белов связал эту надпись с таким событием, как нападение за Пуром самоедов на отряд Шаховского. Таким образом, надпись, по мысли ученого, поясняет, что военное нападение самоедов явилось «встречей» русских воевод. Мое объяснение иное. Рядом с этой надписью, между Пуром и Тазом помещена надпись «Караулной яр». В 1645 г. на караван кочей, шедших уже вверх по Тазу, напали самоеды, после чего мангазейский воевода выслал против них отряд стрельцов с карательными целями. Возможно, это событие и положило начало практике посылки к устью Пура служилых людей из Мангазеи для сопровождения нового воеводы. Отсюда и место Караульный яр, где встречали следующего в Мангазею воеводу. В конечном итоге М. И. Белов сделал вывод (никем пока не оспоренный): «Первая из известных географических карт Мангазейского моря появилась в 1601–1603 гг.»[105]

Я полагаю, что чертеж «Море Мангазейско с урочищи» был создан в середине — второй половине 1640-х годов. Тот же М. И. Белов отметил древность чертежа (по сравнению с концом XVII в.) и выразил недоумение, каким образом чертеж мог попасть в «Хорографическую книгу» С. У. Ремезова. Л. А. Гольденберг предположил, что первоначально сама книга хранилась в семье Ремезовых в Тобольске. Я допускаю, что в семейном архиве Ремезовых могли храниться отдельные чертежи локального характера задолго до времени составления самой «Хорографической книги» Семеном Ремезовым. Относительно чертежа «Море Мангазейско» это убеждение основано на фактах совпадения надписей на чертеже и документальными известиями о плаваниях кочей в 1640-х гг.

Такие названия, как «река Столбовая», «Черные горы», «Черная коса», «Пуровский остров», «река Подсопошная» имеются и на чертеже, и в текстах документов. «Криков разбой», отмеченный на чертеже, встречается только в расспросных речах о походе Меньшого

Ремезова в 1644 г. Перед тобольскими воеводами Меньшому Ремезову пришлось объяснять неудачу похода с подробным описанием маршрута. Возможно, тогда-то у тобольского воеводы Г. С. Куракина возникла идея создать чертеж (своего рода лоцию) пути в Мангазею по Обской губе. Воевода мог припомнить крушения 1642 и 1643 г., когда кочи «розбивало», потому что «кормщиков и знатцов в морском ходу не было».

Я предполагаю такую схему создания чертежа. Его инициатором были, скорее всего, тобольские власти. Он основан на устных рассказах как самого Меньшого Ремезова, так и других людей, которые ходили на кочах до Мангазеи (сам Ремезов, а также его сын и знаменитый внук там не были). Надписи на чертеже свидетельствуют, что информаторами выступали и участники трагичного похода 1643 г., когда из 90 человек до Мангазеи добрались лишь около 20. Чертеж был создан до 1647 г., когда Меньшой Ремезов умер. В составлении чертежа принимал участие сын Моисея Ульян, который, как известно из его более поздних служб, привлекался к чертежным работам. Это объясняет, почему копия чертежа хранилась в семейном архиве Ремезовых. Таким образом, чертеж «Море Мангазейско с урочищи», включенный Семеном Ульяновичем Ремезовым в «Хорографическую книгу», достался ему от деда Меньшого Ремезова и отражает реальные события 1640-х гг., хорошо согласующиеся с имеющимися письменными источниками.

В 1645 г. очередной хлебный караван был отпущен из Тобольска небывало рано (31 мая) и благополучно прибыл в Мангазею 17 июля. Конец плавания, правда, оказался тревожным. Тобольский атаман Яков Елизарьев доложил мангазейскому воеводе Ухтомскому, что «воровская самоядь, наезжая на море и на Тазу реке, к кочам приступали и побивали и ранили». Воевода немедленно выслал к Тазовской губе отряд в 20 человек, который настиг необычных пиратов. В результате случившегося боя два самоедских князца были убиты, а 11 женщин и детей были захвачены в плен[106].

О посылке кочей в Мангазею в 1646 г. известно только, что кормщиками в караване были березовские служилые люди Семен Кокоулин и Семен Савин. Обеспокоенные частыми крушениями кочей в Обской губе тобольские воеводы наконец начали искать опытных кормщиков. В 1647 г. березовский воевода М. С. Лодыженский получил извещение из Тобольска о том, что в Мангазею направляются четыре коча, для которых необходимо было предоставить кормщиков из местных казаков. Воевода собрал имевшихся в наличии служилых людей для выявления «кормщиков и вожей». Казаки, в свою очередь, подали на имя царя челобитную, которую воевода

переправил в Москву. Казаки писали: «А на Березове, государь, березовских служилых людей, которым морской ход мангазейской за обычей, из нас четыре человека: Семейка Кокоулин, Семейка Савин, Семейка Болтин, Федька Ананьин». Из них в наличии оказался только Семен Болтин. Далее казаки объяснили малочисленность «знатоков» морского хода: «А в прежних, государь, годех... на Березове были ис старых казаков многие вожи и кормщики, которым был за обычей мангазейской морской ход. И те, государь, кормщики и вожи на Березове и по службам примерли». Служилые люди обозначили себя как «людишка молодые», не бывавшие в Мангазее (напомним, что посылка годовальщиков в Мангазею прекратилась с 1625 г.), и просили: «Не вели, государь, нас, не знающих к морскому ходу, з Березова посылать за твоими государевыми хлебными запасы на кочах... чтоб, государь, на море твоей государевой казне порухи не было и нам, холопам твоим, в том в конец не погинуть». Казаки советовали брать кормщиков из Мангазеи, Тобольска и Тюмени[107]. Новый мангазейский воевода Я. О. Тухачевский оказался в караване 1647 г. По прибытии в Мангазею 31 июля он докладывал в Москву (сохранилось только начало отписки), что «кочи дошли здорово», а вожем был березовский казак Семен Болтин[108].

В 1652 г. служилые люди снова подали челобитную о наличии в их составе кормщиков. Выясняется, что воевода Лодыженский послал в 1649 г. шесть (очевидно, по числу кочей) березовских казаков в кормщиках, которые в Мангазее не были и «морского пути не знают». К середине века березовский гарнизон значительно обновился: более сотни «старых» казаков были в разные годы посланы на службу в Томск, Енисейск и Якутск. Березовские служилые опять же просили выбирать вожей в Мангазее и Тобольске. Сибирский приказ, где рассматривалась эта челобитная, с непонятным упорством указал очередному березовскому воеводе Г. В. Волкову выбирать кормщиков из местных служилых, но с одним добавлением: если уж в Березове никто из казаков не знает морского пути в Мангазею, то кормщиков воевода должен нанимать из промышленных и гуляющих людей за плату в 1 рубль[109]. Из этого видно, что в Западной Сибири так и не сложились профессиональные корпорации судовых «вожей», как это было, например, в Архангельске или в Тотьме и Устюге[110].

В октябре 1652 г. тобольский воевода В. И. Хилков получил отписку из Мангазеи от воеводы И. С. Корсакова с предложением прекратить доставку хлеба кочами по Обской губе. Центр уезда Корсаков предлагал перевести в Туруханск, в который можно было доставлять хлеб из района среднего Енисея дощаниками. В самой

Мангазее Корсаков предлагал оставить только 20 служилых людей. Хилков поддержал инициативу Корсакова перед Сибирским приказом. В своем донесении главный разрядный воевода подчеркивал, что из Тобольска ежегодно посылается в Мангазею по 7 кочей и по лодке к каждому судну. На каждый коч грузилось по 180–200 пятипудовых четей хлебных запасов. Судовое оснащение коча составляли: «600 аршин холстов в парус», 2 якоря и веревки для такелажа. Хилков писал, что казна тратила на постройку и оснащение одного коча по 55–70 руб. и больше. На один коч для сопровождения выделялось обычно 10 служилых людей. В целом Хилков и Корсаков нарисовали удручающую картину напрасной траты казенных денег на строительство кочей: «А которые де, государь, немногие кочи с твоими государевыми хлебными запасы через море в Мангазею и перехаживали, и те де кочи в Мангазее вешним льдом ломает. А тех... кочей и с кочевыми запасы из Мангазеи только в Тобольск выхаживало по одному и по два коча». Но и «те кочи и кочевые запасы, якори и варовые веревки в другой мангазейской и ни в какие сибирские отпуски не годились потому, что те кочи и якори на море на отстоях погодою ломает, а варовые веревки на отстоях и парусы рвет»[111].

Существенным недостатком в организации строительства казенных кочей являлось отсутствие должностных лиц, которые бы специально занимались «кочевым делом». Тюменские воеводы, например, не начинали строительства, пока не получали соответствующих распоряжений из Тобольска. И хотя эти распоряжения были однотипными, их необходимо было повторять из года в год.

Инициатива воеводы Корсакова, поддержанная Хилковым, в Сибирском приказе одобрения не получила. В декабре 1654 г. тюменский воевода Н. И. Елдезин получил от Хилкова указание строить пять кочей. Ввиду отсутствия денег в казне Елдезин был вынужден послать запрос в Москву. Он писал, что для найма плотников «и за лес и за смолу и на конопать» необходимо 200 руб. (не считая стоимости железных гвоздей и скоб). Однако казна оказалась настолько пустой, что Елдезин не мог дать плотникам даже задатка. Весной 1654 г. кочи были построены на последние деньги тюменской таможни. Елдезин жаловался, что ранее деньги выделялись из Тобольска, однако Хилков их не прислал. В докладе тюменского воеводы содержатся интересные сведения о корабельных мастерах: «А кочевых, государь, плотников на Тюмени, которым кочевое дело за обычай, только 5 человек, и те стары и бедны. И они государю бьют челом, а сказывают: живут де они у кочевого дела в уставщиках и наймуют к себе работников, которые плотнишному делу умеют». По словам уставщиков, строительный материал для кочей

заготавливали осенью, «покаместа лес не замерз». Рубят лес и возят на плотбище к реке по первому зимнему пути наемные люди. Весной уставщики нанимают плотников для самого строительства судов. В Москве, получив эту отписку в феврале 1655 г., забеспокоились и распорядились немедленно выслать в Тюмень 200 руб.[112] На строительство одного коча казна выделяла всего 40 руб. Очевидно, что оснащение судна требовало дополнительных затрат. Бюрократическая переписка между воеводами, разумеется, сказывалась на качестве кочей, изготовлявшихся в спешном порядке из сырого леса. Впоследствии Петр Первый весьма настойчиво боролся с этой, далеко не лучшей, традицией отечественного судостроения. Например, в указе от 26 октября 1722 г., касавшемся речного судоходства на Оке и Волге, император предписывал лес готовить заранее, «а наипаче доски, чтоб они чрез будущее лето и другой осени могли просохнуть для лучшей крепости судов; а не тогда готовить леса, когда суды строить, как прежде было»[113].

Судьба мангазейского каравана 1655 г. неизвестна, но следующий, 1656 г., был для плаваний неудачным. В этом году в Мангазею с хлебными запасами шел новый воевода С. В. Ларионов. Позднее он вспоминал в Сибирском приказе, что в Обской губе кочи изрядно потрепало, а «коч с государевыми запасы и людьми занесло, не вышел ни единой человек. А с иных кочей сметали государевы запасы в море, подо мною коч розбило ж, запас весь потонул без остатку»[114]. Таким образом, один коч был унесен в море и пропал без вести. Уже преодолев роковую Черную косу, Ларионов встретил коч с соболиной казной, шедший из Мангазеи. Как позднее сетовал командовавший мангазейским кочем Дементий Тишков, Ларионов задержал его судно почти на сутки. За это время «пособный ветер» сменился на устойчивый северный, и Тишков, простояв на якорях три недели, не смог обогнуть Черную косу и 11 сентября вернулся в Мангазею[115]. Если копиист, списывавший для Г. Ф. Миллера документы из архива Мангазеи, не ошибся, то на коче Тишкова находилось 80 служилых, торговых и промышленных людей. Вместе с Тишковым шел и другой коч, перевозивший в общей сложности 40 человек. Судьба команды и пассажиров этого коча, который «на море ушел», оказалась трагичной. В конце ноября 1656 г. тазовские самоеды сообщили воеводе Ларионову слухи, ходившие по тундре. Из них следовало, что самоеды-юраки коч сожгли, а людей, которые расположились, «парусом покрыты, на берегу», перебили. Произошло это недалеко от устья Таза[116].

О количестве строившихся в Тюмени в последующие годы кочей можно судить по суммам, которые выдавались кочевым уставщи-

кам: 200 руб. (1657, 1659, 1660 гг.), 240 руб. (1658), 300 руб. (1662, 1664, 1665)[117].

Конец походам казенных караванов в Мангазею положила энергичная деятельность тобольского воеводы П. И. Годунова (1667–1669 гг.), который с самого приезда начал выискивать способы к увеличению «государевой прибыли». В отличие от своих предшественников, он не ограничился краткими отписками в Москву, а провел широкий опрос лиц, знакомых с «кочевым отпуском» и положением дел в Мангазее. Нельзя не признать, что критика Годуновым организации и целесообразности посылки кочей «за море» была в целом верной. Последний крупный «разбой» кочей перед воеводством Годунова случился в 1663 г., когда в Обской губе погибло 5 судов с 1052 четями муки и 114 пудами соли; спасшиеся служилые люди добрались до Мангазеи на двух «ломаных кочах». По сведениям, извлеченным Годуновым из документов тобольской приказной избы, в 1660-е годы отправлялось по 8 кочей, «и те кочи все с делом и с парусы и с конаты и с якори и со всякою кочевою мелкою снастью ставятца в отпуск по 934 рубли по 24 алтына по 2 деньги», то есть один коч обходился казне в 116 руб. Годунов выяснил, что если кочи благополучно доходили до Мангазеи, то они все равно по большей части не возвращались в Тобольск («пропадают те кочи небреженьем в Мангазее»). Петр Годунов проявил широту кругозора, сравнив плавания в Западной Сибири с плаваниями по Белому морю и на северо-востоке Якутии. Он писал: «А в морских, великие государи, ходех лодьи тем же делом, что и кочи, которые ходят с Колмогор и от города Архангельского и с Онежского устья на море на промысл и в Соловецкой монастырь и в Кольской острог... и береженьем и раденьем ходят в тех лодьях годов по пяти и по шти и больши. А сибирские кочи только ходят одинова, а назад из Мангазеи не присылают».

Настаивая в принципе на отмене Мангазейского хода, закупке хлеба в Енисейском уезде и доставке его по Енисею в Туруханск, Годунов на всякий случай предлагал и иной вариант, который бы позволил сократить расходы на строительство кочей: «А хотя и кочами государевы хлебные запасы в Мангазею отпускать, и их уберечь мочно потому: по скаске приезжих торговых людей, что на Лене и на Собачье (р. Индигирка — *Е.В.*), ходят за море на кочах годов по 6 и по 7. А ставят де те кочи к зиме на мелком берегу з береженьем, у речек и в заводях на подметинах на толстых бревнах. А как кочи обсохнут, и их выжаравливают на взрубы выше подметин, а как весною лед пойдет, и по прибылой воде те кочи уводят в речки и в заводи и берегут». Не откладывая дела, Годунов уже в 1667 г. указал

мангазейскому воеводе Р. М. Павлову применять этот опыт сохранения судов[118].

Хлебные караваны, снаряженные при Годунове в 1667 и 1668 гг., крушений избежали. Тем не менее, он сам мог убедиться в ненадежности плаваний по Обской губе. В 1668 г. семь кочей вынуждены были укрываться от бури, и «на отстое» в море было выброшено 18 т муки и 40 пудов соли[119]. В августе этого же года из Мангазеи вышли три коча, на которых возвращались тобольские служилые люди и переправлялась соболиная казна. На коче с ясачной казной находился атаман пеших казаков Иван Федоров, на другом судне — тобольский казачий атаман Иван Емельянов. Напротив Столбовой реки кочи были остановлены «большой погодой стрешной» и отнесены назад до Черной косы. Один коч потерпел крушение, а судно с соболиной казной «унесло неведомо куды, потому — учинился на море туман». Коч с атаманом Емельяновым трое суток «носило по морю», но в конце концов он подошел все к той же Черной косе, где подобрал людей с разбитого третьего судна. Емельянов благополучно дошел до Тобольска и 23 ноября рассказал о плавании Годунову. Потеря коча с соболиной казной, надо думать, только укрепила последнего в мысли прекратить «кочевой отпуск» в Мангазею. На сказке Емельянова тобольский дьяк Посников записал решение Годунова: «Писал о том к великим государем и что кочи отставлены, и впредь кочевого ходу не будет». Успокаивающая весть, полученная в Тобольске 14 декабря, решимости Годунова не поколебала. Мангазейский воевода Павлов сообщал, что коч с «мягким золотом» пришел обратно. Участники неудачного плавания объясняли причину возвращения так: «... И тое погодою било сутки, и от той де погоды отстоятца они не могли и... два якоря у них оторвало, а третей якорь изломало, и шеймы все порвало ж». Именно отсутствие якорей сделало дальнейшее плавание невозможным. Воевода Петр Иванович Годунов обладал качеством, редким для администратора Московской Руси: он мог принимать решения без долгого согласования с Москвой. Уже в отписке Годунова енисейскому воеводе от 16 декабря 1668 г. говорилось: «А в нынешнем во 177-м году по указу великих государей для мангазейского отпуску Тобольского разряду на Тюмени кочей делать не велено, и посылки через море хлебных запасов и соли в нынешнем 177-м году и вперед не будет»[120]. Ссылка на «указ великих государей» здесь имеет чисто формальный характер; очевидно, что Годунов принял решение самостоятельно.

Как уже говорилось выше, очередной мангазейский воевода Д. Т. Наумов проехал в июне 1670 г. енисейским путем сразу в Туруханск. В самой Мангазее его предшественник Павлов оставил приказного человека Николая Малиновского и 10 служилых людей.

В городе еще находилось и какое-то количество «жилецких людей». Обитателям запустевшей Мангазеи стали являться «чудеса», связанные с гробницей Василия Мангазейского. Об одном из таких чудес, случившемся 30 июля 1669 г., местному священнику Якову Никифорову поведали двое служилых людей, стоявших ночью на карауле. По некотором размышлении священник запретил стрельцам «возвещать в мир» о бывшем им видении. Оказалось, Никифоров был вызван в Тобольск и опасался, что жители Мангазеи задержат его как естественного специалиста по видениям — «чтобы мене от пути морского не отставили народом». Таким образом, поп Яков оказался участником одного из последних плаваний на коче из Мангазеи в Тобольск («и пойде священник за море»)[121].

Прекращение плаваний казенных кочей на Таз неожиданным образом сказалось на состоянии речного судоходства в самом Мангазейском уезде. Как мы помним, тобольские воеводы отмечали, что обратно из Мангазеи кочей выходит намного меньше, чем отправляется туда. Но объяснялось это не только крушениями в Обской губе и плохими условиями зимовки на Тазе, когда кочи ломало весенним льдом. Тайну «исчезновения» кочей (если она была тайной) открыл воевода Наумов. В 1671 г. он писал в Москву, что в прошлых годах прежние воеводы «имали с кочей по вся годы кочевые запасы: парусы и варовые веревки, по парусу и по два, а в парус по 600 аршин холсту, да варовых кочевых веревок... по 500 и 600 саженей». Эти судовые снасти переправляли в Туруханск, где они использовались для оснащения дощаников и лодок, посылавшихся в ясачные зимовья. Парусина и веревки, снятые с кочей, «исходили все в расход одним годом»[122]. Видимо, снасти снимались не со всех кочей. Куда девались сами суда, остается только гадать: но археологи при раскопках Мангазеи недаром находят многочисленные детали судовых досок в жилищных постройках. Мангазейских же воевод можно понять. Вместо того, чтобы добиваться от Тобольска проблематичной присылки холста на паруса и прочих судовых снастей, они использовали готовое оснащение кочей. Слова Наумова подтверждаются отпиской 1680 г. воеводы Новой Мангазеи М. П. Беклемишева. Он жаловался на то, что теперь ясачным сборщикам приходится выдавать гнилые холсты и веревки, и вспоминал время, когда в распоряжении воевод были «кочевые припасы»[123].

«Кочевое дело» в частном порядке пыталось возродиться на Енисее. Известно, что в 1678 г. торговый человек Федор Григорьев Попов отпустил из Новой Мангазеи 27 своих покрученников на двух кочах — «для морского промысла». Зимовку они провели «близ моря», где успели получить распоряжение мангазейского воеводы о преследовании и приведении к покорности немирных юрацких

самоедов[124]. Именно поэтому факт частной промысловой экспедиции отразился в официальной документации. А сколько подобных экспедиций осталось безвестными?

Здесь нет необходимости останавливаться на технических характеристиках кочей и подробно комментировать допетровскую судовую терминологию[125]. Однако имеет смысл акцентировать внимание на некоторых спорных для специалистов вопросах, связанных с кочем. Один из таких вопросов — сколько мачт и, соответственно, парусов имел коч? В работе 1956 г. М. И. Белов писал: «Достоверно, что коч ходил под одним парусом. Если на судне имелся второй парус, то он был запасным»[126]. Находка корабельной доски при раскопках Мангазеи, где было вырезано изображение двухмачтового судна с бушпритом, подвигла М. И. Белова на создание новой модели коча — с двумя мачтами и двумя парусами[127]. К сожалению, графическое изображение двухмачтового коча получило широкое распространение в специальной сибиреведческой литературе и до сих пор тиражируется в качестве иллюстрации. Все известные документы (и «сибирские», и «поморские») свидетельствуют, что коч имел только одну мачту и один парус. Что касается вырезанного на доске силуэта двухмачтового судна, то этот артефакт никоим образом не может служить доказательством существования такого же коча. Поморские промышленники, наполнявшие Мангазею, были отлично знакомы с английскими и голландскими судами, приходящими в Архангельск. Я твердо уверен, что на доске из Мангазеи изображен иностранный корабль.

По имеющимся сведениям мы можем довольно точно вычислить размеры парусов, применявшихся на кочах и дощаниках. Например, в 1646 г. для снаряжавшихся в Якутске двух кочей было выделено «2 паруса по 7 сажень в высоту, 27 полотнищ поперек»[128]. М. И. Белов правильно предположил, что в XVII в. ширина полотнища холста была стандартной и потому в документах не фиксировалась. Однако и он, и другие исследователи почему-то не обратились к специальным работам по истории текстильной промышленности в России, а начали высказывать произвольные догадки. Сам М. И. Белов предположил, что ширина полотнища составляла пол-аршина (36 см). Между тем ширина обычного крестьянского домотканого холста (который и закупался на парусину) в XVII в. составляла $^3/_4$ аршина, то есть 54 см[129]. Таким образом, высота паруса якутского коча (использовалась печатная сажень) равнялась 15,12 м, а ширина — 14,58 м. Говоря о вычисленных размерах паруса, надо учитывать, что реально он был немного меньше (с учетом припусков на швы и на обшивку паруса в целом).

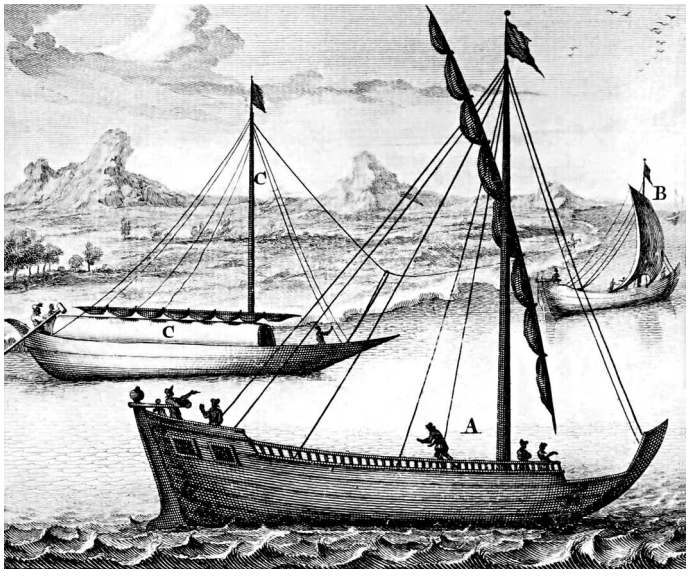
Для казенных кочей Западной Сибири можно отметить бесспорное увеличение паруса в 2–2,5 раза (с начала до середины XVII в.) К середине столетия на парус для кочей, построенных в Тюмени, отпускалось 600 аршин холста (432 погонных метра). В переводе на метрическую систему это означает, что площадь паруса равнялась 233 кв. м при высоте в 16 м и ширине в 14,58 м (27 стандартных полотнищ). При парусе в 500 аршин, который тоже часто встречается в документах, мы должны производить расчеты, исходя из 24–25 полотнищ холста, определяя таким образом ширину паруса. Знание ширины домотканого полотнища позволяет вычислять размеры парусов по минимальным данным.

Для своего времени коч являлся быстроходным судном, хотя это его качество проявлялось в большей мере на морской воде, чем на реках. На плавание от Тобольска до устья Оби (с заходом в Березов) караван кочей затрачивал около месяца, а на переход по Обской губе до устья Таза — всего четверо суток. Еще четыре дня при попутном ветре требовалось, чтобы подняться по Тазу до Мангазеи. Другие знатоки Мангазейского хода указывали, что «от Обдорского зимовья до Мангазейского города водяным путем ходу в кочах парусным погодьем три недели»[130]. При благоприятных условиях на море коч мог проходить в сутки 100–150 км. Естественно, коч обладал определенными недостатками. Наличие одного прямого паруса лишало это судно возможности лавировать, почему самым серьезным врагом русских мореходов того времени являлся сильный встречный ветер, от которого пытались «отстояться» на якорях в бухтах или в устьях рек. Удобная для прибрежных плаваний малая осадка коча в «голомени» (открытом море) делала его неустойчивым на волне. Судя по источникам, в Обской губе западносибирскому кочу не приходилось бороться со льдами, поэтому о плаваниях этих судов среди льдов у нас нет никаких сведений.

Коч — судно XVII века. Что случилось с ним в следующем столетии? Как ни странно, в отечественной историографии почти нет работ о судьбах традиционного морского и речного судостроения после грозных указов Петра I, запрещающих строительство «староманерных» типов судов. С 1714 г. появляется серия указов Петра I о запрете строительства староманерных судов, как морских, так и речных. Указом от 28 декабря 1714 г. архангелогородскому вице-губернатору предписывалось: «Объявите всем промышленникам, которые ходят на море для промыслов своих на лодьях и кочах, дабы они вместо оных судов делали морские суда: галиоты, гукоры, каты, флейты». Разрешалось ходить на старых судах только 2–3 года, в дальнейшем вновь построенные лодьи и кочи подлежали

конфискации[131]. В 1719 г. последовал новый указ, содержащий запрет на «старые» суда («лодьи, карбасы, соймы, качи и прочия»). За нарушение указа следовали жесткие санкции: суда надлежало изрубить, а их владельцев ссылать на каторгу[132]. Если проанализировать указы Петра I о речном и морском судостроении, становится ясным, в чем царь видел различие между «староманерными» и «новоманерными» судами: его категорически не устраивало использование традиционного способа уплотнения швов между бортовыми досками конопатью и железными скобами. Запрещая применение скоб, Петр I писал: «Ибо прежние суды скобками делались для того, понеже в сырых досках конопать держатца не может, но когда разсохнется, выпадывает — того ради, чаю, сей дурацкой способ выдумали»[133].

Только в 1749 г. указом от Сената жителям Поморья было разрешено вновь строить староманерные суда. Но за этот период случился один эпизод, когда адмиралтейство отступило от указов Петра I. Речь идет о постройке судов для одного из отрядов Великой Северной экспедиции. Двинско-Обской отряд имел задачу пройти морским путем от Архангельска в Обскую губу, обогнув полуостров Ямал. 28 декабря 1732 г. Адмиралтейство указало начальнику Архангельского порта построить для экспедиции «судно лехкое дубель-шлюпку или иное какое заблагоразсудят, дабы ото льду пропасть не могло». Было принято решение о постройке двух судов, для чего опросили местных кормщиков и корабелов. Кормщик Дмитрий Откупщиков (возраст 80 лет) высказался в пользу кочей: «для осмот-



Сибирские суда конца XVII в.: A — дощаник, B — коч, C — каюк. Рисунок из книги Н.Витсена «Северная и Восточная Тартария».

ру берега, где имеются неизвестные и безопасные места, судами быть вышеупомянутым шитым кочам, только верху дек укрепить, как у регулярных морских судов крепится, того ради, что оные кочи против регулярных судов легче». Далее Откупщиков указывал: когда «льдами суда затирает, то лутчее спасение судам получают тем, что вышед на лед и тягами судно вызимают»[134]. Вспомним распространенное мнение об особой яйцеобразной форме корпуса коча, благодаря которой он «выжимался» на лед. Никакое судно, затертое льдами, само по себе на лед не выскочит. Речь идет о возможности вытащить коч на лед неповрежденным, чему способствовали его легкость и, возможно, конструктивные особенности днища судна.

К 4 октября 1733 г. уже нашлись подрядчики на строительство «двух мелководных судна шитых» — Федор и Тимофей Кармакуловы, крестьяне с Пинеги. Кочи для экспедиции были построены с подачи архангельского жителя кормщика Никиты Шестакова. Размерения кочей, названными «Экспедицион» и «Обь», были такими: длина 19,5 м; ширина 7,5 м; глубина от киля до палубы — чуть более 2 м. Суда были обшиты «самою крепкою ладейною вицею». Борьба Петра I со скобками (по крайней мере, в Поморье), увенчалась успехом. В документах о строительстве этих двух кочей при перечислении железных деталей скобы отсутствуют (названы болты, гвозди, заклепочные кольца)[135]. В течение двух навигаций кочи пытались обогнуть полуостров Ямал. Уже после первого плавания лейтенант Муравьев доносил в Адмиралтейство, что кочи лавировать не умеют (в штиль шли или «способным течением», или буксиром). Вместо кочей в Архангельске построили две дубель-шлюпки. На них в 1737 г. лейтенант Малыгин наконец-то и обогнул Ямал. Тем самым был подписан приговор кочам. Эти традиционные суда действительно боялись открытого моря. С конца XVIII в. в Поморье вернулись к староманерным судам, хотя при их постройке уже использовался и европейский опыт судостроения. В XIX в. известна поморская кочмара, но она имела три мачты и по сравнению с большим кочем XVII в. меньшие размерения и грузоподъемность[136]. Ее связь с историческим кочем еще не выяснена.

* * *

Для историков допетровской эпохи известный указ 1696 г. Петра Великого о создании морского флота в России не затемняет того факта, что речное судостроение развивалось в Руси-России столетиями, а разнообразные речные суда использовались как для грузо-пассажирских перевозок, так и в военных целях. Во второй полови-

не XV в., во время войн с казанскими татарами, на Волге и Каме между речными флотилиями развертывались настоящие сражения. Примечательно, что многие, в том числе и весьма проницательные историки, не придают должного значения русскому судостроению. Так, Г. В. Вернадский, рассуждая о русской армии времен Ивана III, совершенно не замечает специфики «судовых ратей» и причисляет их к пешим войскам. В его интерпретации войска плывут к Казани (1469 г.) на каких-то «лодках», которые не заслуживают серьезного внимания[137].

Успехи речного судостроения в России в полной мере сказались уже при первых шагах колонизации Сибири. В Северо-Западной Сибири водные средства транспортного сообщения имели для правительственных отрядов и частных экспедиций промысловиков исключительное значение. Рассмотренный в данной главе материал позволяет сделать несколько выводов. Наиболее распространенными и полезными для дела колонизации на реках Западной Сибири являлись дощаник и коч. В первое время для их постройки из районов Поморья присылались опытные корабелы (уставщики). Постепенно постройка в Верхотурском уезде кочей, которые ходили в заполярную Мангазею, сокращается, а после 1672 г. и вовсе прекращается. Дощаники, предназначенные для перевозки людей, муки и соли, совершали, как правило, только одну навигацию в одну сторону. И кочи, и дощаники, по прибытии к месту назначения, часто разбирались для использования корабельных досок в других целях. Недолговечность названных судов объяснялась их постройкой из сырого леса и небрежными условиями зимовки. Струги и каюки, суда более мелких размерений, выполняли свои функции. Струги использовались для военно-разведочных экспедиций казаков, каюки служили звероловам, уходящим на промыслы. Каюки же осуществляли торговые связи в регионе. Ямская повинность в Западной Сибири часто подразумевала именно водный транспорт. В целом водные пути и средства сообщения имели для русских колонистов региона намного большее значение, чем гужевой транспорт.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Речная цивилизация понимается здесь не в смысле обусловленности культуры-цивилизации нахождением на ее территории одной или двух великих рек (например, Древний Египет и Нил). См.: *Мечников Л. И.* Цивилизация и великие исторические реки. М., 1995.

[2] *Арциховский А. В.* Средства передвижения // Очерки русской культуры XIII–XV веков. Ч. 1. М., 1969. С. 307.

[3] Сведения о развитии судоходства на территории Руси-России до конца XVII в. можно найти: *Арциховский А. В.* Указ. соч. С. 307–314; Очерки русской культуры XVI века Ч. 1. М., 1977. С. 283–288; Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1. М., 1979. С. 141–143; *Сорокин П. Е.* Водные пути и судостроение на Северо-Западе Руси в средневековье. СПб., 1997. С. 46–62; *Вершинин Е. В.* Коч и русское освоение Западной Сибири (конец XVI — XVII вв.) // Полярный архив. Т. 1.М., 2003. С. 72–81; *Ципоруха М. И.* Русские мореходы. М., 2003. С. 45–104.

[4] Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке. Л., 1937. С. 75.

[5] *Французова Е. Б.* Из истории северного судостроения в конце XVI — XVIII в. // Отечественная история. 1994. № 4–5. С. 236–243.

[6] *Никитин Н. И.* Начало казачества Сибири. М., 1996. С. 76.

[7] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. М., 1999. Приложения. С. 336–337 (№ 8).

[8] Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 2. М., 1989. С. 577.

[9] *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986. С. 184.

[10] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. М., 2000. Приложения. С. 392 (№ 240).

[11] РГАДА. Ф. 214. Стб. 18. Л. 241; *Курлаев Е. А., Манькова И. Л.* Освоение рудных месторождений Урала и Сибири в XVII веке: у истоков российской промышленной политики. М., 2005. С. 122.

[12] РГАДА. Ф. 214. Кн. 373. Л. 16, 17 об., 20.

[13] *Степанов Н. Н.* Первая русская экспедиция на Охотском побережье в XVII веке // Известия ВГО. 1958. Т. 90. Вып. 5. С. 446–448.

[14] *Бахрушин С. В.* Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. IV. М., 1959. С. 21.

[15] Летопись Сибирская краткая Кунгурская. СПб., 1880.

[16] Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. Свердловск, 1980. С. 217–218.

[17] *Шашков А. Т.* К истории возникновения в конце XVI в. первых русских городов и острогов на восточных склонах Урала // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1997. С. 174–178.

[18] СПб. АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 2. Л. 12–17.

[19] АЮБ. Т. 2. СПб., 1864. Стб. 608. Чердак — надпалубная настройка, каюта; щогла (щегла) — мачта.

[20] Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 46–48; *Вершинин Е. В.* Государственные крестьяне среднего Зауралья в первой половине XVII в. // Государственные крестьяне Урала в эпоху феодализма. Екатеринбург, 1992. С. 5–6; Он же. Верхотурско-Тобольский земледельческий район в XVII веке // Русский путь в Сибирь. Ирбит, 2006. С. 35–42.

[21] АИ. Т. 2. СПб., 1841. С. 54–56.

[22] Определение грузоподъемности дощаника и иных судов затрудняется тем обстоятельством, что в первой половине XVII в. основная мера сыпучих тел (четверть) могла быть разной. В Центральной России была принята

шестипудовая четверть (для ржи), в Сибири — четырехпудовая (в то же время источники отмечают пятипудовую четь для отпуска хлебных запасов в Мангазею). При расчете грузоподъемности сибирских судов (кроме кочей) я принимаю минимальную четырехпудовую четверть. См.: *Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.* Русская метрология. М., 1975. С. 102–107.

23 РГАДА. Ф. 214. Стб. 1673. Л. 40–41.

24 Там же. Стб. 60. Л. 392.

25 Там же. Стб. 1673. Л. 41–43.

26 Книга Большому чертежу. М.—Л., 1950. С. 186–187; *Вилков О. Н.* Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI — начала XVIII в. Новосибирск, 1990. С. 49–50, 63.

27 *Спафарий-Милеску Н. Г.* Сибирь и Китай. Кишинев, 1960. С. 69.

28 По крайней мере, до 1643 г. слобода называлась Зырянской. В этом году она сгорела вместе с казенными хлебными запасами. (РГАДА. Ф. 214. Стб. 146. Л. 253–254).

29 *Бахрушин С. В.* Очерки по истории Красноярского уезда... С. 20.

30 *Зольникова Н. Д.* «Нарымское дело» 1642–1647 гг. // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 227. В публикации документа, видимо, ошибочно напечатано слитно «судна палаумыновые».

31 У меня есть два соображения насчет загадочного слова «палаум». Менее вероятно, что это искаженное «паром» (а паром как вид речного судна зафиксирован источниками уже в XVI в.). Другой вариант — это название просто нам неизвестно. По ассоциации можно вспомнить, что еще В. И. Далю было известно слово «межеумок» в значении речного судна.

32 РГАДА. Ф. 214. Стб. 1673. Л. 44.

33 Там же. Стб. 88. Л. 507–510.

34 Там же. Стб. 94. Л. 553–554, 557–558. П. И. Пронский писал, что в 1640 г. в Тюмени «сыскалось» только 9 плотников по дощаникам (в то же время там имелось 4 кочевых уставщика, которые строить дощаники не умели), в Туринске — только 6, а в Пелыме их не было вовсе. Интересна фраза Пронского о том, что он распорядился взять из Туринска в помощь судовым уставщикам 8 плотников, которые «хоромное всякое дело делали». Недаром названия конструктивных частей жилища и судов допетровской Руси совпадают: например, и в деревянном доме, и в деревянном дощанике были матица (балка и киль), курицы (стропила у крыши дома и бимсы на судне), чердак (на судне — каюта на палубе). Таким образом, этимология названий судовых деталей уводит нас к традициям домостроительства восточных славян.

35 РГАДА. Ф. 214.. Стб. 134. Л. 26–29; Стб. 1049. Л. 110; Ф. 1111. Оп. 1. Д. 14. Л. 116; Оп. 2. Д. 325. Л. 20–21.

36 Там же. Стб. 1673. Л. 44.

37 *Буцинский П. Н.* Соч. в двух томах: Т. 1. Заселение Сибири и быт первых ее насельников / Под ред. С. Г. Пархимовича. Тюмень, 1999. С. 262–267.

38 РГАДА. Ф. 214. Стб. 354. Л. 48–52.

39 АЮБ. СПб., 1864. Т. 2. Стб. 797–798.

40 *Трепавлов В. В.* Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. Приложения (I, № 19). С. 179–180.

41 История Сибири. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. Л., 1968. С. 272–273.

42 РГАДА. Ф. 214. Стб. 508. Л. 256–257.

43 Там же. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 37. Л. 20–21.

44 Там же. Оп. 2. Д. 734. Л. 8; Д. 744. Л. 9–10; Оп. 1. Д. 10. Л. 46–58.

45 Позволю не согласиться с мнением А. А. Люцидарской о том, что рыночная цена на дощаник составляла в Сибири в XVII в. 7–10 руб. Новый оснащенный дощаник стоил не менее 25–30 руб. Несколько озадачившая исследователя цена дощаника в 4,7 руб. (по данным тобольских таможенных книг, 1640 г.) говорит лишь о том, что продавался старый дощаник, возможно, на слом (*Люцидарская А. А.* К вопросу о развитии сибирского судостроительного промысла в XVII в. // Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири. Новосибирск, 1978. С. 66–69).

46 РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 178. Л. 73–91.

47 Там же. Ф. 214. Стб. 1049. Л. 110.

48 Там же. Стб. 134. Л. 175.

49 Там же. Ф. 1111. Д. 10. Л. 51.

50 Там же. Ф. 214. Кн.373. Л. 24 об.

51 ТФ ГАТюмО. Ф. 47. Оп. 1. Д. 3697. Л. 8.

52 ГАТюмО. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 24550. Л. 10–11, 20–21 об., 25–26 об., 45–48 об.

53 Там же. Д. 20957. Л. 1–4.

54 Города России: энциклопедия. М., 1994. С. 484.

55 РГАДА. Ф. 214. Стб. 462. Л. 141–144.

56 *Акишин М. О.* Новые документы об отношении аборигенов Севера Зауралья к русским властям (XVII–XVIII в.) // Уральский исторический вестник. Екатеринбург. 1994. № 1. С. 124–125.

57 Таможенные книги сибирских городов XVII в. Вып. 1: Сургут и Тара. Новосибирск, 1997. С. 31, 35, 36.

58 РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 325. Л. 49–50.

59 Там же. Ф. 214. Стб. 344. Ч. 2. Л. 681.

60 Сравнительные иллюстрации см.: *Вершинин Е.* Ямская гоньба на Оби: подводная повинность в Сибири в XVII в. // Родина. 2003. № 2. С. 68.

61 *Белов М. И.* Подвиг Семена Дежнева. М., 1973. С. 15.

62 *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Мангазейский морской ход. М., 1980. С. 116.

63 Это мнение разделял в свое время и автор данной работы: *Вершинин Е. В.* Коч и русское освоение Западной Сибири. С. 103.

64 *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. С. 116.

65 *Ясински М. Э., Овсянников О. В.* Пустозерск. Русский город в Арктике. СПб., 2003. С. 269.

66 *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. И–О. М. 2008. С. 180.

67 *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Мангазейский морской ход. М., 1980. С. 116.

[68] *Титов А. А.* Сибирь в XVII веке. Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. М., 1890.

[69] *Снисаренко А. Б.* Рыцари удачи. Хроники европейских морей. СПб., 1991. С. 141.

[70] Там же. С. 156.

[71] Реконструкции когга с пояснениями см.: *Снисаренко А. Б.* Рыцари удачи. С. 299–301; Парусники. Малая энциклопедия. Минск, 1996. С. 114–117; *Штенцель А.* История войн на море. Т. 1. М., 2002. С. 494. В книге А. Штенцеля содержатся печати XIII–XIV вв. немецких городов с изображениями, как считается, одномачтовых коггов (с. 488).

[72] Парусники. С. 112–113.

[73] *Белов М. И.* Арктические плавания и устройство русских морских судов в XVII веке // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. Л.; М., 1951. С. 67.

[74] *Мавродин В. В.* К вопросу о судах Русского Севера с древнейших времен до XVI века // Ученые записки Карело-Финского педагогического инта. Сер. общ. наук. Т. II. Вып. 1. 1955. С. 85.

[75] СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4 Д. 2. Л. 17.

[76] РИБ. Т. 2. СПб., 1875. Стлб. 1087–1091.

[77] АИ. Т. 2. С. 411; РИБ. Т. 2. Стлб. 834.

[78] СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 2. Л. 89 об.— 90.

[79] Там же. Л. 107.

[80] *Белов М. И.* Арктические плавания... С. 69.

[81] СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 148 об-149.

[82] РИБ. Т. 2. Стлб. 1083–1084.

[83] *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Т. 1. Иркутск, 1932. С. 232, 223–224.

[84] *Ильичев А. А., Синецкий С. Б., Чванов А. Р.* Сойма и карбас — суда русского средневековья // Памятниковедение. Исторический эксперимент: теория, методология, практика. М., 1991. С. 133–141.

[85] РИБ. Т. 2. Стлб. 1049–1075. Этот комплекс документов перепечатан в: Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сб. док. Составители, авторы предисловия и комментариев Е. В. Вершинин, Г. П. Визгалов. Екатеринбург, 2004. С. 75–89.

Внимательное чтение документов приводит к убеждению, что запрещение Мангазейского морского хода — дело рук и мыслей князя И. С. Куракина, а отнюдь не устоявшегося еще правительства царя Михаила Романова. Московские приказные дельцы имели самые смутные представления о северных берегах своей страны. Князь Иван Семенович обладал несколько большими познаниями в северной географии и маниакально боялся прорыва европейских судов к устьям Оби и Енисея. Здесь следует обратить внимание на те обстоятельства, которые сформировали личность и взгляды кн. Куракина.

Князь И. С. Куракин активно участвовал в событиях Смуты: служил Лжедмитрию I, затем вместе с В. И. Шуйским и В. В. Голицыным возглавил заговор против самозванца. С этих пор Куракин был верен законным правителям Московского государства — Василию Шуйскому, земскому пра-

вительству, Михаилу Романову, отличившись в сражениях с Тушинским «вором» и «лисовчиками» (Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск, 1994. С. 257). Уже за всем этим проглядывает некий патриотичный настрой Ивана Семеновича, или, может, его оборотная сторона — ксенофобия.

В 1614 г., за полтора года до воеводства в Тобольске, судьба столкнула Куракина с англичанином, довольно известным в русской истории. Речь идет о Джоне Меррике, который в 1573 г. приехал с отцом в Россию и со временем стал влиятельным торговым агентом знаменитой «Moscovy Company». В 1602 г. Меррик был посланником королевы Елизаветы в Москве. В период междуцарствия он выехал в Англию и выдвинул там проект установления политического протектората Англии над русским Севером; с целью зондирования этого проекта он был послан в 1613 г. королем Яковом в Архангельск, но, узнав об избрании на престол Михаила Романова, вернулся в родной Альбион (*Платонов С. Ф.* Москва и Запад в XVI–XVII веках. Борис Годунов. М., 1999. С. 67).

В августе 1614 г. Джон Меррик снова появился в Москве в качестве доверенного лица английского короля. Первоочередной задачей Меррика было обговорить участие Англии в посреднических переговорах между Россией и Швецией. Но Меррик не упустил возможности высказать и торговые интересы Англии. Переговоры с англичанином вел боярин И. С. Куракин. Среди разговоров о политике Меррик настойчиво просил, чтобы его соотечественникам было позволено ездить по Волге в Персию, а по сибирской Оби в Индию. «Мы думаем, что дорога Обью рекою отыщется, и станут английские и русские люди в Индию ходить, и такие прибыли царской казне будут, каких прежде не бывало», — вот что услышал Куракин от хитрого англичанина (цитируется по: *Соловьев С. М.* Сочинения. Кн. V. М., 1990. С. 67). Таким образом, ко времени тобольского воеводства Куракин отлично осознавал отчаянное желание европейцев проникнуть в Сибирь в поисках сказочно богатых восточных стран. Но и сама Сибирь, огромный сундук с мехами, представляла большую ценность. Окончательно Куракина, уже в Тобольске, смутил торговый человек Кондратий Куркин, из слов которого боярин понял, что морским ходом из Архангельска до Мангазеи можно добраться за 4 с половиной недели.

86 Много лет спустя подобные опасения звучали в наказе 1664 г. пустозерскому воеводе, где говорилось о разрешении иностранным кораблям приходить только в Архангельск, но не в Пустозерск. «А преж сего бывало: захаживали корабли к Пустоозеру, а ходят немцы в тое сторону не для торговли, для отыскивания новых дорог» (ДАИ. СПб., 1841. Т. 4. С. 343).

87 Обдорский край и Мангазея в XVII веке. С. 88–89.

88 СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 21. Л. 123 об.— 124 об.; Первое столетие сибирских городов. XVII век. Новосибирск, 1996. С. 44.

89 РИБ. Т. 8. СПб., 1884. Стлб. 376.

90 Там же. Стлб. 374.

91 *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. С. 117–121.

92 РГАДА. Ф. 214. Кн. 26. Л. 6–66 об.

[93] *Бахрушин С. В.* Пути в Сибирь в XVI–XVII вв. // *Бахрушин С. В.* Научные труды. М., 1955. Т. III. Ч. 1. С. 84.

[94] РГАДА. Ф. 214. Стб. 462. Л. 141–144; Стб. 263. Л. 185.

[95] Там же. Стб. 88. Л. 313–317.

[96] СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 21. Л. 203.

[97] РГАДА. Ф. 214. Стб. 134. Л. 440–444.

[98] Там же. Стб. 123. Л. 60–68; 73–75.

[99] М. И. Белов в своей научно-популярной книге патетически и ярко обрисовал героическую личность дьяка Григория Теряева, который якобы осознавал, что «Мангазея второй год живет без хлеба, на голодном пайке, и поэтому во что то ни стало хотел дойти туда» (*Белов М. И.* Мангазея. Л., 1969. С. 78). Замечу, что дьяк Г. Г. Теряев просто направлялся к месту своей службы, куда он был сослан, очевидно, в качестве наказания. Известно, что дьяк провинился тем, что в 1630-е годы методично захватывал неправедными путями поместья мордовских и татарских мурз в Алатырском уезде (Центральный государственный архив древних актов. Путеводитель. Т. 1. М., 1991. С. 60).

[100] Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века. Сб. док. М., 1951. 80–83; РГАДА. Ф. 214. Стб. 134. Л. 96–96 г.

[101] *Бахрушин С. В.* Пути в Сибирь в XVI–XVII вв. С. 121.

[102] РГАДА. Ф. 214. Стб. 139. Л. 3–5, 351–355, 445–448.

[103] Весьма вероятно, что именно вследствие неудачного командования в этом походе, по отписке воеводы кн. Г. С. Куракина с прилагаемым коллективным челобитьем тобольских служилых людей, в Москве в 1646 г. состоялось решение: «Сына боярсково Меньшово Ремезова на государевы службы с ними, тобольскими служилыми людьми, начальным человеком посылать не велено» (*Гольденберг Л. А.* Семен Ульянович Ремезов. М., 1965. С. 11). Вообще удивительно, как в центральном приказе оставили без последствий проступок Меньшого Ремезова, имевший место несколькими годами раньше. В 1637 г. он сопровождал дощаники с хлебными запасами для Енисейска. На реке Кеть дощаники Ремезова встретились с судном уже бывшего енисейского воеводы окольничего П. Ф. Соковнина. Неизвестно по какой причине тобольские служилые люди открыли огонь по дощанику Соковнина. Последний, имея убитых и раненых, был вынужден спасаться на берегу (РИБ. Т. 2. Стлб. 767–768).

[104] The Atlas of Siberia by Semyon U. Remezov. Gravenhage, 1958. P. 115.

[105] *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. С. 114.

[106] РГАДА. Ф. 214. Стб. 143. Л. 291–292.

[107] Там же. Стб. 289. Л. 7–11.

[108] РГАДА. Ф. 214. Стб. 289. Л. 227.

[109] ДАИ. СПб., 1848. Т. 3. С. 375–376.

[110] *Колесников П. А.* Организация нижнесухонских носников в XVII в. // Русское государство в XVII веке. М., 1961. С. 181–200.

[111] РГАДА. Ф. 214. Стб. 220. Л. 153–157.

[112] Там же. Стб. 474. Л. 131–132.

[113] Там же. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 693. Л. 135.

114 РГАДА. Ф. 214. Стб. 635. Л. 92.

115 *Бахрушин С. В.* Пути в Сибирь в XVI–XVII вв. С. 116.

116 СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 21. Л. 246–247. См. также: РГАДА. Ф. 214. Стб. 503. Л. 10–13.

117 *Белов М. И.* Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. М., 1956. С. 197.

118 Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века. С. 84–89.

119 РГАДА. Ф. 214. Кн. 367. Л. 719.

120 Там же. Л. 733 об.—734, 737–737 об., 744.

121 *Ромодановская Е. К.* Легенда о Василии Мангазейском // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 198–199.

122 РГАДА. Ф. 214. Стб. 635. Л. 113.

123 Там же. Стб. 731. Л. 176–177.

124 ДАИ. СПб., 1862. Т. 8. С. 165.

125 Автор уделил достаточное внимание этой стороне вопроса в работе: *Вершинин Е. В.* Дощаник и коч в Западной Сибири (XVII в.) // Проблемы истории России. Вып. 4. Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 120–128.

126 *Белов М. И.* Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. С. 210.

127 *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. С. 122.

128 Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века. С. 212.

129 *Заозерская Е. И.* У истоков крупного производства в русской промышленности XVI–XVII веков. М., 1970. С. 395.

130 *Титов А. А.* Сибирь в XVII веке. М., 1890. С. 19–20, 36.

131 Цит. по: *Брызгалов В. В.* Строительство западноевропейских судов в Поморье (первая половина XVIII в.) // Нидерланды и северная Россия. СПб., 2003. С. 235.

132 ПСЗ. Т. V. СПб., 1830. № 3323. С. 678–679.

133 РГАДА. Ф. 248. Оп. 1. Кн. 693. Л. 135.

134 *Кошечкин Б. И.* Боже, дай нам ветра: кемские полярные мореходы. Петрозаводск, 1992. С. 162.

135 РГА ВМФ. Ф. 330. Оп. 1. Д. 611. Л. 43 об., 52–52 об.

136 *Богославский П. А.* О купеческом судостроении в России, речном и прибрежном. СПб., 1859. С. 41–42.

137 *Вернадский Г. В.* Россия в средние века. Тверь; М., 1997. С. 123.

Глава III Местное управление и состав колонистов

1. Воеводское управление

Как уже говорилось, территории сибирских уездов складывались стихийно, по мере продвижения русской колонизации на восток и возникновения городов, становившихся уездными центрами. В северных «беспашенных» уездах, где русское население концентрировалось в городах, объектом администрирования были в первую очередь не территории, а аборигенное население, с которого можно было собирать ясак. Прежде самостоятельные туземные «княжества» Северо-Западной Сибири в условиях русской колонизации быстро трансформировались в ясачные волости, которые в совокупности и составляли территорию того или иного уезда.

Как образовывались территории уездов, хорошо иллюстрирует следующий пример. В 1601 г. сургутский воевода послал на реку Пур отряд во главе с атаманом Б. Зубакиным для приведения к шерти (присяге) местные самодийские роды с тем, чтобы они платили ясак и «приезжали б в город в Сургут». Воевода князь Я. П. Борятинский еще не знал, что в том же 1601 г. князь Шаховской основал Мангазею и что самоеды, жившие по Пуру и Тазу, уже начали платить ясак в новый город. В Москве, получив отписку Борятинского, приняли простое решение: «А будет им ясак платить ближе в Монгазейский острог, и вы б им велели ясак платить в Монгазейский острог и о том в Мангазею отписали»[1]. Таким образом, территории уездов первоначально формировались, исходя из принципа объясачивания местного населения со стороны администрации того или иного города.

По мере продвижения русской колонизации в Сибирь, уже в конце XVI в., складываются органы центрального и местного управления зауральскими территориями. В годы основания первых русских городов в Сибири возникавшие зауральские уезды находились в ведении Посольского приказа, который возглавлял дьяк А. Щелкалов. После его отставки в июне 1594 г. должность брата занял В. Щелкалов, но вскоре были созданы новые приказы-четверти (чети), между которыми были поделены приуральские и зауральские земли. Сибирью с июня 1596 по декабрь 1598 г. управляла четь дьяка И. Вахромеева, а с 1599 г. колонизуемые восточные территории перешли в ведомство приказа Казанского дворца[2]. В феврале 1637 г. из Казанского дворца выделился специальный Сибирский приказ, образованный по территориально-функциональному принципу.

Для России XVI в. была характерна пестрота форм местного управления. В первой половине столетия господствовала традиционная наместническо-кормленческая форма администрирования, отмененная земской реформой 1555/56 г. В некоторых районах страны, особенно на севере, власть перешла в руки земских выборных органов; в то же время «отмирание» наместнической системы не было мгновенным. Наместники с правом кормления продолжали назначаться в некоторые города вплоть до 1580-х годов. И в это же время, во второй половине XVI в., появляется воеводская форма местного управления. Особенностью становления воеводской системы как местного звена управления являлся «эволюционный» характер этого процесса. Распространение воеводского управления никогда не было связано с какой-либо правительственной реформой, имеющей законодательное подтверждение. В свое время выдающийся отечественный историк А. А. Зимин отмечал, что во второй половине XVI в. «власть наместников-кормленщиков постепенно заменилась воеводским управлением» и что «ход этого процесса должен послужить предметом специального исследования»[3]. Тем не менее за прошедшие 50 лет отмеченная А. А. Зиминым проблема еще не получила своего конкретно-исторического исследования. Из современных работ, относящихся к европейской части России, ближе всего к решению этого вопроса подошли И. П. Ермолаев и А. П. Павлов.

И. П. Ермолаев первые опыты воеводского управления соотносит с организацией управления в Казанском крае после его завоевания. Ученый считает, что именно в Среднем Поволжье «сформировалась система воеводского управления», а в начале XVII в. она была введена на всей территории России[4]. Надо заметить, что мнение И. П. Ермолаева лишь развивает взгляды ученых XIX в.— Б. Н. Чичерина,

И. А. Андреевского, А. Д. Градовского. Появление института городовых воевод-администраторов они связывали с территориальным расширением Русского государства во второй половине XVI в. и особыми задачами правительственной политики на окраинах. Воеводы посылались «на управление инородными племенами, где сбор податей не мог обойтись без военной руки»; «в Казани, Астрахани, Сибири после их покорения учреждены были воеводы», так как там «нужна была крепкая власть»[5]. Однако данные суждения не объясняют, почему в начале XVII в. городовые воеводы становятся основным звеном местного управления в рамках всей страны.

Я уже высказывал свое мнение о причинах «победы» воеводского приказного управления над земским самоуправлением, которое не исчезло совсем, но стало в подчиненное положение по отношению к воеводской власти[6]. Земская реформа с одновременной отменой системы кормлений задумывалась и начала воплощаться в относительно спокойный период развития русского общества (думаю, что геополитические последствия завоевания Казанского края были тогда еще совершенно не представимы). На реализацию и итоги реформы решающее деформирующее влияние оказали события и потрясения ближайших десятилетий: затяжная Ливонская война, кровавый опричный террор, невиданно быстрое территориальное распространение государства в восточном направлении, глубокий хозяйственный кризис 1570–80-х годов. Выражением последнего являлись «резкая убыль населения и громадное опустошение земель, которые, в свою очередь, повлекли за собой изменения во всей социально-экономической жизни страны»[7]. Сокращение работоспособного населения и сельскохозяйственной продукции вынуждали правительство увеличивать податные обязанности (как и проводить меры закрепостительной политики в отношении частновладельческих крестьян). Именно в таких условиях сбор налогов, порученный выборным земским властям, мог оказаться малоэффективным.

Нельзя не согласиться с А. П. Павловым, который пишет: «Становление и утверждение воеводской системы было обусловлено всем ходом социально-политического развития страны в конце XVI — начале XVII в. ...Внешние же факторы не могли сами по себе привести к утверждению той или иной формы управления»[8]. Начальный этап складывания системы воеводского управления А. П. Павлов относит к последней четверти XVI — началу XVII в. (до 1605 г.). Ученый указал на появление в 1580–90-е годы в центральных и северных районах страны таких администраторов, как «судьи» и «приказные люди». А. П. Павлов совершенно прав, когда считает их прообразом воеводского управления; по существу это

уже воеводская форма власти, а в годы Смуты произошла лишь смена терминов[9].

Вторая «волна» неблагоприятных условий, окончательно определивших приоритет приказного воеводского управления, была порождена событиями Смуты. В эпоху гражданский войны и внешней интервенции воеводская власть конституировалась во внутренних районах страны, вместе с утверждением термина «воевода» в значении администратора, соединявшего и военную, и гражданскую власть в уезде. Сразу после Смуты, когда рост чрезвычайного налогообложения достиг предела, воевода оказался необходим как «правительственный агент по финансовому управлению». Последние слова принадлежат М. М. Богословскому, который высказал ценные замечания по этому поводу. Он указывал, что выборные земские власти не обладали достаточным аппаратом принуждения, чтобы оказывать надлежащее воздействие на плательщиков. К тому же они «слишком близко стояли к обществу», и «интересы плательщиков, их избирателей... были им ближе и дороже интересов государственного казначейства»[10]. В 1614 г., по неполным данным, воеводская власть существовала в 103 уездных городах, в 1616 г.— уже в 138[11]. Таким образом, утверждение воеводской формы управления было не единовременным актом, а растянувшимся на десятилетия процессом.

Для нашей темы существенно то, что первые два десятилетия присоединения и освоения Сибири оказались синхронны становлению воеводского управления в общероссийском масштабе. Ни центральные, ни местные органы русского управления Сибирью с самого начала не имели характера каких-то особых колониальных учреждений; воеводская администрация за Уралом формировалась на тех же принципах и имела те же основные функции, что и в европейской России (хотя специфичные черты, обусловленные природно-географическим и этническим калейдоскопом Сибири, в местном управлении, безусловно, присутствовали).

Воеводское управление в Сибири в XVII в. подробно рассмотрено в ряде работ, что позволяет автору указать на основные черты этого управления лишь в самом сжатом виде, привлекая конкретный материал, относящийся к Северо-Западной Сибири[12].

Отличительной чертой организации местного управления в Сибири являлось создание здесь более крупной, чем уезд, административно-территориальной единицы — разряда. В силу ряда причин уже в 1590-е гг. главным городом Сибири становится основанный в 1587 г. Тобольск. Воеводам других городов Западной Сибири предписывалось «обо всяких о тамошних делах обсылатися и пи-

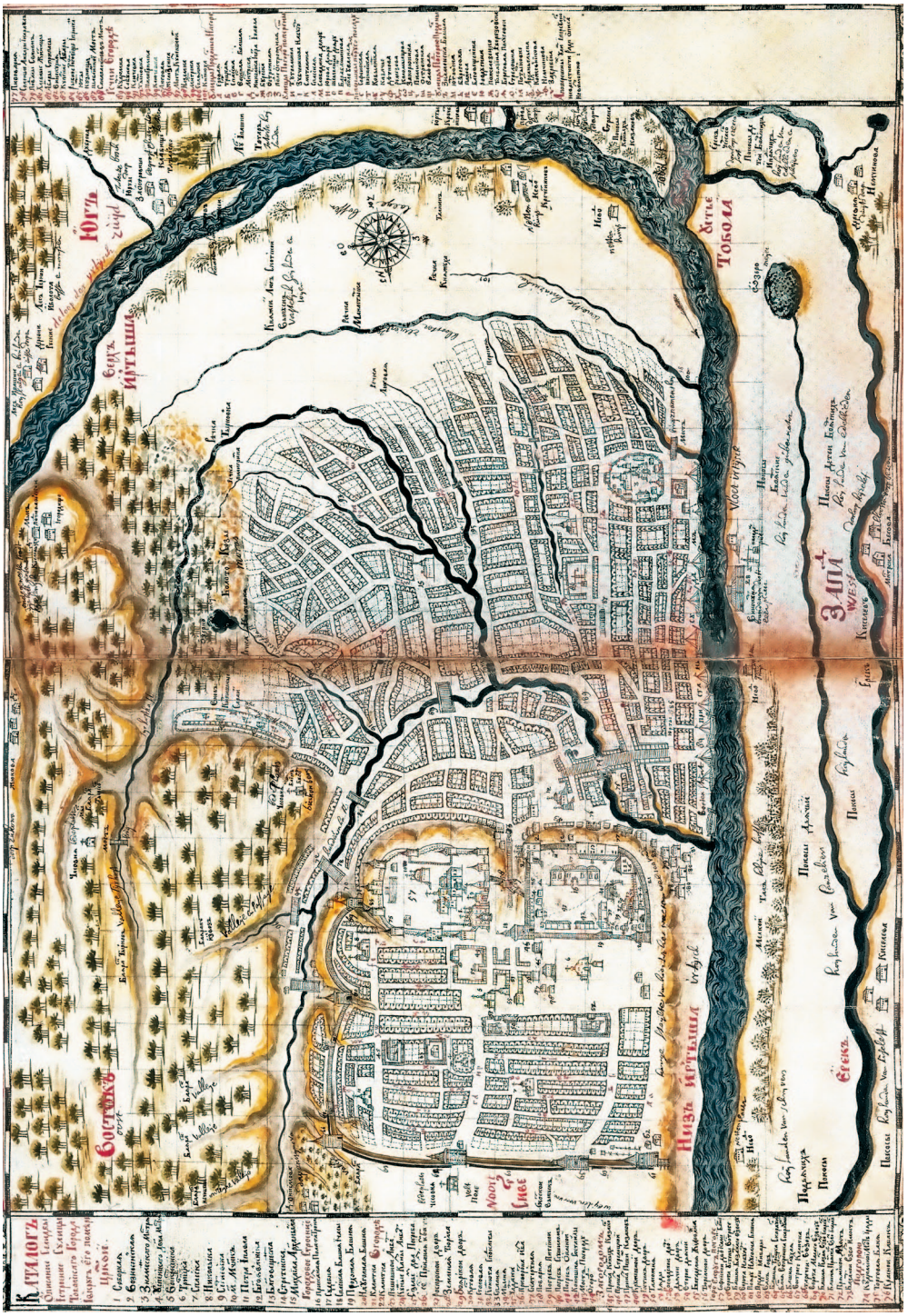
сати в Тобольский город к воеводам, чтобы в сибирских городах меж воевод всякие дела были ведомы»[13]. Учреждение Тобольского разряда (до 1629 г. единственного в Сибири) С. В. Бахрушин объяснял отдаленностью колонизуемой территории и соответственно — необходимостью для центрального правительства иметь в Сибири единый центр, координирующий все местное управление. Само слово «разряд» (Разрядный приказ в Москве ведал военной службой дворян) указывает прежде всего на военные функции администрации разрядного города, превосходившие полномочия подчиненных ей уездных воевод. Надо заметить, что из двух назначаемых в Тобольск воевод — главного воеводы и его «товарища» — только первый выполнял функции разрядного воеводы. На рубеже XVI–XVII вв. такой порядок организации местного управления для центральных районов России был необычен, но воеводам сибирских уездных центров пришлось к нему привыкать.

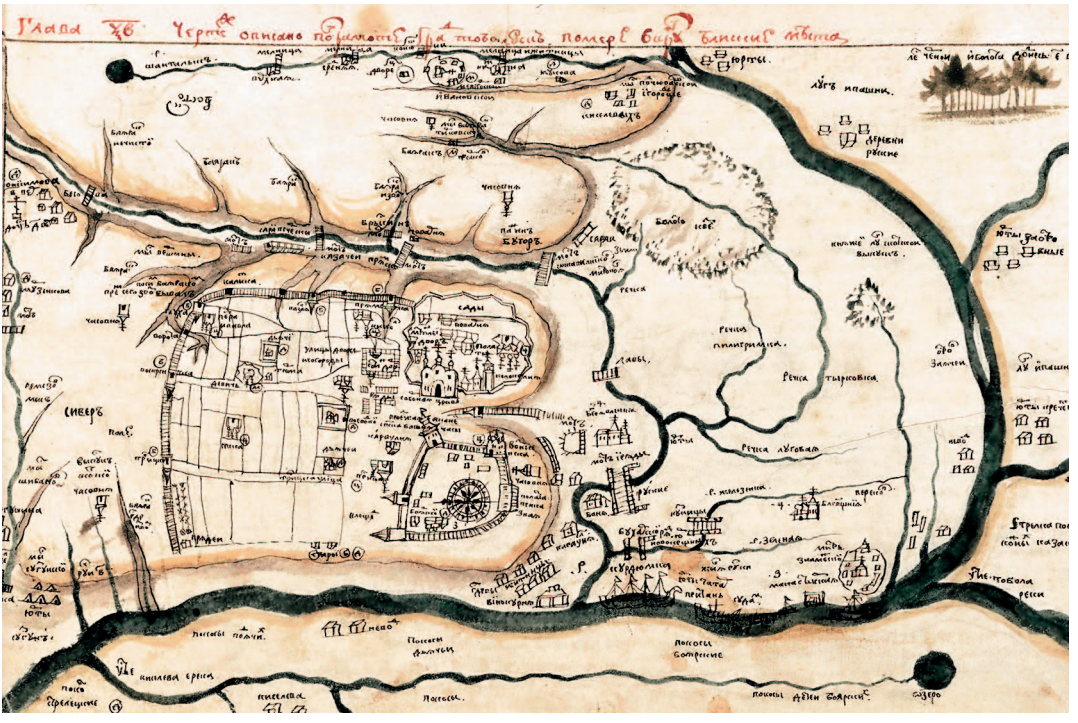
До образования в 1629 г. Томского разряда все существовавшие сибирские уезды входили в состав Тобольского разряда, а их воеводы были обязаны по всем текущим делам управления сноситься прежде всего с Тобольском и выполнять распоряжения главного разрядного воеводы. Однако намеченная для Сибири иерархия управленческих звеньев (уездный центр — разрядный воевода — центральный приказ) на практике далеко не соблюдалась. В воеводских наказах уездным воеводам оговаривалось, что «о больших делах» они могут докладывать непосредственно в Москву, одновременно посылая аналогичные отписки разрядному воеводе. При нечеткой определенности «больших дел» уездные воеводы широко пользовались этим правом, пытаясь таким образом в случае разногласий с разрядными воеводами обойти последних. Со своей стороны, центральный приказ, посылая грамоты уездным воеводам, извещал об их содержании и разрядные власти, которые должны были продублировать распоряжения «от себя». Еще С. В. Бахрушин отметил, что при таком административном порядке «получалась какая-то двойственность», которая «вносила известную дезорганизацию» в управление[14]. Отчасти подобная двойственность объяснялась привычкой воевод-администраторов к порядкам местного управления в Центральной России, где уезд непосредственно подчинялся Москве, а отчасти — желанием уездных властей миновать среднее звено (Тобольск) в целях более оперативного решения вопросов.

С 1629 г. Пелым, Березов, Сургут и Мангазея продолжали оставаться в составе Тобольского разряда, а Нарым и Кетск отошли к Томскому разряду. С образованием в 1677 г. Енисейского разряда Мангазея (Туруханск, Новая Мангазея) вошла в его состав. Недол-

ТОБОЛЬСК — СТОЛИЦА СИБИРИ В XVII СТОЛЕТИИ

рисунки из «Хорографической книги» С. У. Ремезова. Конец XVII в.





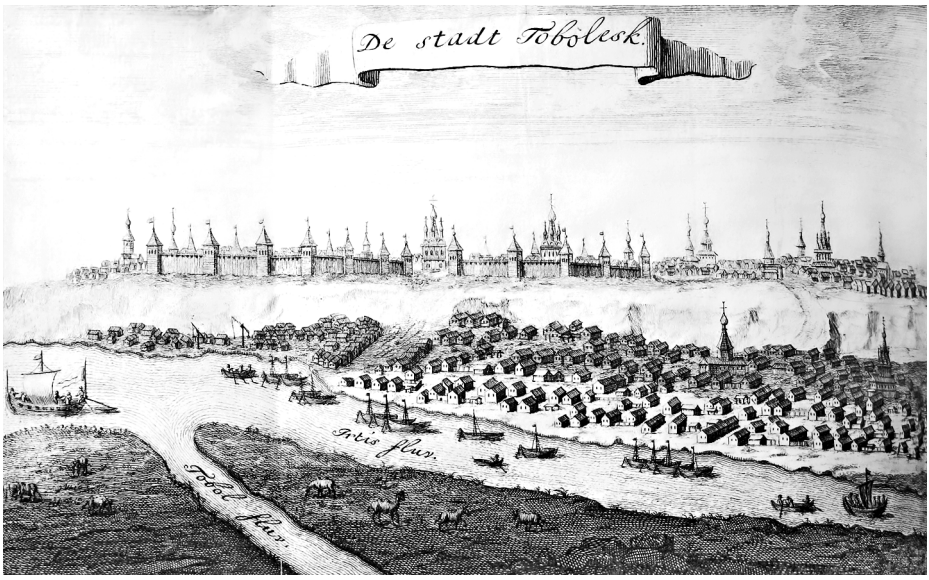
гое время (конец 1687–1693 г.) существовал Верхотурский разряд, в который входил Пелымский уезд.

Собственно состав воеводской администрации в Сибири, как и по всей России, был невелик. Воеводы, дьяки, подьячие «с приписью» и письменные головы назначались и приезжали из Москвы. В первый состав администрации Березова, при которой был основан город, входили воевода Н. В. Траханиотов, его товарищ князь М. К. Волконский и письменный голова Иван Змеев. В дальнейшем в Березов назначались воевода и письменный голова. Последний по существу выполнял функции товарища воеводы, то есть имел право на совместное решение дел с первым воеводой. Среди историков нет единого мнения по поводу генезиса должности письменного головы и его обязанностей в составе сибирской администрации. Н. Н. Оглоблин в конце XIX в. считал, что письменные головы играли при сибирских воеводах роль «чиновников особых поручений», обязанных представлять письменные отчеты о выполнении тех или иных дел[15]. Я предлагаю иную этимологию словосочетания «письменный голова», указывающую на первоначальный военный характер этой должности, которая появилась ранее самого воеводского управления. По моему мнению, «письменный голова» происходит от «списка» (росписи) служилых людей, которые поступали в распоряжение головы (командира) на время военного похода[16]. Ранние наказы березовским воеводам не сохранились, но в распоряжении историка есть наказы за 1590-е гг. воеводам Тары (город основан в 1594 г.) и Сургута. В наказе 1597 г. тарским воеводе С. В. Кузьмину и головам А. М. Воейкову и П. В. Пивову содержится интересная фраза, подтверждающая мою мысль: «Воеводе... быть в городе, а головам Андрею и Петру быть в остроге, а стояти им на прежних воеводских дворех; а которым детем боярским и ратным людем у кого быти — и тому послана с ними роспись... по тому их и ведати». В наказе этого же года сургутским воеводам князю С. М. Лобанову-Ростовскому и И. Н. Ржевскому содержится аналогичная фраза: «А самим им быть в городе в Сургуте: в большом городе быти воеводе князю Семену Михайловичю, а в остроге быти голове Ивану. А ратных людей ведати им по росписи, какова с ними роспись послана»[17]. В первые годы утверждения русской администрации в Сибири письменные головы являлись по сути товарищами воевод (то есть имели право на совместное с ними решение дел). В 1597–1599 гг. в Тобольске сидели воевода Е. В. Бутурлин и двое письменных голов. В сибирской «Книге записной» специально отмечено: «А в грамотах с Москвы писано к Ефиму Бутурлину с писмянными головами вместе»[18]. В том же источнике относительно верхотур-

ских письменных голов начала XVII в. есть малопонятная фраза: «А писмянные головы писали»[19]. Мне думается, это выражение надо понимать в контексте вышеприведенной фразы: хотя помощники воевод и имели чин письменных голов, входящая и исходящая деловая корреспонденция должна была содержать их имена (тогда в соответствии с правилами современного языка выражение звучит: «А письменных голов писали» (в грамотах, указах и т.п.).

Если в разрядном центре — Тобольске — письменные головы никогда больше (кроме воеводства Е. В. Бутурлина) не были в товарищах у воевод и стали в подчиненное положение по отношению к воеводам и дьякам, то в сибирских уездных центрах письменный голова быстро эволюционировал в помощника воеводы. Распоряжения из Москвы в Березов обращались сначала к воеводе и голове, затем слово «голова» из них исчезает, что хорошо прослеживается по документам. Так, грамота от 10 января 1608 г. (как и предыдущие) обращена «воеводе нашему князю Петру Ахамашуковичу Черкасскому да голове Ивану Игнатьевичу Зубову». Но уже следующая известная нам грамота (от 16 июня 1610 г.) адресовалась: «воеводам нашим Степану Ивановичу Волынскому да Юрию Яковлевичу Стромилову»[20]. В Сургут сначала посылались из Москвы воевода и письменный голова, но уже в наказе 1608 г. Ф. В. Волынскому и И. В. Благому оба новых администратора названы воеводами[21]. До 1609 г. администрация Пелыма состояла из воеводы и письменного головы, затем назначался только один воевода (за исключением 1613–1621 гг., когда в Пелыме находилось два воеводы). Затруднительно с точностью до года указать, когда в Мангазее исчез письменный голова и появился второй воевода. Можно только отметить, что в грамотах из Москвы мангазейским администраторам И. И. Биркину и В. А. Новокщенову (1615–1618 гг.) первый именован воеводой, второй назван просто по фамилии. Но в 1623 г. тобольский воевода М. М. Годунов уверенно назвал Биркина и Новокщенова воеводами[22]. В Кетском остроге первый воевода, назначенный из Москвы, появляется в 1608 г., а в Нарыме, по сохранившимся сведениям,— в 1611 г. В эти небольшие городки назначался лишь один воевода без «товарищей». С 1667 г. и до конца столетия Нарымом и Кетском управлял один воевода (за исключением 1677–1680 гг.)[23].

Известен специальный указ 1627 г., который устанавливал штаты высшей администрации для существовавших тогда сибирских городов. С этого года перестал посылаться второй воевода в Верхотурье, Тюмень, Березов и Сургут[24]. В Пелыме единоличное правление воеводы было установлено еще в 1621 г. Воеводы в этих городах исполняли административные функции, опираясь на штат местных



Вид Тобольска. Рисунок из книги Н.Витсена «Северная и Восточная Тартария». Конец XVII в.

подьячих съезжей избы. В Мангазее второго воеводу с 1633 г. заменили дьяки, затем подьячие с приписью, а с 1649 г. воевода назначался один.

Никакого регламентированного разграничения пределов власти для двух воевод, назначенных в уездный центр, мы не находим (в то время как главный разрядный воевода имел больше полномочий, чем его товарищи по воеводству). Единственное рациональное объяснение равноправия уездных воевод состоит в предположении, что правительство рассчитывало на взаимный контроль своих администраторов. Однако «двоевластие» равноправных воевод, будучи выгодным правительству, весьма часто приводило к значительной дезорганизации местного управления. При одинаковом объеме полномочий в силу вступали такие факторы, как враждебные отношения до назначения в Сибирь, местнические счеты, наличие или отсутствие «знакомцев» среди придворной аристократии и верхушки приказной бюрократии.

Мне представляется, что необходимо учитывать и традиции местного управления в России. В первой половине XVI в. во многие города (особенно крупные) назначались по два наместника. Кормленщиков-волостелей, пожалованных одной волостью, тоже могло быть двое[25]. В XVII в. эта традиция могла подкрепляться вполне реальными соображениями центральной власти. Назначая двух администраторов в один город, царское правительство имело возмож-

ность удовлетворить большее количество просьб о пожаловании воеводством.

То, что служилые люди по отечеству зачастую сами добивались места воеводы, оценивая его как награду за предыдущую военную службу, неоднократно отмечалось в литературе. Ранее мной уже был рассмотрен порядок назначений на воеводские места в Сибирь. Из общих принципов были исключены случаи, когда должность воеводы в далекой «государевой отчине» являлась формой почетной ссылки, своеобразным наказанием. Представляется, что назначения в Сибирь в качестве ссылки более характерны для конца XVI — начала XVII в., эпохи сложной внутриполитической борьбы при дворе[26]. Однако не представители высшей придворной аристократии составляли основную массу сибирских воевод. Бояре и окольничие назначались обычно в разрядные центры, большая же часть воевод из Москвы состояла, видимо, из представителей такого чина, как «дворяне московские», среди которых многие носили княжеский титул. У историков сложилось мнение (возможно, под влиянием такого вида источников как боярские книги XVII в. и известная работа Н. П. Павлова-Сильванского[27]), что в иерархии чинов-званий XVII в. московские дворяне стояли ниже стольников и стряпчих. Может, ввиду этого мнения в монографии В. А. Александрова и Н. Н. Покровского подчеркнуто, что из 500 с лишним сибирских воевод 109 обладали княжеским титулом, а 119 имели чин стольника (по моим данным — не менее 150 человек)[28].

Исследования А. П. Павлова совершенно меняют устоявшиеся представления о соотношении чина московского дворянина и придворных чинов (стольников, стряпчих). Ученый выяснил, что в большинстве случаев «не дворяне московские производились в стольники, а стольники жаловались в московские дворяне». Что касается родовитости, то на начало XVII в. из 200 московских дворян 76% принадлежало к княжеско-боярским аристократическим родам. За период с 1604 по 1650 г. численность дворян московских увеличилась более чем в семь раз (с 200 до 1431 человека). А. П. Павлов пишет: «В отличие от стольников и стряпчих, несших преимущественно придворную службу, служба московских дворян имела более «общегосударственный» характер. Служебные назначения московских дворян были самыми разнообразными — они служили воеводами в полках и городах, судьями в московских приказах, являлись послами и посланниками за рубеж... В значительной мере именно на московских дворянах держался аппарат управления страной»[29]. Что касается сибирских воевод, назначенных из стольников, то количество таковых резко возрастает в последней четверти

XVII в. И объясняется это, исходя из вышесказанного, не повышением статуса, скажем, Березова или Сургута в глазах чиновников Сибирского приказа, а, скорее, наоборот. Надо учитывать, что в период царствования Федора Алексеевича и правления царевны Софьи происходит «девальвация» чина стольника: количество стольников увеличивается в несколько раз, а их состав «демократизируется». Если в 1671 г. их было 419, то в 1682 г.— 1307, а в 1686 г.— 1938 человек[30].

Служилые люди по отечеству могли попасть на воеводское место двумя способами — получить назначение «сверху», или напроситься на него сами. Количественное соотношение сибирских воевод, назначенных «по государеву указу» и отпущенных на воеводство по их челобитным, выявить трудно. В документах Сибирского приказа челобитные лиц, испрашивавших воеводские места, встречаются не часто. Возможно, причина этого в том, что челобитные подавались в Разрядный приказ, от которого было необходимо согласие на отпуск служилого человека на воеводство, и могли не передаваться затем в Сибирский приказ. Еще в середине XVII в. отмеченные два принципа назначений имели для Сибирского приказа определенное различие. Это ясно из выписок, сделанных по поводу выдачи денежного жалованья С. Е. Лутовинову, просившего назначить его в Кетский острог (1649 г.). Челобитная Лутовинова являлась, повидимому, типичным документом подобного рода, и поэтому имеет смысл (вместо скучного пересказа) привести ее в полном виде (многоточием отмечен пропуск трафаретных слов «холоп твой», «государь»):

> Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всея Руси бьет челом холоп твой Степан Лутовинин. Служу я, холоп твой, прежним государем и отцу твоему государеву блаженной памяти великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всея Руси и тебе, государю, всякие твои государевы службы выборные и рядовые с пожалованьми вместе 45 лет и кровь свою проливал, и не одиножды ранен был, и в осадех во многих сиживал, и всякую нужу терпел. И брат, государь, мой Василей и племянник мой родной Микита Лутовинины побиты на твоих государевых службах. А поместейца за мною... твоего царского жалованья всего 67 четвертей с осьминою. А сынишко, государь, у меня... служит тебе... из житья, а два... еще у меня... сынишка мои поспели... в твою государеву службу.
>
> И с того ж, государь, помейстица с малые дачи я... служу тебе... всякие государевы службы и, служа, оскудел и одолжал великим долгом, а у твоего государева дела за службишко свое и за кровь нигде не бывал. А которые... моя братья службою передо мною молоди, а иные и не служивали и отцом и дедом мне... в версту,

поместьями пожалованы болшими. И те... моя братья пожалованы: отпущены к твоему государеву делу по городом и по иным приказом. А я... служу тебе... много лет.

Милосердный государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси, пожалуй меня... за мое службишко и за кровь: вели... мне быть у своего государева дела в Кетцком остроге на Гарасимово место Дурново. А тот... Гарасим отпущен в 155-м году (1646/47. — *Е.В.*), а которые... отпущены были в иные в сибирские городы во 155-м году, и те... все переменены, а на ево, Гарасимово, место нихто не отпущен.

Царь, государь, смилуйся, пожалуй.

На обратной стороне челобитной есть помета: «158-го (1649/50) года октября в 19 день государь пожаловал: будет 2 года минуло, велел его отпустить»[31]. Добившись желаемого, Степан Лутовинов бил челом и о выдаче ему денежного жалованья. Приказные дельцы, подняв документацию, выяснили, что «в прошлых годех до 155-го году, которые воеводы и дьяки и письменные головы по государеву указу посыланы были на... службу в Сибирь... и им государево денежное жалованье давано на Москве на 2 годы оклады их сполна». Однако в 1647 г. очередной смене воевод жалованье не было дано, «потому что они отпущены по челобитью по подписным челобитным». Но до этого, как свидетельствовали документы, жалованье выдавалось всем лицам, отпущенным в Сибирь и «по государеву указу», и «по подписной челобитной». Просьба Лутовинова о жалованье была удовлетворена[32].

Таким образом, назначения происходили «по государеву указу» только и по «подписным челобитным». Колебания приказных дельцов в выдаче жалованья являются отражением общего взгляда современников на воевод как на преемников прежних кормленщиков: если воеводство — служба у «корыстовых дел» и если место воеводы достигается в результате просьбы, то надо ли платить новоявленному администратору положенное окладное жалованье? Как видим, все-таки возобладал подход к должности городового воеводы как к государственной службе.

К челобитным об отпуске на воеводство, рассмотренным в книге В. А. Александрова и Н.Н. Покровского[33], можно добавить просьбу князя А. В. Кропоткина (ноябрь 1648 г.) о назначении его воеводой в Сургут. В челобитной он писал, что служил Михаилу Федоровичу и Алексею Михайловичу 15 лет, в 1646 г. вместе «со своей братьей» участвовал в постройке белгородских оборонительных сооружений. И те дворяне, по словам Кропоткина, были пожалованы — отпущены по воеводствам. Кропоткин был хорошо осведомлен, что сургутский воевода князь С. Г. Демский находился на службе уже третий

год, и тем подкреплял свою просьбу. По этой челобитной было принято положительное решение[34].

Дьяки и подьячие с приписью, официально являвшиеся товарищами воевод и отвечавшие за делопроизводство съезжих (с 1680-х годов приказных) изб, были необходимейшим элементом воеводского аппарата. Именно их наличие, как и штата местных подьячих, придавало ему бюрократический, насколько это можно говорить для XVII в., характер. В работах Г. А. Леонтьевой и Н. Ф. Демидовой освещены такие вопросы, как формирование подьяческих кадров в Сибири, характер приказной работы, складывание местных династий подьячих. В целом на протяжении XVII в. подьяческих кадров в сибирских приказных избах не хватало, на что постоянно жаловались воеводы. В 1640-х годах во всех сибирских городах насчитывалось 63 подьячих (из них 23 служили в Тобольске); в 1690-х годах сибирских подьячих было 118 (43 в Тобольске). В Пелыме, например, с 1630-х годов и до конца столетия штат воеводской избы состоял из двух подьячих[35].

До 1635 г. официальные печати имели воеводы только четырех городов — Тобольска, Томска, Верхотурья и Березова. В последние два города печати были присланы в 1607 г., что было вызвано, очевидно, их расположением на разрешенных путях в Сибирь, по которым двигались потоки торговых и промышленных людей[36]. К сожалению, ни самих печатей, ни их описаний до нас не сохранилось. В 1635 г. были присланы городовые серебряные печати еще в 10 городов Сибири и на Обдорскую заставу. До этого сибирские воеводы запечатывали меха с ясачной пушниной и закрепляли все важные виды письменных документов своими личными печатями, которые в Москве были «неведомы». Отныне воеводам предписывалось держать городовую печать в съезжей избе «в ящике» за своей личной печатью и запрещалось брать ее на свой двор. Г. Ф. Миллер дал словесное описание сибирских печатей 1635 г. по найденной им

Печати сибирских городов 1635 г. (слева направо): Березов, Пелым, Обдорская застава. Реконструкция Д. А. Редина.

росписи в тобольском архиве. На печати Березова были изображены соболь и стрела, Мангазеи — северный олень, Сургута — две лисицы и соболь между ними, Пелыма — лось, Кетского острога — лисица, Нарыма — белка и горностай со стрелой между ними[37].

Подчеркивая кормленческие черты, которые сохраняла в XVII в. воеводская система управления, исследователи почти ничего не говорили об обеспечении воеводской службы — в первую очередь, денежным жалованьем. Сама должность воеводы в том или ином городе никак не была связана с определенными размерами жалованья. В XVII в. оно устанавливалось не для должности, а соответствовало тому окладу, который на данный момент получал служилый человек по отечеству. Таким образом, занимая различные места в государственно-административном аппарате управления и в войске, служилый человек получал одно и то же (окладное) жалованье.

Порядок выплаты денежного жалованья отчасти указан Григорием Котошихиным: «Когда кому бывает служба посольская и воинская и иные посылки, и им (дворянам всех чинов — *Е.В.*) жалованье дается по окладам их; а когда служеб и посылок не бывает, им жалованья годового не бывает, а живут с поместий своих и с вотчин»[38]. Жалованье выдавалось на 2–3 года вперед; для сибирских воевод этот порядок прочно существовал уже с начала XVII в.[39] В конце 1612 г. земское правительство во главе с князьями Трубецким и Пожарским назначило воеводой в Пелым Ф. А. Годунова, указав получить ему окладное жалованье по дороге, в Тотьме и Устюге. Однако там ему денег не дали, о чем он и бил челом. Земское правительство в январе 1613 г. направило распоряжение верхотурскому воеводе выдать Годунову жалованье на 1612/13 г. (70 руб.) и записать это в расходные книги[40].

Денежное жалованье заранее выдавалось и другим лицам воеводской администрации, назначенным центральным приказом,— дьякам, подьячим, письменным и стрелецким головам. Как мы видели, заминка с выдачей жалованья произошла только в 1647 г. (для лиц, получивших назначения «по подписным челобитным»); в дальнейшем существовавший порядок был восстановлен. К денежному жалованью могло добавляться и «хлебное»; оно выдавалось тем лицам, у которых не было поместий и вотчин. Перед отправлением в Сибирь будущие администраторы ехали в свои вотчины или поместья, дабы заготовить с собой значительное количество всяких запасов. Это количество строго регламентировалось центральным приказом и не менее строго должно было проверяться при проезде через Верхотурье. Обычный набор продуктов и вещей, который везли с собой воеводы (причем на казенных подводах) подробно опи-

сан С.В. Бахрушиным[41]. Запас продуктов, сукна, одежды, бытовой утвари и т.д. брали с тем, чтобы его хватило на срок службы воеводы с семьей и сопровождавшим его дворовым людям. Количество последних было значительным. Так, в 1635 г. мангазейского воеводу Б. И. Пушкина сопровождали к месту службы священник и 32 человека дворовых людей[42]. Сын упоминавшегося С. Е. Лутовинова после того, как его отца отпустили в 1649 г. в Кетский острог, подал челобитную о разрешении отправиться вместе с ним. В ней Давыд Лутовинов патетически писал, что отец его «одинок и безлюден и проводить его тою дальнею дорогой некому». Между тем с Лутовиновым отправлялись в Сибирь 25 человек дворни[43]. Наличных денег разрешалось провозить с собой «большим» тобольским и томским воеводам по 500 руб., их товарищам, дьякам и воеводам уездных городов — по 300 руб. Провоз запасов к месту назначения не считался личным делом воеводы, под них давались казенные подводы (от 12 в «ближние сибирские города» до 30 в Якутск [44]).

Воевода XVII в., едущий к месту назначения с длинным поездом собственных припасов, существенно отличается от администратора-кормленщика XVI в. Устраняя в середине XVI в. население от непосредственного натурального содержания аппарата власти на местах, центральное правительство брало его обеспечение на себя. При таком взгляде на администратора XVII в. особенно отчетливо выступает тот факт, что и денежное жалованье, и поместье (в форме реализованных с него продуктов) являлись двумя дополняющими друг друга видами обеспечения государственной службы дворян и приказных людей. Таков, представляется, был взгляд центрального правительства на службу дворян в качестве городового воеводы. На практике, однако, воеводам часто не хватало окладного жалованья, а запасаясь продуктами и вещами для службы в Сибири, они влезали в «великие долги»[45]. Надо думать, что дворяне, добившиеся воеводского места в Сибири, надеялись поправить там свое материальное положение.

Говоря о выплате денежного жалованья воеводам, нельзя не отметить интересный факт. В XVII в. лицам воеводской администрации деньги выдавались из четвертных приказов и носили название четвертного жалованья (отправлявшиеся в Сибирь получали деньги в основном из Устюжской, Галицкой и Костромской четвертей[46]). Как показал еще С. Ф. Платонов, возникновение приказов-четвертей связано с реформой 1555/56 г., отменившей систему кормлений. Четверти возникли как финансовые учреждения, собиравшие с населения «кормленый окуп» и распределявшие его среди служилых людей высших разрядов[47]. Н. Е. Носов предположил, что в состав

будущих «четвертчиков» вошли лишь те представители служилых людей по отечеству, кто ранее имел право на получение кормлений[48].

Для XVII в. четко сохраняется разделение служилых людей на «четвертчиков» и на «емлющих жалованье с городом». Смысл такого деления, как писал в конце XIX в. В. Н. Сторожев, «остается не выясненным». Но сам же ученый подсказал ключ к разгадке, указав на несколько особенностей четвертчиков: 1) весь состав четвертчиков расписывался между четями независимо от их приписки по службе к тому или иному городу; 2) допущенные в четь нередко получали меньший оклад по сравнению с теми, кто был поверстан с городом («значит, четвертное денежное жалованье представляло какой-то интерес»); 3) жалованье четвертчиков носило название «оброка»[49]. Получать жалованье из четверти мог далеко не каждый служилый человек по отечеству. Л. М. Сухотин отмечал, что «получение жалованья из Чети было привилегией высших разрядов служилых людей... Из массы дворян провинциальных и детей боярских... в Четь пускались лишь избранные, по отечеству и по родству или в награду»[50]. Учитывая происхождение четей-приказов и четвертчиков, мы можем понять, почему в XVII в. служба городовых воевод обеспечивалась жалованьем из этих учреждений. Я предполагаю, что основной состав четвертчиков конца XVI — начала XVII в. был обусловлен генеалогической преемственностью и родством с лицами, имевшими ранее право на получение кормлений. В новых условиях XVII в. круг лиц, имевших возможность претендовать на занятие административных должностей, неизбежно расширялся; в таком случае становится понятным и само выражение «пущен в четь», и выгоды этого «допуска» для служилого человека.

Связь между прежней кормленной системой и сменившей ее воеводской формой управления выражалась не только в генеалогической преемственности носителей властных отношений. Исследователи давно подчеркивали присутствие кормленческих традиций в практике воеводского управления XVII в. По-другому поставил вопрос Г. П. Енин. Воеводское кормление он рассматривает как основу содержания местных администраторов в уездах европейской России, и поэтому не видит никакой разницы (кроме терминологической) в наместнической и воеводской формах управления. Соответственно своей концепции, Г. П. Енин считает отмену кормлений в середине XVI в. ложным историографическим фактом. Цель центрального правительства и в XVI, и в XVII в.— дать служилым людям по отечеству возможность поправить свое материальное положение, «покормиться» за счет подведомственного населения, поскольку в денежном виде обеспечить функционирование местного

аппарата власти казна не имела возможностей. Сами же воеводы в еще большей степени рассматривали свои назначения как вознаграждение за предыдущие службы военного характера[51].

Несмотря на весомый фактический материал, содержащийся в работе Г. П. Енина, я все-таки остановлюсь на некоторых спорных вопросах (частного и концептуального характера), которые возникают при чтении данного исследования. При этом надо сделать оговорку: если Г. П. Енин в отношении воеводского управления Сибири опирается на работы историков Сибири, то я ориентируюсь на изыскания историков данной темы по европейской части России (и, в первую очередь,— самого Г. П. Енина). Это поневоле ставит меня порой в положение «сибирского сепаратиста».

Г. П. Енин утверждает, что воеводы служили без жалованья, делая при этом ссылку на единичный факт из разрядной книги[52]. Сибирские воеводы получали денежное окладное жалованье, о чем говорилось выше[53]. Рассматривать данный факт как региональное исключение не представляется возможным. Например, исследователь черносошного Поморья в XVII в. Е. Н. Швейковская утверждает: «Назначенные в город воеводы при своем отъезде получали жалованье в соответствии с окладом... Отчужденные от плательщика-крестьянина, пройдя через четверти как кассы и поступив из них в иные приказы, податные поступления превращались в обезличенные государственные доходы, которыми обеспечивалась служба феодалов»[54]. Для меня вполне очевидны различия между наместническим аппаратом власти и воеводским. Если для первого выполнение функций государственного управления было придатком к самому факту «кормления», то воеводская система управления создавалась как «приказная», «государева» (равно — государственная) служба, строго подчиненная московским приказам и действовавшая (в идеале) в интересах государственного фиска. Центральное правительство в XVII в. мирилось с умеренными воеводскими кормлениями, но никогда не подтверждало их юридическую законность. Наоборот, известны царские грамоты (начиная с 1615 г.) в города «всяким людям» о запрете давать воеводам кормы, которые хорошо знакомы и самому Г.П. Енину[55]. Однако он считает их временными частными распоряжениями, своего рода льготой для населения, обусловленной конкретной податной ситуацией. Я не считаю, что указ, например, от 10 августа 1620 г., направленный в виде грамоты «всяким людям» в Тотьму, отражал только временную меру. Указ не носил исключительный характер, поскольку там сказано, что аналогичные грамоты рассылаются «в городы к воеводам и приказным людям». Указ носит ярко выраженный «антикормленческий»

характер, где воеводам запрещалось «имать» кормы с посадов и уездов и заставлять работать население на себя[56]. Признавая отсутствие правовой базы для воеводских кормлений в первой половине XVII в., Г. П. Енин апеллирует к указу 1661 г., который предписывал отпускать на воеводства только раненых и побывавших в плену служилых людей и «впредь не раненых в воеводы и приказные люди не отпускать до указу»[57]. Я придерживаюсь мнения, что этот указ как раз и является временным, поскольку здоровые дворяне были нужны на затяжной войне с Польшей.

Мне представляется, что политика запрещения кормов и работ всякого рода на дворе воеводы была официальным взглядом правительства на эту проблему, а периодические повторения указов лишь подтверждали упорное нежелание воеводской администрации расставаться с дедовскими традициями и превентивную готовность крестьянских и посадских миров содержать (опять же в умеренном виде) воеводский аппарат в ответ на «милостивое» к ним отношение. Интересно задаться таким вопросом: а надолго ли хватало воеводе, пребывавшему в должности 2–3 года, вымученных с населения денег? Думаю, что только единицы могли приобрести после воеводства новые вотчины или вложить деньги в какое-нибудь «дело».

Традиция остается живой, если она не прерывалась, если осознанно применялась ее носителями и если существовали условия, поддерживавшие ее бытование. С этой точки зрения традиция кормления населением лиц местного звена управления очень сильно проявила себя в XVII в. и перешла в следующее столетие[58]. Зарождающаяся в XVII в. рационалистическая (бюрократическая) система управления нашла свое выражение, в частности, в официальном декларировании запрета кормлений, но искоренить их не могла. В отличие от европейской России, на колонизуемых землях традиция воеводского кормления проявлялась намного слабее. К западу от Урала традиция кормлений в XVII в. находила выражение в практике «въезжих кормов» (подношения на приезд воеводы), «праздничных денег» (они приурочивались к Рождеству, Пасхе и Петрову дню, то есть к тем срокам, когда ранее население платило установленный корм наместникам) и «вседневных харчей». В условиях колонизации Сибири «кормить» воевод было просто некому. Мне известен лишь один случай требования со стороны воеводы «праздничных денег». В 1689 г. приказчик Аятской слободы получил из Верхотурья память, где говорилось о получении с крестьян данной слободы 2 рублей на Петров день и напоминалось, что на Пасху подношения не было. Приказчик должен был те «праздничные великоденские деньги на старосте с крестьяны доправить тотчас»

и выслать их верхотурскому воеводе Г.Ф. Нарышкину[59]. Однако напомню, что к концу XVII в. Верхотурский уезд стал земледельческим, а именно крестьяне были основным объектом кормленческих вожделений воевод. Трудно представить, чтобы воеводы северных уездов осмелились бы требовать «въезжий корм» или «вседневные харчи» со служилых людей своих городов (по крайней мере, мне такие случаи неизвестны)[60].

Отношения между представителями сибирской администрации весьма отличались от тех, которые предписывались им воеводскими наказами. При довольно простой административной структуре наказы регламентируют три линии служебной субординации: между главным воеводой разряда и его товарищами, между разрядными и уездными властями и между двумя воеводами одного города. Северные уезды Западной Сибири подчинялись главному разрядному воеводе в Тобольске. На протяжении XVII в. между воеводами этих уездов и тобольским воеводой каких-либо серьезных конфликтов не наблюдалось, хотя изредка уездный воевода мог получить выговор из Тобольска («И то ты делаешь негораздо...»).

Более конфликтными (но далеко не всегда) были отношения между двумя администраторами, назначенными в один уездный город. Назначение на то или иное воеводское место касалось карьеры далеко не одного служилого человека. За этим назначением следили его родственники, для которых потеря или выигрыш в родовой местнической «чести» имели важное значение. Так, в середине XVII в. сыновьям Г. Г. Пушкина в местническом деле с одним из князей Долгоруких пришлось «оправдывать» своего отца за то, что в 1601–1603 гг. он был в Пелыме товарищем первого воеводы князя В. Г. Долгорукого. Они утверждали, что их отец «на князь Василья Долгорукого в отечестве бил челом и дела с ним не сидел, а жил все у себя на дворе и в съезжую избу к нему не ездил». В. И. Корецкий доказал, что Гаврило Пушкин был послан на воеводство в Пелым, будучи «в опале» у царя Бориса Годунова; очевидно, что у него и не было желания заниматься администрированием в небольшом сибирском городке[61].

Враждебные отношения сложились между воеводой Давыдом Жеребцовым и головой Курдюком Давыдовым (Мангазея, 1606–1608 гг.). При возведении городовых стен голова крайне неохотно выделил средства на постройку трех саженей городней, занимаясь больше строительством своего двора. Жеребцов докладывал в Тобольск, что «Курдюк де Давыдов корыстуетца, емлет посулы, а ему де, Давыду, в государевом деле не помогает, а государевым ясаком де и десятинною пошлиною, и над самоедью с служивыми и с про-

мышленными людьми промышляет он, Давыд, один». Голова ссужал служилых людей деньгами под проценты, вследствие чего они проигрались в зернь «донага». Жеребцов обличал Давыдова перед служилым миром, но последний только обозлился: «И он де, Курдюк, похвалялся его де зарезати ножем, да говорит, что он на него носит два ножа»[62]. Впрочем, Жеребцов благополучно дожил до следующей воеводской смены в 1608 г., а новому воеводе было указано из Москвы расследовать незаконные операции Давыдова с азартными играми и скупкой пушнины.

Серьезный конфликт разгорелся между сургутскими воеводами в 1620-е годы. Воеводы Никита Евстафьевич Пушкин и Богдан Иванович Белкин получили назначение в Сургут 7 февраля 1625 г. Совместного управления городом и уездом у них не получилось, что, впрочем, в сибирской практике местного управления не было редкостью. Неизвестно, почему Пушкин и Белкин столкнулись на сургутской земле в смертельной вражде, но, скорее всего, ее нити тянулись к их взаимоотношениям еще до назначения в Сибирь. Оказавшись «товарищами» по воеводству, Пушкин и Белкин взялись за сочинение кляузных челобитных, выискивая любые поводы, чтобы дискредитировать противника[63]. В порыве обличения друг друга оба воеводы создали колоритнейшие картины нравов своего времени, сдобренных спецификой существования далекого сибирского города.

Реальную власть в городе захватил Пушкин, умело используя слабости противника — страсть к хмельному питию и прекрасному полу. Если верить Пушкину, то Белкин как администратор вел себя безответственно, а как человек — безобразно. Судя по разнообразному перечню провинностей, Богдан Белкин не давал себе скучать. Так, 25 марта 1626 г. в караульную избу ввалился «пьян казак Мишка Леонтьев сын и десятников и казаков, которые стоят на карауле, лаял матерно и хотел бить». По приказанию Пушкина буяна посадили в тюрьму, однако этим же вечером Белкин, «идучи от вечерни пьян, ис тюрьмы тово Мишку взял к себе на двор». Возможно, таким образом Белкин вербовал себе сторонников среди сургутских казаков, к тому же близких к нему по наклонностям.

Летом этого же года просвирница Пелагея донесла Пушкину, что дворовые люди Белкина разломали часть городской стены и сделали лестницы на городские стены. Смысл этого деяния для меня остался неясным, как, впрочем, и для воеводы Пушкина. На запрос последнего Белкин ответил в сильных выражениях и, более того, якобы заявил: «я де так заворую, что меня велят, сковав, взять к Москве». Может быть, Богдана Ивановича настолько одолела ностальгия по

московским колокольным перезвонам, что он был согласен прибыть в столицу даже в кандалах?

Пушкин неоднократно жаловался и в Тобольск, и в Москву, что Белкин не ходит в съезжую избу, то есть присутственное место воевод. Возможно, Богдану Ивановичу было действительно не до того, поскольку у него в дому разыгрывались любовные страсти. Дело в том, что еще по пути в Сургут (а путь проходил через Тобольск) Богдан Белкин «подговорил» и увез с собой некую Ирину, жену тобольского стрельца Макара Ортемьева. Сам стрелец в это время находился в походе на Ямыш-озеро, где ежегодно добывалась соль. Помимо пропажи жены, Макар обнаружил, что вместе с ней исчезло «живота ево — платия и денег на 60 рублев». Стрелец пожаловался архиепископу Макарию и тобольскому воеводе князю А. А. Хованскому, которые указали Пушкину произвести «выимку» неверной жены со двора Белкина. Воеводе предписывалось в присутствии свидетелей допросить стрелецкую жену, а затем допросные речи и саму Ирину выслать в Тобольск.

Узнав о распоряжении тобольских властей, Белкин решил не уступать женщину без боя. Как донес воеводе Пушкину один из дворовых людей Белкина (бывший тюменский палач Ивашко Васильев), «и Богдан де Белкин позвал нас всех, людей своих, к себе в горницу и говорил де им: не выдайте де меня, как придет ко мне на двор Микита Пушкин с служилыми и с своими людьми выимать у меня жонки, и вы де порадейте, мимо всех служилых людей и Микитиных людей убейте из лука или из пищали преже Микиту Пушкина, а в том де я государю за вас отвечаю... Емлите де себе пищали и сабли и держите у себя готово; а ему де, Ивашку, дал остяцкой лук и стрелы». Заодно доносчик сообщил, что у Белкина живет другая «подговорная жонка», татарка, которую он переманил от муллы, Бог весть каким ветром занесенного в Сургут.

Бой за Иринку, Макаркову жену, разгорелся 18 октября1626 г. на дворе у Богдана Белкина. Для выимки неверной жены воевода Пушкин создал представительную делегацию, состоявшую из священника соборной Троицкой церкви Илинарха, подьячего Афанасия Кондакова (подьячих, кстати, на тот момент в Сургуте было двое), атамана Тугарина Федорова, какого-то количества казаков и двух целовальников из торговых людей. Колоритной и уважаемой личностью был старый атаман Федоров, который начал службу в Сибири еще в 1591 г.

Для встречи делегации Белкин, причем «пьян», вышел на крыльцо со своими людьми Митькой Тютчевым и Ефремкой Петровым — все с саблями и пищалями. Заявив, что никакой «подговорной жонки»

у него нет, Богдан «учал их лаять матерны и подьячего Офонасья Кондакова убил до полусмерти и за бороду драл и на голове волосы выдрал». В своей челобитной, поданной через несколько дней, Кондаков внес уточнение: «И, убив меня замертва, покинул и оглушил». Помимо Кондакова, пострадали десятники Ивашка Арап и Максим Валцов, которых били и кололи саблями. После этого Белкин со своим войском сел в осаду: запер двери сеней и окна, а двери горницы заложил. Казаки не растерялись и вломились в задние сени, ворвались в горницу и обнаружили, что «в залавке схоронены» две женщины — роковая Иринка и подговорная татарка Кузака. Их обеих, так же как холопов Белкина, привели в съезжую избу для допросов.

Здесь выяснились некоторые подробности частной жизни холостого воеводы. Кузака показала, что в ее «похищении» активно участвовала жена атамана Богдана Зубакина (второй атаман в Сургуте наряду с Федоровым). И жила она «в горнице с Макарковою женою с Оринкою и спали вместе с Богданом Белкиным. И хотел де Богдан с Макарковою женою и с нею итить в мыльню паритца». Впрочем, на следующий день Кузака внесла уточнения в совместное проживание данного трио. По ее словам, Белкин с Ириной «жил, что с прямою женою, и спал с нею вместе». Кузака же за 10 недель пребывания у воеводы сшила ему кафтан пупчатый из соболей. Это наводит на мысль, что татарка, скорее всего, являлась прислугой, кем она, видимо, и была у муллы.

Сама же Ирина никаких показаний дать не могла, потому что в съезжую избу ее привели в крайне больном состоянии. Единственная ее фраза сводилась к тому, что Белкин «окормил ее кореньем», и «потому де она больна и не говорит и опухла вся». Дело, однако, представляется более тонким. Воевода, очевидно, искренне любил Ирину, и, когда та заболела, принял меры, которыми располагала народная медицина. Та же Кузака показала: «А как де Макаркова жена учала быть больна, и Богдан де и от своих людей почал таитца и казать Макарковы жены не стал, а на двор де и в мыльну носил ее сам».

Лечение болезни Ирины, диагноз которой я, разумеется, не рискну ставить, было таким. Белкин послал своего человека к казаку Ивану Бесперстово за травами, и тот дал «коренья иру степного». На допросе казак-травник заявил, что с этого лекарства «люди не пухнут, нешто де будет Богдан ей иное коренье лихое давал». Далее Богдан прибег к помощи двух казачьих жен. Допрошенная Оксютка Кайдалиха нарисовала поневоле трогательную сцену. Призванная на двор к Белкину, она обнаружила Ирину, которая лежит «больна, брюхо де у ней опухло... А сам де Богдан у той Оринки груди и брюхо и рожу мажет мазью и, стоя де над нею, плачет». На вопрос

Кайдалихи воевода ответил, что использует как мазь деревянное масло. Своевольный воевода бил челом казачьей жене Аксинье Кайдаловой, чтобы она вылечила Ирину, и при этом обещал ей: «что пожалуешь, возьмешь». Кайдалиха пустила в ход медвежью желчь, которой смазала живот больной. На следующий день (а было все это за неделю до «выимки» Ирины) пришла другая казачья жена, тоже Ирина. Богдан попросил ее сходить с больной в баню. Однако и это лечение оказалось неудачным. Принесенная в баню на руках, больная не дала снять с себя рубашку и «велела вынесть себя из бани вон, а велела де себя маслом коровьим по брюху рукою помазать». Все способы лечения оказались неэффективными, и потому понятны перепады настроения Белкина — от слез до хмельных возлияний.

Воевода Пушкин отдал «подговорных женок» на дворы к казакам, поскольку, в случае заключения их в тюрьму, кормить женщин было некому. Более того, имея приказ отправить их в Тобольск, Пушкин оказался в затруднении. Он не знал, можно ли им дать подводы, что нанесло бы урон государевой казне. Пушкин решил: пусть Богдан Белкин доставит женщин в Тобольск за свой счет. Однако тот отказался, следуя, видимо, принципу «ни себе, ни людям». К сожалению, характер наших источников таков, что они не дают возможности проследить окончание этой истории.

Зато мы можем выслушать другую сторону — обвинения Белкина в адрес своего противника, выраженные им в двух челобитных и отправленных в Москву еще до описанных выше событий. Белкин утверждал, что 25 декабря 1625 г. Пушкин со своими людьми прямо в съезжей избе его «лаел позорною лаею и били насмерть». Белкин просил отпустить его с воеводства или в Москву, или хотя бы до специального указа в Тобольск. Однако тобольский воевода распорядился по-прежнему быть Белкину в товарищах у Пушкина. Белкин якобы стал ходить в съезжую избу, но Пушкин приказал подьячим отстранить его от делопроизводственной и финансовой документации. Жаловался Белкин и на то, что любые указы и меха с собранным ясаком Пушкин запечатывал только своей печатью (до 1635 г. Сургут не имел казенной государевой печати, поэтому использовались личные печати воевод). В целом же обвинения Белкина сводились к тому, что его противник проводит махинации при сборе ясака и посылает в ясачные волости уезда и за его пределы своих людей с товарами — с целью приобретения добротных мехов. А это воеводам было строго запрещено. В противоположность своему корыстолюбивому коллеге Белкин те личные поминки, которые принесли ему ясачные ханты (44 соболя и красная лисица) сдал в государеву казну. Впрочем, вряд ли стоит полностью доверять

самохарактеристике Богдана Белкина как честного, но незаслуженно обиженного исполнителя царской воли. Его пристрастие к «хмельному питию» делала из него весьма сомнительного администратора. Зато он, видимо, обладал талантом быть любимцем женщин. Во время допроса татарки Кузаки выяснилось, что существовала и третья «подговорная жонка» — некая Анютка, жена кузнецкого казака Федьки Васильева, которую Белкин «сплавил» казаку из Нарыма Федоту Федорову. Да и слова Белкина о том, что он «от Микитина убийства... лежал болен» вызывают большое сомнение.

В Боярской книге 1627 г. Пушкин и Белкин были записаны как московские дворяне. Если материальное положение Пушкина в этом источнике не указано, то Белкин имел денежный оклад в 15 рублей и поместный в 600 четей[64]. Очевидная вражда между этими воеводами повлияла, возможно, на известный указ 1627 г. о ликвидации должности второго воеводы в ряде сибирских городов. В 1627 г. в Сургут прибыл уже один воевода князь М. С. Гагарин.

С. В. Бахрушиным подробно описана самая, пожалуй, знаменитая для Сибири этого времени «рознь» между мангазейскими воеводами Г. И. Кокоревым и А. Ф. Палицыным (1629–1631 гг.), дошедшая до вооруженных столкновений и имевшая результатом разрушение значительной части построек города[65]. Как уже говорилось выше, с 1633 г. в Мангазею стал посылаться один воевода и дьяк в качестве его помощника. Любопытен случай (хотя он, видимо, нетипичен) нарушения субординации в отношении воеводы со стороны местного туруханского подьячего. В 1644 г. воевода князь П. М. Ухтомский «съехал» в Туруханское зимовье из голодной Мангазеи. Там князь, к своему удивлению, натолкнулся на непокорное поведение подьячего съезжей избы Нехорошко Никифорова. На Никифорова воеводе была подана изветная челобитная от таможенного подьячего Родиона Васильева (содержание ее неизвестно). Ухтомский распорядился поставить перед собой в съезжей избе Никифорова для допроса. Последний заносчиво заявил воеводе: «Тебе де, князю Петру, до того какое дело?» Воевода назвал подьячего мужиком, на что тот ответил в таких словах и действиях: «Мужик де я и есть, и ухватя перед ним срамные уды, потряс», называл князя вором и «говорил с бранью матерны». Ухтомский хотел ему «поученье дать», но Никифоров закричал, что есть у него на воеводу «государево дело», о чем он собирается подать челобитную. В. А. Александров и Н. Н. Покровский хорошо показали, что в таких случаях воевода мог апеллировать к мнению всего «мира», в присутствии которого он желал выслушать обвинения в свой адрес[66]. Однако, по словам Ухтомского, подьячий челобитную на него не подал ни в таможне, ни мирским выборным властям.

В июле 1644 г. на Никифорова подал челобитную стрелец Ярофей Петров. В 1639 г., когда он уехал в Москву с ясачной казной, подьячий присвоил его окладное жалованье — 9 четей муки. В голодный же 1643 г. Никифоров продавал пуд муки по 1,5 рубля (Петров был не единственной жертвой алчности подьячего); жена Петрова покупала у Никифорова пуд муки за 2 рубля. Стрелец просил взыскать с Нехорошко 95 рублей (45 пудов жалованья, так как мангазейская четь была пятипудовой, и 40 рублей за проценты на имущество, которое закладывала семья Петровых). Ухтомский все же посадил Никифорова «за пристава до указа», но по другому делу — подьячий «научал» служилых людей грабить дьяка Обобурова. Воевода отослал в Москву изветные челобитные, к которым приложил и свою челобитную с просьбой «учинить указ, чтоб ему в позоре не быть». В Москве приняли решение послать грамоту к мангазейским таможенным головам с указом бить подьячего батогами за бесчестье Ухтомского[67].

Ссоры могли происходить и между служителями съезжих изб. В августе 1642 г. у пелымского воеводы князя П. Ф. Волконского обедали, наряду с двумя священниками и шестью служилыми людьми, местные подьячие Путилко Степанов и Кузьма Орлов, которые начали браниться. Степанов заявил Орлову: «Ты де какой человек, откуль де ты взялся?» На это Кузьма ответил традиционно: «Сам де ты какой человек?» — Степанов: «Я де старый подьячий, на Пелыме сижу у государева дела 50 лет». Кузьма заявил, что сидит в подьячих второй год. Путилко произнес неосторожные слова: «Черт де тебе велел быть в подьячих». Кузьма возразил, что пожаловал его в подьячие царь Михаил Федорович и по его указу воевода Волконский. Степанов зачем-то трижды спросил, какой царь его пожаловал. Кузьма резонно заметил, что царь у них один. Этого было достаточно, чтобы Волконский донес о словах Степанова в Тобольск. Взятый туда для допроса старый подьячий (он действительно служил в Пелыме с самого основания города) пояснил, что он хотел лишь выяснить, по какой грамоте Орлов назначен в подьячие. По сведениям Степанова, Орлов стал подьячим съезжей избы по желанию исключительно воеводы, который взял его из церковных дьячков и приказал быть в должности до государева указа. Степанов, помнивший многих царей, видимо, не без иронии поинтересовался, какой именно царь пожаловал Орлова, так как грамоты от царя Михаила Федоровича у того не было. Из Тобольска допросные речи Степанова были отправлены в Москву, откуда последовало указание: бить старого подьячего нещадно (видимо, батогами, что было более легким наказанием по сравнению с кнутом) и отправить обратно в Пелым[68].

* * *

В сибиреведческой литературе освещены самые разные стороны деятельности воевод и их полномочия, определяемые в первую очередь статьями наказов. Являясь специальными инструкциями, наказы охватывали лишь общие и главные обязанности воевод; в текущем управлении большую роль играли отдельные распорядительные грамоты из центрального приказа. Многословные наказы сибирским воеводам при детальном их рассмотрении оказываются не такими уж информативными и разнообразными. Ранее в другой работе мною было проведено сравнение более 40 наказов, выданных воеводам разных городов всей Сибири, поэтому здесь имеет смысл повторить лишь некоторые основные выводы[69].

В свое время М. М. Богословский рассмотрел наказы, которые выдавались воеводам Поморья из Устюжской и Новгородской четвертей. В основе всех наказов ученый отметил «общую модель, слегка только изменяемую по месту и времени», причем эта модель в каждом приказе складывалась своя[70]. В то же время различия носили скорее формальный характер, чем содержательный. Изучая воеводское управление Сибири, С. В. Бахрушин пришел к аналогичным заключениям: «основной текст наказов был общий для всех сибирских городов с незначительными дополнениями для каждого города в отдельности: в виде приложения к наказу приписывались «памяти» по каким-либо специальным вопросам, касавшимся данного города»[71]. Сам С. В. Бахрушин использовал наказы для характеристики функций, которые возлагались на воевод Тобольска, Томска, Красноярска и Якутска.

Замечу, что сравнение наказов показало, что в этих инструкциях уездным воеводам нет таких статей, которых бы не было в аналогичных документах разрядным воеводам. С. В. Бахрушин верно разделил текст наказа на основной и «памяти», которые имели конкретный характер. Содержание сибирских наказов складывалось постепенно, отражая и местную, и общероссийскую практику. Наказы воеводам Северо-Западной Сибири, которые я использовал (здесь исключены наказы основателям городов как нетипичные) в хронологическом порядке выглядят так: Сургут (1595, 1597, 1608), Пелым (1631), Мангазея (1603, 1627, 1631, 1635, 1641), Березов (1691). Наказов воеводам Кетска и Нарыма не сохранилось. Ранние наказы в Сибирь свидетельствуют, что сам формуляр этих инструкций уже существовал (видимо, он появился после завоевания Поволжья). Стоит отметить, что в ранних наказах сначала обговаривается путь

в Сибирь; к 1620-м годам эта статья исчезает. Путь в Сибирь к этому времени стал «накатанным», и необходимость говорить о нем отпала. Приехав в город, новые администраторы должны были взять у прежних воевод наказы и грамоты о «всяких государевых и земских делах», городовые ключи, принять наличный порох, свинец, «всякие пушечные запасы» и хлеб в житницах; приходные, расходные и ясачные книги; взять список местного гарнизона и пересмотреть служилых людей «на лицо». Лишь после процедуры принятия города можно было прежних воевод отпустить к Москве.

Как видим, немалую часть времени этой процедуры занимал просмотр делопроизводства съезжей избы. Между прочим, коренное отличие воеводского управления от наместнического как раз и состояло в создании упорядоченного и преемственного делопроизводства местных приказных изб[72]. При наместнической системе администратор, представляется, мог спокойно брать документы по управлению (начиная с кормленой грамоты) в свой личный архив. Рецидивы такой практики сохранялись и в ранний период воеводского управления. Например, И. Ю. Нелединский, бывший воеводой в Мангазее в 1608–1613 г., при отъезде забрал с собой «память», приложенную к его наказу, и грамоту, которой он вызывался в Москву. Ю. М. Эскин предполагает, что Нелединский взял первый документ «в свой личный архив, так как счел его полезным на случай местнических споров» (он и сохранился в копии конца XVII в. среди грамот рода Нелединских)[73]. В наказе 1631 г. пелымскому воеводе И. С. Урусову есть специальная статья, которая предписывала оставить наказ «в государевой казне на Пелыме» и не забирать его (как и другие документы) с собой в Москву[74]. Со временем, по мере накопления документации, акт ее приемки новой администрацией становился все более трудоемким. О том, что некоторые представители местной администрации весьма ответственно относились к канцелярской части работы съезжей избы, свидетельствует такой факт. В сентябре 1639 г. в Мангазею прибыли на смену воеводе Пушкину и дьяку Спиридонову воевода князь Н. М. Борятинский и дьяк Б. Обобуров. Сообщая в Москву о приеме города, они писали: «А что, государь, воевода Борис Пушкин да дьяк Пятой Спиридонов с приезду съезжей избы всяких старых давных лет со 109-го году в роспись под росписным списком особною статьею написали, как росписывались с воеводою з Григорьем Орловым да з дьяком с Васильем Атарским,— и те, государь, дела драны и ветхи, а у книг начала и концов нет, и которые дела бывали в столпах, и те также изодрались и изветчали, и многих столпцов нет же, а иные вчерне писаны и не составлены и не склеены, ни конца, ни начала у них

нет же; повязаны в свясках по столпцу и по два и по полу-столпца. И нам, холопем твоим, принять их нельзя». Судные дела «старых лет» оказались тоже без начала и конца. Борятинский и Обобуров указывали, что будущим воеводам такую документацию принимать нельзя[75].

Вернемся к содержанию наказов. После приема города новый воевода должен был собрать по отдельности возле съезжей избы местных русских жителей, затем — «лучших людей» от подведомственного ясачного населения и объявить им «государево жалованное слово». На происхождении и содержании этой статьи в наказах стоит остановиться подробнее. Содержание «жалованного слова» хорошо известно в литературе, именно по его поводу С. В. Бахрушин писал: «Церемония приемов и содержание речей было твердо и раз навсегда установлено в наказах. Года через два, когда появлялся новый воевода, он с тем же пафосом сообщал о том, что его предшественник грабил и притеснял своих подчиненных и что в виде милости государь назначил на его место говорящего»[76]. Служилые и торговые люди имели полное право подавать челобитные на прежнюю администрацию в обидах, взятках и насильствах; наказ обязывал новых воевод «давать суд и управу чинить безволокитно». То же самое касалось и ясачных людей, которых после объявления «жалованного слова» следовало «напоить и накормить довольно» и отпустить по домам. Что касается происхождения «жалованного слова», то я предполагаю, что данная статья вошла в сибирские наказы с первых воевод, назначенных при царе Борисе Годунове. Ни в одном из наказов до 1599 г. клаузула «жалованного слова» не встречается, зато она присутствует в тобольском наказе 1599 г. и мангазейском 1603 г.[77] Обширную декларацию царя по поводу защиты прав своих подданных от администрации и облегчения их «нуж» можно связать, видимо, с теми милостями, которые раздавал Борис Годунов сразу после занятия престола. В отношении Сибири это, в частности, выразилось в сложении с аборигенного населения ясака на 1599/1600 г.[78] «Жалованное слово» Бориса Годунова деятели центрального приказа превратили в дальнейшем в наказной штамп (с небольшими вариациями), который присутствовал в наказах весь XVII век.

Если С. В. Бахрушин рассматривал данную часть наказа как мало что значащий стереотип, то А. А. Преображенский относил «милостивое слово» к одному из приемов царской политики, включающей элементы демагогии и направленной на сознательный обман народных масс[79]. Приходится, однако, предположить, что объявление царского «жалованного слова» имело реальный социальный

смысл как для сибирского населения, так и для центрального правительства. Для первого оно официально разрешало обличать злоупотребление властью и корыстолюбие местных администраторов, для второго — создавало прямой канал информации о деятельности сибирских воевод. Есть примеры того, что население отнюдь не воспринимало «жалованное слово» как надоевший штамп. Так, в конце XVII в. служилые люди Красноярска поставили в вину новому воеводе С. И. Дурново то, что он по прибытии «великого государя указу не исполнил... не обнадежил нас, холопей твоих, твоим... милостивым жалованным словом»[80]. Для аборигенного населения «жалованное слово» служило регулярным подтверждением его нахождения в «вечном холопстве» у московского государя и права на защиту со стороны последнего от внешних врагов и насилий русской администрации.

Сравнительный анализ сибирских наказов показал, что их основное содержание сложилось к середине XVII столетия и в дальнейшем изменялось лишь в малой степени. Лейтмотивом наказов является соблюдение государственных финансовых интересов и умножение государевой «прибыли». Именно на это направлены такие статьи наказов, как требование недоимочного сбора ясака, регулярный учет туземного населения (с расчетом на его увеличение), запрет на насильственную христианизацию и похолопление аборигенов, контроль над сборщиками ясака, запрет русским людям торговать в ясачных волостях, запрет лицам администрации приобретать меха и вывозить их обратно за Урал (кроме меховой одежды «про свой обиход»). Другие статьи наказов — требования содержать оборонительные сооружения города в боеспособном виде, следить за служилыми людьми (чтоб не «пропивались» и не играли в азартные игры), запреты «однолично» воеводам использовать различные средства для личного обогащения. Можно отметить, что в первые 3–4 десятилетия колонизации Сибири памятей-приложений к наказам было значительно больше, чем в последующее время. Это свидетельствует о том, что к середине XVII в. центральное правительство определилось с принципами и задачами управления колонизуемых территорий, а новых неожиданных ситуаций, возникавших в процессе колонизации, становилось все меньше. «Окостенение» формуляра сибирских наказов, особенно в уездные города, приводило порой к появлению в них явных несообразностей. Например, в 1691 г. березовскому воеводе рекомендовалось «с калмыцкими людьми на Березове задору не всчинать». Данная статья содержится в наказах этого же года в Туринск и на Тару[81]. Очевидно, что она уместна лишь в последнем случае, а в остальных двух наказах списана с образца неосмысленно.

Несмотря на свою стереотипность, воеводский наказ для администратора, впервые попавшего в Сибирь, был необходим. Служилые дворяне несколько раз за свою карьеру могли оказаться на воеводствах в самых разных частях государства и в своих действиях ориентировались прежде всего на статьи наказа. В 1635 г. товарищи томского воеводы князя Егупова-Черкасского Шишкин и дьяк Строев обвиняли главного воеводу в том, что он, «приехав в Томской город, государеву указу нам не показывал», держал его «у себя на дворе» и не сделал с него копий, в то время как Шишкину и Строеву «многие статьи не памятны»[82]. Сургутский воевода Л. А. Вельяминов (1683 г.) не пожалел бумаги, чтобы вскоре после своего приезда на место отписать в Москву о точном исполнении стандартных статей наказа[83].

С моей точки зрения, воеводские наказы отражали новую ступень в формировании основ административного права в общегосударственном масштабе. Если уставные грамоты наместнического управления (которые и выдавались не самим наместникам, а населению) фиксировали внимание в основном на судебных правах наместников и порядке взимания кормов, то наказы, регламентируя широкий круг вопросов, подчеркивали исполнительно-распорядительный характер воеводской власти. Воеводский наказ — это разновидность правового документа, устанавливающего принципы местного управления (что сказалось в оформлении образцов наказов в нескольких приказах по управлению страной), и в то же время должностная инструкция отдельному лицу. Рассмотрение воеводских наказов в Сибирь позволяет сделать вывод, что они были более оригинальны и разнообразны, когда предназначались воеводам новых городов. С течением времени текст наказов «застывает», новые статьи появляются редко. К собственно наказам часто прилагались наказные памяти. Это дополнительные статьи-указы, являвшиеся реакцией на разные единичные ситуации, сведения о которых поступили в Москву. Именно в наказных памятях отразилось оперативное управление Сибирью со стороны центрального учреждения. В некоторых случаях наказная память получала общий характер и включалась в основную часть наказа.

Еще С. В. Бахрушин отметил, что «наказы дают далеко неполную и очень бледную схему» реальной деятельности воеводской администрации. Но основную мысль, настойчиво повторяемую в наказах, сибирские воеводы не могли не усвоить — указание выполнять свои функции в соответствии с тем, «как государеву делу прибыльнее, чтобы «впредь та прибыль была прочна и стоятельна». Фраза «как государю прибыльнее» присутствует уже в сургутском наказе 1597 г.[84] Обеспечение максимальных доходов казны являлось

главной целью местного управления, и деятельность воевод оценивалась в центре прежде всего с этой фискальной точки зрения. В специальной литературе, благодаря обстоятельному исследованию С. В. Бахрушина, наиболее освещена прибыльная деятельность двух тобольских воевод — Ю. Я. Сулешева (1623–1625 гг.) и П. И. Годунова (1667–1669 гг.)[85]. В свое время мной был обнаружен в фонде Сибирского приказа РГАДА материал, характеризующий подобную же деятельность, при понятном различии в масштабах, двух десятков сибирских воевод (их товарищи по воеводству в данное число не входят)[86].

Безусловно, не все заслуги воевод, обеспечивающие казне прибыль и расписанные в челобитных, соответствовали истинному положению дел. В наказе 1699 г. в Тюмень сделана характерная для языка петровской эпохи приписка: «... И показать государевой казне прибыль на самом деле, а не на голой бумаге и письме»[87]. Для проверки фактов, содержавшихся в воеводских челобитных о пожаловании за службу, необходимо привлекать материал документов иного рода. Рассмотрение этих интересных во многих отношениях челобитных — своего рода отчетов воевод о своем успешном правлении — позволяет поместить деятельность прославленных С. В. Бахрушиным Сулешева и Годунова в определенный контекст, выявив степень оригинальности их управленческих практик. Реальная деятельность сибирских воевод дает возможность судить о том, как понимали дворяне свои задачи царских администраторов. Награждение воевод за сибирскую службу (как правило, значительное повышение денежных и поместных окладов) ставит вопросы о заинтересованности дворян в добросовестном исполнении статей наказа и в проявлении собственной инициативы, о значении сибирской службы для их дальнейшей карьеры и материальной обеспеченности. Из прибыльных дел можно извлечь порой уникальную информацию биографического характера, а также разнообразные факты по колонизации Сибири.

Самые ранние челобитные сибирских воевод с росписью «прибылых дел» и просьбами о пожаловании сохранились от начала второй четверти XVII в. Предыдущую документацию подобного рода уничтожил пожар московских приказов в 1626 г. Однако, благодаря практике приказа Казанского дворца при рассмотрении каждой новой челобитной искать «на пример» прецеденты, нам известны несколько пожалований за воеводскую службу до гибели приказного архива. Кроме запросов в приказ Казенного двора в приказе Казанского дворца в 1627 г. были опрошены бывшие воеводы туринский С. Д. Апухтин и сургутский Ф. Г. Шишкин.

Федор Шишкин был вторым воеводой в Сургуте при И. Р. Безобразове в 1623–1625 гг. В Казанском дворце он сказал, что они «перед прежними годы учинили государю прибыли... во всякой мяхкой рухляди 3000 рублев, да в своей поминочной рухляди учинили государю прибыли 942 рубли, ясачных людей приискали вновь 230 человек». За свою радетельную службу воеводы были пожалованы в 1626 г. у царского стола: Безобразов получил серебряный кубок и соболиную атласную шубу ценой в 114 рублей; Шишкин — серебряный кубок, 10 аршин лазоревой камки и 40 соболей[88]. Однако парадный триумф воевод в Москве имел довольно шаткую основу. Уже следующий сургутский воевода Н. Е. Пушкин выяснил, что его предшественники пошли на обман. Согласно утверждениям остяцких князцов и лучших людей, Безобразов и Шишкин записали в ясак 256 человек — людей физически немощных, старых, увечных и недорослей, то есть всех тех, кто находился на иждивении взрослых ясакоплательщиков. Небольшое, видимо, исключение составляли так называемые захребетники и холопы, жившие при самих князцах. Они являлись социальным реликтом дорусской эпохи и напоминали о более высоком статусе некогда независимых вождей остяцкого общества. Зачисление в ясак зависимых от князцов людей окончательно подрывало престиж и экономическую основу власти первых над своими сородичами. Убежденный челобитными остяков, Пушкин доложил в Москву, что без жестких насильственных мер (правежа и тюремного заключения) полного ясака по новым спискам Безобразова и Шишкина с аборигенов Сургутского уезда не собрать.

В Казанском дворце для ответа Пушкину пригласили Ивана Безобразова, который, разумеется, стоял на том, что прибранные им новые ясачные люди вполне способны к уплате ясака, а ранее по своей злонамеренности просто избегали его. Дьяки Казанского дворца приняли сторону Безобразова. Основным аргументом в пользу его правдивости послужил факт запоздалой реакции сургутских остяков на неправильность новой переписи. Московские приказные дельцы полагали, что остяки должны были немедленно обжаловать (в виде челобитных тобольскому воеводе) ясачное обложение Безобразова и Шишкина. В Москве не казалось странным, что среднеобские ханты, жившие небольшими общинами на огромной территории и не имевшие письменности, не были способны на немедленные действия. В Казанском дворце решили, что сам воевода Пушкин научил остяков подавать жалобные челобитные: «И то знатно, что он, Микита, о том пишет ко государю для своей корысти, чтоб ему ясашным людем полехчить, а в государеве бы ясаке недобор

учинить, и чтоб ему ясашных людей описати и складна учинить». В результате в Сургут была послана грамота с суровым выговором Пушкину и угрозой, в случае неполного сбора ясака по книгам Безобразова, взять недоборный ясак на самом Пушкине и его товарище по воеводству Белкине, «да им же за то быть от государя в опале»[89]. В споре Безобразова и Пушкина трудно было бы принять чью-то сторону, если бы не другие свидетельства. В «Ведомости сибирских городов» 1701 г. по поводу недоборного ясака сказано: «А в доимке на прошлые годы, со 133-го по 208-й год (1625–1700 гг. — *Е. В.*), 136 533 рубли 5 алтын 4 деньги»[90]. Таким образом, долг остяков Сургутского уезда из-за неполной уплаты ясака начал расти именно с 1625 г., и это заставляет сомневаться в «прибыльности» для государственной казны переписи Безобразова.

Стремление дворян отличиться на должности городового воеводы сталкивалось порой с фактом невыгодного места назначения. Так, нарымский воевода В. Ф. Янов (1622–1625 гг.) не без гордости писал в своей челобитной: «А которые, государи, наша братья были на вашей государевой службе в сибирских городех, а прибыли и не столь учинили, и те наша братья... вашим жалованьем за то пожалованы. А в Нарымском остроге, хотя место невеликое перед сибирскими городами, а прибыли по вашему государскому счастью учинено вдвое перед иными городами»[91]. Янов «учинил прибыль» по трем статьям: увеличение сбора десятой торговой пошлины и полавочного сбора; объясачивание впервые 42-х человек, с которых за три года было собрано 900 соболей; прибор в пашню 16 крестьян[92]. По оценке самого Янова, его воеводство принесло за три года прибыль государевой казне на сумму более двух тысяч рублей (вследствие чего ему в Нарым присылались грамоты с похвалой). Янов просил пожаловать его за «работишко», «чтоб мне перед своею братьею позорну не быть»[93]. В ноябре 1627 г. Василий Янов был в Кремле у царского стола, где он получил (из запасов Казенного двора) за сибирскую службу 40 соболей, серебряный ковш и 10 аршин «камки куфтерю». В этом же 1627 г. челобитную о пожаловании подали бывшие березовские воеводы князь Л. М. Волконский и И. И. Зубов (1625–1627 гг.). Они оценивали принесенную их правлением прибыль (в ясачной казне и денежном сборе) в 1900 рублей. Такой итог получился благодаря тому, что они «приискали» в ясак 107 захребетников и подростлей. Остальные «прибыльные» деньги воеводы собирали буквально по рублям и алтынам. Березовская администрация учитывала все: «Игровые заповеди на игрецах взято 2 рубли 4 алтына»; «у березовских служилых людей вынято продажного сытного меду 14 ведр, и тот мед продан, взято за 14 ведр 3 рубли 26 алтын».

Воеводам пришлось выискивать прибыль в непашенном городе, где население состояло почти исключительно из казаков и их семей. Поэтому отмечался и такой доход: «отдаваны государевы мелкие суды в наем березовским служилым людем для рыбного промыслу, взято 40 алтын». В конечном итоге деятельность воевод была оценена положительно. Они были пожалованы «у стола»: Волконский получил шубу ценой в 100 рублей и кубок, Зубов — 40 соболей, серебряный ковш и 10 аршин камки[94]. Как видим, в 1620-е годы пожалования сибирских уездных воевод имели форму единовременных подарков мехами, драгоценной посудой и тканями, но не придач к поместным и денежным окладам.

Сведений о пожаловании за сибирскую службу за 30-е годы XVII в. не имеется. За 1640–50- годы известно 15 таких случаев, причем во всех из них бывшие сибирские воеводы добились значительных придач к денежным и поместным окладам. Сложным оказалось воеводство А. С. Нарбекова (Нарым, 1647–1649 гг.), который вошел в конфликт и с ясачным населением, и с гарнизоном. Дело дошло до того, что служилые люди отказывали Нарбекову от должности, однако он, «не убоясь их воровского заводу и умыслу и смертного убойства, их воровского отказу не послушал и у государева дела был до перемены»[95]. Попавший по окончании срока воеводства под розыск, возникший в результате его же отписок о «воровских речах» сибирских казаков, Нарбеков «мимо своей правды сидел за приставом и живот свой мучил многое время». Тем больше прав, с его точки зрения, он имел на вознаграждение, о котором Нарбеков и просил по возращении в Москву. Содержание его челобитной посвящено не столько статьям самой прибыли, сколько объяснениям, почему итоговые доходы его правления оказались не велики[96].

Нарбеков указывал, что служил два года, собрал недоборы по ясаку, оставшиеся от прежних воевод, увеличил местную пашню на 50 десятин. Увеличить доходную часть местной казны Нарбеков не мог, так как таможенный сбор еще до него был перемещен в Сургут. Оказавшись в «местишке самом худом и малом», Нарбеков в поисках прибыли ничего не мог придумать, кроме как заняться выявлением ясачных людей, еще не положенных в оклад. Но и в этом ему не повезло. Аборигены Нарымского уезда подали в съезжую избу челобитную, где напоминали, что еще при царе Михаиле Федоровиче им была выдана грамота, запрещавшая нарымским воеводам «приискание» новых ясакоплательщиков. Воспользовавшись конфликтом воеводы со служилыми людьми, ясачные «по многие дни» приходили к съезжей избе, добиваясь признания своей правоты. Волнения среди нарымского гарнизона создали для Нарбекова опас-

ную ситуацию, которая, продолжай он упорствовать в отношении ясачных людей, грозила вылиться в «измену» со стороны последних. В большом скоплении ясачных Нарбеков увидел даже опасность для существования острога. В своей челобитной он отметил, что в Нарыме казаков, пушкарей и «жилецких людей» всего 42 человека, а ясачных в уезде — 238. В условиях конфликта с гарнизоном Нарбекову не оставалось ничего иного, как уступить[97]. Соответствующая царская грамота, датированная декабрем 1644 г., действительно нашлась в местном архиве. В ней указывалось прибирать в ясак на выбылые места родственников умерших, но увеличивать количество ясачных запрещалось. Данную статью прибыли Нарбекову пришлось оставить, «а землиц,— писал он,— к Нарымскому уезду никаких не прилегло, поиску было... учинить не на чем». Обрисовав свою старательность, воевода во второй челобитной привел еще такой аргумент: «Челобитья на меня... тебе, государю, тутошних нарымских служилых, ясачных и проезжих всяких чинов людей в обидах и в насильствах и в продажах... не было». Здесь же, пытаясь извлечь максимум пользы для себя из сибирских городских волнений 1648–1649 гг., он решительно заявлял: «А только б, государь, по моим отпискам в Сибире... сыску б и вором наказанья не учинили, а иных бы воров завотчиков сюды к Москве не прислали, и в Сибире бы... дошло бы до большого дурна; а окроме, государь, меня... из Сибири об воровском заводе к тебе... ни ис которово города воеводы нихто не писывали, бояся смертного убойства»[98].

В Сибирском приказе подсчитали, что собранный Нарбековым ясак превысил ясак его предшественника на сумму в 1241 рубль; а всего прибыль за его воеводство составила 1446 рублей. В Москве, видимо, оценили стойкое поведение Нарбекова в условиях «отказа» со стороны казаков и донесения о распространении «воровских вестей». В марте 1651 г. он был пожалован серебряным золоченым кубком, атласом и 40 соболями; его оклады с придачей составили 850 четвертей поместья и 110 рублей[99].

Награждения за службу получили подряд два березовских воеводы. Если верить челобитной стольника М. С. Лодыженского, то за свое воеводство (1647–1650 гг.) он приискал в ясак вновь 406 человек, собрал недоимки по ясаку за предыдущие 12 лет (на 700 руб.), привел к покорности тундровых самоедов, чью численность он оценивал в 3150 человек. О степени правдивости цифр челобитной Лодыженского будет речь в гл. IV. В Москве же его службу оценили высоко: помимо подарков «у стола», его поместный оклад был увеличен с 500 до 750 четей, а денежный — с 18 до 70 руб.[100] В том же направлении — увеличение числа ясакоплательщиков — искал

прибыль и следующий воевода Я. Н. Лихарев (1650–1652 гг.). Количество остяков и самоедов, обложенных ясаком, он увеличил на 472 человека, с которых в 1652 г. было собрано мехов (ясак, государевы и воеводские поминки) на 1488 рублей по сибирской цене. Челобитная Лихарева интересна тем, что он включил в нее свои заслуги по предыдущей службе, когда в 1645–1648 гг. был воеводой в Курмыше и фактически заново создал городовые и острожные укрепления города. Как и Лодыженский, Лихарев был пожалован подарками во дворце, а его оклады с придачами составили 800 четей и 55 рублей[101].

Исследованием В. А. Александрова и Н. Н. Покровского доказано, что воевода в сибирском городе отнюдь не являлся «самовластным» и бесконтрольным правителем, имевшим все возможности к злоупотреблению своей должностью. Воеводская администрация должна была считаться с мнением мирских сообществ (казачьей организацией города — «войском», крестьянскими и посадскими общинами), которое выражалось как в подаче челобитных на имя царя, так и в прямых действиях. Можно согласиться с учеными, что «на протяжении всего XVII в., вплоть до окончательной победы абсолютизма, государственная власть признавала на праве обычая сословные корпоративные сообщества существенным звеном во всей системе государственного феодализма и прежде всего в местном управлении». В рамках быстро сложившегося в Сибири порядка «население обладало правом непосредственного, хотя и с ведома воевод, обращения к высшей власти в Москву с далеко идущими просьбами — оставить воеводу на новый срок воеводства, сменить его до окончания этого срока и с жалобами, коллективными и индивидуальными, на злоупотребления воеводской администрации»[102].

Подача в XVII в. челобитных от населения с просьбами об оставлении воевод «на другую перемену» — явление (хотя и не частое) общероссийского масштаба, особенно заметное к концу столетия. Для Сибири мне известно пять таких челобитных, в том числе и относительно березовского воеводы И. Ф. Грибоедова. Жители Березова писали, что Иван Федорович, «будучи у нас воеводою, всякие дела делает и меж нами... росправу чинит по вашему великих государей указу вправду... налог и обид не чинит»; в 1688 г. они просили оставить Грибоедова воеводой на третий год. Просьба березовцев была удовлетворена. В это же время казаки, ружники и оброчники Сургута хлопотали о продлении воеводства Ф. И. Потемкина; их просьба получила положительное решение[103]. Однако следует заметить, что каждый подобный факт требует настороженного отношения. В 1698 г. расследовался подлог со стороны верхотурского

воеводы Д. П. Протасьева, который мечтал остаться в должности еще на один год. Якобы общемирская челобитная была составлена на воеводском дворе, но необходимых подписей земских старост Протасьеву, несмотря на давление, собрать не удалось[104].

Так называемые злоупотребления сибирских воевод много и ярко излагались в специальной литературе. Я бы возразил против устоявшегося использования в научной литературе слова «злоупотребления». Почему бы не говорить вместо этого о должностных преступлениях? На мой взгляд, слово «злоупотребления» не несет определенной юридической нагрузки и, во-вторых, содержит в себе семантику снисходительного отношения (бес попутал, злоупотребил — с кем не бывает?). Если должностное лицо (каковым и являлся городовой воевода XVII в.) нарушило положения, прописанные в общегосударственном законодательстве и воеводском наказе, использовав властные полномочия с целью извлечения личной выгоды, то мы вправе квалифицировать подобные нарушения как должностные преступления.

В мирских жалобах на воевод содержатся, как правило, трафаретные обвинения с некоторыми различиями, обусловленными местоположением города и спецификой социального состава населения его уезда[105]. В северных городах, где было мало, или совсем не было пашенных крестьян и посадских, самоуправству и корыстолюбию воевод могла противостоять только организация служилых людей («войско»), которая унаследовала и сохраняла традиции самоуправляющихся общин «вольного» казачества. В первой четверти XVII в. в затяжной конфликт с воеводами вступили служилые люди и крестьяне небольшого города Пелыма. И. М. Вельяминов (1623–1625 гг.) кратко обрисовал историю противостояния пелымцев и его предшественников. В ряду воевод, пострадавших во время конфликтов с пелымскими жителями, И. М. Вельяминов назвал И. М. Годунова (1605–1609 гг.), И. Я. Вельяминова и Г. Н. Орлова (1616–1620 гг.), П. Н. Вельяминова (1621–1623 гг.). Правлением самого Ивана Матвеевича пелымцы тоже оказались недовольны. В 1624 г. они отправили в Тобольск двух стрельцов с челобитной «ото всего города». Воевода обвинялся в конфискации земель служилых людей и крестьян для собственного хозяйства и попытках заставить их работать на это хозяйство, в принятии взяток пушниной, похолоплении ясачных и т.д. Из Тобольска в Пелым были посланы сын боярский И. Шульгин и подьячий Т. Васильев с заданием «считать воеводу». В Москву посыпались челобитные на Вельяминова[106]. Состоялось ли в конце концов следствие по челобитным, нам неизвестно, но хочется обратить внимание на следующее. В 1621 г. Пелым сгорел

в огне страшного пожара. Именно новый воевода И. М. Вельяминов энергично взялся за возведение городовых и острожных стен. Город и острог были поставлены летом 1623 г.; на работах были заняты фактически все взрослые пелымчане (около 80 человек). В марте 1624 г. в Москве была подписана похвальная грамота Вельяминову за возобновление городовых укреплений; ему предписывалось и далее «искать прибыли во всем» и обещалось царское пожалование[107]. Именно «городовое дело» могло вызвать недовольство жителей Пелыма; в Москве же жалобы на воеводу нейтрализовались его действиями по фактически новой постройке города.

В качестве примера, как проводился сыск по жалобам населения на воеводу, рассмотрим сохранившееся среди архивных документов дело березовского воеводы А. А. Плещеева-Мешкова (1633–1635 гг.)[108]. Известно, что ко времени воеводства Плещеев-Мешков имел чин московского дворянина и был человеком уже в возрасте. Весной 1634 г. главный разрядный воевода князь А. А. Голицын отправил из Тобольска в Березов следственную комиссию в составе письменного головы Т. С. Владычкина и подьячего Б. Ушакова, ибо на воеводу Плещеева-Мешкова поступило несколько индивидуальных жалоб: от казака Васьки Серебрянникова, новокрещена Григория Ваюсева, посадского человека Антипа Киприянова и еще от нескольких торговых людей и ясачных остяков. В принципе «вины» Плещеева были заурядными и даже скромными. Тем более поражает размах сыска, который проводился «большим повальным обыском», то есть путем поголовного опроса русских жителей города и хантов уезда. Опросы носили групповой характер, но «разных чинов люди» давали показания отдельно. Показания дали священники соборной Троицкой церкви Тимофей Михайлов, священник Воскресенской церкви Стефан Иванов, софийский сын боярский Григорий Иванчин (он был в Березове церковным десятильником), три пономаря, таможенный подьячий Дмитрий Шахов, пушкари Иван Торлопов и Потап Алексеев, а также 64 казака березовского гарнизона. Известно, что в 1630 г. березовских служилых людей насчитывалось 295 человек[109]. Однако большинство казаков круглый год находилось во всякого рода «посылках»: военных походах, на таможенных заставах, в ясачных волостях и т. д. Таким образом, в июне 1634 г. в самом городе оставалось 64 казака. Помимо них, к опросу были привлечены полтора десятка гулящих людей и всего два торговых человека: Петр Оболтин и Неустройко Дмитриев Лалетин. Показания давали и ясачные остяки всех без исключения тогдашних волостей Березовского уезда. Всего в материалах сыска перечислено 144 остяка, но, разумеется, ими автохтонное угорское население не

исчерпывалось, так как «лучшие люди» и рядовые остяки, оказавшиеся в пределах досягаемости следственной комиссии, давали показания и «в товарищей своих место».

Всем опрашиваемым сыщики предлагали стандартный набор вопросов: не чинил ли воевода Плещеев со своего приезда в Березов «изгони» ясачным остякам? Приводили ли казаки по заданию воеводы остяков к нему на подворье? Отбирал ли Плещеев у ясачных людей черных лисиц и бобров? И если отбирал, то у кого и сколько взял? Из вопросов можно выяснить, кто именно и по какому поводу жаловался на воеводу. Например, у подгородного остяка «Паштиринкова сына» Плещеев взял черную лисицу и дал за нее 3 рубля. У остяка Мозянского городка (Казымская волость) Нылки воевода за 1 рубль приобрел двух черных соболей. Остяк Тимьянского городка вынужден был поступиться черной лисицей за 4 рубля. Всего насчитывается около 10 таких эпизодов. Можно отметить, кстати, относительную «честность» воеводы: в отличие от многих своих коллег он все-таки платил за меха какие-то деньги.

Пока проходил «повальный обыск», в Березов стали возвращаться служилые люди. Сын боярский Алексей Лихачев и казак Никита Шахов показали, что в разное время посылались воеводой для сбора ясака, однако действовали в соответствии с «наказной памятью», насилий не допускали, да и от воеводы никаких сомнительных заданий не получали. На фоне однообразных ответов участников обыска, оправдывающих Плещеева, несколько неожиданно выглядят показания служилого человека Гришки Елистратова. Он рассказал, что зимой 1634 г. был послан вместе с другим казаком в погоню за посадским человеком Антипом Киприяновым. Казаки догнали Антипа в Шоркарском городке, не доезжая двух дней пути до Коды. Антип заявил, что нанялся сопровождать до устья Иртыша посадского человека Петра Щепельницына. Казаки арестовали Киприянова и произвели обыск его имущества. «Мягкая рухлядь» у Антипа оказалась довольно скромной, но вместе с ней нашлись четыре челобитных на воеводу — от гулящего человека Карпика, новокрещена Григория Ваюсева и ясачного остяка Куноватской волости Шилика. Киприянов был доставлен в Березов, где перед лицом воеводы сознался, что поехал в Тобольск тайно, так как Плещеев не отпустил его туда с челобитьем (воеводам предписывалось отсылать все челобитные в вышестоящие инстанции, даже если они содержали жалобы на них самих). Плещеев пришел в раздражение и лично взялся избивать Антипа своим посохом. Тот прибег к обычному в таких ситуациях способу — закричал, что знает он, Антип, «великое государево дело», однако сообщить его в Березове отказался. Больше этого Елистратов показать ничего не мог.

Антип, как выяснилось, отправился в Тобольск с челобитьем от своих родственников, жилецких людей Березова Бажена и Осипа Киприяновых. Взятые сыщиками к допросу, они заявили, что Плещеев отнял у них рыбные ловли и заставлял выполнять на своем дворе всякие «изделья». Предстал перед Владычкиным и другой челобитчик, промышленный человек Карпунька Иванов. Воевода, проявляя помещичьи замашки, тоже заставлял его работать на себя, вымучивал деньги и даже сажал на цепь. Сын Плещеева, достойный потомок своего отца, бил Карпа «топтунками» и сломал ему руку. Среди обиженных воеводой оказался и торговый человек Исаак Пантелеев, которого Плещеев держал в тюрьме. Воспользовавшись чередой разоблачений, жаловался сыщикам и некий остяк Подгородной волости, у которого Плещеев отобрал шубу ценой в 10 рублей, заплатив ему меньше рубля. Особенно искал справедливости остяк Шилик, отправивший с Антипом даже две челобитных. Он обвинял воеводу в неправедном суде. Дело заключалось в том, что сына Шилика и его холопа убил другой остяк, Айма. Не довольствуясь нормами обычного права, Шилик решил обратиться к воеводскому суду. А в русском уголовном законодательстве наказанием за умышленное убийство являлась смертная казнь. Однако Айма дал воеводе взятку в виде 5 соболей, 2 черных бобров и одной черной же лисицы (всего на 17 рублей), благодаря чему освободился от следствия.

Но едва ли не главным героем этого дела и основным противником воеводы оказался новокрещен Григорий Ваюсев. Именно он в 1607 г. сделал березовскому воеводе князю П. А. Черкасскому донос на своего отца Ваюся и других «лучших» остяков в попытке организации антирусского восстания, за что в качестве пожалования был крещен в православную веру и зачислен в казаки. В 1629 г. Григория от службы «за старостью» отставили[110] (хотя, судя по всему, до настоящей старости ему было далеко).

Правила православного быта, возведенные в Сибири в ранг официальной религиозной политики, запрещали проживание крещеных «иноземцев» со своими сородичами-язычниками. Поэтому Григорий обязан был жить в Березове, но жалованья за службу он уже не получал. Ваюсев занимался рыбным промыслом и начал выращивать живых лисиц, чей мех ценился дороже, чем мех убитого на охоте зверя. Об этом узнал вскоре по своем прибытии воевода Плещеев.

Григорий кормил лисиц у себя в юртах, где он был на рыбном промысле. Здесь и нагрянули к нему на подводах посланные воеводой казаки. Они увезли трех черных и двух черночеревых лисиц. Помимо этого, по словам Ваюсева, Плещеев отобрал у него 20 горностаевых и 50 беличьих шкурок. Видимо, по чьей-то подсказке

воевода взял к себе на двор жену Григория с тем, чтобы она шила на его семью шубы. Самого же новокрещена тоже заставляли выполнять какие-то «зделья» для воеводского хозяйства. Ваюсев имел право обидеться вдвойне: не он ли верой и правдой служил «белому царю», предав даже собственного отца?

Свое недовольство алчным воеводой Ваюсев громко высказывал «в миру», не давая забыться истории с черными лисицами (особо ценные меха подлежали сдаче или продаже в казну, а их присвоение или утайка частными лицами считались преступлением). Опасаясь на себя челобитной со стороны Ваюсева, Плещеев начал искать повод для расправы с ним. На Григория поступил извет от подгородных остяков Помытко и его брата Резанко, в котором говорилось, что Гришка «веры крестьянской отбыл и верует в их остяцкую веру, молитца шайтанам, и к жертвам остяцким с остяки ходит вместе, и зделал де он себе особно два шайтана деревянных»[111]. Отпадение от православия являлось серьезнейшим проступком. Пользуясь своей властью, Плещеев арестовал Гришку и отправил его «в смиренье» десятильнику Иванчину. Церковное «смирение» оказалось не из легких: десятильник зимней порой держал Ваюсева «у себя на погребе, сковав руки и ноги», и три дня морил голодом. Отпущенный десятильником Гришка вкупе с другими недовольными отправил челобитную на Плещеева с Антипом Киприяновым, однако бдительному воеводе, как уже говорилось, удалось перехватить челобитные.

Тогда Ваюсев решил сам искать правды в стольном граде Сибири. В конце весны 1634 г. он оказался в Тобольске, куда привез заодно и челобитную от остяков Куноватской волости. Во время проведения повального обыска остяки этой волости заявили, что «изгони» им ни от Плещеева, ни от прежних воевод не было, а челобитная их касалась ясачных сборщиков из березовских служилых людей. Последние оценивали меха «дешевой ценой, вполовину и меньше». Остяки жаловались, что «от того они вконец погибли и задолжали великими долги, женишка и детишка свои испродали, на лес стало им ходить нечем, ныне де у них у десяти человек один котел да топор»[112]. Впрочем, в разорение остяков и воевода внес свою лепту. Прибывших в город ясачных людей он насильно задерживал и вымогал с них поминки. Однако куноватские остяки отказались говорить перед тобольскими сыщиками, тем самым дезавуировав свои жалобы.

Сыск Владычкина и Ушакова оказался практически безрезультатным: во-первых, воеводу поддержали служилые люди Березова; во-вторых, ни одной коллективной челобитной на него подано не

было. Отписка воеводы в Тобольск, где он отрицает все выдвинутые против него обвинения, была приобщена к материалам сыска. Для Плещеева, видимо, все прошло гладко, и он спокойно дождался своего преемника в 1635 г.

Что же касается Григория Ваюсева, то в Тобольске он утверждал, что христианской вере не изменял, «шайтанов» не делал и им не молился. По его словам, Помытко подал извет «по наученью» Плещеева, а его, Григория, приверженность к христианству могут подтвердить все остяки, за исключением изветчиков. Трудно сказать, так ли уж решительно отринул верования предков новокрещен Гришка. Может быть, и действительно делал он тайно остяцких божков, наполняющих воды рыбой, а лес — зверем. Но можно предположить, что именно появление Ваюсева в Тобольске инициировало организацию сыска о должностных проступках Плещеева-Мешкова. Нам неизвестно, удалось ли Ваюсеву вернуть своих лисиц. Скорее всего, они попали в государеву казну. Зато известно, что в 1657 г. Григорий просил о зачислении в казачью службу своего сына, «чтобы мне, бедному, з женишкою и з детишками вашим государевым жалованьем, сынишка моего окладом, прокормитца и голодною смертию не умереть»[113].

Н. Д. Зольниковой рассмотрено дело о противостоянии нарымского воеводы И. Л. Скобельцына (1639–1643 гг.), с одной стороны, и части населения города и крестьян, живших на реке Парабель, с другой[114]. Воевода, по словам челобитчиков, по прибытии зачитал публично данный ему наказ «и учал все делать заповедные дела мимо твой государев наказ». Скобельцын занялся подпольной продажей хмельных напитков, спекуляциями с пушниной, насильственным привлечением казаков и крестьян к работе на себя, запретил русским людям торговать с ясачными даже после сдачи ясака и т. д. Предводителем антивоеводской коалиции стал ссыльный дворянин Л. С. Плещеев, вокруг которого объединились все недовольные Скобельцыным. Отметим, что выдержать трехлетний конфликт с жителями (хотя и не всеми) Нарыма воеводе помогло наличие многочисленной дворни, которая могла вступать с казаками в вооруженные столкновения. После окончания воеводства Скобельцын три года «мучил свой живот» в Сибири, попав под следствие, и умер в Тобольске в 1646 г. после пытки. Не повторяя материал, приведенный Н. Д. Зольниковой, хочу добавить некоторые характерные детали к портрету этого сибирского воеводы.

В январе 1645 г. судья Сибирского приказа князь Н. И. Одоевский слушал челобитную тобольского сына боярского Назара Чиркова, в которой тот жаловался на Скобельцына. Чирков писал, что в мае

1642 г. он возвращался из Енисейского острога, куда был послан сопровождать хлебные запасы. Остановившись в Нарыме, Чирков зашел «на поклон» к Скобельцыну. Воевода же со своими дворовыми людьми начал его «ослопы бить» и преследовал сына боярского до его судна. Во время избиения Чиркова с него сняли крест с жемчугом, перстень, собольи шапку и шубу, кушак, пояс, нож в оправе и «пристежь жемчужную» ценой в 8 рублей — всего на 74 рубля. Причина ненависти воеводы к Чиркову заключалась в том, что, отплывая из Тобольска, сын боярский не разрешил взять на дощаники какие-то запасы Скобельцына.

Вечером этого же дня Чирков отправился в острог к Леонтию Плещееву, где являл ему и нарымским казакам «о битье и грабеже». Плещеев у него явку принял и попросил Чиркова доставить в Тобольск изветную челобитную на Скобельцына «во многих великих делах». Далее Чирков легкомысленно отправился в церковь к вечерней службе, где также оказался воевода. По его приказу острожные ворота были заперты, а жена Скобельцына прислала со двора холопов и остяков с дубинами. Бедолагу Чиркова снова били, «голову не в одном месте испроламали до мозгу». Спасли сына боярского нарымские служилые люди, которые принесли его на судно «замертво». Разошедшийся воевода приказал стрелять по дощаникам Чиркова из пушек и пищалей. В Тобольске Чирков обратился с жалобой к воеводе П. И. Пронскому (1641–1643 гг.), чтобы тот отправил допросные речи (видимо, тех, кто был с Чирковым в Нарыме) и осмотр ранениям в Москву. Однако Пронский, «дружа» Скобельцыну, этого не сделал, а наоборот, отпустил в столицу гонца нарымского воеводы с ложной отпиской. Из Москвы быстро пришел ответ: наказать Чиркова без сыска и посадить его на две недели в тюрьму. От наказанья сын боярский откупился 15 рублями, а леченье обошлось ему в 23 рубля. Вторую челобитную Чирков, очевидно, подал осенью 1644 г., когда Скобельцын находился под следствием в Тобольске. В конце челобитной Чирков писал, что стал он «увечен и до конца не однажды обезчещен и разорен внапрасне безвинно»[115].

Таким образом, сибирский сын боярский, соблюдая государевы интересы, вступил в конфликт с московским дворянином, который закончился для Чиркова плачевно. На этом примере хорошо видно, что немалую роль в отношениях сибирских воевод играли дружеские связи и родственные отношения. Помимо Пронского, к Скобельцыну благоволил следующий тобольский воевода князь Г. С. Куракин, который отвел от себя назначение сыщиком по делу Скобельцына: «А Иван Скобельцын старой мне друг, а по тесте по князе Иване Борятинском мне ближней свой»[116]. Впрочем, как говорилось, алчный и мстительный нарымский воевода умер во время следствия.

Надо заметить, что в непашенных уездах Северо-Западной Сибири конфликтов между воеводой и русским населением (фактически, служилыми людьми) случалось меньше, чем в тех уездах, где, помимо служилых, существовали крестьянские и посадские общины. В начале 1646 г. произошло столкновение между сургутским воеводой Измайловым и служилыми людьми. Причиной послужило требование казачьего «войска» отпустить трех человек (в том числе казачьего голову Семена Иванова) в Москву с челобитными и дать им подводы. К сожалению, содержание челобитных нам неизвестно. Воевода ответил, что отпустит их вместе с ясачной казной весной «по водному пути». Казаки начали «шуметь» и угрожать Измайлову, вследствие чего тот сбежал из съезжей избы к себе на двор. По отписке Измайлова три «пущих заводчика» были взяты в Тобольск и биты батогами еще до ответа из Сибирского приказа. Впрочем, указ из Москвы предписывал те же меры: наказанье батогами, чтобы служилым людям впредь неповадно было воровать и «на воевод в съезжую избу невежеством и с шумом и с угрозами приходить»[117].

Для воевод северных городов вступать в конфликт со служилым миром часто грозило неприятностями. В 1645 г. станица березовских казаков доставляла в столицу ясачную казну. В Устюге к местному таможенному голове Рагозину явился один из сопровождавших меха казаков, Семен Кокоулин, который заявил, что у них на судне «объявилась коробья, неведомо чья и с какою кладью». За коробьей, взятой в таможню, пришел человек березовского воеводы М. К. Квашнина (1643–1647) В. Степанов. Выяснилось, что это он погрузил коробью на судно, взяв ее на Вычегде у зырянина Нечая Чекичева. В ней оказались меха, которые нелегальным способом «вывозил на Русь» воевода Квашнин: 20 черных бобров, 10 шуб из горностая и 15 беличьих шуб[118]. Конфискованные меха были отправлены в Москву с этой же березовской станицей (ее возглавлял сын боярский Алексей Лихачев). Казаки, возможно, и закрыли бы глаза на неправедные «нажитки» воеводы, но в Москве они намеревались подать на Квашнина челобитную (что и сделали). К сожалению, о содержании челобитной известно лишь со слов самого Квашнина: будто бы он, воевода, «чинит служилым людям обиды и убойства». Чтобы оправдать себя, Квашнин принял ответные меры. Поскольку гарнизон Березова явно был против него, воевода составил ложную челобитную от имени остяков Обдорской, Куноватской и Сосьвинской волостей, князцы которых поставили на ней свои знамена. Наивность фраз челобитной, принадлежавших якобы остякам, просто умиляет. Они, остяки, никаких обид к служилым людям не видели, зато твердо знают, что воевода «с нас, сирот твоих...

во все годы ясак собирал с великим раденьем»[119]. Таким образом, при отсутствии посадской общины и крестьян воевода был вынужден апеллировать к мнению (хотя и вымышленному) ясачных людей.

Для расследования должностных преступлений сибирских воевод центральное правительство, не довольствуясь расследованием деятельности отдельных администраторов, периодически организовывало общесибирские сыски. Так, в 1666 г. из Приказа тайных дел был прислан сыщик Ф. Охлопков и «будучи он в Сибири, всех воевод и таможенных голов неправды их и плутни сыскал»[120]. В 1690 г. руководство Сибирского приказа направило в Якутск тобольского дворянина Ф. Р. Качанова, поставив перед ним задачу «розведать, отчего ясачный збор умалился и про воевоцкие неправые дела и про воровство ясачных зборщиков»[121]. Сыск, проведенный Качановым при активном сопротивлении якутских воевод, выявил огромный размах личного обогащения последних. Н. Д. Зольникова указывает, что Качанов с собранными в Якутске материалами появился в Москве в конце 1695 — начале 1696 г., и справедливо считает, что его деятельность прямо повлияла на организацию всесибирского сыска думного дьяка Д. Л. Полянского. Возможно, что Качанов приехал в Москву все-таки в конце 1695 г., и его доклад в Сибирском приказе инициировал появление именного царского указа от 26 декабря 1695 г. В составлении указа мог лично принимать участие Петр Первый, который как раз 22 декабря вернулся из поездки в Ярославль[122]. Указ касался Сибири и носил грозный «антивоеводский» характер: в нем констатировалось, что «многие прежние воеводы воровали всякую денежную великих государей казну», ясачных сборщиков назначали за взятки, незаконно производили и продавали вино, русским людям и аборигенам «чинили всякое мученье для своих корыстей» и т. д. Список воеводских должностных преступлений сопровождался перечнем соответствующих наказаний. В указе четко говорилось: «А будет они великих государей казну учнут красть или своими вымыслы для своих корыстей умалять, и кого станут, не описався к великим государям, казнить смертию — и тем самим воеводам быть казненными смертию ж»[123].

В результате в марте 1696 г. из Москвы в Сибирь выехал думный дьяк Д. Л. Полянский, облеченный широкими полномочиями по расследованию должностных преступлений воевод и подчиненных им лиц. Организация сыска Полянского в Москве подробно рассмотрена в статье Н. Д. Зольниковой, но сама деятельность комиссии думного дьяка в Сибири еще не являлась предметом всестороннего исследования[124]. Резиденцией сыщиков был выбран Енисейск, куда стали стекаться жалобы на воевод. В числе прочего Полянскому

пришлось провести следствие о деятельности М. С. Волчкова, мангазейского воеводы в 1694–1697 гг.[125]

О самом Волчкове известно, что он был «отставным дворовым человеком», пожалованным в чин московского дворянина. Очевидно, что до пожалования в дворяне Волчков служил в каком-то ведомстве по обслуживанию нужд царского двора. Как уже говорилось, в 1672 г. центр Мангазейского уезда из Старой Мангазеи переместился в Туруханское зимовье, которое стало называться Новой Мангазеей. Вот почему М. С. Волчков являлся воеводой мангазейским.

Сыск о должностных преступлениях Волчкова возник по инициативе всего одного человека — мангазейского стрелецкого десятника Якова Микифорова. Материалы о противостоянии воеводы и стрелецкого десятника интересны, помимо «управленческой» темы, еще в нескольких аспектах: в них отразились бытовые черты жизни обитателей северного города и практика воеводского суда. В начале сентября 1695 г. жительница Туруханска Арина Иванова дочь, жена десятника Луки Васильева, подала воеводе жалобу на то, что Яков Микифоров изнасиловал их дочь Варвару, вследствие чего та забеременела. В приказную избу были взяты жена отсутствующего Микифорова Соломея и пострадавшая девица. Выяснилось, что Варвара год была «в работе» у Якова, причем не в самом Туруханске, а в Закаменном зимовье (располагалось на Енисее выше впадения в него Подкаменной Тунгуски), где Яков служил в качестве ясачного сборщика.

Яков Микифоров не был новичком на енисейском Севере. В 1676 г. он числился среди рядовых стрельцов Новой Мангазеи, а в 1679 г. (уже в чине десятника) возглавлял поход против немирных самоедов рода Аседа (из тундровых ненцев), напавших на шестерых ясачных сборщиков, находившихся в Старой Мангазее. Поход оказался успешным: стрельцы настигли самоедов, которые отказались платить ясак и вступили со служилыми людьми в бой. В результате 5 самоедов было убито, 3 захвачено в плен (не считая женщин и детей), а остальные «врознь разбежались по тундре и за озера». Сам Микифоров в схватке получил ножевую рану в голову[126].

Вернемся к следствию, которое производил Волчков по делу об изнасиловании Варвары. Последняя заявила, что в Закаменном зимовье (где их было только трое — Яков, его жена и Варвара) десятник ее «изнасильничал», угрожая убийством, если она расскажет об этом в городе. По словам Варвары, жена Якова «про то дело ведала». Соломея показала, что ничего об этом деле не знает, но добавила, что иногда Яков «хаживал» с Варварой в лес за дровами и рыбу промышлять. На этом дело было приостановлено до приезда

Микифорова, который появился в июне 1696 г. На допросе в приказной избе он не отрицал «блудного греха» с Варварой, но настаивал на том, что «девку не насильничал... потому что та девка наметывалась на него сама». В доказательство любвеобильности Варвары Яков заявил, что «ростлена де она до него», а как на возможного отца ребенка указал на некоего Микишку Федькина сына. Факт угроз в адрес девицы Яков отрицал, как и осведомленность Соломеи о его сожительстве с Варварой. Десятнику была дана очная ставка с Варварой, которая к этому времени родила ребенка. Стороны стояли на своем. В этом судебном деле выявляется один, очевидно, архаичный способ доказательства правоты, к которой прибегали тяжущиеся стороны и в XVII веке. Варвара просила «розыскать» «Якушкиной кожей» и своей. Как записано в материалах допроса, Яков, настаивая на своей версии связи с девицей, «в том на свою кожу шлетца»[127]. Семантика этого странного доказательства «кожей» убедительно раскрыта Б. А. Успенским. Ссылка на «кожу и кости» означала не что иное, как клятву прахом родителей в широком смысле, то есть предков[128]. Ложь при произнесении подобной клятвы считалась, видимо, страшным святотатством.

Выслушав стороны, Волчков принял решение в пользу Варвары. Воеводы, конечно, не имели никакой квалификации судей, но со времени принятия Соборного уложения 1649 г. печатные экземпляры этого кодекса были разосланы по всем воеводским избам России, в том числе и Сибири. Поскольку в Соборном уложении изнасилование не было предусмотрено (это преступление — «пошибание» — традиционно относилось к области церковного права), то Волчков нашел более или менее подходящую случаю статью в гл. 10 «О суде» (ст. 99): «А будет кто ни буди обесчестит непригожим словом чью жену или дочь девку... по суду и по сыску править за их бесчестья: жене против мужня окладу вдвое, дочери девке против отцова окладу вчетверо». Оклад десятника Луки Васильева составлял 5,5 рублей. В июле 1696 г. Волчков вынес приговор: Якова Микифорова били кнутом и взыскали с него бесчестья в размере 22 рублей. Кроме того, воевода указал отдать ребенка Варвары Якову «поить и кормить»[129].

Обозленный Микифоров начал борьбу против воеводы. Для мести десятник избрал самый действенный способ: он стал агитировать служилых людей составить коллективную челобитную о казнокрадстве Волчкова. Во-первых, эта мера была традиционной для Сибири XVII в. Во-вторых, в апреле 1695 г. из стен Сибирского приказа вышел указ, поощрявший доносы на должностные преступления воевод. «Земские всякого чина жители» уведомлялись специальными

грамотами, «что им воевод слушать, как в тех статьях (воеводского наказа — *Е.В.*) написано; а буде который воевода учнет что делать чрез те ему данные статьи, и им его в том не слушать, а посылать к Москве на того воеводу... челобитные»[130].

Однако Волчков успел перехватить инициативу и арестовать Микифорова. По показаниям Якова, данным в марте 1700 г. в Москве, воевода держал его три недели в тюрьме, водил в застенок и пытал. После битья кнутом воевода, очевидно, заставил десятника подать челобитную с просьбой об отставке[131]. В челобитной, по виду смиренной, Яков написал, что служил в Новой Мангазее более 20 лет, а ныне состарился, болен «нутряной болезнью», и потому просил отставить его от службы для пострижения в Спасский монастырь на реке Кеть. Волчков с удовольствием избавился от строптивого десятника.

Прибыв в Енисейск, Микифоров вместо монастыря отправился на двор к сыщику Д. Л. Полянскому и подал изветную челобитную на Волчкова. Полянский был вынужден дать делу официальный ход, и в конечном итоге изветные статьи Микифорова оказались в Москве[132]. Полянский поручил проводить розыск по извету Микифорова воеводе Ю. Ф. Шишкину, который в 1697 г. сменил Волчкова. Последний, сдав воеводство, приехал в Енисейск и был задержан до окончания следствия. По словам Микифорова, из Енисейска Волчков постоянно слал «грамотки» своим сторонникам в Туруханске (самому Шишкину, священнику Ивану Тимофееву, сотнику Никифору Васильеву и подьячему Василию Матвееву), чтобы они ему в сыске «пособили». Покрывая Волчкова, Шишкин присылал в Енисейск материалы небрежно проведенных повальных обысков, не вписывая в дело «многие вины» предшественника. Полянский, «дружа» Волчкову, с облегчением его оправдывал. Видимо, в 1698 г. полностью оправданный Волчков был отпущен в Москву.

Яков Микифоров мог считать, что проиграл борьбу с воеводой. Во время следствия он тоже находился в Енисейске, а после отъезда Волчкова сделал вклад в Спасский монастырь и фактически стал деятельным монастырским приказчиком. В 1699 г. он ездил в Туруханск торговать хлебом и летом этого же года отправился на Ирбитскую ярмарку для покупки «церковных потреб». На обратном пути в Тобольске (январь 1700 г.) он был задержан и выслан в Москву. Оказывается, дело Волчкова не было закрыто.

Глава Сибирского приказа думный дьяк А. А. Виниус не поверил следствию Полянского и сам внимательно ознакомился с присланными сыщиком изветными статьями. Содержание их сводилось к следующему. Микифоров обвинял Волчкова в том, что он дешево

оценивал ясачные и пошлинные (взятые на таможне) меха: шкурку песца по 7–8 коп, а ровдугу по 7–9 коп. Между тем по московской цене шкурка песца стоила не менее 30 коп. Получив таким образом излишек мехов, Волчков продавал их торговым людям уже по настоящей цене. В ходе разбора изветной челобитной Виниус привлек к ответам появившегося в Москве Волчкова, который, естественно, отрицал махинации с песцами (само следствие в Москве проводилось в 1699 г.). Далее Виниус поинтересовался, почему Волчков не дал стрельцам составить на себя коллективную челобитную. Бывший воевода попытался представить Микифорова не радетелем государевой казны, а «людским возмутителем», за что тот и был отставлен от службы. На это Виниус заметил, что никакого розыска о бунте Волчков не прислал, тем самым ложно обвиняя десятника.

Следующая статья извета обвиняла Волчкова в том, что он брал взятки за назначение в аборигенные волости сборщиков ясака (обычная статья дохода сибирских воевод). С ними же воевода посылал свои товары для обмена на меха. И хотя опрошенные Шишкиным ясачные сборщики отрицали факт взяток, Виниус в этом ничуть не сомневался., тем более, что в частной торговле с аборигенами Волчков сознался. Далее извет содержал такой факт: воевода посылал своего племянника вниз по Енисею для торговли вином. На это Волчков ответствовал, что посылал его для измерения расстояния до моря. Очевидно, что одно задание ничуть не мешало другому. Еще одно обвинение выглядело совсем бледным: воевода отобрал четыре соболя у енисейского остяка и держал его в тюрьме. Ясно, что доказать этот факт в Москве было невозможно.

Наконец, Микифоров обвинял Волчкова в гибели 25 русских людей в Старой Мангазее. Как заметил Виниус, допрашивая бывшего воеводу, «то дело немалое, что 25 человек русских людей побили». История эта весьма трагична. Как уже говорилось, в Старую Мангазею каждый год посылалось по несколько стрельцов в качестве ясачных сборщиков. Если роды верхотазовских самоедов угрозы для русской власти не представляли, то роды «юрацкой кровавой самояди» (тундровых ненцев) служили в XVII в. источником постоянного беспокойства для администрации Березова и Мангазеи. Среди прочих аманатов к приезду Волчкова в Туруханске содержались два заложника от юрацких самоедов. Посылая в Старую Мангазею очередных сборщиков ясака, Волчков допустил две ошибки. Можно предположить, что он решил вдохнуть новую жизнь в заброшенный город: вместе с 10 стрельцами отправились их семьи (15 женщин и детей). От Туруханска до Старой Мангазеи путь занимал не более месяца. Не было смысла отправлять служилых людей с семьями,

если бы Волчков не планировал их поселение на постоянное жительство. Добравшись до городища, стрельцы поддались на уговоры юраков Наусицкого и Барайского родов, просивших привезти их заложников в Старую Мангазею. Ошибка же Волчкова как администратора состояла в том, что он отпустил этих двух аманатов, не заменив другими. Дальнейшие перипетии этой истории подробно описаны С. В. Бахрушиным. Около 100 юрацких самоедов выманили стрельцов из Старой Мангазеи и, устроив засаду, перебили их из луков. Затем они вошли в пустой город и, чтобы не оставлять свидетелей, убили палками женщин и детей, бросив их тела на лед речки Осетровки[133].

Отвечая на обвинение, Волчков сказал, что отпустил юрацких аманатов как раз для обмена. Вследствие предпринятых им действий были пойманы два ненца, одного из которых воевода повесил, а другого бил кнутом. Показания Волчкова вызвали законное подозрение Виниуса. Во-первых, воевода не имел права самостоятельно выносить смертные приговоры аборигенам (о чем еще в 1686 г. в Туруханск был послан специальный указ). Во-вторых, «пыточное дело» захваченных самоедов якобы сгорело в пожаре. Показания Якова Микифорова в марте 1700 г. подтвердили ложь Волчкова. Десятник указал, что при Волчкове пожар был за городом, и сгорело только два двора. Яков же перед Виниусом прямо заявил, что Волчков отпустил аманатов, получив от самоедов поминки. Несколько загадочным выглядит следующий факт. Житель Туруханска Севостьян Колов видел у жены Волчкова (и донес об этом Шишкину) серебряные перстни, которые принадлежали его убитым в Старой Мангазее родственникам. По словам Микифорова, Волчков, опасаясь извета со стороны Колова, прислал ему из Енисейска два перстня. В таком случае Волчкова можно было обвинить в страшном преступлении — в «государевом изменном деле» и в сговоре с самоедами.

Последняя статья извета не могла быть составлена Микифоровым. В ней содержалась роспись конфискованных у Волчкова в Енисейске мехов: 1962 песца и недопесков, 1000 горностаев, 57 росомах, 6 выдр, 400 норок, 3100 ровдуг и, кроме того, иная «рухлядь» в виде одежды. Поскольку на многие вопросы Виниуса о способах приобретения этих мехов Волчков ответить не мог, то вывод думного дьяка был однозначен: Волчков — казнокрад, злостно нарушавший должностные инструкции.

Показания Микифорова в Москве немного запоздали: 8 декабря в Кремле М. С. Волчков был предан символической казни. На него надели петлю, после чего дворянин был помилован: вместо повешения его били кнутом и трижды «запятнали» (на щеках и на лбу)

несмываемой буквой «В» (вор). По указу царя Петра Алексеевича Волчков был сослан в Азов «на каторгу и вечное житье»[134].

Стрелецкий десятник Яков Микифоров сокрушил своего противника, но возможным это стало только в особых условиях «антивоеводской» правительственной политики конца 1690-х годов. Мысль Петра Первого еще не создала новых форм контроля над аппаратом местной власти. На данном этапе для пресечения должностных преступлений управленцев восточных районов страны использовались два совершенно разных рычага: мирская инициатива, опиравшаяся на традиции земского самоуправления, и воля чиновников высшего аппарата власти, сделавших ставку на личную преданность монарху.

Сфера судебной компетенции сибирских воевод, весьма слабо отраженная в наказах, в глазах населения, наоборот, выступала едва ли не на первое место (показательна сама близость слов «управа», «расправа», обозначавших вынесение приговора по суду, и глагола «управлять», возможно, вторичного по отношению к ним). Слитные для средневекового сознания понятия «власть» и «суд» даже без законодательных предписаний делали воеводскую администрацию судебной инстанцией. Для населения Сибири воеводский суд имел еще большее значение, чем в европейских уездах страны, вследствие затрудненности или невозможности переноса дел в московские приказы. Бытовые конфликты, имущественные тяжбы, уголовные преступления являются, к сожалению, частью повседневной жизни. При всем подозрительном и ироничном отношении к воеводскому суду («Шемякин суд» как неправедный) для людей XVII в. он был необходим. Так, в 1701 г. сургутский воевода Л. М. Вельяминов-Зернов (1697–1701 гг.) просил о перемене (ему было не менее 65 лет). Вместе с его просьбой в Сибирский приказ поступила челобитная сургутских служилых людей. Они одобряли воеводство Вельяминова-Зернова, но поддержали его просьбу, указав, что в настоящее время он «застарел и за болезнью своею во всяких твоих великого государя делах меж грацкими всяких чинов жители росправы не чинит, и от того его неуправления междо нами чинитца неустроение»[135].

В более ранней работе я обращался к теме воеводского суда, рассмотрев такие вопросы, как разделение судебной компетенции светских и церковных властей, обращение в суд по имущественным искам и расследование уголовных преступлений, применение норм русского законодательства к преступлениям, совершенным в среде аборигенного населения[136]. В результате был сделан вывод, что пределы судебной компетенции сибирских воевод выясняются только из реальной судебной практики, а не из законодательных установлений, носивших схематичный общероссийский характер. Кажется,

с тех пор данная тема (по крайней мере, в отношении Сибири) не получила более полного освещения.

Первое, с чем сталкивается исследователь,— это нечеткая конституированность самой воеводской власти в качестве местной судебной инстанции в законодательстве XVII в. Вплоть до Соборного Уложения 1649 г. судебные полномочия воевод фиксируются случайно и попутно, в связи с изданием отдельных норм в различных областях права. На территориях колонизуемой Сибири у воевод не было конкурентов в виде губных старост, которые ведали судом по уголовным делам в центральных уездах страны. За Уралом воеводы с самого начала были единственной судебной инстанцией, с естественным различием объема компетенции разрядных и уездных воевод. Соборное Уложение 1649 г. тоже специально не останавливается на составе и компетенции местных судебных органов. Здесь как бы подразумевается, что суд на местах осуществляет воеводская администрация (см. гл. X, ст. 6, 130). И только в уголовной части Уложения прямо сказано: «А где губных старост нет, и в тех городе губные дела ведать воеводам и приказным людем» (гл. XXI, ст. 3).

При рассмотрении воеводских изб как органов местного суда неизбежно встает вопрос: на какое письменное законодательство опиралась воеводская администрация в первой половине XVII в.? Можно предположить, что до Соборного Уложения в воеводских избах были какие-то законодательные кодексы (в первую очередь, Судебник 1550 г. с дополнительными статьями и указная книга Разбойного приказа 1616/17 г.). Единственными более или менее специалистами в области действующего законодательства являлись дьяки и подьячие с приписью. Именно они могли привозить с собой к месту службы рукописные сборники законов, которые затем переписывались и оставались в приказных избах. Кроме того, отдельные поправки к законодательным статьям могли рассылаться по воеводским избам в виде грамот. Приведем пример, относящийся к Верхотурскому уезду. В 1646 г. воевода Верхотурья получил из Москвы приговор по делу гулящего человека И. Минеева и крестьянки Катерины, убивших мужа последней. Минеева указывалось повесить, а Катерину «окопать» в землю; ее казнь воевода на время отложил, так как она оказалась беременной[137]. Совершенно очевидно, что в Верхотурской приказной избе был известен указ от 19 мая 1637 г., по которому казнь беременной женщины откладывалась до рождения ребенка и на 6 недель после рождения[138].

После принятия и напечатания Соборного уложения его экземпляры в обязательном порядке рассылались по всем воеводским избам страны.

Немногочисленный судебно-полицейский аппарат, находившийся в распоряжении воеводы, составляли «выимной объезжий голова», приставы, «заплечной мастер», тюремные целовальники и сторожа. Целовальники отвечали за соблюдение тюремного режима: для сбора милостыни отпускали только тех, кто сидел «в небольших делах»; следили за тем, чтобы в тюрьме не оказались бумага и чернила; заключенные диктовали челобитные только в присутствии целовальников; посещения тюремных сидельцев тоже находились под их надзором. Интересно, что тюрем в небольших городах могло и не быть. Так, тюрьма в Пелыме была поставлена по указу из Тобольска только в 1644 г. Воевода князь А. М. Несвицкий отписывал в Москву, что сторожа у тюрьмы нет, а бывший ранее палач записался в пашенные крестьяне. Из Сибирского приказа указали, что нанимать специального тюремного сторожа не надо, так как заключенных в Пелыме мало или совсем нет. И палача, и сторожа рекомендовалось выбирать из служилых людей[139].

Сразу по вступлении в должность воевода должен был составить «статейный список» тюремных сидельцев — «хто именем и в каком деле и сколь давно в тюрьме сидят и пытан ли хто и что с пытки... говорил»,— и отослать его в Москву. Такой список прислал мангазейский воевода И. С. Корсаков (1652–1656 гг.); он был рассмотрен главой Сибирского приказа князем А. Н. Трубецким. В мангазейской тюрьме оказалось 16 человек. Новокрещеные остяки (скорее всего, селькупы) Ортюшка Васильев и Ивашко Афонасьев сидели за грабеж ясачной казны и убийство служилых людей, причем в тюрьме они находились уже 10 лет. Трубецкой распорядился, ввиду серьезности преступления, держать их в тюрьме и дальше. Большую группу тюремных сидельцев составили 10 бывших мангазейских стрельцов, обвиняемых в грабеже дьяка Богдана Обобурова (к сожалению, подробности этого дела неизвестны). Поскольку они находились там 10-й год, то последовал указ выпустить их на поруки, если найдутся поручители. Промышленные люди Трошка Васильев Пинежанин и Ивашко Андреев Емчанин (видимо, покрученики) обвинялись в убийстве на реке Хете своего хозяина Никиты Романова Казанца. Их расспросные речи еще семь лет назад были посланы в Москву. Трубецкой приказал их привести к пытке, а пыточные речи прислать в Сибирский приказ. В каком-то государеве деле год в тюрьме провел стрелец Якушко Фомин. Его дело было отправлено в Тобольск. На этой статье в Сибирском приказе сделали помету: отписать в Тобольск, чтобы материалы дела прислали в Москву. Наконец, полгода маялся в тюрьме промышленный человек Офонька Титов Медведчик, который сделал извет на стрельца Ивана Семенова в том, что он

покупал соболей еще до сбора ясака. Сам Семенов находился где-то на службе, поэтому в Москве указали дождаться стрельца и дать ему с изветчиком очную ставку[140].

Следующий мангазейский воевода С. В. Ларионов (1656–1659 гг.) застал в тюрьме только троих заключенных. Иван Чепчугов обвинялся в убийстве двух человек. Уже два года находились в тюрьме совершившие церковную кражу пономарь Алексей Антонов и сапожник Кузьма Оксенов. Все трое ночью 9 сентября 1656 г. бежали из тюрьмы, но 22 числа вернулись в Мангазею, так как «заблудились в тундрах». За побег они были пытаны и биты кнутом. Свою порцию батогов получил и сторож Кирилка Онофриев, отходивший ночью от тюрьмы[141].

Наличие текста Соборного Уложения давало право воеводам выносить приговоры преступникам из русского населения, не запрашивая Москву. В феврале 1652 г. перед мангазейским воеводой предстали прибывшие из промысловых зимовий Бажен Афанасьев и его двое товарищей. Они привели с собой Ивана Федорова Галичанина, которого обвиняли в убийстве трех промышленных людей. Не признавая сначала свою вину, Иван при допросе с пыткой «во всем винился». Оказалось, что он осенью жил в зимовье в верховьях Таза со своим товарищем Гришкой Чушолой, которого и «убил до смерти». После этого он несколько месяцев жил в зимовье у Бажена Афанасьева, сообщив ему, что Чушола умер сам. Отплатил Иван Афанасьеву тем, что убил из лука его брата и племянника. В намерения душегуба входило перебить и остальных промышленников, которые отсиделись от него «на стану» (хотя Бажен был ранен стрелой в руку). Осажденные промышленники пошли на хитрость: поклялись («крест целовали») Галичанину, что его не убьют и умолчат о случившемся, если он придет к ним «добром». Иван оказался достаточно наивен (или голоден?), поверив крестоцелованию. Во время следствия преступник честно признался, что «хотел де он их побить из нажитков — Бог даровал им соболиный промысел добрый», а убийства списать на остяков и самоедов. Оказалось, что Иван был из владельческих крестьян боярина Никиты Ивановича Романова (двоюродного дяди царя Алексея Михайловича), но это не спасло его от смертной казни. По приговору воеводы И. С. Корсакова Ивашко Галичанин был «вершен по Уложенью» — повешен в Мангазее[142]. Как проводилось воеводой М. С. Волчковым следствие по делу об изнасиловании девицы Варвары, говорилось выше.

О характере процесса вхождения народов Сибири в состав России можно судить, в частности, по степени адаптации аборигенов к государственным (в том числе — судебным) порядкам и мере

учета русской администрацией существующих традиций местных социумов. На практике вторжение русского суда в жизнь ясачного населения происходило или в случае обращения в суд самих истцов, или при возможности ареста людей, виновных в совершении тяжких преступлений, которые воеводская администрация не могла оставить без внимания. Немалую роль при этом играла географическая удаленность ясачных волостей от центра уезда, что хорошо видно на примере деятельности пелымских воевод. Ясачные люди таежной Большой Конды, относительно самостоятельной части бывшего Пелымского княжества, еще в первой половине XVII в. мало считались с распоряжениями русских властей. В 1654 г. воевода П. И. Лыков сокрушенно отписывал в Москву: «Да в той же, государь, Кондинской волости в твоих государевых людех меж собою чинится у них великое воровство и убойство: друг на друга ходят разбоем и друг друга грабят и розбивают, и из луков стреляются, и ножи режутся... И те... убойцы, твои государевы ясачные люди, пелымским служилым людем не даются, из луков... стреляют»[143].

Совершенно иная картина отразилась в судебном разбирательстве 1639 г., когда воевода князь П. Ф. Волконский рассматривал уголовные преступления, имевшие место среди ясачных Тахтанской и Табаринской волостей. Тахтанская волость была расположена к западу от Пелыма на реке Лозьве; в 1636 г. в ней числилось 35 ясачных вогулов[144]. В конце 1639 г. ясачный этой волости Лукумя Шуин убил в драке другого ясачного, Буйтаха Котыина, о чем воеводе донес стрелец Иван Толмачев. По распоряжению воеводы убийца и сын убитого Оська без всяких затруднений были доставлены в Пелым. На допросе Лукумя своей вины не отрицал и подал челобитную, в которой изложил причины своей вражды с семьей Буйтаха. Есть основания предполагать, что причиной столкновения послужил не столько спор из-за охотничьих угодий, сколько невидимая для русской власти борьба за лидерство в Тахтанской волости. Из содержания документа выясняется, что вогулы признавали Лукумя и Буйтаха «лучшими людьми» в своей волости. Вызов бросили Буйтах и его сыновья. Они поставили самострелы недалеко от юрт Шуина, в результате чего погибла его лучшая охотничья собака. Кроме того, возле Буйтаховых юрт была застрелена лошадь Лукуми. Последний явился к Буйтаху выяснять отношения, где от сыновей последнего получил грубый ответ: «Хотя де мы и тебя убъем, не боимся ничево». Зачинщиком драки выступила жена Буйтаха, к которой присоединился муж, павший в конечном итоге от руки противника. Показания Оськи Буйтахова не расходились с показаниями Шуина. Поскольку тюрьмы в Пелыме в то время не было, воевода

распорядился виновного «дать за пристава» (то есть поместить его на двор к какому-то пелымскому стрельцу).

К этому времени, проводя следствие по уголовным преступлениям, сибирские воеводы не имели права выносить смертные приговоры представителям ясачного населения и должны были ожидать соответствующего решения из Москвы. Именно так и поступил Волконский, но одно любопытное обстоятельство заставило его все-таки самостоятельно вынести приговор по данному делу. Вогулы Тахтанской волости подали коллективную челобитную, в которой указали, что Буйтах и Лукумя у них — лучшие люди. Ввиду гибели первого и ареста последнего волость оказалась обезглавленной («к твоему де государеву делу в волости у них у ясашных людей промышленника ныне нет»). С точки зрения сибирской администрации ясачная волость была таким же «миром», как русская крестьянская или посадская община. Имея на руках челобитную, которая в конечном итоге апеллировала к финансовым интересам казны, воевода распорядился наказать и освободить Шуина. В присутствии ясачных людей разных волостей Лукумя был бит кнутом «нещадно» и отдан на поруки. В Сибири, когда дело касалось некрещеного ясачного населения, русская судебная власть шла навстречу нормам обычного права и допускала взимание «головщины» в пользу родственников потерпевшего. Лукумя должен был уплатить «поголовные деньги» в размере 4 руб. 13 коп. Кроме того, он обязан был вносить ежегодно вместо убитого Буйтаха ясак до тех пор, пока сам не «приищет» какого-нибудь «гулящего вагулетина», способного нести ясачную повинность[145].

Одновременно Волконский рассматривал дело пашенного вогула Табаринской волости Енабая. Табаринская волость, расположенная в среднем течении реки Тавды, в дорусский период испытала сильное татарское влияние, что выразилось, в частности, в развитии земледелия и широком распространении татарских имен. Население волости делилось на пашенных и ясачных вогулов и в 1636 г. насчитывало 104 человека мужского пола. Присланный в январе 1640 г. сыном боярским Исааком Албычевым в Пелым вогул Енабай обвинялся в нескольких преступлениях. Воспылав страстью к жене вогула Шатанки, он угрожал убить последнего и таким образом завладеть его женой. Не стерпев обиды, Шатанко ударил Енабая по голове. Противников, находившихся под влиянием винных паров, развели, но Енабай не успокоился и в результате новой ссоры нанес ножевую рану вогулу Епану. Воеводе стало известно, что незадолго до этого Енабай убил мурзу Ялту. Проведя следствие с применением пытки, Волконский доложил о результатах следствия в Тобольск.

Но и разрядный воевода князь П. И. Пронский не мог окончательно решить дело: он только указал Волконскому построить в Пелыме тюрьму и ожидать приговора из Москвы. Табаринские вогулы аресту Енабая были рады и подали челобитную, в которой фактически просили применить к нему нормы русского уголовного законодательства. Отказ со стороны вогулов от какой-либо защиты своего соплеменника Волконский считал настолько важным, что приобщил его к материалам дела. В Сибирском приказе судьба Енабая была решена однозначно: его должны были повесить в Пелыме «на приметном месте» в присутствии ясачных всех волостей[146]. Надо думать, что этот указ был исполнен.

Таким образом, аборигенное население на протяжении XVII в. постепенно вовлекалось в русское судопроизводство, и это характерно (кроме территорий тундровых ненцев, Чукотки и Камчатки) для всей Сибири[147]. Случаи, которые русские власти квалифицировали как «измену» государю, а также челобитные ясачного населения на представителей воеводской администрации будут рассмотрены в следующей главе.

2. Организация таможенной службы

Таможенная политика центральной власти в отношении всей Сибири и организация таможенной службы за Уралом наиболее подробно рассмотрены А. Н. Копыловым и О.Н. Вилковым[148], однако ввиду некоторой противоречивости и изменчивости политики центральных властей, сохраняется необходимость в дальнейших исследованиях локального уровня по данному вопросу.

Говоря об учреждении таможенной службы в Сибири, исследователи обращаются к царской грамоте 1597 г. пелымскому воеводе князю П. М. Шаховскому, по которой ему предписывалось собирать «на государя с торговых людей десятинную пошлину с сибирских товаров, от всякого зверя от девяти десятое», а также десятую часть от стоимости привозных русских товаров. В ответной отписке Шаховской сообщал, что начал брать десятинную пошлину только с 28 сентября 1597 г. (с торговых людей, приехавших с Тары и у которых не была взята пошлина на Таре и в Тобольске), так как указ пришел поздно[149]. Более ранняя грамота в Сургут от 19 мая 1597 г. свидетельствует о том, что именно тогда состоялся указ о введении десятой пошлины с торговли в Сибири[150]. Аналогичные грамоты, видимо, были посланы во все сибирские города. В январе 1600 г. Борис Годунов пожаловал «всех промышленных людей пенежан

и мезенцов» (по их просьбе), разрешил ходить морем и Обью рекой в «Мунгазею и на Енисею» и «торговать повольно» с самоедами. При этом десятую пошлину с пушнины и с другого товара им предписывалось вносить только в Окладникове слободке Мезенского уезда «приказным людем и старостам и целовальником». Особо подчеркивалось запрещение брать с этих промышленных людей десятинную пошлину в Пустозерске[151]. Из этого можно было бы сделать вывод, что к началу 1600 г. еще не существовало таможенных застав ни в Березове, ни в Обдорске. Однако более правильным будет считать, что это именно жалованная грамота (как исключение) Угриму Иванову, Федулу Наумову и всем пинежанам и мезенцам.

Появление таможен в сибирских городах в начале XVII в. связывают обычно с постройкой гостиных дворов[152]. Если в наказе тобольским воеводам 1599 г.[153] еще не содержится пункт о правилах торговли, то в наказе от 11 февраля 1601 г. воеводам указывалось следить, чтобы торговые люди торговали на гостиных дворах и только в городах. Воеводы взимали с них десятинную пошлину, которая фиксировалась в проезжих грамотах[154]. В 1600 г. гостиный двор с таможней появился в Верхотурье; пошлины должны были собирать назначенный воеводой местный сын боярский и целовальник из жилецких людей[155]. В наказе мангазейским воеводам 1601 г. обязанность собирать десятинную пошлину возложена на самих воевод и целовальника[156]. Сначала, видимо, функции таможенных голов и целовальников выполняли (особенно в непашенных городах) служилые люди.

Невозможно точно указать, когда появились гостиные дворы и таможенные избы в Березове, Пелыме и Сургуте. В Обдорском городке в 1607 г. десятинную пошлину должны были собирать служилые люди из Березова, которые одновременно принимали и ясак; Носовой городок здесь назван заставой. В то же время в самом Березове таможенные пошлины собирал воевода[157]. П. Н. Буцинский, ссылаясь на наказ 1601 г. сургутскому воеводе князю Я. П. Борятинскому и письменному голове В. Пивову, считал, что гостиный двор и таможенные целовальники появились в Сургуте в этом году[158]. О. Н. Вилков, не ссылаясь на источник, утверждает, что гостиный двор с таможней был выстроен в Сургуте в 1608 г.[159] Указание построить гостиный двор в Мангазее содержится в наказе (от 25 января 1603 г.) воеводе Ф. Ю. Булгакову и голове Н. Г. Елчанинову — чтобы торговые люди торговали с самоедами только на гостином дворе и не ездили по «городком и по волостям и по юртом и по лесом и по зимовьям». За сбор десятинной пошлины отвечали воеводы, как и за выдачу проезжих грамот с указанием взятой пошлины[160].

По мере укрепления таможенной службы в Сибири расширялся состав торговых и проезжих пошлин, при сохранении основной пошлины — десятинной. Сложившаяся в начале XVII в. сибирская таможенная система отразила как многообразие внутренних пошлин в европейской России, так и специфичные черты, порожденные колонизацией Сибири. При этом во взимании пошлин наблюдался географический разнобой: одни пошлины существовали в одних городах и отсутствовали в других. А. Н. Копылов разделил сибирские пошлины на три группы: торговые, проезжие и пошлины, связанные с обслуживанием торговли и проезда[161]. Группу торговых пошлин составляли: десятая, двадцатая, рублевая, записная, перекупная, записная головщина, пошерстная, роговая, полковая. Десятая пошлина взималась за право промысла сибирской пушнины и право продажи привозных «с Руси» товаров. Двадцатая пошлина существовала только (в качестве льготы) для товаров, привозимых бухарскими купцами. За продажу товаров, которые в данном городе не облагались десятой пошлиной, бралась рублевая (обычно только с продавца). Специфичными были записная головщина (при продаже ясыря), пошерстная (платили покупатели лошадей) и роговая (при покупке крупного рогатого скота).

Большую группу составляли проезжие пошлины. На таможне с приезда торговых, промышленных и гулящих людей брали явчую (головщина), за проезд транзитом — проезжую. В каком-либо одном из сибирских городов указанные категории людей должны были заплатить указной оброк — ежегодный поголовный сбор в размере 25 коп. При выдаче проезжей грамоты брали печатную пошлину. Пошлины платили владельцы транспортных средств: посаженную (водный транспорт), полозовую (с саней) и вьючную (с верховых лошадей).

Были пошлины, зависевшие от ассортимента продаваемого товара и обслуживания торговли. За взвешивание на казенных весах «весчих» товаров (соль, хмель, воск и т.д.) брали весчую пошлину. Померную брали за измерение хлебных запасов казенной мерой. Продажа товаров без их взвешивания на казенных весах запрещалась. Постоялая пошлина (избная) бралась за постой на гостином дворе, амбарная — за хранение в казенных амбарах и торговлю в лавках на гостином дворе. При этом постоялая и амбарная пошлины взимались, если человек даже не располагался на гостином дворе. Существовала банная пошлина, которую брали в Березове со всех проезжих людей (1 коп. с человека). Однако в Сургуте с 1647 г. банная пошлина составляла 25 коп.; кроме того, банная пошлина взималась в Сургуте же за Нарымский и Кетский остроги (по 13 коп.

за каждый острог), где не было таможен. А. Н. Копылов предположил, что в данном случае банная пошлина фактически выступала как проезжая[162].

Сравнительная таблица видов и ставок пошлин, которые взимались в середине XVII в. в четырех городах Сибири (Тюмень, Верхотурье, Сургут, Енисейск), хорошо показывает дифференцированность таможенного обложения. Из 25 видов известных пошлин во всех городах брались только десятая, рублевая, пошерстная, роговая, весчая, амбарная, явчая головщина, печатная и посаженная[163].

Невозможно точно указать, за недостатком источников, когда таможенная служба в сибирских городах приобрела определенную самостоятельность в виде присыльных таможенных голов и целовальников, при их общей подконтрольности местной воеводской власти. Противостояние воеводской администрации и таможенной службы — тема, больная для Сибири XVII в. В начале столетия в Тобольск, например, в таможенные головы присылались посадские люди из Казани и других городов. По мере создания посада в самом Тобольске в таможенные головы стали назначаться «тутошние сибирские посадские люди». Однако они не могли противостоять вмешательству воеводской администрации в таможенные дела, в результате чего государевой казне учинилась «многая убыль». С 1635 г. в Тобольск стали посылаться торговые люди гостиной сотни с Вятки. Эта практика продолжалась до конца 1660-х годов, когда в таможенные головы снова начали назначаться представители тобольского посада[164].

В литературе было высказано мнение, что до 1635 г. в сибирских городах, кроме Тобольска, должности таможенных голов исполняли или тобольские посадские люди, или служилые люди местных гарнизонов[165]. Есть, однако, свидетельства, что в Мангазею еще в 1620-е годы таможенные головы прибывали из европейской России. Так, в 1625 г. из Москвы в Казань последовал указ о посылке в Мангазею таможенным головой посадского человека Царёво-Кокшайска М. Леонтьева, который должен был сменить посадского из Яранска Воина Матвеева (не путать Яранск, расположенный ближе к реке Вятке, с Еренским городком на реке Вычегде)[166]. До Воина Матвеева мангазейским таможенным головой был Федор Бусыгин из Свияжска (заметим, что все трое присланы из городов Казанского края).

К 1620-м гг. ведет начало практика вознаграждения таможенных голов за службу, аналогично награждениям воевод. Известно дело о награждении Воина Михайлова, бывшего в 1624–1626 гг. таможенным головой в Мангазее (в указе о смене его М. Леонтьевым, очевидно, допущена ошибка: вместо Михайлова он поименован

Матвеевым)[167]. Михайлов имел серьезные основания обратиться с челобитной к царю. С сентября 1624 по конец августа 1625 г. таможенный голова взял в Мангазее в качестве десятой пошлины 8902 соболя, 7085 пупков (мех с живота зверьков), 7536 выимков (видимо, конфискованные меха), 40 бобров и собрал других пошлин на 250 руб. Как видим, только полноценных собольих шкурок было привезено в этот год в Мангазею 89 тысяч! На следующий год таможенный десятинный сбор составил в Мангазее 8248 полных соболей, 7760 соболиных пупков, 7600 выимочных шкурок, 14 бобров; деньгами было собрано 488 руб. В приказе Казанского дворца сравнили сбор Михайлова с поступлением десятой пошлины при Федоре Бусыгине. Сбор 1623/24 года составил 4582 соболя, 3650 пупков, 3850 выимков, 10 бобров и 114 руб. Возможно, никакой личной заслуги в резком увеличении десятой пошлины самого Воина Михайлова не было. Судя по сумме денежных пошлин, время пребывания Михайлова в должности совпало с наплывом промышленников и удачными охотничьими сезонами. В Москве Михайлова наградили: он получил серебряный ковш, отрез «камки куфтерю» в 7 м, сукно лундыш и 40 соболей ценой в 30 руб.

Следующий после Михайлова мангазейский таможенный голова Мелентий Леонтьев (1626–1628 гг.) по окончании службы тоже подал челобитную о награждении. Тщательно проверив отчетные документы, в Казанском дворце установили, что в 1626/27 г. таможенный сбор в Мангазее составил (мехами и деньгами) 11 739 рублей; по сравнению со сбором 1625/26 г. Михайлова он оказался меньше на 279 рублей. Однако в следующем году только одних целых соболей в таможню поступило 10 280, а всего в денежном переводе доходы таможни за год составили 14 706 рублей. В итоге за два года Леонтьев «учинил прибыль» по сравнению с предшественником в 2408 рублей. Ему было дано такое же государево жалованье, как и Михайлову[168].

В 1635 г. в организации таможенной службы в Сибири произошли некоторые изменения. В приказе Казанского дворца решили, что в главные центры сибирской торговли необходимо посылать в таможенные головы торговых людей из поморских городов, а наказы им выдавать из Москвы. Правительство пыталось ограничить вмешательство воевод в таможенные дела; в наказах указывалось, что осмотр товаров, сбор пошлин и конфискация незаконных товаров находятся в «одноличном» ведении таможенных голов. Последние были обязаны «выговаривать» воеводе о его же нарушениях таможенных правил и писать об этом в Москву[169]. В то же время за воеводой оставался общий финансовый контроль над таможней.

При смене таможенных голов счетные книги приносили воеводе, он же проверял книги собранных пошлин.

О печальном опыте противостояния воеводе рассказал посадский человек Устюга Великого Василий Свахин, который был избран в 1643 г. в таможенные головы Сургута. Летом 1644 г. он прибыл в Сургут и стал проверять документацию прежнего головы Федора Волкова (тоже устюжанина). В результате на последнем оказался начет в 51 рубль. Однако вмешался воевода А. А. Измайлов, который приказал Свахину «очистить» Волкова. В своем извете на Измайлова, попавшем в мае 1645 г. в Москву, Свахин обвинял воеводу в том, что он вступается в таможенные дела. Так, Измайлов пропустил по Оби жену нарымского воеводы «со многой мяхкой рухлядью». Без таможенного осмотра в Томск проследовал тобольский письменный голова Г. Л. Семичев, со многими русскими товарами и вином. Свахин просил у воеводы служилых людей для осмотра, но Измайлов не дал, высказав угрозы в адрес таможенного головы. Тот же Семичев на обратном пути из Томска объехал Сургут (по Юганской Оби), поскольку вез с собой, по сведениям Свахина, пушнину. В служилых людях для погони за Семичевым воевода Свахину опять отказал.

Таможенный голова написал обо всем этом в Тобольск, напомнив, что по наказу ему «велено перед воеводой говорить бесстрашно». В ответ Измайлов избил Свахина в съезжей избе и выбросил во двор. В октябре 1644 г. воевода нагрянул в таможенную избу (она, кстати, располагалась в пределах гостиного двора) и бил голову «ослопьем». Таможенный сбор и книги воевода запечатал городской печатью и запер их в амбаре, ключ от которого забрал себе. Кроме того, там же оказались закрыты «запасенко» самого Свахина. В результате таможня бездействовала два месяца. Свахин писал, что в Сургуте «скитается меж двор» и «помирает голодной смертью», поскольку его имущество находится в опечатанном амбаре. По извету Измайлова тобольский воевода отставил Свахина от таможни. Однако через своего известного земляка торгового человека гостиной сотни Кирилла Босого Свахину удалось передать в Сибирский приказ челобитье о своих злоключениях. Решение Сибирского приказа было чисто бюрократическим: тобольскому воеводе было послано распоряжение о посылке в Сургут сына боярского, который должен был провести повальный обыск насчет выяснения правоты воеводы или таможенного головы; сын боярский должен был вернуться в Тобольск, из обыскных речей надо было сделать выписку, которая, наконец, отправилась бы в Москву[170]. К сожалению, неизвестно, сколько еще времени правдолюбец Свахин «скитался меж двор».

Первыми таможенными головами из Поморья в Березове были Лука Плесовской, пашенный крестьянин Устюжского уезда, и

Первой Ружников, промышленный человек с Мезени. До этого таможней в Березове заведовали местные служилые люди. Новые головы приехали в Березов в мае 1635 г. и приняли таможенный сбор, накопившийся с сентября предыдущего года — 19 руб. 90 коп. Эти деньги они отнесли воеводе. Головы отписали в Москву о плачевном состоянии таможенных дел в городе: «А на гостине дворе заехали 5 лавченок, покрыты бересты, бес потолоков и без дверей, а иные лавки сгнили и розвалялись, а изб на гостином дворе на приезд торговым и ясачным людем нет» (прежде стояли 2 избы, но они сгнили). «А гостин двор ополен весь без ограды для того, что поставлена церковь Пречистые Богородицы Одигитрия подле гостин двор. А торговых... и промышленных людей на Березове в приезде ниоткуды никого нет».

В наказе Плесовскому и Ружникову было написано, что раньше на Березове пошлина собиралась «немалая». Головы попытались выяснить причины упадка сбора пошлин. По их мнению, этому способствовало вмешательство в таможенные дела воеводы князя М. В. Белосельского (1627–1629 гг.), который указал брать десятую пошлину с торговых людей с непроданных еще товаров. Между тем, за проезд транзитом полагалось брать лишь проезжую пошлину (2 коп. с рубля стоимости товаров). Торговые люди, безусловно, направлялись в Мангазею, Енисейск или Томск. Им приходилось продавать свои товары в Березове «дешевой ценой», чтобы заплатить пошлину. Такой порядок существовал в 1629–1632 гг., отчего и прекратился поток торговых людей, идущих через Березов. В 1632 г. по челобитью торговых людей порочная практика березовской таможни была отставлена указом из Москвы, но было поздно. В качестве другой причины упадка березовской таможни головы указали опасения торговцев ходить кочами по Обской губе, вследствие частых крушений. Наконец, головы довели до сведения Москвы, что по дороге к Уральским горам на Вычегде торговцы подвергаются частым нападениям разбойников. «Чрезкаменный» путь просто стал невыгодным для торговых и промышленных людей, идущих «с Руси» с хлебом, товарами и запасами для соболиного промысла. Головы констатировали, что торговцы стали ездить в Мангазею от Тобольска вверх по Оби и далее в Енисейск и Туруханск[171].

Тем не менее Плесовской и Ружников по окончании службы были награждены за принесенную прибыль. Дело в том, что помимо Березова в их ведении находились три сезонных (летних) таможни: Обдорская, Собская и Киртасская, расположенные на путях с Печоры на Обь. Функционирование этих таможенных застав во второй четверти XVII в. рассмотрено в статье И.Л. Маньковой[172]. Сами

таможенные головы присылались, как уже говорилось, с 1635 г. из Поморья. В Тобольске им придавались целовальники и служилые люди. Плесовскому и Ружникову, например, были даны 6 целовальников и 10 служилых. Приехав в Березов, головы послали на Киртасскую заставу 1 целовальника и 4 казаков (2 тобольских и 2 березовских). На таможне в Березове они оставили 2 целовальников, а с остальной командой, захватив и трех березовских казаков, уехали на Обдорскую заставу[173]. Именно сбор десятой и других пошлин на заставах дал в итоге солидную цифру. За три года (1635–1638 гг.) таможенный сбор положенных пошлин и конфискованной «пенной мяхкой рухляди» составил в денежном переводе 5070 руб. Интересно отметить, что Плесковский и Ружников не прибегали к практике взимания десятой пошлины с непроданных товаров и «товарных» денег: за три летних месяца «с русских товаров и з денег» было собрано проезжих пошлин на 6,5 рублей[174].

Из чего складывалась «пенная рухлядь», показывают следующие примеры. В июне 1635 г. через Березов с ясачной казной проезжал сургутский казак Пятой Яковлев. В расспросе в таможне он спокойно признался, что везет 38 соболей и 39 бобров, принадлежащих сургутскому воеводе князю Львову, запечатанные в суме государевой печатью. Пушнина была конфискована. Лука Плесовской не побоялся обыскивать имущество бывшего березовского воеводы А. А. Плещеева-Мешкова (см. выше), который возвращался чрезкаменным путем. Голова и целовальники изъяли у воеводы на Обдорском устье довольно много меховой одежды (волк, песец, белка); в перине была найдена шуба из горностая, в трех хомутинах — 8 чернобурых лисиц и 26 соболей, в коробье найдено 34 соболя с хвостами, 44 соболя без хвостов и т.д. Перечисление незаконных мехов и меховой одежды, изъятых у Плещеева-Мешкова и его сыновей, составило довольно длинный список. Очевидно, что сыск о лихоимствах березовского воеводы возник не на пустом месте, хотя и закончился благополучно для Плещеева. Вряд ли воевода и московский дворянин мог предполагать, что нажитая за два года незаконными способами «мягкая рухлядь» будет у него конфискована пашенным крестьянином. Тогда же на Обдорской заставе была конфискована пушнина енисейского воеводы А. А. Племянникова — 272 соболя и другие шкурки (целые и части) зверей[175]. Плесовской и Ружников честно выполняли пункт наказа об осмотре пушнины у ехавших из Сибири воевод, дьяков, письменных голов, а также их жен, детей и родственников. Интересно отметить, что торговые и промышленные люди охотно сознавались, что у них имеется воеводская «посыльная рухлядь» (навязанная им, скорее всего, насильно). Можно

предположить, что за проявленную принципиальность таможенные головы и были награждены в Москве.

Во время своей службы Плесовской и Ружников вошли в конфликт с местным таможенным подьячим Дмитрием Шаховым. Как известно из челобитной последнего, он служил на Березове в казаках с 1604 по 1627 г. В это время в таможенную избу назначались из служилых людей «переменные подьячие». Упомянутый выше воевода князь М. В. Белосельский вычеркнул Д. Шахова из казачьего списка и определил его подьячим в таможню, где он и служил до 1639 г. Отставлен от службы Шахов был по доносу Плесовского и Ружникова, которые писали в Москву, что у Шахова «на Березове роду и племени много». Вследствие этого многие приезжие на Березов торговые люди являлись «знакомцами» Шахова, который при сборе пошлин им «норовит». Казак-подьячий указал в челобитной, что ссора между ним и таможенными головами произошла из-за того, что он начал выговаривать головам: по его мнению, они «чинили людям жесточь великую». Кроме того, головы привезли с собой в качестве подьячего «родимца своего» мезенца Богдана Попова, который отправлял таможенную службу без всякого назначения. Шахов подал челобитную березовскому воеводе И. А. Францбекову, который организовал повальный обыск. Показания 3-х священников, 4-х детей боярских, 2-х целовальников, 56-ти казаков и 17-ти торговых и промышленных людей оказались в пользу Шахова. В Сибирском приказе указали быть Шахову снова в таможенных подьячих с окладом в 7 руб., 7 четей ржи и 4 чети овса[176].

Служба следующих березовских голов Афанасия Чебаевского (из Сольвычегодска) и Григория Тарамшина (с Кевролы) не удалась. На них поступили челобитные от тобольских посадских людей, которые были выбраны в помощь головам в целовальники, а также промышленных и служилых людей. Головы обвинялись во всякого рода «насильствах» и взятках. Уже в июле 1639 г. последовал указ «переменить» Г. Тарамшина, выбрав вместо него тоже жителя Кевролъского уезда. Тобольские воеводы были вынуждены несколько раз проводить сыски о деятельности этих голов, которым «таможенный сбор не за обычей, потому что наперед сего они нигде у таких государевых дел не бывали». К слову сказать, Тарамшин оказался большим «зернщиком» и к тому же безграмотным. С большим опозданием, в 1643 г., последовал указ о наказании А. Чебаевского за взятки (хотя их сумма составляла всего 92 руб.): его было велено «бить по торгом кнутом нещадно»[177].

В Сургуте в 1635 г. таможенным головой оказался пашенный крестьянин Устюжского уезда И. Ф. Нерадовской, выбранный вместо

торговых людей. Его челобитная о награждении была подана в Сибирский приказ в марте 1639 г. Надо заметить, что дел о прибылях сибирских таможенных голов до нас дошло немного. Одна из причин этого заключалась, возможно, в том, что по окончании срока службы таможенный голова должен был лично явиться в Москву, причем с «отписями» проверки таможенного сбора воеводой за каждый год, и немалое время там «волочиться», ожидая решения Сибирского приказа. Дело о награждении Нерадовского показывает, что суммы таможенного сбора в Сургуте в 1630-х гг. были невелики. В 1633/34 г. десятой и других пошлин было собрано 204 руб., в 1634/35 г.— 186 руб. Но в вину «умаление» таможенного сбора за этот год Нерадовскому не поставили, поскольку в Сургут он прибыл только 25 июня 1635 г. Всего прибыль Нерадовского за три года составила в денежном выражении 630 руб.; конфискованные меха были оценены в Москве в 673 руб. Интересно отметить, что меха, отобранные Нерадовским в Сибири у ссыльных людей (священника из вотчин боярина И. Н. Романова и двух посадских людей из Дорогобужа), были им возвращены, но рвение Нерадовского было ему зачтено. Он получил обычный набор наградных подарков[178].

В сентябре 1645 г. в Сургут прибыл новый таможенный голова, посадский человек Устюга Великого Филипп Протодьяконов. До него эту должность временно занимал (вместо отставленного от дел Свахина) тобольский посадский Иван Москвитин. Интересно отметить, что Протодьяконов оказался «грамоте не учен», к тому же таможенные целовальники, присланные из Тобольска, тоже были неграмотными. Протодьяконов отписал об этом в Москву, озадачив руководство вопросом: как быть, если росписи на таможенных книгах ставить некому? При этом таможенном голове произошло изменение в организации таможенной службы в Среднем Приобье. Царской грамотой (пришла в июне 1646 г.) пошлины «за Нарымский и Кетский остроги», а также с судов посаженную пошлину и с людей головщину указано было собирать в Сургуте. Книги собранных пошлин голова должен был за своей подписью относить воеводе[179].

Данное решение Сибирского приказа было инициировано челобитной известных торговых людей гостиной сотни (Исаака Ревякина, Кирилла Босого, Василья Федотова и других), в которой, в частности, говорилось, что нарымский и кетский воеводы брали с их приказчиков, возвращавшихся из Якутии, проезжие пошлины (по 5 коп. с человека). Сургутский воевода Измайлов и березовский Квашнин брали с промышленных людей по 30 руб. с каждой 1000 руб. товаров. Жалобы торговых людей на действия конкретных воевод имели итогом указ общего характера, по которому сибирским воеводам (кроме

Тобольска) запрещалось «ведать» проездом торговых и промышленных людей и, соответственно, — выдавать им проезжие грамоты со сбором печатных пошлин. Все это отныне относилось исключительно к ведомству таможенных голов. Поскольку в Нарыме и Кетске таможен не было, то взимание проезжих пошлин за эти остроги было возложено на сургутского таможенного голову. Собранные деньги должны были отсылаться воеводам Нарыма и Кетска[180].

В то же время продолжало существовать нечеткое разделение таможенных обязанностей воевод и голов. Сургутский воевода Измайлов вскоре по получении указа докладывал в Москву, что ранее воеводы (в том числе и он) отпускали на зверовые промыслы на реке Вах промышленных людей (весьма показательно, что «вымич и сысоличей», то есть выходцев из коми-зырянских земель), а после собирали с добытых соболей десятую пошлину в съезжей избе. Следуя запрещению вмешиваться в сбор таможенных пошлин, Измайлов говорил голове Протодьяконову о том, чтобы он взял десятую пошлину с промысловиков, вернувшихся с Ваха в 1646 г. Однако голова сослался на то, что у него есть только указания брать пошлины с товаров торговых людей. Из Москвы специальной грамотой разъяснили, что промышленных людей отпускает на промыслы воевода, поэтому десятая пошлина с них по-прежнему собирается в съезжей избе, а не в таможне[181]. Деньги таможни, судя по документам разных сибирских городов, в конце концов тоже поступали в распоряжение воеводы и расходовались на местные нужды.

Исключение составляли таможенные деньги, собранные на Обдорской заставе и Собском устье, которые отсылались в Тобольск. В 1656 г. возник конфликт между тобольским воеводой князем А. И. Буйносовым-Ростовским и березовским воеводой С. А. Малым. Последнему от имени всех березовских служилых людей была подана челобитная, в которой говорилось, что прежде их годовое жалованье могло выдаваться из сумм таможенного дохода. Воевода забрал у таможенных голов 577 руб. и доплатил жалованье служилым людям за 1653/54 (полностью) и 1654/55 г. (частично)[182]. В октябре 1656 г. Малой получил грамоту из Москвы от имени царевича Алексея Алексеевича (сам царь находился в отъезде в связи с войной с Речью Посполитой) с указом давать ежегодно жалованье казакам, ружникам и оброчникам из обдорских таможенных доходов. Выполняя распоряжение, воевода таможенный сбор 1655/56 г. (322 руб.) потратил на жалованье служилым людям за этот же (уже истекший) год. Этим фактом оскорбился тобольский воевода, требуя присылки обдорских денег. В своей отписке в Москву Малой резонно сослался на царскую грамоту[183]. В данном конфликте отчетливо

проявилась двойственность подчинения уездных сибирских воевод, создававших для них неприятные положения.

Мне представляется, что ввиду запутанности таможенной системы в Сибири, таможенные головы сами порой были не уверены, в каких городах и с чего надо было собирать пошлины. Следующий пример является тому яркой иллюстрацией. В 1639 г. в Мангазее подали челобитную торговые и промышленные люди (в основном поморских городов) о десятой пошлине. Они писали, что издавна при проезде в Мангазею с «русскими товарами» в самой Мангазее десятая пошлина с этих товаров не бралась, поскольку они платили ее в других сибирских городах (надо думать, в Верхотурье или Тобольске) и на Обдорской заставе. В 1629 г. была сделана попытка брать десятую пошлину с товаров в Мангазее, однако по специальной грамоте из Москвы деньги были возвращены торговым людям. В 1632 г. таможенные головы снова попытались брать пошлину с привозимых товаров. По жалобе торговых людей из Тобольска прибыла сыскная комиссия в составе письменного головы Ф. Шарапова и подьячего Ф. Иванова: «и по их сыску с двух концов брать десятой пошлины не довелось». По словам торговых людей, они меняли свои привозные товары в Мангазее и Туруханске на соболей, с которых и платили десятую пошлину мехами. Видимо, на то время еще не было установлено четкое правило, согласно которому пошлина с товаров бралась только в том городе, где они продавались; поэтому таможни на «разрешенных» путях в Мангазею (Верхотурье, Тобольск и Обдорская застава) считали возможным собирать десятую пошлину с товаров, следующих далее в Сибирь.

Мангазейские таможенные головы сами, очевидно, не имели по этому поводу четких указаний. Например, головы Д. Мокиев и М. Футин (1633–1635 гг.) брали пошлину только с покупных (меновых) соболей, но не с товаров. С 1636 г. головы И. Кокорин и П. Брагин стали брать десятую пошлину с товаров «неведомо по какому указу». В 1639 г. новый таможенный голова И. Толстоухов заявил торговым и промышленным людям, что будет собирать десятую пошлину с товаров. Торговые люди резонно указывали, что в итоге получается не десятая, а «пятерная» пошлина с товаров, что для них весьма разорительно. Просьба челобитчиков заключалась в том, чтобы: 1) брать десятую пошлину с товаров только один раз; 2) не брать эту пошлину в Мангазее с товаров и хлеба, приобретенных в Сибири (она уже уплачена в других городах); 3) платить десятую пошлину только с приобретенных мехов, причем мехами же[184]. Ответная реакция на эту челобитную Сибирского приказа неизвестна.

Выше (гл. II) уже говорилось об упадке торгово-промышленных походов в Мангазею к концу 1630-х годов. Упоминавшийся таможенный голова Иван Саблин докладывал в Москву, что в 1656 г. «пришло в Мангазею морем на государевых кочах промышленных людей 7 человек» с товарами на 184 руб., а торговых людей не было вовсе. Саблин резюмировал: «И нынешнем, государи, во 165-м году (1656/57) в Мангазее на Тазу ваша государева таможенная десятая денежная и соболиная пошлина не сбираетца, да и сбирать, государи, не с ково, нихто торговых и промышленных людей в Мангазее не зимует и никаких торгов и промыслов нет»[185].

В середине XVII в. таможенная политика Русского государства претерпела серьезные изменения, что на законодательном уровне было отражено в указе о реформе таможенного дела от 25 октября 1653 г. (Торговый устав 1653 г.). Он отменял внутренние проезжие пошлины и вводил единую рублевую пошлину в размере 5 коп. с цены продаваемого товара; однако она бралась и с денег, на которые приобретался товар, и с продажи товара. Основное назначение указа состояло в установлении единой рублевой пошлины с продажной цены товара и замене ею прежних разнообразных мелких пошлин. Торговый устав упрощал и упорядочивал таможенную систему в европейской части России. В 1667 г. был введен Новоторговый устав, чьи статьи в отношении внутренней торговли базировались в основном на положениях Торгового устава 1653 г.[186] На Сибирь, однако, новое таможенное законодательство не распространялось: на ее территории продолжали сохраняться проезжие пошлины и основная десятая пошлина. По наблюдениям А. Н. Копылова, в середине 1680-х годов в Сибири существовало в разных городах около трех десятков таможенных пошлин[187].

Наказы таможенным головам и таможенные книги городов и острогов Западной Сибири убедительно свидетельствуют о том, что торговля в Сибири во второй половине XVII в. была изъята из общерусского законодательства. В Кетском остроге в 1628/29 г. таможенный сбор, осуществляемый воеводской избой, состоял в основном из десятой пошлины и указного оброка (25 коп. с человека). Если в остатке от таможенного сбора 1627/28 г. было 65 руб., то за период с 1 сентября 1628 по начало июня 1629 г. было собрано всего 24 руб.[188] Таможенные сборы в Сургуте в 1674/75 г. показывают следующую картину. Пошлины, собранные за Нарымский острог (одновременно с Кетским), составили 11,5 руб. Основной таможенный сбор в это время в Сургуте давали пошлины: десятая, перекупная, головщина, пошерстная пошлина, годовой оброк (который уже составлял не 25, а 50 коп. с промышленного человека), посаженная

пошлина (с водного транспорта проезжих людей). Всего таможенным головой устюжанином С. Загибаловым этих пошлин было собрано на 177 руб., причем львиная доля сбора (155 руб.) приходилась на три летних месяца и сентябрь. Печатные пошлины с проезжих грамот дали таможне доход в 4 руб. 20 коп. Наконец, специальная книга отразила сбор банной пошлины с проезжих людей (на веники, дрова и камни — по 25 коп. с человека). Всего обязательной банной пошлины поступило в таможню 10 руб. (то есть в бане имели удовольствие побывать 40 человек). За вычетом «нарымских» пошлин в съезжую избу сургутскому воеводе поступил 191 руб. таможенных сборов, причем таможенный голова сдавал деньги помесячно[189].

В 1673 г. в Москве был выдан наказ новому березовскому таможенному голове устюжанину В. Протопопову. Наказ был стандартным, поскольку в неизменном виде перешел к следующему после Протопопова таможенному голове. В нем перечислены пошлины, которые должен был собирать голова и приданные ему из Тобольска целовальники. Это — десятая и проезжая, померная, посаженная, пошерстная, явчая (с гулящих людей) пошлины, «как збирывали на Березове... по наказным прежним памятем наперед прежние таможенные головы»[190]. Таможенная книга 1686/87 г. отразила небольшой сбор в этом городе. Так, в сентябре таможенный доход составил 5,5 руб, в октябре — 3,5 руб., в ноябре — всего рубль; лишь в июне отмечен сбор в 39 руб. (сведения за июль и август отсутствуют). Основной доход по-прежнему приносила десятая пошлина, проезжая пошлина в книге не фигурирует[191]. В связи с прекращением в Северо-Западную Сибирь потока торговых и промышленных людей Обдорская и Собская заставы перестали оправдывать свое содержание. В мае 1697 г. из Москвы в Березов пришла грамота, в которой говорилось, что еще недавно, в 1680–1685 гг., на Обдорской и Собской заставах собиралось пошлин от 120 до 150 руб. Грамота напоминала распоряжение, по которому данные таможенные заставы переходили от Тобольска в ведение Березова. Поводом к этому послужил тот факт, что в 1695 г. из Тобольска на заставы были отряжены стрелецкий голова Иван Аршинский, подьячий и 30 служилых людей. Их жалованье составило 155 руб., в то время как таможенный сбор составил всего 9 руб. 75 коп.[192]

В 1680–90-е годы для Сибири была проведена таможенная реформа. Опасаясь понижения таможенных доходов, правительство в то же время было вынуждено считаться с мнением торговых людей, которые указывали в своих челобитных на разорительность для них торговых операций в Сибири. Именно колебаниями Сибирского

приказа объясняется тот факт, что реформа затянулась на ряд лет, имея на разных этапах непоследовательный характер. В конце 1686 г. состоялся приговор об отмене проезжих и различных мелких пошлин в Сибири. Десятая пошлина с товаров и денег сохранялась. На основе этого приговора в 1687 г. в сибирские города были разосланы соответствующие грамоты. К 1689 г. руководители Сибирского приказа обнаружили, что: 1) в европейской части страны торговля регулируется правилами Новоторгового устава 1667 г. и более поздних дополнений к нему; 2) таможенные статьи 1687 г. для Сибири опирались на эти новоторговые статьи, в которых «о сибирских пошлинах имянно не написано». Поэтому в 1689 г. были составлены специально для Сибири дополнительные статьи к положениям Новоторгового устава 1667 г.

Наличие разосланных по сибирским городам грамот со статьями, порой противоречащими друг другу, создало путаницу для таможенных голов и воевод, контролирующих финансовую отчетность таможен. В итоге в стенах Сибирского приказа в 1693 г. был создан первый таможенный кодекс для всей Сибири, статьи которого регламентировали внутреннюю и внешнюю торговлю на ее территории[193]. Новые статьи подтверждали отмену проезжих пошлин, сохраняли десятую пошлину, распространяя ее на товары местного производства, и фактически вводили вторую десятую пошлину (перекупную) с пушнины, а также с моржовых клыков и китайских товаров. В целом кодекс 1693 г. увеличивал тяжесть налогового обложения, что привело к резкому сокращению поездок торговых людей в Сибирь. В 1698 г. правительство было вынуждено отменить статьи 1693 г. и заменить их новыми (всего 22 статьи). Перекупная десятая пошлина (то есть вторая) была отменена, как и уплата десятой пошлины «с приценки» товаров при перемещении внутри Сибири. Кроме одноразовой десятой пошлины, которая стала взиматься только в «порубежных» Верхотурье и Нерчинске, с приезжих торговых людей брали поголовщину (50 коп. один раз в год). При торговле на гостиных дворах взималась амбарщина по 5 коп. с человека за неделю, если товары хранились в деревянных амбарах, и по 10 коп.— в каменных. Введение статей 1698 г. облегчило тяжесть таможенных сборов в Сибири и способствовало дальнейшему развитию экономических связей между ней и европейской частью России[194]. Вследствие угасания масштабных пушных промыслов и введения правил 1698 г. таможенный сбор в Северо-Западной Сибири к концу XVII в. стал ничтожно мал; на местных рынках ведущее положение заняли небольшие торговые операции русских старожилов Сибири.

3. У истоков русского старожильческого населения Численность первопоселенцев.

В XVII в. русское постоянное население Северо-Западной Сибири было немногочисленным и размещалось почти исключительно в городах. Именно к этому времени относится начало образования ядра старожильческого населения в таежной и полярной зонах Западной Сибири. Слово «старожилы» в отношении русских Сибири не имеет в научной литературе общепринятого определения. Вполне правомерен вывод А. А. Новоселовой, что «русское население Сибири, которое называют «старожилами», не представляет собой единой группы по культуре, происхождению, времени переселения в Сибирь»[195]. Как пишет Р. В. Каменецкая, «разновременность переселения, различные физико-географические условия обитания и многие другие факторы обусловили образование групп старожильческого населения, в значительной степени отличающихся друг от друга». Так, в отдельную группу Р. В. Каменецкая считает возможным объединить «малочисленные и разрозненные группы русских старожилов полярного ареала, сложившиеся в результате ранней северной волны русской колонизации» (от низовьев Оби и Енисея до северной Якутии и побережья Тихого океана)[196].

Слово «старожилы» обретает свой смысл только в противопоставлении «новоселам». Русскими старожилами современных ХМАО и ЯНАО могут, видимо, считаться проживавшие на Обском Севере в XIX–XX вв. потомки первопоселенцев XVII в. (в меньшей степени XVIII в., поскольку, как выяснила Н. А. Миненко, население в это время увеличивалось медленно и в основном за счет естественного прироста[197]).

При основании за Уралом новых городов первоначальный состав их жителей состоял из выходцев разных географических областей России. В наказе первому воеводе Пелыма князю П. И. Горчакову указывалось прибрать в постоянную конную службу 50 человек. Из контекста наказа следует, что этот контингент следовало набрать в основном из терских казаков. Они, очевидно, входили в состав объединенного отряда Н. В. Траханиотова и П. И. Горчакова. Последний должен был обратиться специально к терским казакам с «жаловальным словом, чтоб они государю послужили». Интересно, что в наказе оговаривалось жалованье (7 руб., по 7-ми чети муки и овса человеку) неким «польским казакам»[198]. Присутствие в документе каких-то «польских» казаков требует объяснения. Можно

допустить, что в данном случае слово «польские» производно от слова «поле». Так, ветеран «сибирского взятья» Гаврила Иванов казаковал «на поле 20 лет у Ермака в станице и с ыными атаманы»[199]. В конце XVI в. широкое распространение получила практика привлечения на государеву службу (временную и постоянную) вольных казаков. Если трактовать слова «польский» и «вольный» как синонимы, то перед Горчаковым в 1593 г. ставилась задача привлечь на постоянную службу в гарнизон Пелыма 50 человек из вольных терских и других казаков. К ним же указывалось набрать до 100 стрельцов пешей службы. Возможно, это указание было выполнено; известно, что в 1594 г. на Пелыме служили терские, вольские (волжские) и донские казаки[200].

Сведения о первоначальном количественном составе русских жителей Пелыма и уезда в 1594–1605 гг., содержатся в отписке 1623 г. воеводы И. М. Вельяминова в Москву. Всего «было на Пелыме служилых людей и жилецких и пашенных крестьян 325 человек». В 1594 г. 50 стрельцов, набранных в свое время на Вятке, были отпущены обратно. В 1594 г. терские и волжские казаки станицы Темиря Иванова (количество неизвестно) были включены в состав отряда основателей Сургута, а сколько-то служилых людей из «литвы» отправились в 1598 г. в Тару. В Холмогоры были отпущены 20 человек (очевидно, стрельцов из сборного отряда Траханиотова и Горчакова). Дальнейшие подсчеты Вельяминова, как представляется, уже не относятся к служилым людям. Он писал о переводе в Туринский острог 20 пашенных крестьян «пермских сведенцев» с семьями (не ранее 1600 г.), прибывших в Сибирь еще с отрядом Горчакова. К этой же категории относились 20 вятских колонистов; об их перемещении куда-либо из Пелымского уезда ничего неизвестно. В ссылку на пашню и в службу в Пелым было сослано 40 семей из Углича, после известных событий в мае 1591 г. (всего, по словам угличан, в Сибирь отправились 60 семей). В 1605 г. после занятия престола Лжедмитрием I угличан отпустили в родной город. На Пелыме вместе с отрядом князя Горчакова оказались девять московских посадских людей с семьями. Сначала из Москвы их в 1586 г. сослали в Каргополь, а затем уже в Пелым. В том же 1605 г. москвичей отпустили обратно. На государеву пашню в Пелыме были посажены и ссыльные калужане. Бывшим посадским людям было тяжело привыкнуть к крестьянскому труду. В своих челобитных они не раз жаловались, что «пашни пахать они не умеют» и потому вынуждены приискивать наемных «казаков»[201].

На протяжении XVII в. количественный состав гарнизона Пелыма был стабильным. В 1612 г. он состоял из 65 стрельцов, в середине

века — из 63, а в 1700 г.— из 66[202]. В 1645 г. пелымские стрельцы во главе с пятидесятником Пятункой Рожиным подали воеводе челобитную с просьбой не назначать из их состава таможенного подьячего, целовальников и тюремного сторожа. Стрельцы апеллировали к тому, что они выполняют всякие «лыжные и струговые службы», бывают в посылках на Верхотурье за хлебными запасами и за солью на Ямыш озеро: «и от тех посылок остается» в Пелыме только три человека[203].

Попытки заведения пашни в Пелымском уезде предпринимались, как мы видели, фактически с самого основания города. В 1599 г. по указу Бориса Годунова в сибирские города должны были отправиться 100 «пашенных людей», в том числе 20 — в Пелым. Затем число переведенцев сократили наполовину для каждого города. Крестьянам-колонистам причитались «подможные деньги» в размере 25 руб.[204] Однако какого-либо значительного развития русское земледелие в районе реки Тавды не получило. В челобитной 1600 г. все пашенные жители Пелыма заявляли: «А хлеб на Пелыме не родится», вследствие чего они с женами и детьми «помирают голодною смертью»[205]. Неудивительно, что в начале XVII в. пашенное население Пелыма не возрастало, а наоборот, уменьшалось. В Пелымском уезде возникло лишь две крестьянские слободы — Таборинская и Гаринская. В 1608 г. пелымскому воеводе было указано прибрать на пашню от 50 до 100 крестьян из «охочих людей» и поселить их в Таборах. Воевода отвечал, что таковых можно найти в уездах Перми Великой, после чего последовало соответствующее распоряжение пермскому воеводе. На основании этих данных П. Н. Буцинский считал, что Таборинская слобода должна была возникнуть вскоре после 1608 г. Однако известна отписка пелымского воеводы П. Н. Вельяминова (1621 г.) архиепископу Киприану, в которой говорится о построении пашенными крестьянами «нового усаду Тоборинской слободы» храма во имя Преображения. Просьба воеводы заключалась в присылке попа для освящения церкви[206]. Поэтому верней будет предположить о появлении самой слободы ближе к 1621 г. По первой переписи уезда 1625 г. в Таборинской слободе насчитывался только 21 человек, в 1645 г.— 26. Самым северным крестьянским поселением в Зауралье стала основанная в 1623 г. Гаринская слобода. В 1625 г. в ней было 11 дворов и 13 крестьян.

Первая перепись по Пелымскому уезду (1625 г.) зафиксировала всего 143 человек— служилых людей, ружников, оброчников и пашенных крестьян,— из которых 81 человек относился к стрельцам города и 45 — к пашенным крестьянам. В 1645 г. подгородных пелымских, таборинских и гаринских крестьян насчитывалось 56 че-

ловек; служили в Пелыме в 1650 г. 63 человек[207] В крестоприводной книге 1645 г., которой пользовался П. Н. Буцинский, в самом городе к присяге было приведено 126 человек, но это не значит, что все они были зачислены в службу. Число ружников и оброчников не могло быть большим (см. ниже об оброчниках Мангазеи и Сургута). К крестному целованию царю Алексею Михайловичу приводились все лица мужского пола, оказавшиеся на тот момент в Пелыме, начиная с воеводы. Таким образом, на 1645 г. около 60 человек относились или к родственникам служилых, или к проезжими через Пелым людям. В 1701 г. в Пелыме государево жалованье получали 81 человек (из них, по данным Н. И. Никитина, 66 были служилыми людьми)[208]. Вместе с женами, неверстанными в оклады родственниками и детьми — все постоянное население Пелыма насчитывало, видимо, около 350–360 человек. Государеву пашню обрабатывали во всем уезде 54 крестьянина. Все русское население Пелымского уезда к исходу XVII в. можно приблизительно определить в 550–600 человек.

Отряд основателя города Березова воеводы Н. В. Траханиотова состоял из 300 ратных людей, набранных «на Москве да на Коломне, да в Переяславле Резанском»[209]. Именно они составили первый гарнизон Березова. В его составе в 1596 г. были «донские и волские» казаки[210]. Местные служилые люди и стали называться казаками, хотя, как показал Н. И. Никитин, в Сибири фактической разницы между пешими казаками и стрельцами не было. В 1608 г. в Березове насчитывалось 314 служилых людей[211]. В 1627 г., согласно «Городовому списку Березова», гарнизон состоял из 3 детей боярских, 2 атаманов, 9 иностранцев («литва», немцы и черкасы), 280 казаков, пушкаря, толмача, сторожа съезжей избы, 2 воротников, дворника гостиного двора и тюремного сторожа[212]. В середине века численность березовских казаков снизилась до 240–250 человек, но к концу столетия вновь поднялась до 300[213].

Состав березовского гарнизона на протяжении XVII в. не мог быть неизменно наследственным. Часть казаков, участвуя в «дальних посылках», погибала в боях с «немирными иноземцами», а часть — оседала в других сибирских городах. В 1627 г. 30 березовских казаков участвовали в экспедиции Я. И. Хрипунова, отправленной на Ангару на поиски серебряной руды. В середине века березовские служилые указали, что более 100 «старых казаков» были переведены в свое время в Томск, Енисейск и Якутск. До 1629 г. 50 служилых людей из Березова посылались на годовую службу в Мангазею. В 1634 г. в Енисейск из Березова на постоянную службу было переведено сразу 50 человек (частично эти «переведенцы»

состояли из казачьих «наемщиков», гулящих людей, которые согласились за плату отправиться в Енисейск). При организации Ленского воеводства (1639 г.) в состав первого гарнизона Якутска попали и березовские казаки. Еще в 1652 г. служилые Березова четко помнили, что в Томск были отправлены 30, а в Енисейск — 50 казаков. В разборной книге служилых людей Томска 1680/81 г. 33 человека заявили, что их отцы и деды были переведены в Томск из Березова. В 1656 г. в Якутск отправились «на вечное житье» еще 10 служилых людей. В 1655 г. 36 березовцев вошли в «даурский» полк А. Ф. Пашкова, который отправился в Забайкалье[214]. В 1679 г. березовские казаки верно указывали, что служат они «всякие ваши государевы службы мангазейские и шиляские и кондинские и ленские и вилюйские, и томскую и енисейскую и даурскую»[215]. Тем не менее в Березове складывались старожильческие казачьи династии, родословия представителей которых восходят к началу XVII в. Совершенно нет оснований говорить о том, что в XVII в. служилые люди разных сибирских городов образовывали особые этнотерриториальные группы. Случалось так, что потомки родоначальников известных березовских фамилий оседали в других (чаще — восточносибирских) городах, создавая новые клановые ветви.

В начале XVII в. в Березове служил Алексей Галкин, который, по словам его правнука, енисейского «недоросля» Никифора Галкина (1699 г.), входил в состав казачьей дружины Ермака. Этот же факт привел в своей челобитной (1703 г.) и другой правнук Алексея, енисейский неверстанный сын боярский Василий Галкин[216]. Никифор Галкин сообщил, что его прадед служил в Березове атаманом 30 лет и, будучи послан в Мангазейский уезд, погиб «от иноземцев». В этих родословных преданиях вызывает сомнение лишь один факт. В сохранившихся от первой четверти XVII в. документах Алексей Галкин в качестве атамана не зафиксирован (и вообще отсутствует, в чем виновата скудость источников); скорее всего, он был рядовым казаком. Сыном Алексея был известный впоследствии землепроходец Иван Галкин, осевший в Енисейске. Интересно, что по окладной книге Березова 1627/28 г. Ивашко Галкин числился рядовым казаком с жалованьем в 5 руб. 25 коп.[217] Однако уже в 1629 г. Иван Галкин служил в атаманах в Енисейске. Зимой 1629/30 г. он командовал отрядом (40 человек), который совершил поход вверх по Енисею в земли тюркоязычных тубинцев[218]. Как свидетельствовали служилые люди енисейского гарнизона, И. Галкин был поверстан в атаманы в Тобольске «за отцову службу»[219]. Впрочем, своими деяниями в Восточной Сибири Иван доказал, что не зря получил чин атамана.

К числу березовских старожилов принадлежал казачий клан Аргуновых. Интересна биография незаслуженно забытого родоначальника этой фамилии Саввы Аргунова. Некоторые вехи его жизни известны из челобитной его сына Лазаря (1663 г.). Савва Аргунов принадлежал к тем «вольным» казакам, которые в конце XVI в. активно вербовались на государеву службу и участвовали в боевых действиях на самых разных окраинах Русского государства. Еще до появления в Сибири Савва казаковал на Дону, Волге и Тереке (возможно, его фамилия связана с названием реки Аргун — правым притоком реки Сунжа, которая, в свою очередь, является притоком Терека). В феврале 1590 г. Аргунов находился среди царских войск, которые осаждали шведскую Нарву. В Сибирь Савва пришел в составе отряда князя Петра Горчакова, который в 1595 г. был послан из Москвы усмирять восставших «иноземцев» Березовского уезда (в отряд входили и донские казаки). После подавления восстания Савва стал служить в березовском гарнизоне. В 1601 г. 70 казаков во главе с атаманами Иваном Пешим и Истомой Аргуновым отправили в Москву челобитную. Есть все основания для отождествления Саввы и Истомы. Для людей XVI–XVII вв. носить по два имени было делом обычным (одно имя христианское, другое — мирское, своего рода прозвище). Видимо, при жизни Савва (Савелий) был больше известен как Истома. Известно, что помимо Ивана Пешего и Истомы Аргунова в 1601 г. в атаманах пребывал еще Яков Чермной; для гарнизона в 300 служилых людей трех атаманов было вполне достаточно. Из челобитной Истомы Аргунова и его товарищей узнаем, что березовские казаки участвовали в разгроме селькупской Пегой орды (1597 г.). Между походом на Пегую орду и подачей челобитной Савва Аргунов принял участие в еще одном исторически важном событии — экспедиции князя Шаховского, в результате которой в 1601 г. была основана Мангазея. Следующей службой Саввы явилось участие в походе на Подкаменную Тунгуску, с чего началось объясачивание местных эвенкийских родов. Об этом походе историкам до сих пор ничего неизвестно; следуя логике изложения Лазаря Аргунова, поход состоялся в первые годы XVII в. Не обошли атамана стороной и кровавые события Смуты в центре России. Будучи послан в Москву, он попал в плен к полякам и был отправлен в Тушинский лагерь самозванца, откуда сумел бежать. Из Москвы Савву снова отправили в Березов. В 1628 г. он еще зафиксирован атаманом в именной окладной книге жалованья. По словам Лазаря, служба отца в Березове продолжалась 40 лет, значит, умер Савва Аргунов около 1635 г.[220]

Как и в других сибирских городах, в Березове в XVII в. складывается служилая верхушка гарнизона, своего рода казачий

«патрициат», состоящий из представителей определенного круга фамилий. Потомки местных детей боярских и атаманов имели все шансы получить со временем эти же чины (конечно, при условии собственной активной службы). В именной книге окладного жалованья 1627/28 г. (это самая ранняя из сохранившихся подобных книг по Березову) числился сам Истома Аргунов с окладом в 12 руб., а в рядовых казаках — его сын Иван[221]. В 1644 г. ясачным сборщиком в Обдорске зафиксирован казачий атаман Иван Аргунов, который к этому времени достиг чина умершего отца. В 1649 г. он был послан в Обдорск во главе казачьего отряда на помощь городку, осажденному самоедами. Другой сын, Васька Савельев Аргунов, в 1641 г. переписывал в Белогорской волости платежеспособное ясачное население, в 1647 г. упомянут в чине десятника, а в 1651 г. он же выявлял уклоняющихся от ясака аборигенов Казымской волости. Его сын Федот был в 1676 г. рядовым казаком. К сожалению, в документах XVII в. отчества сибирских служилых людей указывались редко, что затрудняет построение прямых генеалогий старожилов Березова. В 1663 г. Никита Аргунов ловил остяков Березовского уезда, подозреваемых в заговоре против русской власти[222]. В 1679 г. казачий атаман Федор Аргунов назван первым в челобитной, поданной на имя царя от всего березовского гарнизона. Он оставался атаманом еще в 1701 г.[223] По всей видимости, генеалогическая ветвь березовских Аргуновых прервалась уже в XVIII в. По крайней мере в работах Н. А. Миненко, где обрисована казачья верхушка Березова в XVIII столетии, Аргуновы отсутствуют[224].

Потомки Саввы Аргунова заняли прочное место среди русских старожилов Якутии. Сын Саввы Лазарь оказался в числе 50 березовских служилых людей, отправленных в 1638 г. в новообразованное Якутское воеводство. Сам Лазарь оставил след в истории восточносибирского мореходства неоднократными плаваниями на кочах из Якутска на Яну и Индигирку. Службу в якутских казаках продолжили сыновья Лазаря — Василий и Евсей. В следующем столетии якутские Аргуновы стали заметными людьми в местном гарнизоне. Иван Аргунов, например, в 1766 г. занимал должность казачьего головы, а другой представитель этого клана получил звание сибирского дворянина. Стоит добавить, что в 1680 г. томский казак Иван Карпов Аргунов указал, что его дед был выходцем из Березова[225].

К числу казачьей элиты Березова относились Лихачевы, Шаховы, Кокоулины, Бобарыкины. В конце XVI в. в Березове начал службу казак Иван Лихачев; в качестве такового он упоминается в 1608 г.[226] До нас дошла челобитная его сына Алексея Лихачева (начало 1640-х гг.)[227]. В ней он писал, что в 1632 г. Иван Лихачев,

будучи в Москве, хлопотал о поверстании его, Алексея, в дети боярские на выморочное место Савастьяна Струшинского. Эта просьба была удовлетворена. Уже в 1628 г. Иван Лихачев был одним из трех березовских детей боярских; умер он в 1639 г. Вскоре после этого Алексей бил челом об увеличении его хлебного жалованья, поскольку «топерво стал семьянист, з женою и з детишками сам семь». В дальнейшем Алексей Лихачев не раз посылался в Обдорск для сбора ясака. С 1644 г. известен сын боярский Родион Лихачев, который тоже был ясачным сборщиком в небезопасном Обдорске (1644, 1649, 1663 гг.)[228]. В крестоприводной книге 1676 г. по Березову среди 8-ми детей боярских названы Семен и Михаил Лихачевы, а среди рядовых казаков — Ивашко Иванов Лихачев[229]. На рубеже XVII–XVIII вв. ясачными сборщиками в Обдорске были Семен и Никита Лихачевы. Михаил числился на службе еще в 1701 г. В 1713 г. в березовском гарнизоне среди 14 детей боярских зафиксированы: Матвей, Иван, Никифор, Василий и Стефан Лихачевы[230].

Как и якутские Аргуновы, березовские Лихачевы достигли звания сибирских дворян и, занимаясь торговыми операциями на Обском Севере, сколотили к началу XIX в. приличное состояние. Можно отметить любопытную деталь: служебные обязанности почти всех Лихачевых были связаны с Обдорским городком. Во времена царя Алексея Михайловича сын боярский Алексей Лихачев заманивал в Обдорск самоедских князцов с целью захвата аманатов. Через 100 с лишним лет, в 1761 г., сын боярский Михаил Лихачев, заняв в Обдорске место приказного, должен был бдительно охранять острог, а особенно опасаться самоедов как народа «легкомысленного»[231].

Еще одна из старейших казачьих фамилий Березова — Шаховы. Дмитрий Никитич Шахов служил в казаках с 1604 по 1627 г., когда по приказу воеводы стал подьячим в местной таможне. В 1637 г. на него поступил донос присланных в Обдорск таможенных голов, смысл которого сводился к тому, что Шахов в таможенных пошлинах «норовит» многим людям, так как у него «на Березове роду и племени много». В результате повального опроса березовцев, проведенного воеводой, Дмитрий был оправдан в Москве и продолжал службу в таможне[232]. В 1630–40-х гг. казаками на Березове служили сыновья Дмитрия, Прохор и Никита Шаховы. В крестоприводной книге 1676 г. среди казаков зафиксированы Митька Васильев, Стенька Васильев, десятник Васька Микифоров Шаховы, а среди казачьих детей — Васька Иванов Шахов. В 1678 г. ясачный сборщик в Обдорске Иван Шахов выдержал 6-дневную осаду со стороны тундровых самоедов. Возможно, это тот самый Иван, который в 1713 г. (вместе с Никитой Шаховым) были подьячими приказной избы. Представители династии Шаховых известны и в XIX в.

Распространенной в Березове была фамилия Кокоулиных. Родоначальником этой фамилии был, возможно, Гаврила Кокоулин, о котором, впрочем, ничего неизвестно. В окладной книге 1628 г. значатся в рядовых казаках 4 Кокоулина — Васька Гаврилов, Семейка, Баженко и Ивашко. По документам 1640-х годов известен казак (он же кормщик на кочах, ходивших в Мангазею) Семен Гаврилович Кокоулин. Можно предположить, что Семен и Василий были сыновьями Гаврилы; в каких родственных отношениях с последним состояли Бажен и Иван, неизвестно. В 1649 г. Василий Кокоулин захватил в Обдорске первых аманатов из тундровых самоедов, в том числе вождя Больших Карачеев Пося Хулеева. В 1640 г. Бажен Кокоулин занял место умершего атамана Ивана Бобарыкина. В 1663 г. в чине сына боярского служил Иван Кокоулин. В списке березовского гарнизона на 1676 г. назван городничий Иван Семенов, а в казаках числились Лучка Семенов, Лаврушка Севостьянов, Митька Баженов и Фролко Кокоулины. В 1701 г. городничим в Березове был Андрей, а детьми боярскими — Фрол и Леонтий Кокоулины[233].

За вакантные места детей боярских и атаманов среди служилой верхушки Березова шла борьба. Старейшим казаком в Березове был Иван Бобарыкин, который начал служить еще в 1595 г. (видимо, он, как и Савва Аргунов, прибыл в Березов с отрядом князя Петра Горчакова). Краткие данные о родоначальнике березовских Бобарыкиных содержатся в челобитной его сына Федора (1640 г.), который упомянул, что в годы Смуты Иван «кровь свою проливал» под Москвой, а с 1613 г. был в Березове атаманом с окладом в 15 руб. В 1626–1627 гг. он по приказу тобольских властей пытался установить заставу на волоковом пути в средней части Ямала. Иван Бобарыкин умер в 1640 г., его место занял Бажен Кокоулин. Федор Бобарыкин к этому времени уже четыре года служил в чине сына боярского, но в 1640 г. по указу из Москвы (и по челобитью метившего на его место казака Первого Яковлева) был его лишен, потому что получил чин «по березовскому верстанью» (а не «московскому») воеводы А. М. Толочанова. Федор просил назначить его атаманом на место отца и указал, что на руках у него остались мать, братья и сестры — вместе с ним семь человек. В Сибирском приказе в конце концов восстановили его в чине сына боярского с прежним окладом в 8 рублей, 8 четвертей с осьминой ржи и 4 чети овса, который взяли из оклада умершего атамана[234]. В 1676 г. среди березовских детей боярских числился Семен Бобарыкин. В начале XVIII в. (1701, 1713 гг.) в березовской городовой команде служил сын боярский Иван Бобарыкин.

Одним из первых казаков в Березове был иноземец «литвин» Леонтий Михайлов. В 1641 г. его сын Михаил подал челобитную,

из которой узнаем, что Леонтий служил в Березове более 40 лет и в 1640 г., сопровождая в Москву ясачную казну, был убит самоедами на пути через Уральские горы. Михаил просил поверстать его в оклад отца (6 руб. денег, 6 четей ржи)[235]. В именной окладной книге Березова 1627/28 г. среди «литвы иноземцев» действительно зафиксирован Левка Михайлов с окладом в 6 руб.[236]

В XVII в. в Березове не было посадских «жилецких» людей, а торговые и промышленные люди в нем надолго не задерживались. Показателен приведенный выше факт назначения в таможенные подьячие в 1627 г. казака Дмитрия Шахова, хотя город существовал к этому времени больше 30 лет. При основании Березова в 1593 г. плотниками и строителями были 150 «даточных людей», набранных в приуральских уездах и затем отпущенных по домам. В дальнейшем по мере разрушения первоначальных городовых и острожных (вокруг посада) стен, выяснилось, что ремонтировать укрепления города некому. Например, в 1610 г. оказалось невозможным строить новый «город», потому что «служивых людей за мангазейскими и за годовыми службами и за посылками остается на Березове меньше трети, и те с караулов не бывают»[237]. Серьезная проблема возникла с возведением городовых (вокруг кремля) и острожных стен, уничтоженных пожаром 1642 г. Несмотря на неоднократные требования Москвы возобновить фортификационные сооружения Березова, воеводы не могли этого сделать из-за нехватки служилых людей. Кремль был обнесен только малым острогом из уцелевших от пожара «старых острожин». Показательно, что хотя территория за пределами кремля традиционно называлась посадом, состояла она только из «казачьих слобод»[238]. В 1647 г. березовские казаки, как уже говорилось, отказались строить вновь сгоревшую соборную церковь Рождества Богородицы, ссылаясь на свою занятость и бедность.

На территории Березовского уезда в XVII в. не было поселений с русским населением. Источники не дают оснований говорить, что даже в Обдорском городке имелось постоянное русское население. Не было в нем и березовских годовальщиков, кроме, может быть, двух-трех человек. Так, в 1626 г. в Обдорске, по словам торговых людей, находились приказные сын боярский Иван Мокринский и казак Василий Кокоулин[239]. Ритм жизни городка был своеобразным. К 1620-м годам в низовьях Оби уже существовали две таможенные заставы — Обдорская и Собская, объединенные общим управлением. Деятельность застав продолжалась только в летнее время, когда через Северный Урал в обоих направлениях двигались потоки промышленных и торговых людей. Для сбора таможенных пошлин из Тобольска сначала назначались письменные головы, а с 1630-х годов

Обдорской и Собской заставами стали ведать таможенные головы, присылаемые в Березов или из Европейской России, или из Тобольска. Ввиду оживленности «чрезкаменного» пути летом таможенные головы в сопровождении березовских казаков выезжали в Обдорск и раскидывали сеть караулов, дабы торговые люди не могли объехать заставы. В остальные сезоны таможня в Обдорске не функционировала — «потому что место пустое, и в сибирские городы тою дорогою зимою никто не ездит»[240].

Вплоть до конца XVII в. Березов оставался «служилым» городом. Помимо казаков, русское население состояло из небольшого количества ружников (церковнослужителей), оброчников и подьячих съезжей избы. В 1699 г. в Березове насчитывалось 311 казаков, 20 ружников и оброчников и всего трое посадских людей[241]. Все русское постоянное население Березовского уезда к концу столетия можно определить в 1200–1300 человек.

В Мангазейском уезде (до 1672 г.), как и в Березовском, русское постоянное население проживало в самом городе и в Туруханском зимовье. По вопросу определения числа жителей Мангазеи я вынужден оспорить утверждения М. И. Белова, который в свое время писал: «В Мангазее был значительный посад, не уступавший по своей численности посадам многих сибирских городов, таких, как Березов, Туринск, Верхотурье, Томск»; в период расцвета «во всей Мангазее постоянное население составляло солидную цифру — 715–748 человек»[242].

Кто же действительно проживал в городе в недолгие 70 лет его существования? Как уже говорилось, экспедиционный отряд основателя Мангазеи князя М. М. Шаховского, состоявший из 100 казаков, еще на пути к Тазу потерял в бою с ненцами 30 человек. Осенью 1601 г. на смену Шаховскому прибыл воевода князь В. М. Рубец-Мосальский с отрядом в 200 служилых людей. Следующий воевода сменил предыдущего в 1603 г.; отряд «годовальщиков» состоял из 100 человек. Такой порядок — посылка в Мангазею временных годовальщиков из Тобольска и Березова — сохранялся до 1625 г. В этом году, как вспоминали в 1640 г. мангазейские стрельцы, «по росмотру» тобольского главного воеводы князя Ю. Я. Сулешева в Мангазею были посланы «на житье з женами и з детьми 50 человек... и по твоему государеву указу воевода Григорей Кокорев (в 1629 г.— Е. В.) прибрал нас вновь 40 человек». Создание постоянного гарнизона в Мангазее стрельцы напрямую связывали с распространением русской власти на Таймыр и за Енисей, где возникали ясачные зимовья, требовавшие присутствия служилых людей. Стрельцы указывали, что ранее присылаемые годовальщики ходили только по ясачным ближним зимовьям[243].

Действительно, городовой список Мангазеи 1626 г. зафиксировал в составе гарнизона 53 стрельца; кроме того, из Березова продолжали до 1629 г. присылаться 50 годовальщиков. В 1639 г., как следует из коллективной челобитной мангазейских служилых, их насчитывалось 90 человек. В 1641 г. воевода князь Н. М. Борятинский отписывал в Тобольск, что в гарнизоне служилых людей «всяких чинов» 95 человек. По подсчетам Борятинского, после рассылок по ясачным зимовьям и с заданиями другого рода в Мангазее для охраны города должно остаться всего 11 стрельцов. В 1652 г. служилых людей в Мангазее во главе с стрелецким сотником Дементием Тишковым насчитывалось 100 человек[244]. По именной книге выдачи хлебного и соляного жалованья за 1666 г. всего в Мангазее стрельцов, ссыльных «литвы» и немцев, ружников и оброчников насчитывалось 172 человека; женатых стрельцов было меньше, чем холостых.[245] Хорошо известно, что в 1660-е гг. жители Мангазеи постепенно перемещались в Туруханск; окончательный переезд, санкционированный Москвой, состоялся в 1672 г. По данным крестоприводной книги 1676 г., гарнизон Туруханска насчитывал 145 человек, в том числе 3 детей боярских, 4 человек «иноземного списка», 7 «литовского списка» (выходцы с территорий Речи Посполитой), стрелецкого сотника, пятидесятника, 9 стрелецких десятников, 111 стрельцов и 9 толмачей «тунгусских, остяцких и самоедских». Книга зафиксировала в Туруханске 71 посадского человека и 166 промышленных людей[246].

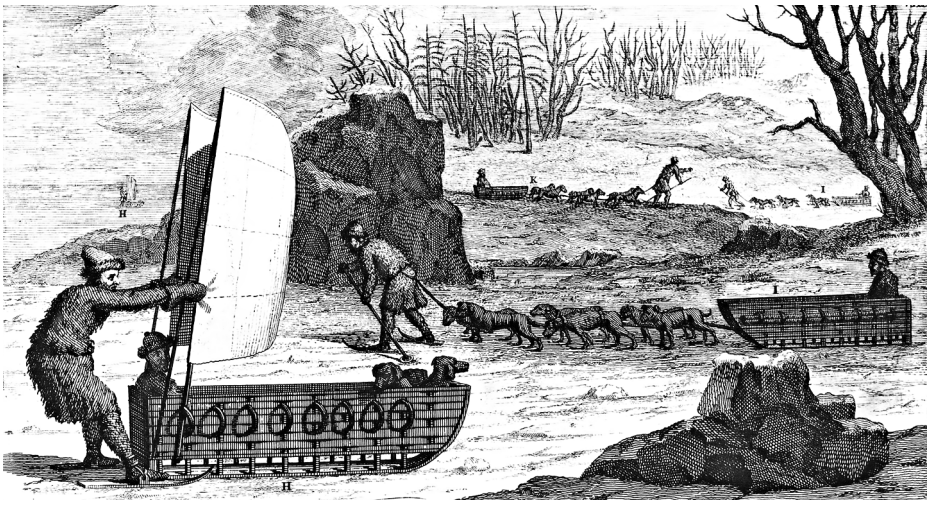
В связи с вопросом о количестве постоянного населения Мангазеи не очень понятно стремление М. И. Белова представить заполярный город как поселение со значительным посадским населением. Между тем сам исследователь приводит сведения источника 1644 г., где зафиксированы только пять посадских людей[247]. Совершенно неверны суждения М. И. Белова о характере занятий так называемых «оброчных людей», которых он относит к «жилецким людям» и для 1650 г. насчитывает в Мангазее 119 человек[248]. Оброчники в сибирских городах XVII в.— это люди, не входившие в списочный состав гарнизона, но несшие определенные казенные службы (подьячие, таможенные целовальники, сторож приказной избы, пушкари, воротники, палач) и потому получавшие (как и церковнослужители — ружники) государево жалованье. Их служба в пользу государства, указывая на малопонятное нам ассоциативное мышление людей XVII в., и называлась «оброком». Ясно, что оброчников в Мангазее за все время ее существования не могло быть много.

В годы расцвета в Мангазейском уезде пушных промыслов в самом городе могло зимовать до тысячи и более промышленников,

однако относить их к постоянному населению нельзя. В. А. Александров отметил медленное превращение промышленников Мангазейского уезда в постоянное население: «Промысловый быт и постоянные поездки на местные и поморские рынки для реализации добытой пушнины и обеспечения очередного охотничьего сезона тормозили оседание русских промышленников»[249]. На реке Таз, видимо, существовали зимовья промышленных людей, которые исчезли вместе с запустением Мангазеи. Так, известно, что в 1651 г. в Мангазейский уезд приходили тундровые самоеды «и хотели де в Мезенских зимовьях тобольских и мангазейских служилых людей побить» (они находились там для рыбной ловли)[250].

Исследуя процесс формирования русского старожильческого населения в северной части Мангазейского (затем Туруханского) уезда, В. А. Александров пришел к выводу, что оно начало складываться не ранее середины XVII в. Вместе с переносом центра уезда из Мангазеи в Туруханск с реки Таз ушли и русские промышленники. Дальнейшая история складывания старожильческого населения полярной зоны связана с ростом населения уже Туруханска и появлением постоянных зимовий на нижнем Енисее, Таймыре и на побережье Ледовитого океана. В 1699 г. в Новой Мангазее служилых людей, ружников и оброчников насчитывалось 168 человек, посадских жителей города — 65 человек[251]. Как свидетельствуют статистические материалы начала XVIII в., большинство посадских Туруханска постоянно проживали в зимовьях и станах, расположенных вниз по Енисею, на реках Хатанга, Хета, Дудинка. По переписным книгам 1710 г. в Туруханском уезде насчитывалось 276 дворов, в которых проживало 1400 мужчин, женщин и детей[252]. Значит, отношение числа дворохозяев к общему количеству населения было 1:5, что, видимо, верно и для других северных уездов.

От «мангазейщиков» и «туруханщиков» середины XVII — начала XVIII в. ведет свое происхождение более позднее русское население севера Енисейского края, которое стало называться «затундренными крестьянами». Сравнивая пофамильный состав жителей Туруханского уезда начала XVIII в. с таковым же в переписи затундренных крестьян 1926/27 г., В. А. Александров обнаружил совпадения 16 фамилий (одних только Аксеновых в 1927 г. насчитывалось 109 человек от общей численности в 452 человек). В. А. Александров пришел к выводу, который еще никто не оспорил: «В массе русское постоянное население Мангазейского уезда сложилось в первой четверти XVIII в. Это было время расцвета русского освоения севера Енисейского края, огромных пространств тундры и побережья «Студеного моря»[253].



Парусные сани — Средство передвижения русских на севере Мангазейского уезда. Рисунок из книги Н.Витсена «Северная и Восточная Тартария». Конец XVII в.

Основанный в 1594 г. Сургут строился ратными людьми разных городов. В наказе основателям города князю Ф. П. Борятинскому и письменному голове В. Аничкову ничего не сказано о том, что они направлялись за Урал во главе военного отряда. Вообще в наказе ответственность за формирование отряда больше возлагалась на голову, чем на воеводу. Аничкову предписывалось ехать через Пермь Великую в Лозьвинский городок (существовал в 1589–1598 гг.), где взять у воеводы князя А. В. Елецкого по росписи артиллерию, порох, свинец и хлебные запасы. Замечу, что весной 1594 г. Елецкий должен был двинуться вместе с Аничковым в Тобольск; первому предстояло основать город Тару, второму — Сургут. В Пелыме Аничкову указывалось взять по росписи у местного воеводы казаков. Судя по наказу следующим сургутским воеводам (февраль 1595 г.), с Пелыма были взяты «казаки терские, вольские и донские» во главе с атаманом Темирем Ивановым. Новым воеводам предписывалось уговорить этих казаков, чтобы они «потерпели и государю послужили», пока осенью 1595 г. не прибудут другие годовальщики.

В Тобольске к отряду должны были присоединиться местные служилые люди. Далее Аничкову (уже вместе с Борятинским) указывалось сплавиться до Обского городка, гарнизон которого (годовальщики «литва» и казаки) вливался в состав сборного отряда. Сам городок подлежал уничтожению. К 29 июня в Обской городок ожидались березовские казаки и остяки князя Игичея Алачева[254]. Таким образом, отряд основателей Сургута состоял из служилых людей

Пелыма, Тобольска, Березова и ликвидированного Обского городка. В тексте наказа упоминаются еще «новоприборные казаки», которые, видимо, и должны были стать основой постоянного гарнизона Сургута. К сожалению, в наказе отсутствует количественный состав каждой из единиц сводного отряда. К лету 1596 г. постоянный гарнизон Сургута, возможно, сформировался. Об этом свидетельствует наказ очередным воеводам, где говорится об организации похода на Пегую орду. Воеводе указывалось выделить из состава сургутских казаков и стрельцов 100 человек, «а в городе оставить 55 человек»[255]. В 1601 г., по данным челобитной служилых Сургута, его гарнизон состоял из стрельцов, казаков, «литвы» и черкас — всего 280 человек[256]. Возможно, какая-то часть служилых людей из экспедиционного корпуса, направленного в 1597 г. против Пегой орды, после похода была оставлена в Сургуте.

Первая из дошедших до нас по Сургуту книга окладного жалованья 1625/26 г. насчитывает 202 служилых человека и 14 ружников и оброчников. Начальными людьми над стрельцами и казаками были 2 атамана и 20 десятников[257]. Однако уже к этому времени первоначальный состав сургутского гарнизона почти полностью обновился. Об этом можно судить по любопытной отписке 1644 г. воеводы А. А. Измайлова в Сибирский приказ. Воевода докладывал, что, приехав в Сургут, он приказал быть на смотре всем служилым людям с пищалями. Однако только человек 30 явились на смотр с оружием. Отсутствие огнестрельного оружия служилые люди объяснили тем, что когда-то в Сургут были присланы стрельцы и казаки с Москвы вместе с пищалями. Из этого первоначального контингента 100 человек были переведены в Томск (видимо, при основании города в 1604 г.), другие же «на государевых службах побиты». Между прочим, в 1603 г. Г. И. Писемский (письменный голова при воеводе Ф. В. Головине) обнаружил, что убыль сургутского гарнизона за короткий срок составила 115 человек, умерших или убитых в дальних посылках[258]. Казаки заявили Измайлову, что они поверстаны «на упалые места», причем служат со своими пищалями, которые они же «проели для хлебной скудости»[259]. Таково было состояние вооруженности сургутских казаков в середине века.

В течение XVII в. гарнизон Сургута немного уменьшился (в 1650 г. было 190 служилых людей, в 1699–185[260]). Крупных переводов служилых людей из Сургута на постоянное житье в другие города более не было. Сургутские казаки были годовальщиками в Нарыме и Кетске до появления там постоянных гарнизонов, участвовали в основании Енисейска, временно служили в Красноярске. В 1650-е гг. они участвовали в походах на Амуре. Так, в 1655 г. при

обороне Кумарского острога от маньчжурских войск «бились явственно» 22 казака из Сургута[261].

Благодаря работам Н. А. Миненко, нам известен круг фамилий сургутских казаков и мещан XVIII — первой половины XIX в., которые определенно ведут происхождение от первопоселенцев XVII в.[262] Это Торопчаниновы, Кайдаловы, Кондаковы, Проводниковы, Силины, Вергуновы, Перфирьевы, Тупылевы, Бесперстновы, Ботолины, Куйвашевы, Батурины, Колпашниковы, Тверитиновы. Уже в 1609 г. известен сургутский десятник Иван Кайдалов, который был убит восставшими остяками в 1616 г.[263] В окладной книге 1625/26 г. среди рядовых холостых казаков отмечены Дмитрий и Иван Ивановичи Кайдаловы; видимо, их потомки (7 человек) фигурируют в разборной книге 1689 г. В XVIII в. клан Кайдаловых разросся: его представители были казаками и священниками. В 1625 г. в Сургуте служили Афанасий и Кузьма Ивановичи Кондаковы; первый был подьячим съезжей избы, второй — рядовым (женатым) казаком. Возможно, они и были основателями старожильческой династии. В 1689 г. по Сургуту служили 9 представителей клана Кондаковых.

В 1705 г. на имя государя бил челом сургутский десятник Андрей Торопчанинов (1674 г.р.). Он сообщил, что его отец Алексей служил по Сургуту 39 лет, из них 15 лет в должности атамана, и умер в 1698 г. Простые подсчеты показывают, что Алексей родился в 1634 г. Суть же челобитья Андрея сводилась к тому, что атаманское место его отца оставалось незанятым, пока в 1702 г. на него не напросился десятник Петр Батошков, который не принадлежал к числу местных старожилов (он приехал из Кетского острога). Челобитчик просил Батошкова из атаманов «отставить», а на отцовское место назначить его, Андрея. В Сибирском приказе выяснили, что в 1703 г. атаманские должности в Сургуте были упразднены, а вместо них введены должности двух сотников. В результате Батошкова предписывалось «от службы отставить», а Андрея Торопчанинова определить в сотники[264]. В окладной книге 1625/26 г. отмечены рядовые казаки Федька Юрьев и Якимко Иванов Торопчаниновы. Значит, впоследствии в Сургуте могли проживать представители двух линий этой фамилии. Как указывает фамилия, родословные корни ее представителей связаны с Торопецким уездом. В разборной книге 1689 г., помимо находящихся на службе Алексея и Андрея, указаны дети: сын Алексея Петр (10 лет) и Афонька (8 лет) Торопчаниновы. Здесь же из краткой записи выясняется, что рядовой холостой казак Петр Кузьмин Кондаков приходился внуком умершему в этом году Ивану Торопчанинову; на его место и был поверстан Петр Кондаков.

В 1625 г. в сургутском гарнизоне зафиксирован десятник Яков Юрьев Вергун, который сначала в 1590-е гг. служил на Таре. Как

утверждал Д. Я. Резун, он и был родоначальником многочисленного впоследствии клана Вергуновых[265]. В последнее десятилетие XVII в. источники отмечают четырех Вергуновых, находящихся на службе, и 11 их родственников м.п., включая малолетних детей. К старожилам Сургута относилась и фамилия Бесперстных. В книге 1625 г. указан женатый казак Осип Леонтьев Бесперстной и его холостой сын Иван. Последний прославился в Сургуте как знаток лечебных «кореньев». В конце XVII в. сургутскую службу несли 5 Бесперстных, у которых указано в общей сложности 8 детей м.п.

Распространенной в Сургуте была казачья фамилия Куйвашевых. В книге 1625 г. среди женатых рядовых казаков числился Юшко Никонов Куйдаш. Предполагаю, что он и был родоначальником Куйвашевых, как и то, что его прозвище, превращаясь в фамилию, несколько изменилось, дабы обрести благозвучие. Известно, что в 1616 г. из Сургута в Нарым с сообщением о восстании Тоньи-Кинемы был послан казак Юшко Буйдыш, в котором можно видеть того же Юрия Куйдаша[266]. В конце концов прозвище превратилось в фамилию не Буйдашев, а Куйвашев. По разборной книге 1689 г. в гарнизоне служили 5 Куйвашевых, причем упоминается казак Роман, на место которого в этом году был поверстан его внук 18-летний Сергей Куйвашев.

В 1649/50 г. атаманом в Сургуте был Евдоким Алексеев Ботолин[267]. Спустя 30 с лишним лет место атамана (одного из двух) занял Яков Ботолин. Казачью службу он начал в 1659 г. (в 11 лет), атаманом стал в 1687 г. Помимо Якова, в гарнизонном списке значились Митька и Гришка Ботолины. У Якова отмечены двое сыновей. Родоначальником сургутских Тупылевых являлся, очевидно, отмеченный в 1626 г. Лукьян Иванов Тупыль (Тупол). В начале 1620-х гг. он был остяцким толмачом, но в 1625 г. новокрещен Иван Парабельский пытался занять это место, получив даже соответствующую государеву грамоту. Однако воеводы грамоту проигнорировали и оставили в толмачах Лучку Тупола, опираясь при этом на челобитную ясачных людей, в которой те просили не назначать в толмачи Ивана Парабельского, потому что «он, Ивашко, и нуж их росказать не умеет»[268]. В разборной книге 1689 г. зафиксирован 70-летний Михаил Тупылев, который и мог являться сыном Лукьяна. В 1697 г. служил уже сын Михаила Осип Тупылев. Кроме того, в службе отмечены Максим (1689) и Петр Кузьмич (1697) Тупылевы.

К концу XVII в. весьма заметен в количественном отношении клан Силиных. Его представители являлись, видимо, потомками братьев Семена и Федора Савельевых Силиных, служивших в Сургуте в 1625 г.[269] В разборной книге 1689 г. в списочном составе

числились 6 Силиных, из которых старшими были Кузьма (48 лет) и Афанасий (46 лет), младшим — Роман (20 лет). В городовом списке 1697 г., основанном на именных окладных книгах, значится еще Петр Силин, имевший четырех сыновей в возрасте от 2-х до 16-ти лет. К этому времени в службу был поверстан сын Афанасия Федор (26 лет). Фамилии, которые произошли от прозвищ (в том числе указывающие на вид ремесленного занятия) легче проследить генеалогически, чем фамилии, образованные от имени отца или деда. В 1611 г. в приказе Казанского дворца давали консультацию сургутские атаман Тугарин Федоров и казак Первой Колпашник (по поводу целесообразности географического расположения Кетского острога)[270]. Первой — имя неканоническое, так называли первого родившегося сына. Возможно, христианское его имя было Прокопий, а в окладной книге 1625/26 г. значился уже его сын Федька Прокопьев Колпашников. В 1689 г. в сургутском гарнизоне служили Авдей и Андрей Колпашниковы. В 1697 г. Андрей по собственному челобитью был от службы отставлен, но к этому времени в казаки был поверстан его брат Лука.

Из сургутских служилых вышел известный землепроходец Восточной Сибири Максим Перфирьев (иногда эта фамилия произносилась как Перфильев; полагаю, что она произошла от имени Порфирий). О службе Максима в Сургуте никаких источников не сохранилось, но считается, что он возглавлял тех сургутян, которые были направлены в 1618 г. для строительства Енисейского острога (хотя прямых указаний источников на этот факт нет). Трудно избежать соблазна уделить несколько строк личности, весьма заметной в освоении Восточной Сибири. В специальной статье А. А. Бродников приводит данные из челобитной (1700 г.) сына Максима Ивана, иркутского сына боярского, в которой последний утверждал, что его отец служил «как почался быть Енисейской острог по Енисейску в атаманех и в детях боярских болши сорока лет». Автор статьи пишет, что последнее упоминание Максима Перфирьева (как живого служилого человека) относится к 1656 г.[271] Значит, сын М. Перфирьева верно указал срок службы отца по Енисейску (1618 — после 1656 г.). А. А. Бродников доверяет сообщению другой челобитной начала XVIII в., имя автора которой неизвестно (предположительно, один из внуков М. Перфирьева), а в документе нет начала и конца. Челобитчик утверждал, что Максим Перфирьев в качестве атамана участвовал в экспедиции князя М. М. Шаховского 1600/601 г., в результате которой была основана Мангазея. Я бы отнес это сообщение к разряду легендарных. Вопросы ранней биографии М. Перфирьева остаются пока без ответов. Если в начале века он

был атаманом (причем в Тобольске, Березов исключается), то каким образом в 1620-х гг. Максим начал службу в Енисейске подьячим? Когда и кем он служил по Сургуту?

В пользу того, что М. Перфирьев какое-то время служил в сургутском гарнизоне говорит наличие в этом городе служилых Перфирьевых. Их нет в окладной книге 1625/26 г., но в документации конца века в гарнизоне значатся 3 Перфирьевых и 7 их неверстанных сыновей. Максим мог быть каким-то родственником сургутских Перфирьевых (впрочем, Н. А. Миненко допускает, что Максим мог являться и просто их однофамильцем). В XVIII в. Перфильевы выходят в число «лутчих граждан» Сургута[272].

Основываясь на материале XVIII в., Н. А. Миненко отметила, что «к сургутскому «патрициату» в первую очередь относилось семейство Тверитиновых»[273]. Можно с определенной долей уверенности утверждать, что родоначальником этого семейства был зафиксированный книгой 1625/26 г. казачий десятник Анисим Яковлев Тверитин. Кроме него в рядовых казаках служили его сыновья, Мишка и Юдка. В разборной книге 1689 г. в сургутском гарнизоне в чине рядовых казаков отмечены два Ивана Тверитиновых, один из них — Михайлович. Отчество другого Ивана неизвестно, но у него был двоюродный брат Кузьма Юдин (неверстанный в службу, 47 лет). Тот же Кузьма, по городовому списку 1697 г., приходился двоюродным братом служилому Павлу Тверитинову. Об Иване Михайловиче (внуке Анисима) известно лишь, что он родился в 1642 г., а службу начал с 1663 г. Детей мужского пола у него не указано. Зато у другого Ивана (1647 г.р., служил еще в 1697 г.) было четыре сына и брат Роман; старший сын Григорий с 1696 г. стал дьячком при Троицкой церкви. В 1689 г. в службе отмечен еще и Семен Тверитинов (родился в 1642 г.); в 1697 г. у него было трое сыновей. Из всей этой родословной ясно, что у Анисима Тверитина было по крайней мере три сына: известные нам Мишка, Юдка и неизвестный по имени, чьими сыновьями были Павел и Иван. Последние числились в 1722 г. среди шести домохозяев Сургута, носивших фамилию Тверитиновых. Остаются неясными родственные отношения служивших в XVII в. Ивана и Семена к фамильной линии, идущей от десятника Анисима.

Сургутскими атаманами в первой четверти XVII в. были Тугарин Федоров и Богдан Сидорович Зубакин. Биография Тугарина Федорова уже вызывала специальный интерес историков, благо что сохранилась челобитная самого атамана (1626 г.) с просьбой об отставке и перечислением его «служб»[274]. В Сибири Федоров начал служить с 1591 г., с 1594 г. осел в Сургуте. Он был первым приказным человеком в Нарымском и Кетском острогах, возглавлял походы к

Енисею и реке Томь, принимал активное участие в событиях Смуты в центральной России: «с польскими и литовскими людьми и с русскими воры бился явственно и многижды был ранен». В 1626 г., как говорилось, атаман просил об отставке («от многих ран увечен») и поверстании в службу его 20-летнего сына Петра. Умер Тугарин Федоров, как известно из челобитной Кузьмы Горбунова, в 1639 г.

Челобитная Кузьмы Васильевича Горбунова, поданная в Сибирский приказ осенью 1640 г., как и приказные выписки по ней, интересны в нескольких отношениях[275]. Челобитчик сообщает, что «служил... отец мой в Сибири с Ермаком с тех мест, как Бог поручил Сибирь под твою государеву руку». Сам Кузьма служил по крайней мере с 1614 г. на Таре в конных казаках «литовского списка» и неоднократно участвовал в схватках с калмыками. В 1633/34 г. Горбунов был переведен из Тары в Сургут, на «выбылое место» атамана Б. Зубакина. Оказавшись в 1640 г. в Москве, Горбунов просил, чтобы ему назначили оклад умершего Т. Федорова. По окладной книге 1625/26 г. жалованье Зубакина состояло из 7 руб., 8 четей с полуосьминой ржи, чети круп, чети толокна и 2 пудов соли. Годовой оклад Федорова был больше на 8 руб., 5 четей ржи и пуд соли. Не совсем понятна фраза из челобитной Горбунова о том, что Федоров «лежал в розслабленье» 25 лет, а он, Горбунов, выполнял за него всякие службы и потому «обнищал и задолжал великим долгом». Возможно, человек, писавший за Горбунова челобитную, просто ошибся; Кузьма атаманствовал в Сургуте при жизни Федорова всего 5 (а не 25) лет. Просьба Горбунова была удовлетворена, ему отдали денежный и хлебный оклад Федорова. В дальнейшем мы не находим в служилой среде Сургута потомков первых атаманов — Зубакина, Федорова и Горбунова.

Обстоятельное исследование В. А. Александрова о русской колонизации Енисейского края полностью подтвердило положение о преимущественно поморском происхождении переселенцев в Сибирь в XVII в.[276] Вместе с тем ученый показал, что для разных районов Сибири места выхода колонистов, даже только из Поморья, варьировались в процентном отношении. Так, оседавшие в Мангазейском уезде переселенцы происходили из Северного и в меньшей степени из Центрального Поморья, в то время, как Енисейский уезд заселялся в основном выходцами из Центрального Поморья. В. А. Александров отметил, что в документации первой половины XVII в. вместе с именами еще фиксировались (но не всегда) места выхода колонистов; во второй половине столетия эти сведения для сибиряков 2–3 поколений стали уже излишними.

Сравнение именных окладных книг по Сургуту за 1625/26 г. и Березову за 1627/28 г. (а служилый контингент и являлся основным

источником формирования постоянного населения в «беспашенных» сибирских городах) показывает, что информация о географическом происхождении ранних переселенцев отражена в них с разной степенью полноты. В сургутской книге 30% имен имеют географические уточнения («Тверитин», «Москвитин», «Белозерец» и т.д.), в березовской книге подобные сведения единичны. Возможно, эта разница объясняется лишь особенностями ведения документации в съезжих избах этих городов. Всего в Сургуте окладная книга зафиксировала 202 служилых человека, из них географические прозвища имели 69 человек К уездам Русского Севера относились 30 человек (устюжане, усольцы, двиняне, мезенцы, колмогорцы). Прозвища «Вымитин», «Вычегжанин», «Сысолятин» носили 25 человек Вычегодско-Вымские земли (Яренский уезд) были заселены коми-зырянами, которые стали активными колонистами Сибири. Об этом писал в свое время В. А. Александров: «... наряду с русским населением из Поморья в Енисейский край переселялось большое количество и коми, которые в сибирских таможенных документах отмечались как ижемцы, сысоличи, вымичи, лузяне, вилежане»[277]. Надо заметить, что без этих прозвищ-фамилий коми-зырян среди первых поселенцев в Сибири практически невозможно отличить от русских; этнические особенности коми в документах не фиксировались. В списке сургутской книги значились выходцы из других городов России (13 человек) — Твери, Алексина, Москвы, Балахны, Луцка, Ярославля, Вологды, Нижнего Новгорода. Наконец, прозвища трех служилых имеют этническую окраску: Немчин, Арап и Литвин.

В березовской окладной книге отдельно написаны донские казаки (19 человек) и «литва иноземцы» (9 человек). Из географических и этнических прозвищ зафиксированы зырянин, москвитин, вязьмитин, ярославец, селижаровец (надо думать, от озера Селигер), пустозерец, калуженин, «асторохапец», новгородец и «немчиновы». Как говорилось, места происхождения большинства березовских казаков не указаны. В мангазейской книге сбора поголовной пошлины (1629 г.), в которой указаны кочи, их владельцы и количество прибывших на судах промышленников, прозвища имеются у 11 судовладельцев. Это выходцы с Ваги, Емцы, Мезени, Пинеги, Волока Пинежского, из Казани, Ярославля, Устюга, Соликамска, Холмогор, Тотьмы[278]. Даже эти отрывочные данные свидетельствуют о преимущественно северном потоке первых колонистов Сибири.

Для XVIII — первой половины XIX в. Н. А. Миненко сделала вывод, что расселение русских на территории Березовского и Сур-

гутского уездов «шло очень слабыми темпами»[279]. В отношении предыдущего столетия можно сказать, что это расселение вообще отсутствовало. Анклавы русских колонистов состояли из служилых людей, имевших постоянное проживание в городах. Исключение к концу XVII в. представлял Туруханский уезд, в котором приписанные к городу посадские селились в станках и зимовьях в низовьях Енисея. Население Сургута состояло почти исключительно из служилых людей и их семей. В 1673 г. воеводе М. Л. Кологривову было указано собрать с тяглых жителей Сургута десятую деньгу. В ответ воевода отписывал: «И в Сургуте, государи, земских старост и посадцких и торговых и промышленных и ремесленных людей никово нет, десятые деньги на вас... имать не с ково... А промыслов, государи, у служилых людей и торгов никаких нет»[280]. По ведомости сибирских городов 1701 г. в Сургуте проживало служилых, ружников и оброчников 200 человек (из них 185 — служилых). Значит, всего в Сургутском уезде русского населения проживало приблизительно 900–1000 человек Для сравнения укажем, что в середине XIX в. русских в самих Березове и Сургуте насчитывалось соответственно 890 и 1017 человек[281].

В Нарымский и Кетский остроги с момента их возникновения посылались годовальщики из Сургута (по 20 человек). В 1613 г. тобольские воеводы откликнулись на челобитье «нарымских жильцов Петрушки Каргопольца с товарыщи, что им в Нарымском остроге теснота великая, дворов ставити нельзя и огородишков устроить негде» Местному воеводе М. Т. Хлопову было указано перенести острог на новое место, где бы можно было «огороды и пашня устроить». В ответ он отписывал, что острог перенести на новое место некем, так как в Нарыме служилых людей всего 20 человек[282]. По смыслу документа здесь можно поставить знак равенства между служилыми и «жилецкими» людьми. Между тем еще в 1611 г. кетский воевода Г. Ф. Елизаров говорил о кетских и нарымских годовальщиках (последних было 20 человек). Он же весной 1612 г. сообщал, что в «Кетцком остроге годуют сургутцкие служивые люди»[283]. Таким образом, насчет Нарыма можно предположить, что в 1611–1613 гг. 20 служилых людей были устроены там на постоянное житье.

В 1625 г. в Нарыме проживало 42 человек м.п., в 1643 г.— 55 служилых, ружников и оброчников[284]. В середине века воевода А. С. Нарбеков сообщал в Москве, что в Нарыме, «местишке самом худом и малом», казаков, пушкарей и всяких жилецких людей всего 42 человека. В конце столетия в Нарымском остроге проживали 61 человек служилых, ружников и оброчников[285]. В Нарымском уезде

некоторое развитие получило земледелие, причем, кроме крестьян, им занимались и служилые люди. Так, В. Ф. Янов в челобитной о пожаловании указал, что за время воеводства в Нарыме (1622–1625 гг.) увеличил местную пашню. Об увеличении пашни на 50 десятин писал через 20 с лишним лет и воевода А. С. Нарбеков. В конце века государевых крестьян, которые обрабатывали десятинную пашню, было 13 человек (П. Н. Буцинский полагал, что все пашни находились на реке Парабель).

Когда появилось постоянное население в Кетском остроге, неизвестно. В 1641 г. в Кетске проживали 22 служилых человека и 8 ружников. В 1659 г. воевода С. Е. Лутовинов указал, что гарнизон Кетска состоит из 20 казаков. Других категорий русского населения в Кетском остроге не было. В конце столетия все русское население уезда состояло из 30 человек, получавших государево жалованье, и 24 пашенных крестьян[286].

Помимо городов крупным русским поселением стал Самаровский ям, населенный ямщиками. История возникновения Самаровского яма достаточно хорошо выяснена в литературе, как и пофамильный состав его жителей в XVII в.[287] Центральное правительство было вынуждено пойти на организацию двух ямов между Тобольском и Сургутом (Демьянского и Самаровского) вследствие многочисленных жалоб аборигенов Иртыша и Оби на тяжесть для них подводной гоньбы (см. гл. IV). Прибор ямщиков для Самарского яма осуществлял по указу 1635 г. в Сольвычегодском, Чердынском и Соликамском уездах сын боярский И. Погожий. Реально ямская гоньба началась через Самарово в 1637 г. Первоначально было прибрано 50 ямщиков («вытей»), причем с женами и детьми. На каждую выть полагалось государева жалованья по 20 руб. и по 40 четей ржи и овса. Самаровские ямщики «гоняли» в три стороны: вверх по Иртышу до Демьянского яма, вверх по Оби до Сургута и вниз по Оби до Сухоруковских юрт (бывших вотчин князей Алачевых). В 1661 г. самаровские ямщики добились от Москвы прибавки денежного жалованья, которое увеличилось до 23 руб. на выть[288]. Постепенно число дворов и жителей ямской слободы росло. По переписи 1683 г. в ней было 3 двора служителей церкви, один писчего дьячка и 103 двора ямщиков, у которых в общей сложности насчитывалось 272 человека м.п. детей (в основном), братьев и племянников. Рост числа ямщиков при сохранении 20 вытей объясняется тем, что выть могла делиться на 2 и 4 части. По переписи 1710 г. в Самаровской слободе имелось 160 дворов, из них 146 — ямщицких. Всего в слободе проживало, включая детей, 965 человек, в том числе 465 мужского и 500 женского пола[289].

4. Черты семейного строя и бытовая жизнь русских переселенцев

Название данного раздела отчасти («черты семейного строя») взято из капитальной монографии А. В. Александрова, в которой впервые, пожалуй, в отечественной историографии был подробно рассмотрен вопрос (в отношении трех уездов Енисейского края) о семейном положении первых переселенцев в Сибирь и, в частности, о путях создания старожильческих семей[290]. Гендерный баланс или дисбаланс имеет решающее значение при исследовании проблемы превращения первых колонистов в постоянное старожильческое население. Сравнивая колонизацию Сибири и Французской Америки, Ю. Г. Акимов находит сходство в обоих случаях в том, что первоначально колонизация носила неаграрный (промысловый, военный, исследовательский) характер и соответственно в гендерной плоскости — «холостяцкий», или «не-семейный». Ученый пишет, «что именно появление женщин было очень важным, если не сказать поворотным моментом в любом колонизационном процессе, который благодаря этому приобретал совершенно иное качество». Ю. Г. Акимов цитирует канадского историка А.Р.М. Лауэра, который при изучении ранней французской колонизации Канады вычленил три вида основанных колонистами поселений: торговый пост — поселение пионеров — колония. По мысли Лауэра, холостяцкие торговые точки с прибытием женщин превращаются в поселения. И в итоге — «когда вслед за этим появились дети, мы пересекли линию, отделяющее простое поселение от колонии»[291]. При желании в Сибири XVII в. можно было бы найти аналогии (хотя и не точные) североамериканским пионерным поселениям (русские промышленные зимовья, острожки, города), однако я далек от мысли искать соответствия явлениям русского колонизационного процесса в Сибири в «идеальных» практиках колонизации Нового Света европейцами. Очевидно только, что функционирование «долгосрочных» поселений с преемственным составом колонистов, с регенерацией в анклавах переселенцев образцов культурного комфорта, взятых из метрополии, и в сибирском, и в американском вариантах колонизаций были невозможны без создания прочного семейного строя.

В дореволюционной литературе высказывалось мнение о метисации русских переселенцев в Сибирь уже в XVII в., о распространенности связей колонистов с туземными женщинами[292]. Это мнение может быть верным только в отношении старожилов

Крайнего Севера (например, «индигирщиков» в Якутии), у которых со временем (но не ранее XVIII в.) образовались изолированные общины, окруженные аборигенным населением. У промышленных и служилых людей, годами находившихся в промысловых и ясачных зимовьях, могли устанавливаться связи с женщинами из коренного населения (в виде конкубината), но к семейным отношениям они редко приводили. Пашенные крестьяне, посадские и служилые люди, осевшие в каком-либо городе, женились почти исключительно на русских женщинах. Это убедительно показал на материале Енисейского уезда В. А. Александров, который не обнаружил «ни одного указания о женитьбе в Енисейском уезде крестьян на «иноземных» женщинах»[293].

В первой половине XVII в. холостые крестьяне часто жаловались, что «спечь и сварить на них некому, живут непрочно». То же самое, видимо, можно сказать и о имевших в городе свои дворы казаках. Перспектива выбора невест из туземных женщин русских переселенцев не привлекала, не в последнюю очередь по причине неумения первых должным образом «спечь и сварить». И сельское хозяйство, и городское домоводство требовали от женщин определенных «русских» навыков и умения, которыми явно не обладали представительницы аборигенного населения. Среди просмотренных документов XVII в., относящихся к Северо-Западной Сибири, мне попались лишь два свидетельства брака между русским служилым человеком и женщиной из местного населения. За 1640-е гг. встречается известие, что некий мангазейский стрелец Анисим был женат на ненецкой женщине. Видимо, после его смерти она с детьми самостоятельно нашла «своих ро́дников юраков, именем пеков». Пожив у них «долгое время», она стала проситься с детьми на Обдор — «к русским людям». В 1690-е гг. нарымский казак Василий Портнягин, по словам сургутских казаков, «поселился и живет близ Васюганской волости». Он женился на «новокрещеной иноземке, дочери лучшего ясачного человека» (таким образом, Портнягин сменил образ жизни)[294]. Совершенно аналогично для французских и английских переселенцев-крестьян индейские жены не имели ценности[295].

В. А. Александров отметил, что до второй половины XVII в. о семейном строе русских переселенцев в Енисейском крае можно судить только на основе эпизодических данных. Это положение верно и для более западных уездов. Никаких статистических источников от конца XVI — первой четверти XVII в. в нашем распоряжении не имеется. В общем-то историкам известны пути переселения женщин из европейской России в Сибирь в первые десятилетия колони-

зации, но во многом они лишены конкретики. Женщин привозили с собой возвращавшиеся с «Руси» сибирские служилые люди, благо что первые не были записаны ни в какое тягло. Со временем колонисты старались перевезти к себе семьи (у кого они были в европейской России); с ними в Сибирь попадало и какое-то количество незамужних женщин. Наконец, в наполнении новых территорий русскими женщинами принимало участие правительство, периодически отправлявшее в Сибирь партии «жонок и девок»[296].

О «развращенности» первых колонистов Сибири и русских женщинах как жертвах их «сладострастного деспотизма» с обличительным христианским пафосом, или же с позиций революционного демократизма (что, по сути, одно и то же) говорили дореволюционные историки — А. П. Щапов, С. С. Шашков, Н. М. Ядринцев, Н. Н. Фирсов[297]. Определенную роль в формировании этих взглядов сыграли донесения первого сибирского архиепископа Киприана и ответная учительная грамота патриарха Филарета в Сибирь от 11 февраля 1622 г. (введены в научный оборот Г. Ф. Миллером и П. Н. Буцинским), в которых нравы сибиряков предстают в самом неприглядном свете. Как показал П. Н. Буцинский, грамота патриарха Филарета основывалась именно на донесениях Киприана (осень 1621 г.), хотя Филарет почему-то утверждал, что известия о сибирских «беззаконных делах» получены им от воевод и приказных людей[298]. В перечне деяний, свидетельствующих о нравственном падении сибиряков, есть и такой пункт: «А которые де сибирские служилые люди приезжают к Москве з государевою денежною и соболиною казною, и те служилые люди на Москве и в ыных русских городех подговаривают многих жонок и девок и привозят их в сибирские городы и держат их за жен места, а иных порабощают и крепости на них емлют сильно, а иных продают литве и немцом, и татаром, и всяким людем в работу». Отписка тобольского воеводы туринскому (начало 1623 г.), где речь идет об этом же, дополняет грамоту Филарета. Оказывается, казаки, подговаривая женок и девок, «знаменаютца образы, что им понять их за себя» (то есть жениться); такие партии невест, прибывших с казаками в Тобольск, могли быть более 50 человек[299].

Киприан доносил, что его попытки помочь «подговорным женкам» встретили сопротивление со стороны служилых людей, которые приходили к нему «с великим шумом» и утверждали, что их право привозить в Сибирь женщин обеспечено царской грамотой. Главный тобольский воевода М. М. Годунов сообщил Киприану (если верить архиепископу), что соответствующая грамота имеется в разрядном столе съезжей избы, но показать ее отказался. Эта «про-

павшая грамота» заинтересовала центральные и светские, и духовные власти: Киприану было указано взять ее у воеводы и прислать в Москву. Мне представляется, что такая грамота действительно существовала, поскольку в послании Филарета есть краткие сведения о ней: «Да ведомо нам учинилось, что есть в Сибири старая грамота за дьячьею за Ондреевою приписью Щелкалова, что сибирским людем поволено с Москвы и из иных городов свозить жен и девиц и с ними жить по своей воле и отымати у них тех жен и девиц не велено»[300]. Дьяк А. Я. Щелкалов вплоть до своей отставки в июне 1594 г. возглавлял Посольский приказ, в ведомстве которого находились колонизуемые зауральские земли. Поскольку грамота хранилась в Тобольске, то выдана она была в период с 1587 по 1594 г. Это один из ранних документов переселенческой политики правительства, направленной на выравнивание гендерного дисбаланса в среде колонистов.

Филарет писал о практике закабаления женщин в Сибири на основе подложных актов, насильственного удержания их у себя, передаче женщин под денежный заклад от одного служилого человека другому. Киприану вскоре по приезде в Тобольск самому пришлось столкнуться с подобным делом: к нему обратилась некая Марфа Павлова с жалобой на стрельца С. Филиппова в «насильстве и нарядном деле». Суть разбирательства сводилась к выяснению вопроса: добровольно ли Марфа жила у стрельца, или тот удерживал ее насильно? Несмотря на противодействие воеводы М. М. Годунова, Киприан добился того, что Марфа была «свобожена на волю»[301]. Признавая, разумеется, подобные факты, мы, однако, не имеем возможности судить о масштабах этого явления. Вместо сетований по поводу нравственности надо обратить внимание на следующее: если русские женщины в Сибири становились объектом скрытой купли-продажи, то это означает, что они там были. Понятно, что служилые люди имели больше возможностей найти наложницу или жену, чем привязанные к пашне крестьяне.

Даже эпизодические данные позволяют сделать вывод, что служилые люди Северо-Западной Сибири в первые 40–50 лет колонизации активно обзаводились семьями, хотя некоторая диспропорция в количестве мужчин и женщин сохранялась. Семьи в «непашенных» городах создавались медленней — из-за долговременного нахождения служилых людей в походах и ясачных зимовьях; из-за отсутствия в регионе крестьянского населения, чьи семьи могли «поставлять» невест. Тем не менее окладная книга Сургута 1625/26 г. зафиксировала 136 женатых служилых людей и 50 холостых (в остальных случаях семейное положение не указано). Таким образом, служилые

Сургута почти на 70% были семейными. В 1625 г. в Мангазею были переведены «на вечное житье» 50 стрельцов с семьями; аналогичный перевод состоялся в 1634 г. из Березова в Енисейск (тоже 50 человек с семьями, хотя часть из них оказалась неимущими «наемщиками»). В 1670-е гг. среди 100 стрельцов в Туруханске насчитывалось 64 женатых[302].

Повседневная жизнь колонистов определялась родом их занятий и устроенностью домашнего быта. Безусловно, если бы сохранились архивы воеводских изб городов Северо-Западной Сибири (как, например, Якутской приказной избы), то наши представления о повседневных заботах, связях и конфликтах в среде сибирских пионеров были бы полнее. Как ни странно, более всего письменных свидетельств, пусть эпизодичных, сохранилось от Мангазеи. Интенсивные археологические исследования заброшенного города предоставили редкую возможность проникнуть в мир вещей его былых обитателей[303]. Этим и объясняется наше внимание в данном разделе преимущественно к Мангазее.

Круг развлечений мангазейцев был традиционным для Московской Руси — посещение квасных изб и бань, в которых можно было играть в шахматы и азартные игры — зернь и карты. При археологических раскопках Мангазеи в общей сложности были найдены 261 шахматная фигурка, 8 шахматных досок и свыше 50 игральных кубиков[304]. Учитывая большое количество промысловиков, зимовавших в Мангазее, распространенность игры в шахматы не вызывает удивления. Отношение правительства к игральным костям (зерни) не было последовательным. С одной стороны, наказы сибирским воеводам содержали статью, запрещавшую игру в зернь служилым людям, поскольку те, войдя в азарт, проигрывали денежное жалованье и амуницию. С другой стороны, зернь могла отдаваться на откуп, и тогда в городе появлялась «зерновая изба», приносившая доход государевой казне. В Мангазее такая изба существовала в 1630-х гг.; в азартные игры вполне официально играли и в торговых банях. В это время в Мангазее «с государевой торговой бани и зерни, и с картяной и со всякой закладной игры, и с квасу, и с сусла» ежегодный доход составлял 600–650 рублей[305].

Более интересным местом для игры в зернь являлись, конечно, государевы кабаки. Судя по всему, до 1621 г. кабака в Мангазее не было, но до тобольского воеводы дошли сведения, что мангазейский воевода посылал в Туруханское зимовье на продажу свое вино (водку) и мед и выручил от продажи якобы 8 тыс. рублей. В 1621 г. в Мангазею прибыл тобольский подьячий Никифор Чаплин для организации кабака, с запасом в почти 300 ведер вина и 169 пу-

дов пресного меда. В наказе Чаплину запрещалось продавать вино промышленным и торговым людям, пока они не уплатят десятую пошлину со своих товаров и пушнины; ясачным людям — до уплаты ясака, а стрельцам вино запрещалось продавать вообще, дабы они «не испропивались»[306]. О существовании государева кабака после отъезда Чаплина ничего неизвестно, но винная продажа по-прежнему шла бойко. Вопреки наказам, мангазейские воеводы тайно торговали вином со своего двора; занятие это было рискованным, но и прибыльным. Так, Марья Кокорева (жена воеводы) торговала вином через своих приближенных «боярынь». В 1630 г. оба враждовавшие между собой мангазейские воеводы — Кокорев и Палицын — послали в Туруханск на продажу по бочке вина[307]. Сосланный в Мангазею чернец Ефрем Кривошея подал извет на воевод В. А. Давыдова и Д. Ф. Клокачева (1631–1633), где, в частности, писал, что они «и жены их безстрашно и безсрамно держат кабаки в горницах и в подклетах безпрестани, в день и в ночь торгуют вином, продают на деньги в ведра и в скляницы и в чарки, а у кого денег нет, и с тех емлют кресты и рубашки и штаны и всякое платье и рухлядь, а люди де их дают тем питухом под заклад деньги и вместе с ними пьют; и пропився, те люди сходят от них з дворов наги и боси»[308].

Совершенно очевидно, что «окном» в частную жизнь индивидов могут являться судебно-следственные дела, отразившие детали быта и поведения людей определенной эпохи. К сожалению, среди сохранившихся документов по Мангазее судебных дел, касающихся постоянных жителей Мангазеи, очень мало. Тяжкие уголовные преступления, судя по всему, были редкостью. Воевода Корсаков (1652) застал «тюремных сидельцев» 16 человек, из них уже девять лет в тюрьме пребывали 10 местных стрельцов, обвиняемых в грабеже дьяка Б. Обобурова. Из остальных в «смертном убойстве» были виновны только двое промышленных людей (видимо, покрученики), убившие на соболином промысле своего хозяина[309]. Через четыре года в тюрьме содержались лишь трое: Ивашко Чепчюгов, который убил двух людей, и два «церковных татя» — пономарь Антонов и Кузьма Сапожник. В сентябре 1656 г. все трое из тюрьмы бежали, но через две недели, измученные, вернулись в Мангазею, так как «заблудились в тундрах»[310].

Об официальных торжествах в городской жизни Мангазеи известно мало. В 1668 г. при воеводе Р. М. Павлове был израсходован пуд пороха при стрельбе из медных пищалей в честь двух церковных праздников — Происхождения честна креста Господня и день Богоявления, «как ходили на Ердань воды святить»[311]. Торжествен-

ным приемом и стрельбой из пушек сопровождался приезд в город самоедов с ясаком.

Религиозность жителей Мангазеи носила искренний характер, о чем свидетельствует, в частности, следующий случай. Весной 1668 г. воеводе Павлову был сделан устный донос стрельца Онтропьева на тобольского сына боярского Власа Старкова, который «говорил мангазейским попом при сторонных людех про божество непристойные речи». Дело было в съезжей избе, где находились 3 местных подьячих, 2 священника, 4 служилых человека и сам Старков. Священники Иаков Никифоров и Леонтий Иванов говорили Старкову (последний, видимо, привел хлебный караван кочей в Мангазею в 1667 г. и ожидал возвращения в Тобольск): «Мы де идем к тебе, Влас, со крестом Христа славить». Можно предположить, что речь шла о праздновании Пасхи. В ответ Старков отпустил шутку в раблезианском духе: «А я де иду противо креста с тайными уды». Стрелецкий пятидесятник Никифор Смирной отреагировал на богохульство Старкова: «Лутче бы ты, Влас, уста свои калом замазал, а нежеб ты такие непристойные речи говорил». Материалы этого дела уже в начале августа попали в Сибирский приказ, но понес ли какое-нибудь наказание Старков, неизвестно[312].

Тяжелое время, которое перенесла Мангазея в 1640-е гг., привели жителей города к мысли, что Мангазее нужен свой небесный защитник. В 1649 г. в кремле из земли вышел край гроба, переломивший доску, по которой ходили в съезжую избу. Неведомо каким образом могила стала приобретать ореол святости и пользоваться народным почитанием. Новоявленный чудотворец еще не обрел своего имени, а к нему уже стали обращаться в трудные минуты жизни. Ранняя редакция «Жития» о чудесах Василия Мангазейского сохранила ряд живых зарисовок об обыденной жизни горожан[313]. Так, в 1652 г. некто Дмитрий Евтропиев страдал недугом — гнойным воспалением в паху. Будучи «при смерти», он послал своего сына за местным врачом, коновалом Семеновым. Сын вернулся с известием, что коновал «пьян, нейдет к тебе». Случившийся рядом пономарь Иван посоветовал больному обратиться не к земной медицине, а к Богу. Евтропьев так и сделал, помолившись дополнительно и новому безымянному чудотворцу с обещанием по выздоровлении отпеть панихиду в часовне над его гробом. И действительно, гнойник прорвался, и Евтропьев почувствовал себя лучше. Правда, панихиду он так и не заказал, поскольку случился праздник Рождества богородицы (6 октября), в который Евтропьев так напился, что «во утрий день забых от пиянства у гробницы панихиду пети». В первые же годы складывания культа Василия Мангазейского выяснилось, что

чудотворец может вылечить от разных болезней, вызволить из ледяной воды, отогнать хищников от соболиных ловушек и даже спасти от самоубийства, если человека одолеет «тяжкая злая кручина». Возникновение народного культа Василия Мангазейского свидетельствует, помимо прочего, и о начале складывания в Северо-Западной Сибири русского старожильческого населения, которому нужен был «свой», близкий к его нуждам «предстатель» перед Богом.

Новые археологические раскопки Мангазеи показали, что жилые дома в ней были одноэтажными, с двухчастной конструкцией, печи топились по-черному. Недостаток леса в районе заполярного города заставлял жителей экономить строевой лес и дрова; для строительства часто использовались доски с разобранных кочей[314]. По этой же причине «посад» Мангазеи (на самом деле там проживали «жилецкие служилые люди») никогда не был обнесен острогом.

Надо сказать, что письменных источников, где содержались бы сведения о застройке Мангазеи в целом и отдельных постройках, сохранилось мало. Тем ценнее введенное в научный оборот В. А. Александровым описание двора мангазейского дьяка Богдана Обобурова[315]. Этот недолго существовавший двор имел любопытную историю. С момента основания Мангазеи и до 1633 г. в этот город назначались 2 воеводы, которые «стаивали совместно», со своими семьями и дворней, на казенном воеводском дворе в кремле. В конце августа 1629 г. в Мангазею прибыли новые воеводы Г. И. Кокорев и А. Ф. Палицын, находившиеся между собой во враждебных отношениях. Поэтому Палицын сразу же решил поселиться отдельно от Кокорева. Он заставил торговых и промышленных людей поставить ему воеводские «хоромы» на посаде. После бурного воеводства Кокорева и Палицына двор последнего занимали последовательно воевода Д. Ф. Клокачев, дьяки В. Атарский и Пятой Спиридонов. К приезду последнего (1635 г.) этот двор пришел в ветхость и требовал капитального обновления. Спиридонов решил его не ремонтировать, а выстроить новый двор. В свои новые «хоромы» он переехал в 1637 г.; известно, что при отъезде из Мангазеи Спиридонов оценил свой двор в 150 руб. В. А. Александрову удалось найти описание этого двора. Постройки состояли из двух горниц на подклетах, сеней с подсеньем и повалуши в «три житья» (повалуша — летнее жилье). Во дворе стояла баня, под которой помещался «коровий котух» (небольшой хлев). Таким образом, жилая постройка была трехчастной, если повалуша не стояла отдельно.

В. А. Александров неверно предположил, что пришедший к 1635 г. в негодность воеводский двор построен в начале XVII в. Как указывает источник, он был построен для воеводы Палицына

в 1629 г. Постройки состояли из: 1) горницы на подклети, в которых были печи. Судя по этому, подклеть, как и горница, была теплым жилым помещением; 2) к горнице примыкали сени, а к ним — «вместо клети анбаришко, из кочевых досок делан». На сенях располагался чердак, перегороженный надвое; известно, что летом там ночевал Палицын; 3) во дворе стояла баня с сенями; 4) осыпанный землею небольшой сруб, служивший погребом; 5) клетка рубленая неясного назначения; 6) поварня; 7) амбар из кочевых досок; 8) хлев для коров. Двор был огорожен опять же кочевыми досками и имел, видимо, одни ворота, хотя показания источника не позволяют однозначного толкования. А источник говорит об «избе воротной», над которой дьяк Спиридонов поставил горницу, но при переезде «свез» ее на новый двор. Наконец, «у ворот же на другой стороне избенка без верху». Или две избы стояли по разные стороны ворот, или ворот было двое на противоположных сторонах двора. Таким образом, жилое помещение имело трехчастную связь. В избах у ворот размещались, возможно, дворовые люди.

Дьяк Обобуров подал воеводе князю Н. М. Борятинскому челобитную о том, что ему негде жить. Воевода создал комиссию из стрелецкого сотника, подьячего и казенного целовальника, которая должна была оценить состояние бывшего двора Палицына. Комиссия пришла к заключению, что «жить в том дворе, не поделав и не устроя, хором не прибавя, нельзя и негде, все гнило и худо розвалялось». Только в феврале 1641 г. в Москве по челобитной Обобурова, поданной еще осенью 1639 г., приняли решение. Дьяку указывалось или поселиться на вышеописанном дворе, или за свой счет построить новый. Между прочим, Обобуров жаловался, что денег на строительство у него нет, поскольку поместий и вотчин «нет нигде ни одной чети». Дьяк не стал останавливаться в непригодном жилье, а «взбрел на время» с женой, детьми и «людишками» на двор к мангазейскому стрельцу Аврааму Михайлову. Дьяку с семьей было явно тесно, поскольку Михайлов имел только избу на подклете с сенями (двухкамерная постройка)[316].

Здесь нелишним будет заметить, что при археологических раскопках под руководством М. И. Белова был «определен» двор Палицына[317]. Его реконструкция по археологическим данным совершенно не совпадает с приведенным выше описанием. Это говорит лишь о том, что соотнесение безымянных археологических артефактов с данными письменных источников требует большой осторожности.

При раскопках Мангазеи достаточно часто попадаются надписи кириллицей, что свидетельствует о широком распространении грамотности среди временных и постоянных жителей города. Надписи

(отдельные буквы и фразы) присутствуют на деревянных изделиях, бересте и коже[318]. И в Мангазее, и в Туруханске найдены фрагменты досок с азбукой. Особенно интересен обнаруженный при раскопках 2009 г. цельный текст, вырезанный на сосновой дощечке (первая треть XVII в.). Это — долговая расписка (заемная кабала) в 50 рублях, но недействительная, поскольку имена свидетелей («послусей») в ней не указаны[319]. Генетически такая кабала восходит к известным по письменным источникам долговым доскам Новгорода и Пскова XIII–XIV вв. Эта дощечка определенно указывает на трансляцию колонистами новгородских культурных традиций (даже языковых) через Русский Север в Западную Сибирь.

Колонисты принесли с собой в Сибирь, помимо православия, привычный набор народных магических верований — ворожбу, порчу, приворот, основанные на чернокнижии и знании «колдовских» трав. Ввиду всеобщей веры в действенность магии обращение к услугам (как и разоблачение) колдунов и «ворожей» органически вплетались в ткань повседневной жизни первых поселенцев[320]. Нарымский воевода И. Л. Скобельцын (1639–1643 гг.) и его жена Прасковья держали у себя сразу несколько ворожей: «Взяли к себе и к детям в мамы и в потайные толмачи ворожею блядку Анну Еремиху», ярыжку Давыдку и местную женщину Екатерину Завьялову. Анна Еремиха была, видимо, крещеной селькупкой и, выполняя обязанности мамки, заодно знакомила жену воеводы с ритуальной практикой своего народа. Об этом за праздничным столом в присутствии гостей проговорился сам Скобельцын: «Я де преже сего ворожить и волшебить не умел, а ныне де выучила меня жена моя Прасковья, умею де я ныне, как по остяцки с шайтаном говорят»[321]. Впрочем, «разговоры» с шайтаном мало помогли воеводе в делах земных: как говорилось выше, он попал под следствие и умер в Тобольске.

Было бы, однако, преувеличением считать, что языческие обряды и верования сибирских народов стали сколько-нибудь серьезным компонентом духовных практик переселенцев. Умение колдовать и ворожить переносилось с «Руси» и передавалось уже среди сибирских колонистов. В 1638 г. в Пелыме находился ссыльный подьячий Патриаршего двора Семен Рогачев, на которого поступил донос от гулящего человека Михаила Максимова. Последний нанялся к подьячему ловить рыбу, и тот как-то взял Максимова за город ловить змей. Рогачев объяснил несведущему работнику, что если змее между глаз «продернуть» нить, пресмыкающееся отпустить, а на нитку «наговорить», то успех в любовных делах будет обеспечен. Надо только нитку подкинуть под порог избранной «женке или девке», и та, переступив нить, «для блуду сама станет приходить»[322].

В 1650 г. из Нарыма в Томск были присланы гулящий человек Мишка Иванов Устюжанин и новокрещен (остяк) А. Сыркин, обвиняемые в том, что учились ведовству у гулящего же человека Ивана Васильева Устюжанина и Харитона Пинежанина, дворового человека казака Ф. Попова. Поскольку ни в каких других «воровствах» обвиняемые не признались, то их били «нещадно» кнутом и посадили в тюрьму до государева указа. В томской тюрьме они находились еще в 1656 г. Их учителя по чародейству были преданы смертной казни, но не столько за ведовство, сколько за церковную татьбу и разбой[323].

Сургутского воеводу князя К. Н. Щербатова (конец 1670-х гг.) с семьей пытались извести его дворовые люди, подкладывая в еду наговорные хлеб, соль и порох. Сами злоумышленники, Гришка Егубьев с сестрой Акулиной и девкой Марфой Павловой, ворожить не умели, поэтому обратились к сургутскому казаку Л. Ярофееву. Из всего семейства воеводы более всего досадила дворовым людям «большая княжна», на которую они и пытались навести порчу. В процессе следствия выяснилось, что Акулина выросла в селе Божонки Бежецкого уезда, принадлежащего брату воеводы. В упомянутом селе ворожбой занимались по крайней мере три человека, которых неизвестно зачем «сдала» в Сургуте приведенная к пытке (но официально, в съезжей избе) перепуганная Акулина. Казак Ярофеев признался в том, что давал Павловой заколдованные хлеб с солью и траву. Таким образом, замысел преступления принадлежал Гришке Егубьеву, атрибуты порчи принесла от казака Ярофеева девица Павлова, а подсыпала их в еду Акулина. Сам Щербатый верил, что от этой «порчи мне... и женишке, и детишкам моим болезни чинятца безпрестанно».

Попутно во время этого сыска выяснилось, что к услугам чародея обращался дворовый же человек Щербатого Д. Максимов, который научился «наговаривать» у тобольского коновала Кирюшки. Получив от последнего наговорный перец, Максимов его потерял и поэтому сам взялся за колдовскую практику с солью. Наговорную соль он подкладывал в щи замужней дворовой «жонке» Ольке Ивановой, чтобы она жила с ним «блудным делом». Средство оказалось действенным. Жертве приворота ничего не оставалось, как и в самом деле покориться колдовским заклинаниям[324].

У представителей верхушки гарнизонов, богатых торговых людей и священников однообразие жизни нарушалось почетной обязанностью присутствовать по праздничным дням на обедах у воевод. Так, на пиру у пелымского воеводы князя П. Ф. Волконского (1642 г.)

были 2 священника, 2 подьячих и 6 служилых людей[325]. Вообще, приглашение воеводой к себе на обед представителей более низких социальных слоев имело много смыслов: это и стремление временных администраторов создать себе окружение из «ушников и шишимор», и возможность приобрести уважение «мира», и получить от гостей подарки. В таких воеводских пирах угадываются и архаичные черты, которые еще требуют своего культурологического исследования.

Как представляется, говорить о повседневности, как об устоявшемся рутинном процессе жизнедеятельности русских колонистов для XVII века, преждевременно. Для служилых и промышленных людей пребывание годами в отдаленных зимовьях, походах и т.д. и было повседневным явлением, весьма отличавшимся от быта формировавшегося сибирского крестьянства. Мобильность составляла отличительную черту жизни первых переселенцев. Они передвигались из европейской России в Сибирь, совершали временные поездки в обратном направлении, переселялись из Западной Сибири далее на восток и к берегам Ледовитого океана. Благодаря этим перемещениям не терялась культурная связь с метрополией; с другой стороны, была создана сеть постоянных и временных поселений и система основных коммуникаций, которые на столетия вперед обеспечили российский геополитический статус Сибири.

* * *

В данной главе были рассмотрены организация и управленческая практика местных органов русской власти, включенные, разумеется, в более широкий контекст существовавших в России XVII в. форм местного управления. Исследование показало, что никаких специальных колониальных органов управления (ни центральных, ни местных) исключительно для колонизуемой Сибири (тем более для ее отдельной части) не создавалось. Русское государство просто шагнуло за Урал, перенося на новые для него территории административные порядки Европейской России. Специфику деятельности местной воеводской администрации придавало управление автохтонным (равно — ясачным) населением, основные принципы которого определялись воеводскими наказами. Для того времени связь «Москва — воеводские избы Сибири» была довольно оперативной, вследствие чего центральное правительство могло контролировать разные стороны колонизации.

Таможенная политика правительства в Сибири в XVII в. отличалась непоследовательностью, разнообразием существовавших

пошлин и нечеткостью в организации таможенной службы (таможенные головы на места могли присылаться из Центральной России, из Тобольска, таможенная служба могла перейти в ведение воевод). Лишь к концу XVII в. произошло сокращение многочисленных мелких пошлин и унификация сборов. Вследствие этого и истощения соболиных промыслов таможенный сбор в Северо-Западной Сибири в конце столетия был ничтожно мал.

Уже не раз говорилось, что русское постоянное население Северо-Западной Сибири в XVII в. проживало почти исключительно в городах, а в социальном отношении принадлежало к служилым людям. Обобщая изложенные выше приблизительные данные, можно утверждать, что русское постоянное население рассматриваемых в монографии шести северных уездов и Самаровского яма (обоего пола, с детьми и другими родственниками) не превышало в начале XVIII в. 5500–5700 человек.

К русским старожилам Северо-Западной Сибири я бы предложил отнести тех поселенцев, кто осуществлял колонизацию края в XVII — XVIII вв., и чьи потомки продолжали и далее проживать в этом регионе. В первые 50–60 лет колонизации Сибири служилые люди гарнизонов северных городов активно обзаводились семьями, так что о складывании ядра старожильческого населения в регионе можно говорить примерно с середины XVII в. В исследовании показан, насколько позволило автору знание источников, пофамильный состав основателей старожильческих династий Северо-Западной Сибири. Автор оставляет открытым вопрос: можно ли относить к старожилам Сибири те династии, которые прервались, допустим, в XIX в.? Ответ на этот вопрос требует, прежде всего, определения хронологической границы между «старожилами» и «новожилами». Для большинства наших современников это вопрос совершенно праздный, поскольку они, даже проживая на территории Северо-Западной Сибири, просто ничего не знают об исчезнувших династиях первых русских колонистов. Для историков же представители одной фамилии, зафиксированные в регионе на протяжении жизней нескольких поколений, и чья родословная уходит в эпоху первоначальной колонизации Сибири, безусловно, являются старожилами. Другими словами, «русские старожилы Сибири» для людей разных эпох — понятие относительное. Попытка выявить старожильческие династии Северо-Западной Сибири, чьи родоначальники появились там еще в первой половине XVII в., показала перспективность дальнейшей разработки этой темы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 113–115.

[2] *Вершинин Е. В.* Местное управление на землях Приуралья в XVI в. // Эволюция административного устройства и управления в России: историческая ретроспектива и современность. Екатеринбург, 2003. С. 18.

[3] *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 435.

[4] *Ермолаев И. П.* Среднее Поволжье во второй половине XVI — XVII в. Казань, 1982. С. 5, 52.

[5] *Андреевский И. А.* О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864. С. 38; *Чичерин Б. Н.* Областные учреждения России в XVII в. М., 1856. С. 52–53.

[6] *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998. С. 4–9.

[7] *Колычева Е. И.* Аграрный строй России XVI века. М., 1987. С. 172.

[8] *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992. С. 243.

[9] Там же. С. 239–246. Интересные суждения о полной замене наместников-кормленщиков воеводами в 1580-х годах высказал В. А. Аракчеев. Он считает, что «еще в середине XVI в. государственный строй России был архаичным, поскольку ему не хватало институциональной связи с населением; ее отсутствие компенсировалось широкими полномочиями кормленщиков». Утверждение воеводской формы управления в провинции, по мысли В. А. Аракчеева, явилось отчасти и результатом земской реформы 1550-х годов. (*Аракчеев В. А.* Наместники в России XVI века // Вопросы истории. М., 2010. № 1. С. 17). Я понимаю логику ученого так: земские миры, официально получившие самоуправление, и вставшие над ними воеводы, детально контролирующие жизнь местных общин, давали центральной власти намного больше возможностей квалифицированного управления и реагирования на проблемы, как тяглых, так и служилых слоев общества. При такой интерпретации новизны воеводской формы управления я согласен с В. А. Аракчеевым.

[10] *Богословский М. М.* Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. М., 1912. Т. II. С. 266.

[11] *Градовский А. Д.* Собрание соч. СПб., 1899. Т. II. С. 359.

[12] *Бахрушин С. В.* Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // *Бахрушин С. В.* Научные труды. М., 1955. Т. III. Ч. 1. С. 252–265; Lantzeff George V. Siberia in the seventeenth century. A study of the Colonial Administration. Berkley and Los Angeles. 1943. P. 47–61; История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 124–138 (автор текста — А. Н. Копылов); *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 107–141; *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век).

[13] *Бахрушин С. В.* Воеводы Тобольского разряда в XVII в. С. 253.

[14] Там же С. 261.

[15] *Оглоблин Н. Н.* «Женский вопрос» в Сибири в XVII веке // Исторический вестник. 1890. № 7. С. 203.

16 На происхождение должности «письменный голова» указывает, как мне кажется, следующий пример. В 1619 г. воевода Пронска выслал против появившихся вблизи города татар «рязанскую сотню», назначил ее головой А. Левашева «и список ему писанный дал», то есть роспись служилых людей, над которыми Левашев временно принимал командование (См.: *Новосельский А. А.* Исследования по истории эпохи феодализма. М. 1994. С. 192–193). Таким образом, письменный голова — от «списка» служилых людей, а не от «письменного отчета».

17 РГАДА. Ф. 214. Кн. 11. Л. 33; кн. 1. Л. 37 об.

18 ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. Ч. 1. С. 140.

19 Там же. С. 142.

20 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М., 2000. Т. II. Приложения. С. 240 (№ 72), 255 (№ 93).

21 Первое столетие сибирских городов. XVII век. Новосибирск, 1996. С. 38.

22 Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сб. док. Составители, авторы предисловия и комментариев Е. В. Вершинин, Г. П. Визгалов. Екатеринбург, 2004. С. 79–80, 93.

23 *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). С. 158–159, 163.

24 АИ. СПб., 1841. Т. 3. С. 236–237.

25 *Зимин А. А.* Наместническое управление в Русском государстве второй половины XV — первой трети XVI в. // Исторические записки. М., 1974. т. 94. С. 271–290; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1964. Т. 3. С. 150.

26 *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). С. 21–22.

27 *Павлов-Сильванский Н. П.* Государевы служилые люди. Люди кабальные. М., 2001. С. 151–154.

28 *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. С. 108.

29 *Павлов А. П.* Московские дворяне и их роль в системе государственной власти России в первой половине XVII века // Проблемы истории России. Вып. 9. Россия и Запад в переходную эпоху от средневековья к новому времени. Екатеринбург, 2011. С. 217–219.

30 *Айрапетян И. Ю.* Стольники как одна из категорий феодальной аристократии в 80-х годах XVII в. // Вестник МГУ. Серия 8. История. 1980. № 6. С. 69–70, 80.

31 РГАДА. Ф. 214. Стб. 89. Л. 66–66 об.

32 Там же. Л. 74–76. Лутовинов был воеводой Кетска с 1650 по 1659 г. Такой необычайно длинный срок пребывания на воеводстве объяснялся, видимо, двумя обстоятельствами: начавшейся в 1654 г. войной с Польшей и возрастом Лутовинова, который исключал его из военной службы (ко времени назначения в Кетск ему было около 60 лет).

33 *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. С. 112.

34 РГАДА. Ф. 214. Стб. 318. Л. 254–254 об.

[35] *Леонтьева Г. А.* Организация приказного делопроизводства в Сибири и профессиональная подготовка сибирских подьячих в XVII в. // Развитие культуры сибирской деревни в XVII — начале XX в. Новосибирск, 1986. С. 3–19; *Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987. С. 71–75.

[36] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 229–230 (№№ 59, 60).

[37] Он же. История Сибири. М., 2005. Т. III. С. 89. Приложения. С. 211–217 (№№ 38, 40).

[38] *Котошихин Г.* О Московском государстве в середине XVII столетия // Русское историческое повествование XVI–XVII веков. М., 1984. С. 250.

[39] В 1603 г. назначенным в Тобольск Н. М. Пушкину и в Туринск И. Ф. Лихареву было дано жалованье на два года — соответственно 40 и 25 рублей. См.: *Сухотин Л. М.* Четвертчики Смутного времени (1604–1617) // ЧОИДР, 1912 Кн. 2. С. 7, 12.

[40] АИ. СПб., 1841. Т. 2. С. 407.

[41] *Бахрушин С. В.* Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // *Бахрушин С. В.* Научные труды. М., 1959. С. 162. См. также: Верхотурские грамоты конца XVI — начала XVII вв. М., 1982. Ч. 1. № 70–73, 77, 78.

[42] Lantzeff George V. Siberia in the seventeenth century. P. 49.

[43] РГАДА. Ф. 214. Стб. 89. Л. 67–68, 86.

[44] *Бахрушин С. В.* Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. С. 163; РГАДА. Ф. 214. Стб. 457. Л. 630.

[45] *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). С. 23–24.

[46] РГАДА. Ф. 214. Стб. 33. Л. 1–17; Стб. 43. Л. 6, 15.

[47] *Платонов С. Ф.* Как возникли Чети? (К вопросу о происхождении московских приказов-четвертей) // *Платонов С. Ф.* Сочинения. СПб., 1912. Т. 1. С. 139–140.

[48] *Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Л., 1969. С. 413–419.

[49] *Сторожев В. Н.* К вопросу о «четвертчиках» // ЖМНП. 1892. № 1. С. 205–206. Следует обратить внимание, что «кормленый окуп» в летописном изложении реформы 1555/56 г. назван «оброком» (Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты. М., 1986. С. 38).

[50] *Сухотин Л. М.* Четвертчики Смутного времени (1604–1617). С. XII–XIII.

[51] *Енин Г. П.* Воеводское кормление в России в XVII веке. СПб, 2000.

[52] Там же. С. 241.

[53] К известным мне ранее фактам можно добавить и такой: в 1635 г. новому тобольскому воеводе кн. М. М. Темкину-Ростовскому было выдано из Устюжской четверти жалованье на 2 года «сполна». — РГАДА. Ф. 214. Стб. 43. Л. 6. В 1626 г. денежный оклад Темкина-Ростовского составлял 40 рублей — Боярская книга 1627 г. М., 1986. С. 25.

[54] *Швейковская Е. Н.* Государство и крестьяне России. Поморье в XVII веке. М., 1997. С. 238.

55 *Енин Г. П.* Воеводское кормление в России в XVII веке. С. 233.

56 Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты. Л., 1986. С. 102 (№ 98).

57 *Енин Г. П.* Воеводское кормление в России в XVII веке. С. 241.

58 Д. А. Рединым выявлена и проанализирована расходная книга тюменского оброчного старосты Е. Меншикова (1717 г.), в которой подробно зафиксированы поденные расходы (денежные и натуральные) крестьянского мира на содержание коменданта Тюмени, его родственников и слуг, лиц воеводской канцелярии. Рассмотрев этот и другие источники, Д. А. Редин делает даже вывод: «С отменой поместного обеспечения, обозначившегося процесса измельчания дворянского землевладения и при продолжающейся неспособности государства предложить местному чиновничеству... стабильной и достаточной денежной оплаты, кормления превратились в структурообразующий элемент его содержания». В то же время исследователь подчеркивает, что в петровскую эпоху кормленная система «оказалась на какое-то время поставленной вне закона» (*Редин Д. А.* Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007. С. 534–546, 555). На мой взгляд, правовая борьба с кормлениями обозначилась уже в XVII в.

59 РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Стб. 61. Л. 133.

60 Практика кормлений в Сибири в скрытом виде сильнее проявилась в XVIII в. Исследователь местного управления в Сибири в данное время Д. А. Ананьев отмечает: «В 1726–1763 гг. случаи выплаты жалованья сибирским чиновникам единичны, при фактическом возврате к «кормлению от дел». Выплата жалованья всем категориям чиновников по унифицированным должностным окладам была восстановлена в 1763 г. Однако в течение всего времени существования воеводского управления (в XVIII в.— *Е.В.*), по сути, действовал средневековый принцип содержания местной администрации за счет подведомственного населения» (*Ананьев Д. А.* Воеводское управление в Сибири в XVIII веке. Новосибирск, 2005. С. 172–173).

61 *Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986. С. 243.

62 *Эскин Ю. М.* Документы о Мангазее в Смутное время // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 50–54.

63 «Рознь» между Пушкиным и Белкиным изложена по документам: РГАДА. Ф. 214. Стб. 8. Л. 76–77, 80–81, 92–95, 106–108, 115–121, 125–131, 166–169, 175–182. Эти документы были опубликованы автором в: *Вершинин Е. В., Шашков А. Т.* Документы XVII века по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. С. 165–171, 177–180.

64 Боярская книга 1627 г. С. 70, 97.

65 *Бахрушин С. В.* Андрей Федорович Палицын // *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. III. Ч. 1. С. 175–197.

66 *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. С. 130–131.

[67] РГАДА. Ф. 214. Стб. 134. Л. 458–464.

[68] Там же. Стб. 123. Л. 472–478, 482.

[69] *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). С. 65–80.

[70] *Богословский М. М.* Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. Т. II. С. 270.

[71] *Бахрушин С. В.* Воеводское управление Якутии // Якутия в XVII веке (очерки). Якутск, 1953. С. 221.

[72] Показательно, что в специальном исследовании Т. И. Пашковой даже не ставится вопрос о существовании канцелярий при наместниках-кормленщиках. Очевидно, что их и не было, вследствие чего изучение управленческой практики наместников и волостелей крайне затруднено (*Пашкова Т. И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века (наместники и волостели). М., 2000).

[73] *Эскин Ю. М.* Документы о Мангазее в Смутное время // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 44–45.

[74] РГАДА. Ф. 214. Стб. 30. Л. 30.

[75] РГАДА. Ф. 214. Стб. 88. Л. 277. Этот документ, кстати, служит еще одним доказательством, что Мангазейский острог был основан весной-летом 1601 г., поскольку дела в съезжей избе хранились с 7109 г. (7010 г. начался 1 сентября 1601 г.).

[76] *Бахрушин С. В.* Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. С. 164.

[77] См. наказы 1595 и 1597 гг. в Сургут и на Тару: РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 1–7, 34–45 об.; кн. 11. Л. 2 об.—7, 30–39. Наказ в Тобольск 1599 г.: РГАДА. Ф. 214. Кн. 2. Л. 86–89; наказ в Мангазею 1603 г.: *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 205–206 (№ 31).

[78] *Скрынников Р. Г.* Россия накануне «Смутного времени». М., 1985. С. 145.

[79] *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М., 1972. С. 351–352.

[80] *Бахрушин С. В.* Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. С. 165.

[81] РГАДА. Ф. 214. Стб. 1108. Л. 64, 150, 231.

[82] Там же. Стб. 66. Л. 301.

[83] Там же. Стб. 936. Л. 315–319.

[84] Там же. Кн. 1. Л. 38.

[85] *Бахрушин С. В.* Воеводы Тобольского разряда в XVII в. // *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. III. Ч. 1. С. 265–296.

[86] РГАДА. Ф. 214. Стб. 457. Л. 1–790. Эти документы были мной проанализированы в работах: *Вершинин Е. В.* «Прибыльная» деятельность сибирских воевод в XVII в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, история. 1989. № 3. С. 60–70; Он же. Воеводское управление в Сибири (XVII век). С. 82–102.

Позднее документы этого столбца были опубликованы М. О. Акишиным (Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII — начала XVIII в. / Автор вступительной статьи и комментариев, составитель

М. О. Акишин. Новосибирск, 2000. С. 60–267). Удивляет несколько пренебрежительное отношение автора публикации к автору данной работы. М. О. Акишин считает, что я использовал лишь «часть сохранившихся прибыльных дел сибирских воевод», в то время как в моих работах использованы все материалы стб. 457, имеющие отношение к теме. Совершенно безосновательно М. О. Акишин утверждает, что моя статья на эту тему «создавалась в связи» с монографией В. А. Александрова и Н. Н. Покровского (Власть и общество. Сибирь в XVII. Новосибирск, 1991), о конкретном содержании которой я не имел представления. М. О. Акишин пишет, что прибыльные дела характеризуются мной (в статье 1989 г.) «преимущественно как источник по истории фискальной деятельности воевод, постоянно подчеркиваются пережитки «кормленческих черт» в воеводской системе управления» (Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII — начала XVIII в. С. 4–5). Замечу, что при всем желании в прибыльных делах невозможно обнаружить материал о «кормленческом» поведении воевод. Такой же оценки информативности «прибыльных дел» как источника, данной мной еще в 1989 г. (более широкой, чем представляется М. О. Акишину), я в основном придерживаюсь до сих пор.

87 ПСЗ. СПб., 1830. Т. III. С. 550.

88 Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII — начала XVIII в. С. 75, 76.

89 РГАДА. Ф. 214. Стб. 8. Л. 2–8, 23–39.

90 Первое столетие сибирских городов. XVII век. С. 157.

91 РГАДА. Ф. 214. Стб. 457. Л. 189.

92 Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII — начала XVIII в. С. С. 79–81.

93 Там же. 78.

94 Там же. С. 97–102.

95 РГАДА. Ф. 214. Стб. 457. Л. 484.

96 Дело о награждении Нарбекова см.: Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII — начала XVIII в. С. 178–194.

97 О причинах конфликта воеводы и казаков см.: *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. С. 250–251.

98 РГАДА. Ф. 214. Стб. 457. Л. 488, 489.

99 Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII — начала XVIII в. С. 178–194.

100 Там же. С. 215–222.

101 Там же. С. 233–240.

102 *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. С. 127, 124.

103 РГАДА. Ф. 214. Стб. 1588. Л. 3; *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. С. 125; Древний город на Оби: история Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 120.

104 *Языков С. А.* «Выборы» посадских общин Сибири XVII — начала XVIII в. как исторический источник // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 175–176.

[105] *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. С. 193–194.

[106] Там же. С. 235–236.

[107] РГАДА. Ф. 214. Стб. 1673. Л. 1–9.

[108] Там же. Стб. 36. Л. 1–213. Кратко эти материалы уже рассматривались в литературе (*Буцинский П. Н.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников // *Буцинский П. Н.* Соч. в двух томах: Т. 1. Тюмень, 1999. С. 305–308; *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. С. 277–278).

[109] *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск, 1988. С. 29.

[110] *Акишин М. О.* Новые документы об отношении аборигенов севера Зауралья к русским властям. XVII–XVIII в. // Уральский исторический вестник. Екатеринбург, 1994. № 1. С. 127–128.

[111] РГАДА. Ф. 214. Стб. 36. Л. 211.

[112] РГАДА. Ф. 214. Стб. 36. Л. 202.

[113] *Акишин М. О.* Новые документы об отношении аборигенов севера Зауралья к русским властям. XVII–XVIII в. С. 128.

[114] *Зольникова Н. Д.* «Нарымское дело» 1642–1647 гг. // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 211–233.

[115] РГАДА. Ф. 214. Стб. 139. Л. 213–215.

[116] *Зольникова Н. Д.* «Нарымское дело» 1642–1647 гг. С. 220.

[117] РГАДА. Ф. 214. Стб. 263. Л. 516–518.

[118] Там же. Стб. 130. Л. 565.

[119] Там же. Стб. 263. Л. 312–313.

[120] *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. С. 136.

[121] *Зольникова Н. Д.* Сыск Д. Л. Полянского и письма Избранта Идеса // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С. 186.

[122] *Богословский М. М.* Петр I: Материалы для биографии. М., 1940. Т. 1. С. 279.

[123] ПСЗ. Т. III. С. 213–215.

[124] *Зольникова Н. Д.* Сыск Д. Л. Полянского и письма... С. 180–213. Все, чем располагает специальная литература,— это отдельные эпизоды деятельности Полянского, всплывающие при рассмотрении известных восстаний в Красноярске и восточносибирских острогах (см., например: *Бахрушин С. В.* Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. С. 186, 187, 189–191).

[125] Использованные мной материалы следствия над Волчковым находятся в: РГАДА. Ф. 214. Стб. 1533. Л. 394–441.

[126] ДАИ. СПб., 1862. Т. 8. С. 163–164.

[127] РГАДА. Ф. 214. Стб. 1533. Л. 431–434.

[128] *Успенский Б. А.* Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // *Успенский Б. А.* Избранные труды. Т. II: Язык и культура. М., 1994. С. 76–77.

129 РГАДА. Ф. 214. Стб. 1533. Л. 436–437.

130 ПСЗ. Т. III. С. 204.

131 РГАДА. Ф. 214. Стб. 1533. Л. 416, 441.

132 Там же. Л. 399–404.

133 *Бахрушин С. В.* Ясак в Сибири в XVII в. // *Бахрушин С. В.* Научные труды. М., 1955 Т. III. Ч. 2. С. 77–79.

134 РГАДА. Ф. 214. Стб. 1533. Л. 405–406.

135 *Акишин М. О.* Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 77–78.

136 *Вершинин Е. В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). С. 104–137.

137 РГАДА. Ф. 214. Стб. 1402. Л. 90.

138 Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII века. Тексты. С. 179 (№ 244).

139 РГАДА. Ф. 214. Стб. 139. Л. 390–391, 397.

140 РГАДА. Ф. 214. Стб. 408. Л. 394–400.

141 Там же. Стб. 503. Л. 19–21.

142 Там же. Стб. 1056. Ч. 1. Л. 38–39.

143 *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. III. Ч. 2. С. 150.

144 *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960. С. 29, 31.

145 РГАДА. Ф. 214. Стб. 88. Л. 37–40.

146 Там же. Л. 40–44, 50.

147 См., например: *Степанов Н. Н.* Присоединение Восточной Сибири в XVII в. и тунгусские племена // Русское население Поморья и Сибири. М., 1973. С. 119–123.

148 *Копылов А. Н.* Таможенная политика в Сибири в XVII в. // Русское государство в XVII веке. М., 1961. С. 330–370; *Вилков О. Н.* Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI — начала XVIII в. Новосибирск, 1990. С. 113–172.

149 РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 142–144.

150 РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 46–48.

151 АИ. СПб., 1841. Т. 2. С. 27–28.

152 Как и в случае с воеводским управлением, гостиные дворы в Сибири учреждались, видимо, по примеру русского «освоения» Казанского края. Так, уже в 1566 г. в Казани (напротив Спасской башни кремля) существовал деревянный «Гостин двор приезжих гостей» с лавками и амбарами, построенный за счет государевой казны (См.: Список с писцовых книг по городу Казани с уездом, 1566–1568 гг. Казань, 1877. С. 56–62). За указание на данный источник приношу благодарность В. В. Трепавлову.

153 РГАДА. Ф. 214. Кн. 2. Л. 76–203.

154 Там же. Л. 34 об.— 38.

155 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М., 1999. Т. I. Приложения. С. 381 (№ 38).

156 Там же. Приложения. С. 395 (№ 45).

157 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 234–236 (№ 69).

[158] *Буцинский П. Н.* Соч. в двух томах: Т. 2. Мангазея. Сургут, Нарым и Кетск. Тюмень, 1999. С. 83.

[159] *Вилков О. Н.* Сургут и его торговля в XVII в. // Таможенные книги сибирских городов XVII века. Вып. I. Сургут и Тара. Новосибирск, 1997. С. 12.

[160] РИБ. Т. 2. Стб. 843–845.

[161] *Копылов А. Н.* Таможенная политика в Сибири в XVII в. С. 341.

[162] Там же. С. 344.

[163] Там же. С. 351.

[164] *Вилков О. Н.* Очерки социально-экономического развития Сибири... С. 136–137.

[165] *Копылов А. Н.* Таможенная политика в Сибири в XVII в. С. 334; *Манькова И. Л.* Таможенная служба на Обдорской и Собской заставах в первой половине XVII века // Русское освоение Ямала до начала XX века (документы и исследования). Екатеринбург, 2005. С. 60–61.

[166] Первое столетие сибирских городов. XVII век. С. 47–47.

[167] Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII — начала XVIII в. С. 278–281.

[168] Там же. С. 284–288.

[169] *Копылов А. Н.* Таможенная политика в Сибири в XVII в. С. 334.

[170] РГАДА. Ф. 214. Стб. 139. Л. 356–367.

[171] РГАДА. Ф. 214. Стб. 60. Л. 330–336.

[172] *Манькова И. Л.* Таможенная служба на Обдорской и Собской заставах... С. 58–67.

[173] РГАДА. Ф. 214. Стб. 60. Л. 332.

[174] Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII — начала XVIII в. С. 293, 291.

[175] *Манькова И. Л.* Таможенная служба на Обдорской и Собской заставах... С. 119–122.

[176] РГАДА. Ф. 214. Стб. 88. Л. 251–258.

[177] *Манькова И. Л.* Таможенная служба на Обдорской и Собской заставах... С. 67–118.

[178] Прибыльные дела сибирских воевод и таможенных голов XVII — начала XVIII в. С. 294–297.

[179] РГАДА. Ф. 214. Стб. 263. Л. 379–380, 393.

[180] АИ. СПб., 1842. Т. IV. С. 32–35; ДАИ. СПб., 1848. Т. III. С. 43–47; *Копылов А. Н.* Таможенная политика в Сибири в XVII в. С. 335.

[181] РГАДА. Ф. 214. Стб. 263. Л. 448–452.

[182] *Манькова И. Л.* Таможенная служба на Обдорской и Собской заставах... С. 128–130.

[183] РГАДА. Ф. 214. Стб. 503. Ч. 1. Л. 27–30.

[184] Там же. Стб. 88. Л. 718–727.

[185] Там же. Стб. 503. Ч. 1. Л. 6–7.

[186] *Маньков А. Г.* Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998. С. 141–150.

[187] *Копылов А. Н.* Таможенная политика в Сибири в XVII в. С. 341.

188 Первое столетие сибирских городов. XVII век. С. 59–61.

189 Таможенные книги сибирских городов XVII века. Вып. 1. Сургут и Тара. Новосибирск, 1997. С. 19–66.

190 Первое столетие сибирских городов. XVII век. С. 123–128.

191 Таможенные книги сибирских городов XVII века. Вып. 6. Томск, Нарым, Березов. Новосибирск, 2004. С. 64–75.

192 СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 237–237 об.

193 Новые таможенные статьи были отражены в наказах таможенным головам. См., например, наказ голове Новой Мангазеи от 30 августа 1693 г., где в качестве общих для всей Сибири присутствуют 26 статей (ПСЗ–I. Т. III. № 1474. С. 160–167).

194 *Копылов А. Н.* Таможенная политика в Сибири в XVII в. С. 360–369; ПСЗ. Т. III. № 1654. С. 491–517.

195 *Новоселова А. А.* Кто такие старожилы? (Истолкование термина в современной этнографии) // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (11–13 декабря 2000 г., г. Тобольск). Тобольск–Омск, 2000. С. 90.

196 *Каменецкая Р. В.* Русские старожилы полярного ареала // Русский Север. Л., 1986. С. 68.

197 *Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск,1975. С. 48–49.

198 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. Приложения. С. 341–342 (№ 11).

199 Там же. Приложения. С. 446–447 (№ 100). Интересно, что определение «польской» (от «поля») — довольно старое в русском языке. В середине XII в. Юрий Долгорукий основал город Юрьев Польской, который позднее известен как Юрьев Польский.

200 Формировавшееся в последней четверти XVI в. терское казачество генетически было тесно связано с волжским. См.: Терское казачье войско / *Авторы-составители А. А.* Ржевусский, Е. Д. Максимов. М., 2014. С. 12–14.

201 Терское казачье войско... Т. II. Приложения. С. 355–356 (№ 207); *Корецкий В. И.* Из истории заселения Сибири накануне и во время «смуты» (конец XVI — начало XVII в.) // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). М., 1973. С. 37–41.

202 *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII в. С. 29; Первое столетие сибирских городов. XVII век. Новосибирск, 1996. С. 156.

203 РГАДА. Ф. 214. Стб. 139. Л. 393–394.

204 Там же. Стб. 144. Л. 4–25.

205 *Буцинский П. Н.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников. С. 164.

206 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 310 (№ 166).

207 *Буцинский П. Н.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников. С. 165–167.

208 Первое столетие сибирских городов. XVII век. С. 156.

209 Там же. С. 74.

210 РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 12 об.

211 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 240 (№ 72).

[212] РГАДА. Ф. 214. Стб. 25. Л. 30–32.

[213] *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. С. 29.

[214] Березово. Очерки истории с древности до наших дней). Екатеринбург, 2008. С. 80, 82; *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. М., 1964. С. 83. ДАИ., 1848. Т. 3. С. 375–376.

[215] Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Сб. док. М., 1962. Т. III. С. 373.

[216] *Покровский Н. Н.* Сибирское общество XVII — начала XVIII в. по челобитным // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. Новосибирск, 2006. С. 192–193; *Никитин Н. И.* Соратники Ермака после «Сибирского взятья» // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург, 2001. С. 73.

[217] Березово... С. 88.

[218] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 422–423 (№ 273).

[219] *Бродников А. А.* Сибирский служилый человек Максим Перфирьев (опыт биографического исследования) // Книга и литература в культурном контексте. Новосибирск, 2003. С. 222.

[220] РГАДА. Ф. 214. Стб. 762. Л. 24–26, 30.

[221] Березово. С. 85, 87.

[222] Обдорский край и Мангазея в XVII веке. С. 45, 124, 61; РГАДА. Ф. 214. Стб. 457. Л. 539.

[223] Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. III. С. 373; РГАДА. Ф. 214. Кн. 1331. Л. 47.

[224] *Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. С. 83–88; Она же. Русские старожилы Югры // Русское старожильческое население Югры в конце XVI — середине XIX вв.: Исследовательские материалы и документы. М., 2007. С. 257–288.

[225] Березово. С. 82.

[226] *Резун Д. Я.* Родословная сибирских фамилий. Новосибирск, 1993. С. 113; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Приложения. Т. II. С. 240 (№ 72).

[227] РГАДА. Ф. 214. Стб. 115. Л. 194–196.

[228] Обдорский край и Мангазея в XVII веке. С. 30, 38, 57.

[229] РГАДА. Ф. 214. Кн. 610. (Книга занимает листы: 68 об.— 79).

[230] Березово. С. 115–116.

[231] *Герасимов В. Н.* Обдорск, Тюмень, 1909. С. 22.

[232] РГАДА. Ф. 214. Стб. 88. Л. 251–266.

[233] Обдорский край и Мангазея в XVII веке. С. 38, 55, 123; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 21. Л. 204. Должность городничего в XVII в. была не во всех сибирских городах. Функции городничего в то время никто специально не изучал. Представляется, что на него возлагались полицейские функции (штат «выимщиков») и противопожарная безопасность города.

[234] РГАДА. Ф. 214. Стб. 88. Л. 288–297; Обдорский край и Мангазея в XVII веке. С. 101, 106, 110.

[235] СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16.

[236] Березово. С. 85.

237 *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. С. 95.

238 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 611–612 (№ 456).

239 Первое столетие сибирских городов. XVII век. С. 51.

240 *Бахрушин С. В.* Пути в Сибирь в XVI–XVII вв. // *Бахрушин С. В.* Научные труды. М., 1955. Т. III. Ч. 1. С. 83–84.

241 *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. С. 29; Первое столетие сибирских городов. XVII век. С. 159.

242 *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI — XVII вв. М., 1981. С. 8, 11. В Березове посадского населения не было.

243 РГАДА. Ф. 214. Стб. 88. Л. 282–284.

244 Там же. Стб. 25. Л. 34; стб. 88. л. 313; стб. 75. л. 591–598; стб. 408. л. 481.

245 *Полетаев А. В.* «Осень Мангазеи (два документа по истории «старой Мангазеи)» // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. Вып. № 4 (56). Салехард, 2008. С. 32–35.

246 РГАДА. Ф. 214. Кн. 610. Л. 47–65 об.

247 *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI — XVII вв. С. 7.

248 Там же. С. 8–9.

249 *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. С. 59.

250 РГАДА. Ф. 214. Стб. 220. Л. 55.

251 Первое столетие сибирских городов. XVII век. С. 157–158.

252 *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. С. 73.

253 Там же. С. 75.

254 *Вершинин Е. В., Шашков А. Т.* Документы XVII века по истории Сургутского уезда // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. С. 129–131, 133.

255 Там же. С. 137.

256 Там же. С. 146.

257 Там же. С. 197–204.

258 Древний город на Оби: история Сургута. С. 121.

259 РГАДА. Ф. 214. Стб. 134. Л. 382–383.

260 *Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. С. 29.

261 *Леонтьева Г. А.* Землепроходец Ерофей Павлович Хабаров. М., 1991. С. 137.

262 Древний город на Оби: история Сургута. С. 135–158; *Миненко Н. А.* Русские старожилы Югры. С. 257–266. При анализе фамилий сургутских старожилов XVII в. использованы книга окладного жалованья 1625/26 г., разборная книга служилым людям 1689 г. и городовой список Сургута 1697 г. (*Вершинин Е. В., Шашков А. Т.* Документы XVII века по истории Сургутского уезда. С. 197–240).

263 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 247, 273 (№ 83, 273).

[264] Древний город на Оби: история Сургута. С. 137–138.

[265] Первое столетие сибирских городов. XVII век. С. 21.

[266] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 273 (№ 117).

[267] *Никитин Н. И.* Казачество Сургута в XVII в. // Русское старожильческое население Югры в конце XVI — середине XIX вв.: Исследовательские материалы и документы. М., 2007. С. 150.

[268] *Вершинин Е. В., Шашков А. Т.* Документы XVII века по истории Сургутского уезда. С. 164.

[269] Представляется неверным предположение Н. И. Никитина о некоем Михаиле Селине (был казачьим головой в Сургуте в 1661 г.) как родоначальнике фамилии Силиных. На происхождение Селина из посадских людей Серпухова указал служилый человек из Бежецкого Верха Я. Л. Окулов, который сам стремился занять место казачьего головы в Сургуте. Решение Сибирского приказа трактуется однозначно: «Государь пожаловал, велел быть, как прежнему два годы минет». Пожалование здесь относится к Окулову, Селин же занимал должность казачьего головы всего лишь 2 года. Назначение казачьих голов на время из Москвы было схожим с назначением воевод (*Никитин Н. И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII века. С. 80; Он же. Казачество Сургута в XVII в. С. 150).

[270] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. Приложения. С. 429 (№ 80).

[271] *Бродников А. А.* Сибирский служилый человек Максим Перфирьев. С. 213, 227.

[272] *Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. С. 85.

[273] Там же. С. 84.

[274] *Александров В. А., Покровский Н. Н.* Власть и общество. Сибирь в XVII в. С. 80–81; Древний город на Оби: история Сургута. С. 122–123.

[275] РГАДА. Ф. 214. Стб. 88. 267–273.

[276] *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. С. 141–157.

[277] Там же. С. 150.

[278] РГАДА. Ф. 214. Кн. 26. Л. 6–66 об.

[279] *Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. С. 47.

[280] РГАДА. Ф. 214. Стб. 611. Л. 225, 229.

[281] *Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. С. 48.

[282] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. Приложения. С. 432 (№ 84).

[283] Там же. С. 429–432 (№ 80,83).

[284] *Буцинский П. Н.* Соч. в двух томах: Т. 2. Мангазея. Сургут, Нарым и Кетск. С. 100.

[285] Первое столетие сибирских городов. XVII век. С. 145. Помимо этого, в ведомости 1701 г. в остроге зафиксированы 14 оброчных людей. Они сами платили деньги в казну, поэтому их не следует путать с «оброчниками», получавшими государево жалованье.

286 *Буцинский П. Н.* Соч. в двух томах: Т. 2. Мангазея. Сургут, Нарым и Кетск. С. 108–109; Первое столетие сибирских городов. XVII век. С. 146.

287 *Шашков А. Т.* Самаровский ям и его жители в XVII веке // Русское старожильческое население Югры в конце XVI — середине XIX вв. С. 181–200.

288 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 434–435 (484).

289 *Шашков А. Т.* Население Самаровской слободы в начале XVIII в. // Русское старожильческое население Югры в конце XVI — середине XIX вв. С. 203.

290 *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. С. 119–140.

291 *Акимов Ю. Г.* Северная Америка и Сибирь в конце XVI — середине XVIII в. Очерк сравнительной истории колонизаций. СПб., 2010. С. 86.

292 *Оглоблин Н. Н.* «Женский вопрос» в Сибири в XVII веке // Исторический вестник. Т. XLI. СПб., 1890. С. 205–206.

293 *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. С. 133.

294 РГАДА. Ф. 214. Стб. 143. Л. 293; Стб. 1299. Л. 52.

295 *Акимов Ю. Г.* Северная Америка и Сибирь в конце XVI — середине XVIII в. С. 87.

296 В 1626 г. первые енисейские пашенные крестьяне (20 человек) писали в челобитной: «А как, государь, с твоей государевой пашни придем — хлебы печем и ести варим, и толчем, и мелем сами, опочиву нет ни на мал час. А как бы... у нас, сирот твоих, женишка были, и мы бы хотя избные работы не знали... А без женишек нам быти никако не мочно» (*Покровский Н. Н.* Сибирское общество XVII — начала XVIII в. по челобитным. С. 184). «Гулящие жоночки», о присылке которых просили первые поселенцы, не обязательно относились к женщинам предосудительного поведения. По аналогии с «гулящими людьми», в этот разряд попадали, видимо, женщины, утратившие прочный социальный статус (жены, сестры или дочери тяглого человека) и потому готовые найти мужей в Сибири.

297 *Миненко Н. А.* Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первой половины XIX в.) Новосибирск, 1979. С. 12–16.

298 *Буцинский П. Н.* Соч. в двух томах: Т. 2. Мангазея. Сургут, Нарым и Кетск. С. 226.

299 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 323, 343 (№ 179, 197).

300 Там же. С. 329 (№ 179).

301 Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск, 1994. С. 196–197.

302 *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. С. 122, 129.

303 *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI — XVII вв. М., 1981; *Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.* Мангазея: новые

археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург–Нефтеюганск, 2008.

304 *Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.* Мангазея: новые археологические исследования. С. 98–103.

305 *Бахрушин С. В.* Зернь // *Бахрушин С. В.* Труды по источниковедению, историографии и истории России эпохи феодализма. М., 1987. С. 122–125.

306 *Буцинский П. Н.* Соч. в 2-х томах: Т. 2. Мангазея. Сургут, Нарым и Кетск. С. 35–36; *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов... С. 10.

307 *Бахрушин С. В.* Андрей Федорович Палицын. С. 196.

308 РГАДА. Ф. 214. Стб. 60. Л. 532.

309 Там же. Стб. 408. Л. 394–400.

310 Там же. Стб. 503. Л. 19–21.

311 Там же. Стб. 650. Л. 81. В XVII в. праздник Крещения Господня (6 января, другие названия — Богоявления, Водосвятия) церемониально отмечался в Москве и провинциальных городах России. См.: *Котлярчук А. С.* Праздничная культура в городах России и Белоруссии XVII в.: официальные церемонии и крестьянская обрядность. СПб., 2001. С. 150–157.

312 РГАДА. Ф. 214. Стб. 869. Л. 68–73.

313 *Ромодановская Е. К.* Легенда о Василии Мангазейском. С. 191–198.

314 *Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.* Мангазея: новые археологические исследования. С. 36–60.

315 *Александров В. А.* Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. С. 168.

316 РГАДА. Ф. 214. Стб. 88. Л. 380–389.

317 *Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф.* Мангазея. Мангазейский морской ход. М., 1980. С. 76, 78. Подробнее см.: *Вершинин Е. В.* О соотнесении данных письменных источников и археологии при раскопках Мангазеи // Русские. Материалы VII-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (9–11 декабря 2004 г., г. Тобольск). Тобольск, 2004. С. 14–18.

318 *Визгалов Г. П., Пархимович С. Г.* Мангазея: новые археологические исследования. С. 129.

319 С этой находкой меня любезно ознакомил Г. П. Визгалов. Специальная статья о ней еще не опубликована.

320 *Люцидарская А. А.* Колдовство и магия в жизни колонистов Сибири XVII века // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 4 (32). С. 124–129.

321 Там же. С. 127.

322 Первое столетие сибирских городов. XVII век. С. 97.

323 РГАДА. Ф. 214. Стб. 490. Ч. 1. Л. 107.

324 *Вершинин Е. В., Шашков А. Т.* Документы XVII века по истории Сургутского уезда. С. 194–197.

325 РГАДА. Ф. 214. Стб. 123. Л. 472. Подобные примеры имеются и по другим сибирским городам.

Глава IV Русская власть и автохтонное население Северо-Западной Сибири

1. Этнический состав и численность коренного населения в XVII веке

В XVII в. коренными народами, населявшими территорию Северо-Западной Сибири, были самоеды (тундровые и лесные ненцы, тундровые и лесные энцы, селькупы), вогулы (манси) и остяки (ханты).

Самодийцы В русских документах XVII в. еще нет более поздней терминологии, разделяющей тундровых ненцев на самоедов Каменной и Низовой сторон. Все кочующие ненцы по обе стороны Нижней Оби формально входили в состав Обдорской волости Березовского уезда (обдорские самоеды). Их западные родственники, приписанные по уплате ясака к Пустозерску, назывались «пустозерской самоядью».

В документах ясачного учета по отношению к самоедам употребляется термин «род», который не применялся к другим народам Западной Сибири. Исследовавший эти документы Б. О. Долгих насчитал на конец XVII в. 18 родов обдорских самоедов[1]. По поводу рода (по-ненецки *еркар*), как основной единицы социальной организации ненцев, в научной литературе высказаны разные мнения. С. В. Бахрушин писал, что «кочевой быт способствовал сохранению у самоедов родового строя в его самом первобытном виде»[2]. Хорошо известно, что в дальнейшем (XVIII–XIX вв.) из состава известных нам родов выделялись «дочерние», и количество родов постепенно возрастало. В противоположность мнению С. В. Бахрушина А. В. Головнёв полагает, что «ненецкий род, обычно представляемый

разлагающимся рудиментом первобытности, в действительности был боевым и здоровым организмом. Он формировался вокруг вождя и его родичей, представляя собой орду воинов и промысловиков. С развитием крупностадного оленеводства ненецкие роды оказались рассеянными по тундре, множась на ветви под началом новых поколений лидеров»[3].

С. В. Бахрушин обрисовал в свое время социальный и количественный состав ненецкого рода XVII в., с которым соглашаются и современные исследователи. Согласно С. В. Бахрушину, род, возглавляемый вождем («князцом»), первоначально состоял из близких родственников — «родников», и постепенно расширялся за счет свойственников (шурьев, зятьев), пасынков, вскормленников. В род могли быть приняты экономически маломощные люди, искавшие поддержки и защиты. Наконец, военные столкновения расширяли род за счет пленников — в основном женщин и детей. Приводя примеры из мангазейских ясачных книг о родах, кочевавших на Таймыре, С. В. Бахрушин делает вывод, что «общая численность рода... считая женщин и детей, определяется обычно в несколько десятков человек»[4]. В отношении обдорских самоедов этот вывод плохо согласуется с известным нам количеством плательщиков ясака того или иного рода. Надо заметить, что в XVII в. обдорская «самоядь» (она же — юрацкая, немирная, кровавая) платила неокладной ясак, поскольку у русской администрации не было никакой возможности точно пересчитать всех кочующих ненцев. Данные о количестве плательщиков ясака по отдельным родам появляются только в конце XVII в. Источники, которые обработал Б. О. Долгих, дают большой разброс в численности дееспособных мужчин в отдельных родах. Так, в роде Большие Карачеи в 1695 г. было почти 400 ясакоплательщиков, у рода Сигуней — 50, а у Вынги — всего 3. В большинстве роды состояли из нескольких десятков ясакоплательщиков; тогда общее количество членов рода достигало двух–трех сотен человек. Данные, приводимые Б. О. Долгих, явно противоречат суждениям С. В. Бахрушина. Представляется, что источники, на которые опирался С. В. Бахрушин, отразили только ближайшее окружение «князцов» — семью, родственников, холопов. Весь род в мирное время не обязательно мог кочевать или заниматься рыболовством в полном составе[5].

С другой стороны, эти источники могли отразить идущий процесс дробления больших, первоначальных родов на более мелкие, которые еще не оторвались окончательно от большого рода. Обычно процесс выделения новых родов у сибирских тундровых самоедов относят ко времени более позднему, чем XVII в., но представляется,

что документация ясачного учета первого столетия русской колонизации по большей части просто не отразила этот процесс. Как отмечено в этнографической литературе, отделявшиеся роды носили имена родоначальников. Родоначальник — это прежде всего военный вождь. Как полагает А. В. Головнёв, «именно в войнах и конфликтах вокруг вождя *(ерв)* формировался род *(еркар)*; при тех же обстоятельствах роды разделялись и объединялись»[6]. Возможно, данное положение более применимо как раз к XVII в., когда слабо действовали экономические факторы, называемые исследователями в качестве причин распада первоначальных родов (развитие крупностадного оленеводства и частной собственности на оленей, разграничение территорий выпаса оленей, растущая имущественная и социальная стратификация). И. И. Крупник совершенно правомерно поставил вопрос о принципах письменного учета коренного населения, проводимого русской администрацией. В XVII в. учитывались только ясакоплательщики и те, кто по разным причинам уже не мог вносить ясак. Ревизские сказки с конца XVIII в. фиксировали семейный состав аборигенного населения. Однако, как подметил И. И. Крупник, «ревизии и ясачные сказки ориентировались прежде всего на простоту и устойчивость учета коренного населения для максимально надежного сбора пушного налога» и потому упрощали изменяющуюся картину родового состава ненцев[7].

Сохранившиеся, помимо книг ясачного сбора, разрозненные источники иного характера совершенно определенно свидетельствуют о неполном отражении родового состава тундровых самоедов XVII в. в документации ясачного учета. Приведем некоторые примеры. В научной литературе высказано мнение, что в процессе дробления большого Карачейского (Харючи) рода к 30–40-м годам XVIII в. из него выделился род Наречи[8]. В одном документе 1642 г. неожиданно находятся уточняющие сведения. Это отписка пустозерского воеводы Неплюева о масштабном набеге на Пустозерский уезд сибирских самоедов рода Большие Карачеи. Около 200 ненецких воинов целый месяц разоряли уезд и затем отошли в тундру. Сразу после этого два русских жителя уезда, «которых грабили самоядь в деревнях», сообщили воеводе, что «идут де под Пустозерский острог самоядь воевать нас бои, Ану-Карачея прозвищем Нарицы»[9]. Таким образом, род Ану-Карачей в середине XVII в. был вполне самостоятельным по отношению к Большим Карачеям; во-вторых, именно из него выделился известный впоследствии род Наречи.

К 30-м годам XVIII в. из Больших Карачеев выделился, как определила Н. А. Миненко, род Езынге. Вероятно, его самостоятельность следует отнести к немного раннему времени. Известно, что в 1735 г.

род Езынге возглавлял Мачт Тудулин, а количество вооруженных воинов рода составляло 150 человек[10]. В источниках имеются фрагментарные упоминания родов тундровых ненцев, свидетельствующие об идущем процессе дробления больших родов. Так, в 1636 г. у Надымской губы были убиты два мангазейских гонца, направлявшихся в Обдорск. Среди самоедов ходили слухи, что гонцов «побила неясачная самоядь, юраки Тыютова роду Юхи»[11]. Б. О. Долгих предположил, что Юхи — это известный среди самодийцев род Ючи (лесные ненцы, энцы) и Пучи (тундровые ненцы). Под 1656 г. в составе юрацких самоедов упоминается род Сотысиды[12]. Представление о том, что было известно русским людям (конечно, тем, кто имел торговые отношения с самоедами) о родах сибирских тундровых ненцев дает челобитная 1641 г. устюжанина Михаила Кондакова, племянника одного из двух убитых мангазейских гонцов. Кондаков писал: «Жалоба, государь, мне на Карачею и закаменную самоедь: Большие Карачеи на Немчина, да на Хияна, да на Малово, да на Хозку, да на Трясоголова, да на Урея; да роду Пурыега на Сергу, да на Кривова, да на Кирпета, да на Хромово с товарыщи их; Ванютина роду на Яру с товарищы; да на Сабеин род; да на Гигиных род; да на Адеры род; да Ану-Карачеин род; на Ялты род... и на все их роды карачейские и закаменные самоеди»[13]. В этом документе можно отметить несколько интересных моментов. Род больших Карачеев явно лидирует среди всех остальных родов тундровых ненцев. Роды Гигиных и Ялты в дальнейшем, кажется, не упоминаются. Данный источник, как представляется, зафиксировал время отделения от первоначального рода Вануйто рода Яр (Яры), продолжавшего существовать вплоть до XX в. В тексте челобитной слово «Яр» определенно употреблено как имя собственное, что лишний раз подтверждает мысль о происхождении названий малых родов от имен родоначальников.

Помимо рода, другой единицей социальной организации тундровых самоедов в XVII в. являлось племенное объединение. А. И. Шренк, посетивший приуральские тундры в 1837 г., писал, что «не только все европейские самоеды, но и сибирские их единоплеменники до Обского бассейна разделяются на три главных племени: *лага, ванонта* и *харици* или *харуци*, которые, по всей вероятности, считали друг друга за разные народы, потому что слово танз, означающее племя, выражает также понятие *народа*»[14]. Если род — *еркар*, то племенное объединение — *тэнз* (Лэхэ тэнз, Харючи тэнз, Вануйта тэнз).

В научной литературе долгое время считалось, что первое упоминание племени Харючи в русских источниках относится к началу

XVII в. В 1623 г. тобольские воеводы расспрашивали опытного промышленника Леонтия Шубина о старом морском пути из Поморья в Обскую губу. Шубин вспомнил свое первое плавание в 1602 г. по Мангазейскому морскому ходу, который включал волоковые пути через среднюю часть Ямала, и в том числе сообщил: «по обе стороны Мутные реки временем кочюет самоедь Карачея и иные роды, а дают та самоядь ясак в Пустоозеро»[15]. В этнографической литературе считается, что племя Логеи (*Лэхэ тэнз*, у А. Шренка — *Лага-танз*), расселенное в западных от Урала тундрах, известно по письменным источникам с конца XVII в. Уже цитированная (гл. I) жалованная грамота (1525 г.) великого князя Василия III «самояди югорской» значительно удревняет существование племен Логеи и Харючи. Снова процитируем адресатов грамоты: «В самоедь Югорскую, что живут по реке по Оби, князю Карачею Седу да князю Лехею, да князю Томылу, да князю Белоголову, да князю Яркоме и всем земским людем самояди Югорской»[16]. Данная грамота содержит самые первые упоминания о племенных объединениях Харючи и Логеи (может, в то время только больших родов?), обитавших тогда за Уралом, в низовьях Оби.

Следующие по времени сведения о самоедских племенах относятся к 1597 г. Они содержатся в грамоте царя Федора Ивановича в Пустозерск; сама грамота являлась ответом на челобитную тундровых «морских самоедов» Хубея Сахина и Седукея Акуева. Они жаловались на то, что сборщики дани, находившиеся в Пустозерске, стали взимать с них дань в размере, намного превышающем прежний оклад. Кроме того, как писали челобитчики, «оне де, самоедь, ныне охудали и одолжали: Лохей да Ванюта, да Талынга, да Карачей. А наши де данщики правят и за тое самоедь нашу дань на нем,

Хозяйство самоедов. Рисунок из книги Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария». Конец XVII в.

на Хубее». Здесь впервые в русских источниках зафиксировано название племени Вануйто. Далее Хубей жаловался на грабежи своих оленей со стороны «безданных» самоедов, носивших родовые названия Вонга и Сабый[17]. Как известно из более поздних источников, роды Вынги и Сабы (Сабеи) считались ветвями первоначального рода Вануйто; существует ненецкое предание о трех братьях — родоначальниках этих родов[18].

Определение этнического состава тундровых самоедов зависит от того, какой версии этногенеза самодийцев, в частности ненцев, придерживается исследователь. Большинство специалистов-этнографов (Г. Д. Вербов, В. Н. Чернецов, Б. О. Долгих, В. И. Васильев, Л. В. Хомич и др.) являются сторонниками южносибирской (саяно-алтайской) гипотезы происхождения самодийцев, согласно которой предки ненцев в результате миграций с юга заселили в конце I тыс. н.э. север Западной Сибири и Урала. Местное аборигенное население (в преданиях ненцев оно присутствует как народ, ушедший в землю, сихиртя), самодийцы ассимилировали, вступая с ним в брачные отношения. Одним из доказательств этому служит существование в историческое время двух экзогамных фратрий — племенных объединений с их ветвями-родами: Харючи и Вануйто. Сторонники южносибирской гипотезы считают объединение Харючи исконными самодийцами, в то время, как группа родов Вануйто этнически восходит к досамодийскому арктическому населению, сменившему язык.

Не совсем понятно, на чем основано обаяние версии южной прародины самодийцев; археологических следов предполагаемых миграций самодийцев на север не выявляется, а в фольклоре и мифологии ненцев нет никаких отголосков их южной прародины. Как представляется, жесткий каркас дуально-фратриальной организации (в данном случае Харючи — Вануйто), которая просто «обязана» найтись у «примитивных» народов, во многом сковывает поиск исследовательской мысли. Собственно, нам даже неизвестно, с какого времени племенные объединения Харючи и Вануйто стали взаимно экзогамны; в русских источниках XVII в. сведений о брачных связях ненцев просто нет. Современный исследователь А. П. Зенько пишет: «Очевидно, самодийцы, будучи представителями одной родовой группировки, не могли заключать браки друг с другом. Поэтому, оказавшись в Приполярье, стали вступать в браки с аборигенами»[19]. Возникает простой вопрос: с кем заключали браки самодийцы, продвигаясь со своей алтайской прародины на север? В упрощенной схеме дуально-фратриальной организации общества тундровых самоедов как-то не находится место роду (племени) Лэ-

хэ, хотя, как показано выше, и Карачеи, и Ванюта, и Лохей существовали и доминировали среди самоедов уже в XVI в.

В последнее время гипотеза о южной прародине самодийцев подверглась критике с одновременным доказательством изначальной (пока теряющейся в глубине веков) автохтонности предков современных ненцев. Н. В. Фёдорова пришла к выводу: «Ненцы ниоткуда — ни с Саяно-Алтая, ни с запада, из Большеземельской тундры — не пришли, а всегда в виде каких-то своих дальних предков присутствовали на севере Западной Сибири»[20]. Убедительно версию об исконно северной прародине самодийцев отстаивает А. В. Головнёв: «Самодийская прародина, вероятно, располагалась там же, где в историческое время кочевали ватаги «каменных самоедов» (уральских ненцев) — в северных лесах и тундрах по склонам Уральского хребта, включая Припечорье на западе и Приобье на востоке»[21]. Что касается загадочных сихиртя, то фольклорные предания поздних тундровых ненцев свидетельствуют, что сихиртя понимали ненецкий язык. В представлениях ненцев-оленеводов ямальские сихиртя, жившие в землянках и занимавшиеся морским зверобойным промыслом, а также охотой на дикого оленя,— народ «примитивный». В ряду отдаленных аналогий вспомним ту характеристику, которую давал в начале XII в. киевский летописец «культурным» полянам и остальным восточнославянским племенным объединениям (древлянам, радимичам, вятичам, северянам). Последние, в отличие от полян, жили в лесах «зверинским образом», «яко же и всякий зверь, ядуще все нечисто». Осуждение со стороны представителя просвещенных христианством полян вызвали нормы традиционной обрядности древнеславянского населения, хотя летописец не отрицал родство языков всех славянских племен[22]. Сихиртя и ненцев-оленеводов можно представить в плоскости контактов двух культур, носители которых когда-то принадлежали к одной прасамодийской общности, но со временем избравших разные модели освоения северных пространств.

Племя Большие Карачеи было самым крупным объединением тундровых самоедов в XVII в., претендовавшим на лидирующую роль в кочевом северном мире. В начале XVII в. они кочевали по обоим склонам Северного Урала и освоили большую часть Ямальского полуострова. В дальнейшем Карачеи с их родами-ответвлениями господствовали на южном побережье Обской губы, в тундрах между Обью и Тазом. Определить точно численность Карачеев, ввиду несовершенства ясачного учета, видимо, невозможно. В 1633 г. казымские (лесные) самоеды жаловались на набег и разорение со стороны тундровых самоедов, возглавляемых братьями из рода Карачеев

Пидириской и Трясоголовом. Братья привели с собой 300 воинов[23]. В 1642 г. Пустозерский уезд громили только Большие Карачеи во главе с вождем Хулейкой и в составе 200 воинов. Интересно, что гнев сибирских самоедов был направлен не только против русского населения уезда. Они «воров самоядь, которые наперед сего нашу сибирскую казну громили, Лохеев и Ванюта, хотели выбить»[24].

В конце 1649 г. в Обдорском городке, во время сдачи ясака, березовским казакам удалось захватить в аманаты лучшего «князца» Больших Карачеев Пося Хулеева и двух вождей других родов. Всего к Обдорску для сдачи ясака съехалось шесть родов («землиц»): Большие Карачеи, Адеры, Сабей, Сегуней, Пуруега и Ванюта. Захватившие аманатов казаки Кокоулин и Свешников заявили, что «у тех де шти князцей в их землицах самояди 3150 человек». Березовский воевода М. С. Лодыженский по окончании срока воеводства подал в Москве челобитную о награждении, в которой указал, что его стараниями прибрано вновь в ясак более двух тысяч тундровых самоедов. Ложь Лодыженского разоблачили обдорские остяки, которые просили нового воеводу освободить самоедских аманатов и сообщили: «А той, государь, карачейской самояди всех и с началу не бывало двух тысяч человек и нынеча нет ни осьмисот человек — и худых, и добрых»[25]. В 1695 г. среди обдорских самоедов был учтен 391 человек, принадлежавших к Карачеям.

В свое время В. И. Васильев писал о ненцах XVII в.: «Власть «князцов» не была наследственной... Как правило, после смерти «князца» или истечения срока его полномочий эту должность мог занять член другого рода из состава данной этнографической группировки»[26]. Известные материалы о тундровых самоедах XVII в. позволяют утверждать, что власть вождей в элитном роде Больших Карачеев на то время была все-таки наследственной. Известные нам вожди Хулейко и Немчинко являлись, видимо, родными (или двоюродными) братьями. Признанным лидером среди тундровых ненцев в 1640–1670-е гг. был вождь Больших Карачеев Пось (Поско) Хулеев. У него известны братья: старший Хена (Хыня, Хесня), Хаска (умер в 1652 г. в Пустозерске после пыток) и Едурейко. У Пося Хулеева было три сына, из которых двое (Маулка и Игонка) наследовали ему и в 1678 г. возглавили ненецкое войско разных родов в 400 человек, с которым осадили Обдорск. Известен сын Хены Корюча, который тоже в 1678 г. находился под Обдорском, а зимой 1679 г. оказался уже на Енисее, где «со многими людьми» разорял русские зимовья и истреблял промысловиков.

Не угасала в XVII в. и линия Пидириски. В источниках фигурирует его внук Одычко Немчинов; зимой 1696/97 г. Одычко во главе 400

воинов напал на самоедов, которые шли сдавать ясак в Обдорск. По словам пострадавших, масштабы грабительских действий Одычки были весьма внушительными: он действовал в Мангазейском и Пустозерском уездах; в 1696 г. посылал 70 самоедов на Мезень — отнимать оленей у местных русских жителей[27]. Известный малый род Ненянгов, который, по мнению Н. А. Миненко, «созрел» к середине XVIII в. внутри Карачейского рода, ведет свое происхождение от линии Пидириски–Немчинки. В 1735 г. источникам известен юрацкий самоед Еней, «прозванием Комар, роду Оды» (*ненянг* по-ненецки комар)[28]. Мангазейские ясачные книги и военные рейды Корючи Хынина свидетельствуют, что продвижение обдорских юрацких самоедов к левобережью Енисея началось во второй половине XVII в.

В ясачных списках 1695 г. представители объединения Вануйто занимают второе по численности после Карачеев место: собственно род Ванюта — 188 ясачных плательщиков, Луца-Ванюта — 27, Соль-Ванюта — 30. Роды, принадлежавшие к племенному объединению Вануйто, обитали в XVII в. по обе стороны Урала, и поэтому в административном отношении причислялись и к Пустозерску, и к Березову. Что касается сибирских Вануйто, можно подметить, что они занимали левобережье Оби и береговые места Ямала, в то время, как к востоку от Оби, господствовали Харючи. А. В. Головнёв не считает убедительной гипотезу о том, что большая фратрия Вануйто сложилась из разрозненных сообществ древнего досамодийского населения («Харючи — тоже северные аборигены, а Вануйто — тоже самодийцы»). Исследователь пишет: «В ненецких преданиях Харючи-*тэнз* и Вануйта-*тэнз* противопоставляются не как пришельцы и туземцы, а как богатые оленеводы и бедные промысловики». По мнению А. В. Головнёва, две стратегии северного выживания — перекочевки на огромные расстояния ненецких родов, владевших большими стадами оленей, и менее подвижный быт промысловиков и рыболовов — взаимно дополняли друг друга и в целом создавали внутри ненецкого общества устойчивые хозяйственные и социальные связи, которые со временем дополнились взаимной брачной экзогамией[29].

Известно, что в 1660-е гг. часть пустозерских самоедов, принадлежавших к родам Ванюта и Пуруега, перешли в Березовский уезд и даже участвовали (100 человек) совместно с березовскими казаками, карачейскими самоедами и обдорскими остяками в военном походе на самоедов Пустозерского уезда. В 1668 г. Сибирский приказ категорично указал березовскому воеводе выслать переселившихся за Урал ненцев обратно в Пустозерский уезд[30]. Всего на конец XVII в., по данным ясачного учета, в 18 родах обдорских самоедов насчитывалось 1168 плательщиков ясака[31].

Племя Лэхэ с его ответвлениями, как показывают историко-этнографические исследования, и в XVII в., и позднее кочевало в тундрах к западу от Урала[32], и поэтому здесь не рассматривается.

Лесные ненцы, известные в XVII в. как казымские самоеды, осознают себя отдельным племенем — *тэнз (тыемс)*. В русских источниках казымские самоеды фигурировали как «кунная самоядь», а тундровые ненцы называли лесных ненцев *пян-хасава* или старым родовым именем Пяк. Относительно границ расселения лесных ненцев Е. В. Перевалова заметила: «Определить численность и очертить границы обитания лесных ненцев в XVI–XIX вв., ввиду разрозненности и поразительной мобильности народа, весьма непросто»[33]. Видимо, и в XVII в. лесные ненцы занимали территории в бассейне верхнего и среднего течения реки Пур, в верховьях Казыма, Надыма и до верховьев правых притоков Средней Оби (рек Лямин, Пим, Тромъеган и Аган), частично по притоку Таза реке Часельки.

Название самоедов Пяк — одно из самых ранних, которое стало известно русским. Оно упоминается в «Книге Большому чертежу» в контексте описания Оби, ее притоков и городков, расположенных на них. Сама «Книга Большому чертежу» представляет собой текстовой комментарий к «ветхому» чертежу конца XVI в., уцелевшему при пожаре зданий московских приказов в 1626 г. В «Книге» сказано: «А в Таз реку пала [река] Пур; протоку Таза реки 890 верст, а реки Пура протоку 460 верст. А по реке по Тазу — Мангазея, самоядь Пяки»[34]. Очевидно, что в этом комментарии *Мангазея* и *Пяки* — названия самоедских родов. Не для всех исследователей очевидно другое. «Книга Большому чертежу», составленная в 1627 г., отразила реалии «ветхого» чертежа конца XVI в. Этому чертежу был известен Сургут (1594 г.), но не известен русский городок Нарым, основанный в 1598 г. после разгрома селькупской Пегой орды. Таким образом, самоеды Пяки попали на русскую карту еще до основания самого города Мангазея (1601 г.). Более того, есть основания предполагать, что с пяками были знакомы поморы, уже в первой половине XVI в. приходившие в Северо-Западную Сибирь с торгово-промысловыми целями. Так, Ричард Джонсон, один из первых англичан, появившихся в России в 1550-х гг., оставил нам интересное известие, которое, как представляется, было неверно интерпретировано переводчиком. Любознательный англичанин со слов поморов записал, что за рекой Обью «в трех днях пути по правую руку находится местность, называемая Chorno-lese (Чернолесье — *Е.В.*)... Неподалеку отсюда живет народ, называемый пеший-конный (Pechey-kony)»[35]. Можно высказать догадку, что речь здесь идет не о каком-то странном «пе-

шем-конном» народе, а о пяках (пеках), зафиксированных в русских источниках начала колонизации как «кунная самоядь».

Название «кунная самоядь» в русских документах встречается впервые в 1607 г. Б. О. Долгих считал, что «в XVI–XVII вв. казымские лесные самоеды (ненцы) назывались также «кунной самоядью», очевидно потому, что платили ясак «кунами» (беличьим мехом)[36]. Источники действительно свидетельствуют, что в Казымской волости добывалась белка, но не соболь. Казымские самоеды не только сами платили ясак мехами, но могли их менять остякам Куноватской волости на сухую рыбу и рыбий жир[37]. И все же предположение Б. О. Долгих далеко не бесспорно. Во-первых, народ Pechey-kony, известный Р. Джонсону и который мы соотносим с лесными «кунными» пяками, никак не мог в середине XVI в. платить ясак русской администрации. Во-вторых, слово «куна», когда-то обозначавшее и куницу, и денежно-счетную единицу в Древней Руси, даже для XVII в. было, видимо, устаревшим; в документах XVII в. белка и называется белкой. Е. В. Перевалова предложила иную этимологию слова «кунные». По ее сведениям, «лесные ненцы рек Пур и Аган трактуют термин „кунная" как „беглая" (от нен. *кунем — беглый*)». Как считает Е. В. Перевалова, «определение „беглая = кунная" отражало исторический момент массового отхода целых этнических групп и отдельных родов лесных самоедов в „дальние места"... в связи с началом русской колонизации Сибири»[38].

Представляется верным мнение Б. О. Долгих, что первоначальным родом лесных ненцев являлся род Пяк, который позднее, вследствие разделения на более мелкие роды, перестал фиксироваться в ясачных книгах. Только для конца XVII в. (1695) известен родовой состав казымских самоедов: Айваседа, Карс, Недевятковой станицы, Ракай, Ватцыны станицы, Ниримовы Логочи. Название рода Пяк в этом перечне отсутствует, но Б. О. Долгих считает все роды, кроме Айваседа, подразделениями рода Пяк. Всего же у лесных ненцев в 1695 г. насчитывалось 192 плательщика ясака[39].

Е. В. Перевалова, рассуждая об этимологии слова «кунная», оставила открытым вопрос об исходной территории «беглецов» — лесных ненцев. Если это была тундра между Обью и Тазом, то как раз там было легче всего укрыться от русской администрации и уплаты ясака. Представляется, что большая часть рода Пяк была вытеснена с севера на юг не напором русской колонизации, а вследствие каких-то конфликтов с другими самодийскими тундровыми родами. Есть основания считать, что отношения между русскими и лесными самоедами были более комплиментарными, чем первых с тундровыми ненцами. Так, в 1607 г. березовскому воеводе стало известно,

что жители Пустозерского уезда ездят за Урал к ясачным кунным самоедам для торговли и взимания старых долгов. Князцом кунных самоедов в начале XVII в. был Ниля, который предоставил зимой 1600 г. оленей отряду князя Мирона Шаховского, направлявшемуся на Таз для основания государева острога. В 1607 г. Ниля со своими самоедами подобрал в тундре двух березовских казаков, которых избили и бросили пустозерские торговые люди[40]. В исторически обозримое время источники фиксируют периодические конфликты между лесными и тундровыми самоедами. Выше уже говорилось о набеге в 1633 г. карачейских самоедов на казымских лесных ненцев, в результате которого последние понесли значительные потери: 17 человек были убиты, еще 6 взрослых мужчин, а также 50 женщин и детей были взяты в плен. Само собой, что набег сопровождался грабежом имущества. Более слабые в количественном отношении казымские самоеды обратились к березовской администрации с просьбой заставить тундровых ненцев вернуть имущество и рассмотреть дело об убийстве своих сородичей[41]. В 1643 г. казымские самоеды «на лешие промыслы не ходили», потому что «бились они с карачейскою самоядью»[42].

В XVII в. представители рода Пяк встречаются среди тундровых юрацких самоедов. Не совсем ясно, кто они: осколки основной массы рода, переселившегося южнее, или наоборот — немногочисленные мигранты из лесных ненцев, ушедшие в тундры, прилегающие к Обской губе. Б. О. Долгих считал верной последнюю версию[43].

Другим родом, известным среди казымских самоедов в конце XVII в., был род Айваседа (1695 г., 20 плательщиков ясака). Среди обдорских тундровых ненцев в это же время род Айваседа зафиксирован в количестве 62 дееспособных мужчин[44]. Современные этнографы не без оснований считают, что переселение рода Айваседа на лесные территории пяков в XVII в. только начиналось. Так, в 1644 г. самоеды «Евасидина рода князца Шарумы» нападали на русские кочи, шедшие вверх по реке Таз до Мангазеи. В это же время обдорский самоед Сензехом «рода Ивасиды» две осени подряд занимался рыбной ловлей «на реке на Тазу ниже Мангазейского острога»[45]. Видимо, ненцы Айваседа постепенно продвигались в лесные районы от низовьев Таза.

Современные энцы, проживающие в низовьях Енисея на территории Таймырского (Долгано-Ненецкого) автономного округа Красноярского края, ранее расселялись западнее и южнее. В составе энцев выделяют две группы: тундровых энцев (самоназвание — *сомату*, ненцы называли их *мадо*) и лесных (*пэ-бай*, как их называли тундровые энцы). В XVII в. предки обеих групп энцев входили в состав ясачного населения Мангазейского уезда. Сначала тундровые энцы

платили ясак непосредственно в Мангазею, с 1620-х гг.— в зимовье Леденкин шар, расположенное в низовьях Таза. В целом территория расселения тундровых энцев для XVII в. определяется от бассейна нижнего Таза и до правобережья нижнего Енисея и Енисейской губы. По подсчетам Б. О. Долгих, в начале XVII в. предков тундровых энцев насчитывалось около 1640 человек (410 ясакоплательщиков), в 1680-е гг.— примерно 110 человек, с которых взимался ясак[46].

К моменту основания города Мангазея бассейн верхнего и среднего Таза занимали предки лесных энцев, среди которых по данным ясачного учета XVII в. известны большие роды Мангазея, Селирта, Ючи, Аседа, Бай и ряд мелких подразделений, исчезнувших к концу столетия. Еще Г. Ф. Миллер проницательно возвел этимологию названия Мангазеи к названию тазовских самоедов, которые именовались «мокосе»[47]. Действительно, уже автору Сказания «О человецех незнаемых...» (конец XV в.) было известно о самоедах-молгонзеях, которых он поместил «на Восточной стране за Югорскою землею». Можно считать доказанным, что в начале XVI в. по среднему течению реки Таз проживали предки современных энцев, имевших самоназвание monkansi. Свою местность они называли «Monkansi ja», что, собственно и означает «земля монканси». На европейских картах долгое время (начиная с карты А. Дженкинсона, 1562 г.) восточнее Оби фигурировали местности с названиями Molgomzaia и Baida. В последнем названии явно прослеживается его происхождение от рода лесных энцев Бай, оставивших по себе память и в названиях притоков реки Турухана — рек Верхняя и Нижняя Баихи[48].

Русские документы XVII в. лесных энцев, проживавших выше города Мангазеи, обозначали как верхотазовских самоедов (по месту сдачи ясака в Верхотазское зимовье). Род Мангазея, обитавший, судя по всему, по правому притоку Таза реке Худосее, в первые годы XVII в. сдавал ясак прямо в город, затем в Верхотазское и недолго существовавшее в 1620–30-х гг. Худосейское зимовья. В течение XVII в. род Мангазея уменьшался: с 55 плательщиков ясака в 1614 г. до 20 — в 1682 г. В составе лесных энцев исследователи выделяют несколько первоначальных родов: Муггади (Мангазея), Бай, Ючи (Ючея), Аседа[49]. Род Бай, зафиксированный в ясачных книгах, никогда не был многочисленным и насчитывал около 20 плательщиков ясака. Род Ючи являлся одним из основных родов лесных энцев и обитал в верховьях Таза; в XVII в. его численность снизилась от 56 (1607) до 14 (1682) ясакоплательщиков. Этот род входил в состав и лесных ненцев (Ивши), и обдорских тундровых ненцев (Юхи, Пучи)[50].

Среди мангазейских самоедов начала XVII в. отмечен род «Яши Вологжанина» (в 1609 г. 4 ясакоплательщика, в 1614 г.— 15). Этот

факт весьма привлекает внимание этнографов как одно из указаний на ранние русско-самодийские контакты. Между тем, существование русского родоначальника Яши весьма сомнительно. Факт этот взят из мангазейских ясачных книг, но не оригиналов, а их копий, сделанных Г. Ф. Миллером во время месячного пребывания в Туруханске в 1739 г. Причем копии, за нехваткой времени у самого Миллера, снимал по его заданию студент В. Третьяков, который не мог безошибочно разбираться в названиях аборигенных родов. Обращение к этим копиям, хранящимся в архиве, может дать иное, правда, малопонятное прочтение: «самоедь роду Яшадолон(м)жакина»[51]. Вместо «Яша» можно предположить наличие одного из вариантов названия рода, известного у лесных ненцев как Ивши (Еуши). Против существования рода Яши Вологжанина свидетельствует и такое соображение. В XVII в. уменьшительным от имени Яков являлось имя «Якунка»; соответствующие времени документы имени «Яша» не знают.

Территория обитания многочисленного рода Аседа находилась в низовьях Таза. В 1607 г. род насчитывал 81 ясакоплательщика, в 1682 г.— 22. Имея соседями с запада тундровых ненцев, энцы рода Аседа поддерживали с ними мирные отношения. Периодически, когда род «исчезал» из мангазейских ясачных книг, оказывалось, что он уходил к тундровым самоедам и вместе с ними платил ясак в Березовском уезде. Видимо, послушными ясачными людьми Аседа в XVII в. не были. В первой половине столетия начинается проникновение тундровых ненцев в низовья Таза, что повлияло на лояльность Аседа к русской власти. Мангазейский воевода князь П. М. Ухтомский докладывал, что в 1645 и 1646 гг. под самым городом появлялась юрацкие самоеды, которые убили двоих служилых и восемь промышленных людей, бывших на рыбных ловлях. Среди убитых в 1645 г. был стрелец Савка Андреев, по поводу смерти которого воевода выяснил, что «убил того Савку Андреева Сыраптейко Асидцково роду» со своим зятем из рода Айваседа. Отряд из 20 человек самоедов двух родов «многих русских людей побивали и вперед норовятца бити»[52]. После переноса в 1672 г. центра Мангазейского уезда в Туруханск в Старую Мангазею посылались несколько казаков для сбора ясака. В 1679 г. ясачные сборщики были вынуждены покинуть город от «шатости юрацких самоедов», к которым примкнули и Аседа[53].

Верхотазовские самоеды более терпимо относились к установлению ясачного режима и даже помогали русской власти. Так, в 1651 г. на Мангазейский уезд с тундры приходила «воровская юрацкая самоядь»; против нее были посланы 20 стрельцов вместе с манга-

зейскими ясачными самоедами[54]. Среди верхотазовских самоедов в середине века выделялся князец Ледерейко. В 1641 г. он вместе с братом Мирикой и «во всех своих 4-х родов самоеди» просил разрешить платить ясак в самой Мангазее, а не в Верхтазском зимовье, потому что «прикочевала к ним в Верхотазье и Худосею неясачная воровская самоядь юраки»[55]. Около 1647 г. Ледерейко подал челобитную с жалобами на взяточничество воеводы Ухтомского, причем и от своего рода, и от «всей самояди тазовской ясашной»[56].

К концу XVII в. в размещении родов лесных энцев произошли значительные изменения. Они были связаны с отходом южных групп лесных энцев на северо-восток, что объяснялось давлением селькупов, проникших в середине столетия из Нарымского Приобья в верховья Таза. Около 1652 г. князец Ледерейко отнял у селькупов во время столкновения 20 соболей, а в следующем году он вместе с ближайшим окружением был убит селькупами. В дальнейшем, как считает Б. О. Долгих, ушедшие в низовья Енисея роды Муггади, Бай и Ючи сохранили энецкий язык, а роды Аседа и Селирта, обитавшие в низовьях Таза, постепенно ненечились[57].

На территории Таймырского полуострова в XVII в. кочевали племенные группы предков самого северного народа Евразии — нганасан (в дореволюционной литературе они именовались чаще всего тавгийскими, или авамскими, самоедами). Строго говоря, Таймыр не относится к Северо-Западной Сибири, но колонизационный импульс в отношении обитателей полуострова шел из Мангазеи, русские власти которой включили Таймыр в первой трети XVII в. в территорию ясачного обложения. Исследователи полагают, что в XVII в. происходит окончательная консолидация различных племенных группировок самоедов в народ нганасан (с участием энецких и тунгусских компонентов). Ясачные книги первой половины XVII в. отразили деление нганасан на пясидских самоедов, кураков, тидирисов и тавгов (хетских и анабарских). На 1630-е гг. мангазейские ясачные книги зафиксировали 259 ясакоплательщиков, входивших в перечисленные группы. В течение XVII в. основная часть предков нганасан платила ясак в Пясидское Хетское зимовье (в 1640 г. насчитывалось 244 плательщиков ясака, в 1700 г.— 253)[58].

В конце XVI в. русские встретились в Нарымском Приобье с новым автохтонным народом — селькупами, которые долгое время в русских источниках назывались, как и ханты, остяками. Еще Г. Ф. Миллер указал, что нарымские и томские остяки «особливый народ составляют» и по языку более родственны с самоедами, чем с хантами; ученый предположил, что представители этого особого народа только «по одному сходству их житья и промыслов остяками называются»[59].

Тем не менее в XVII–XVIII вв. разные группы селькупов фигурировали в источниках и литературе как «остяки», в XIX — начале XX в. обозначались как «остяко-самоеды».

До XVII в. селькупы проживали по Средней Оби и ее правых и левых притоках — реках Тым, Кеть, Чулым, Васюган (до среднего его течения), Парабель, Чая, Шегарка[60]. Исследователи единодушно сходятся в том, что политическое объединение «Пегая орда», о разгроме которого в 1597 г. говорилось выше (гл. I), было селькупским. После основания русских городов и острогов селькупы входили в состав четырех уездов: Сургутского, Нарымского, Кетского и Томского. К 1620-м гг. в этих уездах было 29 волостей (часто — весьма небольших), населенных селькупами; в них числилось 2700 человек обоего пола. С 1630-х гг. начинается постепенное переселение селькупов со Средней Оби в верховья Таза (затем на притоки Туруханa). Эта миграция, сопровождаемая ассимилиционными процессами с другими самодийцами и эвенками, в XVII в. только началась; в начале XIX в. она привела к оформлению северной группы селькупов, меньшей по численности, чем южная[61].

Эти краткие сведения о селькупах XVII в., заимствованные из исследований этноисторического характера, необходимы автору (да и неискушенному читателю) для адекватного понимания источников. Например, когда кодские остяки говорили в 1636 г., что в свое время участвовали в походе «в Пегую орду под Нарымский городок», где они «на бою многих изменников остяков побили», то под последними мы вправе подозревать селькупов, а не хантов. Или другой пример. Когда-то я копировал архивный документ об убийстве одним промышленным человеком в верховьях Таза трех других звероловов (см. главу III). Убийца использовал лук, чтобы подозрение пало на «остяков и самоедов». Я автоматически задал себе вопрос: почему остяков? Ханты по реке Таз не проживали. Зато, как говорилось выше, уже появились тымские и караконские селькупы из Приобья. В Мангазейском уезде они стали известны как «воровские остяки».

Обские угры

К обским уграм в этнографической литературе традиционно относят народы манси и ханты. Согласно этногенетическим построениям исследователей, на VI–IX вв. приходится распад общности обских угров и становление этносов протоманси и протохантов. Далее в рамках каждого этноса при идущих миграционных и ассимиляционных процессах намечается дифференциация манси и хантов на территориальные племенные группы[62]. Эти группы могли служить основой возникновения протогосудар-

ственных объединений обских угров — «княжеств», по терминологии русских источников. Подразделение этноса более высокого таксономического уровня — этнографическая группа. Историко-этнографический взгляд различает у манси четыре этнографических группы (западную, восточную, северную и южную), которые формировались на протяжении столетий, включая и XVII век. Процесс формирования этнических групп у обских угров начался задолго до русской колонизации Западной Сибири и завершился в XVIII — XIX вв.[63]

Русские восприняли от пермских народов название манси как вогулов (от *вэгул* — дикий). Самоназвание народа — *манси* — известно только с XIX в. Носители славяно-русской колонизации, не подозревая, разумеется, о тонкостях этногенеза мансийского народа, тем не менее отличали в XIV — XVI вв. «вагуличей» от пермян, югричей, самоедов и татар. К XVII в. манси занимали оба склона среднего Урала: на западе местами их расселения являлись верховья Печоры, Вишера, притоки Камы (Косьва, Чусовая, Сылва); за Уралом — Тавда с Сосьвой и Лозьвой, бассейн Конды[64]. С рубежа XVI — XVII в. мансийское население (его сибирская часть) оказалось в составе Пелымского и в меньшей степени Верхотурского уездов. Пелымский уезд, видимо, совпадал по территории и населению с бывшим вогульским Пелымским княжеством. Судя по данным ясачного учета, вогулы Пелымского уезда делились на три части: собственно пелымских вогулов, составивших семь волостей; вогулов Большой Конды; вогулов волости Таборы (на Тавде), подвергшихся еще до начала русской колонизации тюркскому влиянию. По состоянию на 1598 г. Б. О. Долгих насчитал 481 плательщика ясака (собственно пелымских и кондинских вогулов). На протяжении XVII в. число ясачных вогулов Пелымского уезда колебалось от 600 до 700 человек, причем в самой труднодоступной его части — бассейне Большой Конды — всегда проживало не менее половины мансийского населения[65].

Так же, как и у манси, у хантов в первой половине II тыс. н.э. шли процессы складывания территориальных и племенных групп. Происхождение самоназвания народа (*хантэ* у северных хантов, *канта-ях* — у восточных, *хандэ* — у южных) окончательно не выяснено, хотя существует несколько версий этимологии слова[66]. В русских источниках ханты под именем остяков появляются с XVI в. На происхождения слова *остяк* есть две распространенные точки зрения: от татарского *уштек* («неверный», «нечистый») и от хантыйского *ас-ях* (*ас* – большая река, *ях* — народ, люди). Первая версия предпочтительней, поскольку *ас-ях* не является самоназванием,

и трудно предположить, чтобы русские в XVI в. настолько были знакомы с хантами, чтобы называть их на их же языке «народом большой реки» (Оби).

Ко времени присоединения Западной Сибири к России ханты проживали в низовьях Иртыша и по средней и нижней Оби с их многочисленными притоками. Современная этнография делит хантов на три группы: южных (к настоящему времени почти обрусевших), северных и восточных. Суммируя итоги исследования этнической истории и языка хантов, можно отметить: 1) различия между диалектами хантов (а каждая этнографическая группа в языковом отношении состоит из нескольких диалектов) настолько сильны, что вплоть до 30-х годов XX в. представители разных групп хантов не относили себя к одному народу; 2) для хантов характерно дисперсное расселение на большой территории; 3) миграционные процессы в среде хантов (с юга на север и с запада на восток) к началу XVII в. были далеко не завершены и продолжались уже в условиях русского подданства; 4) развитие этнографических групп хантов шло при влиянии иноэтничных соседей. Опираясь на ограниченный материал русских источников XVII в., трудно выносить суждения (кроме ретроспективных построений, основанных на географических привязках мест проживания) о существовании различных групп и племенных группировок хантов (как и манси). Еще хорошо, что русская власть (и соответственно — письменные источники XVII в.) отличала остяков от вогулов и самоедов (по каким признакам она это делала, никто пока не выяснял). Хотя стоит отметить известный в литературе факт: нарымские селькупы и енисейские кеты тоже назывались *остяками*, видимо, ввиду своей этнической «малозаметности» и сходства хозяйственно-культурного облика с более многочисленными сургутскими хантами.

Остяк.
Рисунок из книги Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария». Конец XVII в.

При образовании территорий уездов в конце XVI в. хантыйское население вошло в состав Березовского,

Сургутского и Тобольского (в меньшей степени) уездов. В отличие от самоедского ясачного населения, учет которого велся по родам, остяки были распределены по волостям, в основе которых лежали племя или его территориальное подразделение[67]. Заметим, однако, что существование этих племенных территориальных объединений выявляется исследователями как раз по известным волостям XVII в. Березовский уезд включал в себя хантыйское население Оби (вместе с притоками) вниз от устья Иртыша. Местоположение остяцких волостей, известных в XVII в., определяется довольно легко, поскольку их названия имеют географический характер. Остяцкое население было разделено на волости: Подгородную, Обдорскую, Куноватскую, Сосьвинскую, Казымскую, Ляпинскую, Естыльскую и Белогорскую. Кроме того, в Березовский уезд входили городки и население Кодского княжества (о нем будет сказано ниже). В 1629 г. численность плательщиков ясака в этих волостях (без Коды) составляла 931 человек, в 1691 г.— 1816 (вместе с кодскими городками — 2443 человека)[68].

В Сургутский уезд входило все хантыйское население, жившее по Оби и ее притокам выше Иртыша. Хантыйскими по этническому составу были волости: Темличеева (Базьянская), Салымская, Селиарская, Аслыпская, Юганская, Бардакова, три Лумпокольских, Ваховская и Васюганская. В 1624 г. во всех волостях насчитывалось 693 ясакоплательщика, в 1692 г.— 644[69]. Очевидно, что более многочисленны были ханты Березовского уезда, что отражает, возможно, более поздние по времени миграции хантов, заселивших территорию среднего Приобья.

2. Таёжные властители и Московское государство

Во второй половине XV в. русские официальные источники познакомились с именами вождей уральских угров[70]. Вождей — потому что определить характер тех социально-политических объединений, которые они возглавляли в угорском мире, по имеющимся данным весьма затруднительно. Русские источники назвали их «князьями». Первые известные нам по времени — это вогульский князь Асыка и его сын Юмшан, которые в 1455 г. во время набега захватили и убили епископа Пермского Питирима, возвращавшегося из Перми Великой в Пермь Вычегодскую. Во время похода в Югорскую землю устюжан и коми-зырян в 1465 г. были захвачены два югорских князя (Калба и Течик), отправленные в Москву и пожалованные «югорским княжением» из рук Ивана III; московский государь «дань на

них соболиную возложи» (это утверждение довольно сомнительно)[71]. Географически локализовать «княжества» упомянутых лиц, как и местоположение Югорской земли, из этих сообщений летописей невозможно.

В 1467 г. отряд с Вятки (тогда эта область была еще независима от Московского княжества) вместе с пермяками Перми Великой совершил набег на вогулов князя Асыки; последний был взят в плен, но по каким-то причинам его «от Вятки упустили». В 1481 г. неугомонный Асыка с «пелымскими вогуличи» разорил Пермь Великую, убив при этом местного князя Михаила[72]. Ответный поход, организованный из Москвы под командованием воевод И. И. Салтыка-Травина и князя Ф. Курбского Черного, состоялся в 1483 г. Войско было послано против Асыки «да и в Югру на Обь великую реку». Возможно, к этому времени Асыка уже умер, поскольку поражение на устье «Пелыни» потерпел князь Юмшан, которому удалось бежать. Воеводы спустились по Тавде и Тоболу в «Сибирскую землю», вышли на Иртыш и Обь. В Югорской земле на Оби русская рать «воевала» князей югорских; был захвачен князь Молдан и два сына князя Екмычея[73]. Сообщения о заключении в конце 1484 г. мира под Усть-Вымом дают нам целый букет имен югорских и кодских князей[74]. Русскую сторону представляли «слуга» епископа Пермского Филофея и представители коми-зырянских земель — князья Петр и Федор Вымские и сотники отдельных земель-волостей. Угорские князья выступали обобщенно как князья «кодские и югорские». В заключении мира участвовали князья Молдан с сыновьями, сын Екмычея Сонта, Пынзей (о котором сказано лишь, что он — брат Чалмака), сын некоего Немича и князь Пыткей. Последний, который в летописи назван «вогулятином», был послан в Москву с «поминки великими от князей кодских от Лаба да от Чангила и от всее земли Кодские и Югорские» просить об освобождении плененных князей Молдана «с товарищи». При активном «печаловании» епископа Филофея князья были отпущены восвояси, а на обратном пути и заключили мир под Усть-Вымом, резиденцией епископа.

Надо заметить, что сведения об этом мирном договоре и именах угорских князей содержатся только в опубликованном С. В. Бахрушиным «Тексте остяцкой шерти 1484 г.» и Вологодско-Пермской летописи (с ней совпадают известия Вычегодско-Вымской летописи). В первом из названных источников впервые фигурируют Кода и Обдор как отдельные территории, во втором — только князья Коды. На основании этих текстов невозможно произвести территориальное разделение между князьями «кодскими» и «югорскими». Тем не менее А. Т. Шашков рискнул соотнести имена угорских кня-

зей с территориально-племенными объединениями, известными по более поздним русским источникам. По его мнению, Молдан являлся кодско-казымским князем и к тому же старшим из югорских князей; Екмычей, избежавший плена,— обдорско-куноватским князем; сыновьями Екмычея были Пынзей, Чалмак и Сонта; глава югорского посольства Пыткей — «кодский князь, ошибочно названный в летописи «вогулятином». Ляб, который упоминается и в Вологодско-Пермской летописи, и в тексте остяцкой шерти, связывается А. Т. Шашковым с Ляпинским вогульским княжеством, расположенным по Сыгве и Северной Сосьве; Чангил (Цингаль) княжил в низовьях Иртыша[75].

Между тем предположения А. Т. Шашкова не являются безупречными. Князь Молдан действительно мог выделяться среди других югорских властителей, но утверждение о том, что он в первую очередь был казымским князем, основано лишь на догадке о его «родоначальстве»: в Казымской волости XVII в. известны князцы Молдановы, что отнюдь не является доказательством их родства с известным нам Молданом. О том, где и кем правил князь Екмычей, ничего неизвестно. В одной из своих работ А. Т. Шашков допустил ошибку, досадную для специалиста такого уровня. В тексте остяцкой шерти назван только один сын Екмычея — Сонта. Отнесение к его же сыновьям Пынзея и Чалмака основано на неверной интерпретации А. Т. Шашковым следующей фразы: «А Екмичева сына Сонту владыка (епископ Филофей — *Е.В.*) дал Молдану да Пыткею на руки, да Пынзею; за отца его за Екмыча те же ся поимали, что им быти добрыми»[76]. А. Т. Шашков отнес слова «за отца его за Екмыча» к Пынзею, а «те же ся поимали» — к Сонте и Чалмаку, которые, будучи сыновьями Екмычея, «добровольно сдались в плен московским воеводам в 1483 г.»[77]. Между тем данный текст вполне понятен. Филофей отдал на поруки сына Екмычея Сонту трем князьям — Молдану, Пыткею и Пынзею, которые поклялись («ся поимали») и за самого Екмычея, что им всем четверым «быти добрыми», то есть не нарушать договор. Таким образом, при верном истолковании текста Екмычей лишается двух сыновей (Пынзея и Чалмака), о территориальных владениях которых тоже ничего неизвестно.

В свое время меня озадачила фраза В. А. Оборина, который при описании похода 1483 г. заметил, что в плен попали «югорский князь Молдан и двое татарских князей»[78]. Очевидно, В. А. Оборин имел в виду двух не названных в летописи по именам сыновей Екмычея, а последнего отнес к татарам. Действительно, имена угорских князей слышатся как-то по-тюркски — Екмычей, Пынзей,

Пыткей, в 1520-е годы известен югорский князь Кутыгей. В то же время, как мы видели выше, Екмычей мог писаться русскими и как Екмыч. Дело, кажется, заключается в длительном соседстве великороссов с тюркскими народами, которое породило у первых привычку «тюркизировать» имена малоизвестных восточных народов (вспомним самоедский род Карачеи, который на самом деле — Харючи, Харуци).

Возвратимся к договору 1484 г. Князь Пыткей вполне мог быть вогульского происхождения, поскольку представлял не только кодских князей, но и в целом Югорскую землю. Единственное противоречие Вологодско-Пермской летописи с текстом остяцкой присяги состоит в следующем: Пыткей представлял в Москве вроде бы и князя Ляба, однако под Усть-Вымом выяснилось, что Ляб независим от других югорских князей и может самостоятельно «Обдора воевати»; в этом случае «кодичи» обязались вовремя предупреждать «обдорцев». По поводу того, что Ляб связан с Ляпинским вогульским княжеством (р. Сыгва — манс. Лопынг), можно строить только догадки. «Размещение» княжества Чангила в низовьях Иртыша сделано А. Т. Шашковым потому, что в XVII в. там известны остяцкие юрты Цингалинские[79].

По договору князья кодские и югорские клялись, во-первых, не нападать на пермских людей (имелась в виду явно Пермь Великая); во-вторых, великому московскому князю «правити во всем». Что подразумевалось под последней расплывчатой формулировкой, неясно, однако в договоре нет и речи об уплате дани мехами. А. Т. Шашков отметил данный факт и обоснованно писал, что утверждениям летописей о том, что Иван III на югорских князей «дань наложил», не стоит верить: здесь официальные летописцы выдавали желаемое за действительное[80]. В строгом смысле «мир», заключенный под Усть-Вымом, нельзя назвать договором высокого дипломатического ранга: исследователи как-то не обращали внимания на тот факт, что Ивана III представляли только наместники Перми Вычегодской князья Вымские и епископ Филофей. Странный состав участников заключения договора с русской стороны имеет вполне логичное объяснение. С точки зрения суверенного государя «всея Руси», властители тайги не являлись равноправной дипломатической стороной: во-первых, югорских князей было много, и они не представляли единого государства («Югорская земля» таковым не являлась); во-вторых, «большой» князь Молдан только что милостиво был отпущен Иваном III из плена. Заключение договора от имени государя с югорскими князьками умаляло бы честь правителя и престиж Русского государства[81]. Полная аналогия данной ситуации наблюдается

при заключении мирного договора с Ливонией в сентябре 1481 г. (первого договора, заключенного суверенным и единым Русским государством). Переговоры с немцами вели наместники Ивана III в Великом Новгороде, а крест на грамоте целовали «государей великих князей царей Русских бояре новгородские». Дело в том, что Ливонский орден формально не являлся суверенным государством, а считался вассалом императора Священной Римской империи. Поэтому договор с вассалом германского императора заключали новгородские бояре — слуги «царя Русского»[82].

Летом 1485 г. в Усть-Вым явился князь Юмшан со своим тестем Калбой (он попадал в русский плен еще в 1465 г.); вместе с владыкой они отправились далее в Москву, где были благосклонно приняты Иваном III (государь «Юмшана жаловал», но об обязательстве вогульского князя платить дань говорится лишь в некоторых летописях). Итак, благодаря событиям 1480-х годов, русские источники зафиксировали земли: «Югорскую» и «Кодскую» (на Оби), Обдор, вогульское княжество Асыки и Юмшана на «Пелыни». Ряд известных в источниках угорских князей связать с какой-либо определенной территорией затруднительно.

В самом конце XV в. состоялся грандиозный поход великокняжеских войск за Урал. Согласно сохранившимся разрядным записям, под предводительством воевод князя Семена Курбского, князя Петра Ушатого и Василия Гаврилова Бражника Заболоцкого собралось не менее 4 тыс. человек — устюжан, двинян, важан, пинежан, вятчан, коми-зырян и арских татар. Двигавшиеся разными путями отряды соединились в районе будущего Пустозерска и осенью 1499 г. двинулись зимним путем за Урал[83]. Непосредственные причины этого похода неизвестны: что-то в событиях конца XV в. ускользает от взгляда историка. А. Т. Шашков считал, что причиной похода могло явиться желание Ивана III заставить кодских и вогульских князей выполнять обещания по уплате дани[84]. В разрядных книгах русская рать была послана «в Югорскую землю, на Куду и на гогуличи». В Вологодско-Пермской летописи великокняжеские воеводы идут «в Ноугородскую землю, в Коду и на вогуличи»[85]. Из сопоставления этих двух выражений можно сделать, по крайней мере, два вывода. Кода и вогуличи включались в более широкое понятие «Югорской земли». В конце XV в. Югорская земля по традиции все еще рассматривалась как область владений Великого Новгорода.

Основные этапы и итоги похода известны. Перед Уральскими горами войско разделилось: большая часть во главе с князьями Курбским и Ушатым вышла по какому-то из путей через уральские перевалы к Сыгве, отряд в 300 человек под командованием Бражника

Заболоцкого двинулся к югу на пелымских вогулов. Места конкретных боевых действий основной части русского войска источники не указывают. Известно, что после взятия городка Ляпина воеводы прошли по Югорской земле: «Городы поимаша и землю повоеваша, и князей приведоша с собою на Москву, а иных князей и земских людей к роте приведоша по вере их за великого князя, а иных князей и иных людей, югрич и гогулич, тамо побиша». Устюжский летописный свод сообщает: «Они же, ходивши на лыжах пеши зиму всю, да Югорскую землю всю вывоевали и в полон вели». Из разрядных записей следует, что воеводы только в Югре взяли 33 городка, «да взем 1009 лутчих людей да 50 князей привели». Василий Бражник захватил 8 городков и 8 «голов». Фраза о пленении более 1000 югорских князьков и лучших людей породила разные исследовательские толкования. А. Т. Шашков, например, считал приведенные выше цифры преувеличением победивших русских воевод, поскольку «во всем Нижнем Приобье вряд ли набралось бы в те времена столько жителей мужского пола».

Между тем действия воевод в этом походе за Урал можно попытаться поместить в контекст мероприятий Ивана III по отношению к ранее независимым от Москвы землям — например, Новгорода Великого и Вятки. Как известно, после ликвидации самостоятельности этих земель (1478 и 1489 г.) проводилась целенаправленная политика по уничтожению наиболее влиятельных людей местных обществ и массового «вывода» состоятельных купцов и горожан в другие области государства. Репрессии против жителей Новгорода Великого и их переселение в другие места происходили в конце 1480–90-х гг. Например, зимой 1487/88 гг. «послал князь великий, и привели из Новагорода боле седми тысящ житих людей на Москву». После покорения Вятки «вятчан больших людей всех и с женами и с детми изведоша... и князь великий вятчан земских людей в Боровце и в Кременце посади и земли им подавал, а торговых людей вятчан в Дмитрове посади»[86].

Может быть, поход в Югру был частью мероприятий Ивана III, которые он проводил в отношении Новгорода Великого после его присоединения к Москве? (Вспомним летописную фразу, где Югра обозначена, как «Ноугородская земля»). Другое дело, что в таежных городках югорских князьков не обнаружилось ни вотчинных землевладельцев, ни богатых торговых людей. Удар обрушился на военно-политическую верхушку угорского общества. Еще раз процитируем источник: воеводы «взем 1009 человек лутчих людей да 50 князей привели». Широкомасштабный погром Югорской земли как-то слабо отразился в летописях; видимо, его затмили события

начавшейся русско-литовской войны, в частности, знаменательная победа русских войск в битве на Ведроше в июле 1500 г. Трудно, конечно, предположить, чтобы московская рать в 4 тыс. человек «вывела» с собой обратно за Урал 1000 «лучших» югорских людей. Их, скорее всего, привели к присяге («роте», поскольку слово «шерть» еще не употреблялось) «за великого князя». Доставка же в Москву пленных югорских князей вполне реальна, но дальнейшая их судьба неизвестна.

В XVI в. Югра вместе с ее князьями почти исчезает из русских источников; вплоть до похода Ермака сведения о зауральских землях, населенных манси и хантами, единичны. Выше (гл. I) говорилось о грамоте Василия III, пожалованной «самоеди югорской» с обещанием защитить самоедов от югорского князя Кутыгея, к которому московский государь отправил специальную грамоту[87]. К 1531 г. относится уникальное (и потому не поддающееся проверке) известие Вычегодско-Вымской летописи о набеге на Пермь Великую «пелынского князя с вогуличи», которому, однако, взять Чердынь не удалось[88].

К 1556/57 г. относится несколько загадочная «жалованная и опасная грамота» Ивана Грозного, в которой, несомненно, речь идет о Югорской земле. Впрочем, загадочной она стала вследствие того, что Г. Ф. Миллеру достался только список с этой грамоты, который он обнаружил у одного жителя Томска; ученый опубликовал список вместе с теми явными ошибками, которые он содержал[89]. Грамота адресована «в нашу вотчину во Юсерскую землю Заказамского, в Сорскорду князю Певгею и всем князем Сорыкидцкие земли и лучшим людем и середним и молодшим ирмомским людем Сорыкитцкик земли». В грамоте говорится о том, что царь и великий князь Иван Васильевич отправляет в указанную землю четверых «посыльщиков по дань», а князь Певгей должен был собрать эту дань мехами, «со всякого человека по соболю», и прибыть с ней в Москву (или же послать брата или племянника вместе с 2–3 лучшими земскими людьми). Неясности адресата этой грамоты не дают оснований сомневаться, что в целом ее содержание адекватно историческим условиям времени. Поскольку в конце грамоты говорится о «Югорской земле и югричах», то «Юсерская земля» в адресате — явная описка. Слово «Заказамского» я бы по смыслу связал не с рекой Камой, а с «Каменем», то есть с Уральскими горами. Грамота, таким образом, отправлялась в Югорскую землю Закаменскую. Непонятное слово «ирмомским» является, скорее всего, искажением «всем земским» людям. Истолкованию пока не поддаются «Сорскорда» и «Сорыкитская земля», хотя А. Т. Шашков, вслед за

А. А. Дмитриевым, уверенно полагал, что речь идет об известном в конце XVI в. городке на Оби — Шоркаре, который якобы и являлся в то время центром Кодского княжества[90]. Р. Г. Скрынников отметил связь данной грамоты с посольством 1555 г. сибирского татарского правителя Едигера к Ивану Грозному, когда послы обязались от имени Едигера «давати государю со всякого черного человека по соболю». Верным является наблюдение ученого и о том, что «Москва не только знала приобских хантыйских князьков, но и сносилась с ними до посылки даньщиков» (фраза из грамоты о провожании даньщиков югорскими князьями «от городка до городка» и бережении их «во всем по ряду, как преж сего»)[91].

В очередной раз русские источники говорят (и следует заметить, что это последнее упоминание) о независимых вогульских и остяцких князьях в связи с походом Ермака и ближайшими последовавшими за ним событиями. Согласно Есиповской летописи, уже на четвертый день после занятия казаками Ермака Кашлыка к атаману явился остяцкий князь Бояр с дарами и съестными припасами[92]. Небольшие владения Бояра, как показывают источники XVII в., находились при впадении реки Демьянки в Иртыш. Синодик Ермаковым казакам весьма кратко сообщает о походе казаков вниз по Иртышу, когда они «Назим, городок остяцкой, взяша со князком их и со многими их остяками» (эти сведения повторены в Есиповской летописи и Погодинском летописце)[93]. Этот поход состоялся зимой в начале 1583 г. (причем возникает вопрос, был ли этот поход конным или лыжным?). Почему-то ветераны дружины Ермака вспомнили только взятие городка Назыма, где им противостоял безымянный князек. Возможно, потому что здесь (примерно в 100 верстах от Кашлыка) начинались поселения хантов. Уже в 1598 г. источники зафиксировали в Назымской волости князька Лебаута, имя которого (Лебауцкие юрты) заменило старое название Назым[94].

«Летопись сибирская краткая Кунгурская», которая впитала в себя устные рассказы потомков ермаковцев и их служилого окружения, знает «большого зборного князца Демаяна» (на реке Демьянке), чей город был «велик и крепок». Демьян собрал против казаков якобы 2000 татар, вогулич и остяков, что, учитывая данные ясачных книг XVII в., является фантастической цифрой. Решительно ничего нельзя сказать о каком-то князьке Романе Славном, который при приближении казаков бежал с Иртыша вверх по Конде. Причем, если казаки плыли по первой весенней воде на стругах, то Роман «с родом своим» передвигался на нартах и лыжах. В позднейшей Белогорской волости сопротивление казакам собирался оказать князец Самар (личность, исторически достоверная), но потерпел пораже-

ние и сам погиб. Согласно кунгурским «сказам», на стороне Самара выступили еще 8 князцов; возможно, к ним относился и Алачей, которого казаки поставили «болшим, яко богата суща, и отпустиша со своими честно»[95]. В целом невнимание сибирских летописей к княжеству Кода, вождем которого был Алачей, несколько удивляет. Из сообщений летописей невозможно уяснить обстоятельства принятия русского подданства кодским князем.

О набегах пелымского князя Аблегерима на приуральские земли в 1581 и 1582 гг. уже говорилось, как и о русском походе против него в 1593 г. (гл. I). В 1586 г. в Москву прибыл куноватский князь Лугуй, который представлял шесть городков: два на реке Сыгве, Березовый городок на реке Северная Сосьва, городок на реке Куноват и городок Илчма, который не поддается уверенной локализации. Царь Федор Иванович «Лугуя князя с теми его городки пожаловали»: ему было разрешено самому привозить на Вымь ежегодную дань в размере 280 соболей (возможно, этой цифрой сам Лугуй определял количество взрослых дееспособных мужчин, подчиняющихся ему)[96].

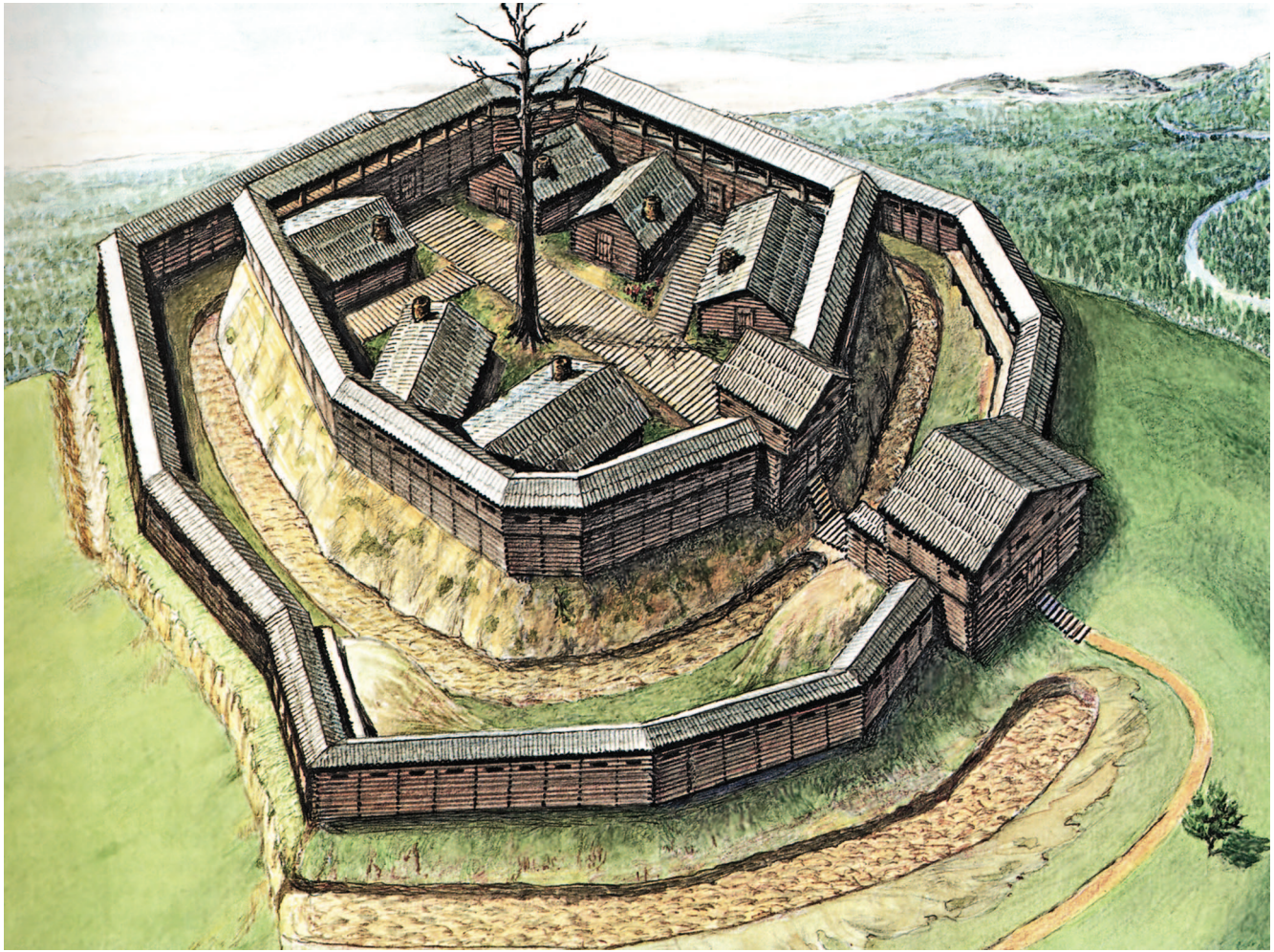
Изложенные выше факты — это все, что известно из письменных источников о «княжествах» уральских угров в дорусский период. Те исследователи, которые касались данного вопроса, должны были так или иначе попытаться определить стадию социального и политического развития угорского общества в XV–XVI вв. Автор непревзойденной до сих пор работы по собранному материалу об угорских княжествах в XVI–XVII вв.— С. В. Бахрушин, осторожно писал, что к началу русской колонизации «среди приобскх хантов уже имеются некоторые признаки нарождающихся феодальных отношений», а родовой строй «находится в периоде разложения». Обоснованно указывая на скудость письменных источников, С. В. Бахрушин тем не менее считал, «что хантские былины, как явствует из их содержания, рисуют быт, в котором феодализация уже сделала (в смысле социальной стратификации — *Е. В.*) большие успехи»[97]. Ключевой для определения позиции С. В. Бахрушина можно считать фразу: «Итак, еще до появления русских среди хантов и мансей можно отметить признаки зарождения патриархально-феодальных отношений»[98].

Работа С. В. Бахрушина была опубликована в 1935 г. и сразу встретила возражения со стороны Н. Н. Степанова, который считал, что ханты и манси данного периода находились на стадии родового строя с элементами патриархального рабства[99]. Н. Н. Степанов правильно уловил уязвимое место работы С. В. Бахрушина — «известный отрыв конкретного исторического исследования от теоретических положений марксизма о разложении родового общества и генезиса феодализма». Упреки в адрес С. В. Бахрушина для того

времени являлись довольно дискредитирующими: «С. В. Бахрушин кладет... в основу анализа феодализма не феодальный способ производства, а явления надстроечного порядка — политическую власть «князей», иерархию «князей», явно давая крен в сторону трактовки феодализма как политического явления, а не общественно-экономической формации»[100]. Но то, что тогда С. В. Бахрушину было поставлено в вину, сейчас представляется безусловным достижением историка. С. В. Бахрушин не мог игнорировать письменные источники (которые ему обоснованно представлялись более репрезентативными для XV — XVI вв., чем хантыйские эпические сказания), чей анализ интуитивно подсказывал ему, что угорские «княжества» — какая-то особая стадия социополитического развития предков манси и хантов. Но какая?

Слишком серьезно относиться к этой дискуссии не следует (хотя одностороннюю критику С. В. Бахрушина этнографами вряд ли можно назвать дискуссией). Надо вспомнить, что в начале 1930-х гг. шла кампания коллективизации (вслед за коллективизацией российской деревни) в отношении коренных народов Севера, которая напрямую отразилась и на их научном изучении. Идеология требовала обнаруживать в бесклассовых обществах северян наличие классов, чья борьба соответственно порождала то антагонистическое противоречие, которое, по-марксизму, является двигателем исторического развития. Полностью эгалитарное общество коренных народов Севера почему-то не устраивало советских идеологов, стремившихся обосновать возможность быстрого перехода северных народов к социализму. Видимо, реально наблюдаемые общества этих народов не соответствовали теоретическим представлениям о «первобытном коммунизме». Теоретики Комитета Севера при ВЦИК, с которыми до 1936 г. (и до определенной степени) считалось сталинское правительство, оказались в большом затруднении: признавать наличие классового расслоения у народов Севера или нет?[101] Для историков этот вопрос еще более конкретизировался: когда и к какому общественно-экономическому строю (марксистская эволюционистская схема последовательной смены общественно-экономических формаций обсуждения не требовала) начали переход северные общества собирателей и охотников?

Исследователи кочевых народов Средней Азии в то время произвели на свет концепцию «кочевого феодализма». Исследователь истории сибирских народов С. В. Бахрушин вынужден был «обнаружить» в XVI в. «признаки зарождения патриархально-феодальных отношений» у угров (не лишним будет заметить, что в 1934–1938 гг. Бахрушин был консультантом ленинградского Института народов



Остяцкий городок Эмдера. Реконструкция А. П. Зыкова и С. Ф. Кокшарова по материалам археологических раскопок.

Русское посольство 1576 г. князя З.И.Сугорского с дарами к императору Максимилиану II — со связками (сороками) соболиных шкурок. Фрагмент раскрашенной гравюры. Последняя треть XVI в.

Севера). Нельзя не отдать должное мудрому лукавству ученого старой школы: он ведь говорил только о «признаках зарождения» (!) какого-то патриархально-феодального общества, и ничего более. Ко времени социалистических преобразований на Севере «признаки» нарождающегося классового общества у коренных народов Западной Сибири превратились в «пережитки» того общества, которого ученым так и не удалось наблюдать в пору его «феодального» расцвета. Впрочем, тогда же, в 1930-е годы, теоретики «приручения» Севера заговорили о стадии перехода (от доклассового родового общества к классовому, от натурального хозяйства к товарному), явно затрудняясь с определением хронологических рамок этой стадии. По остроумному замечанию Ю. Слёзкина, «малые народы рассматривались как постоянно движущиеся из одной точки в другую, никогда не достигая цели»[102]. С моей точки зрения, рассуждения С. В. Бахрушина о феодализации исконного (в дорусский период) угорского общества — это не обоснованная теория, а просто необходимая дань недремлющим драконам сталинской науки.

При наличии большого количества (по преимуществу этнографического характера) работ об уральских уграх исследователи в основном избегают обсуждать вопрос о той стадии политогенеза, на которой находилось угорское общество в эпоху «княжеств». Один из немногих имеющихся цельных взглядов на данный вопрос выражен археологами А. П. Зыковым и С.Ф. Кокшаровым[103]. Кратко мнение авторов, размышления которых не выходят за рамки схемы последовательной смены общественно-экономических формаций, можно изложить следующим образом. Военно-политические объединения народов севера Западной Сибири, известные в XII–XVI вв. как княжества, являлись раннегосударственными образованиями, а сами угорские общества «находились на пороге формирования классового общества раннефеодального типа со значительной долей патриархального рабовладения». Другими словами, угорские княжества эволюционировали к образованию государств (государства?); этот процесс был прерван русской колонизацией, остановившей классообразование в угорском обществе и ликвидировавшей его политическую элиту. Поскольку опыт мировой истории не дает примеров возникновения государств у народов с присваивающими формами хозяйства (существование государств-цивилизаций имеет и другие критерии, помимо оседлости и земледелия[104]), то А. П. Зыков и С. Ф. Кокшаров пошли на смелое утверждение, что угорские «княжества» как раннегосударственное явление — исключение из правила. Правда, в отступление от марксистской теории происхождения государства, ученые полагают, что высокий уровень угорских

политий явился не результатом внутреннего развития общества, а был рожден «уникальным стечением внешних обстоятельств». К ним относятся возраставшая агрессия западных (восточных славян) и южных (тюркских) соседей угорского мира и включение Югры (через волжских булгар и Золотую орду) в систему мировой пушной торговли.

Авторы данной концепции особенно подчеркивают социальную стратификацию угорского общества: наличие власти военных вождей с их ближайшими родственниками, свободных общинников как основного населения и рабов-челяди. Миновавшая эпоха военной демократии (что соответствует высшей стадии родового общества) стоит ниже по уровню социально-политической сложности общества эпохи княжеств. В предложенной схеме вызревания государственности в угорском обществе безусловно можно согласиться только с одним: никаких внутренних причин, которые бы направляли локальные общины таежных охотников и собирателей к такой сложной форме политии, как государство, не было.

Известный специалист по истории и этнографии хантов и манси З. П. Соколова определяет стадию их социально-политического развития накануне русской колонизации как «военно-потестарную организацию», которая, с одной стороны, являлась заключительной фазой первобытной истории, с другой — была формой становления государственной власти в условиях возраставшей роли войны (межплеменной и с иноэтничными соседями)[105]. Во многих отношениях интересной книге этнографов-угроведов самая объемная глава названа «Цивилизация на болотах». Но, констатируя известную социальную стратификацию, ее авторы так и не назвали те признаки, по которым таежное общество представляло своеобразную цивилизацию[106]. Похоже, однако, что исследователи, вслед за С. В. Бахрушиным, давно интуитивно понимают, что формул «разложение родоплеменного строя» и «появление признаков классообразования» явно недостаточно, чтобы определить особый уровень властных отношений и социальных связей в угорском обществе дорусского периода.

Подсказку, возможно, следует ожидать от несомненного достижения западной политантропологии 1970-х гг.— теории вождества, которая в отечественной науке за последние два десятилетия успешно применяется историками-кочевниковедами и востоковедами (А. М. Хазанов, Н. Н. Крадин, В. В. Трепавлов, Л. С. Васильев и др.). Вождество (от англ. chiefdom) как особый уровень социальной интеграции в рамках неоэволюционистской схемы занимает свое место: локальная группа — община — вождество — раннее

государство — национальное государство. Вождество по ряду признаков представляет собой форму социополитической организации все-таки позднепервобытного общества. Среди существовавших у разных народов вождеств можно выделить простые, сложные и суперсложные (например, кочевые империи) вождества. На основе разных суждений о вождестве наиболее характерными признаками этой формы социополитической организации общества являются: 1) вождество — первый шаг в преодолении локальной автономии общин, и потому ему присуща надлокальная централизация; 2) вождество обладает централизованным управлением и наследственной клановой иерархией вождей и знати, но в нем нет легального репрессивного и принудительного аппарата (значит, нет даже зачаточной управленческой бюрократии и налогообложения «своих»; 3) правитель в вождестве имеет ограниченные возможности, а общество в целом легко приходит к распаду; 4) в вождестве существует четкая социальная стратификация; 5) важную роль в экономике играет редистрибуция — перераспределение со стороны вождя материальных благ в результате успешных войн с соседями; 6) общие для определенного вождества культы и ритуалы; 7) теократический характер власти вождя, что, видимо, не обязательно для всех вождеств[107].

Е. П. Мартынова одной из первых предложила интерпретировать социополитический уровень угорских «княжеств» дорусского периода как вождества[108]. Выделение признаков существования вождеств у народов Западной Сибири (не только угорских, но и самодийских) встречается с трудностями двоякого характера. Во-первых, это проблема корректной интерпретации сведений русских письменных источников XVII в. Как верно заметила Е. П. Мартынова, «при обращении к письменным источникам нужно учитывать тот факт, что они отразили социальное устройство угорского общества уже в период вассальных отношений с Московским государством»[109]. Между тем описание, например, социальных отношений в княжестве Кода, основанное на источниках первой половины XVII в., переносится на более ранний период.

Вторая трудность связана с поиском причин, по которым возникают как вождества, так и ранние государства. Вождество, как показывает опыт мировой истории, не обязательно ведет к становлению государства. Очевидно, что количество существовавших у разных народов вождеств было больше, чем зафиксированных историками ранних государств. Однако переход от первобытных автономных общин к стадии вождества был качественным скачком в эволюции социальной организации, в то время, как переход от вождества

к государству определяется по преимуществу количественными параметрами. Н. Н. Крадин обобщил наиболее распространенные существующие теории политогенеза в две группы: конфликтные (или контрольные) и интегративные (или управленческие) теории[110]. На основании изученного им конкретного материала он пришел к выводу, что, например, Хуннскую державу трудно определить однозначно и как вождество, и как государство (ученый предложил свою дефиницию — суперсложное вождество).

В отношении народов Западной Сибири нас интересует вопрос: каковы те конкретные причины, которые заставили отдельные общины охотников и рыболовов перейти к политической иерархии и усложнить социальную организацию? Дисперсное расселение таёжных народов — факт, хорошо известный. По данным археологических раскопок аборигенных городищ, существовавших во второй половине I — начале II тыс. н.э., их площадь варьировалась от 400 до 1600 кв. м (Нижнее Приобье) и от 180 до 3600 кв. м (Томское Приобье)[111]. Городище Барсов городок (XV–XVI вв.), состоявшее из цитадели и посада, имело площадь 2930 кв. м.[112] А. П. Зыковым и С. Ф. Кокшаровым археологически детально исследован небольшой Эмдерский городок (к концу XVI в. входил в Кодское княжество), оборонительные сооружения которого возобновлялись в течение 500 лет; собственно в городке могло одновременно проживать 50–70 человек[113]. При реконструкции политогенеза у оседлых земледельческих племен можно рассуждать об ограниченности ресурсов и установлении контроля над организованным использованием этих ресурсов. Степные номады организовывались для изъятия прибавочного продукта у оседлых соседей (в виде разовых грабежей и взимания регулярной дани). Для чего нужно было организовываться и интегрироваться таежным рыболовам и охотникам, чьи способы ведения присваивающего хозяйства требовали как раз определенной удаленности локальных общин друг от друга?

В общем плане исследователи дают один ответ на этот вопрос: влияние более развитых в цивилизационном отношении соседей. Это влияние шло через торговые отношения (а обладание престижными предметами не местного производства неизбежно повышало социальный статус их владельцев); оно сказывалось в организации обороны и ответных походах (с заимствованиями военно-технического характера), что возвышало над обществом военных вождей. Из ближайшего соседства с Пермью Великой (окраиной Московского государства) и татарского Сибирского юрта родилась воинственность вогулов Пелымского княжества и амбициозность его вождей. Впрочем, Уставная грамота наместничьего управления для Перми

Великой (1553 г., но в ней отражены реалии более раннего времени) сообщает о регулярных торговых поездках вогулов в Пермь Великую или с «иным которым делом»[114]. При ликвидации Пелымского княжества в 1593 г. московское правительство считало достаточным устранить самого князя с его прямым наследником и в то же время «примолыть» (здесь — уговорить) рядовое население жить спокойно в своих селениях и без опаски приходить в русский город. Социокультурный уровень развития Пелымского военно-политического образования, как и других известных угорских «княжеств», можно определить как простые вождества.

При рассмотрении этого вопроса нельзя не обратиться к наиболее подробным письменным источникам (что превосходно показано С. В. Бахрушиным) по истории княжества Кода. Немногие сведения о Коде дорусского периода до сих пор оставляют простор для исследовательских догадок. «Кодские князья», «кодичи» (наравне с «югорскими князьями» и «обдорцами») отражены в договоре 1484 г. под Усть-Вымом. Русская рать в 1499 г., согласно разрядным записям и Вологодско-Пермской летописи, отправлялась «в Югорскую землю на Куду», против «Коды и вогуличей». Если после похода за Урал 1483 г. титул московского государя дополнился выражением «великий князь Югорский», то отражением похода 1499–1500 гг. явилось добавление в титуле — «князь Обдорский и Кондинский». А. Т. Шашков резонно заметил, что под последним определением понималась, видимо, Кодская земля[115].

Заметным гидронимом в Западной Сибири является река Конда, впадающая в Иртыш, но не маленькая речка Кода (всего в несколько верст), впадающая в Обь в районе бывшего Кодского Троицкого монастыря[116]. По свидетельству Г. Ф. Миллера, в его время название реки Конда «в вогульском и остяцком языках выговаривается одинаковым образом, а именно *Chondang*, или *Chondank*. Отсюда возникло русское [название] Конда»[117]. Исследователи давно уловили неслучайность в названиях Кода (политическое образование), Конда (бассейн реки с населением) и *ханда ях* (название народа ханты). На основе анализа хантыйских героических сказаний А. В. Головнёв считает возможным делать вывод «об исключительной роли Конды — Коды в военно-политической обстановке средневекового Приобья. Не исключено, что именно Конда — Кода выступала той силой, которая связывала (объединяла вокруг себя) хантыйские группы, тем самым обеспечивая целостность расселенного на огромной территории народа... Название «кондинские люди» могло распространиться на весь народ как свидетельство его политической зависимости от одноименного центра Конды — Коды»[118].

Возможно, титул Василия III «князь Кондинский» более точно отразил реальность существования в конце XV в. того военно-политического объединения (Конда), которое территориально было шире, чем Кода русских источников XVII в. Если в начале этого столетия воеводские власти в Сибири уже различали Коду в Березовском уезде и Кондинские волости (Большую и Малую) в Пелымском, то в Москве это различие не всегда было заметно. В 1608 г. тобольским властям подал челобитную ясачный остяк Березовского уезда «волости Коды» Четырь Досаев; из челобитной выясняется, что ранее он жил на Конде и принадлежал там к «лучшим людям», а затем перешел в Коду. Четырь просил разрешения вернуться обратно на Конду. Отметим одну фразу из составленной по этому поводу в Москве грамоты: Четырь с сыном и братом «ис Конды Большой сошли и жили в Березовском уезде в волосте в Конде»[119]. Может быть, это просто описка, а может — и отголосок московской традиции, не различающей Конду — Коду. Замечу, что возникший в середине XVII в. на территории Коды монастырь в источниках чаще назывался Кондинским, а не Кодским[120].

К 1586 г. относится интересный документ (А. А. Преображенский датирует его примерно февралем), в котором относительно понятия «Конда» содержится определенная загадка. Это наказ приставам Е. Ржевскому и Г. Васильчикову, отправленным для встречи польского посла М. Гарабурды. В частности, им были даны инструкции, что отвечать на вопросы посла о Сибири. Приставы должны были уведомить посла, что царь Федор Иванович «ясаку положил на Сибирское царство и на Конду Большую, и на Конду Меньшую, и на Туру реку, и на Иртышь реку, и на Иргиское государство, и на Пегие колмаки, и на Об великую реку, на все городки на обские на девяносто и на четыре городки»[121]. Что подразумевали в Москве под «Большой Кондой» и «Меньшой»? Откуда там вообще было известно к началу 1586 г. такое разделение? Из перечисленных в наказе якобы уже существующих за Уралом русских городов (Старая Сибирь, Новая Сибирь, Тюменское городище и Обской городок) к этому времени был основан только небольшой Обской городок[122]. Тобольск возник, как известно, в 1587 г., и именно тобольские служилые люди обложили ясаком сначала население Большой Конды (1589), затем Малой Конды (1592). Эти расчеты основаны на двух царских грамотах 1596 г. пелымскому воеводе, в которых указаны начальные годы задолженности аборигенного населения по сдаче ясака[123]. После основания города Пелыма (1593) Большая Конда и Малая Конда стали подчиняться ему как ясачные волости. Но в 1586 г. таких ясачных волостей просто не могло быть. Во-первых, маловероятно, что отряд

И. А. Мансурова, обосновавшийся в Обском городке напротив устья Иртыша, успел совершить осенний рейд в 1585 г. далеко вверх по Конде. Во-вторых, зачем тогда понадобился погром Большой Конды зимой 1593/94 г.?

Более поздние источники уверенно локализуют область Малой Конды в низовьях этой реки. Во время путешествия Г. Ф. Миллера Малая Конда уже носила название Балчаровской волости, но не забылось и старое название. Различие между Малой и Большой Кондой (она шла далее вверх по Конде) заключалось в этническом составе населения: первая была хантыйской, вторая — мансийской[124]. Следует обратить внимание на странный с точки зрения географии факт: тобольские служилые люди сначала объясачили вогулов Большой Конды, «проскочив» остяков Малой Конды (к слову сказать, дееспособных плательщиков ясака в Малой Конде в 1596 г. насчитывалось всего 20 человек).

Все эти вроде бы мелкие наблюдения приводят к следующему выводу: в наказе 1586 г. русским приставам не могло говориться о Большой и Малой Конде как об известных нам позднее ясачных волостях. Я бы предположил, что под Большой Кондой понималось все население, живущее по одноименной реке, и о котором русские имели пока смутные представления. Тогда «Малой Кондой» могли на тот момент назвать население остяцких городков Коды, вблизи южных границ которой возник Обской городок. Можно выдвинуть версию, что остяки Малой Конды (ясачной волости) являлись осколком тех остяков, которые ушли на Обь (возможно, под давлением манси) и образовали там воинственное, но бедное в смысле экономических ресурсов, объединение, получившее в русских источниках название «Кода».

Об остяцком княжестве Кода известно, кажется, все, что могут предоставить в распоряжение историка созранившиеся источники[125]. Территория собственно Коды начиналась в одном «днище» от Березова (вверх по Оби) и тянулась вдоль правого берега реки почти до впадения в нее (с левой стороны) реки Емдырь. Источники фиксируют 13 кодских городков, причем резиденция князей, которая так и называлась — Кодский городок, возникла только на рубеже XVI–XVII веков (между городками Нангакарским и Курмышюганским). Выше уже было отмечено, что об обстоятельствах принятия вождем Коды Алачем русского подданства ничего неизвестно. Можно только предположить, что это событие имело место осенью 1595 — весной 1596 г., когда в построенном им Обском городке обосновался воевода И. А. Мансуров. Намек на военную активность воеводы содержится в уже не раз цитированной царской

грамоте 1586 г. куноватско-ляпинскому князю Лугую, который просил не воевать «его и племя его все и его людей». Нападения Лугуй ожидал от служилых людей из Обского городка. Но между городками Куновата и Обским городком находились земли Коды, князь которой Алач, очевидно, уже подчинился русской власти.

Наследовавший отцу Игичей Алачев впервые зафиксирован в источниках в связи с зимним походом 1593/94 г. на Большую Конду. А. Т. Шашков вполне убедительно предположил, что еще в 1592 г. Игичей Алачев возглавлял поход одних только кодских остяков в земли нарымских селькупов[126]. Игичей имел четырех сыновей — Петра, Григория, Ивана и Михаила, которые могли заменять его в походах, совершаемых по приказу русских властей. Так, в походе 1597 г. на Пегую орду кодских остяков возглавляли князья Петр и Иван Алачевы. Как известно, первыми из княжеского семейства Коды христианство приняли (не позднее 1599 г.) вдова князя Алача, получившая в крещении имя Анастасия, и сын Игичея Петр. Вслед за ними в Москву креститься собрался и сам Игичей, подавший об этом челобитную в том же 1599 г. По пути он собирался посетить пожалованное ему в вымских землях поместье Лена. В феврале 1600 г. в Москве разрешение на поездку было дано[127]. В научной литературе существует неверное мнение о времени смерти князя Игичея. Так, А. Т. Шашков писал: «В конце 1602 г. в Москву для принятия православия отправился сам Игичей Алачев. По возвращении он в ознаменование этого события перед самой своей смертью построил в Кодском городке еще одну церковь — во имя святого Зосимы и Савватия Соловецких чудотворцев»[128]. Среди копий, снятых Г. Ф. Миллером, сохранилась царская грамота в Березов от 29 января 1601 г. Она явилась ответом на челобитную сына Игичея Ивана, который писал, что «отца его на Москве не стало». Иван просил «беречь» княгиню Анастасию и детей Игичея «от всяких тутошних людей»[129]. Совершенно очевидно, что незадолго до этого князь Игичей умер в Москве. Неясно, успел ли он до смерти принять православие.

Помимо пожалованных ему как ясачные волостей Емдырской, Васпукольской, Колпукольской, Ваховской и поместья на Выме Игичей имел еще два двора в самом Березове. Один он приобрел за 20 руб. у известного нам письменного головы Ивана Змеева, другой («детем и людем своим») — за такую же сумму у некоего Воейкова. В 1599 г. Игичей жаловался, что на одном из дворов останавливаются головы и дети боярские, и просил избавить его от постоя. В Москве просьбу кодского князя удовлетворили[130].

В 1602 г., следуя по стопам бабки, отца и брата, выразил желание креститься в Москве другой сын Игичея, Григорий. Он просил отпу-

стить его «прямой дорогой» на Вымь (уже запрещенной), поскольку через Тобольск и Верхотурье ехать было далеко. Разрешение было получено[131]. При анализе этого факта недоумение вызывают два момента. Во-первых, в Кодском городке к этому времени уже существовала церковь во имя Живоначальной Троицы с приделом Николая Чудотворца, построенная хлопотами княгини Анастасии и ее внука Петра Алачева. В 1600 г. при церкви был черный поп Евстрат, отправленный с мангазейской экспедицией князя Шаховского, а в 1602 г. снова назначенный в Коду[132]. Возможно, члены княжеского семейства стремились креститься в столице по причине получения при этом определенных подарков от царя. Во-вторых, в царской грамоте о разрешении проезда сын Игичея уже назван Григорием, а не остяцким именем. Каким образом он мог получить христианское имя, не будучи крещеным, остается загадкой.

К 1602 г. (ноябрь) относятся сведения о дальнейшем строительстве резиденции князей Алачевых — Кодского городка. Княгиня Анастасия и Иван и Григорий Алачевы подали челобитную, в которой говорилось: «Ставились де они у себя в Коде на новом месте дворы своими, а на дворех избы и клети и всякие хоромы. И им деи, остяком, хоромное дело не заобычей, и сена косить для животины не умеют, и им де скоту кормить нечем». Проблема состояла в том, что на Березове воеводы не разрешали им нанимать плотников и ярыжных людей для сенокоса. Указ из Москвы не препятствовал кодичам найм плотников и гулящих людей, но с запрещением русским людям торговать в Коде[133].

После смерти Игичея власть в Коде его прямых наследников пытался оспорить двоюродный брат Игичея Онжа Юрьев. В походы Онжа ходил вместе с Игичеем, а в 1604 г. возглавлял 100 кодских остяков, посланных для строительства Томска. Наконец в 1606 г. Онжа Юрьев послал челобитную царю Василию Шуйскому, в которой просил пожаловать его Кодским «княженьем» и символом этого княженья — неким «палтыш болваном», который принадлежал Игичею, а после его смерти хранился в березовской казне. Приказ Казанского дворца допустил, очевидно, ошибку, передав власть в Коде Онже Юрьеву[134]. Вдова Игичея Анна начала энергичную борьбу за права своих сыновей (об ее участии в антирусском заговоре 1609 г. будет сказано ниже). Как ни странно, после расследования дела об «изменой думе» в 1609 г., когда Анна одно время содержалась в Березове за приставом, власть в Коде перешла к ее сыну Михаилу. Возможно, княгине удалось убедить и березовские, и московские власти в первоочередности прав потомков Игичея на кодское княжение.

Князь Михаил, управляя кодскими хантами, сам военные походы уже не возглавлял. В 1618 г. отряд кодичей принял участие

в строительстве Маковского и Енисейского острогов, в 1627 г. 40 кодских хантов были посланы на Нижнюю Тунгуску в составе экспедиции Самсона Навацкого. Это был последний случай, когда русская власть использовала кодичей в качестве военной силы. Как не раз отмечалось в литературе, к концу 1620-х годов необходимость использования остяков Коды для военных походов отпала: русская колонизация Сибири передвинулась за Енисей. В 1628 г. последовала организованная из Тобольска перепись служилых и ясачных людей всех волостей, входивших в состав Коды. Она выявила большую утайку мужчин, которые, по мнению писцов, могли бы платить ясак в государеву казну (495 человек, цифра явно завышенная). Из Тобольска была назначена новая комиссия «дозорщиков» в составе сына боярского Саввы Францеженина и подьячего Третьяка Левонтьева, которые собрали с «утаенных» остяков ясак и «поминки». Не останавливаясь на подробностях этих ревизий, скажем, что в Москве было принято решение: половину выявленных остяков отписать на государя, другую половину оставить за князем Михаилом. Самого правителя Коды для разбирательства вызвали в Тобольск.

Вместо Тобольска Михаил с сыном Дмитрием и троюродным братом Лобаном Онжиным отправился в Москву под предлогом поздравления царя с рождением наследника. В столицу Михаил прибыл 23 сентября 1629 г. в сопровождении 13 дворовых людей. В отличие от предыдущих приездов, князя ожидал холодный прием, который объяснялся отпиской тобольского воеводы князя А. Н. Трубецкого. Михаилу было отказано в милости «государских очей видеть, и корму давать и выходу не указано». Наконец в мае 1630 г. последовало распоряжение послать в вотчины Михаила Алачева новых писцов, а до их возвращения задержать правителя Коды в Москве. Все это время Михаил проживал за свой счет, и 20 мая подал слезную челобитную, в которой просил назначить ему содержание, как это бывало раньше. Только в середине октября царь Михаил Федорович лично слушал доклад по этой челобитной. Князю Коды было указано семерых дворовых людей отправить обратно, оставшимся назначить содержание — 18 коп. в день Михаилу с Дмитрием и 9 коп. на всех дворовых людей[135]. Писцы вернулись из Сибири только в январе 1632 г. Князь Михаил еще был задержан в Москве, где и умер летом 1632 г.

Видимо, во время пребывания в Москве для Дмитрия Алачева началась небезинтересная история, связанная с его матримониальными планами. Именно в столице он мог познакомиться с девицей Федосьей Андреевной Бернадской, дочерью «литвина». Дмитрий вернулся в Коду, где в 1636 г. против него произошло выступление

его же служилых остяков. Андрей Бернадский летом 1634 г. был сослан вместе с семьей в Тюмень. Там Бернадские содержались под караулом в отдельном построенном для них доме. Опальным назначили солидное содержание — по 25 коп. в день, что за год составляло около 90 руб. В январе 1637 г. в Тюмень поступил указ о переводе Бернадских в Кузнецкий острог, где они должны были содержаться на тех же условиях[136]. В Тобольске, который ссыльная семья не могла миновать, в апреле этого года между князем Дмитрием Алачевым и Андреем Бернадским был составлен брачный договор (зарядная запись) по поводу женитьбы князя на дочери последнего. Поскольку для Сибири XVII в. подобные документы — редкость, то привожу зарядную запись в полном виде[137].

> Се аз князь Дмитрей княж Михайло сын Алачев изволением Божиим и судьбами его святыми, и по совету и благословению государыне свой матушки княгини Катерини Федоровны зговорил есмь у Ондрея Онофреевича Бернацкого женитца на дочери его на девице Федосьи Ондреевны. Строе свадьбе, как государь укажет, потому что ныне Ондрей з женою и з детьми в засылке. А мне, князю Дмитрею, бити челом государю об указной грамоте, чтоб мне женитца государь произволил у Ондрея Бернацкого в Сибири на дечере его. А тем мне, князю Дмитрею, не отниматись, что иногды челобитная помечена или без пометы утеряетца, но прошатись милость государскую, чтобы государь пожаловал, велел дати свою государскую грамоту в Сибирь, чтоб мне в Сибири у Ондрея Онофреевича было женитца безпенно.
>
> А как государев указ будет с Москвы и государь пожалует, велит мне женитца у Ондрея Онофреевича Бернацкого на его дочери, и мне, князю Дмитрею Алачеву, не отниматися ни далным путем, ни местом, ни вотчинными делами никакими и иними причинами. А как государь укажет мне, князю Дмитрею, женитца у Ондрея Онофреевича Бернацкого на его дочери, и яз, князь Дмитрей, не захочу у него женитца, и мне, князю Дмитрею, платить Ондрею заряду две тысячи рублёв и убытки, и всякий протор, во что ему станет все поднятись.
>
> А как государь мне, князю Дмитрею, женитца у Ондрея Бернацкого не изволит на его дочери, и мне, князю Дмитрею, на него не бити челом государю ни своего безчестья, ни убытков на нем не искати, и запись не запись, и заряд не к заряду, и вольно мне, князю Дмитрею, женитца, и ему, Ондрею, дочь выдавать замуж.
>
> А сию запись зарядную князь Дмитрей Алачев писал своею рукою лета 7145-го апреля в 18 день.

Отметим, что Дмитрий оказался настолько грамотным, что сам написал зарядную запись на русском языке (хотя, вероятно, под диктовку). Возможно, опальному Бернадскому сибирский туземный князь (к тому же изрядно обрусевший) представлялся выгодной

партией. Надо сказать, что даже после выступления против него кодских остяков жених не был беден. В 1638 г. родственник обдорского таможенного головы купил у князя Дмитрия 6 сороков соболей, 5 тысяч белок, 20 черно-бурых и 60 красных лисиц[138]. Выплата же отцу невесты неустойки в случае нарушения договора составляла значительную сумму даже по столичным меркам.

Свадьба так и не состоялась — видимо, царь Михаил Федорович не дал на то разрешения. А судьбы жениха и невесты сложились по-разному. В 1644 г. князь Дмитрий был лишен своей «вотчины» и вызван в Москву. Сибирский летописный свод содержит известие, что он уехал «с матерью и с женою и со всеми людьми»[139]. Это единственное указание на то, что князь Дмитрий между 1637 и 1644 г. все-таки женился, но проверке данный факт пока не поддается. Пожалованный в московские дворяне, бывший правитель Коды исполнял дворцовые службы; к 1649 г. князь Дмитрий Алачев умер. Федосья Бернадская умерла в Тобольске летом 1645 г.

Рассматривая историю Коды, исследователи не могут не затронуть вопрос о социальных отношениях в этом княжестве. Мнение С. В. Бахрушина о социальном составе Кодского княжества в дорусский период представляется спорным. Ученый опирался на русские источники конца XVI — первой трети XVII в., но сделал предположение, что социальный строй Коды данного времени сохранил «старинные порядки, которые до русских, вероятно, существовали среди хантов вообще». В социальном отношении С. В. Бахрушин разделил население Коды на четыре группы: княжеский род, служилых хантов (собственно кодские остяки, составлявшие «военную знать»), ясачных хантов и рабов[140]. Однако эта дифференциация, зафиксированная русскими источниками в условиях вассальных отношений Коды к Московскому государству, не может быть уверенно распространена на более ранний период. С. В. Бахрушину было отлично известно, что ясачные остяцкие волости (Васпукольская, Колпуколская и Ваховская) были пожалованием царя князю Игичею (1590-е годы). До подчинения Москве остяцкое общество Коды было более гомогенным и не делилось на служилых и ясачных людей. Совершенно очевидно, что «служилыми» остяки стали, лишь будучи включенными в сложный социальный контекст российского общества эпохи колонизации. Военный вождь с воинами («богатырями»), дисперсно расселенные по городкам остяки-общинники и небольшое количество пленных рабов — таким, видимо, было общество Коды до русского завоевания.

Невыгодность географического расположения кодских городков, а отсюда — и экономическая бедность Коды, толкали кодских

вождей на грабеж соседей. Привлекая кодских остяков к военным походам, Москва только стимулировала традиционный для кодичей захват имущества и пленных. Например, зимний поход 1593/94 г. кодских остяков вместе с русскими казаками на вогулов Большой Конды позволил князю Игичею и в ближайшие годы совершать грабительские рейды в Большую Конду. В 1600 г. представители Большой Конды жаловались, что «и нынече деи князь Игичеевы люди приходят к ним в Конду, их побивают, и жены их и дети и людей емлют к себе в юрты по-прежнему в холопи, и юрты деи их пустошат»[141]. В 1605 г. в Москву поступила отписка сургутского воеводы Ф. В. Головина. Он сообщал, что в новом Томском городе были на службе «княж Игичеевские остяки Онжа Юрьев да Чюней» (последний — явно Чумей Капландеев, двоюродный брат Игичея и Онжи). На обратном пути кодичи «во многих нерымских волостях остяков грабили», убили четырех мужчин и трех женщин, стреляли по лошадям[142]. Здесь прецедентом для кодских остяков мог служить их совместный поход с русским войском в Нарымское Приобье в 1597 г. Но на эти факты можно посмотреть и шире. Представляется, что рейды на кондинских вогулов и грабеж нарымских селькупов были отражением (и продолжением) типичного образа жизни кодских хантов в дорусский период, который только и создал такую политию, как Кода.

Определение социополитического характера княжества Кода как простого вождества логично вызвает возражения против распространенного среди исследователей тезиса о том, что русская колонизация прервала процесс государствообразования у хантов и манси[143]. Как показывает опыт мировой истории, вождества не обязательно эволюционируют в сторону создания государств, тем более общества, основанные на присваивающей экономике.

Конец существования вассального княжества Кода подробно описан в литературе, прежде всего С. В. Бахрушиным. Причиной выступления в 1636 г. служилых остяков против князя Дмитрия стали вотчинные замашки последнего (недаром князь долгое время жил в Москве). Надо сказать, что в вопросе о повинностях служилых остяков Коды в пользу своего князя и в пользу Русского государства не все ясно до конца. С. В. Бахрушин писал: «Неплатеж ясака и был отличительным признаком служилого ханта. Взамен ясака служилые ханты обязаны были нести военную службу». Когда они не несли военной службы, то уплачивали своему князю полудобровольные поминки. Ханты пожалованных Игичею и Онже Юрьеву волостей платили кодскому князю ясак[144]. В челобитной 1636 г. служилые остяки вспоминали, что со времени взятия Сибирского

царства их деды и отцы «давали государева ясаку в Тоболеск и на Березов по два соболи ясачных с человека на год лет с десять и болши». Затем по специальному указу государев ясак был с них снят, но их обязали платить князю Игичею по 30 белок в год с человека[145]. Князь Михаил Алачев увеличил эту дань (не то ясак, не то поминки в почесть) до 100 белок; эту практику продолжил Дмитрий[146]. Но сами служилые остяки расценили данный факт, как взимание с них ясака в пользу князя. Представляется, что туземные князьки Алачевы так и не поняли специфику социального положения собственно кодских служилых остяков. Служилыми в Московском государстве были касимовские татары, после «взятия Сибири» — несколько сот татар в составе гарнизонов Тобольска, Тюмени и Тары. В Коде создалась парадоксальная ситуация: имея статус служилых перед государством, рядовые остяки-воины Коды в то же время стали рассматриваться своими князьями как вотчинные люди, с которых можно было брать ясак и заставлять их работать на княжеском дворе.

В 1636 г. недовольные своим князем 120 вооруженных служилых остяков собрались в городке Кармыш-Югане «для мирского совета». Приказ князя об отправке отряда в 40 человек в поход за солью на Ямыш озеро они в конце концов выполнили, но по дороге в Тобольске подали челобитную. В ней они после перечисления «обид и насильств» со стороны Дмитрия решительно просили, чтобы «государь бы их пожаловал, для их прежних служеб велел с них ясак имать на себя, государя, погодно на Березов, или где государь укажет». В следующем году остяки почти всех кодских городков повторили свою просьбу: «А за князем Дмитрием Алачевым в ясаку быть отнюдь, государь, невозможно и быть не хотим»[147]. Попытки князя Дмитрия оправдаться перед тобольскими властями тем, что наказание он «чинит» своим вотчинным остякам только за их провинности, привели лишь к временной отсрочке. В конце 1643 г. кодские городки были отписаны на государя, а Дмитрий навсегда покинул свои владения. Таким образом, попытки князя Коды создать из подвластной ему территории что-то вроде феодальной вотчины (даже с наложением на служилых остяков денежного оброка) потерпели поражение. Свободные общинники, кодские остяки, «разбрелись по глухим местам, по речкам и по сорам», явно не желая двигаться в сторону «феодализации».

В заключение можно привести сведения о другой линии князей Алачевых, идущей от Онжи Юрьева. В январе 1644 г. в Тобольске подал челобитную князь Петр Алачев, сын князя Никифора (Лобана) Онжина. Будучи в Москве в начале 1630-х гг., Лобан крестился и был пожалован вотчиной своего деда Онжи Юрьева, «ясашными

остяки Колпуковскою да Васпукольскою волостью». За крещение Лобану-Никифору был назначен годовой хлебный оклад по 50 четей ржи и овса. В 1635 г. Никифора убил его вотчинный остяк Мангус Секлеев, а его ясачными волостями завладел князь Дмитрий. Потомок Онжи Юрьева, князь Петр, с матерью Агафьей скатились до нищеты: «...волочась по остяцким юртам многое время, души свои сквернили и крестьянские веры отбыли: живучи по юртам, всякое скверно ели, и нужу великую терпят». В Москве было решено устроить Петра в службу по Тобольску с окладом в 10 руб.[148] Сатар Чумеев, внук Капландея, продолжал жить в Низянском городке, выхлопотав себе и своим сыновьям освобождение от ясака.

Обобщая известный фактический материал, угорские политии («княжества») дорусского периода можно квалифицировать как простые вождества, в которых власть вождя и его окружения держалась только на военных успехах и грабеже соседей. К таким объединениям принадлежало Пелымское княжество Аблегирима, Кодское князя Алача, Куноватско-Ляпинское князя Лугуя, Обдорское князя Василия, на Средней Оби — княжество Бардака. Аблегирим был разгромлен, Алач, Лугуй и Цынгоп (Казымское княжество) приняли русское подданство в 1580-х гг., Василий Обдорский и Бардак — в 1590-е гг.

Необходимо сказать и о самодийских социополитических объединениях. Кочевым вождеством являлось, видимо, объединение сибирских тундровых ненцев XVII в. под главенством лидеров рода Большие Карачеи. О воинственности карачейских самоедов и слабом контроле над ними со стороны русской власти будет сказано немного ниже. Наконец, нельзя не упомянуть о политическом объединении нарымских селькупов, которое русским источникам было известно под названием «Пегая орда». Специалист по истории и этнографии селькупов Г. И. Пелих считала, что толчком к социальной дифференциации в селькупском обществе явилось гипертрофированное развитие пушной торговли (в еще дорусский период), и допускала, таким образом, широкое участие селькупских территорий в международной торговле. Отвечая на вопрос, почему «Пегая орда» исчезает из источников после поражения ее вождя князя Вони в 1597 г., Г. И. Пелих предположила, что это селькупское объединение сложилось незадолго до русского завоевания. Исследователь писала: «Это могло быть очень примитивное (в таксономическом плане) военно-территориальное объединение со слабой централизацией многочисленных крупных и мелких «княжеств», которые продолжали какое-то время существовать после разгрома центральной организации». Изучение устной традиции селькупов позволило

Г. И. Пелих утверждать, что вокруг маргкока (военного вождя) еще в дорусский период начала складываться группа зарождающейся администрации, состоявшая из командиров небольших отрядов, сборщиков налогов (дани) и исполнителей судебных приговоров[149]. Эта реконструкция Пегой орды князя Вони вполне соответствует характеристикам простого вождества, которое перестало существовать после первого же серьезного удара русских отрядов (с участием кодских остяков). Если в работах этнографов-угроведов звучит некоторая ностальгическая нота сожаления о несостоявшейся государственности уральских угров, то Г. И. Пелих заняла противоположную позицию, заявив: «Складывающаяся военно-потестарная система селькупских коков была разрушена в период присоединения селькупов к русскому государству. В этом отношении интересы простого народа (то есть рядовых селькупов — *Е.В.*) и русских властей совпадали. Власть коков была ненавистна простым селькупам и опасна для царской администрации»[150]. Мысль исследователя о ненужности общинам охотников и собирателей государственных структур достойна внимания.

3. Ясачный режим и повинности аборигенного населения

Одна из основных функций местной русской администрации в Северо-Западной Сибири заключалась в сборе ясака с коренного населения. Тюрко-монгольское происхождение слова «ясак» и его значение в смысле «дань» хорошо выяснены. С. В. Бахрушин писал: «Ясак — это подать, установленная законом, уложенная, принудительная, в отличие от добровольного приношения, «поминков»[151]. Ясак, как дань с покоренных народов, русская власть унаследовала от татар Казанского и Сибирского ханств. Сибирские татары до похода Ермака собирали ясак с вогулов Пелымского княжества и остяков Нижнего Иртыша. Показательно, что там, где не было тюрко-монгольского фискального наследия, русские источники используют слово «дань». Так, с самоедов, которые были приписаны к Пустозерску, еще в 1597 г. дань взимали «данные зборщики»[152]. Жалованная грамота 1586 г. ляпинско-куноватскому князю Лугую разрешала «привозить ему дань ежегод в Вымь самому». Но уже к 1590-м гг. в отношении сбора дани с сибирских народов утвердился термин «ясак» и соответственно — «ясатчики» (сборщики ясака).

Как уже говорилось, территории сибирских уездов образовывались по мере объясачивания местных племен и народов. Березовский уезд в начале XVII в. состоял из 8-ми ясачных волостей, в которые

трансформировались, в условиях русского подданства, ранее независимые остяцкие «княжества» или их части. После ликвидации особого статуса Коды появилась отдельная волость «Кодские городки». Пелымский уезд был разделен на 7 ясачных волостей; к Пелыму же по ясаку было приписано население Конды и волости Табары (в среднем течение Тавды). На протяжении XVII в. максимальное число ясачных волостей, составлявших Сургутский уезд, не превышало 17; в них проживали ханты и в меньшей степени — селькупы[153]. В Нарымском уезде к середине века числилось 9 малолюдных ясачных волостей (около 50 ясакоплательщиков насчитывалось лишь в Верхней Нарымской волости). Кетский уезд делился на 5 волостей, в которых в 1629 г. числилось 135 ясачных людей; в дальнейшем их количество стало сокращаться. В Мангазейском уезде ясак собирался с отдельных родов или группы нескольких родов, приписанных к определенному ясачному зимовью. С. В. Бахрушин совершенно точно отметил, что ясак в Сибири XVII в. не был единообразным ни по размерам, ни по содержанию, ни по форме уплаты[154]. Ясачная политика правительства в XVII в. относительно всей Сибири стала предметом исследования С. В. Бахрушина, в отношении только Северо-Западной Сибири — Е.М. Главацкой[155]. В ее работе предпринята попытка конкретизировать и проиллюстрировать на типичных примерах хорошо известные общие черты ясачной повинности автохтонов Северо-Западной Сибири.

На военной стадии присоединения Северо-Западной Сибири ясак был не подушным, а накладывался на всю волость, представляемую тем или иным князцом. На шесть городков ляпинско-куноватского князя Лугуя в 1586 г. была наложена дань в 280 соболей. Воеводе Обского городка запрещалось брать с Лугуя поминки и посулы. В челобитной казымских хантов (1610) содержится уникальное известие о жалованной грамоте царя Федора Ивановича (1587) князю Цынгопу, по которой с трех казымских городков полагался ясак в размере 160 соболей и 2 черных лисиц. Грамота разрешала Цынгопу самому привозить ясак в Москву сразу за два года и запрещала посылать в казымские городки служилых людей[156]. В том же 1610 г. вместе с казымским князем Яванкой Лодыгиным в Москве оказался представитель сосьвинских и естыльских остяков (Березовский уезд) Талык мурза. Он заявил, что у них тоже была жалованная грамота царя Федора Ивановича, по которой положено было взимать по 2 соболя с человека. В 1598 г. в Москву отправился сосьвинский же остяк Конжинко — с челобитной и с целью переписать грамоту на имя царя Бориса Годунова. Однако при переходе через реки Северного Урала судно разбилось, и царская грамота утонула. Пока Конжинко

Князь вогуличей Ишбердей в 1582 г. добровольно присягает перед Ермаком московскому царю и соглашается платить ясак соболями. Рисунок из Кунгурской летописи С. У. Ремезова. Конец XVII в.

добрался до Москвы, царь Борис умер. Здесь память явно подводит Талыка мурзу, поскольку быть в пути шесть лет Конжинко никак не мог. В 1610 г. сосьвинские и естыльские остяки (240 человек) платили уже по 6 соболей с человека. Просьба остяков состояла в том, чтобы сбавить ясак на одну шкурку соболя. Эта просьба была удовлетворена, о чем березовскому воеводе была послана соответствующая грамота[157].

С 1589 г. вогулы Большой Конды должны были платить ясак в 1500 соболей, но в 1596 г. добились от московского правительства снижения оклада до 900 соболей. В то же время с ясачных людей Малой Конды с 1592 г. собиралось по 160 соболей. Неизвестно, когда и на каком основании ясак с населения Малой Конды был увеличен до 400 соболей. Этот размер ясака существовал уже к 1596 г. Ясачные люди Малой Конды заплатили в этом году (соболями, бобрами и белками) только 5 сороков; этот размер ясака был закреплен за ними и впредь[158]. В 1608 г. вогулы всего Пелымского уезда, включая Большую и Малую Конду, били челом о тяжести ясачного обложения. Они заявили, что платили с 526 человек в общей сложности ясак и поклонных соболей 75 сороков и 11 соболей (итого 3011 соболей)[159]. Пелымцы жаловались, что «зверя стало мало, потому что место обрусело», и просили дать в ясаке льготу. Приказ Казанского дворца пошел навстречу просьбе вогулов, применив, правда, при этом любопытную математику. В Пелым отправилась грамота с указанием брать с ясачного человека 7 соболей (итого с 526 человек 3682 соболя). Льгота заключалась, видимо, в том, что вогулам разрешалось самим внутри волостей устанавливать размер ясака с каждого человека — «смотря по людем, и по животом, и промыслом». Это указание ясачные люди быстро выполнили и принесли воеводе

«верстальную именную роспись»: их оказалось 535 человек, а ясака на себя положили (вместе с «поклонными» мехами)) 66 сороков 39 соболей (2679). Согласно этому верстанью, ясачный оклад был дифференцирован: от 7 до 1 соболя с человека, в среднем 5 соболей с ясакоплательщика. Московские власти такие расчеты не устраивали. Из Казанского дворца было указано взимать ясак по раскладу самих вогулов только за 1609 г., а впредь вернуться к окладу в 75 сороков[160].

Ясак делился на окладной и неокладной. Окладной ясак предусматривал точно фиксированный размер дани, исчисляемой первоначально количеством шкурок зверей ценных пород. Уже в конце XVI — начале XVII в. шкурка соболя вместе с рублем стали единицами измерения ясака. Он мог вноситься лисицами, бобрами, белками, горностаями, волчьими шкурами и оленьими постелями; эквивалентом одного соболя считались 11 белок, а 100 белок ценились в один рубль. В 1615 г. ясачные остяки Березовского уезда жаловались, что у них соболиная и бобровая ловля «оскудела», поэтому они стали сдавать ясак белками, приравнивая 60–70 белок к одному соболю. Однако без разрешения Москвы воеводы такой ясак не принимали. На Березов была послана соответствующая грамота о приеме ясака шкурками белок[161]. В конце столетия в Мангазейском уезде эквивалентом одного соболя были: лисица, россомаха или выдра, 2 голубых песца или 16 белых, 100 белок[162]. О разнице в оценке мехов, сданных в ясак, по «сибирской» цене и переоценке их в Москве хорошо известно. Первый из соответствующих указов (известных мне) относится к 1616 г. Данный указ березовскому воеводе предписывал (или напоминал?) принимать ясачные меха по дешевой сибирской цене, чтобы в Москве их оценили «с прибылью». Если бы московская цена оказалась меньше сибирской, то разницу между ними должны были возместить воеводы[163]. В данном случае правительство сознательно занималось порчей «мягкого золота», поскольку этот факт (в отличие от порчи монеты) не мог вызвать широкого возмущения среди аборигенов Сибири, не втянутыми во внутри- и внешнеторговые связи Московского государства.

В начале XVII в. для аборигенного населения Березовского уезда был установлен ясак в 5–6 соболей, Сургутского уезда — в 11 соболей. Об этом свидетельствует целая серия царских грамот 1610 г. в Березов и Сургут, явившихся ответом на челобитные остяков. Еще ранее, в 1603 г., от имени белогорских остяков (40 человек) подали челобитную князьки Таир и Байбалак Самаровы. Они сообщили, что платят в Березов по 11 соболей с человека, а чтобы добыть пушнину, ходят «зверовать» в Сургутский уезд, где сургутские власти

тоже собирают с них «другой ясак» и тоже по 11 соболей. Князьки указали, что для всех березовских остяков ясак составляет 5–6 соболей, и просили платить его только в Березове. Ответная грамота березовским воеводам предписывала брать с белогорских остяков, «как с иных з березовских князьков и остяков ясак емлют, смотря по их промыслом»[164].

Весной 1610 г. в Москве оказались одновременно четыре князька волостей Березовского уезда и 10 представителей сургутских остяков и селькупов. Князь ляпинских остяков (120 человек) Кушкул показал, что они платят по 5 соболей с человека, в то время как половина ясачных в волости «стары и увечны». Кушкул просил дать льготу в ясаке и исключить из оклада немощных людей. Из Москвы березовскому воеводе указали сначала «пересмотреть» ясачных людей Ляпинской волости. Глава подгородных березовских остяков (60 человек) Акатко заявил, что 30 остяков платят ясак по 5 соболей, а другие 30 выполняют ямскую службу и потому освобождены от ясака. Акатко утверждал, что ранее подгородные остяки выполняли только подводную повинность, ясак же на них наложил воевода князь И. М. Борятинский (1601–1603). Кроме того, следующий воевода князь Ф. А. Татев (1603–1605) стал брать с них рыбную подать. В Казанском дворце решили: повинность в виде рыбной подати отменить, а разделение остяков на ясачных и ямских оставить по-прежнему. Одновременно последовало решение по челобитной казымских остяков (100 человек, князь Яванко Лодыгин). Яванко сообщил, что после основания Березова с его волости стали брать 680 соболей в год, то есть по 6–7 соболей с человека. Традиционно князь жаловался на наличие в волости старых и увечных людей. Но это была не единственная жалоба казымских остяков. Оказывается, их ежегодно посылали собирать в одно место казымских самоедов, для удобства присылаемых из Березова сборщиков ясака. Поиски самоедов занимали не одну неделю. И, наконец, казымские остяки зимой выполняли подводную повинность (надо думать, на нартах с собачьими упряжками). Яванко просил: 1) собирать ясак согласно жалованной грамоте, данной Цынгопу мурзе в 1587 г.; 2) ясак с казымских хантов и самоедов самим хантам привозить в Березов. Решение Казанского дворца сводилось лишь к указанию не брать ясак с немощных и прислать в Москву сведения об ясачных людях, которые зафиксированы в грамоте Цынгопу[165]. О челобитье сосьвинских и естыльских остяков, которые утеряли грамоту царя Федора Ивановича, уже говорилось. Следует отметить, что решения по всем четырем челобитным датированы одним числом — 17 мая 1610 г. Князцам, хлопотавшим за свои волости, была дана льгота — освобождение от ясака на год.

В мае же 1610 г. были рассмотрены челобитные ясачных людей Сургутского уезда. Нарымские волости (Верхнюю и Нижнюю) представляли князьки Тайбохта Вонин и Вангай Кичеев, Парабельскую волость — князек Кирша Кунязев. Одну челобитную с Тайбохтой и Вангаем подали лучшие люди еще пяти волостей. Князья жаловались, что ясак на их волости положен «не в силу» (по 11 соболей с человека), а Кирша Кунязев был вынужден заложить свою жену и двух сыновей за 12 соболей. Из Москвы указали убавить ясак до 9 соболей, выкупить семью Кирши, а самому ему дать льготу на год. Мурза Нырпохта Елуков подал челобитную от имени остяков волостей Юганской, Салымской, Базянской и Селиярской, по части ясачного обложения, аналогичную предыдущей. Решение по ней было принято такое же: снизить ясак с человека до 9 соболей. Наконец, от волостей Васюганской, Тымской, Ларьятской, Караконской и Лумпокольской в Москве хлопотал князек Пырчейко Лайкин. Ясак тоже был снижен с 11 до 9 соболей [166]. Надо отметить, что во всех грамотах березовским и сургутским воеводам содержалось указание составить поименные ясачные окладные книги (видимо, новые). В них должны были заноситься и имена тех, кто не мог платить ясак, с указанием причины.

В березовской ясачной книге 1641 г. отмечено, что «в Березовском уезде во всех волостях ясачные остяки платят государев ясак всякой ясачный человек сам за собя по окладом своим порознь, а не всею волостью вместе»[167]. Еще ранее, в ясачной книге 1629 г. зафиксировано, что ханты Березовского уезда «тот оклад государева ясаку против денег сами на себя положили по своим промыслом и прожитком»[168]. В ясачный оклад записывались лица мужского пола, достигшие 15 лет; когда точно был введен этот возрастной ценз, установить трудно, но к 1625 г. он уже существовал. Известно, что главный тобольский воевода князь Ю. Я. Сулешев (1623–1625) в распоряжении сургутским воеводам «в твой государев ясак детей... менши 15 лет писать не велел»[169]. Надо полагать, что это правило распространялось на всех аборигенов Западной Сибири. Фактически каждый новый воевода проводил ревизию ясачного населения, вычеркивая из оклада «старых и увечных», которых нередко доставляли в уездный город для освидетельствования.

В 1629 г. в Обдорской волости среди остяцкого населения насчитывалось 144 плательщика ясака, в Куноватской — 105. В это время усредненный оклад для хантов данных волостей составлял по «сибирской цене с человека против 2 рублев 8 алтын»[170]. Общий ясак, взимаемый с северных остяков в это время, выражался, таким образом, суммой в 578 рублей. К 1641 г. средний ясачный оклад хан-

тов Березовского уезда снизился до 1 руб. 42 коп. (всего в этом году с 1120 ясачных остяков надлежало собрать мехов на 1595 руб.)[171]. Ясачная книга 1641 г. дает наглядное представление о размерах и составе ясака[172]. Сведения по Обдорской и Куноватской волостях в ней не сохранились, но цифры по другим волостям достаточно репрезентативны. Так, в Ляпинской волости насчитывалось 164 человека, с которых полагалось взять «мягкой рухляди» на 188 рублей. В Сосьвинской и Естыльской волостях (они считались вместе) было 339 ясакоплательщика, обязанных внести в ясачную казну меха на 443 рубля. Индивидуальные оклады весьма различались — от 2-х с лишним рублей до 40–50 копеек. Ханты всего Березовского уезда в качестве ясака принесли: 866 соболей, 3 чернобурых лисицы, 30 лисиц бурых, 34 лисицы красных черночеревых, 57 лисиц красных сиводушчатых, 93 красных лисицы, 28 бобров черных и 115 бобров карих и рыжих, 77 росомах, 11 волков, 322 горностая, более 23 тыс. белок. По «березовской сибирской цене» эти меха были оценены в 1072 руб. 75 коп., а по «московской разборной цене» в Сибирском приказе — в 1770 руб. Разница «сибирской» и «московской» цен на меха является, пожалуй, одной из заметных черт ясачного режима, позволяющего говорить об эксплуатации метрополией сибирских пушных ресурсов. Но надо заметить, что эта разница применялась и в оценке пушнины, собираемой в качестве пошлин и покупаемой казной у русских промысловиков.

Помимо окладного ясака, существовали государевы и воеводские поминки (тоже мехами), приносимые как бы в виде добровольного дара. Уже в начале XVII в. сибирским воеводам строго указывалось сдавать воеводские поминки в казну с их письменным учетом. Поминки воеводам очень скоро превратились в обязательный сбор. В Березовском уезде эти поминки были неокладными, хотя администрация ориентировалась при их сдаче на размеры предыдущего года. Так, в 1640 г. остяки Березовского уезда принесли воеводских поминков на 11 руб. 90 коп., сколько и ожидалось от них в следующем году[173]. Некоторые воеводы, как и ясачные сборщики, дабы не обделить себя, требовали с ясачных людей «поклонных» соболей — еще более добровольный дар, чем воеводские поминки. В 1685 г. мангазейские служилые люди объясняли: «А поклонные де соболи и бобры и лисицы и росомахи называют тех, которые иноземцы дают ясачным сборщикам в почесть, а не государевы ясачные и поминочные»[174].

Воеводам указывалось принимать в ясак шкурки соболей с хвостами, а лисиц — с хвостами и лапами. В 1635 г. березовские остяки подали воеводе А. М. Толочанову челобитную, в которой утвержда-

ли, что они «исстари» вносят ясачные шкурки без хвостов и лап, потому что многие из них покупают шкурки уже в таком виде у остяков же и русских людей. У добытых своим промыслом шкур зверей они тоже отрезали хвосты и лапы и выменивали на них топоры, котлы, ножи, одежду и обувь. Остяки просили по-прежнему оставлять им хвосты и лапы[175].

С лесных и тундровых ненцев Березовского уезда в XVII в. собирался неокладной ясак. С основанием Березова и Обдорска связи сибирских самоедов с Пустозерском начали слабеть, но окончательно не исчезли. Пинежанин Левка Шубин, который в 1602 г. ходил волоковым путем через Ямал в Тазовскую губу, много лет спустя сообщал, что «по обе стороны Мутные реки временем кочует самоедь Карачея и иные роды, а дают та самоядь ясак в Пустоозеро»[176]. Но, очевидно, уже в начале XVII в. обдорские и казымские самоеды стали платить ясак в Березовском уезде, что не мешало им торговать с пустозерцами. Царская грамота 1607 г. нарисовала картину широкой торговли с «ясашной кунной самоядью, которая приходит с нашим ясаком на Обдор и в Казым». Посредниками в этой торговле, центром которой являлся Роговой городок (Сускар) на притоке Печоры реке Усе, выступали более подвергшиеся русскому влиянию пустозерские самоеды, чьи олени развозили товары в сибирской тундре. Многие из кунных самоедов являлись должниками пустозерцев и, «исторговався» с последними, уже ничего не могли принести в качестве государева ясака. Московское правительство несколько наивно вопрошало березовского воеводу: «И для чево без нашего ведома пустозерцы мужики воровством городок поставили и с самоедью торгуют и нашу десятую пошлину крадут, а в Носовом городке заставу объезжают?»[177].

Предвидеть размеры неокладного ясака русской администрации было весьма затруднительно. В ясачной книге 1629 г. отмечено: «А платят государев ясак казымская и обдорская самоядь не по окладу, хто что ясаку и какою мяхкою рухлядью даст, то у них емлют... и год перед годом самоядь приезжает неровно»[178]. В этом году казымские самоеды внесли ясак на 180 руб., обдорские — на 111 руб. В течение XVII в. размер ясака с лесных ненцев уменьшался, в то время, как с тундровых увеличивался[179]. В 1641 г. с казымских самоедов было взято ясачных мехов на 111 руб., хотя администрация, «примерясь» к прошлому году, рассчитывала на сумму в 140 руб. Тундровые ненцы сдали в Обдорске мехов на 91 руб. (в предыдущем году — на 147 руб.). Состав пушнины тундровых самоедов, по сравнению с ассортиментом ясака хантов, был более скромным: 64 соболя, 493 белых песца, 5 горностаев, 35 белок, 25 больших

и малых оленьих постелей. Березовский воевода И. А. Францбеков (1639–1643) объяснял, что обдорские самоеды внесли меньший ясак из-за голода, который испытывали нижнеобские остяки. Воевода писал, что в Обдорскую (то есть к самому Обдорску) и Казымскую волости самоеды приезжают один раз в год, по первому зимнему пути,— для покупки у ясачных остяков рыбных запасов. Заодно самоеды платили березовским ясачным сборщикам неокладной ясак: «хто сколько ясаку и какою мяхкою рухлядью и постелями повольно дасть, то у них и емлют, для иноземства, чтоб их не ожесточить»[180]. Фразу Францбекова о голоде разъясняют челобитные остяков волостей Березовского уезда (1643). Оказывается, с 1631 г. и вплоть до года подачи челобитных на них «пришла нужа великая: от больших вод рыбново промыслу... не стало», от чего «многие остяки з женами и з детьми з голоду померли, а иные... жены и дети свои для голоду продавали в работу». Ханты Казымской и Обдорской волостей писали, что ранее при удачном улове они меняли сухую рыбу и рыбий жир на меха у «тундряной самояди», чем и платили ясак. Теперь же, «в нынешних... годех для голоду с тундры» в Обдорскую и Казымскую волости «самоядь с торгом не приезжает». Остяки Куноватской волости указывали, что меняли рыбные запасы на меха у казымских самоедов и к тому же охотились на белку сами. Однако с 1634 г. «белка неведомо куды сошла», поэтому они покупали пушнину у лесных ненцев на оленей. Казымские остяки тоже промышляли белку; из лесов этой волости она исчезла с 1641 г. Остяки северных волостей уезда просили отсрочить уплату ясака до следующего года и дать в долг муки из государевой казны[181]. Таким образом, сбор ясака стимулировал, с одной стороны, торговый обмен между северными остяками и самоедами; с другой стороны, ставил полуоседлых хантов в более жесткую экономическую зависимость от своих кочевых соседей.

Сбор ясака в Березовском уезде осуществлялся ясачными сборщиками. Наличие окладных книг с поименным перечислением остяцкого ясачного населения наводит на мысль, что среди сборщиков ясака (казаков) обязательно должны были находиться грамотные люди, или же их сопровождал подьячий. Например, в соседнем с Березовским Пелымском уезде в 1645 г. воевода послал в Большую Конду подьячего и четырех служилых людей с ясачными книгами. Правда, книги им не пригодились: манси Большой Конды собрали ясак «своим произволом», а не согласно известным индивидуальным окладам[182]. Ясатчики не только собирали ясак, но также фиксировали убыль аборигенного мужского населения и записывали в ясак «подрослей». Так, березовский сын боярский Алексей Лиха-

чев, посланный в 1638 г. в Ляпинскую волость для ясачного сбора, «приискал» пригодных для уплаты ясака шесть подростков. Он же в последующем выявил четырех «недорослей» в Куноватской волости и 10 захребетников среди кунных самоедов Казымской волости[183]. Убыль и прирост ясачного населения могли фиксироваться и в самом Березове путем опроса «лучших» волостных людей. Например, в 1656 г. князец Обдорской волости Ермак Мамруков и другие лучшие люди показали: в 1649 г. в волости умерло 8 остяков; в 1650 г. вновь обложено ясаком 16 человек; в 1651 г. умерли 14 человек; в 1655 г. «приискано» в ясак 32 подростка[184].

Источники указывают, что хантам не запрещалось самим привозить ясак в Березов, но четко установленного порядка в этом отношении не существовало. В 1656 г. березовский воевода С. А. Малой отписывал в Москву, что ежегодно из Тобольска присылается 27 ведер вина горячего «для остяцких и самоедских расходов». Воевода жаловался на плохое качество вина, которое «в зимнее время вымерзает». «А на Березове,— писал Малой,— ясачных людей много, велено их поить и кормить довольно, как они приедут с ясаком»; по этому поводу от ясачных людей бывает «многое челобитье»[185].

В Пелымском уезде трудно было собирать ясак с вогулов Большой Конды. В 1644 г. воевода князь А. М. Несвицкий послал туда подьячего с окладными ясачными книгами. Вогулы заявили, что по окладным книгам начнут платить со следующего года. Но и в 1645 г. мурза Иван Ортюхин и другие лучшие люди собрали ясак «своим произволом», а не по книгам. Он составил 12 сороков 2 соболя (всяким зверем); за два года долг с ясачных Большой Конды выразился в 18 сороках 29 соболях. Из Москвы указали послать в Большую Конду для выяснения дела сына боярского из самого Тобольска[186].

С самого основания Мангазеи тазовские самоеды (*пэ-бай* — предки энцев) были обложены ясаком. Роды энцев, проживавшие в верхнем течении Таза, платили сначала ясак в Зырянский городок, куда приезжали ясатчики из Мангазеи, затем — в Верхотазское зимовье. На этих ближайших к Мангазее самоедов был положен ясак в 5 соболей (но «лучших», ценой против 11 соболей обыкновенных) с человека[187]. По мере распространения Мангазейского уезда на восток, в бассейны Нижней и Подкаменной Тунгусок и на Таймыр, местное население (самодийцы, эвенки, кеты) тоже облагались ясаком и приписывались к возникавшим ясачным зимовьям. Ясачные книги Мангазейского уезда фиксировали не индивидуальный ясак, а сдаваемый по родам. Ясачные сборщики, как сказано в одном документе 1633 г., «по лесом за ними (аборигенами — *Е.В.*) для ясаку не ходят, потому что сыскать негде, живут переходя с места на место

и с рек на реки, да и от зимовий своих отходити не смеют, бояся от них, иноземцов». В 1651 г. мангазейский воевода Ф. И. Байков, жалуясь на малочисленность служилых людей, писал в Тобольск, что в зимовья на обе Тунгуски посылается по 2–3 ясачных сборщика, которых нередко «побивают» тунгусы и самоеды. Воевода подчеркивал неокладной характер ясака: «И твой, государь, ясак платят из воли, а иные де, государь, и не платят, потому что видят: безлюдно, а оборонитца некем»[188]. Ясачные сборщики жаловались на невозможность составления точных окладных книг, потому что самоеды и тунгусы ежегодно меняли свои имена, а в лицо служилые люди их не опознавали. В результате непонятливые аборигены «теми переменными именами в... ясачных книгах смуту чинят и государеву ясаку всякой недобор чинят». В книге 1632/33 г. обрисован порядок сбора неокладного ясака: «Ясачные сборщики сказывали, что собирают они государев ясак, сидя в зимовьях, а кто иноземцы к ним в зимовья что ясаку принесут, то они и возьмут, а с кого именем скажут и на который год взято, то они у себя в книги и напишут; а в которых зимовьях государев ясак платят за аманаты без имян и кто иноземцы имянем к ним в зимовья принесут и с кого тот ясак и на который год взят, не сказывают»[189].

Тем не менее ясачный сбор в Мангазейском уезде был довольно значительным. Уже в конце 1620-х гг. промышленные люди сообщали, что «в Мангазее де около Мангазейского города и Туруханского зимовья и вверх по Енисею реки и снизу Тунгузки (Нижней Тунгуске — *Е. В.*) реки соболи и бобры опрымышлялись»[190]; поэтому основное количество ясачной пушнины поступало с территорий, расположенных за Енисеем. Об этом прямо говорили мангазейские служилые люди (1640 г.) и указывали, что «собирается де с тех земель на всякий год по 100 сороков соболей и более»[191]. По подсчетам П. Н. Павлова, в 1640 г. ясачные люди Мангазейского уезда сдали 5672 соболя. Русские промышленные и торговые люди в этом году явили в мангазейской таможне для уплаты десятой пошлины 62 800 (С. В. Бахрушин), или 56 190 (П. Н. Павлов) соболей[192]. Интересно отметить, что через 10 лет соотношение ясачных и промышленных соболей в Мангазейском уезде значительно изменилось. В 1651 г. в качестве ясака было сдано 3683 соболя, 42 бобра, 2 кошлока, 3635 собольих пупков, одна бурая лисица. В Мангазее ясак был оценен в 5413 руб., а по тобольской разборной цене составил 4209 руб. Согласно цифрам десятинного таможенного сбора, промышленники в этом году предъявили своих и покупных 15 080 соболей и 14 900 собольих пупков[193]. Пушная добыча русских промышленников и в годы заката Мангазеи во много раз превосходила масштабы охотничьей деятельности ясачных людей.

С 1672 г., после запустения Мангазеи, центром уезда стал Туруханск. В 1681 г. была произведена поименная перепись ясачного населения по чумам и определен оклад каждого ясачного человека. Этими мерами, как считал С. В. Бахрушин, «беспорядочный и случайный ясак Мангазейского уезда был несколько оформлен и подведен к некоторому подобию оклада»[194]. Видимо поэтому данные ясачного учета на конец XVII в. отличаются определенностью. В 1699 г. в Мангазейском уезде в 14 волостях насчитывалось 1375 ясачных людей, общий оклад которых составлял 82 сороков 28 соболей, один бобр и 1000 оленьих ровдуг. Однако в полном виде ясак, очевидно, не собирался десятилетиями. В итоговой ведомости 1701 г. отмечалось, что по Мангазейскому уезду доимочный ясак с 1639 по 1700 г. составил 21 360 соболей[195].

Самым надежным средством заставить сибирских аборигенов платить ясак считался захват аманатов (заложников), желательно глав отдельных родов или их родственников. Брать аманатов у хантов Березовского уезда русская администрация считала излишним. Другое дело — тундровые обдорские самоеды, чья воинственность и независимость к середине XVII в. стали раздражать московское правительство. В 1649 г. березовский воевода М. С. Лодыженский получил царский указ с предписанием захватить аманатов у обдорской «воровской самояди». Во время сдачи ясака в Обдорске казакам удалось схватить трех самоедских князцов, в том числе вождя Больших Карачеев Пося Хулеева. Аманатов привезли в Березов и посадили в пустую тюрьму, где они голодали. Заложники бежали из тюрьмы «в свои юрты»; в результате погони удалось поймать одного Пося Хулеева. В 1650 г. аманата Хулеева обменяли в Обдорске на его сына и племянника. Сын боярский Алексей Лихачев доложил из Обдорска, что «обмануть» и захватить аманатов из других родов тундровых ненцев нет никакой возможности. Пришлось новому воеводе Я. Н. Лихареву довольствоваться двумя заложниками, которых стали поочередно держать в домах казаков. Аманатского двора в Березове не было, а сидеть самоедам в тюрьме, как отметил сам воевода, было «добре скучно и нужно». В феврале 1651 г. в Березов пожаловали Поско Хулеев и обдорский князец Молик Мамруков со своими остяками. Два авторитетных предводителя народов Обского Севера обратились к воеводе с устным челобитьем об отмене аманатства. Аргументы приводились самые разные: и то, что 50 человек рода Айваседа и старший брат Поски Хена Хулеев, услышав о поимке аманатов, откочевали в Мангазейский уезд; и то, что у самоедов заложников никогда не брали, а ясак они все равно платили; и то, что самоеды могут прийти в ссору со «всей остяцкой землей»

и вообще перестанут ездить в Обдорск. Воеводу пугали тем, что отныне «самоядь бегает и хоронитца по крепким местам и по тундрам и живут де остерегательно». Любопытно, что словесное заявление вождей тундры поддержали березовские служилые люди. Лихарев медлил сообщать в Москву о просьбе остяков и самоедов, и соответствующее донесение об этом поступило в столицу только 25 ноября 1651 г.

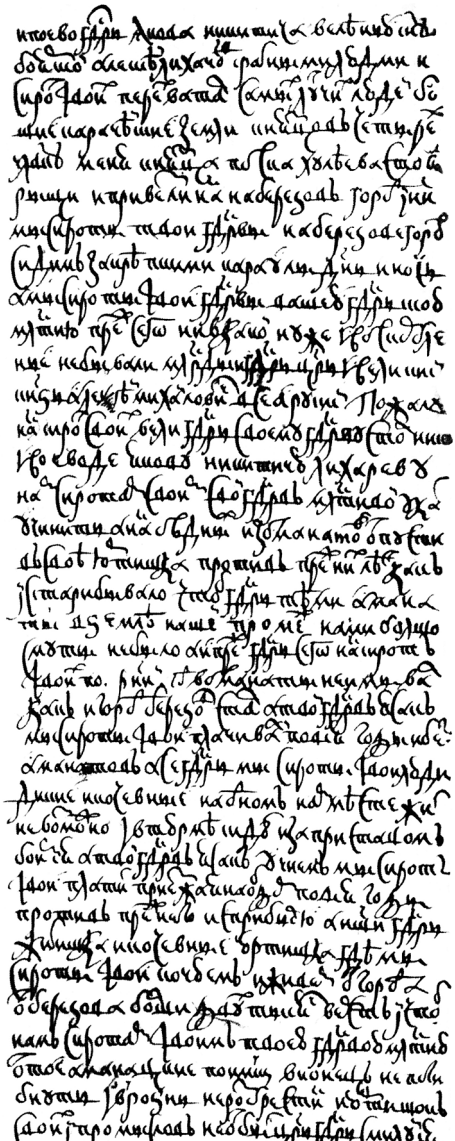
В далекой от сибирских дел Москве продолжали придерживаться старого мнения: необходимо любым способом взять заложников от каждого самоедского рода. То ли по своему почину, то ли по указанию Сибирского приказа Лихарев дал соответствующие инструкции тому же Алексею Лихачеву, осенью 1651 г. снова посланному в Обдорский городок. Сын боярский «с ратными людьми» захватил лишь одних представителей «Большой Карачейской земли», которые не имели в общем-то оснований опасаться ясачного сборщика. Среди них оказался тот же Пось Хулеев, его сын Мугалей, сын князца Шигов Нынков и Обчин Татов. Так Поско 7 февраля 1652 г. был вторично водворен в березовскую тюрьму. Аманаты доставили воеводе не только удовлетворение, но и хлопоты. Заложников полагалось содержать в приличном состоянии, «кормить и поить довольно», дабы их родственники были спокойны и исправно вносили ясак. Однако в Березове вина и меда для аманатов не нашлось, с хлебными запасами тоже было туго. О корме для самоедских аманатов Лихарев не раз запрашивал Тобольск, но безуспешно. Его отписка по этому поводу в июне 1652 г. пришла в Москву. В Сибирском приказе еды для аманатов не жалели; тобольским воеводам указали отныне посылать в Березов, сверх прежнего, каждый год по 5 ведер вина, 2 пуда меда и хлебных запасов, «сколько пригоже».

Между тем сразу вслед за аманатами в Березов приехали обеспокоенные остяки северных районов уезда — обдорские, надымские и «иных волостей». На сей раз они подали челобитную в письменном виде, которую воевода не мог не отослать в Москву. Просьба была та же — отпустить самоедских заложников, а мотивы хлопот остяков за их тундровых соседей были вполне основательны. В челобитной говорилось, что они, остяки, приобретают у карачейских самоедов меха для сдачи в ясак, а поскольку ныне самоеды откочевали дальше на восток и опасаются приезжать в Обдорск, то возникает прямая угроза для государевой ясачной казны. Попутно челобитная разоблачала «прибыли» воеводы Лодыженского, писавшего о многолюдстве усмиренной «воровской самояди», чьи шесть родов насчитывали якобы свыше 3000 мужчин. Осведомленные остяки указывали цифру примерно в 700 человек, что более соот-

ветствовало действительности. Наконец, 26 мая 1652 г. Лихареву в съезжей избе подали челобитную сами аманаты во главе с Поской, который и в тюрьме не переставал быть «самояди лучшим князцом Посем Хулеевым». У нас есть редкая возможность услышать голос жителя тундр из далекого XVII в., пусть он немного и искажен русским переводом: «...И ныне мы, сироты твои государевы, на Березове городе сидим за крепкими караулы день и ночь... Милосердный

Челобитная аманата самоедского князца Пося Хулеева. 1652 г. РГАДА.

государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Русии, пожалуй нас, сирот своих: вели, государь, своему... воеводе Якову Никитичу Лихареву нам... свой государев милостивый указ учинить, а нас, бедных, из омонатов отпустить в свое юртишко против прежних лет, как исстари бывало, чтоб, государь, теми омонаты в земле нашей промеж нами большой смуты не было. А и преж, государь, сего нас... по 158 год в омонаты не имывали, как и город Березов стал, а твой государев ясак мы... плачивали по вся годы и без аманатов. А се, государь, мы, сироты твои, люди дикие и кочевные, на одном нам месте жить невозможно и в тюрьме сидеть и за приставом боимся, а твой государев ясак учнем мы... платить, приезжая на Обдор, по вся годы против прежнего и с прибылью»[196].



Окончание челобитной П. Хулеева

Видимо, еще до второго заключения Поски вожди карачейских самоедов предприняли попытку избавиться от «опеки» ретивых березовских воевод. Зимой 1651/52 г. в Москву отправилось посольство от имени Хенки и Поски Хулеевых и Немчинки Пидирисова. Посольство, состоявшее из Хаски Хулеева и еще четырех самоедов, везло для государева челобитья богатые «поминки» — 50 соболей «одинцов добрых» в 300 руб. по сибирской цене, 100 соболей подешевле, 30 бобров и т.д. Сибирские тундровые ненцы хотели добиться в Москве разрешения привозить ясак в Пустозерский острог, выйдя таким образом из административного подчинения березовским властям. Но прежде необходимо было помириться с пустозерскими жителя-

ми, которые еще не забыли набеги 1640-х годов, во главе которых стояли князцы Большого Карачейского рода. По пути в Москву Хаска заехал в Пустозерск, пригнав туда 60 оленей и 5 «санок самоядцких под кровлями» с оленьими постелями и мехами — чтобы «поплатиться погромными животами» с местными жителями. Однако посольство Хаски, едва начавшись, закончилось трагично. Пустозерский воевода Иван Лошаков польстился на богатые государевы поминки, загнал упряжки с санями к себе на двор и арестовал самоедов. Пытаясь как-то оправдать свою алчность и самоуправство, Лошаков объявил, что самоеды приехали в Пустозерск как лазутчики. В результате Хаску подвергли допросу с пыткой, после которой он умер; один его товарищ был повешен, а еще двое погибли в тюрьме. И только одного самоеда Лошаков отпустил обратно в тундру. Таким образом, миссия Хаски Хулеева не состоялась[197].

Практика аманатства в Березове продолжалась недолго. Известно, что в 1656 г. Пось Хулеев свободно кочевал по своим тундрам, хотя он и его брат Хеня говорили самоедам других родов, что у них «на Березове дети в аманатах». Точно неизвестно, содержались ли аманаты от тундровых ненцев в Березове в 1660 г., когда воевода Б. А. Зубов писал в Москву, что Поско Хулеев «с товарыщи» сами привезли государев ясак на подводах в Березов, хотя прежде платили ясак «на тундре и на льду под Обдорским городком».

В Мангазее аманаты из тазовских самоедов появились вместе с основанием города[198]. Вследствие утраты документов сведения о количестве и содержании аманатов в самой Мангазее крайне отрывочны; надо полагать, что там содержались заложники только от тазовских (лесных и тундровых) энцев. Так, в 1636 г. в городе находился аманат «тундряной самоядин Леденкина Шару» Собка Тынгин, племянник главы рода Итилидки Тынгина[199]. Ввиду обширности Мангазейского уезда большинство аманатов, захваченных нередко с трудом, содержались в ясачных зимовьях. В 1635 г. сборщик ясака в Чюлском зимовье (на Средней Тунгуске) Иван Сорокин, сообщая воеводе о причине недобора ясака, сказал, что приписанные к зимовью тунгусы «люди кочевые, а не сидячие», и ясак с них собирается не по книгам, а из-за аманатов[200]. Сами немногочисленные ясачные сборщики опасались отходить от зимовья, как, впрочем, и эвенки заходить в зимовье. В 1633 г. мангазейские ясатчики сообщали воеводе: «Как придут [иноземцы] с государевым ясаком, и имян у себя не сказывают и в зимовье к нам ходити не смеют, ясак подают окном, потому что они, тунгусы, блюдутся, чтоб их ясачные сборщики в аманаты не поймали, а они де... им, тунгусам, из окон дают государево жалованье, олово и одекуй»[201]. В Туруханске, когда

он стал центром уезда, в 1676 г. содержалось значительное количество аманатов — 45 человек[202].

Средством привлечения коренного населения к уплате ясака являлось «государево жалованье», состоявшее из угощения и подарков. Угощение устраивалось для тех ясачных людей, которые сами приезжали в город для сдачи ясака. Как уже говорилось, в Березов в середине века для этой цели присылалось 47 ведер горячего вина, которого, однако, не хватало. В 1647 г. в Мангазее стрельцу Остафию Колову было поручено на казенные средства сварить пива для угощения ясачных самоедов. Колов выполнил только часть задания: пиво сварил, но унес его из съезжей избы и выпил со своими товарищами.

Государево жалованье являлось обязательным условием получения с сибирских «иноземцев» ясака. Иногда в подарках аборигенам видят форму обмена. Возможно, для туземного населения этот обмен представлялся равнозначным, но со стороны Русского государства это был неэквивалентный обмен. У самодийцев и эвенков Мангазейского уезда большим спросом пользовались одекуй (крупный бисер разных цветов), олово «барабанское» (брабантское) в блюдах и больших тарелках, медь зеленая и красная в котлах и тазах, изделия из железа: топоры, ножи, ножевые железцы. Воевода И. С. Корсаков писал в 1652 г. в Москву, что из Мангазеи каждый год посылается ясачным людям на жалованье по 56 топоров и 86 ножевых железец. Кроме того, расходовалось по 140 больших мотов прядена (веревок); часть веревок шла на оснастку речных судов служилых людей, а часть — на мережи и пущальницы (снасти для рыбной ловли) для ясачных людей. Корсаков сообщал, что все это покупается в Мангазее дорогой ценой: топор стоил 50–60 коп., нож — 15 коп., а мот веревок 40 коп.[203] Один пуд одекуя (около 87 тысяч бусинок) стоил 26 руб.

Помимо товаров, государево жалованье ясачным людям могло включать муку и масло. Например, в 1667 г. из Мангазеи было послано в ясачные зимовья 206 пудов муки и 2 пуда масла. В 1629 г. в Хетском зимовье (на Таймыре) целовальником был Ерофей Хабаров (будущий покоритель Приамурья), на которого поступили жалобы от ясачных самоедов. Суть их сводилась к тому, что Хабаров кормил мукой и маслом иную, еще не ясачную, «самоядь» и приобретал таким образом для себя «соболи добрые»[204].

Злоупотребления ясачных сборщиков Березовского уезда чуть не привели к масштабному восстанию остяков, планы которых были пресечены русской администрацией в 1663 г. Об этих злоупотреблениях в Тобольске доложили письменный голова В. Головин и подья-

чий С. Тарков, которые в 1662 г. служили на Обдорской и Собской таможенных заставах и не раз слышали от князца Обдорской волости Ермака Мамрукова, что «березовские сборщики сбирают с них на великих государей ясак и больши де того на себя, и им де от сборщиков чинитца налога большая». Тобольский воевода И. А. Хилков категорически запретил березовскому воеводе А. П. Давыдову посылать в ясачные волости сборщиков Семена Лоншака, Никиту Аргунова и Ваську Попова, потому что они «ясачным людем многим обиды и налоги чинили и сверх государева ясаку сбирали многую мягкую рухледь себе и на воевод»[205].

В 1647 г. от имени всей «ясашной тазовской самояди» князец Ледерейко подал жалобу на воеводу П. М. Ухтомского. В челобитной расписывались насильства и обиды воеводы по отношению к ясачному населению. Ухтомский пять лет брал с энцев «соболи и бобры и постели и ровдуги и ременье и камысы и пимы всякие, и гуси и утки и мясо оленье». Воевода выманивал у них меха, обещая дать взамен муку, топоры, ножи, сукна, и — ничего не давал. Ежегодно каждый ясачный человек обязан был подносить воеводе «поклонных добрых соболей... по 4 соболя и 4 бобра» и к тому же по соболю и бобру детям Ухтомского. Самоеды жаловались на то, что вследствие этих поборов они не имеют возможности покупать котлы, ножи, мережи; часть ясачных самоедов разбежалась, а оставшиеся «вконец погибают». Ледерейко просил, чтобы царь Алексей Михайлович указал дать на воеводу «свой царский суд и управу»[206].

В Сургутском уезде в 1625 г. было 14 волостей (если две Юганских волости принимать за одну), ясачных людей в них насчитывалось 796 человек, с которых было собрано ясака и поминков разной пушниной, равной по цене 160 сорокам соболей (то есть примерно по 8 соболей с человека)[207]. В течение XVII в. московские приказные дельцы упорно закрывали глаза на быстрое «испромышление» соболя в Среднем Приобье и от каждого нового воеводы требовали сбора недоимок по ясаку, накопившихся за прошлые годы. С другой стороны, Москва неукоснительно придерживалась принципа: «По государеву указу во всех сибирских городех на ясашных людех государеву ясашную и поминошную рухледь збирают ласкою, а не правежем». А результат относительно Сургутского уезда получился такой. В 1699 г. в уезде насчитывалось 720 ясакоплательщиков, на которых «довелось взять» (в денежном переводе ясака) 2322 руб. 45 коп. Недобор в сборе ясака на 1698/99 г. составил 1294 руб. Всего же доимочного ясака с 1625 по 1700 г. на остяках Сургутского уезда накопилось 13 6533 руб.[208] Подобные факты указывают на основной принцип «колониальной» политики России в XVII в.: грозные указы

с требованием полной уплаты ясака и молчаливое согласие с реальным положением дел.

Сталкиваясь с подобной двойственной позицией центральной власти, сибирские воеводы испытывали большие затруднения. Так, в 1644 г. сургутский воевода А. А. Измайлов докладывал в Москву, что в течение двух лет отправлял во все волости служилых людей с заданием: выслать ясачных остяков на зверовые промыслы, дабы они могли уплатить ясак сполна. Однако ясачные люди волостных князцов не послушали, «на зверовые промыслы ходили немногие, а иные многие на свои лешие промыслы не ходили». В результате кто-то уплатил полный ясак, кто-то только его половину или треть, а иные вообще не платили. Свои недоумения Измайлов изложил следующим образом: «И я, холоп твой, тем непослушником, которые на лешие свои промыслы не ходили и... ясаку и поминков не платили, а мяхкую добрую рухлядь втай... продавали, без твоего государева указу за их непослушанье наказанья чинить им не смею, потому что в наказе у меня... написано: велено мне... к ясашным людем держать ласку и привет и береженье, и твой государев ясак и поминки збирать ласкою, а не жесточью и правежем»[209].

Есть объяснение тому факту, почему постоянный и большой недобор ясака в Сургутском уезде начался именно с 1625 г. В 1623–1625 гг. воеводами в Сургуте были И. Р. Безобразов и Ф. Г. Шишкин, которые провели перепись ясачного населения, увеличив его на 256 человек. Обман этих воевод был разоблачен сменившим их Н. Е. Пушкиным, которому не удалось убедить в своей правоте руководство Казанского дворца (см. гл. III. 1.) Между прочим, И. Р. Безобразов предъявил в Казанском дворце четыре челобитных от остяков 10 ясачных волостей (которые он почему-то в свое время не отправил в Москву). Содержание этих челобитных идентично: ясачные люди указывали на размеры своего недоборного ясака на текущий 1625 г. и просили об отсрочке в его уплате до следующего года. Причиной неполной уплаты ясака стал «голод великой», какого остяки не помнили за последние 30 лет [210]. Что послужило причиной голода, нам неизвестно.

В 1655 г. сургутский воевода князь Н. Ф. Мещерский собрал представителей 13 ясачных волостей для выяснения вопроса: «для чево у них в Сургуцком уезде во всех волостях на ясашных людех почала быть доимка государеву ясаку и поминкам со 133-го да по нынешней 163-й год»? Главной причиной умаления ясака население Среднего Приобья видело в увеличении размеров ямской повинности («подводная гоньба многая») по мере продвижения русской колонизации в Восточную Сибирь. Остяки заявили: «В которую де

пору летом ссоры запираем и сухую рыбу готовим, с чем ходим на лешие свои промыслы для государеву ясаку и поминков, и в ту де пору мы, ясашные люди, Томсково и Ленсково разрядов под воеводы и под их запасы и под всякими служилыми людьми вверх и вниз, летом на дощаниках и на каюках, а зимоюв нартах ходим в подводах безпрестани»[211]. Таким образом, у ясачных людей не было времени, чтобы заготовить на зиму рыбные припасы, с чем можно было бы ходить на дальние зверовые промыслы.

Ясачная политика, проводимая русским правительством в отношении народов Западной Сибири, почти затмила для исследователей иные формы повинностей. Для аборигенного населения Нижнего и особенно Среднего Приобья не менее тягостной, чем сдача ясака, являлась так называемая подводная повинность. С конца XVI в. правительство начинает организовывать за Уралом ямскую гоньбу. Поскольку русского податного населения в Западной Сибири было еще немного, то ямская повинность возлагалась на татар, вогулов и остяков. Для них эта повинность была весьма непривычной, и в Москву посыпались жалобы на ее тяжесть. По инициативе центрального правительства в 1600–1601 гг. возникли русские ямские слободы (Верхотурье, Туринск, Тюмень).

Здесь необходимо сделать пояснение о терминологии документов, в которых отражена ямская служба. В русском языке того времени устоялось выражение «гонять подводы». У современного читателя слово «подвода» ассоциируется с летней или зимней повозкой, запряженной лошадью. В Сибири данное слово было более многозначным. Связано это было с тем, что за Уралом ямщики обслуживали не только сухопутные, но и водные пути. Более того,

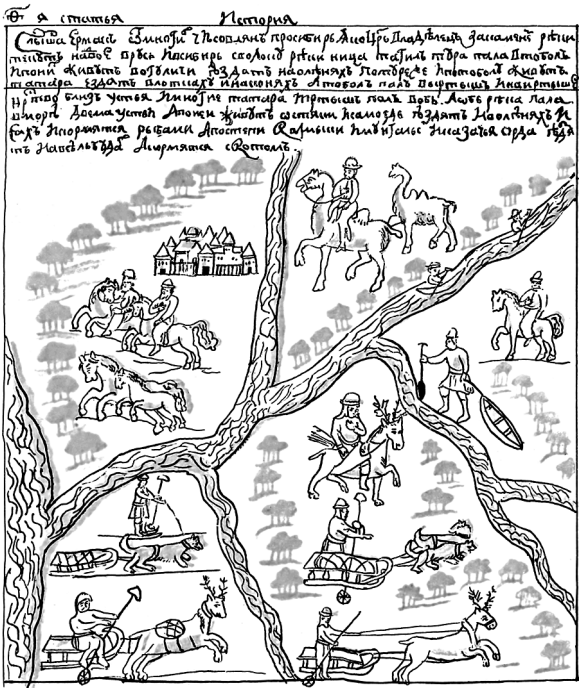


Рисунок с изображением народов Сибири, их занятий и средств передвижения. Кунгурская летопись С.У.Ремезова. Конец XVII в.

в Северо-Западной Сибири вообще не было удобных сухопутных дорог, а с хантов тем не менее требовали подводы. При использовании в основном речных путей подводная повинность для хантов заключалась в сопровождении русских судов в качестве тяглой силы (суда тянули бечевой по берегу, толкали шестами). Для аборигенного населения ямская гоньба была не службой, а именно подводной повинностью.

Раннее известие о привлечении ясачных людей к подводной повинности относится к 1599 г. Вогулы Табаринской волости Пелымского уезда жаловались, что летом их привлекают на суда, а зимой они выполняют ямскую гоньбу на своих лошадях и нартах. По этой причине вогулы, жившие на известных путях передвижения, от подвод разбежались и «живут по лесам в незнаемых местах». Челобитная поступила от оставшихся 9 человек (лучших людей), которые просили вернуть беглых на прежние места проживания[212].

От 1603 г. известна челобитная белогорских князьков Таира и Байбалака Самаровых, в которой они сообщали, что их волость расположена «на большой дороге промеж городов». Служилые люди и гонцы, направлявшиеся из Тобольска в Березов и Сургут, брали у них подводы, в чем ясачным людям «чинилась теснота великая»[213]. Из контекста документа совершенно неясно, что здесь подразумевается под подводами. Возможно, под подводами понимались только зимние нарты, которые предоставляли и сопровождали остяки. В 1610 г. в уже цитированной челобитной ляпинский князец Кушкул сообщал в Москве, что ясачные люди его волости «ходят за Камень по суды», сопровождая березовских казаков. В это же время половина остяков Подгородной волости Березовского уезда (30 человек) выполняли ямскую службу, но не платили ясак[214].

К 1610 г. подводная повинность уже прочно установилась для хантов Средней Оби. Ее выполняли остяки Большой и Малой Юганских, Салымской, Базьянской и Селиярской волостей; они «проводят нашу казну и хлебные запасы, которые посылают в Сургут ис Тобольска от усть-Иртыша до Сургута вверх Обью рекою, и ходят по 4 недели, тянут вверх бечевою и шестами»[215]. В дальнейшем ямская гоньба была распространена на остяков, живущих по Оби вверх от Сургута. Для подводной гоньбы из состава Юганской волости была выделена Подгородно-Юганская, остяки которой выполняли ямскую повинность. В 1625 г. под Сургутом жили «для подвод» 18 остяков Юганской волости, которые к тому же платили ясак по 8 соболей с человека[216]. Других специальных поселений ямщиков на Оби не было, поэтому за ямы были приняты остяцкие юрты, которые довольно часто встречались по берегам Оби. Ямская повин-

ность хантов заключалась в сопровождении судов летом и грузов на нартах зимой. Сургутский воевода обязан был выделять хантов-ямщиков тем, кто предъявлял казенные подорожные. В идеале расчет был простой: остяки от Сургута проводили судно до ближайших населенных юртов, где они сменялись (и так далее, вплоть до Нарымского и Кетского острогов). На одну смену ямщиков приходилось бы тогда по 1–2 дням пути. Практика, однако, не соответствовала этим расчетам.

Уже в челобитной от 7 июня 1626 г. остяков всех волостей Сургутского уезда слышится стон по поводу ямской гоньбы: «А подводы, государь, с нас... перед прежними годами емлют многие: летом на судех ходим, а зимою и з женишками тянем нарты на себе безпрестани под всякими служилыми людьми. И от подвод нам стала нужа великая: недели по 2 и по 3 нас... на судех держат и многие юрты провозят не переменяя»[217]. Отписка этого же года сургутского воеводы Н. Е. Пушкина раскрывает любопытные подробности привлечения остяков к подводной повинности. В июле 1626 г. в Сургуте остановился письменный голова Семен Чаплин, посланный из Тобольска в Томск для какого-то «сыскного дела». Он явился к воеводе и заявил, что ему, согласно подорожной, необходимо выделить 19 подвод. Пушкин отправил в ясачные волости двух казаков для сбора «остяков в подводы». Задача была непростой, так как незадолго до этого в волости уже были отправлены казаки с той же целью. Эти-то подводы (то есть ханты), предназначенные для других про-

Собачья и оленья упряжки. Рисунки из книги Н. Витсена «Северная и Восточная Тартария». Конец XVII в.

езжающих, и были отданы Чаплину на судно. В источнике сказано: «И те подводы Семен отдал беречь толмачу Лучке Туполку, и ис тех подвод остяк ухоронился, и в то место Семен на толмаче доправил человека». Из данной цитаты совершенно очевидно, что словом «подвода» здесь обозначен один человек. Далее Пушкин сообщал, что с Чаплиным и другими проезжающими одновременно отпущено по подорожным 50 подвод. Вслед за ними прошел из Тобольска дощаник с хлебом, на который в качестве охраны сели два казака. Казенному дощанику тоже были даны подводы. Судно дошло вверх по Оби до Аслымских юрт: «и как де они приехали в Аслымские юрты, а в тех юртах на яму остяков нет, розбежалися, и перемянить де тех подвод у них, которые были на дощанике, некому. И те де остяки, от яму от Аслымских юрт отъехав, на пустом месте от них с дощаника учали метатца на берег, а говорили де им, что они голодны, а подвод по ямом нет. И они де тех остяков учали имать, и те де остяки, переломав шесты, их били и ножи хотели резать».

Пушкин допросил остяков, сбежавших с казенного дощаника. Ханты в свое оправдание заявили: «Проезжали де они многие юрты, а ни в одних подвод нет... А провозят де их на судех недели по 2 и по 3, не переменяясь, и поморят де их с голоду, не кормят и бьют. И мы де почали с судов метатца на берег» В июле же 1626 г. в Сургут из поездки по Оби вернулись казаки Малафейко Кузьмин и Ортюшка Дербень. Со слов хантов они показали, что «остяки с ямов с Оби реки розбежались», потому что Семен Чаплин им «тесноту чинил великую, едучи, их бил» Свою отписку в Москву Пушкин заключил неутешительным выводом о попытках создания на Оби организованной ямской службы: «И из Сургута, государь, посыланы были в Сургуцкой уезд казаки многажды ямов строить, чтоб подводы были у остяков по ямом бесперемено ж, и остяки не слушают, по ямом не живут, бегают, а говорят: бьем де мы челом государю о сыску беспрестани, что на ямах нам жить от проезжих людей от налоги невозможно, нам де сыску и указу нет» Пушкин подтвердил, что князцы и ясачные люди «бьют челом тебе, государю... беспрестани другой год: как де ехали воеводы в городы на перемену и посланники, и многих де остяков имали к себе на суды в подводы силно и их били и тесноту делали многую. И оне де, ясашные люди, с судов металися в воду и тонули». Между прочим, подобные жалобы хантов не оставались без ответа. Незадолго до воеводства Пушкина в Сургут была прислана царская грамота, в которой указывалось ясачных людей «беречь от посланников и ото всяких служилых проезжих людей» и даже посылать «для обереганья» вместе с остяками-под-

водами сургутских атаманов и пятидесятников[218]. Понятно, что воплотить этот указ в жизнь было непросто.

Избежать подводной повинности остяки, помимо прямого уклонения, пытались и другим способом. В 1625 г. представители Юганской волости (120 человек) просили сургутского воеводу дать им денег в долг, которые они использовали бы в осеннее время для найма ямских охотников. Долг князцы обещали вернуть мехами[219].

Стремительное продвижение русской колонизации в Восточную Сибирь во много раз увеличивало интенсивность транзитного Обь-Иртышского судоходства. Очередную жалобу на тяжесть ямской повинности подали 25 января 1629 г. татары и остяки Нижнего Иртыша, причем архиепископу Макарию. Последний переправил их челобитную в Москву. Из нее совершенно ясно, что подводная повинность не освобождала аборигенов от уплаты ясака, который с них собирался «с сибирского взятья по вся годы». Челобитчики правильно отметили причины возрастания подводной гоньбы: «И пред прежним, государь, подвод прибыло много, потому что Божию милостью и твоим государевым счастьем под твою государеву высокую руку прибывают новые землицы, и ис Тобольска... в те новые землицы посылают детей боярских и служилых людей, и ис тех новых землиц... служилые люди с твоею государевою соболиною казною и с отписками... ездят в Тоболеск, а мы... под ними в подводах ходим ж. И на нас... стали подводы беспрестанные, и на соболины промыслы мы... добывать на твой государев ясак не поспеем». Ясачные люди указывали на уменьшение добычи соболей и бобров и просили часть ясачной пушнины выплачивать деньгами[220].

Совершенно определенно, что Демьянский и Самаровский ямы с русскими ямщиками возникли вследствие коллективной челобитной «об ямском строении» ясачных людей 25 волостей Тобольского, Березовского и Сургутского уездов[221]. Указ об основании Демьянского и Самаровского ямов состоялся в 1635 г., а функционировать они начали соответственно в 1636 и 1637 г.[222] Но уже в 1639 г. многомудрые деятели Сибирского приказа изменили свое мнение и решили все русское население двух ямов перевести в Томский уезд и поселить на пашню. Подводную повинность вновь предполагалось возложить на обь-иртышских остяков, уменьшив при этом наполовину их ясачный оклад[223]. Однако данный проект не был осуществлен из-за противодействия ясачных людей. Они опять подали челобитную (примерно в 1640–1642 г.) о сложении с них ямской повинности, в которой обещали «ясак и поминки платить полной оклад по-прежнему», а самаровским ямщикам выделить земли под пашни

из своих угодий. В начале 1640-х гг. сургутский воевода А. С. Вельяминов предложил «разобрать» ясачных людей: «добрым остякам» платить ясак, а «бедным и худым» — выполнять подводную повинность. Однако эта инициатива встретила возражение и со стороны остяков, и со стороны Москвы. Дело осложнялось тем, что возле Самаровского яма земель, пригодных для пашни, не было, что вызывало необходимость снабжения самаровских ямщиков хлебом. Наконец, после долгих колебаний в 1645 г. в Москве было решено Демьянский и Самаровский ямы не уничтожать, но «сургуцким ясачным людем... ямскую гоньбу гонять и наш ясак платить сполна по прежнему»[224].

Подводная гоньба являлась причиной не только недобора в ясаке, но и приводила к голодным зимам. В июле 1646 г. остяки писали: «И в нынешнем, государь, от подводные летние и зимние многие гоньбы в Сургуцком уезде во всех ясашных волостях с осени и во всю зиму был голод великой, и собаки зверовые все з голоду переели. И многие... ясашные люди, не истерпя голоду, з женами и з детьми, померли». В очередной раз обские аборигены пытались втолковать центральной власти, что от подводной гоньбы им «тягота и нужа великая»[225]. Одновременно в Тобольске подали челобитную ханты 5 иртышских волостей. Выясняется, что в 1635 г. остяки 15 волостей Тобольского уезда просили освободить их от ямской гоньбы с обещанием полной уплаты ясака. После указа об устройстве Демьянского и Самаровского ямов подводная повинность с иртышских хантов была снята, однако воевода князь М. М. Темкин-Ростовский (1635–1639) снова наложил ее на остяков пяти волостей, обязав их «гоньбу гонять» от Аремзянской волости до Демьянского яма. Ханты (или татары?) жаловались, что в их отсутствие в подводы брали их жен и дочерей. В Москве опять вернулись к мысли ликвидировать русские ямы. Тобольскому воеводе И. И. Салтыкову рекомендовали показать «раденье»: уговорить освобожденных от ямской гоньбы тобольских, березовских и сургутских ясачных людей снова выполнять подводную повинность, но вместе с тем и платить ясак с поминками. Демьянских ямщиков планировалось отправить в пашню на Тару, самаровских — в Томск. Салтыков должен был «уговаривать лаской», в крайнем случае обещая уменьшение ясачного оклада наполовину[226]. Надо думать, что его уговоры не имели успеха. Новый сургутский воевода Кондырев в 1656 г. был вынужден повторить традиционную уже жалобу остяков. С их слов он отписывал в Москву, что многие ясачные люди разошлись с Оби «по далным лешим речкам», а оставшихся берут в подводы и до Нарыма, и до Самаровского яма. На судах остяков не кормят, и «они от того умирают, а иные бросаются в воду и тонут»[227].

Таким образом, основание Самаровского яма только частично сняло ямскую повинность с остяков Сургутского уезда, так как самаровские ямщики «гоняли» (и то, видимо, их не хватало) не далее самого Сургута. Нет сомнений, что ямская повинность тяжелым бременем лежала на хантах Сургутского уезда в течение всего XVII в. Об этом свидетельствуют как русские документы, так и записки иностранных путешественников. В 1692 г. в Китай было отправлено очередное посольство, во главе которого был поставлен купец голландско-немецкого происхождения Избрант Идес. В составе посольства находился и немец Адам Бранд. Оба они вели дневниковые записи и впоследствии в разное время опубликовали их в Западной Европе. В разделе «Какие люди живут по берегам Иртыша» И. Идес писал: «Большая часть жителей здесь — русские ямщики, получающие ежегодно жалованье от его царского величества, за что они должны бесплатно обеспечивать подводами и рабочими присланных воевод и всех других проезжающих по служебным делам... У ямщиков много собак, которыми пользуются, когда случается ехать зимой».

А. Бранд записал, что на пути от Тобольска до Демьянского яма они (члены посольства плыли на двух дощаниках) ежедневно 2 или 3 раза в день получали свежих гребцов. Обь Бранду не очень понравилась: «как ввиду большой опасности кораблекрушения, так и из-за ужасного волнения». Вспоминая о плавании вверх по Кети, Идес жаловался: «Мне пришлось выдержать много неприятностей и испытаний на этом тяжелом и продолжительном пути, так как запасы продуктов питания и прежде всего муки сильно уменьшились... Мое положение было бы лучше, если бы не сочувствие к находившимся на судне остякам. Когда по расположению места это было необходимо, они тащили нас с берега на бечеве и из-за продолжительной тяжелой работы были настолько измучены, что нам приходилось все время следить, чтобы они все не разбежались. Не было дня, чтобы, сколь зорко ни сторожили их наши люди, кто-либо из них не сбежал. В конце концов из-за наступивших холодов и ежедневного изнурительного труда они так обессилели, что никуда не годились. Прижимистый посол, таким образом, сетовал на то, что ему приходилось кормить остяков-ямщиков, которые все-таки в конце пути «никуда не годились».

Бранд дополняет Идеса: «От Сургута до Маковского у нас на обоих судах гребцами были молодые и часто сменявшие друг друга остяки, которых господин посол должен был кормить. Это ленивый народ, который бежит от работы, как от чумы, даже если ему не на что прожить хотя бы один день... Они 2–3 раза в месяц, или

16–20 раз в год, меняют место жительства в поисках более удобных и безопасных земель. Когда мы спросили их о причине передвижений, они ответили, что их вынуждают к этому невыносимые страдания, причиняемые им проезжающими, которые повсюду их разыскивают, насильно уводят из юрт и против воли сажают на весла»[228].

Неизвестно, с какого времени нарымских и кетских селькупов стали привлекать к подводной повинности, но в 1634 г. ясачное население Нарымского уезда уже просило освободить его от ямской гоньбы[229]. В 1644 г. подводная повинность явилась причиной серьезного конфликта между селькупами двух уездов. В этом году к Маковскому волоку следовала новая якутская администрация — воеводы В. Н. Пушкин и К. О. Супонев и дьяк П. Г. Стеньшин. Каждому из них, как правило, предоставлялся отдельный дощаник. В Нарымском остроге воеводы получили новых ямщиков из селькупов, которые должны были довести суда до Кетска. Однако там якутские воеводы новой смены ямщиков не получили, вследствие чего заставили нарымских селькупов провожать дощаники до Маковского острога. Плавание вверх по извилистой и мелководной Кети на дощаниках было занятием тяжелым. Судя по всему, воевода Пушкин милосердием не отличался. Когда по прибытии в Маковский острог с дощаника сбежал, «не стерпя голоду и зимние стужи», некто Нагычи Каскин, то Пушкин послал за ним погоню. Люди Пушкина избили Нагычи, вследствие чего тот скончался. К слову сказать, Нагычи не был рядовым селькупом в своей волости (Ларпидской); известно, что в 1629 г. волость возглавлял его отец князец Каско, а в 1640-х гг.— его брат Кылип Каскин.

В июле 1645 г. Кылип Каскин подал нарымскому воеводе И. А. Чаадаеву челобитную, в которой обвинял в смерти брата отнюдь не Пушкина, а кетского воеводу В. В. Нелединского и ясачных людей всех пяти кетских волостей. По словам Кылипа, волостные князцы убедили Нелединского не предоставлять ямщиков якутским воеводам. Заручившись согласием Нелединского, князцы приказали мужчинам своих волостей «розбежатца в сторонные речки в далные места». В общем-то воеводу можно понять: в 1645 г. в Кетском уезде было всего 90 ясакоплательщиков (в то время, как в Нарымском — более 200), а служба сибирского воеводы в центре оценивалась прежде всего по количеству собранного ясака. В челобитной Кылип указал, что за смерть брата с селькупов Кетского уезда причиталась, согласно нормам обычного права, головщина в размере 100–150 руб. Кетские князцы будто бы были согласны уплатить головщину, но им запретил это делать Нелединский. Трудно сказать, насколько это являлось правдой.

Конфликт между нарымскими и кетскими ясачными имел и другую сторону. Летом же 1645 г. кетские князцы подали Нелединскому встречные челобитные, из которых выясняется следующая картина. Возвращаясь из Маковского острога в конце 1644 г., раздраженные нарымские селькупы решили отомстить ясачным Кетского уезда. Спускаясь по Кети, они грабили юрты, в которых не было взрослых мужчин, и насиловали женщин. Кетские «остяки» просили возместить им материальный и моральный ущерб. В Сибирском приказе, куда поступили челобитные враждующих сторон, решили, что дело не настолько серьезно, чтобы разбираться в нем в Москве. В конце концов якутские воеводы были обеспечены ямщиками, а за счет интересов ясачного населения какого уезда — неважно. Разбор жалоб был поручен нарымскому и кетскому воеводам, которые вряд ли могли придти к согласию[230].

В 1690 г., согласно донесению сургутского воеводы В. Б. Бухвостова, «в розных числех дано из Сургута до Нарыма московским и сибирским стрельцом ясашных остяков 75 подвод, и ис тех де подводчиков, идучи из Нарыма в Сургут, дорогою з голоду померло восемь человек»[231].

Ясачный сбор и выполнение подводной повинности в сознании аборигенов Среднего Приобья было связано самым тесным образом. В 1696 г. в Сургут поступило распоряжение из Москвы о передаче Тымской и Васюганской волостей в Нарымский уезд. В основе этого указа лежали челобитные ясачных людей данных волостей (Тымская волость этнически была селькупской, Васюганская — хантыйской). Аборигены жаловались на ясачных сборщиков из сургутских казаков. В 1694 г. трое ясатчиков во главе с атаманом Алексеем Торопчаниновым были посланы в Васюганскую волость, а трое (десятник Иван Завьялов) — в Тымскую, Сымскую и Караконскую «на Тазовскую сторону». По словам челобитчиков, они «грабежем взяли» у ясачных людей 460 соболей; при этом в государев ясак они отбирали плохие меха, а качественные оставляли себе. К тому же «они ж де ясатчики жен и детей бесчестят, берут к себе на постели и творят с ними блуд». Тымские и васюганские остяки просили передать их в ведение Нарыма, что и было решено грамотой от 29 января 1696 г. Между прочим, эти жалобы объясняют историю, произошедшую с Иваном Завьяловым и его товарищами, которые по возвращении в Сургут заявили, что бывшие у них в подводах и провожатых остяки «на лесу на пустом месте их покинули и ушли и запас их весь без остатка увезли». Казаки на этом месте прожили шесть недель и «помирали голодной смертью, потому что без вожа идти не знали». Каким образом им удалось вернуться в Сургут, неизвестно.

После решения о подчиненности Тымской и Васюганской волостей челобитную подали остяки Средней Оби; ее суть сводилась к следующему. Тобольский воевода указал сургутскому собирать ясачные меха с пупками и хвостами, то есть сдавать шкурку зверя целиком. Ханты указывали, что «преж сего, государь, мы... пупками собольими и лапами лисьми нужды свои управляли», продавали их и покупали русские товары. Ханты простодушно (но по сути верно) заявляли: «А вашего, великих государей, ясаку николи сполна не бывало, и кладем мы... ясак и поминки, что кому Бог даст, потому, государь, что мы... гоняем подо всякими людьми в подводах». Челобитчики были обеспокоены тем, что остяки Тымской и Васюганской волостей, отошедших к Нарыму, избавятся от ямской гоньбы, которая дополнительной тяжестью ляжет на ясачных других волостей Сургутского уезда. В итоге остяки просили: 1) вернуть Тымскую и Васюганскую волость в Сургутский уезд; 2) брать в ясак шкурки зверей без лап и хвостов; 3) покупать свободно у русских людей всякие товары в городе и уезде, «окроме вина и табаку»; 4) устроить два русских яма (один напротив Сургута, между Большой и Юганской Обью, другой — между Сургутом и Нарымом; 5) в случае отрицательного решения об устройстве ямов убавить окладной ясак, который был больше, чем у березовских остяков, и составлял от 2,75 до 4, 27 руб. В феврале 1697 г. судья Сибирского приказа боярин И. Б. Репнин указал Васюганскую и Тымскую волости ведать все-таки в Нарыме. Что касается просьб об уменьшении ясака и устройстве русских ямов, то остякам туманно обещали, что «великого государя указ будет им впредь»[232].

В 1707 г. остяки Сургутского уезда снова повторили свою жалобу на тягости ямской гоньбы, от которой они «в конец разорились», и снова просили: «Не вели, государь, нам той подводной гоньбы гонять, а вели... в Сургуте поставить ям». Сибирский приказ предписал сургутскому воеводе освободить остяков от подводной повинности и нанимать гребцов из «охотников»[233].

Ясачное население Нижней Оби к ямской гоньбе не привлекалось, хотя попытки подобного рода были. В 1647 г. остяки Обдорской, Куноватской, Сосьвинской, Ляпинской и Подгородной волостей воспротивились (в виде подачи челобитной) введению подводной повинности. С этого года, неизвестно по чьей инициативе, их было решено посылать сопровождать кочи от Березова вниз по Оби, в то время, как им «кочевой ход не за обычай». Остяки указали, что прежде «в проводниках не хаживали», и повторили аксиоматичную истину о том, что лето — это время заготовки рыбных запасов, на которые зимой можно менять меха у самоедов, уплачивая таким об-

разом ясак[234]. В 1648 г. подал челобитную обдорский князь Молик Мамруков, в которой сообщал, что присланный на Обдорскую заставу сын боярский из Тобольска требует с волости денег «за подводы» до Березова (30 руб.) и что подобной практики ранее не было. Из Москвы в Тобольск указали: подвод с обдорских остяков не брать, поскольку на северные таможенные заставы посылалось до 30 служилых людей, которые сами были способны проводить дощаники[235].

Имеются немногочисленные известия, что на некоторые ясачные волости налагалась «рыбная подать». Выше уже говорилось, что такая подать бралась в начале XVII в. с подгородных остяков Березовского уезда. В 1629 г. ясачные люди Тобольского уезда («низовые» волости, расположенные от Тобольска вниз по Иртышу) свидетельствовали, что с них каждый год весной брали сухую рыбу и жир; в царской грамоте (1640) подтверждалось, что «тобольские ясачные люди лавливали на нас юровую рыбу и платили сухую рыбу и жир, а в продаже за тое рыбу и за жир денег выходило по 80 рублев»[236].

По мере необходимости, при строительстве новых городов или ремонте городовых укреплений, правительство пыталось использовать ясачное население для рубки и доставки леса. Так, в наказе основателям Сургута князю Ф. П. Борятинскому и В. Оничкову указано привлекать к городовому делу остяков ближних волостей, соблюдая при этом осторожность: «А сперва тутошних людей беречися, велети им лес ронить и привозить под город, а стояли б под городом, а в город их не пущать, покаместа город укрепитца. А которые не почнут слушати и лесу к городовому делу возить, и их велеть воевать и поистращать»[237]. В 1621 г. почти весь сгорел город Пелым. В грамоте воеводе П. Н. Вельяминову о возобновлении города указывалось: «А лес на город и на острог велено изготовить и приплавить водою под старое городище Пелымского уезда вогуличам». Вельяминов сообщил в Тобольск, что «ясачные вогуличи ближних волостей лес припровадили». Однако пелымские служилые люди показали перед тобольским воеводой, что «на Пелыме готового лесу нет ни одного бревна»[238]. Это можно понять так, что вогулы проигнорировали распоряжение о заготовке леса.

Для аборигенного населения единственным легитимным способом корректировать ясачный режим и другие повинности являлась подача челобитных на имя царя. Волостные князцы при этом стремились сами привезти челобитные в Москву. В первые десятилетия колонизации Сибири воеводы не препятствовали таким поездкам. Как мы помним, в 1610 г., в конце царствования Василия Шуйского, в Москве оказались четыре князца Березовского уезда и 10 князцов

и «лутчих людей» Сургутского уезда. Со временем, однако, московское правительство начало тяготиться посещениями сибирских князцов. Уже в 1629 г. самовольный приезд служилого кодского князя Михаила Алачева вызвал раздражение. В 1635 г. в Москву приехали отпущенные березовским воеводой три представителя Сосьвинской и Естыльской волостей, с челобитной о ясачных недоимках. В качестве подарков они привезли шкуру черной лисицы (25 руб.) и соболиную шубу (15 руб.). Чтобы выяснить, какой корм им давать, деятели Казанского дворца поискали ближайшие примеры. Оказывается, в 1633 г. в столицу с челобитьем приезжали 5 демьянских остяков во главе с Кармышаком Бояровым. В качестве подарков они поднесли 40 соболей и 2 черных лисицы. Неизвестно почему, но меха царь указал отдать остякам обратно. В 1634 г. Москву посетили три сургутских и тобольских остяка (их подарки состояли из черной лисицы в 12 руб. и 10 соболей). За лисицу царь указал заплатить челобитчикам 12 руб., а соболей отдать им назад. Кармышак Бояров с товарищами были допущены до царской руки. Жалование царя было двусмысленным: «в стола место» Михаил Федорович приказал выдать им корм, втрое больший по сравнению с обычным поденным кормом, и хмельные напитки с Сытного двора (18 чарок вина, ведро меда, 2 ведра пива)[239]. Другими словами, «диких» сибирских иноземцев не пустили за царский обеденный стол, но зато в достаточной степени угостили.

К 1656 г. в Москве уже определенно отрицательно относились к посещению столицы мелкими сибирскими князцами. В этом году представители сургутских ясачных волостей подали воеводе челобитную с просьбой (причем далеко не первой) отпустить их в Москву «бить челом о своих нужах». Но воевода Кондырев без одобрения сверху не мог дать такого разрешения; он только переправил в Москву челобитную остяков. В столице подтвердили действия Кондырева: ему было указано принимать от остяков любые челобитные, но самих в Москву не отпускать[240]. Надо думать, эта позиция была обусловлена как политическими, так и материальными соображениями. К середине XVII в. автохтонное население Средней Оби не представляло для русской власти никакой опасности, и церемониться с ним было нечего. Во-вторых, сибирским «иноземцам», прибывшим в Москву, назначался поденный корм за казенный счет.

В отношении ясачных князцов Нижней Оби правительство в последней четверти столетия заняло иную позицию. В 1679 г. в Москву с разрешения березовского воеводы отправился обдорский князь Гында Моликов. Дело в том, что осенью 1678 г. тундровые самоеды совершили масштабный набег в район Обдорска, имея

намерение грабить обдорских остяков и убить самого Гынду Моликова. С помощью березовских остяков самоеды были отбиты. Основная цель поездки Гынды не очень ясна. Если, как считают некоторые исследователи, он ездил хлопотать об обороне от самоедов, то с этой задачей отлично справлялся и березовский воевода. Гынде была дана жалованная грамота, которая весьма напоминала грамоты 1601 и 1606 г., полученные когда-то его дедом Мамруком. Гынде жаловалось право «обдорские городки и в них ясачных людей ведать и государев ясак и десятинную пошлину собирать по-прежнему» и самому отвозить меха в Березов[241]. Исследователи как-то не обращали внимания на то, что право обдорского князя собирать десятинную пошлину с русских промысловиков и торговцев для конца XVII в. являлось глубоким анахронизмом, а в грамоте 1679 г. прозвучало как бездумное повторение соответствующих мест грамот начала столетия. Более актуальным для Гынды было разрешение не ездить в Тобольск по требованию главных властей Западной Сибири, избегая таким образом «тобольской волокиты». Обдорского князя разрешалось также отпускать «для большого дела» к Москве, возложив при этом на него (в целях экономии) доставку ясачной казны[242]. Грамота 1679 г. должна была укрепить положение обдорских князей, пошатнувшееся после казни Ермака Мамрукова в 1663 г.

В 1692 г. березовский воевода отпустил в столицу князцов сразу пяти волостей — Сосьвинской, Казымской, Куноватской, Лянинской и Подгородной. Князцам, как и Гынде, тоже были даны грамоты, но «кому именно и в какой силе, неизвестно». Впрочем, в наше время грамота казымскому князцу Юзору Райдукову была обнаружена и опубликована Е.В. Переваловой[243]. Содержание грамоты касалось нескольких вопросов: порядка сбора ясака в Казымской волости, запрещения ясачным сборщикам собирать государевы и воеводские поминки, отмены «рыбного сбора» с остяков, запрета посылать в волость комиссий из Тобольска, разрешение казымскому князю отказывать тобольским служилым и митрополичьим людям в подводах. Надо полагать, что и другие грамоты были примерно аналогичными. В грамотах Гынде Моликову и Юзору Райдукову заметно желание центрального правительства пойти навстречу жалобам и требованиям северных остяков. Возможно, это объясняется близостью волостей Нижней Оби к кочевьям тундровых самоедов, вожди которых на рубеже XVII–XVIII вв. снова начали проявлять свой «немирный» характер. Для русской власти раздражать северных хантов на фоне агрессивного поведения самоедов было бы просто неразумно.

4. Сопротивление народов Северо-Западной Сибири русской колонизации

Данный раздел не является данью «ревизионистскому» направлению в современном отечественном сибиреведении, подчеркнуто акцентирующее внимание на военном противостоянии русских колонистов и аборигенных сообществ в эпоху ранней колонизации Сибири[244]. Для автора этих строк очевидно, что факты добровольного обращения сибирских народов к русскому правительству о принятии подданства единичны, в то время, как присоединение сибирских земель силой оружия — правило. Большинство сибирских этносов не имело никаких мотивов стремиться под власть Москвы, а степень и длительность их сопротивления русской колонизации зависела от уровня социального развития конкретного этнического сообщества, типа его хозяйственной деятельности, вооруженности и развития военного дела, специфичных этнопсихологических характеристик. При таком аксиоматичном взгляде на процесс присоединения Сибири подчеркивать оригинальность темы русско-аборигенных вооруженных столкновений — все равно, что стучаться в открытую дверь.

Ничего подобного, сравнимого, например, с масштабными «подвигами» испанских конкистадоров в Центральной и Южной Америке, при русской колонизации Сибири не было. Причина сохранения сибирских народов в условиях колонизации видится в том, что сразу после похода Ермака дальнейшее завоевание и освоение сибирских территорий было поставлено, во-первых, под жесткий контроль московского правительства; во-вторых, русские крестьяне-колонисты осваивали новые для них земли своими силами; в-третьих, христианизация сибирских аборигенов никогда не провозглашалась правительством целью колонизации. Указ воеводам и командирам казачьих отрядов призывать сибирских аборигенов в русское подданство «ласкою, а не жесточью» рефреном звучит в документах XVII в., исходящих от центральных и воеводских властей. Установление ясачного режима для сибирских народов не означало, с моей точки зрения, создание какой-то особой колониальной системы. Хотело того московское правительство или нет, но объективно векторы его политики по отношению к сибирским этносам оказались направленными на их изоляцию от русских колонистов и сохранения за ними земельного фонда (охотничьих территорий, водных ресурсов). Другое дело, что московские приказные чины обладали

довольно инертным мышлением и долго не могли поверить в массовое истребление («испромышление») ценных пород пушного зверя в Западной Сибири, требуя внесение ясака согласно первоначальным окладам. Неспособность аборигенного населения платить ясак в прежних размерах, безусловно, отрицательно сказывалась на его экономическом положении и порождала конфликтные ситуации. В Москве от сибирских воевод требовали ежегодного бездоимочного сбора ясака, но с копившимися долгами по ясачному сбору поделать было ничего нельзя.

Тем не менее, любое завоевание, сколь бы «щадящим» оно ни было, не может не вызывать ответной реакции. В данном разделе ставится задача рассмотреть в хронологическом порядке эпизоды противостояния аборигенных сообществ Северо-Западной Сибири русской колонизации на ее раннем этапе. Большинство подобных фактов уже описаны в специальной литературе, но, как представляется, существуют неверные интерпретации как при изложении конкретных событий, так и при анализе тех мотивов, которыми руководствовались выступившие против русской власти представители коренных народов.

Первым по времени вооруженным сопротивлением установлению русской власти стало березовское восстание 1595 г. (о чем кратко упоминалось в гл. I). Возникновение Березова — центра стратегического контроля и ясачного сбора на территории северных хантов и самоедов — вызвало с их стороны открытое недовольство. Как вспоминали березовские казаки в 1621 г., Березов поставлен «для того, что в том месте были многие остяки и самоедь, а нашего ясаку с себя не платили. И ис Тобольска де воеводы посылали к тем остяком и к самояди тобольских служилых людей для нашего ясаку. И те де остяки и самоядь тобольских служилых людей побивали, а ясаку де нам не платили»[245].

Источников о восстании 1595 г. немного, и они уже введены в научный оборот. Весной 1595 г. Березов был осажден совместным воинством хантов и ненцев. Любопытно, что единственный известный нам предводитель войска — куноватский князь Шатров Лугуев. Это кажется странным, так как еще в 1586 г. отец Шатрова Лугуй поспешил принять подданство Московскому государству с обязательством уплаты дани в соболях. Основание Березова ставило под более жесткий контроль власть куноватских князей; да и князья теперь превращались всего лишь в «лучших людей» своей ясачной волости. Возможно, по этой причине Шатров Лугуев принял активное участие в восстании.

Наиболее подробные сведения об осаде Березова содержатся в показаниях трех казаков, расспрошенных в Москве в 1621 г.:

«И как де город и острог поставили, и березовские де остяки и самоядь к городу и острогу приступали и острог де выжгли, и многих наших служилых людей побили. А досталные де наши люди от тех остяков сидели в городе в осаде болши полугода». Сведения об этом поступили и в Тобольск, и в Москву. Из Тобольска был прислан отряд во главе с известным сподвижником Ермака Черкасом Александровым, а из Москвы — рать с артиллерией, которую возглавлял бывший пелымский воевода князь П.И. Горчаков[246]. Хронология событий, связанных с этим восстанием, воссоздана А.Т. Шашковым, и с мнением ученого можно согласиться. Осада Березова началась весной 1595 г. и продолжалась до осени. Отряд Черкаса Алексадрова мог достичь Березова только водным путем по Иртышу и Оби; значит, он прибыл не позднее ноября этого года. В то же время, как вспоминал в 1618 г. князь Петр Горчаков, он двигался к Березову зимним путем — от Соли Вычегодской через коми-зырянские земли на Печору, а затем перевалил через «Камень», используя замерзшие притоки Печоры и Оби. Восстание было подавлено. Остяки и самоеды принесли присягу и согласились платить ясак. А с наиболее непримиримыми к русской власти поступили жестоко: «... И они де тех многих остяков и самоядь, переимав, казнили».

А.Т. Шашков предполагал, что в восстании принимал участие обдорский князь, известный под христианским именем Василий. Имеются веские основания для такого предположения. После приведения в покорность остяков, ближних к Березову, ратники Горчакова (видимо, весной 1596 г.) спустились вниз по Оби для усмирения Обдорского княжества. Совсем недавно стал известен факт, что с Горчаковым вместе находились 200 остяков Коды во главе с князем Игичеем Алачевым. Много лет спустя последние вспоминали о походе на Обдор: «И на той де государевой службе они служили, многих изменников остяков на бою побили ж»[247]. Вследствие похода Горчакова на север на реке Полуй, недалеко от резиденции обдорских князей, возник небольшой русский Носовой (Обдорский) городок. Итак, восстание было подавлено, а заодно разгромлено самое северное остяцкое княжество — Обдорское. Но вот что интересно. Один из предводителей восстания, Шатров Лугуев, и в дальнейшем оставался куноватско-ляпинским князем; видимо, каким-то образом он сумел выпросить себе прощение.

Очевидно, что принятие христианства обдорским князем Василием было вынужденным, а его неприязнь (если не ненависть) к русской власти — совершенно искренней. Стоит обратить внимание на факт, известный еще С.В. Бахрушину, но никак им не прокомментированный. В январе 1601 г. сын Василия Обдорского Мамрук

получил в Москве от царя Бориса Годунова жалованную грамоту, по которой он фактически оттеснял отца от управления Обдорской волостью. В грамоте было сказано: «Пожаловали есмя Мамрука... за его службы в Обдорских городкех княженьем, как был пожалован отец его князь Василей. И князю Мамруку городки и волости и в них ясачных людей ведати, и наш ясак и десятинную пошлину збирати на нас потому ж, как отец его князь Василей»[248]. Можно предположить, что Мамрук, зная антирусские настроения отца, предпочел не следовать его примеру и поспешил дать «шерть и правду» «самодержцу всеа Русии», выгадав себе управление Обдорской волостью.

Осада Березова в 1595 г. была самым серьезным испытанием в жизни этого северного города. Хотелось бы оспорить существующее в научной литературе единодушное мнение, что аналогичные события имели место в 1607 г., когда, в ходе якобы реального восстания со стороны остяков Березовского уезда и обдорских самоедов, Березов тоже подвергся осаде[249]. Оценка событий в Березовском уезде в 1607 г. зависит от интерпретации всего нескольких документов. Это — царская грамота от 28 октября 1607 г. в Березов, в которой излагается содержание отписки березовского воеводы князя П. А. Черкасского; царская грамота от 10 января 1608 г. в Березов о пожаловании местных казаков; челобитная 1657 г. новокрещена и отставного казака Григория Ваюсева[250]. В нашей совместной статье А. Т. Шашков писал по поводу первого документа: «Березовский воевода князь П. А. Черкасский и голова И. И. Зубов представили дело так, что это был не более чем «изменный» замысел, вовремя ими пресеченный»[251]. Разделяя с А. Т. Шашковым ответственность за текст, написанный несколько лет назад, в настоящее время я изменил свое мнение и считаю, что березовские воеводы не «представили дело» (то есть фальсифицировали), а правдиво изложили имевшие место факты. Согласно отписке Черкасского и Зубова, события восстанавливаются следующим образом. Где-то зимой 1606/1607 гг. в березовскую воеводскую избу пришла «служащая жонка» Осдоня, холопка князца Подгородной волости Ваюся, захваченная в свое время кодскими хантами при покорении нарымских селькупов. Она донесла, что среди остяков Березовского уезда зреет заговор против русской власти. Осдоня, очевидно, подслушала беседы Ваюся с приехавшими к нему новокрещенами Петром Кулановым и его сыном Антоном. Заговорщики намеревались громить государеву казну и хлебные запасы, а также «побивать» русских служилых и торговых людей. По словам Осдони, «измена не учинилась» потому, что Онжа Юрьев (двоюродный брат уже умершего кодского князя Игичея) и Мамрук Обдорский находились в это время в Москве.

Участие в планируемом восстании обдорских и кодских остяков было принципиально важным для заговорщиков. В 1629 г. численность плательщиков ясака в Обдорской волости составляла 144 человека; служилые князья Коды в начале XVII в. могли поднять в поход до 300 воинов. Вовлечение в заговор обдорских князей было важным и из-за их тесных связей с кочевыми самоедами, стрелков из лука «скорых и гораздых». Возможно, Петр Куланов приезжал в юрты Ваюся осенью 1606 г., когда Онжа Юрьев и Мамрук Обдорский еще не вернулись из Москвы. О том, что летом 1606 г. они действительно находились в столице, свидетельствуют выданные им новым царем Василием Шуйским жалованные грамоты. Грамота Мамруку Обдорскому, датированная 30 июня, подтверждала прежнюю грамоту 1601 г., предоставляя ему права на сбор ясака, десятинной пошлины и доставку их в Березов[252]. Онжа Юрьев приходился, как говорилось выше, двоюродным братом князю Игичею Алачеву. После смерти последнего именно он возглавлял 100 остяков Коды, посланных вместе с русскими казаками для основания Томска (1604). После возвращения из похода Онжа отправился в Москву, чтобы царь пожаловал его «вместо брата его князя Игичея Алачева княженьем». Онжа просил отдать ему символ княжеской власти в Коде — некий «палтыш болван», который после смерти Игичея хранился в березовской казне. Грамота от 12 июля 1606 г. решала династический спор между потомками князя Алача и Онжой в пользу последнего, а князю П. А. Черкасскому было указано отдать палтыш (что он собой представлял, точно неизвестно) новому правителю Кодского служилого княжества[253].

Видимо, в конце весны 1607 г. планы заговорщиков окончательно определились. Тот же Петр Куланов с сыном снова подбивали на «измену» многих остяков, причем говорили, что «нынеча знают, как им город сжечь, и казну и хлебные запасы громить и служилых людей побить». Немного позднее на допросе с пыткой Кулановы назвали свой неотразимый способ уничтожения Березова — «город сжечь хотели по ворожбе его, Петрушкины, жены». Спустя 40 лет лавры первого доносчика на подготавливаемое восстание пытался присвоить сын Ваюся Григорий. В своей челобитной 1657 г. Григорий Ваюсев уверял, что именно он донес лично князю Черкасскому, «что в остяках и отца моего шатость и измена велика». Воевода отреагировал быстро и «послал з Березова служилых людей в Березовский уезд в волости взять лутчих людей остяков... И те ясачные люди по моему извету, князь Василий Обдорский с товарыщи и отец мой, на Березов привезены были»[254]. Воспоминания Ваюсева нисколько не противоречат отписке князя Черкасского в Москву,

в которой говорится только о поимке «начальных пущих воров», их допросах и наказании, но нет ни слова о какой-либо осаде Березова войском повстанцев.

Первыми стали давать показания подгородные остяки Аткатко и Учкутко, за ними — отец и сын Кулановы. Они заявили, что «приводят на измену... лучшие люди, и все де березовские остяки и вагуличи им во всем верят». Среди «лучших людей», присоединившихся к заговору, были названы Василий Обдорский и Мамрук, Шатров Лугуев и его брат Вокчим (Куноватская волость), ляпинские остяки Лечман и Антонко, Богдан Цынгопов (Казымская волость), сосьвенские остяки Талыбко и некий тоболдинский жрец («шайтанщик», имя его неизвестно), Онжа Юрьев, Чумей Капландеев, Тугунаско, Дерунко (Кода), Таир Самаров и Лаут (Белогорская волость), подгородные остяки Ваюсь, Аткатко и некий новокрещен Левка. По словам допрошенных, «сургутские ясачные люди и пелымские вагуличи отложились, и изменная у них мысль и ссылка меж себя была одна». Предводители восстания планировали привести свои отряды на условленное место (в 15 верстах выше Березова) в конце июня. Именно на допросах перед воеводой князем Черкасским и было названо общее количество объединенного войска остяков и самоедов — две тысячи человек, которые только должны были собраться за неделю до Петрова дня (29 июня) и напасть на Березов.

Кн. Черкасский, «сыскав измену допряма», еще до 2 июня приказал повесить Антона Куланова, Ваюся, новокрещена Левку и жену Петра Куланова («за волшебство»). Несколько удивляет тот факт, что в числе заговорщиков были названы Мамрук и Онжа Юрьев, которые только что получили в Москве жалованные грамоты на княженья. Возможно, их колебания объяснялись знанием ситуации в Центральной России. Положение царя Василия Шуйского было шатким, а его войска осенью 1606 г. вели бои с продвигавшимися к Москве отрядами И. И. Болотникова, И. Пашкова и П. Ляпунова. Тем не менее Онжа и Мамрук предпочли не участвовать в восстании и заслужить прощение перед русской администрацией. Первым в Березов явился князь Онжа Юрьев и привез с собой захваченных Шатрова и Вокчима Лугуевых и двух казымских остяков. Затем 2 июня приехал князь Мамрук Обдорский, который в «измене повинился». Он заявил, что вовремя не донес о заговоре из-за угрозы убийства со стороны отца и других остяков Обдорской волости. Князь Черкасский немедленно послал в Обдорскую волость оказавшихся под рукой кодских остяков (50 человек), поставив во главе казака Ивана Рябого[255]. Им удалось захватить князя Василия Обдорского, и 9 июня он был доставлен в Березов. Василий не скрывал

своего участия в заговоре, заодно рассказал и о той роли, которую он сыграл в 1601 г. при нападении самоедов на отряд князя Шаховского. 12 июня в Березов поспешил явиться в сопровождении 20 остяков князец Белогорской волости Таир Самаров, которые «вину всю нам принесли». После допросов были повешены снова четыре человека: Шатров Лугуев, кодские остяки Дерунко и Тугунаско, а также тоболдинский «шайтанщик». Василий Обдорский, Богдан Цынгопов и Лечман содержались под арестом до специального распоряжения из Москвы; князья Мамрук и Онжа были отданы на поруки. Интересно отметить, что князь Черкасский заручился поддержкой рядовых остяков Березовского уезда, которые обвинили в измене своих князей и заявили, что им «с теми изменики вперед быти не мочно». Причиной готовности участвовать в восстании ханты и манси назвали непомерную тяжесть ясачного обложения, отчего они даже «жены свои и дети на ясак продают».

В ответной грамоте из Москвы князь Черкасский получил похвалу за свои действия. Ему указывалось князя Василия, Лечмана и Богдана Цынгопова повесить, что и было исполнено. Возможно, вместе с ними был казнен и Петр Куланов, поскольку Григорий Ваюсев указал в своей челобитной общее количество казненных — 12 человек[256]. Будет нелишним отметить, что в березовской тюрьме оказалась кодская княгиня Анастасия, жена Алача и мать Игичея[257]. Принять сторону заговорщиков ее побудила, видимо, вражда с Онжей Юрьевым, который перехватил власть в Коде у ее внуков. Что касается ясачного обложения, то воевода должен был произвести перепись аборигенов уезда с указанием размера ясака, отпустить 2–3-х ясачных людей в Москву, а сам ясак не собирать до специального указа. Селькупская «женка» Осдоня получила щедрую награду: ей выделялся дом на березовском посаде, который освобождался от всех податей, давалось право беспошлинной торговли и жаловалось из казны «2 сукна добрых» и 10 рублей. Второй доносчик, Григорий Ваюсев, был крещен и поверстан в березовские казаки.

Отписка воеводы князя Черкасского, поступившая в Москву 5 сентября 1607 г. (подчеркиваю — именно поступившая, а не отправленная этим числом из Березова), не дает, как совершенно очевидно, оснований говорить о какой-либо осаде Березова и существовании объединенного повстанческого войска хантов и ненцев. Фундаментальным для приведенных выше мнений историков является другой документ — грамота царя Василия Шуйского от 10 января 1608 г. о пожаловании казаков березовского гарнизона. Грамота является реакцией на коллективное челобитье березовских казаков, в которой они указали: «Как де изменили Березовского уезда все

ясашные люди, и они де в те поры на Березове сидели в осаде два месяца, и около города ров копали, и во рву острог ставили, и город крепили, и Божьею милостью многих изменников переимали; и нам бы за их службы и за городовое дело пожаловать нашим великим жалованьем сверх годового». Ответ на эту челобитную был положительным: «И мы Березова города всех служилых людей пожаловали: велели им дати нашего жалованья за городовое дело, сверх годового, по полтине человеку».

Итак, березовские казаки утверждали, что они «сидели в осаде» и одновременно копали ров, который заполняли стоячим заостренным частоколом; одновременно же они укрепляли городовые стены самого Березова. Эта «осада», если Березов действительно был обложен повстанческим войском аборигенов, с любой точки зрения выглядит странной. О боевых действиях под стенами Березова в грамоте Василия Шуйского ничего не говорится. Стоит обратить внимание на то, что жаловались казаки полтиной «за городовое дело», а «изменников» они «переимали», но отнюдь не «побили»[258].

Таким образом, грозная рать в 2000 повстанцев существовала только в планах заговорщиков, которые надеялись собрать такое количество людей к концу июня 1607 г. Вероятно, зимой-весной 1607 г. имели место убийства отдельных русских ясачных сборщиков и промышленных людей. После изветов Осдони и Григория Ваюсева березовскому воеводе удалось к середине июня захватить инициаторов заговора. Для поимки «пущих воров» воевода рассылал по волостям небольшие отряды казаков, а в Обдорскую волость были посланы, как уже говорилось, 50 служилых остяков Коды. В то же время воевода принял меры предосторожности на случай реальной осады Березова: именно летом 1607 г., пока в Москву шла его отписка о ликвидации попытки восстания, основная часть березовского гарнизона копала ров и укрепляла городские стены. Пресловутые «два месяца осады» являлись только подготовкой к ней. Пелымские манси и сургутские ханты не понесли никакого наказания; это говорит о том, что дело ограничилось только агитацией среди них выступить против русской власти. Что касается участия в заговоре тундровых ненцев, то сколько-нибудь достоверных сведений об этом не имеется, хотя настойчивое желание остяков привлечь их к своему выступлению несомненно.

Необходимо рассмотреть еще один источник, который А. Т. Шашков использовал как доказательство реальности восстания в 1607 г. Текст А. Т. Шашкова для неискушенного читателя звучит настолько уверенно, что не остается никаких сомнений в правоте исследователя. Процитируем утверждение А. Т. Шашкова: «Весной 1607 г.

события приняли угрожающий оборот: «к Березову городу остяки и самоядь, собрався, приходили приступом. И в уездех, в Березовском и в Сургутском, наших служилых людей и которые были посланы для нашего ясаку, и торговых и промышленных людей, которые ходят для своих промыслов, побивали» (достаточно сказать, что только жителей вымских волостей, оказавшихся в это время в низовьях Оби, было убито 29 человек)»[259]. В данном пассаже А. Т. Шашков объединил два разных источника, причем имеющаяся ссылка относится только к одному из них. Цитата об осаде Березова взята из расспросных речей бывшего березовского воеводы С. И. Волынского (был на службе в 1608–1611 гг.), записанных в приказе Казанского дворца в 1621 г. Московское правительство интересовал тогда вопрос о том, можно ли вывести постоянные гарнизоны из Березова и Сургута и посылать в них лишь годовальщиков. На это Степан Волынский ответствовал: «В прошлых де годех до него, Степанова сиденья, и при нем в березовских ясачных людех измена и шатость бывала многая, и к Березову городу остяки и самоядь, собрався, приходили приступом. И в уездех...» (далее — как цитировалось выше). Воевода упоминал, что на помощь березовским и сургутским казакам присылались служилые люди из Тобольска, и ответил на вопрос, интересовавший деятелей центрального приказа: «А без тех де людей, что ныне на Березове и в Сургуте, быти отнюдь нельзя»[260]. Сведения о 29 выходцах из вымских волостей, убитых в Югре, взяты из писцовой книги 1608 г., которую использовал С.В. Бахрушин[261]. Поскольку Волынский не назвал ни одной даты, то категорично отнести его показания к событиям только 1607 г. кажется некорректным. Воевода здесь вспоминал, скорее всего, осаду Березова остяками и самоедами в 1595 г. Истребление же в тайге сборщиков ясака и небольших партий промышленных людей действительно могло быть связано с несостоявшимся восстанием 1607 г., но опять же писцовая книга могла отобразить данные об убитых за Уралом вымичах не за один год. Таким образом, источники, на которые опирался А. Т. Шашков, не дают оснований для интерпретации событий 1607 г. как масштабного восстания.

В 1609 г. среди остяков Березовского уезда снова созревал заговор, душой которого была княгиня Анна, вдова Игичея Алачева. Может удивлять тот факт, что получившие от Московского правительства особый статус служилых, остяки Коды стали выступать против русской власти. Причин тому, видимо, несколько. Во-первых, шаткость трона Василия Шуйского, которому приходилось вести борьбу то с И. И. Болотниковым, то с войском Лжедмитрия II. Туземная элита, безусловно, знала о кровавых событиях в центре России. Во-вторых,

раздоры в княжеском семействе Коды по поводу наследования власти после смерти Игичея. Между прочим, нам неизвестен порядок наследования, принятый в Коде в дорусский период, но, скорее всего, он был прямым — от отца к старшему сыну. Жалованная грамота на княжение, выданная Онже Юрьеву в 1606 г., оскорбила вдову и детей Игичея. Грамота свидетельствует о том, что в Москве плохо знали сибирские дела и в данном случае совершили ошибку. Интересно, что за права сыновей Игичея активно боролись женщины — мать Игичея Анастасия и его вдова Анна.

О причинах недовольства кодской верхушкой русской властью можно высказать и еще одно соображение. Выше говорилось, что остяки Коды принимали активное участие в разгроме Большой Конды в 1594 г. Спустя шесть лет, представители Большой Конды жаловались, что «и нынече деи князь Игичеевы люди приходят к ним в Конду, их побивают, и жены их и дети и людей емлют к себе в юрты по-прежнему в холопи, и юрты деи их пустошат». В ответной грамоте из Москвы березовским воеводам указывалось разобраться в этом деле и строго запретить кодским остякам нападать на кондинских вогулов[262]. Видимо, эта грамота не изменила положения дел, и вогулы, в целях самозащиты, перешли к ответным действиям. В 1603 г. Михаил Алачев просил защиты от кондинских вогулов, которые «похваляются на них приходить войною и его и людей его побивать насмерть». Видимо, князь Михаил лукавил, обвиняя в воинственных настроениях прежде всего вогулов Конды. Но в 1606 г. вогулы все-таки осадили Кодский городок, где находились Михаил и Иван Алачевы. Нападавшие намеревались «побить их до смерти за то, что они емлют с них ясак»[263]. В первые десятилетия русской колонизации сибирские народы еще не осознали, что эпоха межплеменных столкновений ушла в прошлое и что все они в равной степени подданные московского государя. Отныне при всяких «обидах и насильствах» ясачные люди должны были обращаться за судебным разбирательством к местной воеводской власти, «а воевати ни на кого самовольством не сбирались». Такие ограничения могли не понравиться кодским князьям, которые привыкли обогащаться за счет набегов на дальних и ближних соседей.

История с неудавшимся заговором княгини Анны не раз привлекала внимание историков[264], хотя некоторые коррективы в существующие интерпретации внести можно. Так, С. В. Бахрушин писал, что княгиня Анна в целях восстановления независимости Коды «вступает в сношения с вчерашними врагами, с кондинскими мансями, с обдорским князем Мамруком, призывает к восстанию белогорских, сосьвенских хантов, рассылает по хантским волостям

«изменную стрелу» с мистическими зарубками, этот языческий символ войны». Все эти сведения известны из отписки березовского воеводы в Тобольск и были повторены в грамоте из Тобольска пелымскому воеводе[265]. К этой грамоте стоит приглядеться внимательней. В действиях княгини Анны, если она задумывала масштабное восстание, многое кажется странным. «Изменная дума» посетила ее, когда она вместе с Чумеем Капландеевым (другим двоюродным братом Игичея) возвращалась в 1608 г. с далекой реки Вах, где собирала ясак с волости, пожалованной еще князю Игичею. Княгиня остановилась у князька Белогорской волости Таира Самарова, к ним присоединился князек Неулко «с братьею», административно относившийся уже к сургутским остякам. В таком составе «о измене они вместе тут договорились допряма», после чего Анна и Чумей отбыли к себе в Коду. Далее Таир Самаров приступил к решительным действиям — прислал Анне стрелу, «а на стреле нарезано 11 шайтанов с рубежи и стрельное железо терто» (позднее, когда стрела попала в руки березовского воеводы, русские служилые и торговые люди определили, что «наперед сего такие стрелы ходили промеж остяков для измены»).

Из Коды стрела вместе с посланником Кочегомкой отправилась в Сосьвинскую волость Березовского уезда, дабы привлечь местных остяков на сторону мятежной княгини. Но вот что интересно. В это время (в конце июня 1609 г.) на Сосьву приехали двое березовских казаков, для «недоборного ясака». Они без труда изъяли у Кочегомки грозную стрелу, явно по доносу местных остяков. Стрела и посланник Коды были доставлены в Березов, где Кочегомко под пыткой рассказал все изложенное выше. Воеводы отреагировали быстро, и вскоре под пыткой оказался Чумей Капландеев. Он дополнил показания Кочегомки. Во-первых, он сообщил, что «зимусь» (то есть зимой 1608/609 г.) Анна, ее крещеный брат Гаврилко и он посылали к обдорскому князю Мамруку с призывом к восстанию. Последний даже приезжал в Коду и будто бы согласился быть с ними в одной «думе». Во-вторых, в планы заговорщиков входило прежде всего убить князька Онжу Юрьева. В-третьих, «итти было им к Березову городу войною, как будут темны ночи».

Можно постараться увидеть, что реально скрывается за этими показаниями, а не принимать их просто на веру. Мамрук действительно мог приезжать в Коду, но, как я считаю, с провокационными целями. Какой смысл представляло для него участие в восстании, когда он только что отказался примкнуть к заговорщикам (1607), когда он был законным князем Обдорской волости, когда тела казненных еще находились на виселицах Березова? Теперь о предпо-

лагаемом составе восставших. По данным Б. О. Долгих, в 1629 г. в Сосьвинской волости (вместе с небольшой Естыльской) насчитывалось 292 плательщика ясака, а в Белогорской — 82[266]. Надо полагать, что какая-то часть остяков Коды поддерживала не княгиню Анну, а Онжу Юрьева. Участие Мамрука Обдорского и тем более тундровых самоедов в восстании было весьма сомнительным. С кем же вдова Игичея и Чумей Капландеев намеревались «темными ночами» напасть на Березов? Стоит напомнить, что летом 1607 г. оборонительные сооружения Березова были основательно укреплены. Исследователи, вслед за С. В. Бахрушиным, характеризуют княгиню Анну, как женщину «энергичную и властную». Мне она представляется женщиной импульсивной и недальновидной, но жадно цепляющейся за власть. Убить соперника, князька Онжу, и добиться передачи власти в руки своего сына Михаила — вот страстное желание, которое двигало поступками Анны.

Что касается обращения Анны к кондинским вогулам, то это явное недоразумение. Согласно показаниям Чумея, когда они находились в юртах Таира Самарова, здесь же проездом остановились четверо тобольских татар, в том числе Бекбаулы абыз (в исламе — учитель, проповедник). Вся компания вместе поразмыслила над «изменной думой», и абыз сообщил, что «послал он с усть Конды кондинского князька Четыря вверх по Конде... для измены, и кондинские остяки все с ними войною под Тобольск готовы». Известно, что весной 1609 г. тюменские татары уже были готовы выступить против русской власти, агитировали присоединиться к ним татар Туринского уезда и уповали на помощь только что появившихся в степях Западной Сибири калмыков[267]. Таким образом, вогулов Большой Конды призывал к восстанию мусульманский проповедник, а не княгиня Анна; во-вторых, они должны были двинуться на Тобольск, а не на Березов.

Березовский воевода Волынский, проведя розыск, посчитал ненужным применять к заговорщикам суровые меры наказания. Четырь Досаев по указанию тобольского воеводы был доставлен в Березов, но во время допросов сумел доказать свою непричастность к «измене»[268]. Княгиня Анна какое-то время содержалась в Березове, но была отпущена, и более того — ее сын Михаил стал князем Коды, оттеснив далеко на второй план Онжу Юрьева и его потомство.

Весьма интересной представляется попытка организации восстания пелымскими вогулами в 1612 г. Интересной прежде всего потому, что инициаторами заговора выступили более западные вишерские и лозьвинские манси, не входившие в состав Пелымского

уезда, но попытавшиеся поднять всех вогулов, вплоть до Большой и Малой Конды. Видимо, осознание некоего единства, которое существовало во времена независимого Пелымского княжества, еще не угасло среди приуральских и зауральских манси.

Давно известно, что «язык мой — враг мой». О «шатости» среди ясачных вогулов пелымский воевода Петр Исленьев узнал следующим образом. 27 июня 1612 г. некто Янкилдей Микиров заявился с утра на двор к жене пелымского стрельца Оленке Яковлевой, чем вызвал с ее стороны негодование. Возникла перебранка (благо, что в источнике она не отражена), в ходе которой Янкилдей заявил: «Много де ты расшумелась, ужо де будем мы вас стрелять». Находившаяся здесь же девица, дочь пелымского пушкаря, бросила в Янкилдея «щепою и излаяла». Девице Янкилдей пообещал, что ее сожгут (здесь слышен отголосок имевшего место у вогулов обычая человеческих жертвоприношений, когда в качестве жертвы выбирались люди молодые, причем иноплеменники). Женщины проявили бдительность и в тот же день донесли об угрозах Янкилдея воеводе. Дальше события развивались по уже известной нам схеме. Взятый к допросу Янкилдей рассказал о приезде к местному сотнику Сынке вишерских и лозьвинских вогулов, которые похвастались, что их хотели «на Русь в войну везти», но они уклонились. В перспективе они поступили верно. В это время формировалось ополчение под руководством князя Д. М. Пожарского и К. Минина, по городам от их имени рассылались грамоты с просьбами о присылке ратных людей. Видимо, власти Перми Великой и Верхотурья решили мобилизовать, наряду с русскими людьми, и вогулов. Не надо большой проницательности, чтобы утверждать: в той «мясорубке», в которой участвовали закаленные в боях польские шляхтичи, казаки и русские дворяне, мансийский отряд вряд ли имел шансы на выживание.

Через две недели у Исленьева появился новый, более обстоятельный информатор. Новокрещен Семейка Назинов на хмельной посиделке проболтался, что знает замыслы пелымских вогулов: «Хотят де вагуличи в сибирских городех воевать, чем де нам идти на Русь воевать в войну, и мы де и здеся воюем... государя де ныне на Москве нет, ныне де одни в Сибири воеводы, а людей де мало русских во всех сибирских городех». В ходе поимки и допросов с пыткой ясачных людей выяснился масштаб грядущего мятежа. Около 200 вогулов Перми Великой (вишерцы) и Верхотурского уезда (лозьвинцы) должны были прочистить краткую дорогу к Пелыму и встретиться на реке Пелымке с кондинцами и другим воинством ясачных волостей. Город Пелым планировалось уничтожить в конце июля. Вогулы тех волостей, которые не захотели бы присоединиться к по-

встанцам, объявлялись врагами, которых следовало убивать. После уничтожения Пелыма и его гарнизона объединенное вогульское войско намеревалось отправиться воевать пермские волости. Исленьев весьма серьезно отнесся к полученным сведениям и принял решительные меры. Он приказал сломать половину дворов на посаде, чтобы уменьшить обороняемую площадь острога. В это время гарнизон города состоял из 65 стрельцов, к ним могли присоединиться еще 30–35 человек, у которых не было оружия[269].

К сожалению, документов о реализации планов повстанцев не сохранилось. С. В. Бахрушин упомянул, что туземное движение было подавлено Петром Исленьевым жестокими мерами: 10 вогулов были повешены и больше 30 человек бито кнутом[270]. Это подтверждается донесением в Москву нового пелымского воеводы Ф. А. Годунова, который весной 1613 г. писал: «В прошлом во 120-м году в пелымских вагуличах было умышленье, хотели к городу приступати и город сжечь и служивых людей хотели побити; и пущие изменники переиманы и перевешаны»[271]. Нападение на Пелым летом 1612 г. так и не состоялось. На фоне этих событий кажется немного странной еще одна попытка заговора, информацию о котором Исленьев получил в начале декабря 1612 г. На сей раз доносчиком выступил сотник Воринской волости (была расположена по Тавде ниже устья Пелыма) Коротай. По каким-то причинам он предал своих соплеменников и сообщил воеводе о хитроумном плане, который разработали представители всех семи ясачных волостей. Согласно этому плану, вогулы в «скопе» должны были подойти к городу, якобы для сдачи ясака. Затем должно было выясниться, что ясак они не принесли, а пришли покорно бить челом об отсрочке в его уплате. На самом деле, проникнув в город, они намеревались поджечь острог и убить воеводу «и всяких русских людей». Возможно, что расследование этой новой «измены» перешло к преемнику Исленьева по воеводству. Известно, что при Ф. А. Годунове многие вогулы были биты кнутом, а «лучшие люди» взяты в аманаты[272].

П. Н. Буцинский был, безусловно, прав, когда напрямую связывал «измены» и «шатости» аборигенного населения в начале XVII в. с политическим кризисом и гражданской войной в самом Русском государстве. Надо иметь в виду, что в первые десятилетия колонизации еще не ушли из жизни те поколения хантов и манси, которые помнили время существования своих самостоятельных «княжеств», время, когда приуральским городкам Перми Великой приходилось опасаться стремительных набегов пелымских вогулов. Затяжная Смута на Руси и частая смена царей подавали надежду на восстановление прежнего порядка вещей. Возможно, мы имеем право

говорить о политической подоплеке сопротивления аборигенов русской колонизации. Верхотурский стрелец, который «сыскивал про вогульскую измену» 1612 г., писал в своей челобитной, что вогулы хотели города в Сибири сжечь, их гарнизоны перебить, «а умыслили, чтоб им быть себе царством, как было при Кучуме царе»[273].

Что касается аборигенов Средней Оби, то здесь необходимо упомянуть о движении хантов под предводительством Кинемы (другое звучание имени — Тонема, в хантыйском фольклоре — Тонья). Нет необходимости подробно останавливаться на этом сюжете, поскольку он был описан мной в другой работе[274]. Кинема был сыном князя Бардака, во владениях которого был построен в 1593 г. город Сургут. После подчинения русской власти «княжество» Бардака находилось на особом положении по сравнению с другими ясачными волостями Сургутского уезда. Как и князья Коды Алачевы, Бардак владел своей «вотчиной» и имел, видимо, статус служилого князя. Когда умер Бардак, неизвестно, но к 1616 г. его волостью правил уже Кинема. Конкретные причины, подвигнувшие его на восстание, тоже неизвестны, но летом 1616 г. «Бардаковы волости Кинема с товарищи 30 человек государю изменили и приходили на обских остяков тое ж Бардаковы волости на аганских и на аслыпских и на юганских ясашных остяков, хотели их воевати». Я уже высказывал предположение, что в основе бунтарских действий Кинемы могло лежать недовольство ликвидацией служилого статуса и связанных с ним привилегий, которыми обладал Бардак.

Поскольку остяки «остереглись», то Кинема начал громить проходившие по Оби русские суда. Было убито более 20 русских людей, а их товары и имущество разграблены. Стало известно, что мятежный вождь собирался в ясачные волости «с смутою посылати». Действия Кинемы получили широкую известность. В начале 1617 г. казаки Томска писали: «А от Сургута, государь, и до Нарыма обские остяки торговых людей не пропущают в Томский город, грабят и побивают». Летом 1618 г. Кинема напал на небольшую станицу томских казаков, которые везли из Москвы в свой город денежное жалованье. Кинема захватил 400 рублей, а казаки были убиты. Надо сказать, что антирусские действия наследника Бардака не получили какой-либо поддержки среди ясачных остяков Сургутского уезда, зато передавались из уст в уста, обрастая невероятными слухами. Например, среди населения Малой Конды распространялись рассказы о том, что на Оби было убито 60 русских людей и что войско мятежников в количестве 1900 человек собирается осадить Сургут.

Достоверными сведениями (очевидно, из сообщений сургутского воеводы) обладал тобольский воевода князь И. С. Куракин. В конце

1618 г. он писал в Пелым, что «заворовали сургуцкие остяки Бардакова родня немногие люди», а «низовых волостей все большие люди по прежнему государю служат и прямят» и готовы воевать против мятежников. Говоря о причинах «воровства» Кинемы и его людей, тот же осведомленный Куракин указал, во-первых, на «обиды и насильства» со стороны воевод (каких — неясно); во-вторых, на то, что еще до начала «воровства» отряд сургутских казаков захватил в плен жен и детей будущих сторонников Кинемы[275]. Последнее утверждение Куракина алогично и просто неверно. Дело в том, что осенью 1616 г., когда стали известны нападения Кинемы на русские суда, из Сургута был отправлен карательный отряд во главе с атаманом Зубакиным. Поскольку мятежники «побежали безвестно», то Зубакин, не утруждая себя преследованием, захватил оставшихся в юртах их семьи. Конец восстанию Кинемы положил поход сургутских казаков в июне 1619 г.[276] В схватке были убиты Суета Бардаков (очевидно, брат Кинемы) «с товарищи»; жена Кинемы и его старший сын попали в плен. Интересно, что аутентичные письменные источники молчат о судьбе самого предводителя. Фольклорные рассказы хантов, дожившие до наших дней, говорят, что Кинеме-Тонье удалось бежать, но вскоре он был убит самими остяками в какой-то из ясачных волостей. Мятежные действия Кинемы не представляли серьезной угрозы для русской власти, но замечательно то обстоятельство, что он стал героем фольклорных преданий, которые от поколения к поколению передавались среди хантов Средней Оби.

Последний крупный заговор остяков Березовского уезда, явно имевший политический оттенок, относится к 1661–1663 гг. Надо отметить, что при любом возникновении «изменой думы» северные остяки пытались привлечь на свою сторону тундровых ненцев, лидером которых был в XVII в. род Большие Карачеи. Катализатором заговора ясачных остяков Березовского уезда послужили события на юге Западной Сибири, где в начале 1660-х гг. разгорелось башкирское восстание. К башкирам примкнул потомок Кучума царевич Девлет-Гирей, который имел небольшие военные силы, но имел большие амбиции и планы восстановить независимое государство своего предка. Действуя через тобольских татар, Девлет-Гирей развернул агитацию среди пелымских и кондинских вогулов, а также среди березовских остяков.

Местный воевода А. П. Давыдов раскрыл заговор и провел в начале 1663 г. масштабный розыск, в результате чего получил следующие сведения. Еще весной 1662 г. остяки планировали нападение на Березов; оно не состоялось лишь потому, что тундровые самоеды отказались участвовать в восстании. В этом же году в Куноватской

волости состоялся настоящий съезд князцов (или потомков таковых) ясачных волостей, включая представителей и кодских городков. Князцы договорились о нападении на Березов весной или летом 1663 г. Хорошо осведомленный об этом съезде вождь тундровых самоедов Пось Хулеев «в измене и со своим родом самоядью отказал». Под влиянием татарских агитаторов у северных хантов сложился план: после взятия Березова там должен был править князь Обдорской волости Ермак Мамруков, вместе с представителями других волостей (по два «лучших человека» от волости). Мамруков намеревался по-прежнему собирать ясак и отправлять его в Тобольск, где должен был обосноваться Девлет-Гирей. В заговоре участвовали «начальные люди» Обдорской, Куноватской, Сосьвинской, Ляпинской, Казымской и Кодской волостей[277]. Остается некоторой загадкой, чем выплата ясака татарскому царевичу была приятней ясачного обложения со стороны русских.

Замыслы заговорщиков можно было квалифицировать, согласно Соборному Уложению 1649 г., как государственную измену. Именно к такому решению и пришел воевода Давыдов, который в конце мая 1663 г. приговорил к смертной казни 14 остяков (тобольский воевода И. А. Хилков имел сведения, что в Березове было повешено 16 человек). Но вот что примечательно. Давыдов получил из Тобольска суровый выговор за превышение полномочий. Он не выполнил приказа Хилкова произвести только расследование и выслать 10 «пущих» заговорщиков в Тобольск. Вместо похвалы за проявленное рвение Давыдов получил послание от рассерженного главного тобольского воеводы: «А ты великих государей указу не послушал и того князца Ермака Мамрукова и лутчих ясачных людей 16 человек перевешал, и многих березовских ясачных остяков пытал и огнем жог, и от того твоего такого дурна от березовских остяков чаять всякого дурна и измены»[278]. Давыдов пытался оправдать свои действия перед Москвой, но в Сибирском приказе они тоже не вызвали одобрения. Там отметили, что в выданном ему воеводском наказе нет ни слова о мере наказания ясачным людям за измену[279].

Отмечая отголоски башкирского восстания в Березовском уезде, исследователи ничего не говорят о волнениях среди остяков Нижнего Иртыша и Средней Оби. Действительно, документальные источники не предоставляют никаких сведений по этому поводу, но нельзя не верить красочному, хотя и краткому, рассказу знаменитого протопопа Аввакума, который летом 1663 г. направлялся из Енисейска в Тобольск. Протопоп писал: «На Оби великой реке предо мною 20 человек погубили христиан, а надо мною думав, да и отпустили совсем. Паки на Иртише реке собрание их стоит: ждут березовских

наших и с дощеником и побить». Высадившегося на берег Аввакума окружили вооруженные аборигены; дело, однако, закончилось мирной торговой сделкой[280]. Аввакум был вообще нелюбопытен относительно этнического состава сибирских народов; для него все они без различий являлись «иноземцами». Но мы можем предположить, что слухи о грядущей смене в Тобольске русской власти на царствование одного из Кучумовичей инициировали какие-то антирусские выступления иртышских и среднеобских хантов.

Пример с расследованием воеводой Давыдовым «изменного дела» весьма показателен. Если в первые два–три десятилетия колонизации центральная власть спокойно и даже поощрительно относилась к жестокому пресечению любых попыток восстаний аборигенного населения, то по мере освоения Сибири отношение к местным народам становилось более осторожным. Ушли из жизни ранее независимые туземные князцы и вожди, свидетели первых шагов русской колонизации, а их потомки теряли титульный и социальный статус своих предков, превращаясь в «лучших людей» ясачных волостей. По мере укрепления местной воеводской власти в Сибири политика по отношению к аборигенам становилась более мягкой. На протяжении XVII в. центральное правительство постепенно осознавало, что сибирские «иноземцы» — тоже подданные московского государя и истреблять (или «жесточить») их совсем незачем. Представляется знаковым тот факт (кажется, исследователи не обращали на него внимания), что на рубеже XVII–XVIII вв. термин «иноземцы» по отношению к сибирским народам, вошедшим в состав Русского государства, замещается словом «инородцы» (то есть «свои» по государственной принадлежности, но «чужие» по этническому происхождению)[281].

В течение XVII в. больше хлопот для русской власти создавали не остяки, а «воровская самоядь» Березовского уезда. Приходится признать, что нам мало что известно о взаимоотношениях русской администрации и обдорских самоедов в первой трети XVII в. В это время северные кочевники не проявляли воинственности, но о реальном контроле за ними со стороны березовской администрации говорить не приходилось.

С 1630-х годов в истории обдорских самоедов началась «героическая эпоха», пик которой приходится на XVII век. Стремительные набеги самоедов веером простирались во всех доступных направлениях — западном, южном, восточном, а эпицентром, консолидировавшим самодийских воинов для походов, являлись надымско-тазовские районы, прилегавшие к Обской губе. Жертвами тундровых самоедов стали и русские, и остяки, и самодийцы лесных

родов. Первый известный нам масштабный набег обдорских ненцев, состоявшийся в 1633 г., был направлен против казымских самоедов. Последние просили березовского воеводу Мешкова-Плещеева воздействовать на карачейских самоедов, дабы они возвратили им захваченных пленных и имущество, «а в убитых головах свой государев указ учинить». Доложив о случившемся в Москву, воевода получил из столицы трудно выполнимый указ: призвать карачейских самоедов в Березов для следствия и учинить им наказанье. В соответствии с уже сложившейся практикой в роли посредника между Березовым и тундровыми ненцами выступил обдорский князец Мамрук. Воевода князцу Мамруку «приказывал накрепко», чтобы он уговорил карачейских вождей возвратить полон и «животы». По словам Мамрука, он выполнил это поручение; самоеды согласились вернуть пленных, но до июня 1634 г. обещания еще не выполнили.

Плещееву-Мешкову в своей отписке в Москву пришлось объяснять некоторую странность положения северных «подданных» российского государя: «А призвати, государь, карачейские самояди добровольно на Березов не уметь и сыскивати их березовским служилым людем по тундрам не мошно, самоядь люди кочевные, живут от Березовского уезду далече, по тундрам и у моря». Далее воевода рассуждал о том, что захват аманатов у карачейских самоедов чреват серьезными последствиями, так как они «обдорским остяком учнут чинити обиды и грабеж, потому что самоядь приезжают на Обдор родами своими вся вместе многие люди, а обдорские остяки живут не вместе, по юртом порознь, всего человеков по 20 и меньше»[282]. Очевидно, что рекомендации Москвы березовскому воеводе выполнить так и не удалось.

В конце 1635 г. у Надымской губы случилась трагическая история с двумя казаками, ехавшими с мангазейскими отписками. В этом году очередной мангазейский воевода Б. И. Пушкин решился на некоторое новшество. Осмотревшись в заполярной Мангазее, он обнаружил, что гонцы из этого города ездят в Тобольск и Москву весьма длинным и кружным путем. Дорога шла сначала на восток, в Енисейск, куда отправлялись «зимним путем на нарте» (через Туруханск и цепочку зимовий на Енисее), а уж затем через Маковский волок «весною до Тобольска водяным путем» (то есть по Оби и Иртышу). Что и говорить, путь был «дальний и нужный». Воевода обратился за справкой к местным жителям и промышленникам и выяснил, что «есть из Мангазеи дорога в Русь недалека и пряма на Обдорь и на Пустоозеро». Знатоком этого пути оказался стрелец Ледешка Кирилов, который и вызвался ехать к Москве гонцом, «потому что он самоядскому и зырянскому языку умеет, и самоядь ему многая знако-

ма, и та ему дорога заобычай». До Обдорска можно было добраться только на оленьих упряжках самоедов; до Пустозерска и Тобольска гонцов должны были отвезти обдорские остяки, тоже на оленях или собаках. Ледешка уверял, что будет он в Москве через 12–13 недель, а о Тобольске и говорить нечего — «тою ж дорогою гонял в гонцех в Тоболеск из Мангазеи от Григория Кокорева, а поспел в 7 недель». Стрелец убедил воеводу Пушкина отправить его в Москву; с ним поехал и тобольский казак Васька Колмогор — с отписками в столицу Сибири. До Обдорска гонцов повез «мангазейской тундряной самоядин Леденкина шару Итилидка Тынгин, лутчей человек». Небольшая экспедиция вышла в путь 31 октября 1635 г., имея письмо к обдорскому князцу Молику Мамрукову. Итилидка вернулся 19 декабря и рассказал, что доставил гонцов до Надымской губы, где их «принял» князец кунной ясачной самояди Сатарко, «в своем роду человек чесной, доброй, воровства за ним никакого нет». Сатарко запрягал оленей для поездки в Обдорск, когда Итилидка повернул обратно. Однако в феврале 1636 г. в Мангазею из тундры пришли плохие вести. Принесли их родственники того же Итилидки Тынгина: на дороге в Надымской губе гонцов убила «неясачная самоядь Тыютова роду Юхи». Интересно, что Тынгины услышали об этом на Нижнем Енисее, причем из разговоров детей самоедского шамана[283].

Эта история имела продолжение. В январе 1641 г. торговый человек из Устюга Михаил Кондаков подал в Москве челобитную, из которой следует, что убитый стрелец Ледешка Кирилов был его дядей. По словам челобитчика, Кирилова убили карачейские самоеды, узнав, что он везет с собой 300 рублей и «не хотя платить ему долгу». Далее Кондаков от частного случая перешел к обобщению разбойных дел самоедов. Он указал на два источника относительно легкой поживы, которую стали практиковать ненцы,— нападения на служилых людей, доставлявших ясачную соболиную казну в Москву через старинный путь на Северном Урале, и грабеж торговых людей, чьи кочи потерпели крушения у южного берега Обской губы. Весьма интересно заявление Кондакова, что остяцкий князец Обдорской волости Молик «все воровство и убойство ведает» и более того — покупает у самоедов добытую разбоем «всякую рухлядь». Просьба Кондакова о сыске и наказании убийц его дяди была понятна, но вряд ли выполнима[284].

Указанные Кондаковым места и маршруты нападений самоедов на русских людей полностью подтверждаются другими документами. В 1637 г. тобольские власти направили в Обдорск сына боярского Обольянинова и подьячего Зарницына, которые должны были «сыскивать погромную мяхкую рухлядь», взятую березовскими

самоедами в 1634 г. «на Камени под Осиповым порогом на стану» у кетских казаков. Расспрос обдорского князя Молика Мамрукова и его зятя Корзепова показал, что этот подвиг совершила «невоядцкая самоядь Козуня Люмов с товарыщи», принадлежавшая, видимо, к ненцам Каменной стороны. Козуня Люмов на расстоянии перед сыщиками «винился», прислал к ним в Сынский городок с местными остяками возмещение за «громленую рухлядь» (58 оленей) и обещал, что остальное они еще выплатят. Русской власти живые олени вместо шкурок бобров были не нужны. Из Москвы пришло распоряжение: оленей продавать и менять на меха остякам, а невоядских самоедов продолжать сыскивать дальше[285]. В августе и сентябре 1641 г. самоеды пустозерских родов совершили два нападения на служилых людей разных сибирских городов, шедших «чрезкаменным путем» с соболиной казной. В последнем случае, правда, нападавшим не очень повезло. Им удалось «отгромить» вьюк с бобрами и 2 сумы, как считали самоеды, с соболями. Разрезав сумы, грабители обнаружили в них беличьи шкурки, которые были ими брошены при поспешном отступлении. Через год, войдя во вкус, самоеды пытались в тех же местах поживиться томской, кетской и березовской соболиной казной. Факты эти неоднократно излагались в литературе[286].

В связи с этим, интересно обратить внимание на содержание одного документа. В 1652 г. лучший князец «Большие Карачейские земли»» Поско Хулеев утверждал: «И в прошлых же, государь, во 149-м и во 150-м годех заворовала пустозерская самоядь на Камени, твою государеву ясачную казну погромила и розвезла по себе, а мы, сироты твои, Карачейская самоядь, в том воровстве на Камени с ними, пустозерскою самоядью, не были и твоей государевой казны не громили. И по твоему государеву указу, как велено та твоя государева ясачная казна сыскивать, и мы... служа тебе, великому государю... тое пустозерскую самоядь окупали и за твою государеву погромную казну на Обдори березовским ясачным сборщиком платили соболми и бобрами и оленями»[287]. Таким образом, вожди рода Большие Карачеи приняли на себя ответственность за действия приуральских ненцев, хотя в общем-то могли этого и не делать. В этом можно увидеть претензию на главенство указанного рода не только среди сибирских ненцев, но и шире — среди тундрового самодийского мира в целом. Об этом же свидетельствует военная активность карачейских самоедов, простиравшаяся от Мангазейского до Пустозерского уездов.

В 1641 г. оказавшиеся в Тобольске мангазейские стрельцы сообщали местным властям: «С прошлого де со 147-го году (с 1638/39)

по Тазу вверх и вниз и около Мангазейского города приезжает воровская самоядь юраки и русских служилых и торговых и промышленных людей и Мангазейского уезду ясачную самоядь побивают и грабят и жен и дети их в полон емлют, и соболи у них лутчие на промыслех отнимают». Для тобольских воевод это оказалось полной новостью, о чем они сердито известили воеводу Мангазеи[288].

Осенью же 1641 г. в Обской губе с казенным кочем, который шел из Тобольска в Мангазею, произошла неприятная история. Коч во главе с пятидесятником Ларионом Семеновым перевозил около 26 т хлеба и 140 пудов соли. Кроме того, на коче были и торговые люди со своими товарами. Спустя две недели после выхода из Обдорска, «как де они будут в голомени против сопок, и в том де месте учал им быть противной ветр, и стояли на том месте 2 дни. И у коча де их шейма и якорь переломились и коч бросило на кошку и заморозило». Как по волшебству, возле места крушения оказалась «многая самоядь на оленях», около 200 человек. Торговые люди, в отличие от служилых, не растерялись. Некто Афонька Абрамов провел с самоедами (они оказались «роду Карачеева») переговоры, и те согласились отвезти на оленях товары торговцев обратно в Обдорск (там они, в бочках и вьюках, заполнили доверху два амбара). В качестве оплаты за услугу Абрамов предложил самоедам государевы хлебные запасы, находившиеся на коче. Последним сделка пришлась по душе, хотя вряд ли они были столь наивны, чтобы принять 262 меха с мукой за частный товар. Имущество торговцев и их самих самоеды честно доставили в Обдорск, государевы же хлебные запасы «пограбили без остатку, коч иссекли», а служилых людей хотели «побить до смерти». Пятидесятнику Семенову удалось привести свой небольшой отряд в Обдорск. На этом история не закончилась. В октябре 1641 г. в Обдорск для сбора ясака прибыл березовский атаман Бажен Кокоулин. По его заданию «лучшие ясашные остяки Молик Мамруков да Дурак Корзеков да Колымса Шалмачеев» поехали в тундру «по прежнему призывать самоядь с государевым ясаком на Обдор». Однако самоеды, зная за собой вину, в Обдорск ехать отказались. Чтобы хоть немного оправдать грабеж коча, они заявили, что приняли слова Афоньки Абрамова за чистую монету и лишь впоследствии до них дошел слух о том, кто на самом деле является владельцем хлебных запасов. Упрямый Бажен Кокоулин снова отправил князца Молика в тундру с уверением, что от сборщиков ясака самоедам ничего плохого не будет, так как указа свыше об этом еще нет. Миссия Молика на этот раз увенчалась успехом. В Обдорск пожаловали самоедские князцы родов Вануйты и Карачеев и опять повторили рассказ о том, как их коварно обманули

русские торговые люди. Впрочем, за растащенные государевы запасы князцы обещали платить в этом и последующие годы; сами же запасы, по их словам, уже издержались. В конце концов Москва, узнав об этом деле, вынесла решение: взять с самоедов мехами половину стоимости пропавшего хлеба, а стоимость за другую половину взыскать с торговых людей. О задержании последних в сибирские города были разосланы соответствующие грамоты[289]. В 1652 г. глава Больших Карачеев Поско Хулеев вспоминал: «... во 150-м году ехал из Сибири за море в Мангазею с твоими государевыми с хлебными запасы торговой человек Офонасей Обрамов с служилыми людьми вместе однем кочем. И на море тот коч кинуло на кошку, и на кошке коч с твоими государевыми с хлебными запасы обсох. И карачейская самоядь Надеры (Адеры — *Е.В.*) и Яптики, кочевые худые людишка, те... запасы розвезли по себе»[290]. Тот же Поско уверял, что они за хлебные запасы и соль 1641 г. расплатились сполна в 1649 г. в Обдорске.

Между прочим, зимой 1641/42 г., когда самоедские князцы прибыли в Обдорский острог, они не были до конца искренни перед березовским атаманом. Видимо, не случайно в их составе не оказалось Хулейки со своими взрослыми сыновьями. Карачейские вожди задумывали новое предприятие, сулившее больше выгод и славы, чем налет на приморожeнный к песку коч.

13 мая 1642 г. пустозерский воевода Неплюев докладывал в Москву о набеге сибирских самоедов, всколыхнувшем весь уезд. Он писал о том, что «февраля в 20 числе приходили под Пустозерский острог и у посадцких людей ко двором приступали самоядь Большая Карачея Хулейка с детьми — с Поскою, с Едурейком, с Немчинком, с Хаскою,— а с ними было самояди человек с двесте... И он де, Протасей, от тое самояди во дворех отсиделся с пустоозерцы с посадцкими людьми. И та де самоядь в уезде по деревням воевали четыре недели: образы кололи, людей грабили, а иных били и пытали и животину имали и неводы и сети и лодки и ветки (легкие лодочки — *Е.В.*) и котлы и якори и парусы поимали ж и свезли, и кочи посекли, и, воевав, отошли в тундру». Интересно, что гнев сибирских самоедов был направлен не только против русского населения уезда. Они «воров самоядь, которые наперед сего нашу сибирскую казну громили, Лохеев и Ванюта, хотели выбить». Возможно, этим способом карачейские самоеды хотели придать своему набегу «благообразный» вид перед русской властью, а возможно — просто наказать пустозерских ненцев за действия, не входившие в их планы[291].

Из челобитной пустозерского подьячего Афанасия Сычова следует, что подобный же погром Пустозерского уезда имел место

и в 1644 г., причем сибирские и пустозерские ненцы действовали на этот раз рука об руку. Жалуясь на понесенные убытки, подьячий подавал иск «на закаменную и на пустозерскую самоядь на Карачею, на Вайсиды, на Пяки, на Вылы, на Яптики, на Собей, на Олбый, на Вонюту, на Лохеев, на Тысыню, на Выучеев», приходивших под Пустозерский острог и продвинувшихся даже до Мезени. В своей челобитной Сычов кратко обмолвился о набеге этих же самоедов в предыдущем, 1643 г., но твердой уверенности, что он не имел здесь в виду масштабный погром 1642 г., у нас нет[292]. Таким образом, можно говорить о двух или даже трех походах обдорских самоедов на Пустозерский уезд в 1640-х гг.

Одновременно не упускали самоеды из виду и передвижения караванов кочей по Обской губе. Выше уже говорилось (гл. II) о неудачном плавании кочей в 1643 г. из Тобольска в Мангазею. В контексте данной главы имеет смысл напомнить основные перепитии этого плавания. 13 июля 1643 г. из Тобольска вышли 4 коча, на одном из которых к месту службы в Мангазею направлялся дьяк Григорий Теряев. Ввиду недостатка кочей тобольские воеводы распорядились погрузить хлебные запасы на два дощаника; отряд служилых людей во главе с сыном боярским Дмитрием Черкасовым должен был довести их до Обдорска, перегрузить хлеб из дощаников в коч, который ожидался из Мангазеи, и отплыть далее. Коча в Обдорске, однако, не оказалось, поэтому Черкасов, оставив там запасы и служилых людей, отправился с Теряевым в Мангазею. В Обской губе все четыре коча потерпели крушение, а спасшиеся с них люди (около 70 человек) продолжили путь на нартах с собачьими упряжками. Из-за вмешательства самоедов, эта экспедиция имела весьма трагичный финал. Сначала ненцы восемь недель осаждали сборный отряд Теряева, а затем на пути к Тазу тревожили его постоянными нападениями. Наконец нападавшим удалось отбить нарты с запасами продовольствия и товарами, после чего самоеды успокоились. Большая же часть людей из отряда Теряева умерла от голода, в том числе и сам дьяк. Уже на подходе к Мангазее оставшиеся в живых были вынуждены есть своих мертвых товарищей[293].

Оставленным в Обдорске с хлебными запасами служилым людям тоже пришлось пережить беспокойную зиму. На амбары с мукой был сделан налет, в котором участвовали самоеды из родов Карачеи и Адеры. Казаки без особого труда отстояли государев хлеб, но четверо из них оказались ранены, а 15 мешков с мукой все-таки пропали. После этого нападения случившиеся в районе Обдорска остяки Коды сказали служилым людям, что следует им ожидать под острожек «другой самояди много». Получив это известие, березовский

воевода отправил в Обдорск 20 казаков во главе с сыном боярским Родионом Лихачевым для защиты и проведения сыска о составе нападавших[294]. В то же время, весной 1644 г., к обдорскому князцу Молику Мамрукову приезжала «иная воровская самоядь», убила его сына и грозила разорить ясачных остяков Обдорской, Ляпинской и Куноватской волостей. Сведения о начавшемся разладе между северными остяками и самоедами Низовой стороны несколько удивляют. Незадолго до этого, зимой 1643/44 г., Молик Мамруков по поручению обдорского ясачного сборщика Федора Игнатьева ездил «на тундру и в Надым искать и призывать на Обдор с твоим государевым ясаком самоядь»[295]. Возможно, во время этой поездки и выявились разногласия между Моликом и надымско-тазовскими самоедами, открыто вставшими на тропу войны.

В связи с данной поездкой Молика в документах впервые упоминается остяцкий городок Надым, который представляли «лучшие люди» Тынин Нюптеев и Небах Ленгиев. Существование этого городка в низовьях реки Надым — факт, во многом загадочный. В этнографической литературе высказано мнение, что «бассейн реки Надым был самой отдаленной северо-восточной территорией расселения хантов, где они появились на последнем этапе своего продвижения на север (приблизительно в XVIII–XIX вв.)»[296]. На самом деле остяцкий городок недалеко от устья Надыма существовал уже в первой половине XVII в. Формально он входил в Обдорскую волость, но русские ясачные сборщики в Надымский городок никогда не ездили. Скорее всего он являлся самым северо-восточным осколком более ранней экспансии угров на земли Нижнего Приобья. К середине XVII в. ситуация изменилась, и существовать этот городок в данное время мог только по милости самоедов, в районе кочевий которых он располагался. Нет сомнений, что несколько сот ненецких воинов, собранных теми же вождями Больших Карачеев, могли бы разорить городок. Можно предположить, что надымские остяки оказывали «немирной воровской самояди» какие-то важные услуги (например, служили посредниками в торговле «погромной рухлядью», захваченной у русских)[297].

В середине 1640-х годов тундровые самоеды начали создавать угрозу Мангазее. В 1644 г. очередной караван кочей из Тобольска наконец-то дошел до Мангазеи, однако по пути «воровская самоядь, наезжая на море и по Тазу реке, к кочам приступали и побивали и ранили». Мангазейский воевода князь Ухтомский отреагировал на это нападение и выслал к Тазовской губе отряд из 20 служилых людей, которые настигли странных пиратов. Произошел бой, в результате которого несколько самоедов было убито (в том числе два князца),

а 11 женщин и детей захвачено в плен. Из допросов женщин стало известно, что русскому отряду противостояли самоеды «Евасидина рода князца Шарумы»[298].

В 1645 и 1646 гг. юраки появлялись под самым городом, убили стрельца Савку Андреева, тобольского казака Кирилова и еще 8 промышленных людей, бывших на рыбных ловлях. Мангазейский воевода князь Ухтомский сообщал, что он и жители города вынуждены фактически находиться на осадном положении. В июне 1651 г. в Тобольске была получена отписка от мангазейского воеводы Ф. И. Байкова, из которой стало известно, что приходила с тундры «воровская юрацкая самоядь и хотели де в Мезенских зимовьях побить» служилых людей, занимавшихся рыбной ловлей. Байков сформировал отряд из 20 стрельцов и мангазейских ясачных самоедов. Это «войско» под началом Ивана Сороки успело встретить самоедов-юраков и не дать им разорить зимовья по Тазу. Тем не менее Байков не без основания писал: «А вперед де, государь, в Мангазее от той воровской самояди жить страшно и на промыслы де всяким людем ходить не сметь». Надо заметить, что в «златокипящей» Мангазее в это время для охраны города оставалось не более 20 служилых людей[299].

Обдорские самоеды не случайно появились в 1651 г. в Мангазейском уезде. Незадолго до этого березовскими казаками был захвачен в аманаты лучший князец Больших Карачеев Поско Хулеев. Дважды побывав в качестве аманата в Березове, Пось Хулеев к 1656 г. уже находился на свободе. В этом году произошла история, которая показала, что привычки «немирной самояди» не изменились, хотя в Березове и продолжали находиться заложники (об их именах и родовой принадлежности источники молчат). В ноябре 1656 г. мангазейский воевода С. В. Ларионов получил от местных ясачных самоедов несколько противоречивые сведения о судьбе судна, ушедшего к устью Оби. В августе этого года из Мангазеи отправились два коча, но в Обской губе они разлучились. Один коч «ушел на море», а второй из-за встречных ветров был вынужден вернуться в Мангазею. Первый коч, на котором в общей сложности находилось 40 человек, пропал. И вот Ларионов получил известия, согласно которым юрацкие самоеды убили 40 русских людей, а коч сожгли. Произошло это «осенью перед снегом», недалеко от Тазовского устья, где «стояли те руские парусом покрыты на берегу». Самоеды какого именно рода учинили столь кровавое побоище, было не совсем ясно. По одним слухам, это были юраки рода Иандер (вариант написания рода Адер), платившие ясак в Березов; причем князец данного рода Насы «самоядь от убойства унимал». Это нападение якобы вызвало гнев вождей Больших Карачеев. Один из информаторов

мангазейского воеводы уверял даже, что «за то де воровство с теми ворами с Адеры бьютца юратцкая ж самоядь род Большие Корючи князцы Пось да Хесня и говорят тем самоядцом убийцам: почто де вы руских людей побили? У нас де на Березове дети в аманатах». Другие слухи в качестве виновных называли самих братьев Хену и Пося Хулеевых. Заодно им приписывалось намерение перебить служилых людей в Обдорске и освободить аманатов, которых туда привозили во время сбора ясака. Подробно изложив все это в отписке березовскому воеводе, Ларионов отдал «предпочтение» роду Адеров[300].

Одновременно сведения об истреблении людей с пропавшего коча начали поступать со стороны тундры и в Березов. Первым известие об этом получил атаман Иван Аргунов, прибывший в ноябре 1656 г. в Обдорск для сбора ясака. Аргунову же сообщил об этом никто иной, как князец Пось Хулеев, тогда же подошедший к Обдорску. Последний обвинил в нападении на коч род Адеров. По его словам, на коче были «многие люди», и трое из них были убиты; о судьбе остальных Пось якобы ничего не знал. Аргунов докладывал березовскому воеводе С. А. Малому, что приезжали с ясаком самоеды и других родов, но ничего определенного узнать от них не удалось, потому что в городок они не пошли, а «пометали» ясак на лед реки Полуй. Чтобы получить достоверные сведения о судьбе коча, березовский воевода указал Аргунову «послать с Обдори в Надым к морю руских служилых людей и обдорских ясачных остяков». Выполняя приказ, Аргунов отправил в Надым двух казаков, которым в остяцком городке удалось расспросить лишь двух приезжих самоедов. Те сообщили о коче с соболиной казной, которому из-за встречных ветров пришлось вернуться в Мангазею. О другом коче самоеды якобы ничего не знали. В своей отписке в Москву березовский воевода изложил план военной экспедиции против неуловимых кочевников: «А естли вы, государи, изволите для сыску тое самояди служилых людей послать, и тое самоядь в летнее время сыскать будет мочно, потому что та самоядь в летех выезжает для рыбных ловлей край моря и живет по островам. А преж, государи, сего та самоядь воровала ж ...и по тое самоядь посылали сыскивать на море в кочах в летнее ж время»[301]. Возможно, последней фразой объясняется ненависть самоедов к морским кочам, которые, при случае, они приводили в негодность или сжигали.

Выше упоминалось о намерении северных остяков поднять антирусское восстание в 1662–1663 гг. В связи с показаниями остяков во время сыска воеводы А. П. Давыдова в исторической литературе утвердилось совершенно неверное мнение о разорении и сожжении

самоедами Пустозерска зимой 1662/63 г. Заметим, что никаких достоверных документальных источников, подтверждающих этот факт, не имеется. Сведения об этом восходят к «пыточным речам» надымского остяка Смагина Щеголдаева, который попал в число допрашиваемых о заговоре Ермака Мамрукова. В феврале 1663 г., после пытки, он признался березовскому воеводе, что была у остяков «дума» захватить этой зимой Березов, вместе с пустозерскими самоедами. Последние же, по словам Смагина, уже «Пустозерский острог, взяв, сожгли, воеводу и всех служилых людей побили»[302]. Думается, что Смагин передавал только смутные слухи, переносимые самоедами по огромным пространствам приуральской и сибирской тундры. Впрочем, дыма без огня не бывает. Как следует из челобитной жителей Пустозерска, в 1661 и 1662 гг. они подверглись грабежам со стороны приуральских же (то есть «пустозерских») ненцев[303]. Но эти факты еще не означали масштабного разорения самого города с истреблением его гарнизона.

Карачейские самоеды благополучно пережили сыск Давыдова. Осенью 1667 и зимой 1668 г. Поско Хулеев с тремя сыновьями дважды появлялся в Пустозерском уезде. Правда, считать это обычными набегами карачейских самоедов нельзя, так как они приходили из-за Урала в весьма пестрой компании. В первый раз они входили в «коалицию», состоявшую из 22 березовских казаков, остяков обдорского князца Гынды Моликова и 100 самоедских воинов родов Вануйта и Пуруега, которые незадолго до того перекочевали из Пустозерского уезда в Березовский. Инициатором же создания столь разношерстного воинства был березовский воевода князь П. А. Гагарин, который предпочел активные действия, вместо бюрократической переписки со своими коллегами. Дело заключалось в том, что пустозерский самоед Елиня со своими родичами был виновен, по сведениям Гагарина, в нападении на березовских остяков. Требовать у пустозерского воеводы Ивана Неелова поимки и присылки Елини в Березов являлось затеей явно безнадежной. Поэтому Гагарин отправил в Пустозерский уезд отряд казаков, укрепив его остяками и самоедами, без которых операция по захвату Елини вряд ли могла быть удачной. Пленив Елиню с родичами и не удержавшись от грабежей пустозерцев, сибирские остяки и самоеды изрядно напугали своих соседей. В 1668 г. по запросу Неелова указано было послать с Холмогор в Пустозерск 500 стрельцов «для приходу войною Карачейской самояди и остяков». Задумка недальновидного князя Гагарина в конечном итоге принесла русской власти больше вреда, чем пользы[304].

В событиях 1667–1668 гг. мы последний раз встречаемся с Поской Хулеевым; видимо, вскоре после этого он умер. Эстафету вождей

карачейских самоедов приняли сыновья Пося и Хены, поддержавшие славу юрацких самоедов как «немирных и воровских». К 1678 г. во взаимоотношениях треугольника «Березов — Обдорск — тундра за Надымом» произошли некоторые изменения: самоедских аманатов в Березове уже не было, а карачейские князцы напрочь рассорились с Гындой Моликовым, управлявшим обдорскими остяками. В исторической литературе есть мнение, что поводом для гнева тундровых самоедов послужил следующий факт: князец Гында «держал у себя в работе» 13 самоедов и «всех их приморил с голоду». Однако к сибирским ненцам этот факт не имеет никакого отношения, так как он содержится в челобитной 1668 г. пустозерского самоеда Хаски Гысева (род Лохей). Жалуясь на описанные выше действия остяков и сибирских самоедов в Пустозерском уезде, Хаска Гысев сообщал, что Гында Моликов убил его родича, а еще 13 «родников» держал как рабов и довел до голодной смерти[305]. Так что вряд ли сибирские самоеды через 10 лет могли мстить за смерть своих «европейских» сородичей, к тому же захваченных в плен во время их совместного похода с остяками Гынды.

Приходится признать, что причина небывалой до того вражды между сибирскими самоедами и северными остяками остается нам пока неизвестной. В ноябре 1678 г. Маулка и Игонка Посевы привели под Обдорск не менее 400 воинов разных родов тундровых ненцев. Было время сдачи ясака, который самоеды привозили обычно «по первому зимнему пути», и в Обдорске находился небольшой отряд березовских казаков во главе с Иваном Шаховым. Карачейские князцы шесть дней осаждали Обдорск, забросав его стрелами. Местные остяки, не оказавшиеся в Обдорском острожке, попали в незавидное положение. Воинственные пришельцы убили 23 остяка и 2-х самоедов, «а жен их грабили и нагих оставили, а детей имали к себе в полон». Как позднее передавал Шахов, Маулка Посев (тот, что в свое время был аманатом в Березове) открыто заявлял о своих целях: «пришли де они для того, что наших государевых ясачных людей князца Гынду Моликова с товарыщи убить и всех обдорских остяков разорить». Но планы северных кочевников простирались шире, если верить еще одной декларации Маулки: «Которые де остяки и самоядь к их воровству не пристанут, и они де их всех побьют и пойдут Березовского уезду в иные верхние городки ясачных людей разорять, а разоря де и пограбя, пойдут в Мангазею и побьют руских людей». Дальнейшие действия Маулки пришли в некоторое противоречие с его словами. Из Березова на помощь Обдорску вышел отряд в 20 казаков, «и тот де вор Маулка и Игонка с товарыщи, послыша посылку с Березова служилых людей, побе-

жали на прежние свои жилища, откуд пришли — с Мангазейской стороны из Надыма»[306].

В лихом набеге на Обдорск самоедов возглавляли не только сыновья Поски Хулеева, но и их двоюродный брат — Корюча Хынин. После отхода из-под Обдорска он, выполняя угрозу Маулки, совершил стремительный бросок к Енисею и 12 февраля 1679 г. «со многими людьми» напал на Хантайское зимовье. Сидевший в зимовье мангазейский ясачный сборщик Иван Роставка потерял двух человек убитыми и не без труда отбил нападение: «тое юратскую самоедь от ясашного зимовья били из ружья». Тогда самоеды двинулись вниз по Енисею, убивая русских промышленников и разоряя их зимовья; при этом «у иных посадцких людей жен их и детей на льду связана заморозили до смерти». На пути к устью Енисея карачейский князец погромил заодно хантайских и тавгицких самоедов. Мангазейский воевода И. П. Савелов выслал из Туруханска 22 стрельца во главе с поляком Казимиром Морей. В столкновении с юраками служилые люди убили четырех самоедов и еще 6 захватили в плен. Интересно, что в далеком от Березова Туруханске подвиги Корючи Хынина были хорошо известны: «Да в прошлых... годех тот юратской князец Корюча Хынин с юратской самоядью в Березовском уезде и по Обе реке и на море и в Мангазее многих руских людей побивал и ясачных людей, самоядь и остяков, грабил». Жестокости юраков, которые они проявляли при набегах, вызывали соответствующую реакцию у русских властей. В том же 1679 г. удалось захватить одного ненца из рода Корючи Хынина. На пути в Туруханск он пытался бежать, ранив ножом двух ясачных сборщиков. Воевода Савелов приказал повесить его за ноги и расстрелять.

Пример карачейских самоедов привел в «шатость» тазовский род Аседа. В 1679 г. 6 ясачных сборщиков, находившихся в Старой Мангазее, подверглись нападению со стороны самоедов «Асицкого рода». Стрельцам пришлось выдержать трехдневную осаду, и только помощь лояльных к русской власти верхотазовских самоедов спасла их от гибели. Воевода Савелов организовал карательную экспедицию. Отряд из 30 стрельцов во главе с десятником Яковом Микифоровым настиг самоедов; им было предложено «принести свои вины» и платить ясак. Ненцы отказались и вступили со служилыми людьми в бой. Победа осталась за стрельцами: 5 самоедов было убито, 3 захвачено в плен (не считая женщин и детей), остальные «врознь разбежались по тундре и за озера»[307].

Местная воеводская администрации била тревогу даже при одной угрозе антирусского заговора среди аборигенов. В 1683 г. тобольский воевода князь П. С. Прозоровский отписывал березовскому

воеводе М. И. Фанторну о вестях из Сургута. Местному воеводе Л. А. Вельяминову поступил донос от остяка Тром-Юганской волости на двух лучших людей этой же волости, Итика Мыгналова и Атыка Ленсина, в том, что в Сургуте они подговаривали приехавших березовских самоедов идти с ними «войной на Сургут город». Взятый к пытке Атык Ленсин признался, что разговоры о нападении на Сургут действительно были, и про ту «измену» знают все тромюганские, аганские и ваховские остяки, «опричь жен и детей». Приведенный к пытке Итик Мыгналов не стал отпираться и подтвердил слова Ленсина. Однако он утверждал, что остяков склоняли к восстанию самоеды, которые планировали начать военные действия осенью 1685 г.: «и город де они хотели... с конца зажигать, а с другова конца служилых и всяких чинов людей побивать»[308]. В своей среде Итик Мыгналов хвалился, что ездил к казымским самоедам для покупки оленей и собирается купить еще. В планы Мыгналова входило намерение «русских людей побивать по дорогам, хто куды поедет», после чего отъехать «в самояды». В союзники к себе Итик призывал казымских самоедов. Сын Итика, в случае поимки отца, тоже намеревался «сесть» на оленей и бежать к самоедам. Очевидно, что заговор не удался, а в Сургут из Тобольска был послан сыщик Ф. Тутолмин, для выяснения причин «измены» остяков[309].

Выше уже прозвучала (гл. III) трагичная история о том, как в 1695 г. в Старой Мангазее самоеды-юраки перебили 10 стрельцов вместе с женами и детьми (всего 25 человек). Впоследствии один из тазовских самоедов сообщил, что у юраков, убивавших женщин и детей, был мотив кровной мести: при воеводе А. В. Заболоцком (1691) служилые люди где-то у Пура «побили» их «родников»[310].

Уже в самом конце XVII в. березовский воевода Л. И. Талызин сообщал в столицу о жалобах самоедов Хачаулко Яурова и Тудолиско с братьями на притеснения, чинимые им обдорским же самоедом Одычко Немчиновым. Попытки ясачных сборщиков в Обдорске помирить самоедов успеха не имели, и конфликт принял масштабный характер. Зимой 1696/97 г., когда Хачаулко шел с ясаком в Обдорск (с ним было 100 человек), Одычко во главе своих четырехсот сторонников напал на противника. Потери пострадавшей стороны были серьезные: много раненых из лука, уведенные в плен семьи и 4 тыс. «оленей больших», угнанных нападавшими. Жалуясь на Одычко, ограбленные самоеды попытались как можно сильнее дискредитировать своего врага перед русской властью. Они доложили, что в прошлых годах «он же, Одычко с товарыщи, в Пустозерском уезде у руских людей пограбили и животы их и запасы отняли, и от того де руских людей померло пятьсот человек». По словам Хачаул-

ки, они же ранее «ездили разбоем» в Мангазейский уезд «побивать» русских и ясачных людей, а в 1696 г. посылал Одычко 70 самоедов на Мезень — отгонять оленей у местных русских жителей. Перечень деяний, в которых участвовал Одычко Немчинов, Талызин завершил собственным рассуждением: «А естли де им наказанья не будет, и они де, Одычко с товарыщи, всю самоядь разорят до конца». Из Москвы указали еще раз применить дипломатические меры, а если они окажутся безрезультатными — то выбрать искусного в ратном деле сына боярского и «смирять» самоедов войной[311]. Одычко Немчинов являлся, скорее всего, сыном Немчинки Пидирисова и, таким образом, троюродным братом Маулки Посева и Корючи Хынина. По крайней мере, размах его действий свидетельствует в пользу этого родства.

В первой трети XVIII столетия борьба сибирских ненцев за право вести привычный кочевой образ жизни, подразумевающий минимум контактов с русскими властями и сохранение традиционных верований, приобрела антихристианскую окраску. Массовая христианизация северных остяков вызвала резкое неприятие пустозерских и сибирских самоедов; с ними солидировались и обдорские ханты. В литературе хорошо известны набеги ненцев на остяцкие северные волости, чьи князья приняли крещение (1716, 1718, 1722 гг.)[312]. Выше уже говорилось о существовании в XVII в. в низовьях реки Надым одноименного городка, чье население я считаю остяцким. Согласно путевым заметкам Г. Ф. Миллера, в городке проживало около 40 семей остяков, которые «из-за угрозы нападений самоедов... укрепили пункт острогом из палисада». Миллеру сообщили, что в 1730 г. большинство остяков Надымского городка умерло от голода, а оставшиеся 10 человек перебрались в Обдорск[313]. Иные сведения о причинах запустения городка привел лейтенант флота Д. Л. Овцын (командовал Обским отрядом Великой Северной экспедиции), который, описывая свое первое плавание вдоль южного побережья Обской губы (июнь 1734 г.), рапортовал: «И прошед прежний городок Надым, который разорен от самоеди» и т. д. Если принять за дату гибели Надымского городка 1730 г. (остяки могли умирать от голода вследствие осады со стороны самоедов), то это свидетельствует об очередном всплеске агрессивности сибирских ненцев. Известно, что в конце этого же года карачейские самоеды совершили большой набег на Пустозерский уезд, который вылился в настоящие сражения с солдатами гарнизона и жителями уезда[314]. Г. Ф. Миллер, который был и первым этнографом сибирских народов, отметил: «А чукчей... вследствие этого их врожденного упрямства до сих пор еще ни разу не смогли привести в повиновение

русским. То же следует сказать и об упрямых юракских самоедах в Мангазейском уезде, которые еще и до сего дня остаются независимыми»[315].

В научной литературе не встречается сведений о том, с какого времени сибирские ненцы, стрелки из лука «скоры и горазды», стали использовать огнестрельное оружие. Д. Л. Овцын отметил, что самоеды с враждебностью относились к пребыванию экспедиционного отряда на Обском Севере, а русское судно рассматривали как средство их поимки[316]. В свое второе плавание Овцын у устья Оби (август 1735 г.) встретил ненцев рода Езингей. Лейтенант воспользовался случаем и «навязал» самоедам команду в 10 человек во главе с прапорщиком Переводчиковым. Прапорщик был определен от Сибирской губернской канцелярии для установки маяков по западному побережью Ямала. Ненцы должны были перевезти через Обь команду Переводчикова и выданный ему провиант. К Мачту Тудулину, на которого возлагалась обязанность сопровождать команду, собрался его род, 150 человек с луками. Вследствие неожиданного нападения, весь отряд Переводчикова оказался пленен самоедами; служилых людей, вывернув им руки и ноги, крепко привязали к кольям. Ненцы отвертели у ружей замки и бросили их в воду. Самоеды переправились на левую сторону Оби, захватив с собой двух казаков. Их отпустили, чтобы они смогли переплыть реку обратно и развязать своих товарищей[317].

Летом того же 1735 г. Овцын отправил в сухопутный поход геодезии ученика Федора Прянишникова (его сопровождали 12 березовских казаков). Маршрут Прянишникова проходил от Семиозерного магазина (побережье Обской губы) через Старую Мангазею в Туруханск, а в задачи геодезиста входил сбор сведений гидрографического, зоологического, ботанического, этнографического характера с составлением карты. В Старую Мангазею, которая именовалась уже Тазовским зимовьем, отряд прибыл в конце сентября 1735 г. Зимовье оказалось пустым, однако 5 октября в него прибыли ясачные сборщики из Туруханска во главе с Н. Рябовым. Прянишников потребовал от Рябова обеспечить отряд проводниками-самоедами и оленями. Тазовские самоеды рода Асида заявили, что у них всего 15 оленей и дали совет обратиться к самоедам-юракам, кочевавшим в низовьях Таза. Посланные к юракам служилые люди привезли самоеда «Енея прозванием Комара роду Оды с сыном Мяпоем». Еней, однако, стал утверждать, что дороги на Енисей не знает и указал на асидского самоеда Еркоша. Пользуясь случаем, Рябов заставил Енея уплатить ясак. В конечном итоге отряд Прянишкова вышел из зимовья 28 октября в сопровождении трех самоедов — Еркоша, сына Енея и холопа того же Енея.

К 3 ноября отряд прошел около 60 верст и остановился на очередную ночевку. Во время сильной метели, ночью, появились сообщники неверных проводников — сам Еней с детьми и холопами. Экспедиция была ограблена почти дочиста. Самоеды увели сани с провиантом, 11 фузеями (часовой с ружьем был связан в первую очередь), порохом, свинцом и геодезическими инструментами. Отряд побрел обратно в Тазовское зимовье, благо, что сохранилось небольшое количество сухарей. Рябов уже знал об ограблении команды, как и о том, что в нападении участвовали юрацкие самоеды других родов. Прянишникову пришлось писать в Туруханск о присылке подвод и провианта. В феврале 1736 г. его команда все-таки добралась до Туруханска. Но еще в январе у коварного проводника Еркоша были найдены десять фузей, три из которых оказались испорчены[318]. Даже два этих примера завладения самоедами огнестрельным оружием показывают, что ненцы и к середине XVIII в. не умели им пользоваться. Они предпочитали его портить, аналогично сжиганию кочей в предыдущем столетии.

В последней истории стоит обратить внимание на Енея «прозванием Комара роду Оды». «Комар» — по-ненецки *ненянг*. Выше уже высказывалось предположение о принадлежности Енея к линии Одычки Немчинова, чей отец, Немчинко Пидирисов, являлся двоюродным братом известного нам Пося Хулеева. По мнению Н. А. Миненко, к середине XVIII в. «внутри Карачейского рода «созрел», но еще не стал самостоятельным род Ненянг»[319]. Таким образом, Енея можно рассматривать как вождя-родоначальника рода Ненянг, принадлежащего к лидирующему клану вождей карачейских самоедов XVII в. Генеалогические построения дополняются следующим фактом: «В 40-х годах XVIII в. выступил против русских властей ненец Тыжда Енисеев — старшина Карачейского рода, который «взбунтовал» около 200 своих сородичей»[320]. Зная трудности для русских писцов в фиксировании аборигенных имен, можно допустить, что отец Тыжды Енисей и Еней — одно и то же лицо.

Таким образом, полуоседлые и дисперсно расселенные северные ханты быстрее примирились с русской властью и последствиями колонизации. Это хорошо заметно на примере их почти безболезненной, хотя и поверхностной христианизации в XVIII в.

* * *

Рассмотренный материал данной главы позволяет сделать несколько основных выводов. В «дорусский» период угорские «княжества» автохтонного населения Западной Сибири представляли

собой социополитические образования, которые можно отнести к вождествам — особой стадии в развитии первобытно-общинного общества. Русская колонизация не могла прервать процессы государствообразования у обских (уральских) угров, поскольку явных признаков эволюции «княжеств» в государства не наблюдалось, а вождества далеко не всегда ведут к становлению государства.

Ранее исследователи, обращаясь к ясачной политике правительства, почти не обращали внимание на другие повинности аборигенного населения в пользу государства. Приведенный в главе фактический материал свидетельствует, что подводная повинность (обязанность хантов, в основном Средней Оби, сопровождать русские суда в качестве тягловой силы) была для ясачного населения не менее тяжелой, чем сама сдача ясака. Жалобы аборигенов на ее тяжесть поступали правительству и воеводским властям в течение всего XVII в.

Если в первой трети XVII в. русские власти еще разрешали поездки измельчавших угорских «князцов» Западной Сибири в Москву (с челобитьями о своих «нужах»), то в дальнейшем эта практика была запрещена. Иключение в конце века делалось лишь для северных хантов Нижней Оби (в первую очередь, для обдорского князя), которые соседствовали с воинственными тундровыми самоедами и чьи жалобы на последних оценивались в Москве как «большие дела».

Автор исследования берет на себя смелость утверждать, что им рассмотрены все сколько-нибудь заметные факты реальных восстаний или попыток таковых манси, хантов и ненцев Северо-Западной Сибири против русской власти в указанный период. В основном они относятся к первым 2–3 десятилетиям колонизации. Полуоседлые и дисперсно расселенные северные ханты быстрее примирились с русской властью и последствиями колонизации (это хорошо заметно на примере их почти безболезненной, хотя и поверхностной христианизации в XVIII в.).

На первые попытки «огосударствления», проводимые русской администрацией в XVII в., сибирские тундровые самоеды ответили всплеском военной активности. Взаимная адаптация русской власти и северного кочевого мира замерла на точке хрупкого равновесия. С конца XVI в. присутствия Русского государства в Северо-Западной Сибири оказалось достаточным, чтобы северные самодийцы почувствовали серьезную угрозу своей свободе и традиционному образу жизни. Но его, этого присутствия, в XVII в. оказалось явно мало, чтобы существенным образом нарушить систему этнических связей (мирных и военных), которая складывалась у народов Нижнего Приобья в дорусский период. Как это часто бывало в истории, внешняя

угроза способствовала консолидации отдельных и соперничающих родов притесняемой стороны. Выделение рода-«предводителя» на этом фоне почти неизбежно. Таким политическим вождем у тундровых самоедов стал род Большие Карачеи. Совершая стремительные походы и налеты на своих разноэтничных соседей, юрацкие самоеды фактически реализовывали несколько целей одновременно: сопротивлялись ясачному режиму и русскому культурному влиянию; приобретали русские вещи и хлеб, к которым они стали уже привыкать; утверждали свое превосходство в североугорском и самодийском мире; расширяли территории оленьих пастбищ.

А. В. Головнёв пришел к выводу, что культура крупностадного оленеводства у тундровых самоедов, которая обусловила их хозяйственную независимость и военную мобильность, стремительно складывалась именно в XVII в. В поисках доминирующей причины «оленеводческой революции» у ненцев исследователь, видимо, прав: решительная трансформация экономической базы ненецкого общества и наступление русской колонизации на территории Северо-Западной Сибири вряд ли являлись только совпадениями во времени[321]. Таково было одно из неожиданных последствий первоначальной колонизации Западной Сибири.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М., 1960. С. 76. В 1695 г. были зафиксированы следующие роды обдорских самоедов: Карачеи, Яры, Сигуней, Адеры, Анну-Карачей, Сабе и Яптики, Югучейский (Ючи, Еуши), Вынги, Айваседа, Парабы, Сопли и Япти, Пяки, Обдорский, Лодокуйский, Ванюты, Луца-Ванюта, Соль-Ванюта, Пучей.

2 *Бахрушин С. В.* Самоеды в XVII в. // *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. III. Ч. 2. М., 1955. С. 7.

3 *Головнёв А. В.* Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004. С. 56.

4 *Бахрушин С. В.* Самоеды в XVII в. С. 8–9.

5 Например, ранней осенью 1643 г. некто Сензехом из рода Айваседа ловил рыбу недалеко от Мангазеи, после чего «поехал на оленях с реки Таз к своему роду к самояди ж и наехал де он самоядина своего ж роду имянем Кырпу...» — РГАДА. Ф. 214. Стб. 134. Л. 435.

6 *Головнёв А. В.* Кочевники тундры... С. 55.

7 *Крупник И. И.* Люди в чумах, цифры на бумаге. Русские источники к демографической истории Ямала, 1695–1992 гг. // Древности Ямала. Вып. 1. Екатеринбург–Салехард, 2000. С. 141.

8 *Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1975. С. 135.

[9] Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сб. док. Составители, авторы предисловия и примечаний Е. В. Вершинин, Г. П. Визгалов. Екатеринбург, 2004. С. 23.

[10] *Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. С. 135; *Вершинин Е. В.* Обдорские самоеды и экспедиция лейтенанта Д. Л. Овцына // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 декабря 2001 г., Тобольск). Тобольск–Омск, 2001. С. 97.

[11] «Юрацкая самоядь» довольно часто фигурирует в русских источниках XVII в., причем с определениями «неясачная», «немирная», «кровавая». Судя по этим документам, юраки делились на большие роды и выделившиеся из них более мелкие. К юрацким самоедам относился и доминирующий род Большие Карачеи. Источники локализуют кочевых юрацких самоедов между правобережьем Оби и Тазом. Вопрос «кто такие юраки?», в связи с сообщениями русских источников, интересовал меня давно, но, согласно историографической традиции, в качестве синонима для «юраков» я использовал современный этноним «ненцы». Между тем, немецкоязычные черновые материалы Г. Ф. Миллера, вводимые в научный оборот А. Х. Элертом, содержат интересный ответ на данный вопрос. Если современная наука разделяет северные самодийские народы на ненцев, энцев, нганасан, то четвертым народом самоедов были, по мнению Г. Ф. Миллера, юраки. Ученый отметил, что язык юраков весьма отличен от других самодийских языков, что «юрак» — это самоназвание народа, а сами юраки отграничивали себя от соседних самоедов (*Элерт А. Х.* К истории изучения «самоедов» Северо-Западной Сибири в XVIII в. // Гуманитарные науки в Сибири. 2014. № 4. С. 16). Тогда становится понятным и цитированное выражение «юраки Тыютова рода Юхи».

[12] *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. С. 71; СПб. АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 21. Л. 246 об.

[13] РГАДА. Ф. 214. Стб. 88. Л. 369.

[14] *Шренк А. И.* Путешествие к северо-востоку Европейской России. М., 2009. С. 416.

[15] РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 1089.

[16] РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 2338. Л. 6.

[17] Там же. Л. 9–10.

[18] *Головнёв А. В.* Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. С. 53.

[19] Ямал: грань веков и тысячелетий. Салехард — СПб., 2000. С. 101.

[20] *Фёдорова Н. В.* Олень, собака, кулайский феномен и легенда о сихиртя // Древности Ямала. Вып. 1. С. 65–66.

[21] *Головнёв А. В.* Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. С. 24.

[22] Повесть временных лет // Повести Древней Руси. XI–XII века. Л., 1983. Л. 28–29.

[23] РГАДА. Ф. 214. Стб. 656. Л. 398–402.

[24] Там же. Стб. 425. Л. 110–114.

[25] Там же. Стб. 1056. Ч. 1. Л. 15.

26 *Васильев В. И.* Социальная организация азиатских ненцев, энцев и нганасан // Общественный строй у народов Северной Сибири. XVII — начало XX в. М., 1970. С. 188.

27 СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 238 об.—242.

28 *Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. С. 135; *Вершинин Е. В.* Обдорские самоеды и экспедиция лейтенанта Д. Л. Овцына. С. 98.

29 *Головнёв А. В.* Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. С. 60–62.

30 *Вершинин Е. В.* Русская власть и сибирские самоеды в XVI–XVII вв. // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 2. Вып. 2: История / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2003. С. 18; ДАИ. СПб., 1855. Т. 5. С. 377–378.

31 *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири... С. 76.

32 *Хомич Л. В.* Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л., 1976. С. 96–97.

33 *Перевалова Е. В.* Беглецы: к истории родов лесных ненцев // Самодийцы. Материалы IV Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 декабря 2001 г., Тобольск). Тобольск–Омск, 2001. С. 143.

34 Книга Большому чертежу. М.— Л., 1950. С. 168.

35 *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей. Иркутск, 1932. Т. 1. С. 125.

36 *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири... С. 68.

37 Обдорский край и Мангазея в XVII веке. С. 27.

38 *Перевалова Е. В.* Беглецы: к истории родов лесных ненцев. С. 143.

39 *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. С. 7–72.

40 *Вершинин Е. В.* Русская власть и сибирские самоеды... С. 8.

41 РГАДА. Ф. 214. Стб. 656. Л. 398–402.

42 Обдорский край и Мангазея в XVII веке. С. 28.

43 *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов... С. 71.

44 Там же. С. 76–77.

45 РГАДА. Ф. 214. Стб. 143. Л. 291–293; Стб. 134. Л. 435.

46 *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири... С. 129–130.

47 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М., 1999. Т. I. С. 302.

48 *Вербов Г. Д.* О древней Мангазее и расселении некоторых самоедских племен до XVII в. // Известия Всесоюзного географического общества. Т. LXXV. Вып. 5. М.; Л. 1943. С. 20–21.

49 *Васильев В. И.* Социальная организация азиатских ненцев, энцев и нганасан. С. 181.

50 *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири... С. 71, 138–139.

51 СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 21. Л. 13 об., 15 об.

52 Обдорский край и Мангазея в XVII веке. С. 33–34.

53 РГАДА. Ф. 214. Стб. 731. Л. 167.

54 Там же. Стб. 220. Л. 55.

55 Там же. Стб. 75. Л. 594–595.

[56] РГАДА. Ф. 214. Стб. 303. Л. 36.

[57] *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири... С. 143.

[58] Там же. С. 122, 124–128; *Белов М. И.* Открытие и первоначальное освоение русскими Таймырского полуострова // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. М.; Л., 1951. С. 44–52; Народы Западной Сибири: Ханты. Манси. Селькупы. Ненцы. Энцы. Нганасаны. Кеты. М., 2005. С. 545–556.

[59] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. С. 41.

[60] Народы Западной Сибири. С. 304.

[61] Там же. С. 312–315; О разделении селькупов на диалектно-территориальные группы см.: *Пелих Г. И.* Селькупы XVII века. Новосибирск, 1981; *Головнёв А. В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 73–76.

[62] Народы Западной Сибири. С. 214–215.

[63] *Федорова Е. Г.* Обские угры: вехи этнической истории // Народы Сибири в составе Государства Российского (очерки этнической истории). СПб., 1999. С. 60–64.

[64] *Бахрушин С. В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. // *Бахрушин С. В.* Научные труды. М., 1955. Т. III. Ч. 2. С. 87.

[65] *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. С. 28–33.

[66] Народы Западной Сибири. С. 59.

[67] *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири... С. 68.

[68] Там же. С. 64–65.

[69] Там же С. 80.

[70] Как показывают историко-этнографические исследования, в XV–XVI вв. предки манси и югра (вероятный участник этногенеза обских угров) были расселены и к западу от Уральских гор. Поэтому для данного времени более корректно использовать понятие «уральские угры» (без категоричного деления только на манси и хантов), а не «обские». См.: *Головнёв А. В.* Угры в этногенезе Евразии // Обские угры. Материалы II-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири» (12–16 декабря 1999, г. Тобольск). Тобольск–Омск, 1999. С. 24.

[71] Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Родники Пармы. Сыктывкар, 1989. С. 26; ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. Л., 1982. С. 89, 91.

[72] Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись. С. 26–27.

[73] ПСРЛ. Т. 37. Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. С. 95; ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. М.; Л., 1959. С. 276–277; История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до конца XX века: Хрестоматия / Под ред. Д. А. Редина, А. Т. Шашкова. Екатеринбург, 1999. С. 38.

[74] *Бахрушин С. В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. С. 152; Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995. С. 80–81; *Шашков А. Т.* К богатствам «стран полунощных» // Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 82–84.

75 История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до конца XX века: Хрестоматия. С. 39; *Шашков А. Т.* К богатствам «стран полунощных». С. 84; Березово. Очерки истории с древности до наших дней. Екатеринбург, 2008. С. 45–46.

76 *Бахрушин С. В.* Остяцкие и вогульские княжества... С. 152.

77 *Шашков А. Т.* К богатствам «стран полунощных». С. 84.

78 История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 148.

79 Очерки истории Коды. С. 79.

80 Там же. С. 81., 82.

81 М. Ходарковский пришел к аналогичным наблюдениям: «С самого начала отношений с народами и племенами Сибири и Степи московские власти объявляли их своими подданными и настаивали на том, чтобы местные вожди и князцы «давали шерть», то есть принимали присягу на верность московскому великому государю. С точки зрения Москвы, о каком бы то ни было равенстве между сакральным монархом и безгосударственными, не имевшими суверенитета народами речи быть не могло». — *Ходарковский М.* В чем Россия «опережала» Европу, или Россия как колониальная империя // Там, внутри: Практики внутренней колонизации в культурной истории России. М., 2012. С. 107.

82 *Алексеев Ю. Г.* Государь всея Руси. Новосибирск, 1991. С. 142–143. Делегирование дипломатических полномочий от верховной власти к наместникам «порубежных» территорий при сношениях с народами, которые невысоко котировались московской дипломатией, практиковалось и в дальнейшем (в XVII в. в Сибири дипломатические функции имели тобольские разрядные воеводы).

83 Известия летописей и разрядных книг, где говорится о походе 1499–1500 гг., содержатся в: *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. С. 198–200; Очерки истории Коды. С. 82–84. Князь Петр Федорович Ушатый не зря был назначен воеводой в данном походе. В 1496 г. он вместе с кн. Иваном Лятуном возглавлял морской поход вокруг Кольского полуострова русского войска, которое вторглось в северную часть Финляндии (принадлежавшую Швеции). Интересно, что через 3 года в походе за Урал под командованием Петра Ушатого оказались те же ратники — двиняне, важане, пинежане (*Алексеев Ю. Г.* Государь всея Руси. С. 186).

84 Очерки истории Коды. С. 82.

85 ПСРЛ. Т. 26. Вологодско-Пермская летопись. С. 291.

86 *Алексеев Ю. Г.* Государь всея Руси. С. 159–160; *Борисов Н. С.* Иван III. М., 2000. С. 297–298, 380.

87 Обдорский край и Мангазея в XVII веке. С. 11.

88 Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись. С. 28.

89 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. Приложения. С. 324–325 (№ 1).

90 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. С. 471–472; *Шашков А. Т.* К богатствам «стран полунощных». С. 95. С. В. Бахрушин вообще уклонился от комментирования этой грамоты. Я склонен увидеть в слове «Сорскорда» его вторую составную часть — хантыйское «–kurt,— gort» (поселение), от которого позднее произошло русское обозначение остяцких поселений — юрты. Первая часть слова остается загадкой.

[91] *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1986. С. 90–91.

[92] ПСРЛ. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. М., 1987. С. 56.

[93] Там же. С. 380, 60, 134.

[94] *Скрынников Р. Г.* Сибирская экспедиция Ермака. С. 226–227.

[95] Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Книга вторая. М., 1989. С. 579–580.

[96] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. Приложения. С. 337–338 (№ 9).

[97] *Бахрушин С. В.* Остяцкие и вогульские княжества... С. 103–104, 112.

[98] Там же. С. 151.

[99] *Степанов Н. Н.* К вопросу об остяко-вогульском феодализме // СЭ. 1936. № 3. С. 19–34.

[100] Там же. С. 27.

[101] О зигзагах государственной политики в отношении народов Севера в первой половине 1930-х гг. и о месте этнографии в этом неясном процессе см.: *Слёзкин Ю.* Арктические зеркала. Россия и малые народы Севера. М., 2008. С. 255–304.

[102] *Слёзкин Ю.* Арктические зеркала... С. 293.

[103] *Зыков А. П., Кокшаров С. Ф.* Таежная цивилизация (раздел «Приобские княжества XI–XVI веков») // Очерки истории Югры. С. 29–39. См. также учебник: История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. Екатеринбург, 2000. С. 84–93 (раздел «Образование угорских княжеств»).

[104] *Карнейро Р. Л.* Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги. Волгоград, 2006. С. 55–69; *Крадин Н. Н.* Археологические признаки цивилизации // Там же. С. 184–198.

[105] Народы Западной Сибири. С. 133, 260.

[106] *Гемуев И. Н., Сагалаев А. М., Соловьев А. И.* Легенды и были таежного края. Новосибирск, 1989.

[107] *Крадин Н. Н.* Империя Хунну. М., 2001. С. 241–246.

[108] *Мартынова Е. П.* Обские угры к середине II тыс. н.э. (к вопросу о социально-политической организации в «дорусский период») // Обские угры. Материалы II-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири (12–16 декабря, 1999 г., Тобольск). Тобольск–Омск, 1999. С. 149–152.

[109] Там же. С. 150.

[110] *Крадин Н. Н.* Империя Хунну. С. 236.

[111] *Гемуев И. Н., Сагалаев А. М., Соловьев А. И.* Легенды и были таежного края. С 114–115.

[112] *Зыков А. П.* Барсова гора. Очерки археологии Сургутского Приобья (Средневековье и Новое время). Екатеринбург, 2012. С. 105.

[113] *Зыков А. П., Кокшаров С. Ф.* Древний Эмдер. Екатеринбург, 2001.

[114] *Семенов О. В.* Великопермская уставная наместничья грамота 1553 г. // Проблемы истории России. Вып. 7: Источник и его интерпретации. Екатеринбург, 2008. С. 307.

115 Очерки истории Коды. С. 81, 84.

116 Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера / Пер. и подготовка текста, предисл., коммент. А. Х. Элерта. Екатеринбург, 2006. С. 82.

117 Там же. 176.

118 *Головнёв А. В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 114.

119 Акты времени правления царя Василия Шуйского / Собирал и редактировал А. М. Гневушев. М., 1914. С. 73 (№ 62).

120 Очерки истории Коды. С. 117–118.

121 *Преображенский А. А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972. С. 49.

122 *Шашков А. Т.* Взятие Сибири // Очерки истории Югры. С. 119–121.

123 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. Приложения. С. 364–366 (№ 23, 24).

124 Северо-Западная Сибирь в экспедиционных трудах и материалах Г. Ф. Миллера. С. 171–175.

125 *Бахрушин С. В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. С. 115–133; Очерки истории Коды. С. 95–116.

126 *Вершинин Е. В., Шашков А. Т.* Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI — первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 14–15.

127 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. М., 2000. Т. II. Приложения. С. 181–182 (№ 10).

128 Очерки истории Коды. С. 118.

129 СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 128 об.

130 Там же. Л. 122 об.

131 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 203 (№ 30).

132 Там же. С. 181 (№ 9); СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 133.

133 СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 132.

134 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. Приложения. С. 407 (№ 59).

135 РГАДА. Ф. 214. Стб. 27. Л. 269–275.

136 Там же. Стб. 55. Л. 263–274.

137 Там же. Стб. 146. Л. 340–341.

138 *Манькова И. Л.* Таможенная служба на Обдорской и Собской заставах в первой половине XVII века // Русское освоение Ямала до начала XX века. Салехард–Екатеринбург, 2005. С. 111.

139 ПСРЛ. Т. 36. Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи. С. 154. До этого князь Дмитрий больше года находился в Тобольске, где расследовались его предосудительные с точки зрения православия поступки. Московские власти воспользовались этим сыском для лишения Дмитрия статуса правителя Коды. О пребывании Дмитрия в Тобольске см. подробно: *Перевалова Е. В.* Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004. С. 47–49.

140 *Бахрушин С. В.* Остяцкие и вогульские княжества... С. 117.

141 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. Приложения. С. 378 (№ 34).

142 СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 137.

[143] Например: «Таким образом, естественный процесс формирования государственных структур и консолидации хантыйского общества был прерван в середине XVII в. в результате колонизации края русскми» — *Главацкая Е. М.* Религиозные традиции хантов XVII–XX вв. Екатеринбург–Салехард, 2005. С. 69.

[144] *Бахрушин С. В.* Остяцкие и вогульские княжества... С. 119.

[145] РГАДА. Ф. 214. Стб. 203. Л. 45.

[146] Там же. Л. 61–62.

[147] Там же. Л. 49, 6–9.

[148] Там же. Стб. 123. Л. 294–296, 299.

[149] *Пелих Г. И.* Селькупы XVII века (очерки социально-экономической истории). С. 160–171.

[150] Там же. С. 174.

[151] *Бахрушин С. В.* Ясак в Сибири в XVII в. // *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. III. Ч. 2. М., 1955. С. 49.

[152] Под стягом России: Сборник архивных документов. М. 1992. С. 7.

[153] В 1695 г. в 17 волостях Сургутского уезда насчитывалось 759 ясачных людей (РГАДА. Ф. 214. Стб. 1299. Л. 32).

[154] *Бахрушин С. В.* Ясак в Сибири... С. 58.

[155] *Главацкая Е. М.* Религиозные традиции хантов XVII–XX вв. С. 75–80. Ясачная политика для Северо-Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в. подробно рассмотрена Н. А. Миненко (Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. С. 230–263).

[156] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. Приложения. С. 337–338 (№ 9); СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 145.

[157] СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 146–147.

[158] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. Приложения. С. 364–366 (№ 23, 24).

[159] Мне не совсем ясно, идентичны ли в данном тексте «поклонные» и «поминочные» меха; первые определялись в 250 соболей, вторые вообще не упоминаются. Я склонен считать, что поминочные соболи в начале XVII в. могли называться и поклонными, насмотря на их разделение С. В. Бахрушиным.

[160] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 240–241 (№ 73), 250–251 (№ 86).

[161] СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 150–150 об.

[162] *Бахрушин С. В.* Ясак в Сибири в XVII в. С. 58.

[163] СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 153 об.

[164] СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 133 об.—134.

[165] Там же. Л. 142–143 об., 145–146.

[166] *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. Приложения. С. 421–422 (№ 73); Акты времени правления царя Василия Шуйского. Дополнения и приложения. С. 370–374 (№ 115–117). Интересно отметить, что в документах нарымские и парабельский князьки отнесены к Пегой орде. Не указывает ли это на территорию собственно Пегой орды, о чем к 1610 г. еще сохранялась память? Нарымские и Парабальская волости вошли в состав Нарымского уезда только с 1611 г., когда в Нарым прибыл первый воевода из Москвы М. Т. Хлопов.

167 РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 143. Л. 602 об.

168 *Бахрушин С. В.* Ясак в Сибири в XVII в. С. 59.

169 РГАДА. Ф. 214. Стб. 8. Л. 4–5.

170 *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. С. 65; *Бахрушин С. В.* Ясак в Сибири в XVII в. С. 58.

171 РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 143. Л. 589 об.

172 Там же. Л. 530–619.

173 Там же. Л. 615.

174 *Бахрушин С. В.* Ясак в Сибири в XVII в. С. 61.

175 РГАДА. Ф. 214. Стб. 60. Л. 385–388.

176 РИБ. Т. 2. Стб. 1089.

177 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 235 (№ 69).

178 *Бахрушин С. В.* Ясак в Сибири в XVII в. С. 59.

179 *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири... С. 68.

180 РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 143. Л. 604–607 об.

181 Там же. Стб. 123. Л. 235–243.

182 Там же. Стб. 139. Л. 377–378.

183 Там же. Стб. 115. Л. 195.

184 Там же. Стб. 501. Л. 66–75.

185 Там же. Стб. 503. Ч. 1. Л. 31.

186 Там же. Стб 139. Л. 377–383.

187 Там же. Кн. 1. Л. 113–115.

188 *Бахрушин С. В.* Ясак в Сибири... С. 62; РГАДА. Ф. 214. Стб. 220. Л. 54.

189 *Бахрушин С. В.* Ясак в Сибири... С. 64–65.

190 РИБ. Т. 2. Стб. 849–850.

191 РГАДА. Ф. 214. Стб. 88. Л. 283.

192 *Павлов П. Н.* Об участии и роли различных категорий населения в сибирском пушном промысле в 40–70-е годы XVII в. // Сибирь периода феодализма. Вып. 2: Экономика, управление и культура Сибири XVI–XIX вв. Новосибирск, 1965. С. 21; *Бахрушин С. В.* Мангазейская мирская община в XVII в. // *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. III. Ч. 1. М., 1955. С. 300.

193 РГАДА. Ф. 214. Стб. 408. Л. 444–446.

194 *Бахрушин С. В.* Ясак в Сибири... С. 82–83.

195 Первое столетие сибирских городов. XVII век. Новосибирск, 1996. С. 158.

196 РГАДА. Ф. 214. Стб. 457. Л. 529, 537–544, 603–614; Стб. 408. Л. 271–273, 283–288, 390–392, 452, 486–488; СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 177–178.

197 *Вершинин Е. В.* Сыск 1653 г. о пустозерском воеводе Лошакове // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI — начала XX веков. Материалы четвертой региональной научной конференции. Новосибирск, 1999. С. 153–157.

198 РГАДА. Ф. 214. Стб. 762. Л. 24.

199 Обдорский край и Мангазея в XVII веке. С. 19.

200 РГАДА. Ф. 214. Стб. 60. Л. 547.

201 *Бахрушин С. В.* Ясак в Сибири... С. 76.

202 РГАДА. Ф. 214. Кн. 610. Л. 65 об.

203 Там же. Стб. 408. Л. 465–466.

204 *Бахрушин С. В.* Ясак в Сибири... С. 73.

205 Обдорский край и Мангазея в XVII веке. С. 49–50.

206 РГАДА. Ф. 214. Стб. 303. Л. 36.

207 *Буцинский П. Н.* Сочинения в двух томах: Т. 2. Мангазея. Сургут, Нарым и Кетск. Тюмень, 1999. С. 90. По данным Б. О. Долгих, в 1625 г. в Сургутском уезде был 851 ясакоплательщик — *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. С. 80.

208 Первое столетие сибирских городов. XVII век. С. 157.

209 РГАДА. Ф. 214. Стб. 134. Л. 385–385 а.

210 Там же. Стб. 8. Л. 32–35.

211 Там же. Стб. 501. Л. 86, 84–85.

212 РИБ. Т. 2. Стб. 148.

213 СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 133 об.

214 Там же. Л. 142–143 об.

215 Акты времени правления царя Василия Шуйского. Дополнения и приложения. С. 371 (№ 116).

216 РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 260.

217 Там же. Стб. 8. Л. 25.

218 Там же. Л. 138–148.

219 Там же. Стб. 11. Л. 139–141.

220 Там же. Стб. 16. Л. 334, 244–249.

221 Сама челобитная (начало 1630-х гг.) пока не обнаружена, но о ней упоминается в царской грамоте тобольским воеводам от 1640 г. — *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 541 (№ 383).

222 *Шашков А. Т.* Самаровский ям и его жители в XVII веке // *Шашков А. Т.* Избранные труды. Екатеринбург, 2013. С. 665.

223 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 541–543 (№ 383).

224 Там же. С. 580–586 (№ 424).

225 РГАДА. Ф. 214. Стб. 263. Л. 377–378.

226 Там же. Л. 411–420.

227 Там же. Стб. 503. Ч. 1. Л. 175–176.

228 *Избрант И., Бранд А.* Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). М., 1967. С. 91, 97, 105, 107, 114. Между прочим, о ямской судовой повинности, как причине локальных миграций обских остяков в XVII в., исследователи, насколько мне известно, еще не писали.

229 *Симченко Ю. Б.* Тамги народов Сибири XVII века. М., 1965. С. 143.

230 РГАДА. Ф. 214. Стб. 146. Л. 30–41, 50–52.

231 Там же. Стб. 1299. Л. 28.

232 Там же. Л. 18–19, 22–25, 32–40, 52, 55.

233 Древний город на Оби: история Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 211–212. Вопрос о подводной повинности для ясачного населения Приобья в XVIII в. пока не изучался.

234 РГАДА. Ф. 214. Стб. 289. Л. 15–17.

235 Там же. Стб. 307. Л. 226–229.

236 РГАДА. Ф. 214. Стб. 16. Л. 244–245; *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 541 (№ 383).

237 РГАДА. Ф. 214. Кн. 1. Л. 26 об.— 27.

238 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 332–333 (№ 184).

239 РГАДА. Ф. 214. Стб. 71. Л. 41, 46–48.

240 Там же. Стб. 503. Ч. 1. Л. 206–209.

241 *Перевалова Е. В.* Северные ханты: этническая история. С. 55.

242 ДАИ. СПб., 1862. Т. 8. С. 166–168.

243 *Перевалова Е. В.* Северные ханты: этническая история. С. 55–58.

244 *Тураев В. А.* О характере купюр в публикациях документов русских землепроходцев XVII в. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII — XIX вв. (историко-археологические исследования). Владивосток, 1995. Т. 2. С. 154–169; *Зуев А. С.* От завоевания к вхождению, или как присоединяли Сибирь к России советские историки // Родина. 2000. № 5. С. 56–63; *Он же.* Русские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII вв. Новосибирск, 2002.

245 Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск, 1994. С. 183.

246 Там же.

247 *Шашков А. Т.* Взятие Сибири // Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 129–130; *Вершинин Е. В., Шашков А. Т.* Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI — первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. С. 15–16.

248 Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. М., 2002. Т. 3. С. 238 (№ 292).

249 *Бахрушин С. В.* . Остяцкие и вогульские княжества... С. 136; *Смирнов И. И.* Восстание Болотникова. 1606–1607. М., 1951. С. 559; *Шашков А. Т.* От княжества к ясачной волости // Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 149; *Перевалова Е. В.* Северные ханты: этническая история. С. 42; *Главацкая Е. М.* Религиозные традиции хантов... С. 64.

Заметим, что Г. Ф. Миллер осторожно писал, что в 1607 г. Березову только «угрожала опасность разорения со стороны березовских остяков и вогулов», на что последующие исследователи не обратили внимания.— *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. С. 38.

250 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 236–239 (№ 70), 240 (№ 72); *Акишин М. О.* Новые документы об отношении аборигенов Севера Зауралья к русским властям. XVII–XVIII в. // Уральский исторический вестник. № 1. Екатеринбург, 1994. С. 127–128.

251 *Вершинин Е. В., Шашков А. Т.* Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах... С. 24.

252 Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. Т. 3. С. 238–239 (№ 293).

253 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. Приложения. С. 407 (№ 59).

254 *Акишин М. О.* Новые документы об отношении аборигенов... С. 128.

255 РГАДА. Ф. 214. Стб. 203. Л. 47.

256 *Акишин М. О.* Новые документы об отношении аборигенов... С. 128. Тела последней партии казненных оставались на виселицах до весны

1610 г., когда по челобитью родственников их разрешили похоронить (РИБ. Т. 2. Стб. 199–200).

257 *Буцинский П. Н.* Сочинения в двух томах: Т. 1. Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Тюмень, 1999. С. 171.

258 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 240 (№ 72). Замечу, что в данном документе дважды повторяется выражение «за городовое известье». Безусловно, в миллеровской копии сделана ошибка; в подлиннике могло стоять только «городовое изделье».

259 *Шашков А. Т.* От княжества к ясачной волости. С. 149.

260 Тобольский архиерейский дом в XVII веке. С. 184.

261 *Бахрушин С. В.* Пути в Сибирь в XVI — XVII вв. // *Бахрушин С. В.* Научные труды. М., 1955. Т. III. Ч. 1. С. 81.

262 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. I. Приложения. С. 377–378 (№ 34).

263 Там же. Т. I. Приложения. С. 401–402 (№ 53); Т. 2. Приложения. С. 227 (№ 55).

264 Там же. Т. II. С. 39; *Бахрушин С. В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. С. 118; Очерки истории Коды. Екатеринбург, 1995. С. 111.

265 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 248–249 (№ 84).

266 *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири... С. 65.

267 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 244–245 (№ 80).

268 История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до конца XX века: Хрестоматия. Екатеринбург, 1999. С. 110.

269 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 261–263 (№№ 102, 103).

270 *Бахрушин С. В.* Остяцкие и вогульские княжества... Т. III. Ч. 2. С. 147.

271 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 265 (№ 107).

272 Там же. С. 263–264 (№ 104); *Бахрушин С. В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. Т. III. Ч. 2. С. 147.

273 *Буцинский П. Н.* Заселение Сибири и быт первых ее насельников. С. 290.

274 *Вершинин Е. В.* Восстание Тоньи-Кинемы в письменных и фольклорных источниках // Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири. Екатеринбург, 2002. С. 98–110.

275 *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. Приложения. С. 288–289 (№ 138).

276 Археологи предполагают, что последним убежищем Кинемы стало исследованное ныне городище Частухинский Урий на реке Большой Юган. К этой мысли приводят находки артефактов русского происхождения, в частности, большого количества монет чеканки времени правления Ивана Грозного (*Зыков А. П.* Барсова гора. Очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и Новое время. Екатеринбург, 2012. С. 118–121).

277 Обдорский край и Мангазея в XVII веке. С. 51–61.

278 Там же. С. 66.

279 РГАДА. Ф. 214. Стб. 958. Л. 6–7, 18–19.

280 Житие протопопа Аввакума. М., 1960. С. 87.

281 В этой связи вызывает удивление утверждение С. В. Соколовского о том, что уже на раннем этапе освоения Сибири местные народы обозна-

чались русской властью как «туземцы» и «инородцы» (*Соколовский С. В.* «Понятие «коренной народ» в российской науке, политике и законодательстве // Этнографическое обозрение. 1998. № 3. С. 74–82). Документация XVI–XVII вв. совершенно противоречит мнению С. В. Соколовского; общеупотребительным в это время являлся термин «иноземцы» — мирные (ясачные) и немирные.

282 РГАДА. Ф. 214. Стб. 656. Л. 398–402.

283 Там же. Стб. 178. Л. 135–145.

284 Там же. Стб. 88. Л. 369–370.

285 СПбФ АРАН. Ф. 21, Оп. 4. Д. 16. Л. 164 об.—165.

286 *Терентьев А.* Погромы ненцами ясачной казны в 1641 и 1642 гг. // Советская этнография. 1933. № 5–6. С. 71–76; *Шашков А. Т.* О сборе ясака с обдорских самоедов в XVI–XVII вв. // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI — XX веков. Материалы четвертой региональной научной конференции. Новосибирск, 1999. С. 227.

287 РГАДА. Ф. 214. Стб. 1056. Л. 9.

288 СПбФ АРАН. Ф. 21, Оп. 4. Д. 21. Л. 197–197 об. Источники XVII в. не оставляют сомнений в тождестве «юрацкой самояди» и обдорских тундровых самоедов, прежде всего — рода Больших Карачеев. Более позднюю группу юраков этнографы локализуют на правобережье Нижнего Енисея.

289 Там же. Л. 203–206.

290 РГАДА. Ф. 214. Кн. 440. Л. 76.

291 Там же. Стб. 425. Л. 110–114.

292 Там же. Стб. 134. Л. 352–352 а.

293 Там же. Л. 96–96 г.

294 Там же. Л. 175–182.

295 Там же. Л. 435–436.

296 *Перевалова Е. В.* Обдорские ханты (хаби): к вопросу о формировании группы // Сибирь в панораме тысячелетий (материалы международного симпозиума). Т. 2. Новосибирск, 1998. С. 385.

297 О. В. Кардаш, руководитель археологических исследований Надымского городища, высказал мнение, что население Надымского городка в XVII в. было разноэтничным (самодийским и угорским с доминированием самодийского элемента), и более того городок являлся зимней резиденцией вождей Больших Карачеев (*Кардаш О. В.* Надымский городок в конце XVI — первой трети XVIII вв. История и материальная культура. Екатеринбург–Нефтеюганск, 2009. С. 285, 289–291). Тем не менее перед русской администрацией Березова Надымский городок в середине XVII в. представляли «лучшие» остяки Нюптейко Надымский, Тынин Нюптеев, Небах Ленгиев, Смагин Щеголдаев. Я склоняюсь к мнению, что постоянное население Надымского городка было остяцким (*Вершинин Е. В.* Надымский городок в письменных источниках XVII–XVIII вв. // Русское освоение Ямала до начала XX века. Салехард–Екатеринбург, 2005. С. 134–149).

298 РГАДА. Ф. 214. Стб. 143. Л. 291–293.

299 Там же. Стб. 220. Л. 54–55.

300 СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 21. Л. 246–247.

301 РГАДА. Ф. 214. Стб. 503. Ч. 1. Л. 10–13.

302 Обдорский край и Мангазея в XVII веке. С. 56.

303 *Терентьев А.* Погромы ненцами ясачной казны... С. 69.

304 ДАИ. Т. 5. С. 375–378.

305 Там же. С. 376.

306 ДАИ. Т. 8. С. 166–168.

307 Там же. С. 161–165.

308 СПбФ АРАН. Ф. 21. Д. 16. Л. 220–221.

309 Там же. Д. 12. Л. 250 об.— 251 об.

310 *Бахрушин С. В.* Ясак в Сибири в XVII в. С. 77–79; РГАДА. Ф. 214. Стб. 1533. Л. 445–450, 460.

311 СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 4. Д. 16. Л. 238 об.—242.

312 *Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. С. 291–293; *Главацкая Е. М.* Христианское освоение Обдорского края // Русское население Ямала до начала XX века (документы и исследования). Екатеринбург, 2005. С. 156–159.

313 Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. Новосибирск, 1996. С. 260.

314 *Евсюгин А. Д.* Ненцы архангельских тундр. Архангельск, 1979. С. 117–118.

315 *Миллер Г. Ф.* Описание сибирских народов... М., 2009. С. 156.

316 РГАДА. Ф. 248. Д. 669. Л. 13–20.

317 РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д.7. Л. 81–86. Данный факт коррелирует с сообщением Г. Ф. Миллера относительно воинственности юракских самоедов: «Хорошо еще то у них, что они избегают убивать русского, а только связывают ему руки и ноги и отнимают у него имущество, а затем оставляют его лежать. Они иногда нападают таким образом на русские зимовья в области нижнего течения реки Енисей».— *Миллер Г. Ф.* Описание сибирских народов. С. 154.

318 РГА ВМФ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 21. Л. 386–389.

319 *Миненко Н. А.* Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. С. 135.

320 Там же. С. 294.

321 *Головнёв А. В.* Говорящие культуры... С. 103, 106; *Он же.* Кочевники тундры: ненцы и их фольклор... С. 88–89.

Заключение

В заключение хочется поместить результаты данного частного исследования в более широкий контекст размышлений об особенностях русской колонизации Сибири на фоне иных синхронных колонизационных практик.

Ни московское правительство, утверждая суверенитет России над территориями Сибири, ни служилые и промышленные люди, создавая новые водные и сухопутные транспортные коммуникации, разумеется, и представить не могли всю значимость колонизуемых земель в далекой исторической перспективе. Вовсе не оригинален вывод, что на этапе ранней колонизации Сибирь рассматривалась Москвой как территория пушных ресурсов, хотя поиски рудных месторождений в отдельных ее регионах уже начали проводиться. Самый значимый итог ранней колонизации Северо-Западной Сибири — это утверждение здесь русского постоянного населения, которое «зарезервировало» данную территорию для России еще в то время, когда о подлинных ресурсах края не было никаких представлений (вряд ли истребление соболя в XVII в. можно считать «хозяйственным освоением» края). С уходом промысловиков в Восточную Сибирь русское население Северо-Западной Сибири росло медленно. Обобщая изложенные выше приблизительные данные, можно утверждать, что русское постоянное население шести северных уездов и Самаровского яма (обоего пола, с детьми и другими родственниками) не превышало в начале XVIII в. 5500–5700 человек.

Для Московского правительства XVII в. интерес представляли прежде всего новые территории, но вместе с тем населением, которое на них проживало. Поэтому, наряду с формами колонизации, XVII век определил принципы взаимоотношений государства и коренных народов, действовавшие (разумеется, с определенными коррективами) вплоть до начала XX в. Судьба аборигенных сообществ Сибири в составе Русского государства — важнейший вопрос

в рамках изучения ранней колонизации. Сравнительное обращение к практикам колонизаций со стороны европейских стран свидетельствует в пользу сдержанного характера русской колонизации. Как бы ни были широко известны факты колонизации Нового Света, о них приходится периодически напоминать и зарубежным историкам, и отечественным ученым, усматривающим в походе Ермака начало Апокалипсиса для коренных народов Сибири.

Англо-французская колонизация Северной Америки, испанская Южной Америки и русская Сибири проходили с весьма заметными, подчас кардинальными, отличиями, что было обусловлено уровнями экономического развития государств-метрополий и массой характеристик, присущих колонизирующему этносу. В северных районах североамериканского континента пионерами взаимодействия с индейцами на этапе ранней колонизации были частные торговцы и представители торговых компаний, которые быстро втянули аборигенов в обменные отношения, основанные на мехоторговле. Фактически, за нехваткой своих средств, правительства Франции и Англии передавали дело колонизации заокеанских земель в руки специально созданных торговых компаний (во Франции в первой половине XVII в.— Канадская компания, компания Монморанси, Компания Новой Франции). Хотя исследователи полагают, что наиболее близки по природным условиям, составу колонистов и государственному строю метрополий колонизационные процессы Сибири и Французской Канады, полных аналогий здесь быть не может[1]. В Канаде представители торговых компаний, торговцы и охотники, не были заинтересованы в создании постоянных поселений и увеличении потока переселенцев из метрополии, «препятствовали попыткам заложить в Канаде более постоянную базу для существования колоний, чем мехоторговля». В конечном итоге в 1663 г. Новая Франция была объявлена королевской провинцией; ее население к этому времени составляло всего около трех тысяч человек[2]. Отличием колонизации Канады стало распространение в заокеанских землях крупного сеньориального землевладения (с позволения короны), в то время, как в Сибири, все присоединенные земли были государственными и считались «государевой вотчиной». Сходство же наблюдается в отношении французских и русских колонистов к аборигенному населению — более толерантное, ведущее к культурному взаимообмену.

В XVII–XVIII вв. многие индейские племена северо-востока современных США перешли на своего рода монокультуру — добычу бобра. Мехоторговля, как отмечает В. А. Тишков, почти в течение двух столетий играла позитивную роль в сохранении изоляции вну-

триконтинентальных индейцев. Ясачная политика в Сибири тоже была направлена в основном на сохранение традиционного уклада жизни коренных народов; курс на изоляцию автохтонных обществ имел следствием их демографический рост и сохранение уникальных культур. С другой стороны, товарно-денежные отношения (в колонизуемой Америке) разлагали традиционный уклад жизни индейцев: «Деньги, вырученные за меха, обеспечили более высокий уровень жизни и более легкую жизнь по сравнению с традиционной системой жизнеобеспечения. Аборигены теряли многие навыки и умения»[3]. Показательны слова одного из индейцев Канады, услышанные в 1634 г. французским миссионером: «Бобр делает все чрезвычайно хорошо, он делает для нас котлы, топоры, клинки, ножи, хлеб, короче говоря — все»[4]. В 1696 г. остяки Средней Оби подали челобитную, в которой просили: 1) разрешения сдавать в казну шкурки зверей без лап и хвостов, на которые они могли купить русские товары; 2) покупать свободно у русских людей всякие товары в городе и уезде, «окроме вина и табаку». Зависимость аборигенов Сибири от русских товаров имела место, но не имела для них фатального характера, особенно для кочевых ненцев с их стадами оленей.

Колонизация может порождать колониальный режим, но не обязательно. Представляется, что здесь многое зависит от характера присоединения новых территорий и первичных контактов с народами, их населявшими. Очевидны различия между русским продвижением в Сибирь и испанской колонизацией Южной Америки. Думаю, что выборочные примеры, когда они взяты из массы однопорядковых фактов, все-таки могут быть репрезентативными. Прибывший в 1523 г. в завоеванную Кортесом Новую Испанию (Мексику) монах-францисканец Мотолиниа сравнил господство испанцев над индейцами с 10 библейскими казнями. Испанцы требовали с индейцев непомерную дань; «индейцы же, набравшись страху во время войны с испанцами, отдавали все, что имели... и дабы исполнить все эти требования, они продавали своих детей и свою землю, а многие, кому не удавалось выплатить дань, погибали кто под пытками, кто от жестокого содержания в тюрьме, ибо обращались с ними как со скотом и ценили меньше, чем скотину». Далее Мотолиниа описывает принудительный труд индейцев на строительных работах и на приисках, при которых погибало множество людей[5].

Наиболее упорное сопротивление испанским конкистадорам оказали индейцы полуострова Юкатан (майя), покорение которых растянулось почти на 20 лет (1526–1544 гг.). Знаменитый Диего де Ланда выделил в своем сочинение главу под названием «Жестокости

испанцев», один перечень которых заставляет содрогнуться. Сопротивлявшихся вождей майя сжигали живыми; восставшим индейцам отрубали руки, ноги, носы, груди у женщин; сам де Ланда видел повешанных на деревьях индейских женщин, на ногах которых повесили их маленьких детей. Де Ланда зафиксировал и мотивацию поступков конкистадоров-палачей: «Испанцы оправдываются, говоря, что их было мало и они не смогли бы подчинить столько людей, если бы не внушили страх ужасными карами»[6]. Видимо, аналогичными мотивами руководствовался завоеватель Перу Франсиско Писарро, начавший свой поход с захвата правителя инков Атауальпы и устроивший в Кахамарке настоящую бойню деморализованных индейских воинов[7]. Уже в ходе завоевания Перу начал складываться колониальный режим, который во второй половине XVI в. подкорректировал и «привел в порядок» вице-король Франсиско де Толедо. Бывшие подданные империи инков тысячами раздавались конкистадорам первой волны; индейцев гнали на работы в серебряные, золотые и ртутные шахты; принудительный труд индейцев использовался в других отраслях экономики, экспортированных испанцами с родины (например, ткацкое производство); проводились масштабные переселения индейских масс (из нескольких общин создавались большие поселения — редукции, которые должны были обслуживать нужды рудников, караванных путей и возникающих по испанскому образцу городов)[8].

Важно отметить, что испанская колонизация с самого начала была облечена в теологические одежды обращения (насильственного на практике) аборигенного населения в христианство. Наиболее радикальный защитник прав индейцев и гневный обличитель злодеяний конкистадоров Бартоломео де Лас Касас потратил немало чернил на то, чтобы убедить монархов Испании ограничить права и власть конкистадоров над индейцами и проводить мягкую политику по отношению к аборигенам Нового Света, включая признание их прав на собственность. Королевская власть на протяжении десятилетий разрешала страстные филиппики Лас Касаса, потому что сама опасалась чрезмерной самостоятельности конкистадоров и их потомков в заокеанских колониях; но и обойтись без отчаянных и нищих идальго (вместе с их алчностью и жестокостью) на раннем этапе колонизации Индий испанская корона не могла. Лишь спустя 80 лет после первого плавания Колумба, в 1573 г., корона запретила употреблять слово «конкиста» в отношении покорения индейцев, заменив его словом «пацификация» (умиротворение)[9].

Ранние колонизации Южной Америки и Сибири кардинально отличались по своим целям. «Испанцы так же, как и первые пере-

селенцы из Франции и Англии, приезжали в Новый свет в надежде быстро разбогатеть, а вовсе не с намерением поселиться здесь надолго и работать. Первые европейцы в Америке в смысле выживания и добывания пищи надеялись исключительно на индейцев. По существу, именно коренные жители Нового Света построили здесь экономику и заложили основу империи с испанцами во главе... Испанское присутствие, следовательно, привело к порабощению огромного количества индейского населения Америки»[10]. Русские колонисты Сибири (крестьяне, прежде всего) переселялись за Урал навсегда и осваивали новые земельные ресурсы своим трудом.

Степень контроля за ходом колонизации со стороны коронной администрации Испании и России существенно разнилась. Из-за больших расстояний и трансконтинентального положения своих колоний Испания не могла достаточно эффективно (в соответствии с характером абсолютистской власти) управлять заморскими владениями: «К концу шестнадцатого столетия политическая и экономическая власть в Америке была в руках скорее поселенцев, чем короны»[11]. Напротив, в Сибири воеводская власть достаточно оперативно связывалась с центральным органом управления, который порой до мелочей регламентировал все стороны колонизации.

Ничего подобного, сравнимого с масштабными «подвигами» испанских конкистадоров и установлением действительно колониального режима для коренного населения, при русской колонизации Сибири не было[12]. Уже аксиоматичная причина сохранения сибирских народов в условиях колонизации видится в том, что сразу после похода Ермака дальнейшее завоевание и освоение сибирских территорий было поставлено под жесткий контроль московского правительства. Указ воеводам и командирам казачьих отрядов призывать сибирских аборигенов в русское подданство «ласкою, а не жесточью» рефреном звучит в документах XVII в., исходящих от центрального правительства. Установление ясачного (данническо-го) режима для сибирских народов не означало, с моей точки зрения, создание какой-то особой колониальной системы. Хотело того московское правительство или нет, но объективно векторы его политики по отношению к сибирским этносам оказались направлены на их изоляцию от русских колонистов и сохранения за ними земельного фонда (охотничьих территорий, водных угодий). Другое дело, что московские приказные чины обладали довольно инертным мышлением и долго не могли поверить в массовое истребление («испромышление») ценных пород пушного зверя в Западной Сибири, требуя внесение ясака согласно первоначальным окладам. Неспособность аборигенного населения платить ясак в прежних размерах,

безусловно, отрицательно сказывалась на его экономическом положении и порождала конфликтные ситуации. Однако практика сбора ясака указывает на основной принцип «колониальной» политики России в XVII в.: грозные указы из Москвы с требованием полной уплаты ясака и молчаливое согласие с реальным положением дел.

Для средневекового политического сознания, присущего правителям России в XVI–XVII вв., смысл приращения новых территорий заключался прежде всего не в приобретении «свободных земель», а в увеличении количества подданных. В экономическом плане московское правительство интересовалось почти исключительно сибирской пушниной (еще ценились моржовые клыки). Именно поэтому центральная власть, стараясь не потерять количество плательщиков ясака, проводила политику сохранения сибирских народов, настаивая на их прежнем местообитании.

Почему ранняя колонизация Сибири не сопровождалась миссионерской деятельностью и массовым крещением аборигенов? Примечательно, что православных богословов (в отличие от католических) никогда не интересовал абсурдный вопрос: можно ли считать «дикарей» новооткрытых земель, которым не нашлось места в библейской истории, людьми? Русь-Россия формировалась как полиэтничное государство, включая в свой состав различные финно-угорские и тюркские народы. Разноязыкие народы Сибири ничуть не удивили русских колонистов (среди которых было много и коми-зырян). Процесс ранней колонизации Сибири не прикрывался целью христианского просвещения «дикарей» и не сопровождался массовой насильственной христианизацией[13].

Более всего опасны для свободы аборигенов были служилые люди сибирских городов. До середины XVII в. они, следуя казачьим традициям, упорно пытались сохранить право владения ясырями (пленными), захваченными во время походов. Правительство не менее упорно боролось с этой традицией, запрещая превращать пленных из коренного населения в холопы, торговать ими и вывозить на «Русь». Служилые люди, дабы обойти запреты, насильственно обращали аборигенов-холопов в христианство, но каждый такой факт должен был проверяться воеводой.

О компромиссном, «мягком» отношении русских центральных и особенно местных властей к традиционным мировоззрениям сибирских народов пишет А. А. Люцидарская: «Те компромиссы, на которые шла управленческая воеводская система власти в Сибири, преследовали далекие от идей регулирования этнического климата в регионе цели, однако объективно именно ситуативные компромиссы сибирских властей с аборигенами обеспечивали обстановку

той толерантности, которая в дальнейшем послужила базой для сохранения традиционных культур и коренных народов в целом»[14]. С правовой точки зрения сибирские ясачные люди приравнивались к другим податным сословным группам русского общества с допущением, как и русская крестьянская община, внутреннего самоуправления. Показательно, что в XVII в. при проведении повальных «обысков» (опросов) в том или ином уезде (например, о деятельности воевод), как правило, письменно фиксировались показания ясачных людей. Ранний этап колонизации заложил основы политики «консервации» (сохранения) как традиционных способов существования народов Северо-Западной Сибири, так и территорий, ими населяемых. В исторической перспективе эта политика оказалась далеко не худшим вариантом колонизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 См., например, раздел, принадлежащий И. В. Побережникову, в коллективной монографии: История Ямала. *Том I.* Ямал традиционный. Кн. 2. Российская колонизация. Екатеринбург, 2010. С. 304–309.

2 *Тишков В. А.* Страна кленового листа: начало истории. М., 1977. С. 28, 35.

3 Он же. К оценке исторических последствий индейско-европейских контактов // Америка после Колумба: взаимодействие двух миров. М., 1992. С. 13; См. также: *Коленеко В. А.* Французская Канада в прошлом и настоящем: очерки истории Квебека XVII–XX века. М., 2006. С. 25.

4 *Акимов Ю. Г.* Северная Америка и Сибирь в конце XVI — середине XVIII в.: Очерк сравнительной истории колонизаций. СПб., 2010. С. 247.

5 *Торибио де Бенавенте (Мотолиниа).* История индейцев Новой Испании // Хроники открытия Америки. Новая Испания. Кн. I: Исторические документы. М., 2000. С. 375–378.

6 *Ланда Диего де.* Сообщение о делах в Юкатане // Священные письмена майя. С приложением «Сообщений о делах в Юкатане» брата Диего де Ланда. СПб., 2000. С. 278–280. такого же мнения придерживался, видимо, и Сам де Ланда. За время его миссионерской деятельности на полуострове Юкатан более 4000 майя было подвергнуто пыткам и около 200 убито по религиозным мотивам. Книги с письменами майя без колебаний сжигались.— *Кеймен Г.* Испания: дорога к империи. М., 2008. С. 215.

7 *Хемминг Дж.* Завоевание империи инков. М., 2003. С. 34–38.

8 Более подробно об установлении колониального режима в Перу на раннем этапе колонизации см.: История Перу с древнейших времен до конца XX века. М., 2000. С. 80–117.

9 *Григулевич И. Р.* Крест и меч: католическая церковь в Испанской Америке, XVI–XVIII вв. М., 1977. С. 19–57.

10 *Кеймен Г.* Указ. соч. С. 182.

11 Там же. 207.

[12] Приведу показательный пример равенства перед русским судом коренных жителей и колонистов. Якутия, 1651 г. Воевода И. П. Акинфов рассматривал дело по обвинению двух промышленных людей, Федора Вишеры и Луки Маркова, в убийстве ими некрещеной якутки. Выяснилось, что якутка жила в зимовье (низовья Индигирки) у брата Луки Маркова Якима. На зимовье напали юкагиры, женщине удалось бежать «и бегаючи руки и ноги познобила». Она достигла зимовья, где находились обвиняемые. Последние сознались перед воеводой, что, поскольку женщина начала «гнить» (очевидно, гангрена) и издавать неприятный запах, то Федор выволок ее из избы и столкнул по снегу с горы вниз, где она и умерла. Воевода вынес приговор: промышленные люди были биты «кнутом на козле нещадно» (РГАДА. Ф. 1177. Оп. 3. Ч. 2. Д. 970. Л. 1–7).

[13] Идея о просвещении сибирских народов христианством звучала задним числом только в летописях церковно образованных авторов. В противоположность этому можно привести слова Эрнана Кортеса перед штурмом столицы ацтеков Теночтитлана (1521 г.): «Главная задача и цель заключаются в разрушении и выкорчевывании идолопоклонничества у туземцев этих земель, чтобы принести им... спасение и чтобы они пришли к познанию Бога...» (цит. по: *Григулевич И. Р.* Указ. соч. С. 37–38).

[14] *Люцидарская А. А.* Цена компромисса (к истории взаимоотношений русского и аборигенного населения Сибири. XVII в.) // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Культура, наука, образование. 2004. № 3. С. 57.

Указатель имен*

Условные сокращения:
в. – воевода
д. – дьяк
к. – казак, казачий
кн. – князь
п. г. – письменный голова
под. – подьячий
с. б. – сын боярский
сл. ч. – служилый человек
сибир. – сибирский
там. г. – таможенный голова
у. – уезд

Аблегирим (Аплыгарым), пелымский князец 72, 77, 81, 82, 367, 383
Абрамов Афанасий, торговый человек 437, 438
Абрамов Н. А., краевед 23, 47, 156
Аввакум, протопоп, расколоучитель 432, 433, 462
Агай, князь Большой Конды 82
Агалин В., писец в Пустозерском у. 62
Агафья, остячка 383
Агеев А. Д., историк 15, 16, 44, 46
Адер, самоедский род 344, 348, 438, 439, 441, 442, 451
Азыпка, сын кондинского князя Агая 82
Айваседа (Ивасида, Айвасида), самоедский род 351, 352, 354, 395, 441, 451
Айгустов П. Е., тобольский п.г. 180
Айма, остяк 258
Айрапетян И. Ю., историк 327
Акатко, остяцкий князец 388
Акимов Ю. Г., историк 16–19, 46, 313, 339, 471
Акинфов И. П., якутский в. 472
Акишин М. О., историк 35, 156, 215, 330–333, 461
Аксеновы, старожилы Туруханска 302
Аксеньев П., якутский к. пятидесятник 141
Акуев Седукей, пустозерский самоед 345
Алач, остяцкий князь 76, 367, 375, 376, 383, 422
Алачев Григорий, князь 376, 377
Алачев Дмитрий, остяцкий князь (сын Михаила) 378–383, 457
Алачев Игичей, остяцкий князь 82–86, 303, 376, 377, 380–382, 418–420, 422, 424–427
Алачев Иван, князь 86, 376, 377, 425
Алачев Михаил, князь 376–378, 382, 414, 425, 427
Алачев Петр, князь 86, 376, 377
Алачев Петр Никифорович, князь 382
Алачева Екатерина (Катерина) Федоровна, княгиня 379
Алачевы, кодские князья 102, 312, 377, 382, 430
Албычев Исаак, пелымский с. б. 274
Алей, военачальник сибирских татар 72, 73
Александр Абакумович, новгородский сборщик дани 57
Александров В. А., историк 11, 27, 32, 36, 48, 50, 129, 133, 159, 228, 230, 242, 254, 302, 309, 310, 313, 314, 320, 326, 327, 329, 331, 332, 336–340
Александров Черкас, голова тобольских служилых татар 86, 418
Алексеев В. В., историк 45
Алексеев М. П., филолог, историк 150, 157, 216, 453
Алексеев Потап, березовский пушкарь 256
Алексеев Ю. Г., историк 455
Алексеева Е. В., историк 14, 15, 18, 45, 46

* Указатель имен составлен И. Н. Абатуровым.

Алексей Алексеевич, царевич 285
Алексей Михайлович, русский царь 229, 230, 272, 293, 297, 398, 401
Ананьев Д. А., историк 18, 329
Ананьев Федор, березовский к. 202
Анастасия, жена остяцкого князя Алача 376, 377, 422, 425
Андреев А. И., историк 79
Андреев Ивашко Емчанин, мангазейский промышленный человек 271
Андреев Савка, мангазейский стрелец 354, 441
Андреевский И. А., историк 222, 326
Анисим, стрелец 314
Аничков В., сургутский п.г. 84, 303
Анна, жена остяцкого князя Игичея Алачева 377, 424–427
Антонко, остяк 421
Антоний, митрополит Сибирский 120
Антонов Алексей, мангазейский пономарь 272, 318
Ану-Карачей (Нарицы), самоедский род 343, 344, 451
Анучин Д. Н., этнограф 23, 24, 47, 150
Апухтин С. Д., туринский в. 249
Аракчеев В. А., историк 326
Арап Иван, сургутский к. десятник 240
Арбенев Пятой, к. пятидесятник 198, 199
Аргунов Василий Савельев, березовский к. десятник 296
Аргунов Василий Лазаревич, якутский к. 296
Аргунов Евсей Лазаревич, якутский к. 296
Аргунов Иван Карпович, томский к. 296
Аргунов Иван Савельев, березовский атаман 197, 296, 442
Аргунов Иван, якутский к. голова 296
Аргунов Лазарь, якутский к. 87, 93, 295, 296
Аргунов Никита, березовский к. 296, 401
Аргунов Савва (Истома), березовский атаман 86, 87, 93, 295, 296, 298
Аргунов Федор, березовский атаман 296
Аргунов Федот Васильевич, березовский к. 296
Аргуновы, к. род в Сибири 295–297
Артемьев А. Р., историк 36, 50
Арциховский А. В., историк 148, 161, 212, 213
Аршинский Иван, тобольский стрелецкий голова 288
Асгут, должник 148
Аседа (Асида), самоедский род 264, 353–355, 445, 448
Аседа Сыраптейко, самоед 354
Асенев Третьяк, сборщик дани 62, 63
Асыка, пелымский князец 59, 359, 360, 363
Атарский В. Е., мангазейский д. 123, 132, 245, 320
Атауальпа, правитель инков 468
Аткатко, остяк 421
Афанасьев Бажен, мангазейский промышленный человек 272
Афонасьев Ивашко, новокрещеный селькуп 271

Багалей Д. И., историк 8, 9, 44
Багров Лео, историк картографии 199
Бай, самоедский род 353, 355
Байдин В. И., историк 152
Байков Ф. И., мангазейский в. 127, 394, 441
Баландин С. Н., историк 159
Балахонов Хилта, самоедский князец 62, 63
Бардак, остяцкий князец 37, 85, 383, 430, 431
Бардаков Суета, сын Бардака и брат Кинемы 431
Баренц Виллем, мореплаватель 68
Басарга, селькупский князек 89
Бассен М., историк 20, 21, 46, 47
Баторий Стефан, польский король 150
Батошков Петр, десятник 305
Батурины, к. род в Сургуте 305
Бахрушин С. В., историк 9, 25–28, 31, 32, 37, 38, 44, 47–49, 131, 149, 150, 158, 159, 192, 197, 213, 214, 218, 219, 224, 242, 244, 246, 248, 249, 268, 326, 328–330, 332, 333, 337, 340–342, 360, 367–370, 373, 380, 381, 384, 385, 394, 395, 418, 424, 425, 427, 429, 451, 454–462, 464
Бахтеяров, Еналей п.г. 158
Бахтияров Матвей, лицо, достоверность существования которого не установлена 158
Безобразов И. Р., сургутский в. 250, 251, 402

Бекбаулы абыз, проповедник ислама 427
Бекетов П. И., енисейский стрелецкий сотник 140
Беклемишев М. П., туруханский в. 207
Белкин Б. И., сургутский в. 238–242, 251
Белов М. И., историк 28–32, 36, 42, 48, 50, 51, 94, 124, 129, 138, 154, 155, 158, 159, 182–186, 190, 192, 199, 200, 208, 215–219, 300, 301, 321, 329, 337, 339, 340, 454
Белоголов, самоедский князец 63, 345
Белосельский М. В., кн., березовский в. 281
Бельский Постник, приказной человек 87
Бенавенте Т. де см. Мотолиниа
Бернадская Ф. А., дочь А. А. Бернадского 378–380
Бернадские, семья 379
Бернадский А. А., ссыльный «литвин» 379
Бесперстной Осип Леонтьев, сургутский к. 306
Бесперстные, к. род в Сургуте 305, 306
Бесперстной И. О., сургутский к. 240, 306
Бессонов Дмитрий, тобольский под. 193
Биркин И. И., мангазейский в. 226
Биркин И. П., березовский п.г. 99, 100
Благой И. В., сургутский в. 226
Бобарыкин Иван, березовский атаман 191, 298
Бобарыкин Иван, березовский с.б. 298
Бобарыкин Семен, березовский с.б. 298
Бобарыкин Федор Иванович, березовский с.б. 298
Бобарыкины, к. род в Березове 296, 298
Боборыкин Т. В., мангазейский в. 125
Бобрищев-Пушкин И.Г., тюменский в. 174
Богдан, слуга 67
Богданов Воин, сибир. с.б. 140
Богославский П. А., историк 219
Богословский М. М., историк 223, 244, 326, 330, 332
Болдыря Савва, атаман в отряде Ермака 70
Болотников И. И., предводитель восстания 421, 424, 461
Болтин Семен, березовский к. 202
Болховитинов Н. Н., историк 45
Болховской С. Д., кн., царский в. 74–76, 163
Большие Карачеи (Большие Корючи), самоедский род 119, 342–344, 348, 383, 399, 431, 436, 440–442, 451, 452, 463
Борбоша Богдан, казачий атаман 71, 151
Борисов Н. С., историк 455
Борисов Стефан, мангазейский священник 125
Борисов Фома, поморский промышленник 188
Борятинский И. М., кн., березовский в. 94, 117, 261, 388
Борятинский Н. М., кн., мангазейский в. 126, 128, 132, 245, 246, 301, 321
Борятинский Ф.П., кн., сургутский в. 84, 303, 413
Борятинский Я. П., кн., сургутский в. 89, 220, 276
Босой Кирилл, торговый человек гостиной сотни 280, 284
Ботолин Григорий, сургутский к. 306
Ботолин Дмитрий, сургутский к. 306
Ботолин Евдоким Алексеев, сургутский атаман 306
Ботолин Яков, сургутский атаман 306
Ботолины, к. род в Сургуте 305
Боус Д., английский посол 67
Бояр, остяцкий князец 366
Бояров Кармышак, сын князца Бояра 414
Бояршинова З. Я., историк 36, 50
Брагин П., мангазейский там. г. 193, 286
Бранд Адам, участник посольства в Китай Идеса Избранта 409, 460
Бродников А. А., историк 307, 336, 338
Брызгалов В. В., историк 219
Буйдыш Юшко см. Куйдаш Юшко Никонов
Буйносов-Ростовский А.И., кн., тобольский в. 285
Буйтахов Оська, вогул Пелымского у. 273
Булгаков Ф. Ю., мангазейский в. 123, 124, 276
Бусыгин Федор, посадский человек Свияжска 278, 279
Бутурлин Е. В., тобольский в. 225, 226
Бухвостов В. Б., сургутский в. 411

Буцинский П. Н., историк 7, 24, 25, 43, 47, 48, 85, 87, 89, 102, 142, 143, 145, 153, 155, 156, 160, 173, 214, 276, 292, 293, 312, 315, 332, 334, 335, 338–340, 429, 460, 462
Бычков А. А., историк 150
Бэрроу Стивен, мореплаватель 66

Валцов Максим, сургутский к. десятник 240
Вануйто (Ванонта, Ванюта, Ванютин, Вонюта), самоедский род 344–349, 437–439, 443, 451
Василий, березовский священник 103
Василий, крещеный обдорский князь 82, 93, 383, 418–422
Василий Мангазейский, святой 25, 26, 42, 51, 126, 207, 219, 319, 320, 340
Василий II, великий кн. Московский 58
Василий III, великий кн. Московский 62, 63, 345, 365, 374
Василий Ермолич, пермский князец 58
Василий Шенкурский, новгородский в., сборщик дани в Югре 57
Васильев А., березовский протопоп 121
Васильев Иван, дворовый человек сургутского воеводы Б. И. Белкина 239
Васильев В. И., этнограф 346, 348, 453
Васильев Л. С., историк 370
Васильев Лука, мангазейский стрелецкий десятник 264
Васильев Никифор, мангазейский стрелецкий сотник 266
Васильев Ортюшка, новокрещеный селькуп 271
Васильев Родион, туруханский таможенный под. 242
Васильев Т., тобольский под. 255
Васильев Трошка Пинежанин, мангазейский промышленный человек 271
Васильев Федор, кузнецкий к. 242
Васильева Анна, жена казака 242
Васильева Арина Ивановна, жительница Туруханска, жена Луки 264
Васильева Варвара, дочь десятника 264, 265, 272
Васильевский Р. С., историк 83, 144, 152, 156, 157, 160
Васильчиков Г., дворянин 374
Вахромеев Иван, д. Посольского приказа 221
Ваюсев Григорий, березовский новокрещен 256–260, 419, 420, 422, 423
Ваюсь, остяцкий князец 258, 419–421
Вебб У. П., историк 13
Великопермские, княжеский род 58, 148, 149
Великопермский С. И., кн., тульский помещик 149
Вельяминов А. С., сургутский в. 408
Вельяминов И. М., пелымский в. 111, 255, 256, 291
Вельяминов И. Я., пелымский в. 109, 255
Вельяминов Л. А., сургутский в. 446
Вельяминов П. Н., пелымский в. 110, 111, 255, 292
Вельяминов-Зернов Л.М., сургутский в. 248, 269
Вербов Г. Д., этнограф 154, 346, 453
Вергун Яков Юрьев, сургутский к. десятник 305
Вергуновы, к. род в Сургуте 305, 306
Вернадский Г. В., историк 212, 219
Вершинин Е. В., историк 35, 42, 49, 51, 149, 150, 152–154, 157, 158, 213, 215, 216, 219, 326–330, 333, 337, 338, 340, 452, 453, 457, 459, 461–463
Визгалов Г. П., историк 31, 43, 48, 50, 51, 94, 150, 155, 216, 327, 339, 340, 452
Визе В. Ю., полярный исследователь, географ и историк 28, 48, 150
Викентьев Г. П., березовский п. г. 94
Вилков О. Н., историк 29, 30, 36, 48, 50, 160, 214, 275, 276, 334
Виниус А. А., думный д., глава Сибир. Приказа 266–268
Вислоухий Петр, сборщик дани в Пустозерске 64
Витсен Н., историк 108, 113, 133, 144, 168, 181, 184, 185, 210, 227, 303, 345, 358, 405
Вишера Федор, промышленный человек 472
Владимир Святославич, древнерусский кн. 55
Владычкин Т. С., тобольский п. г. 256, 258, 259
Воейков 376
Воейков А. М., тарский п. г. 225
Воейков И. В., верхотурский п. 91
Волков Г. В., березовский в. 202
Волков Федор, сургутский там. г. 280
Волковицкий А., историк 147

Волконский Л. М., кн., березовский в. 100, 251
Волконский М. К., кн. 78, 225
Волконский П. Ф., кн., пелымский в. 114, 243, 273–275, 323
Вологжанин Яша, легендарный русский родоначальник 353, 354
Волчков М. С., мангазейский в. 264–268, 272, 332
Волынский И. Г., березовский в. 99, 100
Волынский С. И., березовский в. 100, 226, 424, 427
Волынский Ф. В., сургутский в. 226
Вонга (Вынги), самоедский род 346, 451
Вонин Тайбохта, остяцкий князец 389
Воня, кн. Пегой орды 37, 83–86, 89, 383, 384
Вымские, княжеский род 148, 149, 362
Вынга см. Вонга (Вынги)

Габышев, Нифанка 140
Гаврилко, брат княгини Анны 426
Гагарин М. С., кн., сургутский в. 242
Гагарин П. А., кн., березовский в. 443
Галичанин Федоров Иван, промышленный человек 272
Галкин Алексей, березовский к. 294
Галкин Василий, енисейский с.б. 294
Галкин Иван, енисейский атаман 294
Галкин Никифор, житель Енисейска 294
Гарабурда М., польский посол 374
Гемуев И. Н., этнограф 456
Герасим, архиепископ Сибирский. 48
Герасимов В. Н., историк 39, 157, 336
Герберштейн Сигизмунд, австрийский посол 64, 65, 150
Гигины, самоедский род 344
Главацкая Е. М., историк 38, 51, 385, 458, 461, 464
Глухов И., стрелецкий голова 74, 76, 151
Гневушев А. М., историк 156, 457
Годунов Б. Ф., русский царь 92, 99, 130, 152, 217, 237, 246, 275, 326, 385, 386, 419
Годунов И. М., пелымский в. 255
Годунов М. М., тобольский в. 110, 226, 315, 316
Годунов П. И., тобольский в. 129–130, 205, 206, 249
Годунов С. С., верхотурский в. 189
Годунов Ф. А., пелымский в. 109, 232, 429
Голицын А. А., кн., тобольский в. 256
Голицын В. В., кн. 216
Головин В. П., верхотурский в. 91
Головин В. С., тобольский п.г. 400
Головин П. П., стольник, якутский в. 21
Головин Ф. В., сургутский в. 89, 304, 381
Головнёв А. В., этнолог и историк 36, 37, 43, 45, 50, 148, 154, 341, 343, 347, 349, 373, 451–454, 457, 464
Голохвастов А. И., сургутский п.г. 88
Гольденберг Л. А., историк 36, 50, 200, 218
Горбунов К. В., сургутский атаман 309
Горчаков П. И., кн., пелымский в. 78–83, 109, 113, 116, 290, 291, 295, 418
Градовский А. Д., историк 222, 326
Грибоедов И. Ф., березовский в. 254
Григулевич И. Р., историк 471, 472
Грузинец Петр, тобольский с.б. 193
Гудзон Генри, мореплаватель 68
Гумилев Л. Н., историк 70
Гысев Хаска, пустозерский самоед 444
Гюрята Рогович, новгородец 55

Давыд, ярыжка 322
Давыдов А. П., березовский в. 107, 401, 431–433, 442, 443
Давыдов В.А, мангазейский в. 318
Давыдов К. П., мангазейский п.г. 121, 122, 237, 238
Даль В. И., собиратель русского фольклора 141, 160, 176, 184, 214, 215
Данилов Кирша, певец-сказитель 213
Данилов Юрий, нарымский к. голова 143
Девлет-Гирей, татарский царевич, потомок Кучума 431, 432
Дежнев С. И., сибир. землепроходец и мореход 141, 184, 215
Демидова Н. Ф., историк 231, 328
Демский С. Г., сургутский в. 230
Демьян, князец 366
Дербень Ортюшка, сургутский к. 406
Дерунко, кодский остяк 421, 422
Джаксон Т. Н., историк 148
Джекмен Ч., мореплаватель 67
Дженкинсон Антон (Энтони), путешественник 162, 353
Джонсон Ричард, купец 350, 351

Дмитриев (Лалетин) Неустройко, торговый человек 256
Дмитриев А. А., историк 149, 152, 366
Дмитрий Донской, кн. 58
Дмитрий Шемяка, кн., претендент на московский престол 58
Дмитришин Б., историк 46
Долгих Б. О., историк 36, 50, 135–138, 159, 333, 341, 342, 344, 346, 351–353, 355, 357, 427, 451–454, 459, 460, 462
Долгорукая Н. Б., княгиня, ссыльная в Березове 152
Долгорукие, княжеский род 237
Долгорукий В. Г., кн., пелымский в. 237
Долгорукий Ф. Т., кн., сургутский в. 88
Долгорукий Ю., кн. 335
Доронин П. Г., краевед 58
Досаев Четырь, кондинский князек 82, 374, 427
Дубенский А. А., дворянин, основатель Красноярского острога 165, 171
Дураковых Петр, якутский к. 140
Дурново Г. Ф., кетский в. 230
Дурново С. И., красноярский в. 247
Дьяков А. К., торговый человек 180, 181
Дьяков Федор, дворянин 92

Евстрат, черный поп 102, 377
Евсюгин А. Д., этнограф 464
Евтропиев Дмитрий 319
Егубьев Григорий, дворовый человек 323
Егубьева Акулина, сестра дворового человека 323
Егупов-Черкасский Н.И., кн., томский в. 248
Едигер, татарский правитель 76, 366
Едурейко, карачейский самоед 348, 438
Езингей (Езынге), самоедский род 343, 344, 448
Екмычей (Екмыч), югорский князец 360–362
Еланцева О. П., историк 155
Елдезин Н. И., тюменский в. 203
Елецкий А. В., в. Лозьвинского городка 303
Елизавета I, королева Англии 67, 217
Елизаров Г. Ф., кетский в. 89, 142, 145, 311
Елизарьев Яков, тобольский к. атаман 201
Елиня, пустозерский самоед 443
Елистратов Григорий, березовский к. 257
Елуков Ныпохта, сургутский остяк 389
Елчанинов Н. Г., мангазейский п. г. 124, 276
Емельянов Иван, тобольский к. атаман 206
Енабай, вогул Пелымского у. 274, 275
Еней, самоед 349, 448, 449
Енин Г. П., историк 234, 235, 328, 329
Енисеев Тыжда, карачейский самоед 449
Епана, вогул 274
Еремиха Анна, жительница Нарыма 322
Еркош, самоед 448, 449
Ермак Тимофеевич, казачий атаман 7, 23, 24, 33, 47, 50, 62, 69–76, 86, 94, 146, 147, 149–151, 163, 164, 166, 187, 213, 215, 291, 294, 309, 336, 365, 366, 384, 386, 418, 456, 464, 469
Ермолаев И. П., историк 221, 326
Ермолай, пермский князец 58
Еуши см. Ивши

Жеребцов Д. В., мангазейский в. 121, 122, 237, 238
Жужгин Ларион, верхотурский судовой мастер 174

Забелин С. Ф., мангазейский в. 68
Забелин С. Ф., мангазейский п.г. 122
Заболоцкий А. В., мангазейский в. 446
Заболоцкий Бражник В. И., кн., московский в. 59, 363, 364
Завьялов Иван, сургутский к. 411
Завьялова Екатерина, жительница Нарыма 322
Загибалов С., там. г. 288
Заозерская Е. И., историк 219
Зарницын, тобольский под. 435
Засекин Г. О., кн., царский воевода 151
Захаров Симеон, мангазейский дьякон 125
Зенько А. П., этнограф 346
Зимин А.А., историк 221, 326, 327
Змеев И. М., березовский п.г. 78, 82, 152, 225, 376
Зольникова Н. Д., историк 158, 160, 214, 260, 263, 332
Зубакин Б. С., сургутский атаман 220, 240, 308, 309, 431
Зубков К. И., историк 44, 45

Зубов Б. А., березовский в. 399
Зубов И. И., березовский в. 100, 226, 251, 419
Зуев А. С., историк 11, 43, 44, 461
Зыков А. П., историк 369, 372, 456, 462
Зюзин Б. Л., березовский в. 100

Ибнеева Г. В., историк 43
Иандер см. Адер
Иван, мангезейский пономарь 319
Иван III Васильевич, великий кн. Московский 57–60, 212, 359, 362–364, 455
Иван IV Васильевич Грозный, русский царь 61, 63, 67, 71, 72, 75, 150, 326, 365, 366, 462
Иванов Богдан, сторож тобольской съезжей избы 40
Иванов Василий 104
Иванов Гаврила, сибир. к. 150, 291
Иванов Карп, промышленный человек 258
Иванов Курбат, якутский с. б. 141
Иванов Леонтий, мангазейский священник 319
Иванов Семен, сургутский казачий голова 262
Иванов Стефан, священник Воскресенской церкви в Березове 256
Иванов Темирь, к. атаман 291, 303
Иванов Угрим, поморский промышленный человек 276
Иванов Ф., тобольский под. 286
Иванова Ольга, дворовая «жонка» сургутского в. К. Н. Щербатова 323
Иванчин Григорий, софийский с. б. 256, 259
Ивши см. Юхи (Пучи, Югучейский, Ючи)
Игнатий (Римский-Корсаков), митрополит Сибирский 114
Игнатьев Федор, березовский к. 440
Игумнов Н. И. 180
Идес Избрант, русский посол в Китай. 332, 409, 460
Измайлов А. А., сургутский в. 262, 280, 284, 285, 304, 402
Илинарх, священник Троицкой церкви в Сургуте 239
Ильин Гаврила, сибир. к. 150
Ильичев А. А., историк 216
Ингигерда, княгиня 53
Исленьев П. Д., пелымский в. 109, 428, 429
Ишбердей, вогульский князец 386

Казанец Романов Никита, промышленный человек 271
Кайдалов Афанасий ИТванович, под. 305
Кайдалов Дмитрий Иванович, сургутский к. 305
Кайдалов Иван Иванович, сургутский к. 305
Кайдалов Иван, сургутский к. десятник 305
Кайдалов Кузьма Иванович, к. 305
Кайдалова Аксинья, сургутская к. жена 240, 241
Кайдаловы, к. род в Сургуте 305
Калба, югорский князец 57, 359, 363
Калиниковы, вологодские посадские люди 61
Каляминов И. см. Колемин И. И.
Каменецкая Р. В., историк 290, 335
Каменцева Е. И., историк 214
Капландеев Чумей, двоюродный брат Игичея Алачева 381, 421, 426, 427
Капландей, остяк 383
Карачеи см. Харючу (Харуци)
Карачей Пидириска, самоед 348, 349
Карачей Трясоголов, самоед 348
Карачей Седа, самоедский князец 63, 345
Каргалов В. В., историк 149
Каргополец Петр, житель Нарыма 311
Кардаш О. В., историк 463
Кармакулов Тимофей, судовой мастер 211
Кармкулов Федор, судовой мастер 211
Карнейро Р. Л., социолог, историк 456
Карпик, гулящий человек 257
Карс, самоедский род 351
Каскин Кылип, сургутский селькуп 410
Каскин Нагычи, сургутский селькуп 410
Каско, селькупский князец 410
Катерина, крестьянка Верхотурского у. 270
Качанов Ф. Р., тобольский дворянин 263
Квашнин И. М., мангазейский в. 130
Квашнин М. К., березовский в. 106, 130, 262, 284
Кеймен Г., историк 46, 471

Кинема, остяцкий князек 306, 430, 431, 462
Киприан, архиепископ Сибирский 104, 121, 292, 315, 316
Киприянов Антип, березовский посадский человек 256–259
Киприянов Бажен, жилецкий человек 258
Киприянов Осип, жилецкий человек 258
Кириллов Ледешка, мангазейский стрелец 135, 434, 435
Кирилов, тобольский к. 441
Кирпичников А. Р., историк 147
Кичеев Вангай, остяцкий князец 389
Клокачев Д. Ф., мангазейский в. 123, 318, 320
Ключевский В. О., историк 7, 158
Козлов Трифон, судостроитель 178, 179
Козловский Г. С., кн., сургутский в. 115
Козловский Ф. А., кн., березовский в. 103
Коковинский А. А., тобольский п. г. 126, 197, 198
Кокорев Г. И., мангазейский в. 122, 123, 128, 242, 300, 318, 320, 435
Кокорева Марья 318
Кокорин И., мангазейский там. г. 193, 286
Кокоулин Андрей, березовский городничий 298
Кокоулин Бажен, березовский атаман 298, 437
Кокоулин Василий Гаврилов, березовский к. 117, 298, 299, 348
Кокоулин Гаврила, березовский к. 298
Кокоулин Дмитрий Баженов, березовский к. 298
Кокоулин Иван Семенов, березовский с. б. 298
Кокоулин Лаврентий Севостьянов, березовский к. 298
Кокоулин Леонтий, березовский с. б. 298
Кокоулин Лучка Семенов, березовский к. 298
Кокоулин Семен Гаврилов, березовский к. 201, 202, 262, 298
Кокоулин Фрол, березовский к. 298
Кокоулины, к. род в Березове 296, 298
Кокшаров С. Ф., историк 369, 372, 456
Колемин И. И., сургутский п. г. 85, 86
Коленеко В. А., историк 471
Колесников П. А., историк 218
Колмогорец Андрей 165
Колмогор Василий, тобольский к. 435
Колобов Нехорошко, сибир. к. 165
Колов Остафий, мангазейский стрелец 400
Колов Севостьян, житель Туруханска 268
Кологривов И. П., кетский в. 145
Кологривов М. Л., сургутский в. 311
Колпашник Первой (Прокопий), сургутский к. 307
Колпашников Авдей, сургутский к. 307
Колпашников Андрей, сургутский к. 307
Колпашников Лука, сургутский к. 307
Колпашников Федор Прокопьев, сургутский к. 307
Колпашниковы, к. род в Сургуте 305
Колумб Христофор, мореплаватель 468, 471
Колыванов Самсон, новгородец 57
Колычева Е. И., историк 326
Кольцо Иван, казачий атаман в отряде Ермака 70, 71, 75
Комлева Е. В., историк 46
Кондаков Афанасий Иванович, сургутский под. 239, 240
Кондаков Кузьма Иванович, сургутский к. 305
Кондаков Михаил, торговый человек 344, 435
Кондаков Петр Кузьмин 305
Кондаковы, к. род в Сургуте 305
Кондырев П. Т., сургутский в. 114, 408, 414
Конжинко, сосьвинский остяк 385, 386
Копылов А. Н., историк 36, 50, 275, 277, 278, 287, 326, 333–335
Корзеков Дурак, остяк 437
Корецкий В. И., историк 237, 329, 335
Корзепов, зять обдорского князца 436
Корзепов Дурак, остяцкий князец 436
Кормчекин Михаил, верхотурский судовой мастер 174
Коротай, вогульский сотник Пелымского у. 429
Корсаков В. Л., туринский в. 164, 172
Корсаков Д. И., историк 9
Корсаков И. С., мангазейский в. 128, 130, 138, 202, 203, 271, 272, 318, 400
Кортес Эрнан, испанский конкистадор, завоеватель Мексики 467, 472

Косякма, брат кондинского князя Агая 82
Коткин С. Ю., торговый человек 192
Котлярчук А. С., историк 340
Котошихин Г. К., под. Посольского приказа 232, 328
Котыин Буйтах, вогул Пелымского у. 273, 274
Кочевщик Богдан 196
Кочегомко, кодский остяк 426
Кочедамов В. И., историк 35, 50, 122, 155, 156, 158, 160
Кошечкин Б. И., историк 219
Крадин Н. П., историк 35, 50, 123, 370, 372, 456
Кривошея Ефрем, ссыльный чернец 318
Крижанич Юрий, славянский ученый и общественный деятель 185
Кропоткин А. В., кн., сургутский в. 230
Крупник И. И., этнограф 343, 451
Крыжановский Ю. И., якутский с. б. 141
Кубасов Д., мангазейский там. г. 193
Кузака, татарка 240, 242
Кузьмин Афанасий, поморский промышленник 155
Кузьмин Малафей, сургутский к. 406
Кузьмин С., историк 147
Кузьмин С. В., тарский в. 225
Кузьмин Степан, судовой мастер с Пинеги 165
Куйвашев Роман, к. 306
Куйвашев Сергей, к. 306
Куйвашевы, к. род в Сургуте 305, 306
Куйдаш (Куйваш) Юшко Никонов, сургутский к. 306
Куланов Антон, новокрещен, сын Петра Куланова 419, 421
Куланов Петр, остяцкий новокрещен 419, 420, 422
Кулановы, семья 420, 421
Кунязев Кирша, остяцкий князец 389
Куракин Г. С., кн., тобольский в. 195–197, 201, 218, 261
Куракин И. С., кн., тобольский в. 68, 189, 190, 216, 217, 430, 431
Курбский С. Ф., кн., московский в. 59, 363
Курбский Черный Федор, кн., московский в. 59, 360
Куркин см. Курочкин, Кондратий
Курлаев Е. А., историк 50, 213
Курочкин, Кондратий, поморский торговый человек 217
Курсков Ю. В., историк 29, 30, 48
Кутыгей, югорский князец 63, 362, 365
Кучум, сибир. хан 17, 50, 71–77, 85, 86, 215, 430, 431
Кучумовичи, ханский род 50, 215, 433
Кушкул, остяцкий князец 55, 56, 388, 404
Кырпа, самоед из рода Айваседа 451

Лаб см. Ляб
Лага, самоедский род 344
Лайкин Пырчейко, остяцкий князец 389
Лалетин см. Дмитриев (Лалетин) Неустройко
Ланда Диего де, испанский хронист XVI в. 467, 468, 471
Ланцев Дж. В., историк 21, 47, 326, 328
Ларионов С. В., мангазейский в. 130, 204, 272, 441, 442
Лас Касас Барталоме де, испанский священник 468
Лаут, остяк 421
Лауэр А. Р.М., историк 313
Лебаут, остяцкий князец 366
Лебедев Г. С., историк 147, 148
Левашев А., голова в Пронске 327
Левка, новокрещен 421
Левонтьев Третьяк, тобольский под. 378
Ледерейко, самоедский князец 355, 401
Ленгиев Небах, надымский остяк 440, 463
Ленин В.И, государственный деятель 9
Ленсин Атык, остяк Сургутского у. 446
Леонтьев Михаил, сургутский к. 238
Леонтьев М., посадский человек 278, 279
Леонтьева Г. А., историк 36, 43, 50, 231, 328
Лехей, самоедский князец 63, 345
Лечман, остяк 421, 422
Лжедмитрий I, русский царь 216, 291
Лжедмитрий II, претендент на российский престол 424
Липа Иван, мангазейский сл. ч. 138
Лихарев И. Ф., туринский в. 328
Лихарев Я. Н., березовский в. 107, 254, 395–398

Лихачев А. И., березовский с.б. 257, 262, 296, 297, 392–396
Лихачев Василий, березовский с.б. (XVIII в.) 297
Лихачев И. И., березовский к. 297
Лихачев Иван, березовский к. 296, 297
Лихачев Иван, березовский с.б. (XVIII в.) 297
Лихачев Матвей, березовский с.б. (XVIII в.) 297
Лихачев Михаил, березовский с.б. 297
Лихачев Михаил, березовский с.б. (XVIII в.) 120, 297
Лихачев Никифор, березовский с.б. (XVIII в.) 297
Лихачев Никита 297
Лихачев Родион, березовский с.б. 297, 440
Лихачев Семен, березовский с.б. 297
Лихачев Стефан, березовский с.б. (XVIII в.) 297
Лихачевы, к. род в Березове 296, 297
Лобанов-Ростовский С.М., кн., сургутский в. 85–87, 225
Лодокуйский, самоедский род 451
Лодыгин Иванко, остяцкий князец 385, 388
Лодыженский М. С., березовский в. 106, 107, 201, 202, 253, 254, 348, 395, 396
Лоншак Семен, березовский к. 401
Лоншак Семен, березовский с.б. 117, 118
Лохей, самоедский род 63, 345, 347, 348, 438, 439, 444
Лошак, поморский кормщик 66
Лошаков Иван, пустозерский в. 399, 459
Лошаков Кузьма, якутский с.б. 141, 160
Лугуев Вокчим, сын князца Лугуя 421
Лугуев Шатров, остяцкий князец, сын князца Лугуя 417, 418, 421, 422
Лугуй, остяцкий князец 56, 76, 367, 376, 383–385
Лукьянов, Спиридон 180
Лутовинин С., см. Лутовинов С. Е.
Лутовинов Василий, дворянин 229
Лутовиновы Давыд, дворянин 233
Лутовинов Микита, дворянин 229
Лутовинов С. Е., кетский в. 146, 229, 230, 233, 312, 327
Лутохин Гневаш, в. в Мансуровском городке 76
Луца-Ванюта, самоедский род 349, 451
Лыков П. И., пелымский в. 273
Львов П. Д., кн., сургутский в. 282
Люцидарская А. А., историк 36, 50, 215, 340, 470, 472
Люмов Козуня, самоед 436
Ляб, югорский князец 59, 60, 360–362
Ляпа Степан, новгородский сборщик дани 57
Ляпун Иван, кн., воевода Ивана III 455
Ляпунов П., предводитель восстания 421

Мавродин В. В., историк 186, 216
Макарий, архиепископ Сибирский 31, 48, 125, 239, 407
Макарий Желтоводский, преподобный 125, 158
Максимов Е. Д., историк 335
Максимов Д., дворовый человек 323
Максимов Михаил, гулящий человек 322
Малиновский Николай, приказный человек 206
Малой, карачейский самоед 344
Малой С. А., березовский в. 285, 393, 442
Малыгин С. Г., лейтенант флота 211
Маметкул, военачальник сибир. татар 75
Мамрук, обдорский князь 93, 414, 418–422, 425–427, 434
Мамруков Ермак, обдорский кн. 117, 118, 393, 401, 415, 432, 443
Мамруков Молик, обдорский кн. 395, 413, 435–437, 440
Мангазея, самоедский род 350, 353, 355
Мансуров И. А., военачальник 76, 80, 146, 151, 375
Мануйлов Никифор, тюменский судовой мастер 196
Маньков А. Г., историк 334
Манькова И. Л., историк 36, 50, 157, 213, 281, 334, 457
Марков Лука, промышленный человек 472
Марков Мороз, мангазейский стрелец 132, 165
Марков Яким, промышленный человек 472

Мартынова Е. П., этнограф 371, 456
Марш Антон (Энтони), английский торговый агент 67, 117, 186
Матвеев Василий, мангазейский под. 266
Матвей Великопермский, кн., дворянин 60, 149
Медведчик Титов Афонасий, промышленный человек 271
Мелентьев Селиван, судовой мастер из Поморья 189
Меншиков Е., тюменский оброчный староста 329
Меррик Джон, английский торговый агент 217
Мечников Л. И., историк 212
Мещерский Н. Ф., кн., сургутский в. 402
Мещеряк Матвей, казачий атаман в отряде Ермака 74, 76, 151
Микешка Федорович 265
Микиров Янкилдей, вогул Пелымского у. 428
Микифорова Соломея, жительница Туруханска 264, 265
Миллер Г. Ф., историк 23, 24, 40, 41, 47, 50, 51, 77, 82, 87, 88, 93, 96, 107, 108, 113, 115, 116, 119, 120, 131, 134, 138, 144–146, 149, 151–160, 204, 213, 231, 315, 327, 328, 330, 333, 335–339, 353–355, 365, 373, 375, 376, 447, 452–462, 464
Минеев И., гулящий человек 270
Миненко Н. А., историк 7, 32, 33, 40, 43, 49, 51, 74, 79, 108, 151, 152, 290, 296, 305, 308, 310, 335–339, 343, 349, 449, 451–453, 458, 464
Минин К., руководитель II Ополчения 428
Мирзоев В. Г., историк 47
Мирика, самоед 355
Михаил Великопермский, пермский князец 58–60, 360
Михаил Федорович Романов, русский царь 216, 217, 229, 230, 243, 252, 378, 380, 414
Михайло Яковль, новгородский в., сборщик дани в Югре 57
Михайлов Авраам, мангазейский стрелец 321
Михайлов Воин, посадский человек Яранска, мангазейский там. г. 278, 279
Михайлов Леонтий, березовский к., «литвин» 298, 299
Михайлов Михаил, к. 298, 299
Михайлов Тимофей, священник Троицкой церкви в Березове 104, 256
Мокиев Д., мангазейский там. г. 286
Мокринский Иван, березовский с.б. 117, 299
Молдан, югорский князец 59, 360–362
Молдановы, княжеский род 361
Моликов Гында, обдорский князь 414, 415, 443, 444
Моря Казимир, мангазейский с.б. 445
Мосальский В. М., кн., тобольский п.г., мангазейский в. 94, 95
Мосальский-Кольцов В.В., кн., тобольский в. 77
Москвитин Иван, тобольский посадский человек 284
Москвитин Иван, томский к., землепроходец 165
Мотолиниа, монах-францисканец 467, 471
Муггади см. Мангазея
Муравьев, лейтенант 211
Мыгналов Итик, остяк Сургутского у. 446
Мяпой, юрацкий самоед 448
Мясной И. Н., царский воевода 151

Навацкий Самсон, полководец 378
Нагой И. Г., в. Лозьвинского городка 79
Назинов Семейка, вогул Пелымского у. 428
Нарбеков А. С., нарымский в. 252, 253, 311, 312
Наречи, самоедский род 343
Нармацкий В. С., березовский в. 100, 103
Нарышкин Г. Ф., верхотурский в. 237
Насонов А. Н., историк 53, 148
Насы, самоедский князец 441
Наумов Д. Т., мангазейский в. 130, 133, 135, 206, 207
Наумов Федул, поморский промышленный человек 276
Неелов И., пустозерский в. 443
Нектарий, архиепископ Сибирский 48
Нелединские, семья 245
Нелединский В. В., кетский в. 410, 411
Нелединский И. Ю., мангазейский в. 122, 245

Немич, князец 360
Немчин, карачейский самоед 344, 348, 438
Немчинко, карачейский самоед 349
Немчинов Одычко, карачейский самоед 348, 349, 446, 447, 449
Ненянг, самоедский род 449
Неплюев П., пустозерский в. 343, 438
Нерадовский И. Ф., сургутский там. г. 283, 284
Несвицкий А. М. пелымский в. 271, 393
Нестор, летописец 53
Нестулцев Иван, березовский к. 117
Неулко, князец 426
Нефедьев Тарас, тобольский стрелец 188
Никитин Н. И., историк 11, 15, 18, 33, 34, 42–44, 46, 49–51, 156, 162, 213, 293, 332, 335–338
Никифоров Нехорошко, туруханский под. 242, 243
Никифоров, Яков, десятник 264–269, 445
Никифоров Яков (Иаков), мангазейский священник 207, 319
Ниля, самоедский князец 352
Новокщенов В. А., мангазейский в. 226
Новоселова А. А., историк 290, 335
Новосельский А. А., историк 327
Носов Н. Е., историк 233, 328
Нылка, остяк 257
Нынков Шигов, обдорский самоед 396
Нюдора, самоед 63
Нюптеев Тынин, надымский остяк 440, 463
Нюптейко Надымский, остяк, представитель Надымского городка 463
Нянянгов, самоедский род 349

Обдорский, самоедский род 451
Обобуров Богдан, мангазейский д. 126, 128, 197, 198, 243, 245, 246, 271, 318, 320, 321
Оболтин Петр, торговый человек 256
Обольянинов, тобольский с.б. 435
Оборин В. А., историк 149, 361
Овсянников О. В., историк 29, 48, 51, 154, 158, 159, 182–184, 215, 217–219, 337, 339, 340
Овцын Д. Л., лейтенант флота 120, 447, 448, 452, 453
Оглоблин Н. Н., историк 225, 326, 339
Одоевский Н. И., кн., судья Сибирского приказа 260
Окулина, жительница Туруханска 165
Окулов Я. Л., служилый человек 338
Оксенов Кузьма, мангазейский сапожник 272
Олаф, конунг 53
Олеарий Адам, путешественник 163
Олег, древнерусский князь 53
Омельчук А. К., писатель 83, 117, 152
Оничков В., основатель Сургута 413
Онжин Лобан (Никифор), остяцкий князец 378, 382, 383
Онофриев Кирилл, мангазейский тюремный сторож 272
Онтропьев, стрелец 319
Орлов Г. Н., пелымский в. в 1616–1620 гг., мангазейский в. в 1633–35 гг., 132, 245, 255
Орлов Кузьма, пелымский под. 243
Орлов Пантелей, холмогорский промышленник 182–184
Ортемьев Макар, тобольский стрелец 239, 240
Ортемьева Ирина, стрелецкая жена 239–241
Ортюхин Иван, мурза Пелымского у. 393
Осдоня, селькупская холопка 419, 422, 423
Осипов Никита, новокрещен, к. Нарымского острога 89
Осолихин С., мангазейский там. г. 166, 193
Откупщиков Дмитрий, поморский кормщик 210, 211
Охлопков Федор, сибир. сыщик из приказа Тайных дел 263

Павел I, император России 51
Павлов А. П., историк 77, 152, 221, 222, 228, 326, 327
Павлов П. Н., историк 27, 28, 48, 394, 459
Павлов Р. М., мангазейский в. 130, 206, 318, 319
Павлова Марфа, жительница Тобольска 316, 323
Павлов-Сильванский Н.П., историк 228, 327

Пайпс Р., историк 21, 47
Палицын А. Ф., мангазейский в. 25, 123, 126, 128, 158, 242, 318, 320, 321, 329, 340
Пан Никита, казачий атаман в отряде Ермака 70, 75
Панжиев Умба, березовский остяк 117, 118
Пантелеев Исаак, торговый человек 258
Парабы, самоедский род 451
Парабельский Иван, новокрещен 306
Пархимович С. Г., историк 31, 48, 50, 94, 153, 155, 214, 339, 340
Пашков А. Ф., енисейский в. 177, 294
Пашков И., предводитель восстания 421
Пашкова Т. И., историк 330
Паштиринков сын, остяк 257
Певгей, югорский князец 365
Пелагея, просвирница в Сургуте 238
Пелагея, стрелецкая жена 110
Пелепелицын В. И., русский посланник в Ногайской орде, наместник Перми Великой 71, 72
Пелих Г. И., этнолог 37, 50, 383, 384, 454, 458
Перевалова Е. В., этнолог 38, 39, 44, 51, 154, 350, 351, 415, 453, 457, 461, 463
Переводчиков, прапорщик 448
Персглоу Вильям, английский путешественник 189, 190
Перфирьев Иван Максимович, иркутский с.б. 307
Перфирьев Максим, енисейский с.б. 307, 308, 336, 338
Перфирьевы (Перфильевы), к. род в Сургуте 305, 308
Пестрый Ф. Д., кн., московский в. 59
Пет А., мореплаватель 67
Петр, остяк 383
Петр I Алексеевич, император России 51, 174, 179, 204, 209–211, 263, 269, 332
Петр Вымский, пермский князец 60, 360
Петров Василий, мангазейский стрелец 194–197
Петров Ерофей, мангазейский стрелец 243
Петров Ефрем, дворовый человек сургутского в. Белкина 239
Петровы, семья 243
Пешей И, атаман 86, 295
Пивов В. В., сургутский п.г. 89, 276
Пивов П. В., тарский п.г. 225
Пидирисов Немчинко, самоед 398, 447, 449
Пинежанин Харитон, дворовый человек нарымского к. Ф. Попова 323
Писарро Франсиско, испанский завоеватель Перу 468
Писемский Г. И., сургутский п.г., основатель Томска 90, 304
Питирим, епископ Пермский 59, 359
Платонов С.Ф., историк 217, 233, 328
Племянников А. А., енисейский в. 282
Плесовской Лука, березовский там. г. 105, 280–283
Плехан Леонтий Иванов (Шубин Левка), поморский промышленник 187–190, 192, 391
Плещеев Л. С., ссыльный дворянин 260, 261
Плещеев О. Т., сургутский в. 85, 86
Плещеев–Мешков А.А., березовский в. 256–260, 282, 434
Плигузов А. И., историк 24, 47, 150
Плотник Василий, якутский к. 140
Побережников И. В., историк 35, 43, 45, 471
Погожий И., с.б. 312
Пожарский Д. М., кн., стольник 232, 428
Покровский М. Н., историк 9
Покровский Н. Н., историк 36, 50, 228, 230, 242, 254, 326, 327, 329, 331, 332, 336, 338, 339
Полев Б. И., березовский в. 109
Полетаев А. В., историк 35, 337
Полтев Д. И., кетский в. 145
Полянский Д. Л., думный д., сибир. сыщик 263, 266, 332
Помытко, остяк 259, 260
Попов Богдан, березовский таможенный под. 283
Попов Василий, березовский к. 401
Попов И. А., историк 43
Попов Ф., к. 323
Попов Ф. Г., торговый человек 207
Портнягин Василий, нарымский к. 314
Порутиев Колок, березовский остяк 117
Посев Игонка, вождь тундровых самоедов 119, 348, 444
Посев Маулка, вождь тундровых самоедов 119, 348, 444, 445, 447

Посев Мугалей, сын князца 396
Посников М. А., тобольский д. 206
Потанин Г. И., сибир. историк-областник 7
Потемкин Ф. И., сургутский в. 254
Преображенский А. А., историк 36, 50, 246, 330, 374, 457
Проводниковы, к. род в Сургуте 305
Прозоровский П. С., тобольский в. 181, 445
Пронский П. И., кн., тобольский в. 172, 195, 214, 261, 275
Протасьев Д. П., вехотурский в. 255
Протодьяконов Филипп, сургутский там. г. 284, 285
Протопопов В., березовский там. г. 288
Прохоров Г. М., историк 148
Прянишников Федор, геодезии ученик 448, 449
Пуртиев С., крещеный остяк 84
Пурыега (Пуруега), самоедский род 344, 348, 349, 443
Пурыега Кирпет, самоед 344
Пурыега Кривов, самоед 344
Пурыега Серга, самоед 344
Пурыега Хромов, самоед 344
Пучей, самоедский род 451
Пушкин Б. И., мангазейский в. 233, 245, 434, 435
Пушкин В. Н., якутский в. 410
Пушкин Г. Г. пелымский в. 237
Пушкин Н. Е., сургутский в. 238, 239, 241, 242, 250, 251, 329, 402, 405, 406
Пушкин Н. М., тобольский в. 328
Пушкин С. Е., мангазейский п. г. 94
Пынзей, князец 360, 361
Пыткей, югорский князец 360–362
Пяк, самоедский род 350, 351, 439, 451
Пятунин Н., писец в Перми Вычегодской 62

Рагозин Родион, верхотурский судовой мастер 174
Рагозин, устюжский там. г. 262
Раев Д. В., историк 46
Разин Степан, казачий атаман 336
Райдуков Юзор, остяцкий князец 415
Ракай, самоедский род 351
Ревякин Исаак, торговый человек гостиной сотни 284
Редин Д. А., историк 231, 329, 454
Резун Д. Я., историк 14, 36, 45, 46, 50, 83, 144, 152, 156, 157, 160, 306, 336
Резанко, остяк 259
Ремезов Моисей Меньшой, тобольский с. б. 197–201, 218
Ремезов С. У., сибир. историк и картограф 50, 66, 74, 91, 96, 104, 111, 112, 120, 127, 132, 135, 143, 144, 146, 155, 156, 164, 166, 199, 200, 218, 386, 403
Ремезов Ульян, картограф 201
Ремезовы, семья 200
Репнин И. Б., боярин, судья Сибирского приказа 412
Рёгнвальд Ульвсон, ярл Ладоги 53
Ржевский Е., московский дворянин 374
Ржевский И. Н., сургутский п. г. 85, 225
Ржевусский А. А., историк 335
Рогачев Семен, под. Патриаршего двора 322
Рогволд, полоцкий князь 55
Рогнеда, полоцкая княжна 55
Рожин Пятой, пелымский стрелецкий пятидесятник 292
Роман Славной, князец 366
Романов Гаврилка 180
Романов И. Н., боярин 284
Романов Н. И., боярин 272
Романов Ф. Н. см. Филарет (Федор Никитич Романов)
Романов Я., писец в Перми Вычегодской 62
Ромодановская Е. К., филолог 42, 51, 219, 340
Роставка Иван, мангазейский стрелец 445
Рубец-Мосальский В.М., кн., в. 300
Ружников Первой, березовский там. г. 105, 281–283
Рукин Черкас, сибир. к. 89
Рыдзевская Е. А., историк 148
Рюрик, князь 53
Рябов Н., ясачный сборщик из Туруханска 448, 449
Рябой Иван, березовский к. 421

Сабеи (Сабе, Сабей, Сабы, Сабый), самоедский род 344, 346, 348, 451
Саблин Иван, мангазейский там. г. 193, 287
Савелов И. П., мангазейский в. 445
Савин Еремей, холмогорский промышленный человек 68
Савин Семен, березовский к. 201, 202
Сагалаев А. М., этнограф 456

Садиков П. А., историк 150
Салтыков И. И., тобольский в. 177, 408
Самар, остяцкий князец 366, 367
Самаров Байбалак, белогорский остяк 387, 404
Самаров Таир, белогорский остяк 387, 404, 421, 422, 426, 427
Сапожник Кузьма, мангазейский тюремный сиделец 318
Сатарко, самоедский князец 435
Сахин Хубей, пустозерский самоед 345, 346
Свахин Василий, посадский человек, сургутский там. г. 280, 284
Свердлов Я. М., революционер 40, 51
Сверчков Иван, березовский атаман 120
Свешников, березовский к. 348
Святополк Окаянный, древнерусский кн. 53
Сегей, сын селькупского князя Вони 89
Сегуней, самоедский род 348
Сеид-Ахмат (Сеид-хан), татарский царевич 76, 151
Секлеев Мангус, остяк 383
Селин, Михаил, казачий голова 338
Селирта, самоедский род 353, 355
Семенов Иван, мангазейский стрелец 271, 272
Семенов Л., тобольский к. пятидесятник 194, 437
Семенов О. В., историк 149, 456
Семенов Трофим, березовский к. 78
Семенов Яков, мангазейский сл. ч. 138, 319
Семичев Г. Л., тобольский п.г., тюменский в. 195, 196, 280
Сензехом, самоед из рода Айваседа 352, 451
Серебрянников Василий, березовский к. 256
Сигуней, самоедский род 342, 451
Силин Афанасий, сургутский к. 307
Силин Кузьма, сургутский к. 307
Силин Петр, сургутский к. 307
Силин Роман, сургутский к. 307
Силин Семен Савельев, сургутский к. 306
Силин Федор Савельев, сургутский к. 306
Силин Ф. А., сургутский к. 307
Силины, к. род в Сургуте 305–307, 338
Симченко Ю. Б., историк 460
Синецкий С. Б., историк 216
Скобельцын И. Л., нарымский в. 144, 145, 171, 260, 261, 322
Скобелицына Прасковья, жена в. 322
Скрипин Аникей, ярославский торговый человек 125
Скрынников Р. Г., историк 61, 69–72, 75, 149–151, 164, 213, 330, 366, 456
Скряба Василий, московский в. 57
Слёзкин Ю., историк 369, 456
Словцов П. А., историк 23, 47
Смирнов И. И., историк 461
Смирной Никифор, мангазейский с. б. 126, 319
Снисаренко А. Б., историк 185, 216
Соковнин П. Ф., енисейский в. 218
Соколовский И. Р., историк 46
Соколовский С. В., историк 462, 463
Соколова З. П., этнограф 370
Солдат Иван, якутский к. десятник 141
Соловьев А. И., этнограф 456
Соловьев С. М., историк 7, 53, 148, 217
Соль-Ванюта, самоедский род 349, 451
Сонта, югорский князец 360, 361
Сопли см. Япти (Яптики)
Сорокин Иван, мангазейский стрелецкий десятник 138, 399, 441
Сорокин П. Е., историк 213
Сорьев Василий, березовский к. десятник 140
Сотысиды, самоедский род 344
Софья, царевна 229
Спафарий-Милеску Н.Г., русский посол в Китай 144, 146, 160, 171, 214
Спиридонов Пятой, мангазейский д. 123, 245, 320, 321
Сталин И. В., государственный деятель 28
Станиславский А. Л., историк 151, 152
Старков В. Ф., историк 29, 48, 51, 69, 150, 154, 158, 159, 215, 217–219, 337, 339, 340
Старков Влас, тобольский с. б. 319
Стеньшин П. Г., якутский д. 410
Степанов В., человек воеводы 262
Степанов Н. Н., историк 213, 333, 367, 456
Степанов Путилко, пелымский под. 243
Стефан Пермский, миссионер в Перми Вычегодской 58, 148
Сторожев В. Н., историк 234, 328
Стравинский, польский комендант Могилева 150
Строганов Г. А., промышленник 61, 75

Строганов М. Я., промышленник 72, 73, 75, 78, 163
Строганов Н. Г., промышленник 72, 78
Строганов С. А., промышленник 72
Строгановы, торговые люди и солепромышленники 61, 71–74, 149, 163
Строев А. Е., томский в. 248
Стромилов Ю. Я., березовский п. г. 100, 226
Струшинский Савастьян, с.б 297
Сукин В. И., царский воевода 151
Сулешев Ю. Я., кн., тобольский в. 191, 249, 300, 389
Супонев К. О., якутский в. 410
Сухотин Л. М., историк 234, 328
Сынка, сотник 428
Сыркин А., новокрещеный остяк 323
Сычов Афанасий, пустозерский под. 438, 439
Сычев Василий, мангазейский сл. ч. 138

Тагай, старший сын пелымского князя Аблегирима 82
Тайшин, Василий князец 120
Талыбко, остяк 421
Талызин Л. И., березовский в. 104, 446, 447
Талынга, самоедский род 345
Талык Мурза, сосьвинский остяк 385, 386
Танаев Ортюга 111
Танаев Куманак, мурза Большой Конды 82
Тарабукин Василий, коми-зырянин 92
Тарамшин Григорий, березовский там. г. 283
Тарасий, игумен Воскресенского монастыря в Березове 103, 104
Тарков С., тобольский под. 401
Тармашин Яков, торговый человек 192
Татев Ф. А., кн., березовский в. 388
Татов Обчин, обдорский самоед 396
Таутай, сын пелымского князя Аблегирима 82
Тверитин Анисим Яковлев, сургутский к. десятник 308
Тверитинов Григорий Иванович, дьячок 308
Тверитинов Иван, сургутский к. 308
Тверитинов Иван Михайлович, сургутский к. 308
Тверитинов Михаил Анисимович, сургутский к. 308
Тверитинов Павел, сургутский к. 308
Тверитинов Роман 308
Тверитинов Семен 308
Тверитинов Юдка Анисимович, сургутский к. 308
Тверитиновы, к. род в Сургуте 305, 308
Темкин-Ростовский М.М., кн., тобольский в. 328, 408
Темко А., публицист 19
Терентьев А., историк 463, 464
Тёрнер Ф. Дж., историк 13, 14, 16, 45
Теряев Г. Г., д. 196, 197, 218, 439
Течик, югорский князец 57, 359
Тимофеев Иван, мангазейский священник 266
Тимофей, березовский священник 103
Тимофей, игумен не возникшего Преображенского монастыря в Туруханске 121
Титов А. А., историк 216, 219
Тихон, игумен Туруханского Троицкого монастыря 23
Тихон, священник 126
Тишков В. А., историк 466, 471
Тишков Дементий, мангазейский стрелецкий сотник 204, 301
Толедо Франсиско де, испанский вице-король 468
Толмачев Иван, пелымский стрелец 273
Толочанов А. М., березовский в. 98, 105, 106, 390
Толстой М. А., верхотурский в. 181
Толстоухов И., мангазейский там. г. 193, 286
Томыл, самоедский князец 63, 345
Тонема (Тонья) см. Кинема
Торлопов Иван, березовский пушкарь 256
Торопчанинов Алексей, сургутский атаман 305, 411
Торопчанинов Андрей Алексеевич, сургутский к. сотник 305
Торопчанинов Афанасий 305
Торопчанинов Иван 305
Торопчанинов Петр Алексеевич 305
Торопчанинов Федор Юрьев, сургутский к. 305
Торопчанинов Яким Иванов, сургутский к. 305

Торопчаниновы, к. род в Сургуте 305
Травин Иван Салтык, московский в. 59, 360
Траханиотов Н. В., березовский в. 77–79, 81, 109, 152, 225, 290, 291, 293
Трепавлов В. В., историк 36, 43, 50, 150, 151, 215, 333, 370
Третьяков В., студент 354
Трубецкой А. Н., кн., судья Сибир. приказа 232, 271, 378
Трубецкой Д. Т., кн., боярин 232
Трясоголов, карачейский самоед 344
Тугунаско, кодский остяк 421, 422
Тудолиско, обдорский самоед 446
Тудулин Мачт, тундровый самоед 344, 448
Туманик И. Р., историк 46
Туполко Лучок 406
Тупылев Максим, сургутский к. 306
Тупылев Михаил, сургутский к. 306
Тупылев Осип Михайлович, сургутский к. 306
Тупылев Петр Кузьмич, сургутский к. 306
Тупылевы, к. род в Сургуте 305, 306
Тупыль (Тупол) Лукьян Иванов, остяцкий толмач в Сургуте 306
Тураев В. А., историк 461
Тутолмин Ф., сыщик 446
Тухачевский Я. О., мангазейский в. 127, 202
Тынгин Итилидка, самоед 399, 435
Тынгин Собка, самоед 399
Тынгины, самоедская семья 435
Тырков В. Ф., сибир. с.б. 82, 90
Тютчев Дмитрий, дворовый человек сургутского в. Белкина 239
Тютчев И. Н., тобольский п.г. 134

Улеб, полководец 53
Ульв, сын ярла Ладоги 53
Ураз-Мухаммед, ногайский князь 70
Урей, карачейский самоед 344
Урунк, сын князя Вони 83, 84
Урус, правитель Ногайской орды 71
Урусов И. С., пелымский в. 245
Усов А. В., нарымский в. 143
Успенский Б. А., историк 265, 332
Устюгов Н. В., историк 214
Устюжанин Д. Г., торговый человек 192
Устюжанин Мишка Иванов, гулящий человек 323
Ухтомский П. М., кн., мангазейский в. 126, 127, 132, 138, 194, 197, 201, 242, 243, 354, 355, 401, 440, 441
Учкутко, остяк 421
Учот (Александр), внук пелымского князя Аблегирима 82
Ушаков Б., тобольский под. 256, 259
Ушатый П. Ф., кн., московский в. 59, 363, 455

Фанторн М. И., березовский в. 446
Федор Алексеевич, царь 134, 229
Федор Вымский, пермский князец 60, 61, 360
Федор Иванович, русский царь 55, 345, 367, 374, 385, 388
Федоров Иван, тобольский к. атаман 206
Федоров Петр 309
Федоров Пятой, стрелецкий десятник 111
Федоров Тугарин, сургутский к. атаман 87–90, 142, 239, 307–309
Федоров Федот, нарымский казак 242
Федорова Е. Г., этнолог 37, 38, 51, 454
Федорова Н. В., археолог 347, 452
Федотов Василий, торговый человек гостиной сотни 284
Фер Г. де, участник экспедиции В. Баренца 68
Филарет (Федор Никитич Романов), патриарх 103, 125, 315, 316
Филарет, игумен Воскресенского монастыря в Березове 104
Филиппов С., тобольский стрелец 316
Филофей, епископ Пермский 59, 360–362
Финч Ричард, английский торговый агент 189, 190
Фирсов Н. Н., историк 315
Фишер Р., историк 47
Фомин Яков, мангазейский стрелец 271
Форсит Дж., историк 20, 46
Францбеков И. А., березовский в. 105, 106, 283, 392
Францеженин Савва, тобольский с.б. 378
Французова Е. Б., историк 213
Футин М., мангазейский там. г. 286

Хабаров Е. П., знаменитый землепроходец 44, 400
Хазанов А. М., историк 370
Харючи (Харуци, Карачеи), самоедский род 63, 343–349, 362, 437, 439, 449, 451
Хаска (Хозка), карачейский самоед 344, 348, 438
Хаттенбах Г. Р., историк 22, 47
Хворостинин Д. И., кн., военачальник 70
Хемминг Дж., историк 471
Хена (Хыня, Хесна), карачейский самоед 348, 395, 398, 399, 442, 444
Хилков В. И., тобольский в. 202, 203
Хилков И. А., тобольский в. 401, 432
Хинтцше В., 47
Хиян, карачейский самоед 344
Хлопов М. Т., тобольский п.г., нарымский в. 142, 311, 458
Хмелевский Павел, тобольский с.б. 95–98, 101, 104, 155
Хованский А. А., тобольский в. 239
Ходарковский М., историк 19, 46, 455
Хозка, см. Хаска
Хомич Л. В., этнолог 150, 346, 453
Хомяков-Языков Иван, нарымский в. 142, 143
Хрипунов Я. И., енисейский в. 93, 102, 164, 165, 200, 293
Хромых А. С., историк 15, 45
Хулеев Пось (Поско), вождь Больших Карачеев 298, 348, 395–399, 432, 436, 438, 441–445, 449
Хулеев Хаска, самоед 398, 399
Хулейко, карачейский самоедский вождь 348, 438
Хынин Корюча, карачейский самоед 348, 349, 445, 447

Ципоруха М. И., историк 213
Цынгоп, остяцкий князец 383, 385, 388
Цынгопов Богдан, березовский остяк 421, 422

Чаадаев И. А., нарымский в. 410
Чагин Г. Н., историк 149, 150
Чалмак, князец 360, 361
Чангил (Цингаль), кодский князец 360–362
Чаплин Никифор, тобольский под. 317, 318
Чаплин Салтан, чердынский приказной человек 77
Чаплин Семен, тобольский п.г. 405, 406
Чванов А. Р., историк 216
Чебаевский Афанасий, березовский там. г. 283
Чекичев, Нечай, коми-зырянин 262
Чепчугов Иван, заключенный 272, 318
Черкасов Дмитрий, тобольский с.б. 439
Черкасский П. А., кн., березовский в. 99, 100, 121, 226, 258, 419–422
Чермной Яков, березовский атаман 94, 295
Чернавская В. Н., историк 14, 18, 45, 46
Чернецов В. Н., историк 346
Черносвитов П. Ю., историк 12, 45
Чирков Назар, тобольский с.б. 143, 144, 260, 261
Чичерин Б. Н., историк 221, 326
Чумеев Сатар, остяк 383
Чушола Григорий, промышленный человек 272

Шалмачеев Колымса, остяк Березовского у. 437
Шарапов Ф., тобольский п.г. 286
Шарума, самоедский князец 352, 441
Шатанка, вогул Пелымского у. 274
Шафран Алексей, мангазейский стрелецкий сотник 180
Шахматов А. А., историк 53
Шахов Василий Иванович, сын к. 297
Шахов Василий Никифорович, березовский к. десятник 297
Шахов Дмитрий Васильевич, березовский к. 297
Шахов Дмитрий Никитич, березовский к., затем таможенный под. 256, 283, 297, 299
Шахов Иван, березовский к. 119, 297, 444
Шахов Никита Дмитриевич, березовский к. 257, 297
Шахов Прохор Дмитриевич, березовский к. 297
Шахов Степан Васильевич, березовский к. 297
Шаховской М. М., кн., тобольский п.г., основатель Мангазеи 92, 93, 94, 102, 121, 167, 200, 220, 295, 300, 307, 352, 377, 422

Шаховской П. М., кн., пелымский в. 275
Шаховы, к. род в Березове 296, 297
Шашков А. Т., историк 33, 42, 49, 51, 73–75, 77, 78, 83, 84, 86, 88, 89, 103, 104, 113, 114, 116, 148, 151–155, 157, 213, 275, 329, 337–340, 360–365, 373, 376, 418, 419, 423, 424, 454, 455, 457, 460–463
Шашков С. С., сибир. историк-областник 7, 315
Швейковская Е. Н., историк 235, 328
Шемякин М., мангазейский там. г. 193
Шестаков Никита, поморский кормщик 211
Шилик, остяк Куноватской волости 257, 258
Шиловский М. В., историк 14, 15, 45
Шишкин Ф. Г., воевода в Сургуте в 1623–25 гг., в Томске в 1633–35 гг. 248–250, 402
Шишкин Ю. Ф., мангазейский в. 266–268
Шренк А. И., ученый, путешественник 344, 345, 452
Штаден Генрих, опричник 63, 64, 150
Штенцель А., историк 216
Шубин Леонтий, промышленник 345
Шубин Леонтий (Левка), поморский промышленник, см. Плехан Леонтий Иванов
Шуин Лукумя, вогул Пелымского у. 273, 274
Шуйский В. И., царь 142, 156, 216, 377, 413, 420–422, 424, 457, 458, 460
Шульгин И., тобольский с.б. 255
Шунков В. И., историк 10, 11, 26, 44, 47, 48

Щапов А. П., сибир. историк-областник 7, 315
Щеглов И. В., историк 23, 47
Щеголдаев Смагин, надымский остяк 443, 463
Щелкалов А. Я., думный д. 72, 221, 316
Щелкалов В. Я., думный д. 221
Щепельницын Петр, посадский человек 257
Щербатов К. Н., кн., сургутский в. 323

Эйлив, ярл Ладоги 53
Элерт А. Х., историк 23, 36, 47, 50, 452, 457
Эскин Ю. М., историк 158, 245, 329, 330

Юдин Кузьма 308
Юмшан, вогульский князец 359, 360, 363
Юрьев И., волжский казак 71
Юрьев Онжа, остяцкий князец 377, 381, 382, 419–422, 425–427
Юхи (Пучи, Югучейский, Ючи), самоедский род 344, 353–355, 435, 451

Ядринцев Н. М., сибир. историк-областник 7, 8, 20, 43, 44, 315
Языков С. А., историк 331
Яков, священник в Коде 102, 123
Яков I, король Англии 217
Яковлев Первой, к. 298
Яковлев Пятой, сургутский к. 282
Яковлева Алена, жительница Пелыма 428
Ялта, мурза Пелымского у. 274
Ялты, самоедский род 344
Янин В. Л., историк 148
Янов В. Ф., нарымский в. 251, 312
Япти (Яптики), самоедский род 451
Яр (Яры), самоедский род 344, 451
Яркома, самоедский князец 63, 345
Ярицлейв см. Ярослав Мудрый
Ярослав Мудрый, князь 53
Ярославец И. Ф., к. пятидесятник 198, 199
Ярофеев Л., сургутский к. 323
Ярыгин М. И., якутский с.б. 140
Ясински М. Э., историк 215
Яуров Хачаулко, обдорский самоед 446
Яхонтов И., писец в Перми Великой 61, 149

Bassin M. см. Бассен М.
Forsyth J. см. Форсит Дж.
Huttenbach H. R. см. Хаттенбах Г.Р.
Lantzeff G. V. см. Ланцев Дж.В.

Указатель географических названий

Абалак, селение на р. Иртыш 75
Авам, р. 136
Австралия 35
Аган, р. 350, 351
Азиатская Россия (Северная Азия) 45
Азов, г. 269
Алатырский уезд 218
Алатырь, г. 71
Алдан, р. 165
Алексин, г. 310
Алтай 179
Альдейгьюборг (Ладога) 53
Америка 469
Америка Северная, см. Северная Америка
Америка Южная, см. Южная Америка
Амур, р. 22, 304
Анабар, р. 135, 138
Анабарское зимовье 138
Анадырский острог 141
Анадырь, р. 141
Ангара, р. 164, 293
Англия 16, 17, 18, 19, 21, 66, 186, 217, 466, 469
Аргун, р. 295
Аремзянская волость 408
Арктика 48, 150
Архангельск, г. 68, 69, 188, 190, 191, 205, 208, 210, 211, 217
Аслымские юрты 406
Аслыпская волость 359
Астрахань, г. 71, 222
Африка 13

Базьянская (Темличеева) волость 389, 404
Байдарацкая губа 66
Байкал, озеро 49
Балахна, г. 310
Балчаровская волость (бывшая Малая Кода) 375
Баранча, р. 164, 166
Бардака княжество 383, 430
Бардакова волость, 359, 430
Баренцево море 53, 66, 182
Барсов городок, городище 372
Бежецкий Верх, г. 338
Белогорская волость 359, 366, 421, 422, 426, 427
Белое море 54, 65, 182, 185, 187
Беломорье 64
Березов остров, см. Березов
Березов, г. 33, 40, 41, 42, 43, 55, 77–80, 82, 84–86, 90, 92, 95–109, 117, 119, 120, 130, 140, 151, 169, 170, 189–191, 198, 202, 224–226, 229, 231, 232, 244, 247, 254, 256–259, 261, 267, 276, 277, 280–283, 288, 293, 294–301, 304, 308, 309, 311, 317, 375, 376, 387, 388, 391, 393, 395, 396, 398, 399, 404, 412, 413, 415, 417–424, 426, 427, 432, 434, 441–444, 461
Березово (соврем. название г. Березов) 33, 51, 149
Березовский край 47
Березовский уезд, 5, 55, 62, 98, 117, 139, 295, 296, 299, 300, 310, 341, 349, 358, 359, 374, 384, 385, 387, 388–390, 391, 392, 400, 407, 412, 419, 422, 424, 426, 431–433
Берингов пролив 28
Божонки, село Бежецкого уезда 323
Большая Конда, часть Пелымского уезда 77, 82, 84, 273, 357, 374, 376, 381, 386, 392, 393, 425, 427, 428
Большая Ногайская орда, татарское государство 69–71, 150, 151
Большая Обь, р. 412

Большая Юганская волость 404
Большеземельская тундра 347
Большой Юган, р. 462
Боровец, г. 364
Бутальский острожек 165
Бьярмаланд (Бьярмия) 54
Бьярмия, легендарная северная земля у скандинавов 53, 54, 148

Вага, р. 310
Вагай, р. 75
Вайгач, о-в 66, 189
Васпукольская волость 376, 380, 383
Васюган, р. 356
Васюганская волость 314, 359, 411, 412
Вах, р. 285
Вах, р. 426
Ваховская волость 359, 376, 380
Великий Волжский путь 52
Велиткея 91
Верхнее Прикамье 60
Верхний Нарым, селькупский городок 153
Верхняя Баиха, р. 353
Верхняя Нарымская волость 385, 389
Верхотазское зимовье 136, 353, 355, 393
Верхотурский уезд 168, 170, 172, 191, 212, 237, 270, 357
Верхотурско-Тобольский земледельческий район 213
Верхотурье, г. 77, 78, 79, 91, 110, 167, 168, 169, 170, 172, 173, 177, 181, 188, 189, 190, 226, 231, 270, 276, 278, 286, 289, 300, 377, 403, 428
Верхтагильский городок 75, 76, 166, 167
Вессер, р. 186
Византия 64
Вилюй, р. 135
Вишера, р. 357
Вишеро-Лозьвинский путь 7
Владимиро-Суздальское княжество 57
Вогулка (Вагулка), р. 96, 97, 100, 101, 108
Вогульская протока 80, 96, 97, 105, 108
Войкарский городок 84
Воксарский городок (Woksarit-wasch), см. Пантуев городок
Волга, р. 69–72, 212, 217, 295
Волжско-Камский бассейн 162
Вологда, г. 59, 64, 310
Волок Пинежский 178, 310
Воринская волость 429
Вымский волок 65
Вымь, р. 65, 79, 377
Вычегда, р. 53, 65, 261, 281
Вятка (как территория, область) 75, 78, 172, 360, 364
Вятка, р. 278

Гаринская слобода 292
Германия 18
Гыданский п-ов 199

Дальний Восток 18, 19, 46
Двина, р., см. Северная Двина
Дединово, село под Коломной 162
Демьянка, р. 366
Демьянский ям, поселение ямщиков на Иртыше 312, 407–409
Дмитров, г. 364
Дон, р. 69, 71, 295
Древнерусское государство 148
Древний Египет 212
Древня Русь 148
Дубчес, р. 135, 136
Дудинка, р. 137, 302
Дудыпта, р. 136

Евразия 355
Европа Западная 13
Европа Северная 147, 185, 186
Европейская Россия 6, 8, 15, 300
Елабуга, село в Казанском крае 168
Елец, р. 66
Емдырская волость 376
Емдырь, р. 375
Емец, р. 310
Енисей, р. 27, 50, 69, 88, 92, 124, 130, 133, 135–137, 145, 171, 182, 202, 207, 216, 264, 267, 290, 302, 309, 348, 352, 353, 355, 378, 394, 433, 445, 448, 464
Енисейск, г. 143, 164, 165, 170, 171, 177, 193, 218, 261, 263, 266, 268, 278, 281, 293, 294, 304, 307, 308, 317, 378, 432, 434
Енисейская губа 353
Енисейский край 302, 309, 310, 313, 314
Енисейское устье 69
Ерёма, р. 136
Еренский городок (на р. Вычегда) 27
Еринский городок 79
Есейское зимовье 136, 138
Ессей, озеро 136, 138, 165
Естыльская волость 359, 390, 414

Желания мыс (на Новой Земле) 68

Забайкалье 50, 177, 294
Заволочье 54
Закаменное зимовье 136, 264
Заонежье 54
Зашиверск, г. 160
Зашиверский острожек (зимовье) 140, 141
Зеленая, р. в средней части п-ва Ямал, впадает в Обскую губу 191
Земля монканси (Monkansi ja) 90
Золотая орда 370
Зырянский городок 91, 95, 393

Ивдель, р. 77, 167
Ижемская слободка 62
Ижма, р. 65
Изленд (тоже, что Енисей) 67
Илек, р. 151
Илимпейское зимовье 136
Илимпея, р. 136
Илчма, аборигенный городок 365
Илыч, р. 66
Инбак, р. 136
Инбатское зимовье 136
Индигирка, р. 140, 296, 472
Индии, колониальные владения Испании в Америках 468
Индия 21, 217
Иньва, р.
Ирбитская слобода 169
Ирбитская слобода 172
Иргиское государство 374
Иркутский уезд 50
Иртыш, р. 59, 75, 76, 78, 80, 92, 126, 167, 170, 180, 182, 190, 192, 312, 358–361, 366, 374, 413, 434
Искер (Кашлык, Сибирь), г. 74–76, 366
Испания 19, 20, 21, 46, 468, 469
Италия 185

Казанский край 221, 278, 333
Казань, г. 71, 75, 168, 222, 278, 333
Казым, р. 350
Казымская волость 257, 296, 351, 359, 361, 391–393, 415, 421, 432
Казымское княжество 383
Кама, р. 61, 72, 73, 168, 212, 357, 365
Каменная Обь, р. 93
Каменная сторона, территория слева от низовий Оби 341, 436
Каменный пояс, см. Камень
Каменный, мыс на восточном берегу п-ва Ямал 191
Камень (Уральские горы) 79, 365, 436
Камчатка 275
Канада 467
Кара, р. 68
Караконская волость 389, 411
Каргополь, г. 291
Кармыш-Юган (Курмышюганский), городок 375, 382
Карская губа 68, 69, 189, 191
Карские ворота, пролив 53
Карское море 67, 68, 182
Кахамарка, г. в доколумбовой Перу 468
Кашлык, см. Искер
Кеврольский уезд 283
Кемь, р. 171
Кетск (Кетский острог), г. 41, 87, 88, 90, 142, 145, 146, 170, 224, 226, 229, 230, 232, 244, 277, 284, 285, 287, 304, 305, 308, 311, 312, 327, 334, 410
Кетский уезд 5, 356, 385, 410, 411
Кеть, р. 88, 142, 143, 170, 171, 218, 356, 409, 410, 411
Киевская Русь 161
Киртасская застава (таможенная) 281
Китай 66–68, 160, 214, 409
Китайское озеро 64, 67
Кода, р., приток Оби 373
Кода, территория 49, 82, 149, 360, 363, 367, 373, 374, 376, 377, 378, 382, 385, 418, 420–427, 457
Кодская волость, см. Кодские городки
Кодские городки 56, 76, 385, 431
Кодский городок, резиденция князей Алачевых 102, 375, 376, 377, 425
Кодский Троицкий монастырь 373
Кодское княжество 60, 359, 366, 372, 375, 379, 381, 383
Кола, городок 66
Коломна, г. 78, 293
Колоперемь, Пермь на Кольском п-ве 54
Колпуколская волость 376, 380, 383
Кольский острог 205
Кольский п-ов 54, 455
Конда Большая, см. Большая Конда
Конда Малая, см. Малая Конда
Конда Меньшая, см. Малая Конда
Конда, р. 357, 366, 373, 384, 426
Кондинские волости (Большая и Малая) 374
Кондогирское зимовье 137
Косьва, р. 357

Котуй, р. 136
Кочёма Нижняя, р. 137
Кочечум, р. 136
Красноярск, г. 165, 171, 244, 247, 304
Красноярский уезд 213, 214, 328, 330
Кременец, г. 364
Кузнецкий острог 379
Кулой, р. 188
Кумарский острог (на р. Амур) 305
Кунгопский острог 87, 88, 89
Куноват, р. 367, 376
Куноватская волость 261, 351, 359, 389, 390, 393, 412, 415, 421, 431, 432, 440
Куноватско-Ляпинское княжество 383
Куняцкий острог 87, 88, 154
Курейское зимовье 136
Курмыш, г. 254

Ладога, г. 52, 53, 55, 147, 148
Ладожское озеро 190
Ладожье 148
Лаптевых море 138
Ларпидская волость 410
Ларьятская волость 389
Лебауцкие юрты (то же, что Назым, г.) 366
Леденкин шар, зимовье 135, 136, 399
Ледовитый океан 135, 302, 324
Ледяная гавань, бухта на Новой Земле 68
Лена, поместье Алачева в вымских землях 376
Лена, р. 140, 193
Летнее зимовье 136
Летняя, р. (она же Учами) 136
Лозьва, р. 77, 79, 167, 357
Лозьвинский городок 76, 77, 78, 79, 167, 303
Лондон, г. 66
Лукоморье 64
Лумпеки, местность 83
Лумпокольские волости 359, 389
Луцк, г. 310
Лямин, р. 350
Ляпин (Лопынг-уш) городок 60, 364
Ляпин (манс.Лопынг), р., см. р. Сыгва
Ляпинская волость 359, 390, 393, 412, 415, 432, 440
Ляпинское княжество (вогульское) 362
Ляпинско-Куноватское территориальное объединение 56

Маковский волок 170, 171, 173, 410, 434
Маковский острог 170, 171, 173, 378, 409, 410, 411
Малая Конда (позднее – Балчаровская волость) 374, 386, 428, 430
Малая Юганская волость 404
Мангазейский морской ход 27, 30, 40, 42, 69, 91, 147, 202, 205, 345
Мангазейский уезд 5, 24, 27, 28, 135, 139, 178, 264, 294, 295, 301, 302, 349, 352, 354, 356, 385, 387, 394, 395, 399, 400, 436, 437, 441, 447
Мангазейское море, см. Обская губа
Мангазея (Старая Мангазея), г. 24, 25, 26, 28, 29, 30, 31, 32, 34, 35, 40, 42, 50, 51, 68, 69, 91, 93, 94, 118, 120–133, 136, 137, 150, 158, 167, 170, 180, 187–209, 215–220, 224, 226, 227, 232, 237, 242, 244, 245, 264, 267, 268, 272, 276, 278, 279, 281, 287, 293, 298, 301, 302, 307, 317–322, 327, 330, 334, 350–355, 394, 395, 399, 400, 434, 435, 437–442, 445, 446, 448, 451
Мая, р. 165
Медведь-камень, гора на берегу р. Тагил 166
Меденский заворот 189
Мезенские зимовья 441
Мезенский уезд 62
Мезень, р. 65, 67, 69, 189, 281, 310, 349, 439, 447
Мексика 21
Мелесцы 90
Меркушино, село на р. Туре 169, 172
Мещевск, г. 151
Могилев, г. 70, 73, 150
Мозянский городок (остяцкий) 257
Молгонзея (Мунганзейская земля), 23
Московское государство (Московия) 22, 33, 44, 52, 150, 213, 328, 371, 387
Московское княжество 58, 360
Мунгазея (как территория) 91, 92, 187, 276
Мутная, р. в средней части п-ва Ямал, впадает в Карское море 189, 190, 191, 391

Надым, остяцкий городок 31, 94, 119, 440, 441, 444, 445, 447, 463
Надым, р. 198, 350, 440,
Надымская губа 198, 344, 434, 435
Надымская Обь 198

Назым (Лебауцкие юрты), городок 366
Назымская волость 366
Наканно, поселок в Эвенкийском автономном округе 137
Нангакарский городок 375
Нарамза, р. 66
Нарва, г. 295
Нарым (Нарымский острог) 41, 86, 87, 89, 90, 142–145, 170, 171, 224, 226, 232, 244, 251–253, 260, 261, 277, 284, 285, 287, 304, 306, 308, 311, 312, 323, 334, 350, 411, 412, 430, 458
Нарымские волости (Верхняя и Нижняя) 458
Нарымский городок (селькупский) 86, 87, 356
Нарымский уезд 5, 252, 253, 356, 385, 410, 411
Нарымское Приобье 84, 86, 355, 381
Невьянская слобода (острог) 169
Невьянская слобода (острог) 172, 178
Непа, р. 136
Нерчинск, г. 289
Углич, г. 291
Нерчинский уезд 50
Нижнее Приобье 32, 33, 39, 49, 52, 55, 65, 67, 90, 91, 189, 364, 372, 440, 450
Нижнее-Янское зимовье 141
Нижний Енисей 435, 463
Нижний Иртыш 384, 407, 432
Нижний Нарым, городок 153
Нижний Новгород, г. 310
Нижняя Баиха, р. 353
Нижняя Кочёма, р. 137
Нижняя Нарымская волость 389
Нижняя Обь 56, 79, 82, 341, 358, 412, 414, 415, 450
Нижняя Тунгуска, р. 130, 135, 136, 137, 180, 193, 378, 393, 394
Низовая сторона, территория справа от низовий Оби 341, 440
Низянский городок 383
Нил, р. 212
Ницынская слобода 172
Новая Земля, архипелаг между Баренцевым и Карским морями 68, 182, 184, 186
Новая Испания (Мексика) 467
Новая Мангазея, см. Туруханск
Новая Сибирь, см. Тобольск
Новая Франция, колонии Франции в Северной Америке 466
Новгород Великий, г. 52, 55, 57, 59, 148, 186, 363, 364
Новгородская земля 149, 182, 363
Новгородская Русь 54
Новый Свет 22, 313, 466, 468, 469
Ногайская Орда, см. Большая Ногайская орда
Носовой (Nosoro-Gorodock) городок, см. Обдорский городок
Ньюфандленд, о-в 147

Обва, р. 61
Обдор, территория низовий Оби 51, 56, 59, 93, 360, 362, 434, 436
Обдорская волость (остяцкая) 93, 261, 359, 389, 390, 392, 401, 419, 420, 423, 426, 432, 440
Обдорская застава (таможенная), см. Обдорский городок
Обдорский (Носовой) городок, 82, 83, 90, 93, 116–121, 152, 157, 170, 178, 180, 197, 198, 209, 231, 276, 281, 282, 285, 286, 288, 296–299, 314, 344, 348, 349, 391, 395, 396, 401, 413, 414, 420, 435 , 438–440, 442, 444–447
Обдорский остяцкий городок (Пулинг-авот-ваш) 116, 119
Обдорское княжество (остяцкое) 83, 116, 117, 383, 418
Обская губа 64, 66, 69, 90–92, 126, 128, 182, 188–190, 192, 194, 201, 202, 207, 209, 210, 345, 347, 433, 435, 437
Обская Собь, р. 66, 83
Обской (или Мансуровский) городок 76, 83, 146, 304, 375, 376
Обской Север 33, 297, 448
Обь, р. 57, 59, 63, 67, 68, 76, 78, 90–92, 117, 126, 142, 143, 167, 170, 180, 182, 188–192, 209, 216, 217, 281, 290, 299, 312, 345, 347, 349, 351, 360, 366, 374, 375, 406, 434, 445
Обь-Иртышский бассейн 171, 179
Ока, р. 204
Окладникова слободка (Мезенского уезда) 276
Олекма, р. 140
Олекминский острог 140
Онежское устье 205
Орел-городок 61, 72
Осетровка (Мангазейка), р. 121
Отхожий округ (Чердынского уезда) 61
Охотск, г. 22

Охотское море 19, 165, 182
Охотское побережье 213

Пантуев городок (Pandu-garden) 31, 92, 93, 94
Парабель, р. 260, 356
Парабельская волость, 458
Пегая орда, территория селькупов в Нарымском Приобье 37, 83, 85–87, 89, 90, 153, 295, 350, 376, 384, 458
Пегие колмаки 374
Пелым, г. 41, 42, 77–80, 84, 109–114, 151, 170, 214, 224, 226, 232, 237, 244, 255, 271, 273, 276, 290–293, 304, 322, 413, 428, 429, 431
Пелымка (совр. р. Пелым), р. 80–82, 112, 360
Пелымский уезд 5, 225, 357, 374, 384, 386, 392, 393, 404, 413
Пелымское княжество (вогульское) 59, 273, 357, 363, 372, 373, 383, 384, 428
Пелынь, р., см. Пелымка
Перемь (одно из названий Перми как края) 53, 54
Переяславль Рязанский 78, 293
Пермь Великая (как территория) 54, 57–61, 72, 75, 77, 149, 172, 292, 303, 359, 360, 362, 365, 372, 373, 428, 429
Пермь Вычегодская (как территория) 54, 57–60, 62, 78, 359
Персия 217
Перу 21, 468
Петербург, г. 19, 41
Печера (народ) 54, 62
Печора, р. 56, 61, 64–67, 79, 180, 189, 192, 281, 391, 418
Пим, р. 350
Пинега, р. 69, 189, 211, 310
Поволжье Среднее 44, 146, 221, 326
Подгородная волость (Березовского уезда) 359, 404, 412, 415, 419
Подгородно-Юганская волость 404
Подкаменная (Средняя) Тунгуска, р. 135–137, 180, 193, 264, 295, 393, 399
Подмосковье 75
Подсопошная, р. на восточном побережье п-ва Ямал 198, 200
Полуй, р. 82, 83, 418, 442
Польша 236
Поморье 65, 90, 167, 187, 189, 190, 210, 211, 219, 235, 280, 282, 309, 310, 328, 333, 345
Порабилцы (от р. Парабель) 90
Португалия 19
Приамурье 19, 50, 40
Приладожье 148
Приобье (территория) 347
Припечорье 347
Приполярье 346
Приуралье 56, 61, 69, 72
Пронск, г. 327
Псков, г. 148
Пулинг-авот-ваш, городок, см. Обдорский остяцкий городок
Пур, р. 38, 66, 90, 92 139, 194, 200, 220, 350, 351, 446
Пуровский остров, напротив устья р. Пур 200
Пур-Юган, р. 38
Пустозерск (Пустозерский острог) 60, 62, 63, 64, 76, 90, 149, 187, 188, 190, 215, 217, 276, 341, 343, 345, 348, 349, 363, 384, 391, 398, 399, 435, 439, 443
Пустозерский уезд 62, 343, 348, 349, 435, 436, 438, 439, 443, 446, 447,
Пустоозеро 62, 189, 191, 434
Пясидское зимовье 136, 355
Пясина (Пясида), р. 135, 138, 165
Пясинское озеро 137

Речь Посполитая 70, 285, 301
Роговой городок (Сускар) 391
Русская Америка 46
Русский Север 30, 67, 90, 91, 163, 216, 217, 310, 322, 326, 330

Салехард, г. 152
Салымская волость 359, 389, 404
Самара, г. 151
Самаровские горы 170, 180
Самаровский ям (слобода) 49, 312, 339, 407, 408, 465
Сарайчик, г. 71, 73
Саяно-Алтай 347
Свияжск, г. 75
Север 45, 54, 161
Север Зауралья 215
Север Сибири 141
Северная Азия 17
Северная Америка 17
Северная Америка 7, 13, 14, 16, 17, 46, 150, 339, 466
Северная Двина, р. 54, 66, 69, 189
Северная Евразия 148

Северная Европа, см. Европа Северная
Северная Сосьва, р. 66, 78, 79, 80, 96, 100–102, 361, 367
Северное море 68
Северное Приуралье 52, 55, 57, 61
Северный морской путь 28
Северный Урал 49, 56, 57, 60, 64–66, 69, 151, 180, 192, 299, 347, 385, 435
Северо-Восток Сибири, см. Сибирь Северо-Восточная
Северо-Восточная Русь 148
Северо-Восточный проход 28, 68, 150
Северо-Запад Руси 213
Северо-Западный проход 150
Селиарская волость 359, 389, 404
Селигер, озеро 310
Серебрянка, р. 164
Серпухов, г. 338
Сибирская губерния 329
Сибирский юрт (ханство) 17, 50, 146
Сибирь Восточная 48, 50, 91, 129, 171, 294, 307, 333, 402, 407
Сибирь Западная 22, 23, 28, 32, 33, 43, 44, 49, 50, 60, 94, 192, 322, 324, 341, 346, 358, 368, 371, 372, 402, 415, 417, 431, 448, 450, 451, 469
Сибирь Северо-Восточная 26, 43, 44
Сибирь Северо-Западная 5, 12, 22, 24, 25, 26, 32, 35, 38, 42, 47, 49, 64, 68, 69, 91, 95, 147, 152, 187, 190, 199, 212, 220, 223, 261, 288, 290, 314, 316, 317, 320, 324, 350, 355, 384, 385, 404, 417, 450, 465, 471
Сибирь, г. см. Искер
Скандинавия 53, 148
Скандинавский п-ов 53, 66
Смоленск, г. 73
Собская застава (таможенная) 117, 281, 285, 288, 299, 300, 334, 401
Собское устье, см. Собская застава
Собь, р. 66
Соликамск 310
Соликамский уезд 60, 61, 312
Соловецкий монастырь 205
Соль Вычегодская, г. 78, 79, 172, 418
Сольвычегодский уезд 312
Сосьва, р. 357
Сосьвинская волость 261, 359, 390, 412, 414, 415, 426, 427, 432
Среднее Поволжье, см. Поволжье Среднее
Среднее Приобье 284, 401–403, 411
Средний Урал 150, 356
Средняя Азия 368
Средняя Обь 181, 350,356, 358, 383, 404, 412, 414, 430, 432, 467
Средняя Тунгуска, р., см. Подкаменная Тунгуска
Старая Ладога, см. Ладога
Старая Мангазея, см. Мангазея
Старая Сибирь см. Искер
Столбовая ,р. на восточном побережье Обской губы 196, 200, 206
Студеное море (Северный Ледовитый океан) 302
Сунжа, р. 295
Сургут, г. 33, 34, 39, 40, 42, 49, 51, 83, 84, 85, 88–90, 114–116, 130, 170, 180, 220, 225, 226, 229, 232, 238, 239, 242, 244, 250, 275–278, 280, 284, 287, 291, 293, 303, 305–312, 316, 323, 330, 334, 350, 387, 404–406, 409, 411, 412, 424, 430, 431, 446
Сургут, местность 83
Сургутский уезд 5, 42, 51, 84, 85, 90, 250, 329, 356, 359, 385, 387, 389, 401, 402, 405, 407–409, 412, 414, 424, 430
Сургутское Приобье, см. Среднее Приобье
Сускар, см. Роговой городок
Сухона, р. 162
Сухоно-Двинский бассейн 162
Сухоруковские юрты, остяцкое поселение 312
США 14, 15, 17, 18, 19, 45, 466
Сыгва (Ляпин), р. 66, 361, 363, 367
Сылва, р. 73, 357
Сым, р. 90
Сымская волость 411
Сынский городок 436

Табаринская волость 273, 274, 404
Таборинская слобода 292
Таборы, местность в Пелымском уезде 80, 81, 82, 357, 385
Тавда, р. 80, 82, 109, 112, 170, 357, 360, 385
Тагил, р. 166, 167
Тагильская слобода 169
Тагильский волок 76, 164, 166
Таз, р. 38, 66, 90–92, 94, 135, 136, 189, 191, 193, 200, 204, 207, 209, 220, 287, 302, 347, 350–354, 356, 437, 439, 440, 441, 448, 451

Тазовская губа 187, 391, 440
Тазовская сторона 411
Тазовский городок 31
Тазовское зимовье (в XVIII в. так называлась заброшенная Мангазея) 448, 449
Тазовское устье 441
Тазовско-Пуровский район 129
Тазовско-Туруханский район 27, 91
Таймыр, п-ов 137, 302, 342, 355, 393
Таймыра (Верхняя), р. 135
Таймырский (Долгано-Ненецкий) автономный округ 352
Тара, г. 225, 247, 275, 291, 303, 305, 309, 330, 334, 382, 408
Тахтанская волость 273, 274
Темличеева волость, см. Базьянская волость
Темников, г. 71
Теночтитлан, столица ацтеков в доколумбовой Мексике 472
Терек, р. 295
Тетерское зимовье 137
Тетея, р. 136
Тимьянский городок (остяцкий) 257
Тихий океан 18, 22, 150, 165, 290
Тобол, р. 59, 78, 79, 170, 190, 360
Тобольск, г. 22, 39, 76, 77, 78, 80, 83–86, 92, 104, 110, 118, 121, 128, 129, 151, 169–173, 178, 185, 188, 190, 191, 193, 195–203, 206, 207, 209, 217, 224, 226, 231, 237, 241, 243, 244, 255, 256–258, 260, 261, 266, 271, 274, 275, 278, 280–282, 284–286, 288, 299, 300, 303, 304, 308, 312, 315, 317, 322, 328, 330, 374, 376, 378, 379, 382, 393, 396, 404–408, 413, 415, 417, 418, 424, 426, 427, 432, 434–437, 439, 441, 446, 457
Тобольский уезд 359, 407, 408, 413
Тобольское наместничество 135, 159
Тогурское (Верхнее) устье р. Кеть 142
Тома, р. 171, 244
Томск, г. 146, 170, 173, 180, 231, 280, 281, 293, 294, 300, 323, 377, 405, 408, 430
Томский уезд 50, 356, 407
Томь, р. 309
Тотьма, г. 162
Тре, часть побережья Белого моря 54
Тромъеган, р. 350
Тром-Юганская волость 446
Тунгуска Средняя, см. Средняя Тунгуска
Тура, р. (бас. Ингоды) 136
Тура, р. (бас. Тобола) 78, 168, 169, 170, 190, 374
Туринск, г. 110, 111, 169, 170, 173, 214, 247, 300, 328, 403
Туринский уезд 168, 170, 191, 427
Турухан, р. 356
Туруханск (Новая Мангазея), г. 40, 43, 128, 129–135, 137, 139, 165, 178–180, 193, 202, 205–207, 224, 242, 264, 266, 267, 281, 286, 300–302, 317, 318, 322, 354, 394, 399, 433, 445, 448, 449
Туруханский край 28, 40
Туруханское зимовье, см. Туруханск
Турыжское зимовье 136
Турья, р. 79
Тым, р. 356
Тымская волость 389, 411, 412
Тэтэрэ, р. 137
Тюменский уезд 170
Тюмень, г. 47, 76, 111, 128, 156, 169, 170, 174, 179, 186, 191, 195, 196, 202–204, 206, 209, 214, 226, 249, 278, 379, 382, 403

Улья, р. 165
Урал, 22, 27, 33, 49, 50, 56, 57, 59, 60, 64, 65, 66, 69, 71, 73–78, 80, 90 146, 148–151, 162, 163, 166, 167, 180, 213, 223, 236, 247, 270, 275, 290, 303, 324, 329, 330, 345, 346, 349, 352, 357, 363, 364, 365, 373, 374, 385, 403, 424, 443, 455, 457, 469.
Уральские горы 54, 64, 65, 281, 363, 365
Уральский хребет 7
Уса, р. 65, 66, 180, 391
Усолье Камское, г. 60, 61
Усть-Вым, г. 58, 59, 64, 360, 362, 363, 373
Усть-Непское зимовье 136, 137
Усть-Тетейское зимовье 136
Усть-Цилемская слободка 62
Устюг Великий, г. 57, 58, 59, 65, 162, 172, 261, 280, 284
Устюжский уезд 280, 283
Ухта, р. 65
Учами, р., см. Летняя

Франция 16, 17, 19, 466, 469
Французская Америка (Канада) 313, 466
Фрисландия 185

Халь-уш (то же - Сугмут-ваш, Березовый город), см. Березов
Хантайка, р. 136
Хантайское зимовье 136, 445
Хатанга, р. 135, 136, 302
Хатангский залив 138
Хета, р. 136, 138, 271, 302
Хетское зимовье 400
ХМАО (Ханты-Мансийский автономный округ) 33, 151
Холмогоры, г. 187, 291, 443
Хольмгард, см. Новгород
Худосейское зимовье 135, 353
Худосея, р. 135, 136, 353, 355

Царёво-Кокшайск, г. 278
Центральная Америка 416
Центральная Россия 49, 309, 324, 421
Цильма, р. 65
Цингалинские юрты (остяцкие) 362

Часелька, р. 350
Частухинский Урий, городище 462
Чая, р. 356
Чердынский уезд 60, 61, 312
Чердынь, г. 60, 61, 72, 77, 78, 81, 91, 167, 365
Чересы 90
Черная коса, 200, 204, 206
Черное море 52
Чернолесье (Chorno-lese), местность на восточном берегу Обской губы
Черные горы, местность возле р. Столбовой 196, 200
Чубаровская слобода 164
Чукотка 43, 275
Чукотский п-ов 6
Чулым, р. 90, 356
Чунское зимовье 137
Чуня, р. 137
Чусовая, р. 61, 72, 73, 357
Чусовской острог (городок) 73
Чюлское зимовье 399

Швеция 217
Шегарка, р. 356
Шоркар, городок 366
Шоркарский городок (остяцкий) 257
Шпицберген, архипелаг 186

Щугор, р 64, 66

Эмдерский городок 372

Юганская волость 359, 389, 404, 407
Юганская Обь 280, 412
Югорская земля 55, 56, 57, 65, 85, 90, 353, 359, 360, 362–364, 373, 424
Югорский шар, пролив 67, 68
Югра 49, 54, 55, 59, 60, 152, 155, 360, 365, 370
Южная Америка 7, 16, 416, 466, 467, 468
Юкатан, п-ов 467
Юрьев Польский 335
Ючеи 91, 130

Яик, р. 69, 73
Якутия 26, 47, 139, 140, 182, 205, 284, 290, 330, 472
Якутск, г. 26, 140, 165, 208, 244, 263, 293, 294, 296
Ямал, п-ов 50, 64, 68, 69, 188–191, 198, 199, 345, 347, 349, 391, 448
Ямальский волок 187
Ямашев юрт, поселение на р. Туре 168
Ямыш, озеро 382
Яна, р. 296
ЯНАО (Ямало-Ненецкий автономный округ) 35
Япония 68
Яранск (Яренск), г. 172, 278
Ярославль, г. 125

Chondang, см. Конда, р. 373
Chondank, см. Конда, р. 373
Chorno-lese (Чернолесье), местность 350
Molgomzaia и Baida, местность 353

Список сокращений

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. В 5-ти т. СПб., 1841–1842.
АЮБ — Акты, относящиеся до юридического быта древней России. В 3-х т. СПб., 1857–1864.
ВВЛ — Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись.
ВГО — Всесоюзное географическое общество.
ГАТюмО — Государственный архив Тюменской области.
ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные
ЖМНП — Журнал министерства народного просвещения.
МГУ — Московский государственный университет.
НГУ — Новосибирскй государственный университет.
ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 1–2. М., 1988–1989.
ПСЗ — Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. СПб., 1830.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РАН — Российская академия наук.
РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-морского флота.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов.
РГО — Русское географическое общество.
РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. В 39-ти т. СПб., 1872–1927.
СПб. АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Академии наук.
СЭ — Советская этнография.
ТФ ГАТюмО — Тобольский филиал государственного архива Тюменской области.
ХМАО — Ханты-Мансийский автономный округ–Югра.
ЧОИДР — Чтения в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. М., 1846–1908.
ЯНАО — Ямало-Ненецкий автономный округ.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 5

ГЛАВА I. Утверждение России на территории Северо-Западной Сибири 52
1. Присоединение Нижнего и Среднего Приобья к Русскому государству 52
Предыстория 52
Поход Ермака 69
Основание первых русских поселений в конце XVI — начале XVII в. 75
2. Центры русской колонизации: история северных городов в XVII в. 95
Березов 95
Пелым 109
Сургут 114
Обдорский городок 116
Мангазея 121
Туруханск (Новая Мангазея) 130
Ясачные зимовья Мангазейского уезда 135
Нарым и Кетск 142

ГЛАВА II. Судостроение и судоходство в Западной Сибири в XVII в. 161
1. Типы речных судов, центры судостроения, водные пути 161
Струг 163
Дощаник 166
Каюк 179
2. Коч и русское освоение Северо-Западной Сибири 182

ГЛАВА III. Местное управление и состав колонистов . . . 220
1. Воеводское управление 220
2. Организация таможенной службы 275
3. У истоков русского старожильческого населения. Численность первопоселенцев 290
4. Черты семейного строя и бытовая жизнь переселенцев . . 313

ГЛАВА IV. Русская власть и автохтонное население Северо-Западной Сибири 341
1. Этнический состав и численность коренного населения в XVII в. 341
Самодийцы 341
Обские угры 356
2. Таёжные властители и Московское государство 359
3. Ясачный режим и повинности аборигенного населения . . 384
4. Сопротивление народов Северо-Западной Сибири русской колонизации 416

Заключение 465

Указатель имен 473
Указатель географических названий 492
Список сокращений 501

Вершинин Евгений Владимирович
Русская колонизация
Северо-Западной Сибири
в конце XVI — XVII вв.

Рекомендовано к изданию
Научным советом Демидовского института
и кафедрой Истории России
Уральского федерального университета

Художник обложки Н.А.Журавлева
Корректор Э.А.Калистратова
Верстка и техническое редактирование
Н.Г.Павловского

Подписано в печать 14.08.2018
Формат 70 х 100/16. Бумага офсетная ВХИ
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Уч.-изд. л. 32,33. Усл. печ. л. 45,34
Тираж 1000 экз. Заказ № 621

Демидовский институт
620075, Екатеринбург, ул. Пушкина, 7 Б
Тел./факс: (343) 371-08-36
ngpav@yandex.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в ОАО «ИПП „Уральский рабочий”»
620990, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
Тел.: (343) 221-29-50; 355-30-43

Тая статья Исторiа.

Ермакъ побѣжѣ вверхъ по волгѣ и покамѣ ѣдошедъ сорла городка и тѣ многие запасы устрогановы рѣжье и вожѣи взялъ и бѣжа потѣсовой и ретко ѣ серебреной доволоку и переволохли суды на тагилъ. волокуть в дни хо[дъ] и ниже суды на волоку по Кинуша.

